

Владислав

КРАПИВИН

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ
УПРЯМСТВА

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав

КРАПИВИН

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ
УПРЯМСТВА

Москва

ЭКСМО

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

К 78 **Крапивин В. П.**
Рыжее знамя упрямства: Романы. — М.: Изд-во Эксмо,
2006. — 640 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-14752-7

Нынешняя жизнь сложна не только для взрослых, но и для школьников. В этом в полной мере убеждается семиклассница Женя Мезенцева (роман «Семь фунтов брамсельного ветра»), которой приходится разгадывать тайну гибели своего отца, помогать друзьям в их трудных делах, отстаивать городской ребячий Дворец...

В романе «Рыжее знамя упрямства» у юных и взрослых героев тоже немало проблем. Здесь рассказывается о судьбе отряда «Эспада», с которым читатель мог познакомиться в двух предыдущих романах «Мальчик со шпагой» и «Бронзовый мальчик». Действие разворачивается в наше время, а оно не стало более простым и легким, чем семидесятые и девяностые годы прошлого века. Выстоять, не спустить флаг помогают капитанам и барабанщикам «Эспады» прочная дружба и верность давним традициям, своему знамени, своим парусам.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14752-7

© Крапивин В. П., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ВСТУПЛЕНИЕ.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНСКОМ

1

Шестиклассника Вячеслава Словоцкого в отряде никогда не звали Славой или Славкой. Говорили «Слѳвко». Как бы склеивали имя и фамилию в одно короткое слово. С чего это повелось, он не помнил. С давних пор он был Слово — не только для других, но и внутри, для себя самого. К этому имени он привык так же, как ко всей отрядной жизни. К отрядным обычаям, к отрядной форме, к уверенному ритму отрядных сигналов и к отрядным правилам...

Эти правила, кстати, не позволяли вахте заменять мытье пола поверхностным маханьем шваброй и размазыванием сырой пыли по линолеуму. Однако новички — четвероклассники Глеб и Валерка — этого еще не понимали. Жизнь приучила их, что добросовестно дежурить следует лишь под неусыпным оком классной руководительницы или под угрозой записи в дневнике. В общем, школьное воспитание. Простая истина, что на суше привычка к мелкому разгильдяйству может обернуться бедой во время плавания, была им уже известна, но пока так, теоретически. Горького опыта корабельных ЧП эти люди еще не обрели. И чтобы не пришлось обретать в будущем, Слово добродушно сказал:

— Господа вахтенные, шагом марш ко мне.

Они охотно прошлепали босыми ступнями по мокрому полу. Озорно вытянулись, вскинули швабры «на караул».

— Молодцы... А теперь взяли ведра и тащите чистую теплую воду... Да каждое вдвоем, а то риф-сезни в брюхе развяжутся...

Глеб и Валерка не были лодырями. Бодро приволокли одно за другим два полных ведра.

— Теперь брысь от кингстонов, — велел Слово. Он сдернул кроссовки и носки и пинком опрокинул ведра. Взял швабру.

— Смотрите... Сгоняете грязь в одно место, собираете в ведро, потом окатываете линолеум чистой водой и вытираете тряпкой. Танцуйте веселей, как на горячей железной палубе. Должны уложиться в десять минут. Ясно?

— Ага! — гаркнули они. Оказалось, что занудное мытье пола может стать азартным делом.

Глебка, правда, спросил:

— А если не уложимся, тогда что?

— Страх подумать, что, — пообещал Словко и сел на подоконнике — делать запись в вахтенном журнале за истекшую половину дня. Запись получилась не длинная, поскольку ничего особенного нынче не произошло. То есть произошло, но Словко упомянул об этом одной короткой фразой — из скромности.

Конечно, за десять минут Валерка и Глеб не управились, но страшного не случилось. Они унесли ведра и швабры в кладовку, обулись, вопросительно встали перед командиром вахты.

— Герои, — сказал Словко и прыгнул с подоконника. — Только ликвидируйте свою обормотистость.

Они понятливо подпернули форменные шортики (без ремней еще — новички же), заправили в них оранжевые рубашки с черными гладкими погончиками кандидатов, лихо дернули на левое ухо флотские береты с маленькими якорями. Вопросительно глянули опять.

— Давайте ваши клешни, и брысь по домам, — распорядился Словко. Он обменялся с отдежурившими кандидатами рукопожатием. Те дурашливо сделали поворот кругом и замаршировали через «каминный» зал (главное помещение «Эспады», где на стене был нарисован масляной краской пылающий камин). Но в коридоре — Словко видел это через распахнутые двери — они стали серьезными. Добросовестно отдали салют эмблеме отряда, что висела над выходом. («То-то же», — сказал про себя Словко). Ребята прихватили с вешалки зонтики, бухнула наружная дверь.

Словко обулся и понес журнал в кают-компанию.

Там, погруженный в книги и записи, устроился за обширным письменным столом Даниил Корнеевич Вострецов — старший флагман флотилии. Словко добавил к тетрадям и книгам на столе вахтенный журнал.

— Корнеич, у меня всё...

— Угу, — он не поднял головы.

Словко придал голосу некоторую официальность:

— Господин гросс-адмирал! Вахту сдал. Дозвольте сделать «брысь домой»?

Корнеич, по-прежнему глядя в бумаги, помахал над плечом растопыренными пальцами:

— Брысь домой, капитан Словко.

Словко не обиделся на такое неуставное прощание, без традиционных фраз и рукопожатия. Чего там, свои люди, можно иногда и без церемоний. Тем более что Корнеич между делом уронил на Словкину душу капельку меда: «Капитан Словко...»

Улыбаясь про себя, Словко сдернул с крючка в коридоре и натянул невесомую ветровку, салютнул эмблеме над выходом. Это был массивный, покрытый серебристой краской щит с тремя красными треугольниками-парусами и золотистыми рыбами, взятыми из герба города Преображенска. Словко нажал плечом дверь и оказался на улице.

Курточку надел он вовсе не потому, что опасался, будто прохожие станут пялиться на его шевроны и аксельбанты. Форма была для него привычна, как для птахи перья. Да и глаза могли только случайные люди, а жители здешних кварталов давно уже не обращали внимания на ребят из «Эспады». Просто Словко опасался, что на улице моросит.

Однако не моросило. Правда, пахло недавним дождем, сырм асфальтом и мокрыми увядшими лопухами, но зябкости не ощущалось. Воздух сентябрьского вечера был теплым и даже таким... снисходительно-ласковым. В сумеречных облаках проклевывались кусочки бледного чистого неба. А деревья стояли еще не пожелтые...

Словко не пошел на автобус (чего там толкаться) и двинул к дому напрямую: по Профсоюзной, потом через мостик над заброшенными пристанскими рельсами и по улице Кочегаров, которая пересекала Гаванский переулочек.

Название переулочка не имело отношения к столице Кубы. Дело в том, что переулочек уходил к спуску, ведущему на берег. Когда-то там была гавань буксирных пароходов и катеров. Еще в семидесятых годах по реке сплавлялись плоты и ходили сухогрузы. Но с того времени река Сож изрядно обмелела, пристань и буксиры оказались не нужны, а название переулочка осталось, как память о двадцатом веке.

Словко не пошел к берегу. (Что ему там делать! У него с друзьями другой берег — широченного Орловского озера!) Просто глянул в сторону реки, вдоль переулочка. За рекой пас-

мурные облака приподнялись, и закатное солнце высветило под ними длинную желтую щель.

Щель была как напоминание. О золотой полоске, сложенной углом и пришитой к нижней части Словкиного шеврона.

Это случилось сегодня. Словко и не ожидал. В середине дня заседал обычный совет, по разным текущим вопросам. И Словко там был, потому что, хотя и не капитан, зато командир вахты — он должен был сделать запись о совете в журнал. И когда все вопросы быстренько обсудили, а Корнейч в очередной раз поспорил с Аидой (то есть Аидой Матвеевной) по поводу штурманского класса, вдруг спохватился инструктор Дания Рафалов. Он был не такой пожилой, как Аида и Корнейч, но тоже совсем взрослый, хотя и с ребячьим прозвищем — Кинтель. Кинтель вдруг будто вспомнил:

— Люди, а не пора ли решить вопрос о Словко?

— А чего? — удивился Кирилл Инаков. Кажется, решил, что Словко в чем-то виноват, и собрался заступаться.

— А того, что сколько можно ходить человеку в штурманнах? всю практику оттянул на капитанском уровне...

— Но ведь, если не ошибаюсь, Словутскому нет еще двенадцати и он пока не имеет прав рулевого, — мягко въехала в разговор Аида. Корнейч мельком посмотрел на нее. Наверно, подумал: «Ты хотя и штатный психолог, но в судоводительские дела не лезла бы...»

— О чем разговор! — вмешался опять Кирилл. — Давно пора. А будет двенадцать, сразу же и сдаст на права.

— Да у него и так все зачеты сданы, — сказал Кинтель. — Осталось дотянуть до дня рождения и получить корочки. Верно, Корнейч?

— Я разве против? — откликнулся тот.

Никто не был против. Даже Аида проголосовала «за» (Корнейч опять глянул на нее).

— Поздравляем, — подвел итог Кинтель.

Быстро так все вышло, Словко опомниться не успел. Столько мечтал о таком моменте, и вдруг — раз, и готово!

Обычно это делалось не так. Совет выносил свой вердикт в отсутствие кандидата в капитаны, а потом решение объявляли на общей линейке (и аплодисменты, и марш-поздравление барабанщиков, и зачисление в состав совета). Но раз уж Словко сейчас был здесь, на совете, не выставляя же за дверь. Ну а линейка и барабаны — это можно и потом...

Поощрительно улыбаясь, Аида вынула из ящика стола ка-

питанскую нашивку. Но Словко не захотел такую. Вензель, угольники и якорь были оттиснуты на ней желтой пластиковой краской, а прежняя, штурманская, нашивка Словко блесла с золотыми ткаными полосками.

Ольга Шагалова (командир «Тома Сойера») бесцеремонно сунулась мимо Аиды в ящик и отыскала остаток дефицитной, из золотистых ниток, ленты. У Словко под двумя штурманскими угольниками на шевроне было еще свободное место — сантиметра полтора. Ольга велела ему снять рубашку и принялась тонкими стежками рукодельницы пришивать к черному сукну третий угольник. А остальные хлопали Словко по коричневым костлявым плечам и высказывались в том смысле, что «растут люди», «скоро и во флагманы» и «кой с кого фуршет на палубе фрегата, с шампанским и ананасами». Словко скромно посапывал. А когда надел рубашку, показалось, что левый рукав заметно отяжелел (от невесомой-то полосочки!). Словко незаметно ускользнул в туалет и там от души полюбился в зеркале капитанским знаком отличия.

Правда, шестиугольный вензель над якорем был по-прежнему из узенькой ленты, матросский, поскольку официальных прав капитан Словутский еще не имел (редкое, кстати, явление — без корочек рулевого, а уже капитан!). Но Кинтель сказал верно: корочки — дело недалекого будущего...

Теперь, на улице, Словко смотрел на солнечную щель, заново ощущая радость своего капитанства. Но... долго смотреть — это как бы хвалиться перед собой. Тем более что на взгорке, на фоне солнечного проблеска и подсвеченных облаков, возник силуэт мелкого пацаненка. (Догадается еще, что хвастаюсь перед собой! Господи, а как догадается? Но все равно, пора домой...)

Словко сделал пару торопливых шагов и услышал:

— Эй!..

2

В этом «эй» не было ни дерзости, ни нахальства. Наоборот, нерешительность. Наверно, окликнувший просто не знал, как обратиться к длинноногому мальчишке в берете набекрень. Тому небось уже лет двенадцать, и говорить такому «мальчик» или «пацан» как-то не с руки, если сам выглядишь первоклассником. А именно так и выглядел тот, кто позвал Словко.

Позвал и... попятился, когда Словко сделал к нему несколь-

ко шагов и спросил: «Чего тебе, человек?» «Человек», наверно, звал без особой надежды и ждал, что скорее всего большой мальчишка скажет: «Пошел ты на фиг...»

И вот попятился. И замер.

Словко подошел. Нет, пацаненок был не первоклассник, чуть постарше. Теперь он уже не казался силуэтом. В желтом свете заката искрилась его голова — светлые волосы были короткие и на темени торчали жесткими гребешками. Он был в обвисшем рыжем свитере, из-под которого торчали короткие мятые штаны и ноги в широких резиновых сапожках мутно-апельсинового, как и свитер, цвета. Приоткрытый рот, нос — кукольный валенок, желтые точки в немигающих глазах. А смотрел он... нет, не со страхом. Просто с ожиданием.

— Ну, чего ты хотел? — спросил Словко осторожно, чтобы пацаненок не включил опять задний ход. — Что-то случилось?

— Нет... — выдохнул пацаненок. — То есть да... Помогите мне... пожалуйста.

«Кажется, влипаем в историю», — сказали Словко его чуткие нервы. А сам он сказал небрежным тоном:

— Ну, объясняй.

— Там колесо... — мальчишка быстро глянул через плечо. — Тяжеленное такое. Его надо поднять и укатить. Я один не могу...

«Все-то-то...» — подумал Словко. Мысль о том, чтобы послать наивного мальчика подальше, не появилась даже в виде легкой тени. Тем более что на душе все еще теплым зайчиком копошилась «капитанская радость». «А без нее ты прошел бы мимо?» — сунулся сквозь пространство невидимый, но все видящий, слышащий и понимающий Жек. Словко мысленно показал ему язык. И вздохнул:

— Ну, веди...

И они пошли. По Гаванскому переулку. Хозяин колеса торопился впереди (сапожки обрадованно хлопали его по ногам). Переулочек был древний, с домишками и перекошенными заборами. Через квартал мальчик остановился и выдохнул:

— Вот... Тут...

У забора возвышалась мусорная куча. Видимо, тоже древняя, поскольку поросла (вернее, проросла насквозь) мелкими кленами и репейником. («И крапивой, черт возьми», — отметил одетый в шорты Словко).

— Да где колесо-то?

— С той стороны... — Пацаненок быстро обошел «зарос-

ший курган». Словко — следом. На внутреннем склоне кучи, напротив забора, подмяв сорняки, лежало...

— Ну, ничего себе колесико!

Словко-то думал, что оно будет от грузовика или телеги. Поднатужиться, поднять — и поехали! А это было... даже и не колесо в прямом смысле. Скорее всего — ворот от старинного колодца. Ростом со Словко. Обод — как согнутая в кольцо балка. Вместо спиц — могучие брусья. Они расходились от ступицы (размером с ведро) не лучами, а двойным крестом. Два бруса шли параллельно, а еще два были наложены на них поперек. А концы их врезались в обод с внутренней стороны. От колеса пахло древесной плесенью. И ржавчиной — поскольку к ободу сбоку было прибито плоское железное кольцо, а из ступицы торчала трубчатая ось.

— Где ты раскопал этот экспонат? — сумрачно поинтересовался Словко.

— Он тут и лежал... — прошептал пацаненок.

— Понятно...

Мальчишка сказал все тем же грустным шепотом:

— Я его пробовал поднять. И даже чуть-чуть получилось, но потом оно упало на меня. Еле выбрался...

— Хорошо, что жив остался...

— Ага, — согласился пацаненок и вытер ладони о свитер.

Словко взялся за могучий обод, поднатянулся. Ого!.. И как этот цыпленок ухитрился приподнять такую тяжесть? У Словко «затрепали в брюхе на риф-сезнях все узлы». И тут же появилось понимание: «Я сделал все, что мог». С чистой совестью можно было сказать: «Извини, дорогой мой, это работа для слона. Собирай где-нибудь бригаду, а у меня куча других дел...»

Мальчишка посапывал рядом и смотрел с печальным пониманием. Что-то такое он и ожидал услышать.

Словко выпрямился, потрогал (несколько картинно) поясницу, задрал ветровку и отцепил от пояса мобильник. Та-ак... Кто тут живет ближе всех?

Для начала он вывел на дисплей позывной «Несс». Близнецы откликнулись сразу (Ксения или Игорь, не поймешь — голоса одинаковы).

— Нессоновы, это Словко! Я в Гаванском переулке, на пути к реке. В квартале от Кочегаров. Ребята, «Мэйдей»...

— Ага, — сказал Нессонов (или Нессонова). — Жмем...

Затем Словко вызвал Кирилла Инакова. Сообщил то же самое. Кирилл оказался многословнее Нессоновых, он спросил:

— Сколько их там? — Видимо, вообразил несчастного Словко, окруженного злодеями.

— Да не то! Просто надо выручить одного человека!

Было слышно, как Инаков завопил в пространство: «Ма-а, мне некогда, вызывают по-срочному!...»

Оставалось ждать.

— Это недолго, — снисходительно объяснил Словко пришедшему рядом «цыпленку». Тот смотрел с недоверчивой надеждой. Что-то, видимо, уже понял, но, конечно, не все.

Словко спросил:

— А зачем тебе это колесо?

Мальчишка, видимо, ждал такого вопроса. Ответил со вздохом:

— Я и сам не знаю. Только очень надо, чтобы оно вертелось...

— Ну, понятно, — кивнул Словко. Было вовсе не понятно, где и как должна вертеться эта махина, однако уточнять Словко не стал. Иначе получилось бы, что он выпытывает тайну в обмен на обещанную помощь... Чтобы встретить ребят, он вышел из-за кучи.

Примчались взмыленные Нессоновы. Смуглые, белокурые, в одинаковых спортивных костюмах — не поймешь, где брат, где сестра.

— Вот мы... А где «Мэйдей»?

Словко не успел ответить: вспарывая велосипедом лужи, подлетел Кирилл.

— Что случилось-то? «СОС» по всем морям!

— Пошли... — Словко завел Кирилла и близнецов за «курган». — Вот человек. Вот его колесо. Оно для него совершенно неподъемное. А надо его куда-то откатить. Он скажет куда...

Кирилл запыхтел. Повертел шеей в ворота просторного (как у пацаненка) свитера.

— Мальчик спятил... Я про тебя, Словко! «Мэйдей» сигналятся, когда реальная угроза для жизни людей, а ты... Шуточки...

Словко был готов к таким упрекам. И сказал, что не шуточки.

— Этот человек пытался управиться с колесом один. И будет продолжать, если не помочь. А его один раз уже придавило. По-вашему, не угроза?

Кирилл попытлся еще, но больше не возражал. Судя по всему, пересмотрел свою точку зрения.

— Чего спорить-то? — рассудил Игорь. — Взяли да покатали, поскорее. Мы голодные. А дома пирог с горбушей...

И они «взяли». То есть уцепились за обод. Колесо осознало, что спорить с пятью дружными работниками нет смысла. Оно как бы вздохнуло, посильней запахло плесенью и нехотя встало на ребро. Посыпались крошки и сухие листики.

На колесо налегли — кто уперся в обод, кто в торчащую с двух сторон ось-трубу, кто в спицы-брусья. Выкатили из-за кучи. Действовали слаженно.. Только хозяин колеса тыкался то туда, то сюда, не умея найти себе место.

— Ты... — начал Кирилл и, кажется, чуть не сказал «не путайся под ногами», но вовремя перестроился: — Ты лучше топай впереди с велосипедом и показывай, куда катить... это чуловнее...

— Это недалеко! — Пацаненок ухватил велосипед за руль и обрадованно зашагал в сторону реки (сапожки хлоп-хлоп). И все время оглядывался. Наверно, он еще не совсем поверил в случившееся. В эту чудом явившуюся подмогу! Ни о чем таком он, конечно, в своей жизни не слышал, ничего подобного не видел. (Разве что в фильме про Тимура, но едва ли он смотрел это старинное кино.)

Еще раз оглянувшись, мальчик свернул в проход между заборами. Там тянулась в чаще сорняков тропинка. С заметным подъемом, между прочим. Пришлось подналечь. Кривой дощатый коридор наполнился сопеньем, кряхтеньем и треском сухих стеблей. И поминанием всякой морской нечисти. Но длилось это недолго. Слева в заборе обнаружилась широкая дыра, в которую, по словам проводника, и требовалось протаскать колесо. Протаскивали. Правда, Кирилл сказал, что это «колесо моей несчастной судьбы, у меня сместились позвонки, и я навеки буду инвалидом».

Зато оказалось, что уже пришли.

Здесь было узкое пространство. С одной стороны высокая кирпичная стена (видимо, брандмауэр снесенного дома), с другой тоже стена, только из старых, пахнувших сыростью бревен. Ширина — метра полтора.

— Ну — и? — сказал Кирилл, привыкший все доводить до конца.

— Надо теперь его поднять. Вон туда... — нерешительно объяснил хозяин колеса. Наверно, опасался: не слишком ли многого он требует от великодушных помощников?

Над головой еще светилось небо, но здесь густели сумерки

(и стоял запах остывших лопухов, и лопухи эти лизали ноги влажными шершавыми языками, и было таинственно, как на задворках средневекового замка). В сумерках, однако, можно еще было разглядеть, что по кирпичной стене в метре от земли тянется выступ. На выступе лежал обрезок доски. А в полу-метре от стены торчало из лопухов тонкое бревно метровой высоты. Ясно, что было врыто специально (готовил место малец!).

Теперь надо было приподнять колесо и положить ось одним концом на доску, другим на срез бревна. Поднатужились с двух сторон — все, кроме Ксении, которую Игорь не пустил (не женское дело). Ухнули, закричали, подняли. Положили. Колесо медленно поворачивалось, шелестело ободом в лопухах. Пацаненок повис на ободке, потянул вниз. Колесо нехотя завертелось.

— Ось при вращении быстро съедет с подпорок, — сказал Кирилл. — И раздавит человека.

— Не съедет! Я с двух сторон во-от такие гвозди вколочу, — быстро объяснил мальчишка и развел перед собой ладошки. Он словно боялся, что ему не поверят и снимут колесо.

— Вколотить надо сразу, — решил деловитый Кирилл. — Один не справишься.

— Да! Хорошо! Я сейчас!.. — Мальчишка нырнул в репейную чащу и тут же вернулся с пучком гвоздей-костылей и могучим молотком.

Кирилл pokrutil головой. Углядел, несмотря на сумрак, в бревенчатой стене широкую щель. Взялся за велосипед, который вслед за колесом втащил сюда «проводник». Приподнял, всунул в щель рукоятку руля. Старенькая складная «Кама» оказалась поставленной на дыбы. Кирилл шелкнул динамкой, повернул фонарик, завертел переднее колесо. Широкий световой конус рассек сумерки, разом преобразил все вокруг.

— Ребята, повертите. А мы с... «человеком» вобьем штыри... Ты держи, а я буду бить.

Вертеть взялась Ксения. Радостно вздыхающий хозяин колеса-великана встал у бревна с гвоздями в ладонях, Кирилл поставил один гвоздь у оси, нацелился молотком. И... не ударил.

— Не, ребята, что-то здесь не так. Если оно и будет вращаться, то с великим скрипом...

— Ну и ладно. Пускай хоть как... — умоляющим шепотом попросил мальчик.

— Хоть как — это не дело. А всякое дело надо делать уме-

ло... Народ, вот что. Подождите десять минут, я кое-что привезу. — Кирилл ухватил велосипед и без дальнейших слов оставил друзей в сумраке и неизвестности.

— А куда он?.. — опасливо спросил мальчик.

— Через десять минут узнаем. Кирилл ничего не делает зря, — утешил Словко хозяина колеса.

Помолчали (а колесо поскрипывало, качаясь). Игорь спросил у мальчика:

— А зачем тебе это сооружение?

— Чтобы вертелось. Он ведь уже объяснял, — ответил за притихшего пацаненка Словко.

— Это он тебе объяснял, а мы-то не слышали, — сказала Ксения. — Зачем — чтобы оно вертелось?

— Ну, я и сам не понимаю, — на полувздохе выговорил мальчик. — Не знаю, как объяснить... А зачем Земля вертится?

— Вот это был ответ! Ни Словко, ни близнецы не нашлись, что сказать на такие слова. А мальчик умно подышал рядышком и вдруг признался:

— Я буду приходить сюда и раскручивать его...

— И тогда... что? — негромко спросил Игорь.

Было заметно, что мальчик пожал плечами:

— Тогда... не знаю. Будет лучше...

— Лучше жить? — осторожно уточнила Ксения.

— Ну... да...

— А ты не боишься, что эту штуку кто-нибудь тут найдет и разломает? — вдруг обеспокоился Словко. — Всякие бывают люди...

— Про это место никто не знает, — охотно отозвался хозяин колеса. — И это же... почти наш двор. Вот в этом доме мы живем... — Он дотянулся, хлопнул по бревенчатой стене. — Это задняя сторона. А с других сторон окна...

— И... много вас, жильцов, в этом доме? — как бы между делом спросила Ксения. Словко почуял: *этот* разговор уже неспроста.

— Я и мама...

— Двое на целый дом? — старательно удивилась Ксения.

— Ой, нет... еще бабушка. Только она старенькая.

— Бабушке и полагается быть старенькой, — рассудила Ксения. — Что здесь такого?

— Ну... да. Только бывают бабушки, которые нячатся с внуками по-всякому, еду готовят, уроки проверяют, а нашей уже не до того. Потому что она даже не бабушка, а прабабуш-

ка. Бабушка отца. Он, когда развелся и уехал куда-то, оставил ее нам... Она хорошая, только часто забывает про все...

Такую длинную речь мальчишка произнес впервые. Видимо, решил, что не стоит скрывать семейные дела от тех, кто так по-хорошему пришел к нему на помощь. И ясно было, что жизнь у него непростая...

Опять помолчали. Словко глянул на светящийся дисплей мобильного. Была половина девятого. Мобильник будто ждал этого взгляда — испустил длинную трель, сигнал «Подъем флага». Звонила мама. Хотела знать, «где это морские ветры носят моего ненаглядного капитана»? Смотрите-ка, откуда-то уже узнала про его капитанство! Небось Корнеич звякнул, порадовал ветераншу «Эспады».

— Мама, здесь не ветры! Неожиданная работа! Мы укрепляем на оси скрипучее колесо судьбы!

Мама сказала, что его, Словкина, судьба станет безрадостной, если он будет где-то болтаться до полуночи.

Словко поклялся вернуться раньше.

Приехал Кирилл.

3

К багажнику «Камы» было что-то приторочено: то ли большие гантели, то ли маленькая штанга. Оказалось — два больших кольцевых подшипника на трубчатой, как у колеса, оси.

— Это когда-то в прошлом веке отец и его брат, мой дядюшка Сеня, делали специальную тележку. Чтобы гонять со свистом по Комаровскому спуску. Была в их времена такая забава...

Он опять засунул в щель велосипедный руль и наладил освещение (сказал голосом Остапа Бендера: «Вертите, Ксения, вертите», за что был назван бессовестным эксплуататором). При ожившем фонарике все увидели, что привез Кирилл «самое что надо». Подшипники были не ржавые, вертелись прекрасно. На оси они сидели плотно, однако при усилии можно было снять. И ось оказалась в точности того же диаметра, что у колеса (случаются порой счастливые совпадения!).

— Только получится ли вытащить старую ось? — усомнился Словко. Хозяин колеса радостно уверил всех, что, «конечно же, получится!». Когда колесо сняли, он молотком собственноручно выколотил трубу из ступицы. А Кирилл в широком

свете фонарика («Вертите, Ксения, вертите») вбил новую ось и насадил на ее концы подшипники. Металл грохал, вызывая опасение: не появится ли кто-нибудь любопытный и посторонний. Никто не появился. В наступившей тишине колесо опять приподняли и подшипники утвердили на доске и на торце бревна. Хотя какое там утвердили! Крутнешь — и железные кольца с шариками поедут со своих мест. Чтобы такого не случилось, Кирилл с двух краев каждого подшипника старательно вколотил граненые гвозди-костыли: заключил стальные кольца в зажимы.

— Ну вот, — подвел он итог со скромной гордостью знающего себе цену мастера. — Можно запускать...

— Ура... — прошептал маленький хозяин колеса. Опять вцепился в обод, потянул вниз. Колесо повернулось легко, плавно завертелось. Кирилл и Словко помогли мальчику раскрутить его быстрее. Еще быстрее... Деревянная махина зашуршала в пространстве, зашелестела в лопухах нижним краем. Спицы-брусья размазались в воздухе. И все это — в луче фонарика, поскольку Ксения продолжала «работать турбиной» (кажется, ей это понравилось).

Колесо чуть заметно вздрагивало.

— Кажется, эксцентрик... — озабоченно проговорил Кирилл.

— Что? — встревожился мальчик.

— Сбой во вращении. Чуть-чуть...

— Ну и пусть! Это... наверно, так и надо. От этого... дополнительная сила...

Никто не понял, что за сила от неравномерности вращения. Поняли только: мальчик не хочет, чтобы здесь что-то меняли и регулировали. Ладно, его дело...

— Ну вот... — сказал Кирилл мальчишке снова. — Теперь приходи и верти сколько хочешь. Когда будет настроение...

Тот помолчал и отозвался тихонько:

— Да... А вы тоже приходите и вертите... если захочется. Только не рассказывайте другим...

— Никогда в жизни, — очень серьезно пообещал Словко. — Всё между нами...

Мальчик переводил глаза с одного на другого. Может быть, ему жаль было расставаться? Или он хотел что-то спросить, но не решался?

Словко посмотрел на Кирилла, на Игоря, на Ксению. И они поняли, с какой мыслью он посмотрел. Ксения на пару секунд

оторвалась от велосипедного колеса и первая подняла на уровень груди ладони, быстро сцепила пальцы. И тогда Игорь сделал так же, и Кирилл. И Словоко... Этот жест — непонятный для посторонних (и мало заметный) — означал для тех, кто в «Эспаде», многое: «Наш человек...»

«Наш человек в Гаване», — мелькнуло у Словоко в памяти название какой-то книжки (которую он вроде бы даже и не читал). — «Наш человек в Гаванском...»

Да, безусловно, он был «наш», этот пацаненок, раскрутивший тяжелое колесо по той же причине, по которой вертится Земля. И Словоко знал, как теперь лучше всего поступить. Он, вроде бы случайно, шагнул в середину луча и стянул ветровку — ну, будто искал что-то во внутренних карманах. Выпрямился. И как бы увидел себя со стороны, глазами мальчишки. Полыхнула оранжевым огнем рубашка, засверкали золотые якорьки и шевроны, серебристым сиянием засветился капроновый плетеный аксельбант, заискрились латунные пуговицы...

Прошло несколько секунд. И наконец хозяин колеса сделал прерывистый вдох и сбивчиво спросил:

— Вы... кто?

— Мы — парусная флотилия. Иначе говоря, отряд «Эспада», — сообщил сверкающий Словоко.

Мальчик помолчал. И сказал задумчиво:

— Хорошо вам...

— Почему хорошо? — спросил Игорь.

— Потому что парусная... и вообще...

В это «вообще» он, видимо, включил многое — то, что чувствовал в незнакомых ребятах, но о чем не умел или стеснялся сказать.

И тогда Ксения (которая продолжала работать турбиной) задала наконец главный вопрос:

— Хочешь к нам?

Мальчик отозвался сразу, уверенно и спокойно, словно перед этим долго обдумывал ответ:

— Да. Я очень хочу.

Дальше все пошло по заведенному обычаю. Один за другим назвали себя:

— Я — Игорь...

— Я — Словоко. Имей в виду: не Славка, а Словоко... — («Ага, я буду иметь в виду», — понятиливо отозвался мальчик).

— Я — Кирилл...

— Я — Ксения... — сообщила от фонарика вертящая динамку девочка. — А ты кто?

И тогда он сморщился, будто тронул языком больной зуб:

— Ох... у меня такое дурацкое имя...

— Дурацких имен не бывает, — строго возразил Словоко, натягивая курточку.

— Бывает. Оно такое... несовременное. Отцу пришлось в голову, чтобы я назывался Прохор. В честь какого-то его друга... Сам придумал, а сам потом... — Ну, чуть ли не слезинка дрогнула в горле мальчишки.

— Да ты что? Хорошее имя, — увесисто сказал Кирилл.

— Ага, «хорошее». Только и слышишь везде... и в школе, и на улице, и в лагере... «Прошка — окрошка, гнилая поварешка»... Или еще хуже.

— Это хоть с кем бывает. Про меня вот пели: «Кирилл — деда с бабкой уморил»...

Мальчик Прохор со слабой улыбкой глянул на рослого уверенного Кирилла. Мол, про тебя скажи такое...

— Но если имя не нравится, можно придумать новое, — сказала Ксения и сильнее крутнула динамку. — У нас это просто...

Прохор смотрел недоверчиво и... с ожиданием. Будто надеялся, что новое имя ему тут же поднесут, как на блюдечке.

— Хочешь быть Рыжиком? — вдруг спросила Ксения.

Он заморгал. Не ожидал такого.

— Но ведь... я же... — он тронул свой искрящийся светлый ежик.

— Ну да, волосы не рыжие, — покивала Ксения. — Зато свитер совсем рыжий. И сапоги... А то, что прическа русая, ну так что? Так даже интереснее.

— И вообще имя Рыжик славное такое, — поддержал Словоко Ксению. Он чуть не выразился «ласковое», но побоялся смутить Прохора. — И даже книжка есть с таким названием...

— Да, я читал, — вдруг кивнул Прохор. — Про старинного мальчика...

«Надо же, еще и читатель!» — изумился про себя Словоко.

Вот видишь! Не отказывайся, — вступил в разговор Игорь.

Кажется, всем хотелось, чтобы новичка звали именно Рыжиком. Потому что и Кирилл сказал:

— Когда говорят «Рыжик», сразу видно, что это хороший человек. Соглашайся...

И Прохор заулыбался:

— Ладно, я... соглашаюсь. Пусть буду Рыжик.

А тяжелое колесо все вертелось, послушное закону инерции...

Он пошел проводить новых друзей. Хлопая сапожками, шагал с ребятами до улицы Кочегаров. После сумрачного убежища оказалось, что на улице еще не совсем темно (дни пока были длиннее ночи — до осеннего равноденствия оставалась целая неделя). По дороге Рыжику (теперь уже — «Рыжику» навсегда) объяснили, куда и к какому часу завтра, в воскресенье, прийти в отряд.

— Улицу Профсоюзную знаешь? Это недалеко, за мостиком. Зеленый трехэтажный дом, номер девять. Над дверью вывеска...

На перекрестке каждый пожал Рыжику руку. (И, наверно, это были первые в его жизни рукопожатия; кажется, он даже не сразу поверил, что они всерьез. Но поверил.) Когда Рыжик уходил, он часто оглядывался и один раз нерешительно помахал рукой. Все разом помахали ему в ответ.

— Свой человек в Гаванском... — проговорил Словко теперь уже вслух. У него не спросили объяснений. То ли тоже слышали про такую книжку, то ли все было ясно и так.

— Спорить могу, человек пошел не домой, а снова раскручивать колесо, — сказала Ксения.

— Ну так что же... — откликнулся Игорь

— Все же непонятно, зачем ему этот агрегат, — заметил Кирилл. — Ясно, что *очень* «зачем-то», а вот знать бы...

Ксения сказала:

— Он объяснял, когда ты ездил. «Чтобы вертелось».

— Тогда ясно... — не стал спорить покладистый Кирилл.

— Может быть, у него философия такая, — поделился догадкой Словко. — Вроде как у буддистов. Говорят, у них в храмах есть специальные вертящиеся барабаны. Покрутишь такой барабан, и вроде как помолился, жить легче...

— Понятно, — опять согласился Кирилл и забеспокоился о другом: — Аида, наверно, упрется рогами: как это новичок без вступительного взноса? А где он возьмет взнос? Прабабушкину пенсию, что ли?

— Скажем Корнеичу, он ее прижмет, — решил Словко. — Аиду, то есть...

— Как Аида с Феликсом сумели протащить на сборе эту бредятину насчет взносов? — вдруг досадливо взвинулся Игорь. — Ни один из барабанщиков за это не голосовал, а большинство все равно...

— Охмурили ребят, — согласился Кирилл с командиром барабанщиков Нессоновым.

— Охмурять они умеют... — буркнул Словко.

— Ну, давайте ваши лапы, я поехал, — сказал Кирилл. Попрощался и укатил.

— Словко, пошли к нам, — позвала Ксения. — У нас пирог с горбушей.

— Пирог — это хорошо. Но мне уже пиликали из дома...

Тогда с ним распрощались и близнецы. Словко смотрел им вслед. Хорошие люди. Словкины ровесники. Даже чуть постарше, хотя и поменьше ростом. Характером слегка (а может, и не слегка) похожие на Жека. Не капитаны еще и не командиры судов, потому что опыта у них не в пример меньше Словкиного, зато матросы его экипажа. И барабанщики. А он, Словко, из барабанщиков уже «брысь». Кто виноват, что вдруг сделался выше Нессоновых чуть не на голову! Сказали на сборе «пора, брат, пора». Оставили в утешение аксельбант и нашивку барабанщика-ветерана, перевели в ассистенты знаменной группы, а барабан он передал на линейке маленькому Сережке Гольденбауму. Чуть слезу не пустил тогда...

Словко зашагал по улице Кочегаров, поглядывая на небо. Над головой оно было уже темно-синее, дрожали первые звезды. Одна — желтая и лучистая — напомнила крохотный фонарик в руке бронзового мальчика. Эта старинная статуэтка служила в «Эспаде» переходящим призом ежегодных парусных гонок. Получал ее рулевой яхты-чемпиона. Правда, ему домой давали мальчика с фонариком лишь на неделю. Потом он стоял на почетном месте в кают-компании, под большим снимком победившего экипажа.

Словко ни разу еще не был победителем — ни тогда, когда ходил матросом, ни в должности рулевого. Вторые места бывали, да. Ну, может быть, еще повезет и с первым...

Желтая звезда вздрагивала, и Словко вдруг показалось, что ритм ее дрожания тот же, что у колеса Рыжика, когда оно вертелось с чуть заметной неравномерностью. Но это была не отчетливая мысль, а просто ощущение. Вернее, одно из ощущений в конце длинного хорошего дня...

Первая часть

ТАЛИСМАН

ПЛАМЯ НА МЫСУ

1

В первую пятницу июля «Эспада» прощалась со своей самой заслуженной яхтой. С «Томом Сойером». А что было делать?.. Во время недавнего шторма «Томика» с оборванным рулем и развороченным швертовым колодцем бросило на камни у Каменного острова («острова Шаман», как говорили в отряде). Скальные обломки пробили обшивку в нескольких местах, и видно стало, что фанера гнилая, разбухшая, разлезаясь слоями. И не заменишь такую, потому что в рыхлых стрингерах и шпангоутах шурупы держаться не станут...

Моторка притащила «Томика» на базу. И собрание капитанов и рулевых решило: отходил свое бедняга. Жаль, а куда деваться? Для яхточки, скроенной из обычной фанеры, двенадцать лет — старческий возраст. «Томика» и так пережил многих своих собратьев, построенных позже, а сожженных раньше.

«Том Сойер» был первым среди «эспадовских» яхт класса «Марк Твен». Этот проект разработал Даниил Корнеевич Вострецов. От «великой ностальгии», как он сам говорил. Однажды Корнейч (в ту пору молодой еще) загремел в госпиталь ветеранов из-за своей ампутированной ноги, а вернее, из-за протеза. Сам протез, естественно, не болел (ему-то что!), но он, тяжелый и неуклюжий, натирал и уродовал культю, вызывая всякие воспаления. Корнейча «засадил» в хирургическое отделение, и там он отчаянно заскучал — по жене, по маленькому Ромке и по своему отряду, который в то время вернул себе прежнее гордое имя «Эспада». Чтобы не маяться целыми днями «в тоске и тревоге», Корнейч потребовал себе листы миллиметровки. Тем более что все равно необходимо было думать о новых судах. Отрядная шхуна «Тремолينو» давно обветшала, шлюпка тоже текла и разваливалась.

«Не боги горшки обжигают», — сказал окружающим и себе музейный сотрудник и журналист Вострецов.

Раньше он горшков не обжигал. То есть не было у него никакого корабельно-конструкторского опыта. Правда, строил когда-то с ребятами крохотное фанерное суденышко «Тремолино», однако чертежи готовил не он, а прежний командир «Эспады» Саца Медведев. Была у Корнейча только интуиция парусника, знающего, что нужно яхте для быстрого и безопасного хождения. Он обложился книжками с проектами любительских судов и начал «в муках порождать» собственную конструкцию маленького бермудского шлюпа. Такого, чтобы и устойчивый был, и бегал резво, и воды не набирал, если, не дай бог, перевернется. И чтобы строить его было не сложно, потому что работать-то придется ребятам от восьми до четырнадцати годков...

Они хорошо поработали, «эспадовские» матросы и капитаны той поры. «Том Сойер» оказался той яхточкой, о которой мечталось. Он брал на борт экипаж из четырех ребят, обгонял «Кадеты» фабричной постройки из юношеской секции «Металлист» и не переворачивался при самом свежем ветре (если, конечно, не разевать рот). Ну а перевернется, так что? Водонепроницаемые отсеки держат корпус на плаву. Не ударяйся в панику, прыгай на шверт, тяни борт на себя — и вот уже шестиметровая мачта с мокрым парусом снова торчит вертикально...

«Том Сойер» положил начало серии «марктвеновских» швертботов. Через год, после большого строительного бума, спущены были на воду «Гек Финн», «Джим», «Бекки Тэтчер», «Джо Гарпер»... Кто-то предлагал даже название «Индеец Джо», но большинство его отвергло — уж больно неприятная личность. Зато появилась «Тетя Полли», хотя название это было принято не без полемики. Затем еще — «Миссисипи», «Сент-Питерсборо», а за ними «Том Кенти» (из «Принца и нищего»).

Потом названия менялись на другие, уже не «марктвеновские». Обветшавшие яхты уходили на слом, вместо них строились другие, а давать старые имена новым судам в «Эспаде» было не принято.

Возникли «Барабанщик» и «Тимур», «Гаврош» и «Буратино», «Динка» и «Оливер Твист»... А вот для «Гарри Поттера» места не нашлось. Никто не спорил — книжка интересная, только... ну, вот почему-то не вставало это имя в дружный корабельный ряд...

Кроме «марктвенов» пять лет назад построили два более

крупных судна. Похожих на легендарную шхуну «Тремолино». Только передняя мачта у них была больше задней, а борта повыше и корпус пошире. То есть это были вместительные и надежные бермудские кечи — очень удобные для дальних походов...

Одно время начали возникать сложности с правами командиров. Площадь парусности на яхтах «Эспады» значительно превосходила ту, что была у детских «Оптимистов» и «Кадетов». Там-то для вождения хватало удостоверений «юного рулевого», а эти непонятные «марктверны»... Однако начальство морской школы РОСТО, где теперь базировалась «Эспада», смотрело на «оранжевых магелланов» с явной симпатией («Это наша смена!»), а излишне придирчивым водным инспекторам всегда можно было сказать: «Дети проходят курс обучения, видите, их сопровождает моторка с инструктором...» Год назад начальником школы стал Дмитрий Олегович Соломин — давний выпускник «Эспады», а ныне — каперанг Российского флота. Он провел немало лет на подводных лодках и теперь был отправлен в Преображенск, на берега Орловского озера, «дослуживать до пенсии» (так, по крайней мере, звучала официальная версия).

Начальник этот (бывший Димка Соломин и давний друг Корнеича), исходя из мореходного опыта «Эспады» и здравой флотской логики, рассуждал так. Двенадцать лет, мол, это все равно что тринадцать («По себе помню»), а тринадцать — это, значит, четырнадцатый год; «четырнадцатый» же — почти то же самое, что «четырнадцать». И подписывал испытанным двенадцатилетним командирам «Гаврошей» и «Хоббитов» удостоверение с нужным размером парусности.

Таким образом Словко в конце октября прошлого года сменил узкий матросский вензель на полноправный капитанский...

Сегодня каперанг Соломин был здесь же, вместе с «Эспадой».

С «Томика» была снята мачта и все металлические вещи — пригодятся для новых яхт. Мало того, на скулах были вырублены куски обшивки с названием. Один — для отрядного музея, другой... Его попросила хорошая знакомая инструктора Кинтеля, Маринка. Потому что в начале девяностых она — Маринка Орехова (отрядный «лекарь, пекарь и аптекарь») — была ру-

левым «Тома Сойера». Правда, не первым рулевым. Первым был Юрик Завалишин, а потом — Кинтель (то есть Дания Рафалов). Но Завалишин скоро уехал в Саратов, а Кинтеля в очередной раз дед-медик устроил в больницу — подлечить немалые травмы, которые тот заработал, когда защищал от разгрома двухэтажный особняк, будущий штаб «Эспады» (правда, не защитил, дом сгорел, но это уже отдельная история). Тогда-то Маринка и «перехватила румпель».

На базу Маринка сегодня не поехала. Во-первых, работа, а во-вторых... «Я там разревусь, как белуга...»

А сейчас ревела Ольга Шагалова, нынешний командир «Тома Сойера». Ну, то есть не ревела, конечно, а хлюпала носом. Никто ее не осуждал. Даже не стали включать ее в список рулевых для жеребьевки (кому выпадет печальная задача — поджечь «Томика»). Выпало Шурику Завьялову, командиру «Хоббита» — всегда серьезному, даже насупленному человеку. Шурик насупился еще больше, будто его обидели, но спорить, конечно, не стал.

Собрались на плоском мысу, у которого всегда швартовались яхты «Эспады». Мыс вдавался в озеро на полсотни метров и был похож на притопленный авианосец. По двум сторонам его тянулись причалы, а на середине стояла железная мачта, на ней трепетал под гафелем оранжевый флаг флотилии. А на дальнем конце была костровая площадка. Там и поставили «Томика» — на двух бетонных балках, как на кильблоках. Его обшарпанный белый корпус теперь казался чисто-белым, просто снежным. Только большие пробоины на скулах чернели мертво, будто пустые глазницы. В кокпит набросали хвороста и сухого тростника, полили эту начинку и палубу бензином. У кормы тоже положили сухое топливо. От него нахмуренный Кинтель протянул на десяток метров бензиновую дорожку.

День был яркий, полный синевы, но прохладный — с норда тянул ровный зябкий ветерок, морщил воду, нагибал траву, холодил ноги. Встали в две шеренги, по обе стороны корпуса, а семь барабанщиков — поперек, будто перекладина у буквы П, спиной к окончанию мыса. Ольга опять захлопала носом. И утирала глаза плюшевым котенком Питером — это был талисман «Томика». Два ее матроса — конопатый Вовчик Некрасов и длинный лохматый (без берета почему-то) Костя Ковтун — смотрели хмуро и сосредоточенно. Третий матрос, Рыжик, отсутствовал (что было дополнительным печальным

обстоятельством). Корнеич, Кинтель и каперанг Соломин подошли ближе к корпусу, внутрь «буквы П». Аиды и ее супруга Феликса Борисыча, официального руководителя «Эспады», не было. «Ну и правильно. Морское дело — не их дело», — подумал Слово.

— Ладно, ребята, — скованно сказал Корнеич. — Долгие проводы — лишние слезы, длинные речи ни к чему. Все мы знаем, чем для нас был наш «Томик». Будем его помнить... Шурик, давай...

В руке Шурика Завьялова уже был факел — намотанная на сук и пропитанная соляжкой тряпка. Она горела дымным пламенем. Шурик, сутулясь, подошел к началу запальной дорожки, ткнул в нее факелом. Огонь сразу вздыбился желтым гребнем, побежал к яхте. Шурик бросил факел ему вслед и, не оглядываясь, пошел на свое место в строю.

Пламя взметнулось у кормы спиральным вихрем, замерло на миг и бросилось на палубу, на борта. За несколько секунд охватило весь корпус. Слово краем глаза увидел, как на мачте поехал вниз и замер на половине высоты флаг. И в этот миг ударили барабаны.

Вскинулись в салюте исцарапанные загорелые руки. Каперанг Соломин взял под козырек.

Барабанщики играли «Марш-атаку», но в каждой сигнальной фразе пропускали по два такта, от этого ритм делался редким, печальным. Получался «Марш-прощание». А в промежутках между размеренными «р-рах...», «р-рах...» сыпалась в тишину негромкая дробь ведущего барабанщика. Если не вникать, не знать что к чему, то она, эта дробь, казалась беспорядочной, сбивчивой, лишенной ритма. Но люди «Эспады» понимали, что Сережка Гольденбаум выговаривает своими палочками какие-то слова. Какие? Это всегда было тайной ведущих барабанщиков. В такие вот важные минуты они сочиняли «внутри себя» какую-нибудь речь и переводили ее на язык барабана. Вплетали в промежутки маршевых ударов. Лучше всего это получалось у Рыжика, но... Впрочем, и у Сережки получалось неплохо.

Что выстукивали Сережкины палочки по тугой коже высокого барабана? Может быть, вот это?

«...Ты долго ходил под нашим флагом... Некоторых из нас еще не было на свете, а ты уже бегал по этому озеру. Ты многих научил любить ветер и паруса... Ты был нашим другом... Теперь ты в огненном вихре улетаешь туда, где вечное море.

Вечные паруса. Вечные ласковые облака и плавные волны... Прощай. Доброго тебе ветра. Мы не забудем тебя...»

Мог ли десятилетний Сережка придумать такие фразы? Ну а почему бы и нет? Он был начитанный человек, любил стихи, как и Слово... Но скорее всего именно у Слово появлялись в голове такие слова.

А еще появились строчки:

Стартуешь на каменной полосе,
И нынче твой парус — пламя.
Навеки ты памятен будешь всем.
Всей «Эспаде». И маме...

Потому что Словокина мама была ветераном «Эспады». В восьмидесятых годах она ходила на шхуне «Тремолино», а потом, когда по старой памяти навещала отряд, любила пройтись на «Томике». «Я люблю его, как настоящая Бекки Тэтчер любила настоящего Тома, — иногда признавалась мама. Но потом добавляла: — Хотя «Тремолино» я любила все-таки крепче...»

Наверно, никогда никому не прочитает Слово это сочиненное сейчас четверостишие. Оно из тех, которые «только для меня». Записываются в тайную тетрадку, а то и просто остаются в памяти... Такие строчки — неумелые, корявые, но от них щиплет в глазах.

...Впрочем, сейчас щипало в глазах прежде всего от дыма. Дувший с озера трехбалльный норд пролетал сквозь шеренгу, что стояла к ветру спиной, вскидывал дым над огненной круговертью и бросал его на шеренгу, в которой был Слово. Многие моргали, терли веки и скулы.

Барабаны замолчали. Строй постепенно ломался. Превращался в кольцо, которое замыкало в себя горящую яхту. Широкое кольцо — такое, чтобы пламя не дышало жаром в лица. Впрочем, огонь становился все ниже, ниже, а кольцо — теснее. Подошли большие ребята из секции многоборцев, которые неподалеку оснащали свои шлюпки, подошел дежурный моторист Федя... Кое у кого появились в руках длинные прутья с насаженными на них кусками черного хлеба. Хлебные «паштыки» совали в пламя, ждали, когда поджарятся (вернее, обуглятся), и жевали, размазывая по щекам сажу. Такие вот были корабельные поминки. Этот обычай сложился давно: ведь с яхтами прощались не один раз. Но нынче сожгли самую заслуженную, самую любимую.

Корпус «Тома Сойера» уже становился грудой тлеющих деревянных огрызков. И настроение менялось. Мысли теперь обращались к повседневным заботам, к предстоящим парусным гонкам, к необходимости заново проверять оснастку. Первые две недели парусной практики были с капризными ветрами, потрепало немало...

Каперанг Соломин расстегнул синюю куртку с черными погонами, снял мятую белую фуражку, блеснула легкая проседь. Он потер лоб, глянул на Корнеича.

— Даня, отойдем давай, надо поговорить. Есть у меня тут некоторые сомнения.

Корнеич сразу учуял тревогу.

— Пошли в рубку, Дима...

Он повернулся, сделал шаг, остановился. Охнул:

— Господи, Рыжик...

2

Рыжик шагал от железных, украшенных приваренными к столбам якорями, ворот базы. Он был не в форме, а такой же, каким Словко увидел его впервые, в сентябре. Тот же длинный рыжий свитер и мятые парусиновые штаны. Только на ногах не сапожки, а разбитые кроссовки. Ноги — это сразу видно — в густых комариных укусах, а в ершистых волосах мелкий травяной мусор.

Сперва Рыжик шел, чуть прихрамывая, потом побежал и уткнулся лицом в штурманскую куртку Корнеича. Всклипнул.

Корнеич отступил к лежащему у воды бетонному блоку, потянул Рыжика за собой. Сел. Взял Рыжика за локти.

— Сбежал?

Тот всклипнул снова и кивнул. Его и Корнеича обступали ребята. Молча.

Умнее всех поступил командир барабанщиков Игорь Несонов. Он сказал своей команде:

— Рыжик вернулся. Принесите его барабан.

Рыжик глянул на него, на Корнеича. Ладонью мазнул по щекам, шепотом спросил:

— Значит, меня еще не исключили?

— Рыжик, ты спятил? — осторожно сказал Корнеич.

— Но ты же сам тогда сказал... маме...

— Боже мой, но это же я ей сказал! Чтобы хоть чем-то убедить...

Мама Рыжика не поддавалась убеждениям. Даже когда Корнеич сообщил ей, что всех, кто не прошел программу летней практики, отчисляют из флотилии.

— Как это отчисляют! — вознегодовала мама. — Мне решил Феликс Борисович! И Аида Матвеевна. Они...

— Феликс Борисович отвечает за административные и финансовые дела, — перебил ее Корнеич. — А его супруга — за программу по психологии. За все, что связано с парусными делами, отвечаем я и Даниил Валерьевич Рафалов, — Корнеич посмотрел на Кинтеля.

Разговор шел в штабе флотилии на Профсоюзной. Здесь, кроме Корнеича, Кинтеля, Рыжика и его мамы, было несколько ребят (в том числе и Словко). И Аида была. Она в разговор не вмешивалась — сказала уже свое слово.

— В конце концов, разве я не имею права на личную жизнь? — с накалом возгласила мама Рыжика. — В кои-то веки...

Три месяца назад она вышла замуж за сотрудника компьютерной фирмы «Кольцо Нибелунгов». Казалось, что нормальный мужик. Как-то зашел в отряд, обещал даже помочь с цветным принтером. Но теперь случилось так, что у него и у жены в июле отпуск, путевка в сочинский пансионат, куда якобы нельзя с детьми. И решили молодожены, что пускай «дети» проведут три недели в лагере «Солнечная Радость». А эти три недели в «Эспаде» — самое важное время! Стажировка новых рудевых, зачеты, гонки на первенство флотилии, потом выезд в свой летний лагерь, где собираются отряды из нескольких городов!

И все это теперь — без Рыжика!

Каждый понимал, какое горе застряло твердым колючим коком у него в груди.

Все, кроме мамы:

— С кем я его здесь оставлю? С бабкой? Ей самой нужна нянька, пришлось нанимать женщину-соседку. Но возиться еще и с ребенком она не станет!

«Ребенок» стоял тут же, с закушенной губой. Главная задача его была — не разреветься. Он уже делал это дома и теперь знал: нет смысла.

— Роза Станиславовна, он может пожить у любого из ребят, — сказал Корнеич.

— А я! — чуть ли не с подвыванием возгласила та. — Я-то

как буду *жить там*? Постоянно на нервах? В страхе? А в «Солнечной Радости» он будет *под пристмотром*!

— А здесь, что ли, не будет? — не выдержал Словоко. — У нас в тыщу раз безопаснее!

— Да, я вижу! — метнула Роза Станиславовна блестящий гневными слезинками взгляд. — Два раза опрокидывался на яхте!

— И ничего, живой, — вставил Кинтель.

— Я хочу, чтобы он *таким* и оставался. По крайней мере, пока мы с мужем в отъезде, — без всякой логики заявила мама Рыжика. — Прохор, идем! — И схватила сына за руку.

Рыжик вырвал руку, шагнул к Словоко (тот стоял ближе всех), попросил шепотом:

— Колесо иногда подкручивайте, ладно? — И, съев плечи, быстро пошел к двери. Мама — следом, застучала каблучками. У Словоко аж колючки заскреблись в гортани.

Корнейч повернулся к Аиде. Та — грузная и с растрепанной, как всегда, прической — молча возвышалась на фоне плаката с барком «Крузенштерн».

— Ну? Можете быть с Феликсом довольны, сделали свое черное дело, — выговорил Корнейч и скривился так же, как в минуты, когда болела под протезом нога.

— А разве не надо входить в положение людей, у которых только налаживается семейная жизнь? — голосом завуча-методиста произнесла Аида Матвеевна.

— Людей! Рыжик, значит, не «люди»? Входить в *его* положение не надо?! — чуть ли не взревел Корнейч. — У него первая в жизни настоящая практика, соревнования, зачеты! Вы его своей дурацкой уступкой мамаше разом лишили этого всего, отодвинули по программе на год! В конце концов, какое право вы имели давать свое идиотское разрешение?!

— А на каком основании мы могли его не дать? Когда такие обстоятельства!

Капитан Кирилл Инаков обстоятельно разъяснил:

— На основании устава «Эспады»! Когда родители записывают к нам ребенка, они берут обязательства не срывать его с летних занятий! Ведь здесь же не кружок мягкой игрушки, а па-ру-са!..

— Во всяких правилах могут быть исключения.

Корнейч обычно был спокоен и деликатен. Теперь он, однако, даже не постеснялся окружавших ребят.

— Ладно... Говорить с тобой и Феликсом о парусных делах,

все равно что... с чугунным кнехтом о квантовой механике. Но ты же *дипломированный психолог*! Ты представляешь, что теперь в душе у Рыжика?!

— Да, представляю! Ничего сверхординарного! Детям такого возраста иногда полезна фрустрация... — Аида сложила на крепкой цветастой груди руки.

— Чего полезно? — переспросил Кирилл Инаков.

— Горькие переживания и встряски. Без этого нелегко становление характера и воспитание толерантности.

— И с этой твоей фрустрацией он будет там жить три недели... — сквозь зубы подвел итог Корнейч.

— Не будет. Войдет в нормальный ритм через два дня. А когда вернется, два сеанса психологической стабилизации, и он станет совершенно прежним. Если, конечно, ты со своим советом командиров не выставишь его из отряда...

— Дура, — сказал Кинтель.

Он сказал это вроде бы про себя, но Аида услышала. И не стала негодовать (психолог же!). С достоинством королевы, игнорирующей мелкие выпады плебеев, она сообщила:

— Если бы я была дура, в этом помещении находилась бы сейчас не «Эспада», а филиал фирмы «Пегас».

Увы, Корнейч знал, что в этом есть доля правды. Хотя главная заслуга здесь была не Аиды, а ее мужа Феликса. Пока Корнейч целый год болтался то по больницам, то по заграничным командировкам, Феликс Борисович Толкунов — кандидат наук, преподаватель педагогического университета — активно и целенаправленно вживался в дела отряда. Надо отдать справедливость, организатор он был талантливый. И он, и жена его, кстати, отлично владели методом, который назывался «выходить на...». Они то и дело *выходили* на влиятельного депутата Гордумы, на нужного чиновника мэрии, на авторитетных членов областного министерства просвещения и всяких других полезных людей. Это давало свои плоды. Не бросая преподавательской работы, супруги Толкуновы сумели принести отряду немало пользы. Подтвердили право на бесплатную аренду помещения, включили «Эспаду» в районное объединение детских клубов «Солнечный круг», добились там нескольких платных должностей (как они говорили — «ставок»). Одну, полную — «заведующего клубом» (хотя во флотилии «Эспада» слово «клуб» было почти неприличным) — взял себе Феликс Борисович. Другая, половинная, досталась Аиде (должность штатного психолога!). Еще одну «половинку» —

Даниилу Рафалову, «помощнику заведующего по морскому делу и спорту». До этого Кинтель был штатным инструктором. На жизнь он зарабатывал программистом в нотариальной конторе. Работа была, как он говорил, не бей лежачего, но и платили за нее так себе. Лишние полставки в сложной жизни Кинтеля («холостячко-многосемейной») оказались не лишние.

Зато Корнеичу сказали в клубном объединении, что, мол, так и так, господин Вострецов, двух заведующих клубом не бывает, и вам от вашей ставочки надо бы отказаться. Корнеич махнул рукой. К такому повороту он был готов. Зато свалил с себя массу забот.

Потом, время от времени появляясь в отряде, он слышал от Кинтеля и некоторых капитанов, что «какой-то здесь не тот крен». Чересчур много стало всяких «мероприятий»: концертных выступлений с декламацией, участия в разных слетах, встреч со всякими представителями. Все меньше оставалось времени для занятий по устройству судов и маневрированию, для фехтовальных турниров и походов по окрестным лесам. Только занятия барабанщиков шли регулярно и часто. Барабанщики были нужны постоянно. Для приветствий на разных собраниях и конференциях. Пожилые ветераны, деловитые бизнесмены и улыбчивые дамы-методисты умиленно внимали маршам подтянутых, сверкающих аксельбантами и золотыми якорями барабанщиков, которые виртуозно обрабатывали палочками кожу высоких, «суворовских», барабанов.

Первого июня, в День защиты детей (надо же их защищать хоть раз в году!), вернувшийся из очередной поездки в Германию Корнеич оказался свидетелем карнавального шествия по главной улице Преображенска. Длинную колонну из клоунов, акробатов, литературных персонажей и пестрых колесниц возглавляли барабанщики «Эспады». Шли они не в ногу, лупили в барабаны вразнобой. Не потому, что разучились, а потому, что сам ритм праздника и резвящийся рядом оркестр не давали играть и шагать как надо.

Тогда Корнеич впервые взъелся по-настоящему. И крупно поговорил с Толкуновыми. «Барабанщики «Эспады» впереди клоунской толпы! Такого позора не было во все тридцать с лишним лет! Довели флотилию!» Супруги возражали вежливо, но уверенно. Мол, зато смотрите, какой у клуба... то есть у нашего отряда, авторитет! Лучшее детское объединение в городе! Грамоты и призы! Нам обещан капитальный ремонт. Про-

финансирован загородный лагерь, где состоится слет профильных отрядов. Он и в прошлом году был, такой лагерь, и показал, что... Ну и так далее. А Феликс Борисович даже деликатно намекнул, что теперь Данил Корнеич Вострецов по закону здесь вроде бы уже никто...

Но Корнеич знал свои законы. Успокоился, подышал сквозь зубы и ответил, что он на веки вечные — старший флагман флотилии. Это звание не отберут у него никакие губернаторы и депутаты. И что сейчас он соберет ветеранов «Эспады» разных лет, а те популярно объяснят непонятливым, что есть наша флотилия изначально и во все времена...

Правда, собирать не стал, долгое получилось бы дело. Для начала он в сердцах наорал на «морского инструктора» Кинтеля (который не обиделся, хотя был ни в чем не виноват, потому что и так «извивался тут, как мог»). Потом объявил общий сбор. На сборе он сообщил, что с нынешнего дня отменяются все дела, кроме ремонта судов, который до сих пор шел еле-еле, и подготовки плаваний. Слава богу, что есть еще две недели: все равно рыбинспекция не выпускает суда на воду раньше середины июня...

Не весь отряд воспринял негодование старшего флагмана как надо. В составе «Эспады» в этом году возник откуда-то чуть не десяток пышнотелых девиц-переростков, которые образовали вокруг психолога Аиды неофициальную элиту. Всякие там редакторши отрядной газеты, режиссерши концертных номеров, а также «инструкторы психологического практикума». Они-то в первую очередь и застонали, что нельзя ломать утвержденный летний план. Корнеич сказал, что «кто не хочет, пускай не ломает», но при этом пусть снимет с нашивок якоря и не просится в экипажи. Кое-кто из девиц, кстати, так и сделал. Кинтель, который стремительно обрел прежнюю уверенность, заметил при этом: «Леди с палубы — галеону легче».

А флотилия опять становилась флотилией. Вновь под отрядной эмблемой стоял вахтенный с рапирой, отбивались склянки, и никто уже не появлялся в штабе и на берегу без оранжевой летней формы...

Ребята принесли Рыжику его барабан. Высокий, с золотистыми шнурами, с оранжевым корабликом на черном боку. Такие барабаны были сделаны в очень давние времена, в семи-

десятих годах, когда «Эспада» отсчитывала первые годы своей истории. Кожу и обручи брали от обычных пионерских барабанов, а цилиндры мастерили сами — гнули их из тонкой фанеры, распаренной в кипятке...

Рыжик слабо улыбнулся, сел на корточки и стал гладить барабан. Однако неуверенно, робко, словно тот был живым и мог в любой миг убежать. Потом Рыжик снизу вверх глянул на Корнеича. Выговорил виновато:

— А за мной... Наверно, скоро примчатся. В погоню...

За Корнеича ответил Кинтель:

— Мы тебя больше никому не отдадим.

— Кроме мамы, — уточнил Корнеич. — Но мама сейчас далеко... — И все поняли, что он чуть-чуть не добавил «слава богу».

— Ты будешь жить у нас, — как о давно решенном деле сообщила Ксения Нессонова. — Я уступлю тебе верхнюю койку, а сама буду спать на диване...

— История повторяется, — заметил Корнеич. — Тридцать с лишним лет назад Сергей Владимирович Каховский, ныне весьма известный археолог и автор монографий, а тогда жаждущий справедливости Сережка, махнул из пионерского лагеря. Не поладил с начальником: тот имел обыкновение совать нос в чужие письма. И была погоня, и был скандал, и был хороший конец... Это — одно из событий, лежащих в истоках отрядных летописей...

— Кстати, когда Сергей приедет? Обещал ведь... — спросил каперанг Соломин. До сих пор он молча наблюдал события.

— Очень скоро, — охотно сообщил Корнеич. — Не исключено даже, что сегодня... Ольга, ты чего стоишь, как соляной столб! Ну-ка, брысь за аптечкой! Надо обрабатывать беглеца, он изглодан кровососущими тварями...

Грузоватая Ольга умчалась с резвостью стрекозы, а Слово спросил у Рыжика:

— Как ты сюда добрался-то? — Он сказал это скомканно, потому что ощущал странную виноватость перед Рыжиком (да и другие, кажется, тоже).

Рыжик шевельнул под свитером плечами. На миг вскинул желто-серые глаза.

— Я сперва через лес. А потом по дороге на попутной машине...

— Ночью через лес? Я бы помер, — честно сказал Сережка

Гольденбаум. Он имел право признаться в такой слабости, потому что был храбрым яхтенным матросом.

Рыжик объяснил очень серьезно:

— Я же не мог же помереть, потому что как бы тогда я добрался сюда?

— А что за попутная машина? — спросил Корнеич.

— Ой... — Рыжик торопливо встал. Взял Корнеича за руку. — Я забыл, пойдём...

За открытыми воротами базы серебрилась под солнцем иномарка, а ближе к мысу, уже на территории, стоял круглолицый и лысоватый дядя в пестрой рубашке. Смотрел с терпеливым ожиданием.

Рыжик подтянул к нему Корнеича (остальные стали поодаль).

— Вот. Это... он меня привез...

Дядя шевельнулся, и в этом движении ощутилось нечто строевое.

— Подполковник Смолянцев. Виктор Максимович.

Корнеич наклонил голову:

— Командир парусной флотилии «Эспада» Вострецов...

— Я смотрю, у вас тут целая морская держава, — сказал подполковник Смолянцев доброжелательно.

— Держава не держава, но кое-что есть... Спасибо вам за нашего барабанщика. — Корнеич левой рукой прижал к себе Рыжика, а правую протянул Виктору Максимовичу. Подполковник и старший флагман обменялись несколькими торжественным рукопожатием.

— По правде говоря, ваш барабанщик сперва поставил меня в затруднительное положение, — добродушно сообщил подполковник. — Он с истинно офицерской прямотой проинформировал меня, что покинул лагерь без санкции начальства. С точки зрения логики и законности я должен был бы его доставить обратно, в заботливые объятия воспитателей. Но он заверил меня, что спешит к очень хорошим друзьям, которые справедливо решат, что с ним делать.

— Уже решили, — сказал Корнеич и потормошил на Рыжике ершики искрящихся волос. — В лагерь мы его в любом случае больше не отдадим. У нас есть правило: не делать дважды одну и ту же глупость... (Рыжик благодарно шевельнулся.)

— Весьма отрадно. Значит, я могу быть спокоен за своего... попутчика?

— Стопроцентно... На всякий случай вот вам мои дан-

ные... — Корнейч из нагрудного кармана штурманки извлек визитную карточку.

— Благодарю. Тогда и я... — И подполковник полез в карман своих штатских джинсов...

Подбежала Ольга с брезентовой сумкой, ухватила Рыжика:

— Ну-ка, пошли... «пища кровососущих»...

И все, кроме Корнейча, двинулись за ними, к эллингу. Рыжик интересовал друзей больше подполковника в штатском. Ольга велела Рыжику:

— Садись... Мцыри.

Рыжик не знал, наверно, кто такой Мцыри, но послушно сел в тени эллинга на вкопанную скамейку. Ольга стала деловитой и строгой. Выдавила из тюбика на ладонь пахучую гусеницу, растерла в ладонях, растянула на Рыжике оранжевый ворот и принялась натирать ему шею, щеки, уши. Потом велела оказавшимся рядом Слодко и Владу Казанцеву держать «обглоданного беглеца» за щиколотки — «чтобы конечности были прямые». И начала втирать мазь в коричневые изжаленные ноги, по всей длине. Рыжик заерзал:

— Щекотно...

— Терпи. А то скоро изведешься. Сейчас-то еще ничего, а к вечеру знаешь какая чесотка начнется... Не мог, что ли, одеться как следует, когда удирал?

Рыжик печально засопел.

— Джинсы в чемодане, а он на складе... Я натерся кремом «Тайга», он сперва помогал, а потом перестал...

— «Тайга» — это муть на простокваше, — сказал Владик Казанцев. — Лучше всего «Антижало», помогает от любых кусачих тварей.

Кто-то среди окружавших возразил, что «Антижалом» только уключины смазывать, а вот есть жидкость, которая... Ну и так далее. Тут же разгорелся спор, какое средство самое надежное для защиты от комаров, мошки и оводов. Махали в воздухе руками и ногами, показывая, что на них вовсе нет следов от укусов. Только Рыжик сидел теперь не двигаясь и непонятно смотрел перед собой. Слодко ладонями ощущал, как в тонкой щиколотке Рыжика твердым шариком колотится тревожный пульс.

Потом они с Рыжиком встретились глазами. И в глазах барабанщика было: «Теперь-то все хорошо, да... Но что будет дальше?»

«И дальше будет хорошо. Не бойся», — сказал ему Слодко.

Тоже глазами. Рыжик опустил веки, будто спрятал недоверчивость.

Слодко и Рыжик не были друзьями. Да, в сентябре Слодко с ребятами помог Рыжику управиться с колесом, затем они позвали мальчишку в отряд. Ну а дальше началась у каждого отдельная жизнь. Целый год учились в разные смены. В отряде встречались только по выходным и в каникулы, на общих сборах. Конечно, радовались друг другу, хлопали ладонью о ладонь в рукопожатиях, Слодко порой спрашивал: «Как колесо?» Рыжик смущенно говорил, что «вертится»...

Слодко не столько видел сам, сколько узнавал со стороны, что Рыжик всей душой — преданно и стремительно — вращает в жизнь «Эспады». В сентябре он успел обрести кой-какой опыт хождения на яхтах, научился управляться со стакельшкотами. Осенью и зимой быстрее других новичков одолел морскую программу первого года и сдал зачеты на звание яхтенного матроса (а ведь, казалось бы, малыш еще, трегьеклассник). Уже в ноябре ему закрыли кандидатский стаж. С нового года барабанщики начали учить его своему мастерству («наш человек»), а на сборе в честь Весеннего равноденствия повзрослевший Юрик Сазонов передал Рыжику Кандаурову свой барабан. И вскоре Сережка Гольденбаум (человек, стремившийся к постоянной справедливости) заявил, что пусть ведущим барабанщиком будет не он, а Рыжик.

— Потому что у него получается лучше!

Чтобы не обижать Сережку, решили: пусть будут оба, по очереди. И с той поры на линейках («через раз») Рыжик выводил в «каминный» зал и вел вдоль строя знаменную группу...

В общем, все складывалось хорошо. Только близко они со Слодко не подружились (да и не так-то это просто, все же разница в три года). Было обычное отрядное товарищество. А близкого друга найти нелегко. Такого, как Олежка Тюменцев, Жек, год назад уехавший с родителями в Калининград. Как прощались, лучше не вспоминать...

Но теперь Слодко беспокоился за Рыжика, будто за крепкого друга. Или даже за братишку (которого у Слодко никогда не было). Рыжкина тревога передавалась ему в ладони толчками пульса...

Краем глаза Слодко увидел, как уехала серебристая иномарка, а за Корнейчем пришел из рубки молодой инструктор моршколы Володя. И Корнейч двинулся за Володей.

Рубка — это просторное стекляннное строение на бетонных

столбах. Оно служило и кают-компанией, и кабинетом начальника базы, и диспетчерской будкой. Там стояла на треноге подозрительная труба (видно было почти все озеро, до Шамана), висел на стенке телефон. С земли вела в рубку крутая лесенка-трап. Корнеичу с его протезом подниматься было нелегко, он лишний раз туда и не лазил. Но сейчас, кажется, случилось что-то важное, поскольку Корнеич решительными толчками стал одолевать трап (Володя подстраховывал сзади). Словко нервами-струнками ошутил: дело связано с Рыжиком...

Словко не ошибся. Звонила мать Рыжика. Из Сочи. Корнеич, как взял трубку, так сразу представил ее — взвинченную, со слезинками на крашенных ресницах, с отчаянным страхом на лице, который она прячет за злой решительностью тона.

— Даниил Корнеевич? Надеюсь, вам уже известно, что произошло?

— Известно, — кивнул телефону Корнеич, из всех сил подавая в голосе нотки невольного злорадства.

— Где он?

— Да вон сидит на берегу. Мажут его от комаров...

— Господи... Он живой?

Корнеич сказал с удовольствием:

— Ну, Роза Станиславовна. Подумайте, какой смысл мазать покойника?.. К вам что, дозвонились из лагеря?

— Вот именно! На мой сотовый...

— Кретины, — констатировал Корнеич. — Не проще ли было позвонить сюда?

— Откуда им известен ваш телефон!.. К тому же они предпочитают иметь дело с родителями!

— Логично, — хмыкнул Корнеич.

Голос Рыжкиной мамы обрел некоторую уверенность (вперемешку с раздражением):

— Сейчас я буду звонить начальнику лагеря. Он захочет узнать... да и я тоже: вы сами доставите моего сына в лагерь или за ним надо посылать воспитателя?

— Ни то ни другое.

— То есть... как вас понимать?

— Понимать просто, — слегка зевнул Корнеич. — Мы его в лагерь не повезем. Изверги мы, что ли? И приехавшим не отдадим. Я не могу доверять мальчика людям, которые не сумели уследить за ним. Он слинял из этой «Горькой Ра...», тьфу,

«Солнечной Радости» через четыре дня. Не от солнечной жизни, полагаю...

— Тогда за ним придет милиция!

— Ну, придет, отвезет обратно. И что? Через день он убежит опять, опыт есть...

— Тогда... Начальник лагеря сказал, что его отправят в детприемник! До нашего возвращения! — со слезливым бешенством заявила Роза Станиславовна.

«Ну и сволочь, — едва не высказался Корнеич. — Хотя, наверно, она это от бессильного отчаянья...»

— Валяйте. Милиция это умеет. Мальчишку заберут, остригут наголо, вымоют под ржавым душем. Оденут в казенную робу и засунут за колючую изгородь. Но имейте в виду: этот процесс будет заснят цифровыми камерами, и в тот же вечер эпизод покажут в «Новостях». Как господин Саранцев, ведущий специалист известной фирмы «Кольцо Нибелунгов», устраивает свой отдых с молодой супругой, избавляясь от пасынка.

— Вы что?! Вы меня... шантажируете?! — выдохнула она в телефон так, что из наушника дохнуло гневным жаром.

— Да, — кротко согласился Корнеич. — А что мне остается делать, если вы... — И вдруг взревел: — Послушайте, уважаемая Роза Станиславовна! Ваш Прохор вам кто? Сын или морская свинка для забавы?! Почему вы, черт возьми, не в состоянии просто-напросто пожалеть его? Как мать!

Было даже слышно, как она хлопнула губами. И часто задышала.

— Но я... Ой! Разряжается телефон! Я перезвоню...

— Позвоните мне вечером домой. В одиннадцать. Конечно, по нашему, не по сочинскому времени. — И он, сопя от злости, повесил трубку на рычаг. И сразу остыл, вспомнив о Рыжике на берегу. Вон он сидит, искушенный бродяга...

Корнеич, цепко хватаясь за поручни, спустил себя по трапу (Володя вроде бы не смотрел, но стоял близко). И пошел старший флагман Вострецов к барабанщику Кандаурову — похожему на того, каким был он сам, Данилка Вострецов, больше тридцати лет назад. Рыжик потянулся ему навстречу. Глазница — нараспашку.

— Мама звонила, — небрежно сообщил Корнеич. — Все в порядке. Она не сердится, передает привет... А где барабанные близнецы?.. А, вот вы! Значит, договорились, забираете Рыжика?

Игорь и Ксения дружно подтвердили: забираем!

Корнеич сел рядом с Рыжиком, которого все еще мазала добросовестная санинструктор Шагалова. От Рыжика густо пахло ментолом. Ольга сделала последний мазок и сказала:

— Теперь его надо покормить. Есть батоны и какао в термосе. Эй, кто дежурный?

Дежурный Вовчик Некрасов, из Ольгиного экипажа, ускакал в эллинг за хлебом и термосом.

Корнеич качнул Рыжика за плечо.

— А теперь, сокровище наше, рассказывай по порядку...

НОЧЬ И ЛЕС

1

Рыжика увезли в лагерь двадцать пятого июня, в субботу. На следующий день улетели в Сочи Рыжкина мать и ее муж.

В воскресенье и понедельник Рыжик прожил в холодной безнадежности. Это было даже не отчаяние, а твердая, словно кусок льда, тоска. Гвалтливая и пестрая жизнь «Солнечной Радости» проходила мимо Рыжика, не касалась его. Он машинально шевелил ложкой во время обеда, машинально залезал под простыню в тихий час и вечером (и укрывался с головой). С ним не разговаривали ни ребята, ни воспитатели. Видно, решили: скучает пацаненок по дому, бывает такое. Потом пройдет.

А он скучал не по дому и знал, что не пройдет.

Рыжик не верил всерьез, что его исключат из «Эспады» (хотя по правилам должны были). Но жить без отряда, без парусов, без своих ребят почти месяц! И такой месяц, когда там *самое главное!* И вообще — там было для него *все!* И теперь он задыхался от горечи, как выдернутая из родного аквариума рыбка.

Так прошли понедельник, вторник и среда. В четверг, слоняясь по лагерю в одиночку, Рыжик забрел в фанерный домик, где было что-то вроде штаба. Шкафы с книгами, какие-то щиты с картинками, а между окон висела... большущая карта. Похожая на военную. Зеленая, расчерченная тонкими линиями на квадраты. «Окрестности города Преображенска. Западный район», — прочел Рыжик вверху.

Он уперся в липкую карту ладонями. Потом сразу спрятал руки за спину и сделал два шага назад, принял равнодушный

вид. Чтобы все, кто глянет на него, поняли: никакая карта Прохору Кандаурову не нужна. И он стал будто бы смотреть в окно, а по правде все равно смотрел на карту. С полутора метров он легко различал самые мелкие буквы и значки.

Разбираться в картах Рыжик умел. Конечно, на занятиях в отряде больше приходилось иметь дело с морскими картами, с «меркаторскими», но и про сухопутные Кинтель кое-что объяснял. Рыжик быстро сообразил, что в каждом квадрате бумажного пространства — километр. Что зеленая масса с рассыпанными по ней кудрявыми деревьями и елочками — большой лес. Вверху справа был обозначен лагерь «Солнечная Радость» — синим флажком с желтым солнышком. От этой «Радости» вверх шла дорога, по которой привезли сюда Рыжика — к Еланской ветке, где ходили электрички. Рыжик понимал, что туда соваться нечего и думать — спадают.

Слева, в нижней части карты, виднелась правая часть Преображенска. Она была похожа на часть осьминога, растопырившего коричневые щупальца. С востока на запад тянулась к Преображенску жирная линия. Вдоль нее танцевали редкие буковки, которые складывались в надпись: *С а в е л ь е в с к и й т р а к т.*

И тракт вел ни куда-нибудь, а прямо к северному берегу Орловского озера, а с берега острым треугольником втыкался в синюю типографскую краску «Мельничный п-ов!» Тот самый, чьи берега занимала водная база морской школы РОСТО. И где каждый день поднимала свой флаг «Эспада»!

С этой минуты жизнь Рыжика снова обрела смысл и цель. От лагеря до города по прямой было километров тридцать пять, Рыжик понимал, что не одолеет этот путь по лесу, не зная дороги. Но и не надо! До тракта — всего двенадцать километров! И не заблудишься! Шагай прямо на юг и в конце концов (левее ли, правее ли — все равно) наткнешься на шоссе. А там полно машин! И найдутся же, наверно, добрые люди! Он скажет, что пошел с родителями за грибами, заблудился и теперь самостоятельно добирается до города...

Старый растянутый свитер он заранее спрятал в лопухах у забора. Завернул в него тюбик с мазью «Тайга» и два куска хлеба, которые в обед унес тайком из столовой. Никакого имущества с собой он решил не брать. Да и какое имущество? Только зубная паста и щетка в тумбочке. Чемоданчик с запасной

одеждой все равно заперт у кладовщицы тети Лизы. Наплевать... Да, был еще фонарик-брелок! Рыжик проверил — в кармане ли он? Здесь, на месте...

Когда укладывались на ночь, Рыжик не стал снимать с руки часы. Эти электронные часики мама подарила, когда ему стукнуло девять лет. Рядом с циферблатом, на широком кожаном браслете, дергал стрелкой под выпуклым стеклышком крохотный компас («компас» — принято было говорить в «Эспаде»). Пригодится. Ох как пригодится...

Младшим отрядам отбой полагался в десять часов, когда закатное солнце еще проглядывало сквозь сосны. Конечно, никто сразу не засыпал. Тем более что старшие в длинной дощатой столовой бесновались и горланили на своей дурацкой дискотеке. «Им можно, а нам нельзя, да?» — бунтовали младшие. Ну и драки полотенцами, анекдоты всякие, страшилки (глупые и не страшные; а вот в лесу действительно будет жуть, Рыжик это понимал). Наконец часам к одиннадцати — после того как вожатая Татьяна Семеновна дважды врывается в палату и грозила «расставить по углам на всю ночь» — народ утомился. Задыхал в подушки. За окнами сделалось потемнее. Гвалт и музыка в столовой стали затихать.

...И, кажется, он заснул. Но не надолго, на полчаса или час. А проснулся будто от толчка: пора!

Рыжик откинул простыню, сел в кровати. Сердце сжималось и разжималось, как упругий мячик. Почему-то все время хотелось переглатывать. Рыжик натянул штаны и кроссовки. Никто на него не смотрел, все только посапывали. «Ладно, отдать швартовы», — приказал себе Рыжик и от этой бодрой команды ощутил себя уверенней. Двинулся к выходу — как человек, захотевший побывать в кирпичном гальюне на краю лагеря.

Снаружи оказалось пусто и светло. Лишь несколько дней назад миновало летнее солнцестояние, ночи все еще были совсем короткие и почти «белые». Перистые облака в серебристой вышине отражали солнце, которое спряталось совсем не глубоко. Хотя виднелись и темные облака — признаки не очень-то теплой погоды. Конец июня в нынешнем году не баловал жарой, и сейчас вечер был зябкий.

Рыжик двинулся по кирпичной дорожке мимо длинных умывальников, мимо столовой. Старался шагать независимо. А чего такого? Ну, надо человеку...

Но никто не встретился Рыжику, не окликнул его. Светлая

ночь была пуста, как громадная, чисто вымытая банка из стекла. Рыжик не пошел, конечно, к кирпичному строению, от которого пахло хлоркой, а взял правее, к забору. Откопал в лопухах свитер, хлеб и мазь, выбрался в дыру между досок. Сунул хлеб в карман, потом натер шею, руки и ноги «Тайгой» — на всякий случай, потому что пока рядом не было ни одного комара. После этого он напялил свой рыжий балахон и двинулся к ближней деревне Мокшино. Через мелкий березняк.

В березняке впервые стало страшновато. От безлюдья, от шелеста и... даже непонятно отчего. Рыжик принял этот страх как должное, не стал прогонять. Рассудил в том смысле, что пусть эта пока что маленькая боязнь будет ступенькой привыкания к большому страху, который наверняка ждет беглеца в ночном лесу. Впрочем, березняк быстро кончился, и Рыжик увидел изгородь околицы. Кое-где светились окошки, издали слышалась музыка — наверно, работал телевизор.

Рыжик не стал заходить в деревню, отправился по тропинке вдоль изгородей. Лопухи чиркали по ногам, свежие головки репейника цеплялись за свитер, но не сильно (играли, наверно). А впереди сквозь репейник был виден лес. И от этого под свитером заранее разбежался этакий «мурашистый» холодок. Впрочем, возможно, и от вечерней зябкости...

Когда деревня осталась позади, а до темной зубчатой стены леса было около сотни шагов, Рыжику повстречался собака. Большая, лохматая. Они сошлись на тропинке. Встали друг против друга. Собака смотрела непонятно, ждала чего-то. Рыжик сперва хотел уступить дорогу, но вдруг подумал: получится, что он испугался. А если испугается сейчас, как тогда будет в лесу?

— Хочешь хлеба? — спросил он собаку. И она... да, она чуть вильнула хвостом.

Рыжик достал подсохшие ломтики, протянул один собаке на ладони. Она снова вильнула хвостом, взяла кусок губами. Сжевала его. Правда, не очень охотно (видимо, от хлеба пахло «Тайгой»), но все-таки сжевала. И шевельнула хвостом третий раз.

— Послушай, а может, ты проводишь меня до тракта? — спросил Рыжик. Он понимал, как замечательно было бы идти через лес вместе с таким сильным добрым зверем. Ни капельки не страшно! Однако собака тихонько вздохнула: извини, мол, но у меня свои дела. Она обошла мальчишку и, не сгля-

дываясь, двинулась к деревне. А Рыжик проводил ее глазами и снова повернулся лицом к лесу.

Постоял секунды три и зашагал.

Когда лес придвинулся вплотную, дохнул тьмой и сосновым запахом, когда шиповник опушки цапнул за рукава и оцарапал ноги, у Рыжика мелькнула мысль. О том, что койка в лагерной палате не столь уж плоха, уютная даже, и что, может быть, не стоит делать глупостей, а лучше вернуться, лечь, потому что... ну, наверно, не такая уж она длинная, лагерная смена. Кончится, и потом все будет хорошо...

Но это была не его, не Рыжкина мысль! Будто ее кто-то со стороны, предательски, сунул ему в голову. И Рыжик отчаянно потрянул головой! Он, парусный матрос и барабанщик «Эспады», скомкал эту мысль, будто грязную бумажку, и с отвращением швырнул... да, внутрь того самого кирпичного строения, которое пахло хлоркой. И проломился сквозь шиповник навстречу мраку...

2

Мрак сразу обступил Рыжика — громадный, плотный, неподвижный. Свет легких серебристых сумерек остался позади, за черными колоннами сосновых стволов. Чем дальше Рыжик шагал, тем плотнее эти колонны смыкались у него за спиной, заслоня последние светящиеся щели. И, чтобы не видеть этого темного смыкания, Рыжик запретил себе оглядываться. Можно смотреть лишь вперед и вверх...

Но впереди была тьма. А вверху... да, там светлело небо, но его было мало. Мохнатые головы сосен заслоняли его, оставляя лишь разрывы с клочками то темных, то отражающих закат облаков. И когда снова глянешь перед собой, тьма после проблесков неба кажется еще глуше.

И что было там, в этой тьме?

«А ничего! — зло сказал себе Рыжик. — Просто лес. Такой же, как днем, только... только забыли включить фонари, вот...» — И даже хихикнул про себя. И при этом шагал по устилавшей почву сухой хвое — широко, решительно и равномерно. Почти вслепую огибал выскакивавшие к лицу толстые и тонкие прямые стволы. Он даже немножко гордился, что не сбавляет шага. Шел и расталкивал страх, как черный липкий кисель.

Иногда Рыжик на несколько секунд закрывал глаза и шел,

натянув руки, натываясь ладонями на деревья. С закрытыми глазами можно представить, будто ты не в лесу, а у себя в комнате. Раз не вижу — значит, не боюсь. Но скоро глаза раскрывались сами собой, хотели различить вокруг *хоть что-то*. И... в конце концов стали различать. Стволы сосен были чернее окружающей темноты. И мохнатые ели были чернее. А порой из сумрака отчетливо выступали березовые стволы, и тогда Рыжик радовался им, как друзьям...

Наконец он остановился. «Надо же сверить курс...» Крохотным фонариком-брелком Рыжик осветил на запястье. Часики показывали без пятнадцати двенадцать, а разноцветная стрелка компаса под стеклом-каплей ничего не показывала, дергалась, как сумасшедшая. И Рыжику (глота удары сердца и замирая) пришлось целую минуту ждать, когда она успокоится. Успокоилась, показала наконец, что все правильно. Синий кончик смотрел назад, красный вперед. Значит, юг — впереди! И там шоссе. Машины, люди, свет...

Но пока до тракта было почти двенадцать километров. «По-морскому примерно шесть с половиной миль, — машинально подсчиталось в голове у Рыжика. — Как от базы до Шамана...» Но там, под солнцем, под хорошим ветром, с надежным экипажем, это час пути, а то и меньше. А здесь? Рыжик понимал, что путь по лесному бездорожью, в темноте, займет часа четыре. И эта ночная, полная черных деревьев и зарослей даль теперь вдруг словно распахнулась перед ним, ахнула, ужаснула своей громадностью. Рыжик выключил фонарик — показалось, что свет привлечет каких-то существ. Не диких зверей (известно, что их здесь нет), а неведомых обитателей сумрака. Тех, кто подкарауливает городских, впервые оказавшихся в ночном бору мальчишек...

Очень захотелось опуститься на корточки, натянуть на голову подол свитера и заскулить, выпрашивая пощаду у таинственных жителей тьмы.

Рыжик не сел и не заскулил. Он сжал кулаки и снова замаршировал на юг.

...И он шел, шел, шел, цепляя плечами тонкие и толстые стволы. Долго ли? Сам не знал...

Сперва среди больших деревьев не было подлеска, только трава, она путалась в кроссовках. Иногда мягко хлестали по ногам папоротники. От них (а может, и не от них, а отовсюду) пахло бабушкиными лекарствами. А еще темнота пахла сосновой корой и ладаном — как в церкви, куда Рыжик изредка

водил бабушку. И много еще чем — таинственным и неведомым...

Страх уменьшался...

Он, этот страх, теперь не сидел внутри у Рыжика, а был где-то снаружи. Не далеко, но и не вплотную. Можно было не думать о нем каждую секунду, пускай живет сам по себе. А еще к Рыжику постепенно приходило понимание: чтобы не бояться леса, надо сделаться его частью. Не вздрагивать, не замирать, а как бы раствориться в лесном космосе, стать вроде листика или мелкого цветка, что смутно светятся среди травы. Стать *своим*. Своего лес не обидит, не будет пугать. И он старался раствориться, втягивая лесные запахи и впитывая окружающую прохладу.

Правда, растворение получалось не совсем. Что-то вдруг зашумело над головой, невидимо унеслось за вершины. Рыжик охнул, присел, с минуту обмирал на корточках и ждал, что сердце выпрыгнет сквозь свитер, укатится в папоротники. Потом сообразил: «Это, наверно, филин или сова... Ну, не Баба же Яга, трус ты несчастный...» Однако думать про Бабу Ягу (даже со словом «не») тоже было страшно. Тогда Рыжик решил укротить скачущее сердце. Если и не успокоит совсем, то хотя бы вогнать беспорядочное прыганье в ритм привычного барабанного марша. И он двинулся дальше, отмеряя шаги под мысленный «Марш-атаку»:

Р-раз... Р-раз... Раз-два-три и четыре...
Р-раз... Р-раз... Раз-два-три и четыре...

И дальше:

Тта́-та-та та́-та, тта́-та-та та́-та,
Тта́-та-та та́-та, та́!..

Он даже ощутил в ладонях гладкие послушные палочки. И, снова отключась от страха, стал вспоминать на ходу, как сделался барабанщиком.

...Ну, конечно, не сразу сделался. Сперва учили. Видели ведь, как он смотрит на барабанный строй, и наконец командир Игорь Нессонов спросил:

— Хочешь попробовать?

— Ой... а можно? — выдохнул Рыжик, не веря чуду.

Сперва не очень получалось, но никто ни разу не рассердился. Никто не смеялся. Там *никто ни над кем* не смеялся, *никто никого* не дразнил. Не как в третьем «А», где «Прошка-головёшка», а то и похуже, или жалобные вопли Елены Фи-

липповны: «Кандауров, где предел твоей бестолковости! Книжки читаешь, а слово «жираф» пишешь через «ы!» В отряде никто в упор не замечал никакой бестолковости Рыжика. Даже когда она была у всех на виду. Например, когда он в сентябре запутался в стаксель-шкотках и швертбот чуть не лег парусами на воду. Или в другой раз, когда на «Тимура» налетел осенний шквал и случился такой крен, что Рыжик перепуганно взвыл и даже пустил слезу и потом опозоренно выбрался на причал из яхты, представляя, как его сейчас же погонят прочь за трусость, а рулевой Кирилл Инаков лишь похлопал его по спасательному жилету: «Привыкаешь, юнга, молодец. Скоро в капитаны...»

А с барабаном тоже не сразу наладилось. Оказалось, «инструмент» — штука тяжелая, и бывает, что на ходу крепко бьет железным ободом по ноге (недаром у барабанщиков под левой коленкой вечные задубевшие синяки). И палочки не слушались, и марши не запоминались... Но это было всего два дня! А потом барабан полегчал, палочки сделались, как живые частицы рук. И Сережка Гольденбаум (который очень нравился Рыжику) сказал без всякой шутиливости: «Рыжик, ты талант»...

Талант не талант, а без барабана он теперь жить не сможет. Поэтому надо шагать.

Р-раз... р-раз... раз-два-три и четыре...

Затем размер строевого марша сменился на другой. На мелодию песни:

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали.
Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже...

Нет, про смерть все-таки не надо здесь, в темном лесу. Ну ее... Лучше вот эту, которую весной сочинил Словоко:

На зюйд-весте в аккурат
Жил на острове пират —
Очень храбрый и душою очень пылкий.
Он всегда добыче рад.
Оснастивши свой фрегат,
В океане он вылавливал бутылки...

Словко замечательный человек... Интересно, не забыл ли он подкрутить колесо? Хотя времени-то прошло еще совсем мало. А если бы прошло много, он бы не забыл. Потому что надежный человек... Жаль, что они редко виделись в учебном году, а то, может, и подружились бы поближе. Хотя вряд ли, Словко вон насколько старше, капитан... Но как бы то ни было, все равно замечательно, что он есть на свете... А стихи и песенки Словко сочиняет на ходу, будто они сами из него вытекают. Эту песенку про пирата Бутылкина он придумал за полчаса, для постановки на празднике Весеннего равенства. Аида Матвеевна его упростила. Она любит устраивать всякие праздники и представления, с ней интересно... Только почему она разрешила маме отправить его, Рыжика, в эту «Радость»? Или ей муж велел? Феликс Борисович какой-то непонятный человек. Тоже, конечно, добрый, но в отряде бывает редко, хотя и считается, что главный начальник. С ребятами разговаривает уважительно, однако всех не помнит по именам. Поглядел сквозь толстые очки, спросил о чем-нибудь, покивал и забыл... Зато говорят, что отряд за ним, как «под защитой тяжелого крейсера»... Ну и ладно. Главные люди все равно Корнейч и Кинтель. Рыжик сперва говорил «Даниил Корнеевич», а потом стал обращаться просто «Корнейч» и на «ты». Как все. Потому что в «Эспаде» традиции. А Кинтель сразу был Кинтелем, и это даже не имя, а мальчишечье прозвище. Он и правда как мальчишка, хотя по годам совсем взрослый, двадцать пять уже. Он иногда подхватывает на руки таких, как Рыжик, вертит над головой: «Забросить на клотик?» Все, конечно, радостно верещат...

Мысли об отряде совсем отгородили Рыжика от лесных страхов. Он шагал машинально. Так же машинально отмахивался от комаров. Они боялись «Тайги» и не пытались укусить, но с налету иногда тыкались в лицо и в ноги...

Пока тянулся просторный бор с высокими и не очень частыми соснами, идти было не так уж трудно. Однако все чаще стал попадаться сосновый молодняк. Сквозь него Рыжик пробивался напролом. Обходить заросли он боялся, чтобы не сбиться с пути. Двигался строго по направлению, которое он чувствовал у себя внутри, как натянутую струнку...

Но мелкие сосны — еще ничего. Иногда на пути вставала чаща смешанного мелколесья, и порой казалось, что сквозь нее не продаться. Один раз Рыжик подумал, что прямо вот здесь, в этой черной колкучей непроходимости, он так и сги-

нет на веки веков. Тогда он, по правде говоря, вскрикнул. Но... решил все-таки, что сгнать можно и позже, а пока надо пробиваться. И он... пустил впереди себя колесо.

Вот так! Сперва пощупал под свитером, на суровой нитке, оловянное колесико-галисман, потом он мысленно снял с упоров большое колесо, поставил перед собой и толкнул машину вперед... Колесо было здесь только в его фантазии, а на самом деле оставалось дома, между бревенчатой и кирпичной стенами, но... все же оно было. И Рыжику показалось, что оно затрещало впереди, проламывая для своего друга узкую просеку. И просека эта вдруг вывела Рыжика на дорогу!

Он не сразу понял, что это дорога. Сперва показалось — узкая проплешина. Потом увидел, что верхушки елок и осин расступились над головой и открыли в небе щель, уходящую далеко вперед. А подошвами нащупал рыхлые песчаные коды — судя по всему, от деревенских телег.

Рыжик не помнил этой дороги на карте. Наверно, была она такая незначительная, что ее не стали наносить туда. Ну и ладно! Главное, что колеи и светлая щель в небе веди прямо на юг! Рыжик весь затеплел от радостного прилива сил. Земля между колеями была твердая, поросшая упругой травкой, и Рыжик зашагал по ней, как по городскому газону.

Здесь не было той тьмы, как в лесу, за спиной у Рыжика ртутно светилось июньское небо. Впереди оно было темнее, зато там дрожала желтая звездочка...

По обочинам смутно белели ромашки. Травяные запахи пластами лежали над дорогой. Плохо только, что комары в этих пластах чувствовали себя как дома, изрядно обнаглели. Но, может, они просто поторапливали мальчишку?

Конечно, этот лесной проселок был для Рыжика подарком судьбы. Ого, сколько он протопал по нему! Если бы то же расстояние пришлось ломиться через чащу, неизвестно, когда бы он вышел к шоссе (да и сумел бы выйти вообще?).

Наконец Рыжик спохватился: он же понятия не имеет, сколько времени шагает по лесу и дороге. Полчаса, час, два? Снова посветил на циферблат. Оказалось, что... всего две минуты! Там были цифры: 11.47! Рыжик тоскливо уставился на часики. Как же так? Неужели он в самом начале пути, а бесконечное лесное странствие просто привиделось ему? От страха и темноты? Он смотрел, смотрел... Новая цифра не выскакивала. И наконец Рыжик понял, что часы стоят. Видимо, села батарейка. Жаль, конечно, но и... облегчение в душе: значит,

прошел уже немало. И что еще хорошо: стрелка компаса, подергавшись, подтвердила — проселок ведет правильно.

Появился еще один признак, что времени прошло достаточно: внутри зашевелилось желание, которое обычно начинается беспокоить под утро. Можно было освободить себя прямо на месте, но Рыжик (словно кто-то мог видеть) стеснительно подошел к толстому стволу на обочине и лишь там сделал свое дело. При этом неосторожно забрызгал ноги. Комары почему-то приняли брызги за отмену блокады и, окончательно наплевав теперь на «Тайгу», принялись беспрерывно втыкаться в ноги и щеки. Рыжик сорвал длинный травяной стебель и отмахивался на ходу. В настырности комаров была и хорошая сторона: когда они жалятся, уже не до страха.

Ну, не совсем «не до страха», но все-таки...

Плохо только, что дорога круто повернула вправо.

Рыжик не стал поворачивать по ней. Он знал, что путь его строго на юг. И шагнул с обочины опять в лесную тьму.

Снова потянулся высокий бор, где не было вредных, цепляющихся за свитер кустов. Но скоро путь пошел под уклон, бор опять сменился мелколесьем. Правда, не таким густым, как прежде. И сразу посветлело. А над верхушками берез и елок, выше набирающей силу зорьки, Рыжик увидел узкий неяркий месяц. Он был похож на мальчишку, который проснулся раньше всех, вышел на крыльцо и смотрит вопросительно: когда будет солнышко? Рыжик обрадовался месяцу, словно встретил Сережку Гольденбаума... ну, или еще кого-то из своих. Заулыбался ему, с удвоенной силой замахал на комаров. Снова натер себя «Тайгой». Это не помогло (наверно, у злыдней-комаров на «Тайгу» выработался... как его... им-му-нитет). Ну и фиг с ними! Настроение все равно подскочило, как перед праздником. Вперед! Ноги чесались от укусов и ныли от усталости, но все равно вперед!

Такой «вперед» привел Рыжика в ложбину, где его облепил густой белесый туман. Но это оказалось не страшно. Пушистое влажное касание тумана было даже приятным. В слоистых сумерках, где едва различались ближние березки, жила таинственность, но не пугающая, а как в фильме «Ежик в тумане». «Ежик в тумане», «Рыжик в тумане», — думалось Рыжику, когда он путался ногами в стеблях какой-то ползучей травы (зато комаров здесь почти не было). Он даже пожалел, когда низина с туманом кончилась. Опять кругом были разные мел-

кие деревья с чащей между стволами. А сквозь эту чашу, справа, вдруг ударили лучи!

Вот и все! Вот и конец страхам ночи! Теперь казалось, что их было не так уж много. И даже налетевшие снова комары не могли теперь убавить Рыжину радость. Стало ясно, что дальше все будет замечательно. И слова «солнечная радость» означали сейчас именно себя, а не оставшийся за черным лесом тоскливый лагерь.

За мелколесьем опять встали высокие стройные сосны. Но это был уже не ночной бор, а утренний, ни капельки не страшный, потому что его весело протыкали длинные горизонтальные лучи. Сначала малиновые, потом золотые. На соснах вспыхивал медный блеск. Рыжик услышал, что вокруг нарастает птичьих разноголосье. И тут же понял, что до тракта совсем недалеко. Сквозь птичьи вскрики и посвисты он различил шум тяжелого мотора и шелест шин (наверно, междугородный фургон). Оставалось пройти совсем немного...

У самого тракта лес учинил мальчишке последнее испытание. На опушке тянулся вал сухого валежника. Длинный, не обойти. Рыжик вторично потрогал под свитером крохотное колесико и представил колесо-великана. Однако тут же понял: теперь колесо не поможет, не пробиться ему (и Рыжику) напролом. Цепляясь свитером и обдираясь, Рыжик полез через эту трехметровую баррикаду по верху. Несколько раз провалился среди ломких сучьев, поцарапал ухо. Но все же выбрался к широкой асфальтовой полосе. Перешел поросший росистым клевером кювет и оказался у столба. На столбе голубела табличка с белыми цифрами. С одной стороны — 339, с другой — 32. Тридцать два — это до Преображенска.

Рыжик потрогал поцарапанное ухо и подумал: «А что же дальше?»

3

Солнце свегило влодь шоссе. Машин почти не было. Только проехали в разные стороны пыльная «Лада» и неторопливый рейсовый автобус (наверно, издалека). Впереди «Лады» и позади автобуса ехали по асфальту длинные тени.

Который же час?

Рыжик знал, что солнце встает около пяти. Скорее всего, сейчас начало шестого. Если он попросится в какую-нибудь машину (и если его возьмут), у базы он будет еще до шести. И что там делать? Да и ворота заперты...

Надо там оказаться не раньше девяти, к этому времени приезжают ребята. И Корнеич. И Кинтель...

А что они скажут?

И впервые Рыжика потрянул холодный страх. Не тот, что в ночном лесу, совсем другой и более сильный. Даже дышать стало трудно. А если они скажут: «Какое право ты имел убежать? И сюда приходите без спроса! Кто тебя звал?» Посадят в машину — и обратно в «Солнечную Радость»! Потому что ведь он в самом деле не имел права! И Корнеичу, и другим взрослым на базе может за него попасть!

На пути через темный лес такие рассуждения не появлялись. Там главное было — преодолеть сумрак, ночной страх и километры... А теперь...

Но эти мысли вдруг расплылись, растворились в навалившемся утомлении. Рыжик почувствовал, как он устал. Ноги стонали и подгибались, спина гудела. Даже нагнуться и почесать искусанные икры было трудно. Голову, словно ватными слоями, окутала сонливость. Рыжик посмотрел на траву. Она была в искрящихся каплях росы, вмиг промокнешь до костей. Вот если бы здесь нашлась какая-нибудь скамейка, чтобы прилечь и... А еще — что-нибудь вроде старого мешка, чтобы укрыться от утренней зябкости...

Не было ни скамейки, ни мешка. Но совсем рядом Рыжик увидел в траве картонную коробку с откинутыми клапанами (скорее всего, от телевизора). Наверно, слетела с грузовика, который вез на свалку мусор. Большущая была коробка, размером с конуру, в которой живет на базе сторожевой пес Боцман, приятель всех ребят...

Коробка оказалась тяжелой, но пустой. Рыжик, постанывая от усталости, путаясь в мокрой траве, оттащил ее подальше от дороги, к кустам, что росли рядом с валежником. Повернул дном к дороге, крышками к мелким осинкам. Забрался, затворил за собой картонные клапаны. Съезжился. Пахло в темноте старой бумагой и стружками. И сделалось... да, уютно. Потому что теперь это был его, Рыжкин, дом. И никто его здесь не найдет, не потревожит. Рыжик лег на бок, свернулся калачиком, потер скользкие от росы коленки, натянул на них подол свитера. Прочесал друг о дружку ноги, сунул под щеку ладони...

...И сразу показалось, что он у себя дома. В бабушкиной комнате, где он прилег на застеленный ватным одеялом сундук, потому что набегался за день. И пахло уже не мусором, а

бабушкиными лекарствами и ее одеялом. И бабушка (которая на самом деле прабабушка) сейчас подойдет, коснется невесомыми пальцами ершика на его голове: «Эх ты, Прошка-Ерошка...» Это единственная дразнилка, на которую он не обижался. Потому что не дразнилка, а ласка...

Рыжик понял, что соскучился по бабушке. Хотя раньше, бывало, злился на нее за беспомощность, забывчивость, непонятные и пустые вопросы, которые она выговаривала выпальными жующими губами: «Ну так что, Прошенька-горошенька, как ты там?» Он дергал плечом. Непонятно было: что «что», что «как»? Ей, видать, просто хотелось поговорить, а ему было некогда...

А мама, наверно, не любила бабушку за другое... Ну, что она считала «не любила»? Не обижала ведь, грубо не разговаривала, помогала, когда надо. Но с какой-то внутренней напряженностью. И бабушка старалась сделаться совсем незаметной... А причиной маминой нелюбви к бабушке был отец, он пять лет назад оставил их всех, уехал куда-то — и с концом. «Потому как водка для этого господина — самое главное», — иногда вырывалось у мамы. Да, он был такой, Рыжик помнил... А когда он исчез, виноватой осталась она, отцовская бабушка. Виноватой еще и просто потому, что есть на свете.

«А ведь мама ждет, когда бабушки не станет», — понял сейчас, во сне, Рыжик. Наверно, и дядя Толя, новый мамин муж, этого ждал. Хотя он был неплохой, Рыжика не обидел ни разу, книжки дарил, с бабушкой разговаривал очень вежливо, но все равно... ждал. Тогда можно будет быстро избавиться от дома-развалюхи, обзавестись новой квартирой и жить «как все люди».

«Нет, не смейте!» — сказал Рыжик, словно заслоняя бабушку. Сказал, конечно, все в том же сне. Сон окутывал его плотно, укачивал, выстраивал и рассыпал разные картины. Вертелось большое колесо (значит, Словко все-таки раскрутил его). Привиделся опять ночной лес, где множество неразличимых сов проносились у самого лица. Рыжик не боялся, только отмахивался... Затем на просветлевшем небе выросли корабли с очень белыми парусами. Это были не маленькие «марктовены», а громадные фрегаты вроде учебного корабля «Мир», который недавно показывали по телику. Они очень долго плыли по сну Рыжика, будто по бесконечному бледно-синему морю...

Иногда по коробке постукивал дождик, и от этого сон делался еще уютнее.

А потом Рыжик увидел барабанщиков «Эспады». Они стояли на берегу и желтыми, солнечными, палочками играли для Рыжика марш «Паллада» — такое приветствие. Но смотрели куда-то мимо него, поверх головы. И поэтому Рыжик не чувствовал радости. Прямо из воздуха возникла Аида Матвеевна — еще более пышная и растрепанная, чем наяву. И улыбающаяся. Она радостно сообщила: «Ребята! Наш барабанщик Рыжик большой герой. Он прошагал через всю тайгу и появился здесь, чтобы принять участие в главных гонках. Молодец!.. Но мы не можем допустить его к гонкам, потому что он нарушил Конституцию и сбежал из лагеря. За это мы обязаны исключить его из «Эспады» и отправить обратно в «Солнечную Радость», а там его посадят на цепь и будут держать в картонной коробке до конца смены...» Тут Рыжик увидел, что улыбка у нее деревянная. А Корнейч и Кинтель стояли рядом, но, как и барабанщики, смотрели мимо...

Рыжик застонал от горя и проснулся. Подошвами вытолкнул картонные клапаны. Сразу все вспомнил. Пятясь, выбрался из коробки, встал. Ноги и спину ломило. В горле было сухо. Надоедливо, хотя и не сильно, зудели комариные укусы.

А солнце было высоким и ярким. Машины проносились по тракту одна за другой, разноцветные, блестящие. Рыжик, заплетаясь во влажной траве, сходил за березку (чтобы с дороги не увидели, чем он занимается). Вернулся к коробке (будто к дому). Разглядел среди клевера лужу — наверно, осталась от недавних дождей. Вода была коричневатая, в ней плавали сухие травинки. Рыжик с удовольствием умылся. Хотелось пить, но это дело было рискованное: мало ли, какие здесь микробы. «Потерплю», — сказал он себе.

Рыжик попрощался глазами с коробкой. Ближе к дороге стоял столб с числом 32 на синей табличке. Рыжик посмотрел на него, как на хорошего знакомого.

От солнца, от умывания (и от этого вот столба) Рыжику стало веселее. Как бы то ни было, а он одолел главную часть пути. Осталось немного. И опять стало казаться, что все кончится хорошо.

Рыжик встал на обочине. Машины проносились со свистом и шорохом. Никогда в жизни Рыжику не приходилось «голосовать» на дороге, проситься к кому-то в попутчики. Он

знал, что надо поднять руку и ждать, когда найдется добрый человек.

Люди — они бывают всякие. Рыжику казалось, что прощаться в блестящие «Вольво» и «Тойоты» нет смысла. Наверняка в них едут всякие сытые богачи, «новые русские». А вот какой-нибудь пенсионер или небогатый дачник в помятой «шестерке» или «Оке», наверно, пожалеет одинокого мальчика в рыжей истрепанной одежде.

Скоро он увидел как раз такую «шестерку» — пыльную, с трещиной на стекле. Но машина проскочила, как снаряд, а за трещиной мелькнуло насупленное небритое лицо... Зато серебристый длинный автомобиль затормозил!

Он затормозил не сразу, проскочил сперва следом за «шестеркой», но вдруг сбавил ход, встал, поехал обратно. Рядом с Рыжиком распахнулась отразившая лучи дверца. «Значит, руль правосторонний», — мелькнуло у Рыжика. А что за марка у машины, он не разглядел. У водителя было круглое добродушное лицо. Гладкое, но уже не молодое. А голос не сердитый, со смещинкой:

— Далеко собрался, путешественник?

— В город... — выговорил Рыжик. В горле заскребло от робости и от сухости.

— Ну, грузись... — Мужчина перегнулся через спинку, открылась задняя дверца.

И Рыжик, стучая ногами о металлическую кромку, животом вперед погрузился на очень мягкий кожаный диван. Завозился, сел. Выпрямился. Но тут же его откатнуло назад — поехали.

Хозяин иномарки смотрел на Рыжика из продолговатого зеркала. Внимательно так...

— Издалека ли путь держишь, юноша?

История про грибы, про то, как заблудился, вылетела из головы. То есть не вылетела, а показалась абсолютно глупой. А еще... вдруг мелькнуло предчувствие (вроде приметы, что ли): если он, Рыжик будет врать, все кончится плохо. И он сказал прямо:

— Издалека. Из детского лагеря...

Мужчина поднял брови:

— Во как! И тебя отпустили одного?

— Я не спрашивал... — Рыжик отвел глаза от зеркала и стал смотреть на летящую мимо зелень.

— Во как... — сказал опять водитель. — Значит, худо пришлось? Бежишь от дедовщины?

— Нет... — опять с хрипотцой выговорил Рыжик. — Я... даже и не бегу. Мне надо по важному делу. К друзьям.

Взгляд водителя стал озабоченным.

— Однако же... Если действовать по закону, я должен сдать тебя властям. Не так ли?

Рыжик понял, что на ходу не сможет выскочить из машины.

— Не надо сдавать! — Голос его от отчаяния сделался чистым и резким. — Я же не прячусь! Я на водную станцию, там наши яхты! И там взрослые... командиры... Они рещат, что делать.

Водитель раздумчиво шевелил бровями.

— А база на краю города! Это совсем по пути, сами увидишь! — с тем же звоном добавил Рыжик.

— Ну, если так... — отозвался водитель. И... улыбнулся. Может, для того, чтобы беглец все же не попробовал сигануть из кабины на полной скорости.

Потом они молчали. Только шуршал за стеклами воздух, а встречные машины как бы взрывались рядом... Рыжик впервые ехал в таком просторном и мягком автомобиле. «Прямо как в самолете», — подумал он, хотя в самолете тоже не бывал. Он подвинулся к середине пухлого дивана, чтобы разглядеть руль и панель. И среди всяких циферблатов увидел часы.

«Ой... Ой-эй-эй-эй... Это сколько же я спал...»

На часах была половина двенадцатого.

А что такого? Он спал в коробке — после долгого лесного, бездорожного пути, после страхов и усталости — даже меньше, чем положено спать ночью обыкновенному мальчишке в обыкновенной постели. Где-то часов шесть. И зато теперь сна не было ни в одном глазу. Но... опять стал подкрадываться страх. Тот, что ранним утром на обочине: «А что же будет?» И сделался еще сильнее, чем тогда, резче. В нем почти не осталось надежды. Вдруг пришло полное понимание: «Отправят обратно, вот и все...» И чуть не хлынули слезы. И хлынули бы, но за левыми стеклами вдруг помчались проблески синей воды. Конечно же, это начиналось Орловское озеро! Все как на карте!

— Уже скоро! — дернулся Рыжик. — Вот... уже сейчас... это наши места...

И правда, промелькнули трехэтажные дома знакомого Мельничного поселка, дорога сделала поворот, и сразу слева

открылись распахнутые ворота с якорями на железных столбах. За воротами мелькали, как бабочки, оранжевые рубашки.

— Вот! Здесь!..

Машина свернула с дороги. Водитель опять потянулся через спинку, нажал ручку задней двери...

Ну, а что дальше, уже известно...

КАЛЕНДАРИ

1

Восьмерых (в том числе Рыжика и Нессоновых) забрали с базы каперанг Соломин и Кинтель — на своих машинах. Остальные, как обычно, пестро-оранжевой толпой отправились на трамвай. Остановка была в сотне метров от ворот с якорями. Корнеич двигался с ребятами, пешком. Его тяжелый вишневый мотоцикл весело толкали сзади. При этом, хихикая, вспоминали стихи про цыган, которые «в мороз толкают... паровоз». Ольга Шагалова говорила «бессовестные», хотя ни одного нехорошего слова в стихах не звучало.

Корнеич дождался, когда весь народ «упакуется» в старинный красный вагон (такие вот ходили по этой окраинной ветке), и помахал вслед. За ребят он не опасался. Во-первых, с ними был старший — пятнадцатилетний Равиль Сегалов, флаг-капитан и, по сути дела, уже младший инструктор. Во-вторых, кондукторши на этом маршруте давно привыкли к ребятам из «Эспады» и никогда не придирались: знали, что «оранжевый народ» платит исправно...

Корнеич устроился в седле и газанул. Поехал он, разумеется, не домой. Хотя Даниил Корнеевич Вострецов числился в отпуске, служебных забот хватало. Например, недавно сотрудники епархии (люди эрудированные и дотошные!) раскопали документы, по которым двухэтажный особняк на улице Рылеева — бывшей Княжеской — в девятнадцатом веке принадлежал якобы Православной церкви. То ли там проживал тогда какой-то церковный чин, то ли располагалась гостиница для паломников. И, мол, на этом основании было бы справедливо вернуть собственность прежним владельцам. А сейчас в доме находится отдел редких книг и нумизматики, то есть учреждение из числа подведомственных господину Вострецову. И господин Вострецов ехал в областное министерст-

во культуры (иначе — Комитет по делам культуры, сокращенно «Комкуль»). Там предполагалась встреча с представителем епархии для обсуждения вышеупомянутой проблемы.

Представитель был молод, с довольно короткой стрижкой и профессорской бородкой. Шелестел шелковистой рясой. Назвал себя отцом Александром. Держался предупредительно, говорил мягко. Даниил Корнеевич в своей штурманской куртке, тельняшке и мятых джинсах, со взерошенной бронзовой прической явно проигрывал в глазах дамы по имени Оксана Эдуардовна. Дама занимала должность одного из многочисленных заместителей областного министра и призвана была выполнять роль посредницы при переговорах.

Отец Александр выложил бумаги. Даниил Корнеевич подверг сомнению достоверность документов, а также их юридическую состоятельность. Некоторое время шла полемика на вежливом, прямо академическом уровне. Оксана Эдуардовна поощрительно улыбалась, ей было любопытно.

Затем Даниил Корнеич пятерней прошелся по волосам и сказал отцу Александру, который был явно моложе его:

— Батюшка, ну на кой шут вам этот дом? Возрождение духовности великое дело, но вы там у себя понимаете его, на мой взгляд, несколько однобоко. Библиотеки и хранилища раритетов тоже служат воспитанию души. Вы и так уже вытряхнули музеи из нескольких помещений. К тому же и строите немало. Вон какие корпуса на площадях епархии. И храмы растут чуть не на каждом углу. Может быть, есть смысл сохранять какую-то... пропорциональность?

— Что вы имеете в виду, Даниил Корнеевич? — благожелательно осведомился отец Александр.

— Построили бы несколько приютов для бездомных пацанов. Очень богоугодное дело...

Отец Александр покивал:

— При женском монастыре есть приют для девочек. А в городе — широко известная православная гимназия.

Корнеич сказал, сдерживаясь:

— Гимназия ваша — элитарное учреждение. А в приюте три десятка воспитанниц. В стране же четыре миллиона беспризорников...

— Ну, Даниил Корнеевич, не надо преувеличивать, — мягко укорила его Оксана Эдуардовна.

— Я не преувеличиваю! От четырех до пяти миллионов.

Это не мои цифры, их привел в интервью писатель Приданов, советник президента. Полагаю, он владеет статистикой...

— Да, но... мы сейчас обсуждаем другую тему, — вышла из положения Оксана Эдуардовна.

— Я полагаю, дальше обсуждать ее не имеет смысла, — скучным голосом сообщил Корнеич. — Музейный совет добровольно дом не отдаст. Можно, конечно, поступить испытанным способом. Таким, как с самодеятельным театром «Друзья», который выкинули на асфальт, чтобы отдать помещение игорному дому «Золотая фишка». Молодчики в масках действовали умело. Боюсь, однако, что с нами это дело не пройдет...

— Даниил Корнеевич! Ну, право же... — Голос «замминистерши» обрел тональность классной дамы, укоряющей первокурсника. — Всем известна категоричность ваших суждений и некоторый... м-м... экстремизм методов, но мы же собираемся не для этого...

— Мы совершенно не мыслим прибегать к помощи молодых в масках, — с прежней мягкостью сообщил отец Александр. — Должно иметь место полюбовное соглашение...

— Рад слышать. Однако не вижу пока почвы для такого соглашения, — уже светским тоном отозвался Корнеич. — А за счет... если ко мне больше нет вопросов, я попросил бы позволения отправиться по другим делам...

Из «Комкуля» Корнеич поехал опять же не домой, а по нужным магазинам. Причем не только центральным, но и на окраинах. А после заглянул еще к Нессоновым — «для спокойствия души». То есть убедиться, что беглец Рыжик Кандауров принят и пригрет этим семейством. Оказалось, что да, принят и пригрет. «Два или три сорванца — какая разница? — сказала мама Нессонова. — Тем более что он самый спокойный и послушный из всех...»

— Может быть, это... какое-нибудь финансовое воспомоществование? — осторожно сказал старший флагман Вострецов.

— Побойся бога, Корнеич! — басом отозвался усатый, положкий на старинного кочегара (а на самом деле известный в городе фотомастер) папа Нессонов. — Что за ахинею ты несешь! Будто не прокурим такую кроху...

Домашнее дело Корнеича оказалось только в восьмом часу.

Озабоченная Татьяна изложила мужу новости за день. Последняя новость была:

- Изволили приехать Сергей Евгеньич Каховский...
- Наконец-то!.. Кстати, почему вы все кличете его Евгеньичем, если он Владимирович?
- По привычке. У него же было прозвище «Евгеньич», студенты в Херсонесе ему приклеили, а потом и в отряд просочилось. Сам знаешь...
- Несolidно. Научный деятель, а ему то и дело отчество на кличку переделывают. Кстати, где он?! Куда звонить?!
- Никуда. Он сидит на кухне и пьет чай.
- Уже не пью. Вот он я... — Сергей Владимирович возник в дверях.
- Они облапили друг друга.
- Потом отодвинулись, глянули: кто какой стал? Ведь не виделись-то... елки-палки сколько!
- Каховский был выше на полголовы. Поблескивали залысины. Сияли хрусталем «академические» очки. На щеках и подбородке — аккуратная модная щетинка, в ней редкие седые волоски.
- Э, да у тебя животик, батенька, — заметил Корнейч.
- По чину положено. Как-никак научное светило, хотя и не первой величины. Профессор, доктор и прочая...
- Подумаешь, чин! У меня он тоже имеется кой-какой, а живота пока не заметно.
- Потому как ты всю жизнь на мотоцикле, на боевом коне в прямом и переносном смысле. А я все больше на машине или в кресле...
- А твои экспедиции?
- Это, друг мой, в прошлом. Я теперь кабинетный деятель...
- Пфы, — сказал Корнейч тоном Данилки Вострецова.
- Ничего не «пфы»! Не суди, не вникнувши... Слушай, Осенняя Сказка, а где твои веснушки? В прошлый раз еще просматривались!
- Под загаром и налетом порохового дыма...
- Вы бы сели, — сказала Татьяна, — пока я там на кухне...
- И они рядом плюхнулись на охнувший диван (сверху покривилась на полке пластмассовая модель клипера «Катти Сарк»).
- Давай по порядку, — велел Корнейч. — Ты надолго?
- Пока не знаю, поживу. Стариков не видел целую вечность. Тетя Галя вцепилась в меня: «Никуда не пушу раньше августа». Отец тоже...

- Я такая скотина, не звонил им с весны. Здоровы?
- Более или менее. Как говорится, адекватно возрасту...
- А семейство?
- Я купил халупу недалеко от залива. Наталья теперь по уши в дачных заботах, сбывлась мечта... Сашка закончил девятый, вроде бы помогает сейчас матери, поскольку из меня дачник никакой. Я специально сбежал от сельских работ...
- А Катя?
- О! Катерина сделалась девицей на выданье, боюсь, к тому все идет...
- Чего бояться-то? Дело житейское...
- Оно так. Только избранник у нее какой-то...
- Не тебе с ним жить, — хмыкнул Корнейч.
- Опять же оно так... Только не случилось бы потом: «Папа, мама, он оказался совсем не такой!.. А это ваш внучек...»
- Посмеялись.
- А Роман что? — спросил Каховский. — Они ведь с Сашкой одногодки? Капитанит в отряде?
- Если бы!.. Прошлой весной объявил себя в почетной отставке, поскольку, мол, все отрядные премудрости превзошел, а для инструкторства нет таланта. Правда, зимой вел с девочками занятия по фехтованию... Куча увлечений и плавов. Морское училище уже презрел. Теперь знаешь что? Авиационный институт, и не просто так, а дирижаблестроение...
- Ну... а чем плохо?
- Да если бы всерьез. А то ведь завтра скажет: хочу в артисты. Или, например, в спелеологи...
- Лишь бы не в чиновники... — вздохнул Каховский.
- Чиновники нужны. Они основа нации, — заявил Корнейч и вспомнил Оксану Эдуардовну).
- Да, но не в таком количестве... А что, «основа» эта жрет отряд по-прежнему?
- А вот и нет! Потому как новое руководство умеет строить отношения...
- Что за новое руководство? — Каховский чутко уловил «не ту» интонацию Корнейча.
- Да, ты же не в курсе... Олег Петрович Московкин, дорогой наш друг и наставник, полтора года назад сделал нам подарок. Познакомил меня с некими супругами Толкуновыми. Педагогами, бывшими стройотрядовцами, активистами коммунарского движения и прочая, прочая. Ныне — преподавателями педвуза и разработчиками методических новшеств.

Ну... прекрасные люди. Умелые, с ребятами ладят вполне, с городским начальством еще лучше... Я им потихоньку и передал бразды. Потому что почти весь прошлый год и эту весну пришлось мотаться по границам...

— Во как!

— Да... Сперва наш Музейный совет получил гранты... А я ведь как-никак замдиректора кустового управления музеев области. По исторической и краеведческой линии... Ну и сперва учеба в Германии, потом похожие дела в Варшаве. Затем снова в Германии, уже по медицинской линии...

— А что такое? — сразу напрягся Каховский.

— Ну, протез-то... Здесь какой ни смастерят, все как липовая нога. «Скырлы, скырлы...» А в Германии это умеют, я там разузнал. Только, оказалось, таких денег стоит, что я сперва лишь руками замахал. Однако узнали про это наши ребята. Ну, те, кто нынче в бизнесе и промышленности. Гарц, Ткачук, Самойлов, потом еще несколько тех, кто были у меня в восьмидесятых... Скинулись. Я сперва отбрыкивался, конечно, а они... ну, знаешь ведь капитанскую братию... В общем, теперь танцую, как Наташа Ростова на первом балу... Только танцы танцами, а в отряде... Возвращаюсь однажды, а в штурманском классе вместо планшетов и тренажеров — горшочки с цветами и палас на полу. Комната для медитаций и психологического практикума. Это мадам Толкунова, педагог-психолог, развернула свою программу... Теперь многое, что касается парусов и клинков, приходится начинать с азов...

— Не все, наверно, так мрачно... — осторожно заметил Каховский.

— Не все... Начальник базы теперь свой человек, это во многом упрощает дело...

— Да, Митенька — это находка для нынешней «Эспады», — согласился Каховский. — Кстати, я ему только что позвонил, он сказал, что придет к восьми. Надеюсь, ты не против?

— Ну, вопросик...

— Звонил и другим нашим, но никого в городе нет...

— Лето же. Кто в отпуске, кто по делам мотается. Ткачук в Японии, Стаська Грачев где-то в море, еле вырвался от арабов, они арестовали их сухогруз будто бы за контрабанду...

— Да, я читал... А еще придет наш юный друг Дания Рафалов, он же Кинтель...

— Куда же без Кинтеля, — покивал Корнейч. — Только не

уже юный. Двадцать пять мужику. Не дай бог женится, останусь без помощника...

— Тебе вот женитьба не помешала...

— Да. Но не все такие, как Татьяна...

Татьяна оказалась легка на помине:

— В комнате будете или на кухне?

— На кухне, на кухне, — засуетился Каховский. — Как в прежние времена...

— Только еще Каперанг и Кинтель заглянут, — слегка подлизываясь, сообщил Корнейч. — Ты учти там с тарелочками...

— Проинформирована уже, — вздохнула Татьяна и удали-

лась. — Кстати, а как это Каперанг возник в нашем сухопутном городе? — вдруг озаботился Каховский. — Я не в курсе.

— Темная история... Темная не в смысле таинственности, а в смысле пакостности. Одна из многих в цепи, где «Ка-де-визитация», «Курск» и прочие «подводные события». Тоже показательная... Дима командовал старой лодкой, которую давно следовало пустить на металл. Ну и пришел время: командира на новую должность, лодку в доки вторчермета. Надо пересгонять. А ее страшно от стенки отвести, сплошнй утиль. Командир Соломин, тогда еще кавторанг, докладывает: лодка не готова к выходу. На него там в несколько голосов: «Не рассуждать, исполнять!» Ну, нашла коса на камень. Командование вопит: «Вы трус, вы срываете задание, не исполняете приказ!» Наш тихий скромный Дима: «Приказ преступен, я не стану рисковать людьми». И вдобавок: «Вам что, мало прежних историй?»... За это дело его на берег. Начали обследовать лодку, обнаружили — в самом деле, не корабль, а ржавый музейный экспонат. Решили тянуть на буксире, назначили аварийную команду, несколько человек, в том числе кое-кого из прежнего экипажа... На полпути лодка — на дно. Двух человек не нашли... Начальство опять в крик: «Это вы довели до такого состояния корабль!» Хотя он докладывал об аварийности чуть ли не каждый день... Конечно, следствие, всякие взыскания, и — ссылка. Начальником школы по подготовке допризывников для флота...

— А почему же он теперь капитан первого ранга?

— Потому что вскоре разобрались. Выговоры отменили, даже присвоили новое звание. Но... оставили на прежнем месте службы. Возвращать в действующий флот — себе дороже, строптивых не любят нигде... Сперва он переживал, конечно,

потом втянулся в здешние дела. К тому же — свадьба наконец, потом сын Егорка, великолепный парень... Ну и вот...

— Ага! — привстал Каховский, услышав сигнал в передней. — Легок на помине...

Появились Каперанг и Кинтель...

2

Устроились на кухне, за шатким столом, который постанывал, пропуская за себя гостей.

— Корнейч, когда вы с Таней обзаведетесь кухонным гарнитуром из карельской березы? — сказал Кинтель. — Это скрипучее сооружение я помню с той поры, когда Салазкин впервые привел меня в сей гостеприимный дом...

Кинтель был самый молодой (так сказать, «человек третьей волны»), малость стеснялся Каховского и потому старался держаться очень непринужденно.

Таня — она ставила на клеенку салаты и селедку — сказала, что новой мебелью они обзаведутся к золотой свадьбе, не раньше. Корнейч посопел на манер барабанщика Данилки, которого уличили в излишнем легкомыслии. Каховский спросил:

— Салазкин, как я понимаю, это сын профессора Денисова? Где он теперь?

— В госпитале... — насупленно сказал Корнейч. — Давно уже...

— Давно уже не в госпитале! То есть целую неделю, — живо сообщил Кинтель. — Живет в Лебедеве, у сестер. Там же и мать с отцом... — И разъяснил специально для Каховского: — У него две замужних сестры, они обосновались на большущей старой даче и обитают там всем семейным кланом. Вдали от презренной цивилизации...

— Вы злодеи! — вознегодовал Корнейч. — Санька злодей, потому что до сих пор не зашел! А ты, потому что молчал!

— А он суеверный, — объяснил Кинтель. — Сказал, что ни у кого не объявится, пока не устроит дела с университетом.

— А почему он оказался в госпитале? — напряженно спросил Каховский: понимал, что узнает о неприятном.

Корнейч сказал угрюмо:

— С Кавказа доставили. Как писал Некрасов, «это многих славных путь»...

— Он же, по-моему, учился на философском... — Каховский снял очки и протирал их концом заграничного галстука. Смотрел исподлобья.

— Учился, — кивнул Кинтель. — Не то что я, лодырь... Он учился и получил диплом, хотя и поволынил с этим делом, потому как брал после третьего курса академический отпуск. По причине неудачных сердечных дел и увлечения посторонними науками... И все же поступил в аспирантуру... А в ту пору начались в нашем знаменитом университете имени Вэ Гэ Белинского всякие заварухи. Против каких-то там предвыборных фокусов, за повышение стипендий, за всякие студенческие права и за что-то еще... А Санечка, он же всегда за всемирную справедливость. Ему бы заниматься разработкой философских тем под сводами аспирантуры, а он — в первых рядах студенческой демонстрации. А костоломы со щитами и палками — на них... Оказался Саня в милиции, объявлен был одним из главарей. Дальше — бумага в университет. Начальство ему ультиматум: пиши покаянное заявление и называй настоящих зачинщиков или катись... Саня сказал, чтобы катились сами в одно место, хлопнул дверью. Его из аспирантуры коленом под зад... И через две недели его сгреб, конечно, военкомат. Причем в рядовые, так как с военной кафедрой были у Санечки нестыковки, офицерского звания он не получил...

— Я в ту пору был на двухмесячной стажировке в Москве, ничего не знал, — с угрюмой виноватостью сказал Корнейч.

— Ага. А я в больнице, в состоянии вареного червя, — продолжал Кинтель. — Если бы Санин отец работал все еще в университете, может быть, всё бы спустили на тормозах. Но он тогда уже преподавал историю в школе...

— Да, я слышал, что у Александра Михайловича были неприятности, — отозвался Каховский. — Кажется, выступил против коллег-взяточников...

— Выступил... — с длинным вздохом выговорил Кинтель. Поморщился, потрогал затылок (давняя привычка). — Что папа, что сын — одна кровь... Папа оказался в школе, Саня в морфлоте. Причем почему-то без всяких льгот, положенных людям с высшим образованием. Видать, кто-то специально варил эту кашу в отместку ему... Он, конечно, протестовал, писал рапорты, да толку-то...

— Что за сволочизм... — заметил каперанг Соломин.

— Ну да. А пока суть да дело, пока рапорты разбирали, по-

пал Санечка в учебные казармы на острове Контрольном, на Дальнем Востоке. Ну и хлебнул там. Никакой морской романтики, только мордобой да обедки на обед... Вы уж простите, Дмитрий Олегович, но он так рассказывал...

— Чего прощать, дело известное, — глядя за окно, сказал Каперанг.

— ...А однажды является туда какая-то комиссия. Начинают агитировать новобранцев податься из «корабельных кадров» в морскую пехоту. Видать, у морпехов был недобор. Мол, и служба — сплошные приключения, и боевое братство там... Выстроили шеренгу, спрашивают: есть добровольцы? Салазкин наш со многими другими — шаг вперед. Вербовщики эти сперва прошли мимо, даже не глянули. Потому как шустрый и лицо профессорского мальчика... Однако один офицер вдруг вернулся, присмотрелся и говорит: «И вот этого еще, с зелеными глазами»... Так Саня рассказывал... И говорил, что потом, в учебке морского спецназа, было не в пример интереснее и легче. Ну, не в смысле нагрузки легче, а по настроению... А через полгода вдруг набирают группу из самых отличившихся и говорят: «Значит, вот что, ребята, поедете в Чечню...» «Ребята» на это дело без восторга. Мол, как же так? Даже в прошлые времена раньше чем после года службы туда не посылали, а теперь вообще срочников не отправляют. «И, — говорят, — мы кто, омовцы, что ли?» А начальство в ответ: «Ситуация там в одном месте особая, приходится делать исключение...» В общем, не поспоришь... Переодели ребят из черной формы в камуфляж, самолетом доставили в Грозный, оттуда на машине в какую-то заросшую местность — и сразу задача: по этой вот тропе пойдет группа боевиков, пленных не брать... Только никаких боевиков они не успели увидеть. Вдруг минометный обстрел, Саню шарахнуло так, что больше ничего и не помнил. Очнулся уже в плену...

— Господи боже ты мой... — тихо сказала Татьяна. Она слушала, стоя в дверях. Конечно, она все это знала раньше, но сейчас все равно страдала. И думала, наверно, не только о Сане, но и о Ромке.

— Три месяца провел в яме, — продолжал Кинтель. — Те, кто его там держал, думали сперва, что контрактник, они контрактников ненавидят пуще всех на свете... Потом поняли, что срочник, из ямы вытащили. Еще три месяца вкалывал он, как раб, у какого-то хозяина. Конечно, пытался бежать, не получилось... Потом какая-то масштабная зачистка там, освободи-

ли. Он еле живой был, сразу в госпиталь. Сперва в местный, потом сюда, поближе к дому... И больше никакой, конечно, армии... На той неделе пошел опять в университет, качать права, заполнил так называемый протестный лист, а в ректорате говорят: «Александр Александрович, зачем эти формальности? Мы зачислим вас обратно в аспирантуру просто по заявлению...»

— Странный либерализм, — хмыкнул Корнейч.

— Ничего не странненький, — с удовольствием объяснил Кинтель. — Оказалось, там заместитель ректора по всем этим вопросам теперь Сергеевна Мотовилина. Анечка Вырви-Зуб из экипажа «Тремолито» середины восьмидесятых. Мы с Салазкиным ее во флотилии уже не застали, она раньше нас там была, но потом как-то заходила к Корнейчу, заметила там мальчика с зелеными глазами и запомнила. И узнала сейчас... Саня быстренько уяснил ситуацию, еще больше набрался нахальства и говорит: «А в этом случае нельзя ли мне помимо всего прочего подать заявление на заочное отделение математического факультета? С учетом уже сданных дисциплин. А остальное я сдам дополнительно...» Оказалось, что можно и это...

— Елки-палки! — изумился Корнейч. — Сегодня день сенсаций. Понятия не имел, что Анютка в ректорате. А Санька... чего его понесло на математику?

— Непонятно, чего его понесло на философию! -- живо заспорил Кинтель. — Я ему сразу говорил: «Зачем тебе это надо?» А он: «Философия — мать всех наук, математика же одна из многих...» А он же в этой «одной из многих» в девятом-десятом классе по уши увяз. Да и в студенческие годы. Вон сколько тогда контактил с Александром Петровичем, с Медведевым... А потом, в госпитале, когда я к нему приезжал, он рассказал... Говорит, когда в яме сидел, только тем и спасался, что делал в уме всякие построения. И развивал идеи... Ну, из тех математических хитростей, которые они с Медведевым обсуждали раньше... И как бы вернулся к корням. Вернее, «к истокам», сказал он...

— Тут вообще много странного, — как-то нескотно заметил Корнейч. — Непонятно даже то, что Саша Медведев, инженер-электронщик, забросил вдруг свое дело и ударился в чистую математику, переучиваться пришлось. Уж лучше бы не делал этого...

Помолчали. Так молчали всегда, если вспоминали братьев Медведевых. Генка Кузнечик, друг Каховского, погиб в Афга-

не. Старший брат его, математик Александр Медведев, умер два года назад в Мексике...

— Нет, не зря он пошел в математику, — глуховато сказал Каховский. — Много он вытерпел, но много и успел. Знаю по себе...

— Он много успел еще раньше, — строго напомнил Каперанг Соломин. — Когда после Олега тянул на себе «Эспаду». Больше десяти лет...

Помолчали опять.

— Поставить бутылку сухого? — понятиливо спросила от двери Татьяна. — Или будете водку пить?

— Гм... — дипломатично откликнулся Каперанг.

— Я тут привез одну бутылочку. Ахнете, ребята, — оживился Каховский. Дотянулся до подоконника, снял с него роскошный кейс, вынул засверкавший хрусталем сосуд. На этикетке серебрилось название «Балтийский ветер». Под названием распускал пузатые паруса и струил длинные вымпела фрегат петровской эпохи.

Татьяна только вздохнула у двери.

— Не охала бы ты, голубушка, а садилась бы с нами, — осторожно сказал Корнейч. — И стабилизировала бы состояние нервной системы, как любит говорить почтенная Аида.

— Стабилизируйте сами, у меня куча дел. Сейчас дам рюмки и пойду гладить белье... Дания, а ты...

— Я помню... — быстро сказал Корнейч.

3

Каперанг завладел «Балтийским ветром» и начал разливать по рюмкам.

— Мне половинку, — неловко попросил Кинтель. — Головушку берегу...

— А мне пока вовсе не надо, — виновато сказал Корнейч.

— Чего так, Дания? — удивился Каховский. — В прошлый раз ты вроде бы...

— Ну... так... — Корнейч посмотрел на дверь. — Обстоятельства... Я позже, когда вернется Ромка...

Все молчали вопросительно, и Корнейч нехотя объяснил:

— Этот оборот отправился с друзьями на концерт группы «Сигизмунд Кара», во Дворец спорта. И Татьяна заранее не в себе: не случилось бы чего. На таких сборищах это и правда

случается, фанаты там всякие и тому подобное... Ну и... если что, придется, может быть, куда-то бежать, вытягивать за уши. При этом лучше не дышать спиртным в сторону представитель власти, сам станешь виноватым... Так рассуждает Ромочкина мама. Опыт показывает, что есть в ее доводах некая истина...

— Дания, ты и сам, по-моему, малость нервничаешь, — пронизательно сказал Каховский.

— Пока нет. Буду после десяти, если этот... дирижаблестроитель не вернется вовремя.

Каперанг с грустью поставил бутылку.

— Долго не пробовать тебе балтийской «аква-виты»...

— Буду пока «Аква минерале». А вы давайте.

Они чокнулись (Корнейч — пузырящейся водичкой).

— За встречу, господа флагманы...

Пожевали, одобрили Татьянин салат с кальмарами и селедку под майонезом. Корнейч повернул бутылку этикеткой к себе.

— Не бойся, оставим, — улыбнулся Каховский.

— Не боюсь... Ты эту штуку вез из Петербурга?

— Оттуда, с берегов туманной Балтики...

— Сережа, а как тебя вообще занесло на эти берега? — спросил Каперанг, цепляя вилкой новую дозу салата. — Казалось, на всю жизнь окопался в Херсонесе.

— Ну, дорогие мои... когда-то мне тоже казалось. А потом стало ясно, что одним Херсонесом жив не будешь. Выявилась одна тема, которая... ну не надо, а то я заведу пластинку... Кроме того, ряд сопутствующих обстоятельств. Заграница там теперь... Да и осточертела грызня с одним старым оппонентом, который приходится мне дальним родственником и которого я звал в детстве дядей Витей. Тоже археолог... и большая сволочь, между нами говоря. Это я понял еще в свои двенадцать лет...

Каперанг и Корнейч покивали: мол, помним эту историю. Кинтель молча жевал салат, спрашивать считал невежливым. Корнейч (чтобы не думали, будто волнуется за Ромку) весело подцепил Каховского:

— Ну да, профессор, у тебя теперь другие масштабы. Вавилон и Теночтитлан, тибетские и египетские пирамиды...

— И крымские, кстати. Загадка из загадок... Но не в пирамидах дело...

— А в чем? — не удержался Кинтель.

— Ну... вы сами потянули меня за язык... — Каховский зашевелил плечами, сбросил пиджак, накиннул на спинку стула. И... словно помолодел. Заблестел очками. — Если говорить кратко, дело в календарях. В тех, что находят при разных раскопках, в разных местах матушки-планеты. Казалось бы, во все они разные. Что общего у календаря на стене Софийского собора и знаменитого календаря ацтеков? Первый — вроде тюремной азбуки-бестужевки, второй — этакое громадное каменное колесо с массой хитрых изображений... Или, скажем, круги на пшеничных полях. Очень похоже, что это тоже календари, спроецированные из космоса...

— Общего, наверно, много, — заметил Каперанг, снова звякая горлышком о рюмки. — Все они помогают разобраться со временем...

— Не только это, — мотнул головой Каховский. — Кстати, летоисчисления в разных цивилизациях были очень даже несхожие, а закономерности в календарях общие. Так и прут... Дело в том, что календари *несут информацию*. Крайне богатую и разнообразную, когда начинаешь расшифровывать...

— Была недавно статья в «Комсомолке»... — опять вмешался Кинтель.

— Совершенно верно, была! Очень интересная, с массой любопытных выводов. Я с ней почти согласен. Только... автор излагаемых там гипотез считает, что эту информацию вложили в календари некие инопланетяне. Для будущих жителей Земли... Возможно. В каких-то частностях... Но в общем и целом открываются такие вещи, что инопланетяне, если бы эти вещи обнаружили, так же, как и мы, зачесали бы в затылках...

— При наличии оных, — вставил Каперанг.

— Даже без наличия зачесали бы! — запальчиво возразил Каховский. Он все больше напоминал студента на диспуте о смысле жизни. — Потому что... Ну, ребята, мне трудно объяснить. Речь идет о причинно-следственных связях космического масштаба. О закономерностях, которую проявляет некая сила... Археологи это стали понимать раньше других. Например, когда открыли обсерватории Аркаима... А календари — это как иллюстрации таких вот законов... Я дубина в математике, ничего не могу объяснить, но, когда мне объяснял это Саша Медведев, я кое-что улавливал...

— Так вы *этим* и занимались вместе чуть не целый год? В девяносто восьмом, — нервно сказал Корнеич. — Когда он то и дело мотался к тебе в Питер!

— Ну, разумеется... Но меня-то всепланетная система календарей интересовала в первую очередь в историко-философском плане. Об этом я и написал потом свою «Правду о потерянном времени»... А Саша вдруг начал рыть эти проблемы со своей стороны. Уже «чисто математической лопатой». И скоро ахнул. Оказалось, все открытия с календарями укладывались в обоснование его собственной теории хронопоя. В этой теории, как я слегка уразумел, сошлись и астрофизика, и просто физика, и квантовые премудрости, и чистая математика, причем весьма нетрадиционная... и философия... и, видимо, стала возникать какая-то уже новая наука. Судя по всему, она готова была нащупать множество решений в разных земных областях...

— И это вдруг кому-то очень не понравилось, — скучным голосом вставил Корнеич.

— Да почему? — удивился Каперанг. — Вроде бы чисто академические проблемы. Научная абстракция...

— Ха, — сказал Корнеич.

Каперанг отодвинул рюмку и спросил:

— Ты думаешь, поэтому в него и стреляли?

ТЕТРАДЬ ПРОФЕССОРА МЕДВЕДЕВА

1

В профессора Медведева стреляли три года назад, у подъезда его дома, ранним февральским вечером. Когда он отпирал электронный замок.

То ли киллеры были без большого опыта, то ли заказчик не сказал им о профессоре всего, что следовало, но стрелки, видимо, думали, что он размазня-интеллигент. А профессор Медведев, заслышав мотор, спиной почувал — «не та машина». И сразу качнулся влево. Пуля ударила в железо над правым плечом. Вторая попала в кейс, где лежала тяжелая монография профессора Г. Адамса «Спираль бытия». Это когда уже Медведев — после мгновенного разворота — был в броске и прикрывал кейсом голову. Третий выстрел хлестнул вообще неизвестно куда. Медведев бросил кейс, двумя руками перехватил торчавший из-за опущенного стекла пистолет. Послышался хруст и вопль. Тяжелый «макаров» оказался у Медведева в руках. Машина взвыла, дернулась, помчалась вдоль дома.

Медведев дважды ударил из пистолета ей вслед. Потом увидел съезженную старушку с детской коляской, вскинул ствол и третий раз, уже машинально, выстрелил вверх...

В милицию он позвонил прямо от подъезда, с мобильного. Прежде чем отдать пистолет, Медведев при свете телефонного дисплея рассмотрел и хорошенько запомнил его номер...

В милиции чем-то недовольный пожилой капитан дотошно расспрашивал, не является ли пистолет собственностью его, профессора Медведева. Старательно сожалел, что он, профессор, не разглядел в сумерках номер машины. Пытался выяснить, нет ли у профессора врагов, которые могли бы заказать покушение из соображений личной неприязни. Александр Петрович начал закипать. Капитан перестал писать протокол и, глядя мимо профессора, сказал, что все это выглядит странно.

— Вы, в общем-то, уже не молодой человек и самой мирной профессии, очень уж ловко обезоружили стрелявшего. Простите, но напоминает инсценировку... Как это?

Медведев посмотрел на лежавший у края стола пистолет.

— А вы, капитан, попробуйте выстрелить в меня. Можете боевыми. И я покажу, как это... только за последствия не отвечаю. Имейте в виду, что рука, перехватившая оружие, рефлекторно работает на ответный выстрел...

Похоже, что капитан обрадовался:

— Я не понимаю. Вы мне угрожаете, что ли? — Видимо, он был полный дурак. Или притворялся таковым.

— Я тоже не понимаю. Или понимаю. Кажется, вы тянете время, чтобы стрелявшие могли уехать как можно дальше, — выдал в ответ Медведев.

— Ну что вы, Александр Петрович, — добродушно сказал возникший в дверях подполковник. — Сразу же объявлен перхват, работают несколько бригад... Вы, конечно, сейчас взвинчены, это объяснимо. Мы отвезем вас домой, а потом, если будет надо, пригласим снова...

Милиция и в самом деле изображала активные телодвижения в деле поиска преступников. Прокурор города заявил, что взял дело под свой контроль. Но, несмотря на это, стрелявших все же нашли. Причем не тех двух бомжей, которых взяли почти сразу и которые на второй день пребывания в СИЗО признались в содеянном (мы, мол, похитили стоявшую на улице машину и решили ограбить кого-нибудь этакого — представительной внешности и с толстым портфелем). Преступников отыскали люди из афганского союза «Желтые пески», с

которыми по старой памяти связался Корнеич. Они каким-то образом (каким, не знали ни Корнеич, ни Медведев) использовали в поисках номер пистолета и, как говорится, «вышли на след». Дальше — дело техники.

Милицейские следователи неохотно отпустили помятых бомжей и взялись за двоих «настоящих» — стрелка и водителя. Те тоже признались. Но, когда речь шла о заказчиках преступления, несли ахинею. Якобы те действовали инкогнито, мотивов не называли, ничего не объясняли. Мол, вы делаете «работу», получаете пачку баксов в условном месте — и разбегаетесь. Когда же один молодой и не в меру активный следователь начал что-то нащупывать, его перевели на другую работу. Потом «стрелок» неожиданно умер в камере от инсульта, а водитель вдруг заявил, что ни в чем не виноват и что его вынудили признаться с помощью «незаконных методов». С ним повозились еще немного и... отпустили.

Медведеву было некогда протестовать и настаивать на продолжении следствия. Начались крупные неприятности. Такие, что грозила даже «статья». И ни мало ни много, а об «измене Родине». Оказалось, что он, ученый-математик Медведев, передал за границу сведения, которые носили секретный характер. А все дело в том, что Александр Петрович узнал о трудах профессора Энрике Гонсалеса, жившего в Чили, и вступил с ним в переписку. Поделались идеями и наработками. Идеи Гонсалеса были интересны уже тем, что, как и у Медведева, опирались в какой-то степени на открытия археологов. Латиноамериканский профессор побывал даже в экспедиции на раскопках древнего города инков...

Александр Петровичу сказали, что он не имел права сообщать результаты своих исследований иностранным ученым, поскольку результаты эти могут быть использованы в оборонных целях. Профессор Медведев ответил, что в оборонных целях можно использовать даже цветоводство. Например, для того, чтобы возлагать розы и гиацинты на дураков-генералов, умерших от излишнего усердия.

Профессору посоветовали не шутить так.

Александр Петрович возразил, что шутит не он, а те, кто предъявляет ему идиотские обвинения. Разве он продал за рубеж технологию для китайских спутников или засекреченную статистику по экологии? Его работы носят абсолютно абстрактный характер, это область отвлеченной математики и философии.

Беседовавшие с профессором люди сказали, что «знаем мы эту философию: сегодня она абстрактная, а завтра пятьсот мегатонн в одном портсигаре». И взяли с него подписку о невыезде. Вдобавок сообщили, что дело примет очень серьезный оборот, когда «соответствующие специалисты» окончательно разберутся в сущности ушедших в Чили расчетов и выкладок.

Профессор ответил, что прекрасно, если разберутся. Потому что сам он пока разобраться не может очень во многом. Так же, как его коллега Энрике Гонсалес. Может быть, вышеупомянутые специалисты помогут ему проникнуть в суть явления, условно названного «хроновектор икс в степени эн», а также...

Его перебили и пообещали, что разберутся во всем.

Отступились, не разобрались. Видимо, потому, что «соответствующих специалистов», способных полностью вникнуть в эти вопросы, пока еще просто-напросто не было на Земле.

Профессор Медведев написал про этот случай ехидную статью, хотя ему «настоятельно рекомендовали» проявить благоразумие и «не обострять ситуацию». Статью напечатала ершистая газета «Титулярный советник». Последний абзац статьи был таким:

«Если уж чем-то неугоден сделался недостреленный математик, можно было поступить испытанным способом: сунуть ему в портфель ржавый наган или полкило героина и привычно раскрутить уголовное дело. А строить обвинения на основе философских абстракций и нерешенных еще математических проблем — это вопиющее невежество и самонадеянность... Да, наука математика может многое. Может, например, рассчитать смещение земной оси или способы изменения планетных орбит. Но это лишь область теории. А жаль. Потому что иногда хочется не в теории, а на практике тряхнуть эти орбиты — чтобы в Солнечной системе поубавилось человеческого глупости».

После публикации редактор газеты был «отечески предупрежден» (о чем «Советник» тут же известил читателей). А профессору Медведеву целый год не давали визу для поездки в Мексику, где теперь обитал переехавший из Чили Энрике Гонсалес. Наконец дали. Александр Петрович обрадованно улетел в Москву, а оттуда в Мехико. Там через три месяца его нашли мертвым в гостиничном номере. Врачи сказали, что паралич сердца. Но было непонятно — отчего? Ни на сердце, ни на другие хвори он никогда не жаловался. Несмотря на возраст, был спортсмен — лыжник, велосипедист...

Через посольство переслали в Преображенский технический университет, где раньше работал Медведев, урну. Ее захоронили в могиле родителей Александра Петровича. Стоял солнечный апрельский день, проклевывались почки. Не было оркестра, никто не говорил речей. Ветераны «Эспады» стояли отдельной группой. Корнейч заметил бывшую жену Медведева, с которой тот был давно в разводе. Здесь же стояла его взрослая дочь — с таким выражением лица, словно опаздывала в косметический салон. Корнейч подошел:

— Перед отъездом Александр Петрович оставил у меня кое-какие книги и бумаги. Может быть, вам что-то нужно?

Бывшая жена покачала головой:

— Зачем? Что мы в этом понимаем...

2

— А в мае, перед Днем Победы, меня навестили два научных сотрудника, — сказал Корнейч, когда сидели вчетвером на кухне. — Молодые, аккуратные. Вежливые. Сказали, что доценты из Технического университета. Доцент Семенов и доцент Савченко. Я вам, по-моему, про это еще не говорил...

— Доценты в штатском... — вставил Кинтель.

— Очень интеллигентные... Говорят: «Даниил Корнеевич, до нас дошла информация, что перед отъездом Александр Петрович отдал вам на хранение кое-какие свои материалы...»

Я говорю: «Не на хранение, а в подарок».

«Конечно, конечно, — говорят. — Мы понимаем. Но это же такие специфические документы. Вам они совершенно неинтересны. А для нашей кафедры они...»

«Для кафедры?» — говорю.

«Да-да, именно... Особенно интересна черная толстая тетрадь с записями от руки...»

Думаю, и откуда только узнали про тетрадь? Видать, Саша не был очень скрытен среди своих коллег...

Не стал я упираться и рыпаться, говорю сразу:

«Да ради бога! Вам нужен обязательно оригинал или можно дубликат?»

Они малость изменились в лице:

«А что, разве есть копия?»

«Конечно, — объясняю я. — И не одна. С хорошего ксе-

рокса. А если поискать в Интернете, можно, по-моему, и там найти, на математических сайтах...»

Они обменялись такими взглядами... ну, будто спрашивают друг друга: «Ты не брал мой бумажник?» А потом ко мне. Укоризненно так:

«Напрасно вы это сделали, Даниил Корнеевич».

Я честно выгарашил глаза:

«Господи, да при чем здесь я? Это он сам. Такие записи не хранят в одном экземпляре, это даже козе понятно... прости-те, конечно».

Повздыхали они, покивали, а потом все-таки:

«Ну а тетрадочку-то разрешите? Мы разберемся, скопируем, а дальше можем и вернуть вам, если она дорога как память...»

«Очень, — говорю, — буду признателен».

— Не вернули, конечно? — спросил Каховский.

— Вернули! Недели через две пришли снова, доцент Семенов и доцент Савченко.

«Вот, — говорят, — пожалуйста... А скажите, не делился ли Александр Петрович с вами какими-то соображениями по поводу своих записей?»

Я захлопал глазами.

«Он? — говорю. — Со мной? Это все равно что рассуждать с сельским ветеринаром о тонкостях древнеяпонской лингвистики».

«Ну да, ну конечно, у вас разные сферы... А все-таки, может быть, как-то между делом... Не объяснял ли он вам случайно, что значит этот символ?» — и показывают мне в записях значок. Что-то вроде колечка со спицами и петелькой сверху. И таких значков там, кстати, на странице немало...

Я, конечно, только руками развел. Понятия, мол, не имею.

«Похоже, — говорю, — на скрипичный ключ...»

Тут у одного, у Савченко, по-моему, вырвалось:

«Ключ-то ключ, да только от какой музыки...»

— Непрофессионально, — заметил Каперанг. — Даня, а может, они правда из университета? Ты не выяснял?

— А на фиг мне это? — горько сказал Корнеич. — Саню все равно не вернешь... И никогда никто не найдет тех гадов, которые добрались до него там, в Мехико...

— Ты что... думаешь, с ним, как с Троицким? Только работа почище? — угрюмо спросил Каперанг.

Корнеич с прежней горечью сказал:

— А ты веришь в паралич сердца?

Каперанг хотел налить в рюмки, но раздумал. Стал смотреть в окно. Еще светило солнце, но уже вечернее, желтоватое. На дворе перекликались ребятишки. В комнате двигала гладильную доску Татьяна, оттуда пахло свежим горячим бельем...

— Можно я спрошу? — сказал Кинтель. — Это, конечно, не для моего понимания, не для рядового программиста из нотариальной конторы...

— Да ладно тебе, — поморщился Корнеич.

— ...Но все равно спрошу. Не доходит до меня: почему математика Медведева кто-то боялся? Ведь не физик-ядерщик, не супер-оружейник. Что там? Цифры да календарики... Простите, Сергей Евг... ой, Владимирович.

— Не просто цифры, дорогой мой, — веско проговорил Каховский. — Видимо, дело в теории хронополя. Саша был близок к тем проблемам, которыми занимался известный ученый Козырев.

— Это который открыл вулканы на Луне? — оживился Каперанг.

Каховский чуть улыбнулся:

— Похоже, Дима, что ты читал не только уставы и литературу о субмаринах.

— Не только. Значит, тот? Ему единственному у нас в стране, кроме Гагарина, Международная академия астронавтики дала золотую медаль с алмазами. За его лунные открытия...

— Да. Но речь не о вулканах на Луне, а о том, что он усиленно изучал свойства времени. Как физического явления. И это всю его жизнь многим очень не нравилось... Ну, то, что в лагерях сидел, это понятно, тогда кто только не сидел. А за что в конце жизни уволили из обсерватории, не давали работать?.. Значит, не столь уж безобидная теория...

— Сережа, — вдруг тихо сказал Каперанг. — А ты... тоже будь осторожен. Раз каким-то боком к этому делу...

— А я осторожен, Дима, — так же серьезно отозвался Каховский.

Кинтель вдруг встревожился:

— Корнеич, а тетрадка-то теперь где? У тебя?

— У меня...

— Ты покажи Салазкину. Он знает как в нее вцепится... Может, даже разберется, что за скрипичный ключ...

Корнеич вдруг энергично замотал головой:

— Едва ли разберется... Доценты были недалеко от исти-

ны, когда интересовались: не говорил ли Саня про этот значок. Он говорил. Между делом, перелистывая тетрадь, вдруг сказал: «Знаешь, Даня, в этой штучке столько всего... Чтобы расшифровать, нужна еще одна такая же тетрадка...» Боюсь, что эту тетрадку у него как раз и украли вместе с портфелем.

Все смотрели непонимающе. Никто не знал про такую кражу.

— Когда уже были готовы документы для отъезда, у Саши на улице какие-то хулиганы... якобы хулиганы... вырвали кейс и убегали. Саня просто почернел от досады. В кейсе были паспорт, билеты... Ну, к счастью, все это через три дня подбросили в почтовый ящик. Саша ожил: «Все вернули, сволочи! Кроме денег, конечно. Да еще тетрадка пропала. Ключевая. Ладно, все равно никто в ней ничего не поймет...» Я говорю: «А как ты сам-то без нее, без ключевой?» Он засмеялся, хлопнул по лбу: «У меня все здесь, как в компьютере. Надо будет, восстановлю в момент...» Кто теперь восстановит...

— А копий не было? — спросил Кинтель.

— С той тетрадки, видимо, не было, — как-то виновато отозвался Корнеич. — По крайней мере, я не знаю...

Каперанг наконец наполнил рюмки (Кинтель опять попросил: «Мне чуть-чуть...»).

— Давайте, ребята, не чокаясь. За братьев, за Сашу и за Кузнечика. Вот судьба у обоих... Одно утешение, что рядом лежат...

Каперанг задержал руку с рюмкой.

— Как... рядом? Кузнечик же... говорили, что там... в братской... Потому что ничего не осталось после взрыва...

Корнеич скривился, как при операции без наркоза.

— Ну да... Но потом его друзья... на том месте... собрали комки земли с запекшейся кровью, запаяли в снарядную гильзу, привезли сюда. Мать жива еще была... Зарыли гильзу там, где отец... А теперь там уже четверо... — Он опрокинул в себя рюмку с «Аква минерале», медленно проследил, как пьют остальные. Каховский встретился с ним взглядом.

— Надо, ребята, съездить на кладбище, — сказал он.

— Надо... — кивнул Корнеич. — Я с осени не был...

— Давайте завтра! — быстро сказал Кинтель. — Мы с Салазкиным собирались с утра...

— Завтра я не могу, — поморщился Каперанг. — На базе гонки многоборцев. Эти недоросли обязательно что-нибудь намудрят, если нет начальства...

— Ну, тогда, Дмитрий Олегович, с вами можно еще раз, — неловко сказал Кинтель. — А с Салазкиным мы уже точно договорились... Я давно уже не был там... у Зинаиды и у братишки... Мама Надя тоже собиралась, да прихворнула...

Все понимающе молчали. Все знали горькую историю мальчика Дани Рафалова по прозвищу Кинтель.

Его мать погибла на пароходе «Адмирал Нахимов» в 1986 году. Данька жил после этого у отца, с мачехой Зинаидой и сводной сестренкой Региной. Регишка в нем души не чаяла, Зинаида тоже относилась по-доброму, а с отцом упрямый Кинтель не ладил. И в конце концов ушел жить к деду, отставному корабельному врачу. В ту пору он и подружился с пятиклассником Саней Денисовым, которого упорно звал Салазкиным...

Зинаида скоро умерла, и Кинтель вернулся к отцу, потому что оставшаяся без матери Регишка отчаянно хотела, чтобы рядом были и отец, и брат...

А Кинтеля мучила горькая загадка и надежда. Он встретил однажды на улице женщину, которая показалась ему похожей на мать. И звали ее так же — Надежда Яковлевна. Стало казаться тоскующему мальчишке, что это и правда его мама. Что, наверно, не погибла она, а просто не хочет встречаться с сыном, которого когда-то оставила из-за своей тяжелой пьяной жизни...

Кинтель, бывало, приходил к дому Надежды Яковлевны и смотрел на ее освещенное окно. А однажды поведал свою тайну другу Салазкин. Тот уговорил Даньку послать под Новый год Надежде Яковлевне открытку: «Мама, поздравляю...»

После тяжелой травмы, с разбитой головой, Кинтель оказался в больнице, и все думали — конец. Салазкин бросился к Надежде Яковлевне: «Если вы его мама, идите в больницу! Может, хотя бы это порадует Даню хоть в последний миг!» Оказалось, она вовсе не Данькина мать. А новогодняя открытка Кинтеля ей едва не стоила жизни. Три года назад, в другом городе, у Надежды Яковлевны умер от лейкемии двенадцатилетний сын Витя. Каково ей было получить под Новый год послание: «Мама, поздравляю...»

Салазкин сказал, что теперь уже ничего не имеет значения.

«Главное, что он увидит: вы пришли. Он надеялся целый год...»

«Когда умирал Витя, я провела в палате несколько дней, — сказала она. — Думаешь, я выдержу это еще раз?»

Салазкин заплакал.

Надежда Яковлевна вытерла Салазкину щеки и поехала с ним в больницу.

Она несколько суток провела у постели незнакомого мальчишки. Он открывал глаза и улыбался. Когда он встал на ноги, они уже не расставались. Она стала для него «мама Надя».

Пять лет назад Кинтель съездил в город, где жила мама Надя раньше, взял там из колумбария урну с Витиным пеплом, привез в Преображенск и зарыл на могиле мачехи Зинаиды. Заказал мраморную табличку: «Витя Воскобойников-Линдерс. 1977—1989. Мама и брат помнят тебя». В сознании Кинтеля жило неколебимое понимание, что Витя — его брат.

Они и правда были родственниками — если не по крови, то по судьбе. В 1829 году командир русского фрегата, окруженного турецкой эскадрой, приказал спустить флаг, не стал взрывать его в безнадежной схватке. Он знал, что теряет честь, офицерство, дворянство, но счел, что жизнь двухсот матросов стоит того... Затем был суд, крепость, матросская лямка без выслуги. А дальше — монашество в северном монастыре, должность настоятеля в маленькой церкви поморского поселка... Тринадцатилетний Генри Линдерс, трубач английского морского полка, пришел к этому поселку на военном пароходе «Бриск» и высадился на берег в составе десантной роты. Он был полон жажды подвигов во имя Великой Британии и ее величества королевы. Заметив засаду, он вскинул трубу, заиграл сигнал тревоги. Один из рыбаков, защитников селения, вскинул старинную пищаль, чтобы снять сигналиста. Настоятель отец Федор, который был среди поморов, ударил по стволу распятием: «Опомнись! Мальчонка же!» Пуля только оцарапала горнисту плечо. Он попал в плен, был отправлен в Архангельск и там принят жителями не как вражеский солдат, а как мальчик-сирота, с которым несправедливо обошлась судьба-злодейка. Жил в семье преподавателя гимназии, учил его сыновей и дочек английской разговорной речи (грамматику-то знал не очень). А когда кончилась знаменитая Крымская кампания, домой Генри не захотел. Что его ждало там, кроме сиротства и гарнизонной жизни? А здесь были ласка, добрый дом и... девочка Наташа, которая смотрела на него с растущей симпатией. А он на нее... Генри экстерном сдавал гимназические экзамены: за один класс, за другой...

Кинтель иногда, под настроение, рассказывал всю эту историю на роман историю ребятам. «Вот смотрите: если бы тот капитан-лейтенант рванул свой фрегат, не было бы на свете меня, потому как одним из матросов служил там Иван Гаврилов, мой предок. Без предков не бывает потомков, правда ведь?.. А если бы потом этот разжалованный командир фрегата, который сделался через много лет священником, не ударил крестом по пицали, то что? Не было бы Надежды Яковлевны Линдерс, моей мамы Нади, которую вы знаете...»

Ребята кивали. Маму Надю знали, не раз бывали у нее и у Кинтеля, пили там чай и сушили промокшую под дождями и штормовыми брызгами форму. Кинтель не расстался с приемной матерью даже тогда, когда она вдруг вышла замуж. Впрочем, человек оказался хороший, инженер с завода «Металлист», знакомый Слопкиного отца. С Кинтелем они подружились.

Но вообще-то Кинтель жил не в одном месте, а «на три дома». То у мамы Нади, то у заметно постаревшего деда с его ворчливой супругой тетей Варей, то у отца и сестренки. Там, правда, было теперь тесновато, потому что в той же квартире поселился молодой Реггишкин муж — Ильдар Мурзаев, которого все знакомые по старой памяти звали Мурёнышем. Мурёныш отслужил в армейской автороте, стал классным водителем и теперь гонял по междугородным трассам тяжелые фургоны...

А Кинтеля в армию не взяли — травма давала себя знать. Он поступил на физмат, но после первого года ушел в академический отпуск: часто мучили головные боли. «А потом проявил преступное слабование и под научный кров не вернулся», — говорил он с дурашливым покаянием. Стал Кинтель очень даже неплохим специалистом в компьютерных делах, служил по этой линии в юридической конторе. Платили так себе, но и работа, по словам Кинтеля, была «не чеши дельфину брюхо». Поэтому флагман «Эспады» Рафалов немало времени тратил на дела в отряде. Особенно когда Корнейч со своими научными и медицинскими делами мотался за границей или попал в госпиталь. Впрочем, и сам Кинтель «сумел» угодить в том году в больницу. Возможно, поэтому и не смог противиться как надо новым порядкам супругов Толкуновых. Говорил Кинтелю: «У них возраст, дипломы, степени. А я кто...» Ладно хоть, что морскую теорию не давал забывать матросам и подшкиперам, да вместе с Ромкой Вострецовым проводил занятия по фехтованию...

За Ромку волновались все больше. Было уже около десяти, солнце спряталось за крыши, Корнейч засветил на кухне матовый плафон. Татьяна то и дело вставала на пороге, спрашивала: если концерт начинается в полседьмого, то во сколько же окончание? Вроде бы пора...

— Я звонила, но он, конечно же, на время концерта отключил мобильник. Заранее предупредил...

Корнейч успокаивал. Говорил, что концерты таких «продвинутых знаменитостей» начинаются с опозданием на час, а то и на два. А потом еще поклонники и фанаты устраивают «всякие танцы-вопли...».

— Вот этого я и боюсь... — вздыхала Татьяна.

— Ты так не тряслась за него, даже когда была со мной в Германии и Польше, а этот обормот жил с дедом-бабой...

— Когда не так близко, страхи не каждую минуту... Да и помладше тогда был, дури меньше...

— Дури всегда было много, — проворчал папа Вострецов.

Ромка позвонил в половине одиннадцатого. Татьяна метнулась к телефону в комнате, но Корнейч перехватил переносную трубку.

— Да?

— Па-а, «Мэйдей», — сообщил привыкший к отрядному лаконизму Роман. — Я в отделении номер четыре, угол Хохрякова и Достоевского. В большой компании...

— За что?

— А ни за что! Концерт был на открытой площадке, рядом ни одного туалета, а народ надулся пива. Двинулись толпой к ближайшему забору. Я просто так, пива не пил. А там уже эти. Фургоны наготове. Хвать-хвать. И почему-то сразу дубинками кого попало. Теперь составляют протоколы о нарушении общественного порядка, для штрафов...

— Ты в норме?

— Я в норме, только малость попало по плечу. Я тут съелся в укромном уголке, потому и говорю, а у многих отняли мобильники...

— Не выступай там, жди. Еду...

В двух словах Корнейч объяснил что к чему. Татьяна с круглыми глазами возникла на пороге.

— Я так и знала... С самого начала... Что теперь будет?

— Ничего не будет, — пообещал Корнейч. — Дай с вешалки куртку, там удостоверения... Ребята, вы меня дождитесь...

— Мы с тобой! — вскинулся каперанг Соломин.

— Зачем? Я же на мотоцикле... Дождитесь нас, ладно? Бутылку всю не кончайте, оставьте мне...

Он заторопился, натягивая штурманку на ходу. Кинтель кинулся следом — помочь вывести из гаража мотоцикл. За окном взревел мотор. Слегка запыхавшийся Кинтель вернулся на кухню.

— Таня, да ты не вздрагивай, теперь все будет в ажуре...

— Боюсь, Осенняя Сказка устроит там Варфоломеевскую ночь, — озабоченно сказал Каховский. — Надо глянуть, не видно ли зарева...

— Не-е... — успокоил и его, и остальных Кинтель. — С властями Корнейч всегда оч-чень вежлив. Помню, как познакомился. Я был тогда в седьмом, а Салазкин в пятом. Меня приволокли в учительскую: ты, мол, стащил у профессора Денисова старинную книгу. Салазкин тут же просигналил Корнейчу. Правда, сигнал тогда звучал безобиднее: «Добрый день»... Ну, Корнейч примчался через пять минут. Как он там разговаривал! Дамы-педагогши аж захлебывались от эмоций, а он — будто английский лорд...

Опять затрещал телефон. Татьяна снова метнулась в комнату, Кинтель схватил со стола радиотрубку.

— Ма-а! — раздался жизнерадостный Ромкин возглас. — Папа еще не уехал? Я топаю домой!

— Уехал уже! А ты... ты где?

— На полдороге к дому. Там всех начали отпускать. Среди пойманных оказался сын депутата Гордумы, он сумел звякнуть папочке...

— Подожди, вот наш «папочка» вернется, он тебе звякнет... Зря только сорвал его с места!

— Ничего не зря. Депутат копать это дело не будет, а папа наведет шороху...

— Марш домой! И не смей больше влипать ни в какие истории!

Ромка явился через десять минут. Радостно-сердитая Татьяна впихнула его в кухню.

— Вот он, любитель современной музыки, полюбуйтесь...

— Здрате, — скованно сказал «любитель» и поморщился.

Все на него полюбовались. Каховский, который не видел Ромку несколько лет, ностальгически вздохнул:

— Ну, точно Данила в подростковую пору. Тот же осенний листопад на физиономии, те же кудри...

— Так бы и вцепилась в эти кудри... — Ромкина мама слегка стукнула свое чадо по плечу. Ромка поморщился опять:

— Не надо... Посмотри, заметный синяк? — Он оттянул до самого плеча ворот черно-зеленой футболки.

— Господи... Это что еще?

— Я же говорил... Они, прежде чем хватать, сразу начинают работать своими «пэ-эр семьдесят три»...

— Чем? — напряженно переспросил Каховский.

— Палка резиновая образца семьдесят третьего года...

— Во времена перестройки назвалась «демократизатор», — уточнил Каперанг. — Однажды они с такими штуками сунулись к нашим матросам. Что было...

— А там ничего не было, — с сожалением сообщил Ромка. — Не матросы ведь, а народ, так... вроде меня... Похватали, кто поближе, — и в машины...

— Нечего дуть пиво и поливать заборы, — для порядка сказала Татьяна.

— Я и не дул! И не поливал! Я за компанию... А другим как быть? Там один биотуалетик на тыщу народа, к тому же за десять рэ... Что делать-то? Завязывать, что ли... эту штуку рифовым узлом?

— Хулиган, — горько подвела итог Татьяна. — Постыдился бы гостей...

Каховский солидно утвердил на носу очки, они сверкали.

— Гости, вникнувши в ситуацию, склоняются на сторону потерпевшего.

Татьяна прикусила губу:

— Потому что... одна пиратская команда, только разных лет вербовки...

— Кто бы говорил, — весело хмыкнул Кинтель.

— Стой на месте, злодей, — велела Татьяна сыну. — Сейчас мазь принесу. — Сходила в комнату и принесла. Натирая Ромкино плечо, глянула за окно. — Теперь вот за второго переживай...

Избавляя Татьяну от переживаний, снаружи торжествующе взревел мотор вишневого «Мустанга». Кинтель кинулся на двор — помогать.

Вернулись через три минуты.

— Ну? — нетерпеливо сказал Каперанг.

— А чего «ну»? Как обычно. Зашел, ребят уже немного,

большинство разбежались, рады, что отделались. Лейтенант бумажки в стопку складывает. Развернул я у него перед носом корочки со словом «Пресса».

«Желательно, — говорю, — знать имена участников акции».

Он охотно так:

«Пожалуйста, вот протоколы задержанных».

Я говорю:

«Этих — потом. Интересны те, кто геройски задерживал...»

Тот сразу завопил в дверь:

«Товарищ майор!»

Появился товарищ майор. Я, конечно, вежливо повторил просьбу. Он сразу:

«А вам зачем?»

Я говорю:

«Странный вопрос».

Он пригляделся.

«А-а, это вы... Ну и чего вы хотите?»

Я ему:

«Третий раз объясняю, майор Сидельников. Имена тех, кто активно боролся с молодежью...»

«Активно нарушающей порядок!»

«Да-да, именно. И призванной к порядку путем энергичных действий...»

Он сморщился, будто глотнул вместо водки «Аква минерале».

«Зачем, — говорит, — вам это все надо, товарищ Вострецов?»

Я ему:

«Кто?»

«Ах, простите! *Господин Вострецов!* Повторяю: зачем вам это надо? Все эти обострения... Снова статью будете писать?»

«Конечно».

«Пишите, пишите. Только зачем?»

«Снова странный вопрос. Деньги дадут в газете. Каждый зарабатывает как умеет. Кто-то ловит пацанов на улице и трясет с них штрафы. Кто-то пишет про это статьи и получает гонорары. Второй способ кажется мне благороднее. Впрочем, дело вкуса... И, кстати, — говорю, — если с кого-то успели взять денежки без квитанций, советую вернуть. Для чистоты служебной совести...»

«А вы нас не пугайте», — заявляет он. И смотрит на лейтенанта.

«Да упаси господи, — говорю. — Чем это, майор Сидельников, можно вас испугать?.. Честь имею кланяться. Только

вот что. Если сейчас к моему мотоциклу окажется приторочен ручной пулемет или баул с марихуаной, этот номер не пройдет. Ситуация отслеживается...»

«Идите и пишите, — гордо разрешает он. — Пока еще можете...»

Ну, я и пошел. «Скучно жить на этом свете, господа», — говорил Николай Васильевич...

— Будешь писать? — спросил Каховский.

— Наверно... Толку, конечно, мало, но и проходить мимо... Я, кстати, недавно уже касался этой туалетной темы...

— Это когда про памятники? — уточнил Кинтель.

— Ну да. Сергей не знает... Перед юбилеем Победы на окраине, на площади Фронтовых бригад, воздвигли очередной монумент. Посрубали во всей округе вековые тополя, снесли домики пенсионеров и установили десятиметровую бронзовую тетю. Нечто среднее между скульптурами Вучетича и скифскими каменными бабами (твоя тема, Серега). Правой рукой держит тетя перед собой, за середину клинка, пятиметровый меч, левой прижимает к подолу рахитичного бесполого ребятенка. Меч похож на великанскую гладильную доску, ребяенок — на Горлума из книжки Толкиена... Я и написал, что памятников в городе и без того пруд пруди, в том числе и победителям. И что нынешние памятники — это уже не в честь погибших и победивших, а в честь нынешних чиновников, дабы обесмертить именно их: «Этот монумент установлен при мэре таком-то, при губернаторе таком-то...» И приписал еще, что, если уж некуда деньги девать, построили бы в разных кварталах несколько бесплатных общественных туалетов. А то можно полгорода пройти, и некуда ткнуться, если приспичит. Одна дорога — за угол. Как в воду смотрел...

— Какие были вопли, — с удовольствием вспомнил Кинтель.

— Вопли обычные: «Газету закроем, автору это так не пройдет!»

— «Патриотические силы» пытались даже в суд подать, — напомнил Ромка.

— Ты по-прежнему весело живешь, Данечка, — озабоченно сказал Каховский.

— И рад бы «попечальнее», да... Слушайте, там еще осталось? Ну, плесните наконец. Думаю, теперь уже можно... И Татьяне глоток, чтобы избавилась от стресса... Давайте, ребята. За наши паруса...

Около полуночи, когда гости разошлись, притихшую квартиру Вострецовых опять тряхнул телефонный звонок.

— Что еще?! — бедную Татьяну смело с постели. — Кто это?.. О боже... Хорошо, сейчас. Даня...

Звонила мама Рыжика.

— Даниил Корнеевич. Извините. Но я так беспокоюсь... Начальник «Солнечной Радости» рвет и мечет. Требует от меня официальную телеграмму, что я позволила сыну покинуть лагерь...

— Их можно понять. И начальника, и сына, — лениво сказал Корнеич. У него уже не было сил злиться.

— А где сейчас Прохор?

— У своих друзей-барабанщиков, у Нессоновых. Вполне почтенное семейство. Обещали кормить, лелеять и бдить... Не волнуйтесь, я его вечером навещал.

— Но я не знаю... Так неловко...

— Да чего уж, — слегка злорадно сказал Корнеич.

— Может быть, нам вылететь обратно?

— Вы что, рехнулись?.. Виноват, сорвалось.

— Да, но... что же мне все-таки делать?

— Сейчас объясню... — И Корнеич стал старательно подбирать слова. — Сначала вы с мужем пойдете на пляж. Искупайтесь под бархатными звездами южной ночи. Затем отправитесь на набережную. Насколько помню, там немало всяких баров и кафе. Вы закажете замечательные свежие чебуреки... — он глотнул слюну, — и бутылку белого сухого вина. И спокойно посидите до полуночи, отбросив ненужные стрессы и метания. Затем выспитесь. Утром вы дадите в лагерь телеграмму, что да, я разрешила мальчику вернуться, вещи заберу позже. Затем до полудня проведете время у моря. А в двенадцать часов, по вашему, по сочинскому времени, вы позвоните мне на мобильник, я с Рыжиком... с Прохором то есть, буду на базе. Номер у вас есть?.. Хорошо, пишите... Не волнуйтесь, ищите карандаш, я жду... — Он продиктовал номер и продолжал: — Сыну вы скажете так: «Я ничуть не сержусь, я поняла, что не надо было посылать тебя в лагерь. Я даже горжусь тобой, потому что ты герой, одолел такой путь в ночном лесу. И я буду очень рада, когда вернусь и мы встретимся...» И вот еще что...

— Что? — сказала она непонятым голосом (впрочем, связь неважная, помехи).

— Роза Станиславовна, простите за вмешательство в семейные дела, но... если у вашего мужа есть здравый смысл, он скажет так же.

Она молчала несколько секунд, а эфир удивленно потрескивал.

И потерянно, и в то же время с облегчением несчастная Роза Станиславовна выговорила в трубку:

— Видимо, есть. Поскольку он это уже сказал. Мне...

— Ну и чудесно, — сдержанно возликовал Корнейч. — Приятного отдыха...

— Ой... подождите. А нельзя ли мне позвонить туда, этим... Нессоновым? Поговорить с мальчиком?

— Роза Станиславовна, — тихо взвыл Корнейч. — Как, по вашему, который час? Не в Сочи, а в Преображенске...

— Ой, извините. Я совсем забыла...

— Ваш Прохор сейчас видит десятый сон. Уверен, что хороший...

В ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЕ ПРИМУСА

1

Корнейч ошибался. Рыжик не спал. Он слушал сказку про диковинные планеты.

Рыжика устроили на верхнем этаже двухъярусной койки. Обычно это было Ксенино место (Игорь спал внизу), но теперь Ксения решила ночевать в другой комнате, на диване. Правда, сейчас она не ушла, а сидела внизу, рядом с Игорем, кутаясь в мамин халат. В этой же комнате, которая называлась «гардемаринский кубрик», был и Словко. Он пришел к Нессоновым с ночевкой. Чтобы никого не стеснять, принес легкий поролоновый спальник. Теперь Словко лежал на полу рядом с балконной дверью, поверх спальника, потому что внутри было жарко.

Появился он здесь по просьбе Игоря. Тот сказал, что будет рассказывать сценарий, а Словко пусть по ходу действия сочиняет для фильма песенки. Сценарий Игорь придумывал по «категорическому поручению» Аиды. Фильм должны были снимать, когда «Эспада» окажется в летнем лагере.

Перед тем как начать рассказ, Игорь вывернул шею, глянул вверх и сказал:

— Рыжик, у меня просьба... Ты только не обижайся... Можно я возьму твое имя для принцессы?

Тот свесил голову. Она искрилась в лучах фонаря, светившего сквозь балконные стекла (лампу не включали, Игорь сказал, что в полутьме он будет меньше стесняться).

— Принцесса Рыжик? — со слабым и немного печальным удивлением спросил Рыжик.

— Нет, я про другое имя. Ну... официальное. Принцесса будет Прошка.

— Ну и... пусть будет, — вздохнул Рыжик. — Только какое-то... не принцессино имя.

— У нее такой характер... Я подумал, что, может, ты не захочешь, чтобы твое имя для девчонки...

— Бывают одинаковые имена у мальчиков и девочек, — сказала Ксения. — Женя, Шура, Алька... Чего такого?

— Ага. Ничего, — отозвался сверху Рыжик. — Пускай... А она, значит, не взрослая принцесса?

— Лет десять-одиннадцать. Полное имя Прозерпина-Пропорция, но все друзья звали ее Прошкой. И даже дед-король иногда... Была Прошка наследницей престола. Вообще-то быть наследником полагалось ее папе, принцу Гарантию-младшему, но тот очень увлекся наукой. Сказал, что ему некогда заниматься дворцовой ерундой, и стал заведовать Институтом Хитростей Космоса... Ну, про это потом. В общем, Прошка оказалась наследницей, и такая должность не очень-то ей нравилась. Радостей никаких, а дополнительных обязанностей и забот целая куча... Поэтому ее высочество иногда удирала из дворца к своим друзьям, на край старого парка. Там был заросший холм, который назывался Большой Волдырь...

И в этот раз... ну, с которого должен начинаться фильм, она тоже удрала. С урока Придворных правил и приличий. Конечно, понимала, что вечером будет скандал, но очень уж хотелось на свободу.

Она пробралась через дворцовый сад, показала кулак дежурному кирасиру, чтоб не вздумал поднять шум. Тот стал разглядывать птичек на дереве... Из дупла старого ясеня Прошка вытащила мальчишескую одежду: клетчатую рубаху, штаны с бахромой и с пряжками на лямках, растоптанные башмаки и шляпу с широкими полями. На той планете многие пацаны носили такие шляпы...

— А что за планета? — решил уточнить Словко.

— Ох, я забыл сказать... Действие происходит в отдаленном углу космоса, у звезды под названием Примус. Вообще-то про нее говорили попросту «солнце», но это в обычной жизни.

А по Большому Космическому Атласу — звезда Примус... Вокруг Примуса летали четыре планеты. Небольшие. На каждой было по одному государству. Вернее, на трех находились государства, а четвертая была необитаемая. Из-за нее между правительствами трех планет иногда возникали споры: кто должен владеть планетой Дракуэль. Ну, той, четвертой...

— Что за название, — заметил Словко. — Оно же труд-но-про-из-но-си-мое.

— А я не виноват. Это составитель Космического Атласа профессор Звездотыкус напутал. Он хотел назвать планету именем «Дыра», потому что про нее было мало информации, то есть «сплошная дыра в области космической географии». Но когда писал на карте название, пропустил нечаянно букву «ы». А исправлять было неловко, скажут: ну и грамотей, не сумел написать без ошибки «дыру». Вот он и сделал вид, будто так полагается. А для солидности приписал к «Дре» две старинные буквы — «ку» и «эль». Это, мол, обозначение страницы в книге для планетной регистрации...

«ДраQL, — подумал Словко. — А что? Забавно... Ох и фантазия у Игорехи...» Он уже не первый раз так думал. Даже с легкой завистью. Потому что Игорь то и дело сочинял всякие сказки из жизни в неземных мирах. С удивительно неожиданными событиями. Эти сказки печатались в отрядном альманахе «Лиловая клякса» и каждый раз вызывали шумное одобрение. «Да, это не то что рифмованные строчки клепать, — самокритично говорил себе Словко. — Это настоящий талант». Правда, рифмовать Игорь совсем не умел и, если надо, сразу просил Словко о помощи. Как сегодня...

— Ну а что с Прошкой-то? — поторопила брата Ксения. Видимо, она, как и другие, эту историю слышала впервые. Не исключено, что Игорь сочинял на ходу.

— С Прошкой... Ну, топает она по столице, оказалась на окраинной улице и вдруг видит: идет навстречу мальчишка. Ростом с нее, лицо самое обыкновенное, а костюм какой-то чудной. Рубаха балахоном, узкие штаны до пяток, с бусинами по швам, на голове что-то вроде колпака с колокольчиком... Пялиться на прохожего, даже на такого странного, неприлично, Прошка сделала вид, что ей до лампочки этот мальчишка, отвернулась, прошла мимо. Да слишком близко прошла, зацепила мальчишку плечом. Оглянулась на ходу. Тот остановился и говорит:

«Че толкаешься?»

Прошка не любила замечаний. Не потому, что наследница, а просто характер такой. Из нее сразу будто ежовые иглы.

«Сам, — говорит, — толкаешься, растопырил локти, — прешь, как паровоз...»

— А у них там были паровозы? — подал голос со «второго этажа» Рыжик.

— Конечно, были! Там даже межпланетные самолеты были. Иначе как бы жители разных планет общались между собой? Для полетов использовали космическую энергию. Всюду на холмах стояли вышки с большущими воронками, воронки эту энергию засасывали из мирового пространства, и она хранилась в специальных аккумуляторах...

— Ты не отвлекайся, — сказал Словко. — Все равно эти подробности в сценарий не влезут. Ты развивай действие.

— Развиваю... Короче говоря, слово за слово, и они подрались. Не очень так, средне, однако мальчишка попал Прошке по шляпе, та слетела. Длинные волосы — наружу. Мальчишка рот открыл, заморгал.

«Извини, — говорит, — я же не знал, что ты девочка...» Поднял шляпу.

Прошка шляпу нахлобучила и почему-то засмушалась. Проворчала:

«Какая разница, девочка или мальчик?»

А мальчишка ей:

«Большая разница. На нашей планете мальчишки с девочками никогда не дерутся...»

— Неужели есть такие планеты? — сказала Ксения.

— Это же фантастика, — разъяснил Словко. — Надо учитывать законы жанра.

— Вы учитывайте молча, — попросил Игорь. — А то я собою, и будет не сценарий, а дуля... В общем, Прошка тоже поморгала и спрашивает:

«А ты с какой планеты?»

«С Белинды...»

«Ни фиги себе! — удивилась принцесса. — Но ведь наша Дзымба и ваша Белинда собираются воевать!»

А мальчик ей:

«Ну и что? Это же короли и генералы воюют, потому что им делать нечего. А нормальным людям работать надо. Папу пригласили сюда на должность главного чертежника в Институт Хитростей Космоса...»

Прошка даже не знала, что сказать. То ли обидеться за де-

да-короля, то ли похвастаться, что Институтом заведует ее папа. И... сказала:

«А что, у нас на Дзымбе мало своих чертежников?»

«Мой папа особый чертежник, — отвечает он. — Потому что умеет чертить параллельные линии так, что они пересекаются...»

«Так не бывает!» — заспорила Прошка, хотя, в общем-то, знала, что в некоторых случаях бывает, слышала про такое от отца. И этот мальчишка тоже, конечно, сказал, что бывает. Она не стала больше спорить.

«Значит, ты будешь здесь жить?»

Он завздыхал, опечалился так.

«Да, — говорит, — буду... Хотя я и не хотел уезжать. Я там был в отряде юных фонарщиков, у меня были друзья. Мы каждый вечер зажигали разноцветные фонари на главной площади Столицы...»

Прошка пожалела фонарщика. Она была вроде бы и задиристая, а внутри не такая, друзья это знали... Ну, и не просто пожалела. Честно говоря, этот маленький фонарщик ей понравился. И лицом, и... вообще. Ну, видно же, если хороший человек.

Она посопела, поскребла на носу веснушки и спросила:

«Тебя как зовут?»

«Ох... у меня имя длиннющее. Гииги Туттамя-Гуллабум... А попросту Гига.»

«Гига... а у тебя тут друзей, значит, нету?»

«Нету, — говорит он и смотрит на свои красные остроносые башмаки, шевелит ими туда-сюда. — Мы же только вчера прилетели с Белилинды. Хожу вот, гуляю, смотрю вокруг...»

Тут Прошка и сказала:

«Если хочешь, пошли гулять вместе... Или, — говорит, — у вас на Дзымбе мальчики с девочками не дружат?»

Он заулыбался сразу, хорошо так.

«Почему не дружат? У нас хоть кто хоть с кем дружит, если... ну, если им захотелось.»

«Тогда идем, — говорит, — со мной. Тут недалеко есть очень интересное место. И там соберутся очень хорошие люди. И мы займемся очень удивительным делом...»

2

Может быть, не следовало Прошке так сразу открывать тайну какому-то инопланетному папану. Однако без этого не сложился бы сценарий. И кроме того, на Дзымбе ребята до-

вертнее относились к друг другу, чем на разных других планетах. Так объяснил слушателям Игорь. И дальше рассказывал вот о чем.

На краю громадного старинного парка (ну, просто целый лес!) была просторная лужайка, а на ней подымался среди всяких цветущих трав круглый бугор — ребята называли его Большой Волдырь. Там любила собираться компания, с которой дружила Прошка. Этой компании было наплевать, что она принцесса, главное, что надежный человек, не нытик и не трусиха...

Когда Прошка и Гига пришли к Волдырю, там были уже трое. Самый старший — Титим («Чем-то похожий на Слово», — сказал Игорь), а еще толстоватый и ворчливый Лёпа и десятилетний музыкант Нотка. Он хорошо играл на самодельных свирелях из тростника и сам был похож на такой тростник... Ну, нельзя сказать, чтобы они так уж сразу обрадовались новичку. Титим укоризненно покосился на Прошку: мол, знаешь ведь, что дело здесь не для посторонних. Но было уже поздно. Во-первых, по дороге Прошка успела кое-что рассказать Гиге, а во-вторых... в этот момент появились восьмилетние брат и сестренка, двойняшки.

У них было общее прозвище Кро-Кро. Потому что по отдельности их звали Крошка и Кролик. Хотя иногда называли сокращенно, по второй части имен: Шка и Лик. И поэтому было еще одно имя на двоих — Шкалики. Это были приемные дети старого смотрителя парка дядюшки Брю. Добрые такие и дружные ребяташки, всем улыбались. Они в лопуховом листе, как в тарелке, принесли для каждого по большущей (ну прямо с яблоко!) ягоде клубнике. С дедушкиной грядки. Но Шкалики думали, что всех тут будет шестеро, а оказалось, есть седьмой. Близнецы не стали спрашивать, кто такой. Просто Лик вытащил из кармана трусиков складной ножик и самую большую ягоду разделил пополам.

«Это нам с Крошкой. А вы берите остальные...»

Все и взял. И Гига взял, не отказываться же. Ну а раз уж поделились угощением, то получилось, что он — тоже из этой компании. Титим перестал коситься и сказал Прошке:

— Мы тут отрыли еще кое-что. Какая-то надпись...

Несколько дней назад ребята увидели в траве выпуклую ржавую крышку размером с круглый щит королевского копейшосца. Открыть не смогли и решили рыть вокруг, посмотреть, что это. Или какая-то старинная бочка, или вход в под-

земный туннель? Сейчас вокруг крышки откопанная глубина была уже по колено Шкаликам. И на круглой железной стенке выступали выпуклые буквы. Они были размером с ладонь и составляли несколько слов.

— Только, что за слова, никто не врубается, — сказал Титим. — Старинная какая-то фиговина...

Гига встал на колени. Он будто принюхался к буквам. Пополз вокруг этой штуки. И когда закончил «обползание», встал, отряхнул со своих инопланетных штанов мусор и сообщил:

— Это древний межпланетный язык. Мы учили в гимназии. Здесь написано: «Вечное Время и Вечный Путь».

— Вот это да, — недовольно сказал Лёпа. — А я думал: «Перевозка керосиновых товаров»...

— Хорошие слова, — заметил Нотка. — Будто из песни... — И почему-то застеснялся.

— Тут, ребята, пахнет немалыми тайнами. Или сокровищами, — решил Титим. — Надо копать до конца...

— Может, попросить у деда батальон гвардейских саперов? — предложила Прошка. На нее замахали руками. Лёпа даже повертел пальцем у виска. Да она и сама сообразила: разве можно вмешивать в такое дело взрослые!

Самое дельное предложение оказалось у младших. Кро-Кро сказали, что сбегают сейчас до дядюшкиного сарая и прикатят оттуда паровую землеройку. Дядюшка Брю с ее помощью иногда копает в парке колодцы, удобная штука.

Со Шкаликами отправили Лёпу — землеройка хотя и на колесах, но штука тяжелая. Лёпа поворчал для порядка и пошел...

Прикатили эту машину через полчаса. Закопченная землеройка была похожа на маленькую полевую кухню. Снизу торчали из нее всякие приспособления: лопаты, буры, скребки и стальные зубья, чтобы долбить камни.

— Тут сразу и не разберешься, — заскреб в затылке Титим.

— И не надо! — объяснил Лик. — Дядюшка Брю просто говорит: «Ну-ка, голубушка, делай, что я велю», — и она сама...

Достали из тайника в кустах помятое ведро, натаскали из ближнего пруда воды, налили в землеройку. В топку натолкали хвороста, зажгли. Скоро машина с готовностью запыхтела и даже начала пританцовывать на колесах.

— Ну-ка, голубушка, — солидным «дядюшкиным» голосом обратился к ней Титим. — Откопай нам эту штуку...

И землеройка, выплевывая клочки горячего пара, принялась за работу.

Пока она фыркала и рыла, Титим решил устроить новичку испытание. Будто так, между прочим. Он глянул на север, где низко над лугами особенно чистой полосой синело небо, и сказал небрежно:

— Гига, погляди. Не видишь ли ты там звездочку?

У ребят считалось, что те, которые видят днем на севере желтую звездочку — они уж точно «наши люди» и могут стать настоящими друзьями.

Гига не удивился:

— Конечно, вижу! Это же Фонарик.

Тогда удивились остальные: что за фонарик, почему?

— Ну, не знаю, как у вас, а у наших ребят есть такая сказка, — начал объяснять Гига. — Про маленького фонарщика. Это было давным-давно. Мальчик с фонариком нес вахту на высокой горе. Ему полагалось сообщать людям, если вдруг появляется какая-то опасность... И вдруг на дне моря случилось землетрясение и на берег стала накатываться громадная волна. И мальчик, когда ее увидел, замахал фонариком с вершины, а потом начал сигналить специальной азбукой. Мол, вода идет стеной, спасайтесь. Был день, и мальчик не знал, прочитали его азбуку или нет, не мог различить ответа при свете Примуса. И он все сигналил, сигналил, а вода уже бурлила вокруг горы, подымалась к вершине и наконец залила ее...

— И мальчик погиб? — прошептала Прошка.

— Нет. Он вцепился в сухое дерево, поток вырвал ствол и понес... И принес к городу. Там было много разрушений, но люди успели спастись, потому что заметили сигнал... И мальчик спасся, сделался героем...

А потом, через много лет, жители столицы решили поставить Маленькому Фонарщику памятник. Отлили его из бронзы, дали в руку фонарь, который должен был гореть всегда-всегда, потому что заряжался от света звезд. Укрепили скульптуру на каменном постаменте. Литейные мастерские были на краю города, а место для памятника — на центральной площади. А он ведь тяжелый, памятник-то... Ну, в ту пору у людей уже появилась всякая техника, в том числе и роботы. Роботам дали задание: проложить рельсы в прямом направлении и доставить по ним платформу с памятником в нужное место... Да вот беда! — забыли указать, где это место. Ну, не внесли в программу расстояние! А роботам что? Задание получено, они взялись выполнять. Рельсы так рельсы, прямо так прямо. И потянули железную дорогу в бесконечность!.. Ну, может,

это просто легенда, а может, так и было... И если бы тянули вокруг планеты, тогда еще дело поправимое. Но ведь вокруг — это значит кольцом. А им-то было сказано — по прямой! И вот они включили ракетные двигатели, поднялись над планетной выпуклостью — и в мировое пространство... Наконец в дальних даях платформа с памятником остановилась. Известно ведь, что параллельные линии где-то в бесконечности все-таки пересекаются. Вот и рельсы пересеклись, и платформа — стоп!.. С той поры Маленький Фонаричок стоит в космической бесконечности. А фонарик его все горит и горит и кажется с наших планет звездочкой... Конечно, эту звездочку видят не все, но наши ребята-фонарички видят. И знают, что это такое на самом деле...

— А мы не знали, что это фонарик. Думали, просто звездочка, — огорчилась Прошка.

— Да это, скорее всего, просто выдумки, — хмыкая, сказал Лёпа.

— Но как же выдумки, если Гига рассказал все с такой точностью, — заспорил Нотка, хотя спорить не любил. — Про это даже музыку сочинить хочется...

— Нотка, сочини! — тут же попросили Кро-Кро.

А Титим примирительно сказал:

— Может, это сказка, а может, по правде. Не все ли равно? Главное, что звездочка есть и все мы ее видим...

— Разумеется, — вежливо согласился Гига.

А землеройка все копала, копала, и под «бочкой» со старинной надписью стало открываться ржавое металлическое тело.

— Спорить могу хоть на что, это подводная лодка, — сказал недовольным голосом Лёпа.

— Спятил, да? — возмутилась Прошка. — Здесь поблизости ни моря, ни даже реки. В пруду она, что ли, плавала?

— А может, это сухопутная подводная лодка? — спросила Крошка и сразу застенялась: поняла, что ляпнула глупость.

Землеройка рыла, рыла, корпус «лодки» выступал из-под земли все больше. Наконец машина пфыкнула и остановилась: кончились дрова и вода. Теперь среди разрытой земли виднелась «спина» непонятного ржавого судна. «Бочка» торчала над ней, как рубка субмарины. А по «спине» тянулась надпись из старинных букв, которые были размером с близнецов Кро-Кро.

Титим, хотя и не учил древние языки, но старинный алфавит более или менее знал. Он и Гига переглянулись.

— Кы... — неуверенно сказал Титим.

— О... Вэ... Че... Е... — прочитал Гига.

— Гы... — закончил Титим и посмотрел на Гигу с неуверенным восторгом. — Ох... «Ковчег»... Неужели *тот самый*?

— Ох... — сказал и Гига. — Похоже, что так... Я теперь вспоминаю. Нам в гимназии рассказывали, что на нем девиз был похожий на этот. Про Время и Путь...

— Ой, мальчики! — совсем по-девчоночьи запрыгала Прошка. — Это открытие межпланетного значения!

— Никакой это не ковчег. И даже не подводная лодка. Это просто ржавая цистерна из-под жидкого топлива, — скучным голосом заявил Лёпа.

— Сам ты!.. — оборвал его Титим. — Давайте снова зарядим нашу ковырялку!

Они опять налили в бак воды, в топку натолкали хвороста. Раздули огонь. Тим велел машине:

— Ну-ка, голубушка, отковырай нам крышку!

Землеройке что? Она всегда готова, был бы приказ. Бах, трах, дзынь по железу стальными зубьями — и крышка откинулась, как на жестянке с леденцами.

Из люка дохнуло такой темнотой и тайной, такой старинной, что все попятнулись.

Похоже, что это в самом деле был древний Ковчег. Про него ходило множество легенд.

Много тысяч лет назад на большой планете под названием Земля, у звезды Гелиос, людям жить стало тесно и скучно. И многие из них стали строить межзвездные корабли, отправляться на поиски новых планет. Дело, конечно, рискованное, но зато в нем азарт и романтика. Корабли назывались ковчегами. И вот один такой Ковчег оказался в пределах звезды Примус. Опустился на одну из планет. Люди стали здесь жить-поживать, развивать местную цивилизацию, а про Ковчег, видимо, забыли. Он затерялся то ли в болотах, то ли в лесах Дзымбы.

Потеряв это космическое судно, люди стали строить другие межпланетные корабли. Для небольших полетов. Они были не такие скоростные, как Ковчег, и требовали долгой заправки космической энергией, но для путешествий на соседние планеты годились.

Люди с Дзымбы заселили еще и Белилинду, и планету Дым-Шиш. Она так назвалась потому, что на северном полюсе там постоянно дымил большущий вулкан. Он торчал над

планетным шаром, как острая шишка, Дым-Шиш был похож на детскую клизму. На других планетах над этим посмеивались: «Дым-Клестир...» Жители Дым-Шиша обижались, один раз даже случилась война.

Войны вспыхивали и по другим причинам. Правда не очень большие. Воевать огнестрельным оружием было раз и навсегда запрещено межпланетным соглашением. Дело в том, что старинный ученый Репертупо-Магус Хитропремудрый открыл закон природы: если, мол, на планетах будут сильно расти кровожадные настроения и агрессивность, энергетическое поле звезды Примус не выдержит, и она взорвется. Так же, как взрывались в давние времена керосиновые примусы на кухнях сварливых домохозяек. С таким законом, само собой, не поспоришь. Поэтому воевали по-рыцарски: то есть в доспехах, со щитами, копьями, с луками и стрелами. Иногда применяли даже тяжелые катапульты. Они метали в противника дыни и арбузы, начиненные специальной вонючей смесью «драконье повидло». Вынести этот запах в большом количестве не мог никто, даже самые отважные генералы. Потому после полудня стрельбы обе армии, как правило, разбегались и заключалось перемирие...

Иногда правители трех планет вспоминали, что есть еще четвертая, Дракуэль, и каждый заявлял на нее свои права. В звездной системе Примуса набухало грозное электричество. Но до открытых столкновений дело пока не доходило. По правде говоря, никому эта необитаемая планетка не была нужна. По крайней мере, настолько, чтобы влезать в большие военные расходы и тратить космическое горючее для десантных судов. Тут, скорее, было дело принципа. Но вот недавно президент Белилиндовской республики неосторожно обозвал короля Дзымбы Гарантия Второго «прожорливым карликом Мбыппо» (такой сказочный персонаж), который, несмотря на малый рост, хочет заглотить целую планету, хотя не имеет на нее никакого права. Прошкин дед, который был отнюдь не малого роста, оскорбился и объявил предвоенное положение. Решил, что можно достигнуть сразу двух целей: проучить дерзкого президента Кассазопу Всенародного и завладеть планетой (глядишь, пригодится). Ведь именно подданные короля Гарантия Второго имели на Дракуэль полное право! Потому что как раз с Дзымбы началось открытие и заселение других планет!..

Вообще-то Прошкин дед не был воинственным королем. Наоборот, считалось, что он покладистый и деликатный. Он

даже именовал себя Вторым, хотя Гарантия Первого в истории Дзымбы никогда не было. «Нескромно объявлять себя Первым», — объяснял подданным его величество. Но вот, несмотря на свое, казалось бы, миролюбие, Гарантий Второй в последнее время в спорах о Дракуэли стал проявлять упрямство и воинственность. Как говорится, вожжа под хвост попала...

Впрочем, ребятам вся эта политика не касалась. По крайней мере, пока они не открыли Ковчег...

Но вот открыли...

Широкая круглая дыра чернела загадочно и даже зловеще. Дышала холодом. Но все понимали: раз есть вход в неведомое, надо проникать в него. Тем более что видны были скобы-ступени.

А кто первый?

Ну, не малышкой же пускаться впереди! И не девочку, хотя бы даже самую храбрую. А Лёпу нельзя было посылать потому, что недавно он обозвал Ковчег керосиновой цистерной и тот мог это запомнить: еще выкинет что-нибудь с обидчиком! Лёпа заворчал, что всегда его зажимают и затирают, но сильно не спорил.

Нотке Титим и Прошка наперебой внушили, что ему соваться впереди всех нельзя никак. Он может схватиться там за что-нибудь не то, поранить пальцы, и как тогда играть на свирели?

Остались Титим и Гига. Гига заявил, что идти должен он. Потому что он в длинных штанах и не будет зябнуть слишком сильно. А Титим вон уже весь в пупырышках. Но Титим считал, что нельзя пускать первым инопланетянина. Гига, конечно, неплохой пацан, однако ведь Ковчег-то найден на Дзымбе, а не на Белилинде! Но говорить такое Титим не стал, чтобы не обидеть нового приятеля. И сказал просто:

— Давай жребий...

Он был уверен, что планета Дзымба не подведет своего. И она не подвела! Короткий стебелек сухого цикория достался Титиму. И тот изо всех сил зажал в себе все страхи, встал сандалиями на верхнюю скобу, зажмурился, выдохнул воздух и начал быстро спускаться во тьму.

И... буквально через несколько секунд подошвы ступили на упругий пол. Ноги обмахнуло пушистым теплом. Темноту развеял мягкий желтоватый свет...

Титим оглянулся, поморгал и радостно завопил:

— Эй! Давайте все сюда!

Снаружи Ковчег казался небольшим, но внутри он был громаден. Как «Наутилус» (на Дзымбе знали историю про капитана Немо). Везде было сухо и тепло. Горели удивительно приятным светом круглые плафоны. Множество дверей вело в разные помещения: видимо, раньше там были каюты, салоны, библиотеки (сейчас, правда, царила пустота). А недалеко от входа ребята увидели клепаную железную дверь с надписью из желтых блестящих букв. Гига и Титим вместе разобрали два слова:

— Пы... У... ЛЬТ... УПы... РАВ... ЛЕНИЯ...

— Заперто... — вздохнула Прошка, подергав рычаг. — Ой, смотрите! А это зачем?

Выше надписи виднелась фигурка-барельеф. Длинноногий мальчишка в колпачке (почти как у Гиги) с большущим ключом в поднятой руке.

— Ой, да чего такого, — пробурчал Лёпа. — Все знают, кто это такой...

В самом деле, история про Золотой ключик была известна на всех планетах.

— Но послушайте, послушайте, — заторопился Нотка. — Ведь это же не зря. Ведь ключ... это Ключ!

— Ну и что? Понятно, что не зубная щетка... — пробубнил Лёпа.

— Но вот же кнопки и буквы!

Пониже фигурки в два ряда тянулись не очень заметные (металлические, как и дверь) кнопки со старинными буквами.

— Где здесь буква «бэ»? — спросил Нотка у Гиги и Тима. — Эта? — Это тонкие уши горели от волнения, как розовое пламя.

Гига показал букву Б, и Нотка нажал.

— А где «у»?

— Вот... — понимающе выдохнул Титим.

И Нотка по подсказке Титима и Гиги набрал слово «БУРАТИНО»...

Дверь вздохнула и отъехала наружу...

Всем известно, что комната с пультом корабельного управления называется «рубка». Эта рубка была круглая. Вместо потолка вверху темнел купол с яркими созвездиями. Это были звездочки, соединенные тонкими светящимися линиями. Почему-то пахло скошенной травой. А пульт стоял посреди руб-

ки. Это была белая панель с клавишами, а перед панелью — столбик с полукруглым (вроде как в самолете) штурвалом.

— Смотрите-ка, а здесь все просто, — прошептал Титим. — Все понятно. Кнопка «пуск». Кнопка «плавный взлет». Кнопка «разгон»... А на этом экране, наверно, зажигается звездная карта, когда Ковчег в пути...

— Титим, не нажимай ничего, — прошептала Прошка.

— Да все равно тут никакого звездного горячего давно не осталось, — сказал Титим. С огорчением, конечно. — Видимо, только аккумуляторы для лампочек...

— По-моему, осталось... — прошептал Гига. — Гляньте туда...

У белой закругленной стены стоял стеклянный цилиндр. В нем дрожал сгусток света. Прищурившись, можно было разглядеть, что это кристалл размером с человеческую голову. Но он излучал такую яркость, что на первый взгляд казался шаровой молнией.

— Наверно, это *тот самый* звездный камень, — все тем же шепотом сказал Гига. — Нам учитель рассказывал на уроке физики. В этом камне постоянная энергия. Потому что ее рождает Время. Не такое время, как «тик-так» в часаках, а вечное Время вселенной... А раз оно вечное, то энергия тоже вечная... Смотрите, колесико-то вертится. Значит...

Над цилиндром повисло в воздухе и неторопливо вертелось золотистое колесико со спицами. Размером с чайное блюдце. Оно ни на чем не держалось, просто крутилось в воздухе. И в этом уверенном вращении сразу чувствовалось: да, энергия есть, и она бесконечна.

Даже Лёпа на этот раз не заспорил, только обиженно пробубнил:

— Если здесь все в порядке, зачем люди его бросили, Ковчег-то...

— Разве их поймешь, этих взрослых, — вздохнула Прошка.

А Нотка вдруг вынул из-за пазухи камышевую свирель и... заиграл. Негромко, переливчато так. И сразу стало ясно, *что надо делать*.

Титим и Гига, а за ними и остальные вернулись к пульту. Титим нацелил палец на кнопку со словом «пуск».

— Ой, мама... — выдохнула Прошка. Раньше она никогда так не высказывалась. Прошкина мама, принцесса Лилиана Дзым-Лилейская, была знаменитой актрисой, дома почти не жила, все на гастролях, поэтому и ждать от нее помощи не приходилось.

Нотка торопливо сунул за пазуху свирель.

Лёпа проворчал, что «все равно ничего не выйдет», и на всякий случай зажмурился.

Кролик и Крошка, наоборот, широко открыли глаза и крепко взялись за руки.

Гига сжал губы и поглубже натянул колпак.

— Мы только попробуем. Чуть-чуть, — словно оправдываясь, произнес Титим. И нажал...

Почти ничего не случилось. Только на экране и правда зазвучала звездная карта.

Титим оглянулся на остальных. На Гигу...

Прошка опять сказала «ой, мама», потому что Титим нацелил палец на желтую клавишу «плавный взлет».

— Может, маленьких посадить? — сумрачно предложил Лёпа (иногда он давал разумные советы).

— Не-е!.. — дружно взвыли Кро-Кро и вцепились друг в друга.

— Написано ведь, что взлет *плавный*, — неуверенно успокоил всех Гига.

Титим глубоко сделал глубокий вздох и нажал «плавный взлет»...

В этот момент никто не помнил, что Ковчег открыт лишь наполовину, а то и всего на треть. Но и сам он этого, видимо, не помнил. Растолкал вокруг себя землю и выбрался на поверхность, как медведь после спячки. Замер на секунду и стал бесшумно подниматься над Большим Волдырем...

4

...Конечно, Игорь все это рассказывал не так подробно, без деталей. Но Слово воспринимал события именно так. И он даже чувствовал запах травы, разрытой земли и окалины на перегретой паровой землеройке. И видел все будто на большом экране... Когда Игорь сделал перерыв, Слово помолчал полминуты и высказался:

— Здорово, Игореха... Только много всего... А это ведь лишь начало, да?

— Ну... да... — неохотно признался автор.

— Иго-горюшко мое... разве это сценарий? — задала здравый вопрос Ксения. — Это роман братьев Стругацких в двух томах. Тебя Аида о чем просила? План фильма на десять минут. Как нерешительный мальчик преодолевает всякие страхи и

дает отпор хулиганам. Вроде нашего старого кино «Арбузная драма», только посовременнее... А ты?

— Что придумалось, то придумалось, — пробурчал Игорь. — Я ей в сценаристы не нанимался...

— Но ты подумай, как все это снимать? — не унималась Ксения. — Тут студия «Мосфильм» нужна и времени целый год. Столько всего! И планеты, и Ковчег... Да одна землеройка чего стоит...

— Кое-что мог бы Кинтель склепать на компьютере, он умеет, — проворчал Игорь, понимая справедливость критики.

— Игорь, а ты плюнь и сочини дальше, как придумывается, — от души посоветовал Слово. — Только пиши не план, а сразу как настоящую повесть. Потом напечатаем в «Кляксе». И можно на какой-нибудь литературный конкурс... А сценарий пусть Аиде клепают Аллочка. У нее теперь времени много...

Аллочка Смугина была рослая девица четырнадцати с половиной лет. В «Эспаде» состояла давно, превзошла все премудрости отрядной программы и обладала несомненными литературными талантами, печаталась даже на детской странице «Преображенских известий». Аида в ней души не чаяла. Была Аллочка и неплохим рулевым — командиром яхты, капитаном, в прошлогодних гонках заняла четвертое место. Но этим летом начались у Аллочки, по словам Корнеича, «возрастные взбрыкивания». Стала орать на матросов своего экипажа (один, десятилетний Владик Сафаров, даже ушел от нее). Несколько раз опаздывала на занятия и до объяснений не снисходила. А недавно отпустила экипаж с базы, не предупредив, чтобы прибрали судовое имущество. Корнеич сказал: «Тогда приברי сама. Не мне же этим заниматься...» А назавтра оказалось, что рундук яхты «Гаврош» по-прежнему раскрыт и в нем кавардак. Мало того, паруса валялись на полу, и даже не просто на полу, а в луже, которая натекла через прохудившуюся крышу во время ночного дождя.

Корнеич вскипел. Потом сцепил зубы, успокоился и собрал экстренный совет командиров яхт. Командиры пожалы плечами и рассудили однозначно: пусть Аллочка до конца этого сезона посидит на берегу, раз ей так наплевать на свое судно. Ей бы, дура, сказать спасибо, что пожалели за старые заслуги, не поперли из капитанов, а она побежала жаловаться к Аиде. Та прикатила на базу «качать права» насчет обиженной любимицы.

— Ты когда-нибудь видела раньше, чтобы паруса целые сутки валялись в луже? — сказал Корнеич.

Аида возразила, что это не причина, чтобы травмировать формирующийся характер девочки-тинейджера. Личность подростка дороже лавсановых тряпиц.

— Это не тряпицы, а грот и стаксель, — потемнев скулами, сказал Корнейч. — Кстати, они те самые, за которые вы с Феликсом выложили немало казенных денег.

В самом деле, пока Корнейч был в Германии, супруги Толкуновы «проявили инициативу»: на спонсорские деньги заказали в мастерской областного яхт-клуба несколько гrotов и стакселей — по чертежам, которые раньше использовались в отряде для самостоятельного шитья. Корнейч очень это не одобрил.

— Но ведь они гораздо лучше, чем самодельные! — не понимала Аида.

— На свете много чего «лучшего», чем самодельное, — пытался внушить ей Корнейч. — Но, когда ребята шьют сами, они постигают *суть* паруса. И потом чувствуют, что идут под *своими собственными* парусами. А так можно докатиться черт знает до чего! Очередной раз «выйдите на...» очередного добродетеля, он отстегнет денжат, вы купите готовые пластмассовые швертботы, которые несомненно «лучше» наших фанерных... А потом, чего доброго, можно будет нанять для них профессиональные экипажи, пусть проводят морскую практику «Эспады». А вы с ребятами будете сидеть на берегу и заниматься психологическим практикумом — раскладывать мозаики из картонных квадратиков и перебрасываться разноцветными мячиками, отрабатывая координированность индивидуумов в процессе коллективного общения...

Споря насчет Аллочки, Корнейч вспомнил эту давнюю свою речь и почти дословно повторил ее. Аида с достоинством удалилась и... назначала Аллочку Смугину инструктором пресс-центра для работы в летнем лагере.

— Ну, вот пусть и пишет, что надо, — подвел сейчас итог Словко. — А ты, Игорек, жми продолжение в полном объеме... Я только не понял, где там песенки-то нужны?

— Да где-нибудь в самом начале! Когда ребята собираются, — взбодрился Игорь, почуяв Словкину поддержку.

— Шас... Вот...

Дзымба, Дзым-бам-бала, бала,
Радостей у нас немало,
Мы гуляем, где хотим —
Прощка, Нотка и Титим.

Лёпа, Кролик там и Крошка,
Лёпа — он ворчлив немножко.
Но фонарик он, как все,
Видит в синей полосе.

Ну а с нынешнего мига,
Как средь нас явился Гига,
Стали караулить нас
Приключенья каждый час... —

почти без запинки выдал Словко. — Ну... это пока вроде черновика, потом я пошлифую...

— Блеск! — восхитился Игорь, для которого рифмотворчество казалось волшебством.

— Маленький Фонаричок — это вроде как наш бронзовый мальчик? — тихо спросил сверху Рыжик.

— Ну, конечно, — охотно признался Игорь. — Там всего много «как у нас». Даже Кро-Кро — это вроде как мы с Ксюхой в раннем детстве. Только, по правде, она была вредная, не то что Крошка... Ай! Ну и локоть, как деревяшка...

Мама Нессонова приоткрыла (уже не первый раз) дверь и сообщила, что «на дворе» первый час ночи. Не пора ли кончать затянувшиеся литературные чтения?

— Рыжик-то совсем замотанный, давно спать пора.

— Не, я еще не совсем... — тихонько откликнулся Рыжик.

— Все равно пора. Ксения, ну-ка на диван...

Ксения послушалась.

Когда она ушла, Словко шепотом спросил Игоря:

— А когда доскажешь эту историю?

— Вот как соберемся в следующий раз... Ну, давайте спать.

Спать так спать... Но Словко вдруг ощутил, что от балконной двери слишком тянет холодком. Он забрался в спальник, задернул «молнию» «до пупа» и закрыл глаза. И уже начал дремать, как вдруг — будто толчок. Словко очнулся, прислушался. Игорь ровно дышал, небось уже видел сон про свои планеты. А наверху...

Словко бесшумно отдернул «молнию». Тихо вылез, встал. Положил подбородок на край верхней койки. Шепнул:

— Рыжик, ты чего?

— Я... ничего... — сказал Рыжик тоже шепотом.

— Ты всхлипываешь...

— Я не всхлипываю... Я пыхтю...

Словко протянул руку. Ладонью нащупал ершистые «олосы», потом щеку. Щека была мокрая.

— Рыжик, не надо... Ну, понятно, столько всего было... Но ведь прошло уже... И мама скоро вернется. Это сперва кажется, что долго ждать, а потом не успеешь оглянуться...

Рыжик всхлипнул уже не таясь.

— Мы же все с тобой... — прошептал Словко. — Ты у нас такой... такой наш барабанщик. Не плачь...

В сумерках можно говорить слова, какие трудно сказать днем. Тем более, когда печаль маленького барабанщика вдруг цапнула тебя за душу, как своя.

— Рыжик... Хочешь, принесу завтра «Принца и нищего»? Ты как-то спрашивал, а я забыл...

— Ага... хочу... Словко... а ты можешь взять меня в свой экипаж? Ну, не сейчас, а когда будет место?

— Конечно, — сразу сказал Словко, хотя за секунду до этого не думал ни о чем таком. — Конечно, возьму. Вот Игорь и Ксения уйдут в командиры, и сразу... Будете вместе с Сережкой.

— А это ничего, что я легкий?

— Сбалансируем... Матвея Рязанцева возьмем, он увесистый...

— Тогда хорошо...

— Да. А ты больше... не пыхти, ладно?

— Ладно... — выдохнул Рыжик.

— Ну, спи.

— Ага...

Словко нащупал Рыжину руку, сжал тихонько ладонь, ощутил ответное слабое пожатие мокрых пальцев. Шагнул назад, забрался в спальник. Прислушался. Дыхания Рыжика не было слышно, однако и всхлипов — тоже. «Как он там в лесу один-то, бедняга, пробирался...» — подумал Словко. И стало казаться, будто он — Рыжик. А лес не простой. Он из корабельных мачт разной толщины. Между мачтами — непроходимая чаща запутанного такелажа. Хорошо хотя бы, что сквозь нее светит негаснувший фонарик...

МАЛЕНЬКОЕ КОЛЕСО ОЛОВЯННОЙ КАРЕТЫ

1

Проснулся Словко рано. Увидел, как дрожат на белом косяке утренние лучи, отраженные стеклами соседнего дома. Глянул на часы, которые не снял на ночь: было начало седь-

мого. Тихо отошла дверь, скользнул из передней в комнату Рыжик. Робкий, тощенький, в одних полосатых трусиках. Наверно, ходил в туалет. Словко сразу прикрыл глаза — будто спит. Рыжик не полез к себе на верхнюю койку. Он обошел притихшего в спальнике Словко, осторожно приоткрыл балконную дверь, «просочился» наружу.

Словко опять открыл глаза, прислушался. Игорь посапывал, а Рыжика на балконе не было слышно. Словко почему-то забеспокоился, вылез из мешка. Увидел через стекло, что Рыжик стоит, навалившись грудью на перила, ежится от утренней зябкости. Отблески лучей искрились на волосах и зайчиками сидели на плечах. Словко мягко шагнул на балкон, встал рядом с Рыжиком. Тот быстро глянул на Словко и снова стал смотреть перед собой.

С высоты третьего этажа было виден двор с гаражами и густыми кленами. Было пусто. Лишь оранжевый кот пресекал по диагонали середину двора. «Тоже Рыжик», — усмехнулся про себя Словко. Но эта усмешка не прогнала тревогу. Словко положил руку на острое Рыжкино плечо. Это было как вопрос: «Все ли в порядке?»

Рыжик быстро глянул опять. Потеря подбородком о плечо — рядом с пальцами Словко. И вдруг сказал полупшепотом:

— Думаешь, я вчера... почему так...

В этом *так* было признание ночных слез.

— Заскучал, да? — понимающе сказал Словко. И снова как бы впитал в себя вчерашнюю Рыжину печаль.

— Ну... да... — тихонько признался Рыжик. — Я колесико потерял... Сперва думал: «Ну, потерял и потерял, не беда. Главное, что вернулся...» Целый день так думал. А вечером... зачарапало так...

Словко сразу понял, о чем речь. Рыжик всегда носил на груди, на суровой нитке, серебристое колесико. Оловянное, наверно. Размером с рублевую денежку... Многие носили что-нибудь так, на шнурке или на цепочке. Кто крестик, а кто шестиконечную звездочку или какой-нибудь амулетик: пластмассового крабика, дырчатый камушек, монетку с корабликом... Про это не говорили. Раз носит человек, значит, ему так надо... Словко понимал, что колесико связано у Рыжика с его большим колесом, которое... Которое непонятно, с чем связано. Про то колесо Рыжика больше не расспрашивали даже те, кто помог его установить. Лишь однажды Кирилл Инаков спросил на ходу:

— Рыжик, вертится та штука?

— Ага. Если раскрутишь, вертится долго-долго, — охотно отозвался Рыжик...

«Да, недаром он попросил подкручивать его, когда уезжал», — вспомнил Словко.

— В лесу обронил? — спросил он, ощущая всю горечь Рыжкиной потери.

— Не... В лесу оно было со мной, — отозвался Рыжик сипловато (уж не со слезинками ли опять?). — Я точно знаю, где. У самой дороги, напротив столба «тридцать два километра». Там такой завал из сухих деревьев. Когда начал перелезать, оно еще было со мной, а потом, в машине уже... пощупал, а его нет...

«Может, съездить туда, поискать?» — мелькнуло у Словко. Рыжик сразу догадался об этой мысли.

— Если туда и доберешься, разве найдешь? Там такой бурелом... Как иголку в сене... Теперь уж все...

— А другого такого колесика нет? — спросил Словко. Просто не знал, что еще сказать.

— Нету... Оно было от маленькой кареты, от старинной. Ну, моделька такая. Я ее нашел на свалке, давно еще. А мама потом выбросила, когда дом от мусора чистила. Только одно колесико осталось...

Счастлирое воспоминание было как фотовспышка:

— Рыжик! У меня где-то есть такая карета! Она ведь из набора с оловянными солдатиками! Будто там в ней генералы или сам король! Я поищу!

Рыжик глянул с недоверчивой радостью.

— А не жалко отламывать колесико?

— Да ты что! Я же ей сто лет уже не играю, валяется где-то... Лишь бы нашлась!

— Хорошо бы... — выдохнул Рыжик, светлея от надежды. — Это колесико маленькое, переднее...

— Да, я постараюсь найти...

Казалось бы, что ему Рыжик с его колесами? Но было уже четкое понимание, что отыскать Рыжику его амулет он, Словко, обязан. А попутно вертелось в голове воспоминание про еще одно колесико — то, что золотисто горело над стеклянным цилиндром со Звездным камнем. В ночной сказке Игоря... Может быть, Рыжик заплакал как раз тогда, когда услышал об этом чуде?

— Я пошел домой, у меня там куча дел, — шепнул Словко

тоном заговорщика. — Буду искать. После обеда встретимся на базе. А сейчас ты ложись и досыпай.

Рыжик с радостной готовностью закивал, на цыпочках шагнул в комнату, полез на койку. Они обменялись улыбками сообщников. Словко натянул носки, шорты, футболку, свернул спальник, но брать с собой не стал: «Заберу потом». В передней надел кроссовки и неслышно отодвинул на двери язычок замка...

Через пятнадцать минут он был на своем дворе. Глянул на окна второго этажа. Шторы были задернуты. «Спят или уже укатили?» — подумал Словко о родителях. Достал ключ...

В квартире было пусто. Оно и понятно. Выходной день, те, у кого сады и дачи, торопятся туда на самой зорьке. У Словутских был садовый участок с дощатым домиком. Словко в июне, в июле туда не ездил. В августе, когда «уборка урожая», а в отряде почти нет занятий — другое дело. А начало и середина лета — время парусов. Словко поэтому был освобожден от «сельхозработ», родители проявляли сознательность.

Оно и понятно! Мама была ветераном «Эспады»...

Отец в отряде никогда не состоял, даже не слышал о нем, пока в двадцать лет не познакомился со студенткой Люсей Голенищевой. Но все равно он «родитель высшего класса». По мнению Словко, у отца был только один недостаток. Об этом сын поведал в четверостишии:

Средь машинных эскулапов
Ты один из лучших папов,
Но к компьютеру ты, папа,
Не тяни так часто лапы...

Не совсем почтительную эпиграмму отец воспринял со смущенным хмыканьем. Дело в том, что он и сам слегка стеснялся своего пристрастия к компьютерным играм.

Когда в доме появился компьютер (мама настояла: детям сейчас это необходимо для современного развития), сначала было опасение: не станет ли сын проводить перед монитором очень много времени? Сперва Словко и правда торчал у экрана часами. Освоил клавиатуру, выход в Интернет, установил по E-мейлу связь с Жеком (это была главная радость). Но «игрушками» не очень увлекся, книги были все-таки интереснее. Поиграл, конечно, а потом сказал:

— Чего-то не очень получается. Тут нужен математический

склад ума, а у меня в голове полная эта... гуманитарность. Вы же знаете, я таблицу умножения еле выучил к третьему классу...

Зато отец, однажды занявшись игрой, связанной со «Звездными войнами», «въехал» в это дело по уши. Приходил с работы и тут же усаживался на вертящийся стул перед клавиатурой. Словко иногда стонал:

— Папа, ну мне должно быть письмо от Жека, пусти на минутку... Мне надо найти в Интернете материал про Крузенштерна, для реферата, а ты...

— Подожди! Я как раз перехожу на пятый уровень, соврешь мне все...

Мама заступалась за Словко:

— Борис, не притесняй сына, ты хуже ребенка. Нельзя столько сидеть у дисплея... Ты слышал, что недавно в компьютерном клубе у одного подростка случился инсульт? После двенадцати часов такой вот игры!

— Но я же... не двенадцать же часов... И не подросток же, а мужчина в расцвете лет...

— В расцвете, а как младенец! Станешь компьютерным фанатиком...

— Ну и стану... Разве не имеет права такой положительный представитель рабочего класса, как я, иметь хотя бы один недостаток? Ведь и так... хозяйскую лямку тяну, никотина не потребляю, водку не пью... почти...

— Ох уж, почти! — восклицала мама. — А тогда, с Андреем!..

— Ну что «с Андреем». В гости приехал человек, один-то раз можно...

Дядя Андрей был мамин брат. Тоже когда-то «горел» в «Эспаде». Теперь он был пилот гражданской авиации. Любил отстаивать справедливость («эспадовец» же!), поэтому два года назад загремел со службы в большой государственной авиакомпании. Дело в том, что поддержал забастовку диспетчеров, хотя пилоты делать этого не имели права. Ушел в небольшую частную компанию. Та зарабатывала прибыль на африканских рейсах. Из Африки дядя Андрей привозил статуэтки черного дерева и львиные клыки на цепочках (скорее всего, пластмассовые). А год назад он подарил племяннику свой мобильник. Это решило для Словко массу проблем. Не надо заранее объявлять дома: куда пошел, во сколько придется, где тебя носит. Можно из любого места связаться с ребятами. Можно прямо с яхты позвонить на базу или на дежурный катер (только надо на всякий случай держать телефон в непромокаемом чехле)...

Вспомнив о мобильнике, Словко позвонил родителям:

— Мамы-папы, вы где?

Было и так ясно, что в машине — трубка вибрировала от шума двигателя.

— Мы подъезжаем к нашему роскошному поместью, — отозвалась мама. — А где ваше сиятельство?

— Сиятельство дома. Коробку ищу, картонную. Ма-а, она была за диваном, а теперь куда ты ее переправила?

— Вынесла на балкон, когда приводила квартиру в божеский вид... Завтрак и обед в холодильнике.

— Ясно... Вы в саду будете ночевать? Тогда я снова к Игорю и Ксене...

— Ночевать будем дома, папе завтра на завод...

— В воскресенье-то!

— Скажи это нашему «Машинному эскулапу»...

«Машинным эскулапом» прозвали отца на заводе. Он был слесарем-инструментальщиком, токарем-универсалом и специалистом по ремонту оборудования. Таким, что руководство завода чуть не молилось на него, на «простого представителя рабочего класса», как он любил называть себя. Но сейчас он уже не был «простым представителем». Полгода назад на заводе «Металлист» появился новый директор, Андрей Васильевич Ткачук, известный в деловом мире под прозвищем «Неудачник». Несмотря на такое прозвище, дело он знал, завод начал наращивать мощь скорыми темпами, перестали задерживать зарплату, восстановили закрытый было детский сад. Получили новые заказы. Словкиного папу Неудачник пригласил в кабинет, угостил чаем и спросил: не хочет ли Борис Герасимович Словуцкий стать начальником ремонтного цеха.

Борис Герасимович сказал, что ни в коем разе.

— С какой стати? Сроду не был начальником. У меня и диплома нет, со второго курса поперли за нестыковку с профессорами...

Неудачник сообщил, что дипломированных специалистов, которые не знают, за какой конец брать отвертку, на заводе пруд пруди. Но ведь кто-то должен и работать...

— Борис Герасимович, каждому хочется жить, как удобнее, но завод-то... Кто его будет вытаскивать на новые рубежи? Вы ведь на «Металлисте» с юных лет, он вам не чужой...

— Мысль ясна, — скучным голосом отозвался Словуцкий. — Надо посоветоваться с женой...

— Конечно, конечно...

Словкина мама рассудила, что предложение выгодное.

— Думаешь, будут больше платить? — усмехнулся Словкин папа.

— Не в этом дело. Поскольку завод набирает обороты, поставь директору условие: пусть организует ПТУ для бесприютных выпускников детдома. Олег Петрович мается с этой проблемой: куда девать ребят, когда они уходят от него? Никто не хочет брать... Пусть будет училище с общежитием...

— Знаешь, куда Неудачник меня пошлет?

— Ну и пошлет. Скажешь: «Нет так нет».

На следующий день Борис Герасимович бесхитростно (ибо порой бесхитростность лучше всякой дипломатии) начал излагать директору идею об училище.

Директор не послал.

— Дак дело-то само просится, думаем уже... А ваше предложение еще раз говорит о руководящем таланте!

Словкин папа признался, что предложение не его, а жены.

— У вас изумительная жена! Она педагог?

— Она бухгалтер в Театре эстрады. А педагог — это ее знакомый, тот самый директор детдома в Октябрьском. Когда-то он был руководителем детской мушкетерской компании под названием «Эспада». Людмила, жена моя, там тоже занималась, правда, уже в другие годы. Ну, через общих знакомых наши друг друга...

— Борис Герасимович, а как зовут директора детдома? — странным голосом спросил Неудачник.

Словкин папа сказал.

— Боже ж ты мой... А я и не знал, что он здесь, рядом. Сам-то проторчал в Ростове аж двадцать лет, — выговорил директор «Металлиста», бывший Андрюшка Ткачук, известный в «Эспаде» семидесятых годов как человек, постоянно набивающий себе шишки...

— ...Ваша «Эспада» — это просто мафия какая-то, — сказал отец маме вечером.

— Конечно. В хорошем смысле... Ты согласился?

— А что было делать? Он же обещал училище...

2

Словко пошел за коробкой на балкон. Здесь было просто — балкон широченный. Двухэтажный кирпичный дом, где жил Словко, (и еще несколько соседних) завод «Метал-

лист» построил в шестидесятые годы для своих рабочих и служащих. Это были просторные дома с высокими потолками — не то что панельные пятиэтажки, которые начинали строить в ту же пору. Когда-то здесь получил трехкомнатную квартиру папин отец, Словкин дед (которого Словко не помнил). Теперь в просторных комнатах обитали втроем. Недавно завод предлагал отцу: можно сделать обмен, переехать в новый дом, поближе к центру. Мол, поможем, посодействуем... На семейном совете решили: от добра добра не ищут. Дом еще прочный и теплый, а в жаркие дни толстенные кирпичные стены хранят прохладу. Двор — зеленый и тихий. Словкина школа — совсем недалеко. Да и трамвайная остановка поблизости. А обмен и переезд равен, как известно, «землетрясению и двум пожарам».

Словко отыскал коробку между кадушкой для квашеной капусты и корзиной с остатками проросшего картофеля («Ох, скоро придется пилить на рынок...»). Выволоч ее — большую, из-под пылесоса — на середину балкона...

Сколько здесь было всего! «Исторические экспонаты» разных лет его, Словкиной, жизни. Большой пластмассовый лягушонок Вова («Привет, старик, не скучаешь тут?»). Груды солдатиков (одно время устраивали с Жеком парады, потом надоело). Разобранный телефонный аппарат. Рассыпанные детали «Лего». Новогодняя маска лисенка. Пластмассовый «парабеллум» (подарили мамы знакомые на день рождения, в девять лет). Недостроенная модель гафельной шхуны. Строили вдвоем с Жеком, а когда он уехал... какое там строительство в одиночку.

Олег Тюменцев, Оле-жек, Жек... Он пришел в «Эспаду», когда им со Словко было девять лет. Он не хотел туда идти, мама привела почти насильно: услышала от знакомых, что «ест такая прекрасная детская организация». Он смотрел настороженно, заранее готовясь к обидам и всяким испытаниям. И... встретился со Словко глазами. Улыбнулся, будто извиняясь: я, мол, не собирался сюда, но что поделаешь... Словко Словуцкий — тогда уже с нашивками подшкипера, с двумя парами звездочек на берете, которые говорили о четырехлетнем стаже, — не понимал, как можно чего-то бояться в отряде. Однако новичок боялся, и это опасение надо было разогнать, потому что в глазах кудрявого мальчишки была такая просьба. К нему, к Словко. И... было в глазах еще что-то... как магнетики...

Словко двумя ладонями взял новичка за локоть:

— Пойдем, я тебе все покажу...

Бывают крепкие товарищи, и таких в «Эспаде» всегда сколько угодно. Но... однажды появляется самый-самый, и удивляешься: как я жил без него раньше?

Родители перевели Жека в класс, где учился Словко. Через полгода Словко доказал барабанщикам, что Жека надо принять в их группу (да они и сами видели). После первой парусной практики Жек стал подшкипером. Они ходили в одном экипаже, на «Оливере Твисте». Они читали одни и те же книжки (часто вместе, на скрипучем диване в комнате Жека). У них было множество общих дел...

И ни разу в жизни они не поссорились. С Жеком это было нельзя. И соврать было нельзя. И даже просто схитрить... Он не обижался, не упрекал, он просто *смотрел*.

Год назад Жекиного отца, подполковника Тюменцева, перевели служить «за край земли», в Калининград. Лишь тогда, впервые в жизни, Словко понял, что такое *великая печаль*...

Жек писал, что город интересный, как заграница. По каналу ходят морские корабли, Балтийское море рядом. А на реке стоит почти настоящий парусник. Только все же не настоящий, потому что в нем ресторан... Жек записался в детскую парусную секцию, но большой радости от этого не было. Крохотные «оптимисты», на которых там ходили мальчишки, были по сравнению с «марктвенами» все равно что «картонная коробка рядом с «Крузенштерном»... Да и тренировки велись не на открытой воде, а в огороженном бетонной стенкой бассейне. Это когда рядом целая Балтика!..

На двенадцатом году людям не к лицу открытые слезы, но в ночь после отъезда Жека Словко кусал подушку. И знал, что Жек в вагоне делает то же самое...

Хорошо хоть, что вскоре появился компьютер, электронная почта...

Жек и сейчас будто смотрел на Словко. Чуть удивленно: «Ты что, забыл? Ищи, ты же обещал...»

Но модель кареты никак не находилась. Вместо нее Словко выудил из-под груды болтов и гаек елочный фонарик. Он был четырехгранный, узорчатый, со слюдяными окошками. Похожий на тот, что в руке у бронзового мальчика, только крупнее. И, конечно, вспомнилась ночная сказка. «Те, кто видит фонарик...»

Игорь не придумал это «из головы». Он, разумеется, помнил прошлогоднее октябрьское плавание на остров Шаман.

Это плавание не входило ни в какие учебные программы и практики. Просто Корнейч взял на базе шлюпку-шестерку и собрал для нее экипаж из надежных людей, восемь человек. Были там, кроме самого Корнейча, Кинтель и шестеро ребят: Словко, Нессоновы, Кирилл Инаков, Ольга Шагалова и десятилетний барабанщик Мишка Булгаков по прозвищу «Мастер и Маргарита» (кстати, вот уж кто настоящий «рыжик» — голова, как оранжевый костер. «Даже я таким в детские годы не был», — с завистью признавался Корнейч). Мишка роман Булгакова не читал, но прозвищем гордился, ощущая свою принадлежность к литературной классике.

Пошли на Шаман, чтобы положить осенний букет к валуну, на котором было выбито: «Никита Таиров». Все знали историю Никиты. Это он, маленький гимназист, в начале прошлого века зарыл на Шамане «клад» — фигурку бронзового мальчика. А своей подружке Оленьке — прабабушке Кинтеля — оставил зашифрованное письмо. Оленька не догадалась прочитать письмо. А Никита стал офицером, и его расстреляли большевики, когда взяли Крым... Шифровку на обороте старинной фотографии сумел прочитать Кинтель — с помощью «Морского устава» времен Петра Великого, который раздобыл у отца для Даньки Рафалова верный друг Салазкин. Весной девяносто второго года Корнейч, Кинтель, Салазкин и еще несколько ребят пошли на шлюпке (вот на такой же, как эта) на Шаман, откопали под валуном бронзового Тома Сойера ростом со стакан.

Кинтель прикрепил к вскинутой руке мальчика крохотный фонарик — подарок знакомой девочки, уехавшей в дальние края. Сделал подставку-коробок с батарейкой, протянул тонюсенький проводок, чтобы фонарик загорался когда надо...

И с той поры этот крошечный мальчишка стал переходящим призом.

А каждую весну и осень ребята из «Эспады» высаживались на Шаман и клали к валуну цветы. Как бы записали Никиту Таирова в отряд...

Все шло хорошо. Октябрьский день был не холодный, ветер в самый раз — не слабый, но и без лишней задиристости, ровный такой. Солнце то и дело пробивалось в «иллюминаторы» между серых тучек. Добежали быстро, ткнулись в песчаную полосу, положили букет, постояли... Остров Шаман полыл осенней листвой не хуже, чем голова Мастера и Маргариты. Листва сухо шелестела.

Пошли обратно. И тогда ветер упал. Стало пасмурно. Сперва пытались двигаться «на последних дуновениях». Потом спустили реек с парусами и пошли на веслах. Весел было шесть, но воткнули только четыре уключины. На два весла сели Корнейч и Кинтель, на третье — Игорь и Словоко, на четвертое Кирилл и крепкая Ольга Шагалова. Ксене и Мишке поручили по очереди быть на руле — они это умели.

— И-и... р-раз! — бодро командовал гребцами Мастер и Маргарита. В общем, поехали... И все бы ничего, но, когда стало вечереть, появился туман. Откуда взялся, непонятно. Сгустился над водой, лег белесыми пластами, начал смешиваться с густеющими сумерками. И не очень плотный он был, небо над мачтой выделось прекрасно — с последними отблесками солнца на облаках, потом с первой проснувшейся звездочкой. Зато вокруг — темная муть...

Был на яле шлюпочный компас в маленьком переносном нактоузе. Засветили в нем лампочку, дали Мишке и Ксене.

— Держите на ост-зюйд-ост. Справитесь?

— Делов-то... — сказал Мастер и Маргарита.

И они держали курс как надо, хотя порой переругивались шепотом...

У Корнейча запиликал мобильник. Начальник водной станции Степан Геннадьевич тревожился:

— Корнейч, где вас носит?

— Геныч, ты же видишь, какая простокваша! Зажги фонарь на клотике, выпилим него.

— Давно зажег!.. Может, выйти к вам на катере?

— Ну да! И вмажешься в нас на полном ходу...

Потом Корнейч сказал рулевым:

— Смотрите внимательно. Как увидите огонь, держите на него...

Смотрели не только рулевые. Гребцы оглядывались: не пробьется ли сквозь темную кашу тумана зажженная высоко над рубкой, на верхушке мачты, яркая лампа?

Ксения увидела первая:

— Ура... светит...

Заоглядывались снова. Светлая звездочка то меркла (будто замирала), то мерцала заметно, лучисто.

— Как фонарик у мальчика... — вдруг сказал Мастер и Маргарита.

— Ну что? Все видят фонарик? — спросил Корнейч.

— Все! — отозвался экипаж.

Скоро оказались у пирса...

Вот и вся история. Но осталось от нее у Словоко чувство, будто негласно возникло особое общество — «Те, кто видит фонарик». Не только из ребят, ходивших тогда на шлюпке... Если кто-то нравился Словоко, он думал про такого: «Видит фонарик...» И, судя по всему, не только у Словоко было такое ощущение — недаром же Игорь включил историю с фонариком в сценарий...

Рыжик был, конечно же, из «тех, кто видит фонарик»...

Да, но где же карета?..

Я ишу, ишу карету,
А ее все нету, нету.
Как же быть без колеса?
Рву от горя волоса...

Тьфу! Ну как избавиться от привычки по любому поводу рифмовать всякую белиберду!..

Словоко никогда не считал, что у него есть поэтический талант. Он знал, что это просто способность к жонглированию словами. Велика ли хитрость срифмовать, например, «е величество» и «электричество» или «нас сжирает мошкa» и «несгораемый шкаф»? Разве это поэзия? Поэзия, это если вот...

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...

Эти строчки сочинил когда-то Маршак. Для своего хорошего друга Тамары Григорьевны Габбе, которая придумала замечательную сказку «Город мастеров». Она была очень больна, и Маршак написал ей такие слова... Еще много лет назад кто-то из давних командиров «Эспады» (то ли Олег Московкин, то ли Александр Медведев) вывел эти строчки на стене отрядного штаба... С той поры случалось всякое: отряд менял названия, он то разрастался, то превращался в горстку друзей, переезжал из помещения в помещение или совсем терял крышу над головой, но там, где он был, обязательно были и эти слова — или прямо на штукатурке, или хотя бы на тетрадном листке, припиленном к оконному косяку. Потому что *это* было именно про «Эспаду». Как она в самые трудные дни «смотрела в прорезь синевы», не сворачивала с пути...

Это действительно стихи, от которых щемит сердце. А всякое стихоплетство... Нет, Словко давно понял, что поэтом он не станет, даже не будет и пытаться...

«А кем же я стану?» — снова толкнулась тревожная мысль. Та, которая иногда втыкалась в голову в самые неожиданные моменты, независимо ни от чего. И от которой делалось боязливо и неуютно.

В самом деле, кем он станет? Каким бы бесконечным ни было детство, оно же все равно пойдет. И тогда что? Про капитана дальнего плавания теперь уже не мечталось всерьез. Потому что парусников мало, а танкеры, лайнеры и сухогрузы Словко не интересовали. И кроме того... он ведь уже капитан. Пускай не на море, на озере, пускай на совсем крохотном судне, но... Корнеич однажды сказал: «Капитан — это не обязательно кругосветные рейсы и мачты под семьдесят метров. Это прежде всего состояние души, слияние человека и корабля». И Словко очень чутко уловил эту мысль. Струнками той самой души. Он в самом деле, когда шел под парусом, ощущал это слияние и свое... да, свое капитанство.

А что будет потом? Особенно если учесть, что в морское училище едва ли возьмут из-за проблем со «средним ухом»...

Может быть, стать журналистом и, как Корнеич, по первому сигналу мчаться кому-то на выручку, оседлав ревущего двухколесного зверя? Или, подобно Каховскому, открывать всякие тайны древностей?.. Хорошо бы окунуться и в тайны космоса, но для астрономии надо знать математику (кстати, как и для штурманского дела), а когда у тебя по «ей, родимой» вечный, как вселенная, трояк, то куда уж... Когда был с отцом на заводе, в душе восторженно охнуло от громадности цехов и электронных премудростей нынешних станков. Но ведь и там надо разбираться в алгебре-арифметике, а если ее терпеть не можешь...

Столько интересного, а сказать себе точно, что «вот это — мое», не получается никак. И точит беспокойство...

Одно знал Словко. Никогда не станет он никаким «дилером», «маклером», «дистрибьютером», «президентом концерна» или «агентом по реализации недвижимости». Он был уверен, что эти люди на Земле бесполезны, как штиль в стартовой зоне... Хотя... ну да, есть бизнесмены из бывших «эспадовцев», которые не раз отваливали отряду немало хорошего: то компьютер, то видеопроектор, то портативные рации для яхт. Для этих людей Словко в своем сознании делал некоторое ис-

ключение. Но сам он не выберет такую профессию никогда в жизни! Потому что все-таки в таком деле главное — прибыль. «Дивиденды!» А жить ради такой цели чудовищно неинтересно. Всем известна песенка из отрядного фильма «Митька с Острова сокровищ», снятого еще в конце семидесятых:

Пиастры, пиастры, пиастры,
А что с ними делать в жизни?
Не купишь на них ни друга,
Ни синие горизонты...

Может, чересчур прямолинейно, однако ведь и вправду не купишь...

...Но, ё-ёлки-палки, где же эта чертова оловянная карета? Ведь была же в коробке, Словко точно помнит!.. Он в сердцах перевернул коробку вверх дном, вывалил на линолеум балкона все содержимое.

Ура!

...И вовсе не «ура»...

Карета заблестела тусклым оловом, но... она была без передних колес. Холера их знает, куда они девались! Может быть (Словко смутно припомнил это), они с Жеком пустили колесики для штурвалов на сосновых самодельных корабликах. Где теперь те кораблики... А задние колеса были большущие, размером со старый олимпийский рубль. С толстыми ободами и узорчатыми спицами. Может, и красивые, но уж никак не для Рыжкиного амулета.

Рыжик, может быть, и скажет спасибо (огорченным шепотом), но едва ли станет носить на груди эту штуку... Ведь ясно же: ему нужно если не то самое, то хотя бы «в точности такое же» колесико...

Словко понуро собрал барахло в коробку. Ногой затолкал ее между бочкой и корзиной. «Вот идиот, кто дергал за язык обещать раньше времени? Надо было сперва проверить... Что теперь делать?»

Жек смотрел сквозь пространство. Глазами говорил: «Ты знаешь, что делать?»

«Но это же полный бред! Это... все равно что на шлюпке в открытом океане искать детский мячик, оброненный с борта две недели назад!»

«Зато потом не станешь маяться. Будешь знать: сделал все, что мог...»

«Безмозглый буюк», — сказал Словко. Не Жеку, себе. И понял, что надо идти в сарай, выкатывать велосипед.

Но сначала он надел форменную рубашку. Знал, что возвращаться придется прямо на базу, иначе можно не успеть. Рубашка была уже не оранжевая, а скорее просто рыжая, выгоревшая под солнцем нынешней весны и лета. Но пуговицы, однако, блестели. Прицеплять аксельбант Словко не стал — не на парад ведь и не на вахту. А галстук надел, протянул концы в плетеную кожаную шлейку с крохотным якорьком.

Раньше, лет пятнадцать назад, галстуки были пионерские. Даже тогда, когда в школах не стало отрядов и дружин. Однако в конце концов совет «Эспады» принял решение: пустить по краям галстуков тонкие белые каемки. Как на матросских гюйсах, только не по синему, а по красному полю. И не в том дело, что боялись прозвища «пионерчики», придинок в трамваях и автобусах и скандальных упреков в «большевизме». Просто надо было как-то отличаться от тех пацанов и девчонок, которые в прежних алых галстуках вставали в почетный караул у памятников Ленину и Красным командирам. Никаких претензий у «Эспады» к этим ребятам не было. Наоборот — уважение: храбрые люди, отстаивают то, во что верят. Но «Эспада» была уже другая, не «юные ленинцы», это всем следовало понимать...

Словко гладкий красный галстук не носил никогда. Их давно уже не было, когда он пришел в «Эспаду». Хотя пришел, казалось бы, в незапамятные времена, еще до первого класса. Ему после недолгого кандидатского стажа повязали вот такой алый треугольник с белыми полосками (гордости было «выше планшера!»). А зачислен в отряд Вячеслав Словуцкий был после скандала в детском саду. Дело в том, что появляться в «Эспаде» он стал еще в шестилетнем возрасте — мама приводила или знакомые ребята. Но это от случая к случаю. Однако дела затягивали, надо было постигать азы фехтовальных упражнений и хотя бы самые простенькие знания об устройстве судна и курсах-галсах (а иначе зачем сюда ходить!). Да еще взяли на роль малыша-гнома в отрядном видеофильме «Баба Яга с улицы Тургенева». Все это заставляло Славика Словуцкого все чаще прогуливать детский сад. И наконец директор Елизавета Трофимовна выдвинула маме и сыну грозное условие:

— Ну, вот что, дорогие мои. Или подготовительная группа нашей «Радуги», или эта ваша... «Эскапада»!

Мама посмотрела на Словко. Тот пожал плечами. Выбор

был настолько прост, что не требовал слов. И стал Вячеслав Словуцкий самым младшим членом «Эспады».

Он был тогда не такой костлявый и «вытянутый», как ныне. Наоборот — коренастый, даже кругловатый. Ниже всех в строю. Этаким колобок с горящими постоянным вдохновением глазами. Его радовало в отряде все, даже вахты, когда надо было надраивать судовой колокол у двери и старательно гонять воду по линолеуму в «каминном» зале. Все трудности казались игрушками, потому что было постоянное ощущение общности друзей, равенства среди всех и верности флагам флотилии.

Словко был самым рыным исполнителем отрядных ритуалов. Замирал на линейках при выносе знамен, ревностно отдавал салют при вечернем спуске флага, старательно вскидывал руку над беретом, когда проходил под отрядной эмблемой... Иногда над этим даже посмеивались, но так необходимо, что Словко смеялся тоже. И ничуть не смущался. Однажды Корнеич предложил на совете:

— Люди, а не сделать ли нашего «генерального левофлангового» строевым командиром?

Сперва не поняли:

— Как это?

— Пусть командует на линейках и парадах всеми построениями и прохождениями.

Подумали и решили, что «в этом что-то есть». В самом деле, подчиняться звонким Словкиным командам было одно удовольствие. Будто веселая струна звенела над отрядом и заставляла подтягиваться, расправлять плечи...

Девятого мая первоклассник Словуцкий на параде спортивных организаций шагал по площади впереди всей «Эспады». Впереди знаменосцев, впереди инструкторов, впереди шеренги барабанщиков. Он был полон гордости и восторга и слышал только ритм барабанного «марша-атаки». А потом все говорили, что зрители выли от восхищения, глядя на вдохновенного семилетнего командира, сверкающего золотом шевронов, отмытыми коленками и широко распахнутыми глазами...

Время шло, восторги приутихли, многое сделалось привычным. И бои на фехтовальной дорожке, и корабельные заботы, и задания отрядного пресс-центра, и хлопоты во время съемок фильмов, и репетиции группы барабанщиков, куда Словко попал, отпраздновав свое восьмилетие... Однако в этой повседневности все равно жил праздник — сдержанный, не все-

гда заметный, но постоянный. Привычной, как собственная кожа, была отрядная форма, привычным, как дыхание, — ритм отрядной жизни... А в конце весны, когда спускались на воду трепещущие от нетерпения «марктовены», привычность опять взрывалась вспышками первозданного праздника, стремительно расцветала синими и белыми цветами. Синева — простор взерошенного ветром озера. Белизна — ожившие в потоках воздуха паруса... В такие минуты появлялись даже не дурашливые, а серьезные стихи.

Проснулись под майским зюйд-вестом леса,
И блики над озером мечутся,
И снова трепещут мои паруса
Под ветром весеннего месяца.

Кто хочет, кто любит — пусть ходит пешком
Иль может в машине катиться.
У нас же натянут струной гика-шкот,
И яхта рванулась, как птица...

Эти стихи Словко вспомнил теперь, когда выводил из сарайчика велосипед — свой легонький складной «Кондорито». «Рваться птицей» придется сейчас не под парусом, а нажимая на педали. Ну что ж... «Видишь, Жек, я делаю то, что надо...»

Уже заметно припекало солнце, наконец-то день будет понастоящему теплым. У сарая расцветали репейники. В серых головках открылись бордовые сердцевинки, из них торчали черно-белые усики. На эти цветы-ежики садились пчелы, совали в них нетерпеливые хоботки...

«Привет», — сказал Словко репейникам. Он почему-то всегда радовался, когда они цвели.

От улицы Учителей, где жил Словко, до трамвайной линии и Савельевской улицы, что вели к водной станции, было не близко. Словко ехал вдоль рельсов минут двадцать. Наконец справа засинело озеро, мелькнули знакомые ворота с якорями, остались позади последние дома и начался Савельевский тракт.

Солнце светило ярко, небо синело празднично, педали вертелись легко. Словко поехал по накатанной велосипедной тропинке вдоль главной дороги. По асфальту было бы скорее, но машины со стремительным фырканьем то и дело проносились у обочины, ну их, этих лихачей. Особенно пижонов в разных там «Вольво» и «Тойотах». Шарахнут со спины и даже не остановятся... На тропинке тоже было хорошо. Если катить

без большой спешки, до тридцать второго километра он доберется часа за полтора...

Словко никогда не уезжал на велике так далеко в одиночку, однако сейчас не испытывал никакого беспокойства. Дорога была знакомая, по ней не раз он с мамой и отцом ездил на машине в Елохово, к папиному другу Игнатову...

Справа — озерные плесы,
Солнце по берегам.
Клевер шуршит по колесам,
Ветер свистит по ногам...

В строчках было много неточностей. Плесы и берега озера давно скрылись за дачными изгородями, за кустами, за какими-то ангарами. И ветер — не сильный и теплый — не свистел, а обмахивал ноги пушистыми крыльями. Приносил запахи бензина, асфальта и луговых трав. Словко на ходу сдернул берет, засунул его под черный погончик с якорем и капитанскими лычками. Длинные волосы отмахнуло назад, галстук затрепетал у плеча... А то, что стихата неточные — подумаешь! Все равно они забудутся через несколько минут. Стоит ли помнить все рифмованные строчки, которые то и дело проскакивают в голове...

Настроение было замечательное. Конечно, едва ли он найдет колесико, но, по крайней мере, сможет честно смотреть на Рыжика: «Так получилось... Я даже ездил туда, но что поделаешь...» Время от времени слева, на другой стороне тракта, неторопливо пробегали назад столбы с синими табличками. Словко заметил по часам: один столб примерно через четыре минуты. Ну, как и рассчитал...

Еще столб... еще... еще...

Не такие уж дальние дали.
Ну, подумаешь, тридцать ка-мэ!
Если давишь, смеясь, на педали,
А не прешься по лесу во тьме...

Конечно, Рыжик «перся» не тридцать километров, но... все равно — что он там чувствовал, что думал в ночной чаше...

Столб с числом «32» на левой стороне и «339» на правой был такой же, как все предыдущие. Он не помнил, что именно к нему вчера на рассвете выбрался из леса исцарапанный мальчишка в оранжевом рваном свитере. Вернее, не из леса, а с

длинной и высоченной груды сухого валежника. Этот завал тянулся влево и вправо, теряясь в придорожном мелколесье... Столбу невдомек было, почему длинноногий светловолосый пацан в оранжевой рубашке прислонил к нему велосипед, стоял, меряя глазами шетинистую баррикаду, и вдруг полез в переплетение шипастых стволов и колючих веток, обдирая икры и колени...

Словко понял сразу: можно сунуться в сушняк лишь слегка, для очистки совести, а можно лазить и калечиться в нем два часа — результат будет один. Нулевой... И все-таки...

Хрустящие сучья ломались под ним, в рот лезла паутина. Иногда в паутине вспыхивали крохотные блески, и Словко радостно вздрагивал — чудилось на миг, что сверкнуло колесико. Но, конечно, не было колесика. Хотя Словко казалось даже, что он нашел путь, которым пробирался через валежник Рыжик — по множеству провалов и сломанных сучьев.

Нет, если бы даже подогнать бульдозеры и разгрести завалы — сколько шансов, что крошечный Рыжкин талисман вдруг отыщется среди хрустящих, раздавленных гусеницами груд?

Словко наконец выбрался спиной вперед из сушняка, сел в траву рядом с велосипедом, ладонями стер с ног кровавой бисер, обхватил колени. Глянул снизу на завал, снова представил тяжелый желтый бульдозер... И опять что-то сверкнуло белой искрой. Нить паутины?

Словко рванулся из травы. Метрах в двух от земли на суровой нитке висело среди сучьев крохотное оловянное колесико. Серебристое, натертое до блеска о худую Рыжкину грудь. Прямо на виду висело! Как Словко не заметил его раньше?

Он подпрыгнул, дернул нитку, отцепил. Покачал невесомое колесико на ладони. Зачем-то подышал на него, потер о рубашку. Удивился тому, что не очень удивляется случившемуся. Видимо, в глубине души он с самого начала верил: *это* должно произойти. Да, не было изумления, только теплая такая, ласковая радость. Словко аккуратно затолкал колесико в нагрудный карман под блестящей пуговкой. Повернулся, чтобы шагнуть к велосипеду.

Велосипед держали двое...

Им было лет по шестнадцать. Один — пухлощекий, белобрысый, в широченных бриджах и белой футболке навывпуск. Другой — тонкий, похожий на гимнаста в темном спортивном костюме, скуластый. Разные, а на лицах одинаковое выражение, которое можно передать одним коротким звуком: «Гы-

ы...» Это и радость от неожиданной добычи, и удовольствие от предстоящего развлечения. Их собственный велосипед — один на двоих — валялся у края дороги.

— Ну, че схватили... — сказал Словко, понимая, что все бесполезно.

Толстощекий заулыбался и вправду сказал:

— Гы... — А еще: — Гляди, какой пионерчик. Я думал, они давно повывелись...

— Это скаут, — сказал скуластый очень серьезно. — Скауты, они все хорошие. Мальчик разрешит нам покататься на его велике, да? А то мы все на одном да на одном, я о багажник всю ж... измочалил.

— Не троньте, вам говорят! — крикнул Словко. И думал в это же время, что вариант один. Драться бессмысленно, заколбасят паразиты в один момент. Видно ведь, *какие* они. Надо подождать, когда схватят велосипед и поедут, чтобы *налицо был «состав преступления»*. Тогда сразу — сигнал Корнеичу: «Мэйдей...» Место происшествия, приметы угонщиков, пускай звонит в милицию. Звонить самому нет смысла, не станут там реагировать на крики мальчишки... А если эти гады пристанут сейчас, чтобы отлупить «скаута» перед угоном (а то и шею свернуть), тогда — кувырок назад и рывком на гребень сухого бурелома. Следом не ползут — себе дорожке. (И при всех этих скачущих мыслях все же сидела в Словко радость: «А колечко-то я нашел...»)

— Отцепитесь от велика! — еще раз крикнул Словко и удивился, какой тонкий стал у него голос.

— Нехороший мальчик, — сказал скуластый. — Вас там неправильно воспитывают. Иди сюда, мы объясним, как разговаривать со старшими.

— Гы... — подтвердил его слова толстощекий.

И Словко... пошел. Только по пути поднял из травы метровую толстую палку — легкую, сухую. Потому что бежать прочь *вог так*, сразу, было тошнее тошного...

Страх, конечно, был (ого какой!), но он не мешал четким мыслям, и внутри у Словко разматывался быстрой лентой отчет: «Толстому — тычком вправо и назад, прямо в рожу. Потом перехват в шестую позицию и с маху «гимнасту» по рукам. Пока будут выть и ежиться, схватить велик — и на дорожку. Вдвоем на одном не догонят. Да если и один кинется, еще поглядим, кто быстрее...»

Кажется, они что-то поняли.

— Х-хы... — неуверенно выдохнул толстощекий и сделал шаг назад. Это плохо, теперь в один темп двоих не зацепить... Они оттолкнули Словкин велосипед и с двух сторон шагнули к «скауту» (тот, видать, спятил от страха). Теперь самое время было рвать в завал. Но... Словко сделал палкой веерный разворот. Он называется «закрытая роза», как в романе Гюго «Отверженные». «Если скуластому по коленям, а толстого выпадом ниже брюха...»

— Прямо Шаолинь, — заметил скуластый «гимнаст» и хотел перехватить палку. Словко сделал перевод, замахнулся. Толстощекий заржал. Это ржание как ножом обрезал визгливый вскрик тормозов. На обочине рывком встал синий (родной такой!) «жигуленок». Длинный парень с пронзительно зелеными глазами толчком выбросил себя из-за передней дверцы. Из-за машины метнулся Кинтель...

В следующий миг скуластый уже подвывал, потому что парень с зелеными глазами умело выкрутил ему руку. Толстощекий корячился в клевере от подаренного Кинтелем пинка. Кинтель сказал:

— Словко, у тебя проблемы?

— Велик мой им понравился, — счастливо выговорил Словко. И опять удивился, что не изумляется чуду — второму за несколько минут. Будто так оно все было предназначено. По закону природы, в которой иногда просыпается справедливость...

— Че, пошутить нельзя?! — взвыл скуластый, изгибаясь. Зеленоглазый направил его головой в куст шиповника. Рядом стояли уже Корнеич и... вот это да! Сам Сергей Евг... то есть Владимирович Каховский, которого Словко знал в основном по альбомным фото Корнеича, а «наяву» видел только раз, давным-давно.

«Угонщики» на четвереньках добрались до своего велосипеда, рванули на асфальт и с вихляньем, но быстро-быстро поехали от греха подальше. Все проводили их глазами и снова посмотрели на Словко.

«А ведь это Салазкин!» — узнал Словко зеленоглазого парня, друга Кинтеля, который года два-три назад часто бывал в отряде. Вообще-то его звали Саня Денисов, а Салазкиным сперва называл только Кинтель, но потом стали звать так многие.

А Салазкин узнал Словко:

— Не может быть! Это растрепанное существо с исцарапан-

ными ходулями и капитанскими нашивками — барабанщик Словуцкий? Раньше ты был на несколько параметров мельче.

— Отставной барабанщик. Но все равно это я, — с удовольствием признался Словко.

— Поведай нам, отставной барабанщик, какая нелегкая занесла тебя в здешние края и втравила в дорожный конфликт? — задал закономерный вопрос Корнеич.

Словко не стал скрывать ничего. Он таял от ощущения счастливой безопасности, от радостных подарков судьбы. В двух словах рассказал про потерю Рыжика и про то, как решил покатыть на поиски. «Надо же было что-то делать, раз обещал...»

— Логичное решение, — серьезно одобрил Каховский. — Одно грустно: шансы для находки микроскопически малы...

— Но ведь нашел же! — объявил Словко. И с тихим ликованием похлопал себя по карману.

ТЕ, КТО ВИДИТ ФОНАРИК

1

Решено было, что Словкин складной «Кондорито» свернут и уложат на крышу «жигуленка», на багажник. А самого капитана Словуцкого «засунут» на заднее сиденье между Сергеем Владимировичем и Салазкиным и так доставят в город. Словко радостно согласился. Но сначала надо было обработать его «исцарапанные ходули». Кинтель сказал, что не хватит никакой аптечки, нужно «народное средство».

— У вас там осталась, по-моему, треть бутылки...

— Непедагогично... — заметил Каховский. Не поймешь, с подковыркой или всерьез.

— На сей раз обойдемся без педагогики, — сказал Корнеич. — Салазкин, достань...

Тот выгатачил из машины бутылку «Аксаковской», она была в самом деле полной на треть.

— Сядь, — велел Корнеич. Словко сел в открытой двери машины, вытянул наружу ноги. Корнеич плеснул на ладони, решительно провел ими по Словкиной «ходуле». Капитан Словуцкий мужественно взвыл.

— Зато жив останешься, — пообещал Корнеич и ту же операцию проделал с другой ногой. Словко хотел взвыть снова,

но вспомнил, как вчера терпел похожую (хотя и не водкой) «обработку» Рыжик, и сцепил зубы.

— Теперь грузись, — разрешил Корнеич. Оказалось, что Кинтель и Салазкин уже приторочили велосипед к багажнику. Словко забрался на заднее сиденье. Слева сел Салазкин, справа Каховский.

Поехали.

— Откройте все окна, а то дух, как в самой пропойной забегаловке. Гаишники останоят, вот будет им радость, — сказал Кинтель.

— Ну, не от водителя же дух, — заметил Каховский.

— Вы, Сергей Владимирович, рассуждаете с академической логикой. Как и положено деятелю науки, — глядя из зеркала, сказал Кинтель. — А у гаишников логика своя. Известно какая...

— Говорят, на Украине президент собирается разогнать свою ГАИ, — вспомнил Салазкин.

— До Украины далеко... — сказал Кинтель.

Пахнувший клевером воздух врвался в открытые окна, изгонял из машины «антигаишный» дух.

— А куда это вы катались с бутылочкой? Пикник на обочине? — осторожно пошутил капитан Словоцкий.

— Да уж такой пикник, — вздохнул Корнеич. — На Савельевское кладбище ездили. Помануть родных и друзей...

— Медведевых? — с пониманием сказал Словко.

— Ну да. Сашу и Кузнечика... А у Дани там братишка и ма- чеха...

— А еще там журналист Иванов, — добавил Каховский. — Капитан Словоцкий про него, наверно, не слышал...

— Как это не слышал! — возмутился Словко. — Это который выручал вас, когда вы тридцать лет назад слиняли из пионерского лагеря! Из-за того, что там директор ваше личное письмо прочитал!

— Точнее, тридцать два года назад, — усмехнулся Каховский. — Неужели и правда эту историю не забыли?..

Корнеич слегка обиделся:

— Я же тебе, Серега, говорил! Это один из коренных мифов «Эспады»!

— Горжусь... — покивал Каховский. — Хотя и печалюсь. При поминании, как быстротекучи годы... Где те романтические времена?

— А сейчас такие же времена, — заступился за свою эпоху Словко. — Рыжик вчера вот так же...

— Да, наслышан, — тут же согласился Каховский. — Он к тому же и помладше, чем я тогда был, и дорога была не в пример труднее...

— Рыжик — уникальная личность, — сказал Корнеич. — Он с первых дней вляпался в отряд всей душой. Даже непонятно, как мать не сумела в нем это разглядеть...

— Корнеич, он просится ко мне в экипаж, — вспомнил Словко.

— Ну так о чем речь! Все равно очень скоро экипажи придется переформировывать. Мадемуазель Смугина сделала одну командирскую должность вакантной. А ты же знаешь — это как выдернуть костяшку в башне из домино: сразу все сыплется. Недавно составлял ведомость для гонок и увидел, что все экипажи надо перетасовывать. Заранее предвижу, какие вопли будут на совете... Стажеров придется делать полноправными рулевыми. Так что имей в виду: с Нессоновыми тебе придется расстаться.

— Тогда я возьму Рыжика и Матвея Рязанцева. А еще останется Сережка Гольденбаум... Они с Рыжиком приятели...

— А ты с Рыжиком, видать, тоже? — вдруг спросил Кинтель и глянул из зеркала с каким-то особым интересом («Может, вспомнил, как они когда-то подружились с Салазкинским?» — мелькнуло у Словко).

— Н-не знаю... — почему-то смутился Словко. — Просто я однажды помог ему... в одном деле... А сегодня вот опять... Но вообще-то я не понимаю, почему он ко мне просится. Мне одно время казалось даже, что он на меня дуется...

— За что?! — удивился Корнеич.

— Да осенью было дело... Он полез в яхту без спасательного жилета, забыл надеть. Я замотанный тогда был, дежурил на пирсе. Ну и рывкнул, как директор школы, и оставил его на берегу на целый час... Он потом долго косился на меня, дня три...

— Бывает, — усмехнулся Корнеич. — В девяносто втором я тоже рывкнул на одного такого разгильдяя и не хотел брать в рейс на Шаман. На шлюпке. Экипаж еле уговорил меня сменить гнев на милость...

— Это было ужасно... — заворочался и смешно запыхтел слева от Словко Салазкин. — Я был такой ранимый ребенок. Мог заболеть от расстройства...

— И вообще все было бы не так, — вмешался Кинтель. — Если бы Салазкин не пошел тогда с нами, мы, скорее всего, не нашли бы бронзового мальчика...

— Вот и скажите мне спасибо, — сделал неожиданный вывод Корнеич.

— Спасибо! — разом отозвались Кинтель и Салазкин. И расхохотались.

Словко вспомнил:

— Игорь Нессонов сочиняет сценарий. И туда вставил бронзового мальчика с фонариком. Кто этот фонарик видит сквозь космос, тот... ну, в общем, хороший человек.

Все почему-то замолчали. И Словко даже показалось, что каждый проверяет: видит ли он искрящийся свет? Не снаружи, а внутри себя. Возможно, так и было. Потому что Салазкин вдруг сказал:

— Я видел фонарик... там. Когда сидел в яме у Саида. Вспоминал... Я, кажется, не рассказывал...

2

Наверно, машина не хотела, чтобы Салазкин говорил о печальном. Вдруг завизжала, заюлила. Кинтель нажал на тормоза. Вылез, глянул на переднее колесо.

— Ну, ясно. Теперь вот уж точно пикник на обочине. Господ пассажиров просим посидеть на травке, буду ставить запаску...

— Помочь? — с готовностью спросил Салазкин.

Кинтель сказал, что лучшая помощь — не путаться под ногами и руками. Салазкин сделал вид, что уж-жасно обиделся, и с надутым видом сел под густой березой. Остальные устроились на травке неподалеку.

Словко терпел с полминуты, а потом не удержался:

— Саня, а вы... а ты... как там в яме? Что было с фонариком? — Он поймал неодобрительный взгляд Корнеича, но было уже поздно. Салазкин же отозвался сразу, без неохоты:

— Ну, я уже говорил кое о чем Кинтелю. Когда он меня в госпитале навещал... Было так. Сгребли меня, значит, когда был без сознания, и очнулся я в темноте. Рука перевязанная, не сильно пораненная, лоб тоже... Где я, у кого, совершенно не понять... Раз в день воду дают и кашу вонючую. Иногда с хлебом, иногда так... Ведерко спускают на веревке. Так сказать, «биотуалет»... В яму через щель иногда проблески про-

бывались, а чаще была сплошная тьма. Вот в этой тьме я... ну, в общем, зажигал тот фонарик. Заставлял себя *видеть*...

— Неужели три месяца в темноте? — глухо спросил Корнеич.

— Изредка вытаскивали на двор. Чтобы проморгался, бороду сбрил. «Раз не мусульманин, зачем тебе борода». Дом там был богатый, кирпичный. Хозяина звали Саид. Красивый такой мужик, на индуса похожий. Лет сорока. По-русски говорил, прямо как москвич. Любил иногда пообещать: «Посидишь немного, а потом все равно голову долой. Ты контрактник, контрактникам один конец». Я говорю: «Да не контрактник я. Срочник, из морпехов...» — «Не ври, — говорит. — По ухваткам видно, что контрактник». А какие у меня ухватки, если еле ногами-руками шевелю...

Ну, как-то все же он понял месяца через три, что я срочник, по призыву. К таким они малость помягче относятся. Мол, подневольные люди... Перевел меня на жительство в сарай, стал давать работу по дому, кормить по-человечески. Только сразу предупредил: вздумаешь бежать — кранты. А куда бежать? Дороги не знаю, дохлый совсем, русских кругом не слышать. Да и зима уже, а теплой одежды нет. Вот и существовал. Пригладывался, надеялся все же... Ни хозяйка, ни дочки хозяйские ко мне близко не подходили, а Саид иногда в беседы вступал: «Зачем к нам пришел, стрелять начал? Мы тебе чего плохого сделали?» Ну, я прямо как Гринев перед Пугачевым. Говорю: «Ты же умный человек. Неужели не понимаешь: я присягу давал...» — «А что, — спрашивает, — если присяга, то можно в детей стрелять, в женщин стрелять, в мирных людей стрелять?» — «Это где, — говорю, — я в мирных людей стрелял? Ты видел? Я вообще выстрелить ни разу не успел...» — «Ну да, — спорит он. — А если бы успел, стрелял бы, как Пульман...» — «Какой еще, — говорю я, — Пульман? Пульманы — это товарные вагоны, чтобы эсков возить, они не стреляют...»

Ну, он и рассказал. Был такой армейский капитан по фамилии Пульман. Год назад послали его с группой в пять человек ловить какого-то полевого командира. Сели они у дороги, по ней машина проехала, грузовичок-пикап. Они, видать, остановиться не сумели или прозевали и давай палить вслед. Одного мужчину сразу кончили, двоих ранили. Те, кто живой остался, руки подняли: «Мы мирные, мы не боевики, вот документы...» Оказалось, были там, кроме хозяина машины, директор и завуч местной школы, беременная женщина, ее племянник — парнишка лет шестнадцати и старик-пенсияр... Пульман и

его люди документы проверили, видят: промашка вышла. «Ну, ладно, говорят, издержки военного времени, ошибочка. Забырайте убитого и катите в свой поселок...» Но на всякий случай доложили по радию о случившемся майору, который сидел на командном пункте. А тот: «Вы что, с катушек съехали, да? Всех расстрелять, машину сжечь!» Потому что вроде бы есть у спецназа такая установка: свидетелей не оставлять...

Ну, Пульман и его братва надели на стволы глушители и в оставшихся четверых... Да, видать, опыта не хватило, парнишка рванул в заросли. По нему вслед... А потом в погоню — раз велено не оставлять никого. Нашли уже мертвого, ему пуля перебила артерию на бедре... Свалили всех в машину, подожгли... Да опять же не хватило сноровки, сжечь не сумели. А тут по дороге колонна какая-то, начальство, которое вроде бы из местных жителей, но на нашей стороне... Скрыть уже ничего не удалось...

— Я знаю эту историю, — сказал Каховский, — год назад о ней писали. Был суд. Я читал в Интернете приговор. Несколько страниц подробного рассказа, в деталях, как убивали ни в чем не повинных людей, а потом вердикт присяжных: «Но поскольку эти военнослужащие выполняли приказ вышестоящего начальства, считать их невиновными...» Гнусная история...

— Да... — сказал Салазкин и прижался затылком к березовому стволу. — История такая... Этот Саид и давай катить на меня: «А вот если бы тебе отдали приказ, разве бы ты не стал стрелять, а?» — «Нет, — отвечаю, — не стал бы. В мирных и безоружных? Никогда». — «А как же присяга?» — «А что присяга? Нет в ней такого, чтобы выполнять преступные приказы...» Улыбнулся Саид своей тонкой восточной улыбкой и говорит: «Поклянись своим богом, что не стал бы». Мне чего терять, все равно не вру. Перекрестился. «Вот, — говорю, — клянусь...» И даже за крестик под воротом взял... Этот крестик я, кстати, нашел в яме, нащупал как-то на полу среди мусора. Видать, кто-то из сидевших раньше меня потерял. Цепочка была порвана. Я ее связал ниткой от рубахи, надел на шею... До той поры никогда не молился, не знал даже, верующий я или нет, хотя крестили. А тут стал вспоминать отрывки молитв, которые когда-то слышал случайно. И свои придумывать... Меня этот крестик грел, вроде как тот фонарик. И успокаивал. Помогал думать. А думал я в этой яме о тех построениях, про которые мне рассказывал Александр Петрович... Я ведь тогда еще не знал, что его уже нет, разговаривал будто с

живым. О хронополе и загадках времени. И... это было вроде как конструирование многомерных фигур в темноте пространства. И в то же время как музыка... Вспоминались его тетрадки. Александр Петрович почти всегда вручную писал, на компьютере ведь даже таких символов нет, как у него...

— Например, колесико с крылышком, да? — тихо спросил Корнейч.

Салазкин оторвал затылок от березы.

— А ты видел, да? Он тебе тоже показывал?

— Не показывал, а просто оставил тетрадь перед отъездом. На память... Некие доценты потом очень ей интересовались. И тем значком. «Не знаете ли, что это такое?»

Салазкин зло хохотнул (Кинтель быстро оглянулся на него от машины).

— Многие хотели бы знать, что это такое... Непонятно, знал ли до конца сам Медведев... Корнейч, а тетрадка-то где?

— У меня...

— Дашь посмотреть?

— Господи, да совсем отдам! Кроме тебя, кому теперь с ней разбираться? Саша тебя, как я понимаю, кой-чему обучил...

— Мало чему... ох, мало... — выговорил Салазкин и постукался затылком о ствол. — Разве что... но это потом...

— Саня, а как вы все-таки выбрались оттуда? — мягко спросил Каховский. — Вас освободили?

— Не сразу, Сергей Владимирович... Я начал готовиться к побегу, нож припрятал в тайнике, сухари... Думал, выберусь на какую-нибудь дорогу, там или наших повстречаю, или выкину какого-нибудь местного из его машины, помчусь куда глаза глядят... А Саид хитрый мужик был, учуял мои планы. Пришел однажды со своим дружком, у того автомат. «Поехали, — говорит, — покажем кое-что». Глаза мне завязали натуго, сверху еще мешок на голову. Затолкали в машину. Ехали с полчаса, потом вытащили меня, повели по камням куда-то вверх. Сдернули мешок и повязку. Говорят: «Смотри, православный...» Я вижу: кругом скалы, мы в расселине. Из каменных щелей торчат три кола. На двух — истлевшие головы в беретах, лиц уже не разобрать. «Вот, — говорит Саид, — тоже хотели бежать... А для тебя вот это место, — и показывает на третий кол, пустой. И опять говорит, дружески так: — У тебя, Саня, один выход. Прими нашу веру, поклянись верности Аллаху, будешь жить...»

Вспомнил я, как молился в яме своему медному кресту, как он грел меня... «Знаешь, — говорю, — Саид, если я и по-

клянусь, ты не поверишь. У тебя твой Аллах, у меня мой Спаситель...»

Он оскалился, злорадно так, зубы белые-белые.

«Не спасет тебя твой Спаситель. Разве не понимаешь?»

Дружок его тоже скалится, гладит автомат. И понял я: все равно убьют, хоть сделайся я самым-самым мусульманином. Не оставят в живых русского свидетеля, который видел эти голы... Вцепился в автомат, рванул, кинул через бедро этого Саидова приятеля, и тут меня сзади по голове... Камнем, наверно... Очнулся я опять в яме. Судя по запаху, в той же самой... Сперва удивлялся: почему не кончили там, сразу. Потом понял: бесчувственного неинтересно. Надо, чтобы я все испытал... Стал готовиться. Думаю, как выгнать вверх, брошусь на любого, пусть пристрелят, только бы не ножом... И вдруг застреляли наверху. Потом оказалось, добрались сюда свежие силы ОМОНа, с большой зачисткой. Через какое-то время выволокли меня... Смотрю, лежит посреди двора Саид, глядит в небо пустыми глазами, очередь поперек груди. Рядом — одна из его дочек. Наверно, хотела заслонить отца...

Потом, конечно, всякие вопросы, выяснения. Я понял: повезло мне, что из ямы выгнали, а не повстречали беглого. Доказывай бы, что не перебежчик, не дезертир... А тут героический пленник... Ну и вот. Возили, лечили, потом на гражданку. Подчистую...

3

Словко слушал и чувствовал себя виноватым: из-за него ведь Салазкин затеял этот разговор. А еще Словко машинально трогал под рубашкой легонький алюминиевый крестик.

Не был Словко настоящим верующим, он себе в этом честно признавался. То есть он понимал, что бог, конечно, есть, но исполнять все христианские правила было некогда. В церковь не ходил, молитв почти не знал, только «Отче наш» запомнил когда-то. И лишь два года назад читал он про себя эту молитву, когда отца увезли на «Скорой» в хирургию, а потом срочно вырезали желчный пузырь. Отец лежал в реанимации, а Словко шепотом молился в своей постели... Молитва ли помогла или просто повезло, но с той поры крестик Словко не снимал. На всякий случай...

— ...Господа, карета готова, — сообщил от машины Кинтель.

Словко быстро встал и покачнулся: вдруг закружилась голова. Это длилось всего секунду, но Корнеич заметил.

— Что с вами, мой капитан?

Словко виновато заулыбался.

— Наверно, с голоду. Не позавтракал, а потом эта дорога.

Корнеич хлопнул себя по лбу:

— Педагоги!.. Чуть не уморили ребенка! Кинтель, где еда?

Кинтель достал из багажника пакет, в нем был здоровенный кусок рыбного пирога и огурцы. Видать, остались от поминальной закуски.

Словко не обиделся на «ребенка». Такое обращение у старших к младшим случалось в «Эспаде». Оно было не всерьез, а дурашливо-веселое: «Эй, помогите ребенку дотащить весла!.. Поправьте на ребенке ремень, чтоб не болтался...» «Ребенки» хихикали... Хихикнул и Словко, втыкая зубы в мягкий и вкусный пирог (небось Татьяна постаралась с утра). Аж заурчал от голодного удовольствия... И доедал уже в машине, на ходу, подбирал с колен крошки рыбы и теста... Но рассказ Салазкина сидел в нем холодной льдинкой, тревогой непонятно о чем. Вернее, о многом. И в том числе почему-то и о Рыжике.

На базу приехали, когда народу там было совсем мало. Полагалось собраться к четырнадцати ноль-ноль, а часы показывали двенадцать пятьдесят пять. Каховский сразу ушел в рубку, к начальнику моршколы Соломину. Каперангу вообще-то полагалось находиться в кабинете при школе РОСТО, но он предпочитал быть на водной станции. Рядом с маленькими, но все же кораблями.

Рыжика и Нессоновых еще не было, и это почему-то встревожило Словко. Странно даже... Чтобы не волноваться зря, он пошел на мыс, где стояли на кильблоках «марктовены». Белый корпус «Оливера Твиста» был местами обшарпан — успело уже потрепать кораблик в этом сезоне. Левая ванта малость ослабла, Словко не торопясь, старательно перетянул капроновый талреп. Выкачал губкой лужицу, собравшуюся у резенкиля. Этой же губкой протер палубу, убирая налеты пыли. Похлопал яхту по крышке ахтерпика. «Оливер» благодарно подрагивал тонкими тросами стоячего такелажа. Потом Словко помог Владике Казанцеву закрепить на кильблоках «Тимура» и поставить заплату на левой скуле («Тимур» недавно «поцеловался» со старенькой «Миссисипи» Аленки Склярковой). Вкрутили восемь шурупов. Наконец Словко распрямился, стер ветошью с колена желтую шпатлевку, глянул на часы. Было 13.50. Он досадливо оглянулся на ворота. Ага! Оттуда двига-

лись Игорь и Ксения, а между ними бодро шагала Рыжик — в полной отрядной форме. Как и близнецы.

Он издали встретился со Слово глазами, побежал. Остановился у кормы «Оливера», заулыбался с нерешительным вопросом в глазах.

— Моя карета оказалась без колес, — вздохнул Слово (и Рыжины глаза перестали искриться). — Зато... вот... — Он выдернул из кармана за нитку блестящее колесико. — То самое...

Рыжик сразу увидел, что и правда *то самое*. Заулыбался — сперва нерешительно, а потом прямо засиял. Вцепился в нитку. Вскинул глаза.

— А... откуда? Как это?

— Когда увидел, что карета не годится, решил поехать, поискать у столба. Где ты говорил... Ну, поехал на велике. Смотрю, оно качается на сучке... — как самое простое дело объяснил Слово.

Рыжик тихо и убежденно сказал:

— Но это ведь чудо.

— Да, — согласился Слово. И не выдержал, выдал то, что сидело внутри: — Наверно, потому, что ты хороший человек, Рыжик.

Тот быстро глянул ему в лицо, замигал, начал суетливо связывать порванные концы нитки. Надел ее на шею. Подпрыгнул, сел на корму, закачал изжаленными ногами. Стал смотреть на свои потертые кроссовки. Вдруг спохватился и шумным шепотом выговорил:

— Ой... спасибо, Слово... такое-такое спасибо...

— Да чего там... — Слово сел рядом. — Корнейч сказал, что можешь идти в мой экипаж. Хоть с завтрашнего дня.

— Да? — тихо возликовал Рыжик. Вскинул ноги коленями к подбородку, крутнулся к Слово. — Это значит... уже точно?

— Куда уж точнее... если мы трое решили: ты, я и он...

Рыжик сосредоточенно засопел, задержал концы галстука. Чтобы он успокоился, Слово спросил скучноватым голосом:

— Чем ты сегодня с утра занимался? — И тут же сообразил: — А, знаю! Домой бегал, да?

— Конечно! Форму-то надо было надеть!.. Бабушка обрадовалась, когда узнала, что не буду в лагере. Говорит: «А чего тебе у других людей жить, а не дома?» А еще говорит: «Не такая уж я старая, сегодня сама в киоск за молоком ходила. Управимся вдвоем, зря Роза боится». Это, значит, мама моя... Может, правда?

— Посоветуйся с Корнейчем, — рассудил Слово. — Он ведь теперь за тебя головой отвечает.

— Да, посоветуюсь, — старательно кивнул Рыжик. И вдруг признался шепотом: — А еще я колесо раскрутил. Оно, наверно, до сих пор вертится, у него же... такая инерция...

— Конечно, вертится, — согласился Слово.

— А еще я бабушку в церковь сводил, — прежним шепотом сказал Рыжик. — То есть в часовню. Это недалеко, у Хлебного моста. Ей там хотелось за кого-то свечку поставить, а соседка сказала, что ей с ней идти некогда... Ну вот... А потом я обратно к Игорю и Ксении. Меня их мама таким обедом накормила, хватит на неделю... — Он тихонько засмеялся и хлопнул себя по животу, которого не было.

Игорь и Ксения видели, что у Слово и Рыжика свой какой-то разговор, и деликатно стояли в сторонке.

— Идите к Корнейчу, — кликнул их Слово. — Он вас будет сейчас назначать на яхты полноценными командирами. Пришел великий час.

— Ва-а? — не поверила Ксения и округлила рот.

— Чтоб мне напороться на камни у Шамана! — поклялся Слово.

Близнецы рванули к рубке, где на первой ступеньке трапа сидел Корнейч, окруженный «оранжевым народом».

Рыжик улыбался и гладил мизинцем висевшее поверх рубашки колесико. Слово посмотрел, подумал и спросил:

— Рыжик, а ты в церковь ходил ради бабушки? Или сам ты тоже верующий?

Он растерялся. Заморгал. Потом вдруг насупился:

— Я... да. Тоже. А что?

— Да ничего. Просто я подумал... Верующие ведь обычно крестики носят, а у тебя колесико...

Тогда Рыжик опять заулыбался:

— А здесь тоже крестик. Смотри: вот эти четыре спицы... — Он положил колесико на ладонь. — А эти четыре, как лучи солнца... А все вместе, будто роза ветров на карте...

— В самом деле... Да...

— Эй, Рыжик! — донеслось от рубки. Звал его Корнейч. — Беги сюда! Мама звонит!

Рыжик взметнулся с кормы. И вдруг испуганно замер.

— Да не бойся! — громко сказал Корнейч. — Беги! Все хорошо!

Вторая часть

ЧЕРНЫЕ ТЕТРАДИ

ВРЕМЯ ВЕТРА

1

Густые солнечные брызги вертикально взлетали перед «Зюйдом» на метровую высоту. Потом, послушные встречному ветру, летели на носовую палубу, на визжавших от восторга матросов. Рыжик и Сережка, сидевшие на стаксель- и кливер-шкотах, были в спасательных жилетах и плавках. Блестели, как фаянсовые коричневые статуэтки в оранжевых безрукавках. Матвей Рязанцев с гика-шкотом в стиснутых кулаках уселся на левом, наветренном борту, выгибался назад, поэтому большинство брызг проносилось над ним, задевало не всегда. До Словко, сидевшего на руле, долетало уже немного, но порой доставалось и ему... А еще доставалось облезлому тряпичному лисенку Берендею (размером с котенка), который смиреннько сидел в лужице у швертового колодца. Это был Словкин корабельный талисман. Такие игрушечные зверята водились почти у всех рулевых — лягушата, кролики, обезьяны, мишки. При обычном плавании их привязывали на носу, к штагу. Считалось, что это традиция старинных парусников, которые всегда были украшены носовыми фигурами. Но во время гонок «фигуры» убирались внутрь яхты — чтобы не было лишнего сопротивления воздуха. И вот теперь Берендей безропотно промокал в кокпите, не имея даже удовольствия глядеть на озеро и яхты...

Конечно, пять лет назад, когда строили «Зюйд» и «Норд», проявили некоторое разгильдяйство. «Мягко выражаясь, досадную поспешность», — самокритично говорил Корнеич. Надо было на стыке форштевня и киля вывести плавные округлые изгибы обшивки, как в свое время у «Тремолينو». Однако распаривать, выгибать фанеру по хитрым шаблонам — дело долгое. Хотелось спустить кечи в мае, в начале навигации, поэтому решили соединить обшивку днища и бортов «без хитростей», острой гранью. Ходят же с такими обводами «марктве-

ны»!.. Но «марктвены» — одномачтовые бермудские шлюпы — были совсем другими. Они легко взбегали на волну, брызги разлетались по сторонам. А «Зюйд» и «Норд» на крутых курсах, взобравшись на склон волны до половины, утыкались носом в гребень, и гребень этот — с каскадами брызг и пены — летел на бак и в кокпит, на несчастный экипаж, поминавший строителей не по-доброму. В прохладную погоду приходилось натягивать поверх спасательных жилетов непромокаемые куртки с капюшонами. А иногда на крышках форпиков ставили полиэтиленовые отражатели брызг. Но на гонках ставить их — себе дороже: такое встречное сопротивление!

Однако сейчас ни куртки, ни отражатели не были нужны. Два дня назад установилась жаркая погода, около тридцати градусов. При этом дул с норд-веста ровный, без резких порывов и коварных затиханий, ветер. Для гонок — условия как по заказу.

И вообще в этот день, шестого июля, все было замечательно! Яхты спустили и перегнали к подветренному пирсу без суеты и галта. Ни один человек не опоздал. Ни один блок при подъеме парусов не заело. Никаких неисправностей не обнаружилось. Правда, не появился на открытии гонок Феликс Борисович Толкунов (хотя должен был бы), но это никого не опечалило. Аида объяснила, что он «выходит на директора фирмы «Цветмет», чтобы поскорее изготовили наградные жетоны»...

Жеребьевка прошла без больших споров и волокиты, хотя такое случалось редко. Гонки проводили «с пересадкой», то есть каждый экипаж должен был проходить дистанцию на всех яхтах по очереди (и было еще одно «условное судно», с нулевым номером, то есть когда экипаж сидел на берегу). Вообще-то порядок этот считался устаревшим, в больших гонках его применяли редко. Но в «Эспаде» использовали всегда. Потому что яхты были с разными ходовыми качествами, а когда экипажи менялись, шансы у всех уравнивались...

Восемь барабанщиков лихо сыграли «Стартовый марш», все вскинули руки над беретами (даже Аида воздвигла пухлую ладонь над растрепанной прической). Оранжевый флаг, с белым силуэтом кораблика в верхнем углу и косо летящей чайкой в центре, лихо развернулся у топа мачты. Под гафелем затрепетал другой — синий с белым прямоугольником. Это был сигнал буквы П («папа») и назывался «флаг отхода». Здесь он означал начало гонок.

— Экипажи, по яхтам! Всем отход в стартовую зону! — весело завопил Кинтель, подпернул на плече ремень видеокамеры и побежал запускать мотор дежурной лодки. Еще одно дежурное судно — катер морской школы с неутомимым мотористом Федей — уже фырчало у пристани.

Десять яхт заметались на синей взъерошенной воде стартовой зоны, недалеко от берега. Порой в опасной близости друг от друга. («Куда тебя несет, у меня правый галс!» — «А ты пересекаешь курс!» — «Шурка, ты чего завис при таком ветре! Поставь руль прямо и потом уваливай!...»)

Корнейч дважды ударил в сияющий корабельный колокол, висевший на кронштейне мачты, — двухминутная готовность. Сейчас каждому экипажу предстояло рассчитать: как через две минуты оказаться точно у линии старта и пересечь ее сразу после сигнала. Кто-то хитро забегал вдоль этой линии между мысом и сигнальным буйком. Кто-то пошел назад, рассчитывая вовремя скрутить поворот фордевинд и выскочить на дистанцию с разгона. Кого-то унесло далеко правее мыса (видно, что от бестолковости; теперь они не стартуют и через десять минут). Несчастную «Тетю Полли» с экипажем Шурика Завьялова (вот кому вечно не везет на стартах!) прижало к шлюпочному пирсу, не может отвалить, балда... («Ну, вынеси ты стаксель на ветер, а не дергай рулем, как припадочный!»)

Словко все это видел привычным взглядом, прикидывая самый выгодный путь...

Колокол взорвался частым звоном. Большие ежегодные парусные гонки «Эспады» начались...

При жеребьевке Словко не повезло: выпало идти в первую гонку на кече «Зюйд».

— Возьми из резервного экипажа еще одного человека, — предложил Корнейч. — А то не управитесь. Вон как задувает...

— Управимся, — сказал Словко.

Лишний человек — лишний вес, а веса «Зюйду» и так хватало. Настроение слегка испортилось... Но вся хмурость развеялась, едва отошли от пирса. Синий блеск, натянутая парусина, журчание воды, брызги (пока еще не сильные), вибрация штагов и вант... Ну, прямо музыка души! К этому никогда не привыкнешь, каждый раз — праздник.

Словко не стал сновать в тесноте других яхт, пошел в полветра, оказался в стороне от суеты и толчеи, с разгона сделал

поворот носом к ветру, велел Матвеем слегка потравить грот и не спеша двинулся к стартовой линии. На полпути снова скрутил оверштаг (матросы не подвели!), чтобы после старта не вертеться, а сразу, в бейдевинд левого галса, рвануть на открытую воду.

— Отлично, ребята! — сказал Словко. Сережка с Рыжиком и даже флегматичный Матвей заулыбались. Они понимали: капитан рассчитал точно, через линию проскочат через миг после сигнала.

И тут не повезло!

Наперерез сунулась на «Миссисипи» Аленка Склярова. Еще бы секунда — и треск! Пришлось вильнуть. Он показал перепуганной Скляровой кулак и подумал, что есть все основания подать после окончания дистанции протест.

Но... не будет он подавать протест. Во-первых, Аленка сунулась не по коварному умыслу, а по досадной случайности. Во-вторых, «доблестные флибустьеры Карибского архипелага не воюют с женщинами». К тому же Аленка симпатичная, почти такая же, как Ксения... Немного жаль, что Ксюха ушла из экипажа, так хорошо было смотреть, когда она, тоненькая, ловкая, откидывалась за наветренный борт, выбирая втугую шкот гудящего стакселя. Но ведь не будешь держать человека на стаксель-шкоте и откренке, когда он уже готовый рулевой...

Аленка не очень помешала, Словко сумел вылететь за линию через две секунды после трезвона, раньше всех. Вернее, рядом с ним выскочил Кирилл Инаков на «Барабанщике», но он был справа, подветренным. Словко обрадованно велел выбрать паруса втугую, сам набил до отказа бизань-шкот и привелся покруче к ветру. Все четыре паруса — кливер, стаксель, грот и бизань — задрожали, трепыхнулись во встречных потоках воздуха. Словко чуть увалился, чтобы не заполоскали... И тут началось!

Гребень встал впереди и слева, вспыхнул грудями кристалликов, обрушил эту сверкающую россыпь на экипаж. Сперва она показалась даже холодной. Рыжик и Сережка заверещали. Матвей, сидевший посреди кокпита, на планшире швертОВОГО колодца, зафыркал.

— Будем терпеть, — сказал Словко.

— Ага! — радостно согласился Рыжик.

Много терпения не понадобилось. Оказалось, что вода очень теплая. Ветер, дувший почти навстречу, тоже был теп-

лый. Приносил запахи песчаных отмелей и ласковых луговых трав. Правда, при этом не очень ласково давил на парусину.

— Матвей, давай на борт, — сказал Словко, — откренивай помалу...

Рыжик и Сережка — те сами, без команды перебрались на узкую палубу наветренного борта, зацепились ногами за страховочные ремни. Да и Словко на корме передвинулся левее...

Теперь все шло как надо. Нужный курс, нужный ветер, нужное настроение! «Зюйд» не то что бежал — мчался!.. Может, если смотреть со стороны, то не очень уж мчался, но здесь, при взлетах встречных гребней, казалось, что скорость, как у клипера. Его корпус то взлетал, то пробивал каскады брызг, будто фанерный ящик на буксире у быстрого катера...

Жаль только, что не было равного соперника, с которым хорошо бы сравнить себя. Второму кечу не успели отремонтировать пробитое днище, потому что постоянного рулевого на «Норде» не было, лишь сменные командиры из приходивших в гости ветеранов. Недавно самый старший из капитанов (то есть уже флаг-капитан), Равиль Сегаев, уступил своего «Тома Кенти» Игорю Нессонову и сказал, что возьмет беспризорного «Нордика» под свою опеку. И даже набрал экипаж из добровольцев. Но во время гонок было не до ремонта (поэтому и вышло, что одиннадцатый экипаж — резервный).

Так вот и получилось, что среди стартовавших «марктевнов» с двумя парусами оказалось одно двухмачтовое судно, несущее четыре паруса.

«А ведь можно поставить пятый!» — сообразил Словко.

У него не было в этом деле большого опыта, на кечах он ходил редко, да и матросов сейчас оказалось меньше нормы. Но азарт гонок добавлял сил. Тем более что чуть позади неотрывно шел на «Барабанщике» Кирилл Инаков. Не догонял, но и никак не отставал! Красный корпус «Барабанщика» выпрыгивал на волны, как морковка, которую дергали за нитку.

Словко задал бизань-шкот на утку. Сдвинулся еще левее, открутил барашки на крышке ахтерпика. «А там ли апсель?» Ура, вспомогательный парус был на месте! Словко выбросил белый сверток в кокпит, приладил крышку на место (а то залет, чего доброго!).

— Матвей, дай гика-шкот. Разверни апсель, будем ставить!.. Ребята, откренивайте пока изо всех сил! — (Те рады стараться.)

На лице Матвея мелькнуло сомнение («А вот как булькнемся...»), но сделал он все правильно. Освободил на парусе

углы, галсовый зацепил за гак на задней стороне швертового колодца, к фаловому протянул от бизани капроновый трос...

— Словко, а тут кренгельс порван!

— Тысяча дохлых медуз!.. — Словко оглянулся на Инакова. Тот, на «Барабанщике», прыгал по гребням в пяти метрах за кормой. Именно он, Кирилл, был постоянным командиром «Зюйда», и Словко крикнул ему с немалой язвительностью:

— У вас, капитан, фаловый кренгельс на апселе оборван! Это свинство!

Кирилл не стал оправдываться:

— Матросам головы оторву!.. Словко, извини!

Словко сразу отмяк:

— Да ладно, не отрывай!.. — А Матвею велел: — На углу завяжи парусину кукишем. Вокруг него фалом сделай два шлага, потом прямой узел. И поднимай...

Матвей, он хотя порой и увалень, но дело знает. И понимает все с двух слов. Завязал как надо. Заранее задал на бортовой переборке апсель-шкот, потянул фал. Блестящий белый треугольник затрепетал и упруго встал между грот-мачтой и бизанью. Летящие брызги обрадованно забарабанили по тугому лавсану.

Кинтель, близко подошедший на своей моторке, снял всю операцию с апселем видеокамерой.

— Отлично! — Словко вернул Матвею гика-шкот и опять оглянулся на Кирилла. Тот показал большой палец искомандовал экипажу поворот. Он, Инаков, лучше всех знал свойства своего «Зюйда» и понимал: когда тот под апселем да с легоньким экипажем, состязаться с ним бесполезно.

А Словко решил не делать лишних поворотов. Если так отлично стоят паруса, лучше не мудрить...

2

— Куда этого героя понесло? — сказал каперанг Соломин, глядя в бинокль. — Он что, собрался на другой берег?

— Это Словко, — отозвался Корнеич. — На той посудине, да еще с апселем, идти в лавировку дело хлопотное. Вот и решил, наверно, добраться до поворотного буя всего двумя галсами... — Он смотрел в укрепленную на треноге трубу.

Оба они стояли в рубке, наблюдали за гонкой сквозь широкие окна с поднятыми стеклами. Впереди, за полутора ми-

лями синей воды, тянулся другой берег. На нем справа — прокатный цех завода «Металлист», левее — дачные коттеджи, бегущая за тополями электричка и совсем далекие, похожие на белые утесы корпуса поселка Сортировка. А над всем этим пейзажем — кучевые желтоватые облака...

Зыбь на воде казалась в поле оптических приборов неподвижной. Почти неподвижными (если не приглядываться) выглядели и яхты. Лишь искрящаяся пена отлетала от бортов да трепетали на задних шкаторинах треугольных гротов пестрые флюгарки...

В рубке был еще и начальник водной станции Степан Геннадьевич Поморцев. Этаким боцманского вида мужчина в тельняшке, с усами и в парусиновой чеплашке на обширной лысине. Он смотрел на воду без всякой оптики, а больше поглядывал на барометр.

— Раскидало ребят по всей акватории, — заметил он. — А скоро может свистануть...

— Через пятнадцать минут все соберутся у левого буйка, — успокоил Каперанга и начальника станции (и, видимо, себя) Корнеич.

— Дая, а тебе не бывает страшно, когда в крепкий ветер столько ребят на воде? — вдруг спросил Каперанг.

Корнеич даже не удивился. Пожал плечами:

— Что значит «не бывает»? Мне всегда страшно. Я живу с этим двадцать лет, привык уже... как к протезу... А тебе что, не было страшно там, среди субмарин? За тех, кто у тебя под командой?

Каперанг не ответил.

— С чего это ты полез в психологию? — недовольно спросил Корнеич. — Это Аидина сфера...

— Да так, — неохотно откликнулся Соломин. — Недавно слышал в «Новостях». Два офицера и шестеро питерских курсантов кильнулись на яле в Финском заливе. При свежем ветре. Шестеро погибли. Странно даже: что они, без спасательных жилетов были?

— Тьфу на тебя! — дернул головой Корнеич, не отрываясь от окуляра. — Нашел время для таких разговоров... Я слышал, конечно, только чего ты об этом не вовремя...

— Сам не знаю. Извини... А этот обормот Словко все же зарывается.

— Он же не питерский курсант, знает свое дело... Ага, вот и убрал апсель. Повернул...

— Вы, мужики, зря не переживайте, — подал голос Поморцев. — На воде два мотора. Ежели что, они враз...

— Да вот вам и «ежели что»! — Корнеич в сердцах ударил кулаками по бедрам. — «Хоббит» улегся. Владька Казанцев...

В самом деле, яхта с черным корпусом лежала парусом на воде. Вокруг плавали четверо. К ним уже мчалась моторка Кинтеля.

— Лишь бы мачта не пошла вниз, — нервно сказал Корнеич. — Воткнется в дно, будет хлопот на целый час...

Но мачта не воткнулась, и помощь моторки не понадобилась. Видно было, как Владька взметнулся из воды на красное крыло шверта, потанцевал на нем, ухватившись за борт. «Хоббит» нехотя оторвал паруса от воды, пошел мачтой вверх, все быстрее, быстрее. Запрыгал на волнах, полоща мокрым гротом. Владька перекинул тощее тело в кокпит, выдернул из воды одного матроса, два других забрались сами... «Хоббит» взял ветер и побежал как ни в чем не бывало.

— Молодцы, — с облегчением сказал Каперанг. — Чувствуется школа...

— Да ни фига она не чувствуется! — бросил в ответ Корнеич. — Паршивая школа! Кой-какая практика есть, но одной практики мало. Нужно же учить всему заранее, еще на суше, в классе, давать теорию... А какая теория, когда Кинтель замotan, я в разгонах, старшие ребята завалены уроками, а у мадам Толкуновой на уме одно: «Выработка способностей к позитивной корреляции у детских индивидуумов в условиях возникновения некоммуникабельности внутри спонтанно сложившегося социума»... Вон, опять охмуряет ребят на берегу...

Видно было, как Аида Матвеевна, со взлохмаченными ветром волосами, что-то объясняла собравшемуся на пирсе «нулевому» экипажу. Делала плавные жесты. Возможно, внушала, что его «нулевая» сущность не есть повод для фрустрации, каковую следует психологическим усилием поменять на необходимую для успеха толерантность...

— Лучше бы напомнила, как рыбацкий штык вязать при швартовке, — устало сказал Корнеич.

Каперанг опустил бинокль.

— Знаешь, Дая, я так и не уяснил толком: как эти супруги возникли в ваших территориальных водах?

— Ну, я же рассказывал. Подарок Московкина. Я был в чудовищном цейтноте, в разгонах, «Эспада» трещала, он и ре-

шил по доброте душевной подкинуть опытных помощников... Потом оказалось, что уже и не помощников, а...

— Узурпаторов?

— Господи, Митенька! Да если бы все так просто! Они ведь действительно в то время спасли отряд! И сейчас делают массу полезного. Они вытянули флотилию в передовые детские организации области! Они добывают деньги, организуют поездки, лагерь. Освободили меня от массы забот...

— Но... — пронизательно сказал Соломин.

— Дима... У ребят есть меткое выражение: «Видеть фонарик...» Толкуновы не видят...

— И здесь уже все бесполезно, да?..

— Боюсь, что да. Они не понимают сущности «Эспады». Не понимают ее упрямства. Того, с которым отряд выживал, когда не было крыши и когда оставались несколько капитанов и оранжевый флаг...

— Да, как мы выжили в семьдесят четвертом...

— И потом еще не раз... И в восьмидесятых, и в девяносто втором, когда сгорел дом, который пытался спасти от разгрома Кинтель...

— Я слышал, что в восьмидесятых крепко помог Олег...

— Да, Московкин явился как спасение... Тогда в Красном берегу сменилось интернатское начальство, Олега поперли за его «педагогику сотрудничества», он и вернулся сюда, к своей старшей сестре, своего-то угла нигде не было... Саша Медведев тут рвался между своей математикой и «Эспадой», я валялся в госпитале после Афгана, Олег и перехватил штурвал привычной рукой. Хотя в парусном деле был не очень, фехтовальщик же...

— А почему он потом ушел? Чего они не поделили с Медведевым?

— Ты не думай, не было никаких конфликтов. Только... два капитана на одном мостике, это... сам понимаешь. А тут в Октябрьском ушла на пенсию директриса детдома. Начальство слышало про идеи и заслуги, про артековский опыт «уважаемого Олега Петровича», ну и вот... Для него это было очень удачно: там и квартира, и зарплата приличная, и дело знакомое... Что ни говори, а он ведь к интернатам привык все же больше, чем к отрядам вроде нашего. Там дети круглые сутки при нем, на глазах. Вроде как его собственные. Даже в «Артеке» было похоже... А у нас-то совсем другое. Ребята — из семей. Приходят на два-три часа, да и то не каждый день. И ни-

каких тебе отбоев и подъемов, никаких... извини уж, военный человек, но никаких казарменных порядков...

— Извиняю... — хмыкнул Соломин. — А что, Олег так и не женился?

— Да что ты! Два раза! Сперва в Красном берегу, но очень неудачно... А потом уже здесь. Жена работает в Октябрьском, в библиотеке. Взрослый сын, студент в Перми...

— Трехтомная сага. «Люди и судьбы», — почему-то с печалью сказал Соломин.

— Оно так... А Толкуновы, что ж... они в чем-то прямо герои. По-своему фанатики этой работы... Но знаешь, я почему-то не доверяю фанатикам. По крайней мере таким, кто рад других детей бросает своих собственных.

— Это как? — напряженно сказал Каперанг.

— Их собственные дети, дочь и сын, почему-то постоянно живут в Калуге, у деда с бабушкой. А папа и мама по уши в своей научной и педагогической работе. Готовят диссертации, кстати... Впрочем, я, кажется, занялся сплетнями...

— Мне так не кажется, — сухо вато сказал Каперанг. — По-моему, ты о наболевшем... Кстати, Аида Матвеевна заводила с тобой разговор о яхтах?

— Н-нет... Что за разговор?

— Ну, тогда и я... вынужден посплетничать... Позавчера она вдруг посетила меня в моем кабинете, в школе. Официально так. «Дмитрий Олегович, могу я попросить у вас регистрационные документы на все наши суда?» Я даже заморгал. «С какой стати у меня? Они должны быть у Дани. То есть у Вострецова. Он их сам всегда регистрировал в навигационной инспекции. Почему вы не спросите у него?» — «Но, видите ли, — говорит она, — Даниил Корнеевич не занимает никакой штатной должности, а здесь такая официальная ситуация. Объединение «Солнечный круг» ведет переучет собственности всех подведомственных ему детских клубов. То, что еще не внесено в список, теперь должно быть включено в реестр и оприходовано...»

— Я-ясно, — выговорил Корнейч и опять склонился к трубе. — Еще один финт. Чиновникам понадобился наш флот...

— Я ей говорю: «При чем здесь «Солнечный круг»? Яхты всегда были исключительно собственностью «Эспады». Это фактически. А формально они, по-моему, записаны на частных лиц. На самого Вострецова, на Рафалова, на нескольких родителей. Так было проще, пока флотилия не имела офици-

ального статуса...» Она мне: «Но ведь сейчас такой статус есть!» — «Очень рад, — говорю, — что есть, Аида Матвеевна. Однако все эти вопросы надо решать с Вострецовым и другими флагманами флотилии...»

Корнеич сказал, продолжая смотреть в трубу:

— Фиг ей... Глянь-ка, а Словутский ведь первым вырезается к буйку. Я же говорил...

3

Словко пришел первым не только к обоим поворотным буйкам, но и к линии старта-финиша. Но это было еще не все! Дистанция-то не просто треугольная, а с «колбасой». Пришлось выпиливать против ветра к буйку номер два, а затем уже, раскинув паруса бабочкой, спешить в фордевинд к финишу. Лисенка Берендея теперь приторочили к штагу. Он уже не мешал, а, наоборот, создавал при попутном ветре дополнительную парусность.

Кирилл Инаков так и не догнал «Зюйд», отстал на полтора корпуса. На пирсе он хлопнул Словко ладонью о ладонь.

— Вот что значит ходить под пятью парусами! Поздравляю... Давай апсель, сейчас заставлю головотяпов пришивать что надо...

«Вообще-то первый головотяп — командир», — хмыкнул про себя Словко, но не сказал, конечно. Инаков это и так знал.

Словко собрал вокруг себя троих матросов, обнял сразу всех за мокрые плечи:

— Люди, мы с вами молодцы. Давайте так же дальше...

Дальше, однако, не получилось «так же».

На своем родном «Оливере Твисте» Словко занял только третье место. Первым пришел теперь Кирилл, на «Гавроше». А вторым... второй, то есть — Ксения Нессонова. На старенькой «Гете Полли». Так хитро выкрутилась, обошла нескольких рулевых, которые столкнулись у второго буйка, и спокойно финишировала сразу за Инаковым.

— Вот и учи вас на свою голову, — пробурчал Словко с дурашливой досадой, когда сошлись на пирсе. Ксения изобразила провинившуюся первоклассницу:

— Я больше не буду...

Дистанции были рассчитаны так, что при среднем ветре должны были занимать около часа. Однако сегодня дуло по-

крепче, поэтому даже самые отстающие укладывались минут в сорок пять. И до обеда флотилия успела провести четыре заезды. У Словко были первое, третье, четвертое и второе места. В общем зачете он пока «болтался» где-то между вторым и третьим местами. Но, конечно, все еще было впереди.

— Давайте пятую дистанцию! — требовали энтузиасты. — Успеем, пока дежурные мотаются с термосами. Смотрите, как здорово дует!

Но Корнеич, глянув опытным глазом на облака и на воду, сказал, что дует, пожалуй, «чересчур здорово».

— А скоро перестанет, — добавил подошедший Степан Геннадьевич. — На несколько минут. Затем ка-ак плюнет! Причем с другой стороны... Гляньте сами... — И дернул головой, показал высоко в небо. Там происходило торжественное передвижение облачных масс. Причем облака не приходили со стороны, а как бы рождались прямо из воздуха, густели и выстраивались в фигурные нагромождения.

Корнеич взял мегафон:

— Внимание, все экипажи! Не гоночные, а постоянные! Быстро перегнать суда в лагуну! Швартовать бортами к шинам, накрепко! Убрать паруса, закрепить гики! Скоро будет трепка!

Такие команды не надо отдавать дважды. Яхты одна за другой отскакивали от пирса, как мячики, и, крутнувшись на зыби, мчали в тихую, огороженную бетонным молом бухточку, которая называлась «лагуна». Здесь матросы их крепили к развешенным на дощатых причалах шинам — носовыми и кормовыми швартовыми.

Ветер неожиданно стих — как отрезало. Опоздавшие яхты с повисшими парусами спешили в лагуну на гребках. Озеро в минуту успокоилось, отразило темнеющие облачные груды. Синие краски сменились желтовато-серыми, резко запахло сырым песком и старыми досками причалов. Облака сдвинулись еще плотнее, в них появился лиловый цвет. По лиловому беззвучно проскочила огненная жилка. Прямо над головами за клубился темный мохнатый ком размером с планету. Из него за шиворот Словко упала большая капля...

Неторопливыми чутунными шарами прокатился по тишине гром.

— Народ, пошли по укрытиям! — скомандовал Корнеич.

У каждого экипажа были привычные места на случай непогоды. И сразу все разбежались — кто в дощатый ангар, где

зимой хранились яхты, кто в железный шлюпочный эллинг, кто в штабной домик станции...

— Пойду к машине, — сказал Корнеичу Кинтель. — Пора думать о желудках...

Подошел Каперанг:

— Дани, меня вызывают в школу, туда явились какие-то представители военного округа. Чую, что не за хорошим... Держитесь тут...

— Не волнуйся. Аиду, если появится опять, гони. Феликса тоже. Я сам разберусь.

Они пожалы руки, Каперанг пошел к своей зеленой «девятке».

Словко на причале последний раз проверил швартовы «Оливера», окликнул матросов:

— Давайте в ангар, ребята! Сейчас полет! Одежду не забудьте, а то вымокнет!

Матвей, Сережка и Рыжик подскочили к нему. Рыжик — с прижатом к жилету свертком одежды и лисенком.

— Словко, я возьму Берендея с собой, а то совсем промокнет!

— Правильно!.. Ну, бежим!

Капли уже часто стучали по доскам и бетону. Подгоняя ребят, покатился над берегом нарастающий раскат. Несколько раз вспыхнули под тучами трескучие белые звезды. Рванулся ветер, прижал на берегах вербы и рябины, и сразу хлестнули струи.

Словко и его экипаж влетели в ангар, когда там укрылось уже больше десятка ребят. Были здесь Кирилл с его «головотяпами» (Глебкой Вахрамеевым, Валеркой Юдиным и Павликом Штерном), Нессоновы с их матросами. Следом, отфыркиваясь, вошли Корнеич и начальник станции Поморцев.

— Вовремя скрутились, — весело сказал Степан Геннадьевич.

— Только все же подмокли малость... Ну-ка... — Корнеич дотянулся до высокой полки, достал два свертка с ветхими парусами. — Люди, вытирайтесь и укутывайтесь, чтобы не продрогнуть...

Двух стакселей хватило для вытирания, двух больших гротов — чтобы накрыться всем. Уселись на рундуки с запасными деталями, на лежавшие у стены старые мачты, прижались друг к другу горячими локтями и плечами, парусина обняла всех пыльным шуршащим уютом...

А в широкие открытые двери видно было, как беснуется, вспыхивает, ревет ветром и ливнем гроза. Над озером, над кустами и травами проносились белесые водяные смерчи. Над растущими у лагуны кленами дергались и метались верхушки мачт...

— А Кинтель и Равиль поехали с термосами в столовую, — дернув плечами, сообщил Сережка Гольденбаум.

— Ну и прекрасно. В машине ведь не промокнут, — сказал Корнеич. Он сидел на ящике, отдельно от всех, в тельняшке и в пробковом жилете, который натянул, видимо, для тепла. Встряхивал промокшую штурманскую куртку. В сторонке устроился и Степан Геннадьевич, попыхивал сигаретой.

— А если машину смое с дороги? — спросила Ксения.

— Давайте без дамской паники, — предупредил Игорь.

— Бе-е... — отозвалась Ксения, и было ясно, что она высунула язык. В ответ на это вспыхнуло и грянуло так, что все съехились. Игорь назидательно сказал:

— Видишь, как дразниться...

Рыжик устроился слева от Словко, теплый, твердый и косявый. Иногда вздрагивал — видимо, боялся грозы. (Да если честно, то многие побаивались, чего уж там.) Порой он возил по голой груди ладошкой, и Словко понимал: трогает колесико. А время от времени Рыжик нащупывал лисенка Берендея (может, гладил?).

— Высади его наружу, он же мокрый, — посоветовал Словко.

— Не... у меня на коленях он скорее высохнет... — И вздрогнул опять.

Неожиданно возникла в дверях закутанная в полиэтилен Аида.

— Ох какая стихия!.. Ребята, главное, сохранять уравновешенное состояние, и тогда...

— Аида Матвеевна, вы ведь по распорядку должны быть в домике, — сказал Корнеич. И подумал: «Уж не решила ли завести сейчас разговор о яхтах? Это притянет все молнии...» Но Аида освободила из-под капюшона мокрые пряди, присела на свободный ящик и сообщила:

— У меня дело к Игорю Нессонову. Он обещал написать сценарий. Осталось не так уж много времени до съемок...

Игорь, видимо, решил в момент сжечь все мосты.

— Аида Матвеевна, у меня не выходит! Хоть убейте.

— Но ты же обещал! — (А сверху по железной крыше — негодующий рев ливневых струй).

— Я старался! Но получается не короткий план, а длинную историю! Что делать, если короткие я не умею!

— Да, он старался, — заступилась за брата Ксения. — Но вышел не сценарий, а роман.

— Можно узнать, о чем? Вдруг это все-таки удастся снять? Главное, чтобы ощущалась психологическая достоверность.

— Она ощущается, — дернуло за язык Словко. — Но снять не получится. Технически невыполнимо.

(И сразу же запрыгало в голове:

Технически невыполнимо,
И ты иди, Аида, мимо.
Волшебна сказка и длинна
И не для глупого кина...)

И тут же рядом со стихами выпрыгнула идея:

— Игорь, а ты расскажи сейчас! Ты же обещал продолжение!.. Все послушают, и Аида Матвеевна убедится, что ты старался изо всех сил, но ты не сценарист, а это... прямо брат Стругацкий...

— Ну вас! Нашли время, — огрызнулся «брат Стругацкий».

Но со всех сторон послышалось, что для интересной истории — самое время и что, пока гроза, делать все равно больше нечего.

— Я ведь рассказывал уже начало, — стал сдаваться Игорь. — Теперь все по новой, что ли? Многие не слышали...

— Ты расскажи начало в двух словах, — посоветовал Словко. — А дальше — подробно...

— Только давайте двери закроем, — жалобно попросила Ксения. — А то жуть такая... И надо свет включить, здесь ведь есть лампа...

— Лампа есть, а света нет, — сообщил Степан Геннадьевич. — Отключили энергию.

— Видать, из-за грозы, — сказал Корнейч.

— Не из-за грозы. Еще в полдень отключили, непонятно почему... Давайте сделаем так... — Начальник станции прикрыл широкие створки, но оставил большую щель, не давая сгуститься полной темноте. Сам присел у этой щели, чтобы вытягивало сигаретный дым.

Из-под соседнего паруса раздалась звонкая просьба рыжего Мастера и Маргариты:

— Игорь, ты начинай скорее, а то гроза кончится и мы ничего не узнаем...

Когда столько людей ждет, упираться неудобно. Да и зачем?

— Ладно... Ну, значит, так... На планете Дзымба жили-были ребята. Дружная компания. Среди них принцесса Прошка. Она ничуть не хвасталась, что принцесса, а была такая же, как все... Однажды на краю парка они откопали старинный космический корабль, забрались внутрь и поняли, что это большой Ковчег, про который знали из легенд. На нем в древние времена люди расселялись по разным планетам, а потом забросили его и забыли... Ну вот, ребята малость разобрались, что к чему, и старший, его звали Титим, нажал кнопку взлета...

Ковчег был откопан лишь наполовину. Но он растолкал землю и стал подниматься...

Но не думайте, что ребята сразу пустились в дальний полет. Хватило ума быть осторожными...

ПЛАНЕТА ДРАКУЭЛЬ

1

Да, у ребят на Дзымбе хватило ума не кидаться в дальние полеты очертя голову. Титим для начала подержал Ковчег в двух метрах над поверхностью планеты. Потом попробовал, как этот звездный корабль движется туда-сюда. И наконец осторожно опустил его на прежнее место.

— Получается... — прошептал он.

— Ага... — сказал Гига.

— Хочешь попробовать? — спросил Титим.

— Ага... — опять сказал Гига (с легким белилиндовским акцентом). И Титим уступил ему место у пульта. И маленький фонарищик Гига с планеты Белилинда тоже попробовал управлять Ковчегом. И у него тоже получилось. Он, как и Титим, опустил Ковчег в раскопанную яму (как в укрытие). И посмотрел на Титима. А тот на Гигу... И с той минуты они стали друзьями.

Казалось бы, такие мальчишки должны завидовать друг другу и всячески соперничать между собой. Потому что одинаково умные и одинаково... ну, в общем, заглядываются на Прошку. Но так случилось бы на Земле. А в звездной системе Примуса ребята были немного не такие. Во-первых, они старались не хитрить друг перед другом. Во-вторых, если уж начинали дружить, то сразу накрепко и без всяких задних мыслей...

Оба они поняли, что одинаково отвечают за Ковчег. Больше других. Потому что остальные были помладше, ну и... не бес-толковые, конечно, однако не такие понимающие в технике...

Все договорились, что в первый большой полет отправятся ночью. Чтобы взрослые не заметили, как стартует Ковчег. А то подымут шум, и тогда уж не полетаешь! Отобрать Ковчег, конечно, не могли, на Дзымбе все знали закон: если кто-то что-то нашел, значит, он и есть собственник. Но могли начать выпрашивать — для музея, для изучения... А главное — наверняка запретили бы летать. И здесь уж другой закон: если мама с папой что-то не разрешают, фиг поспоришь... И ребята по-обещали друг другу никому про свою «ковчеговую» тайну не рассказывать.

...Ну и вот, в первую же ночь они удрали из дома (Прошке было, конечно, труднее всех), собрались на Большом Волдыре и взлетели в межпланетное пространство.

Тут надо сразу сказать, что у Ковчеха было удивительное свойство. Он не признавал ни расстояний, ни обычного течения времени. Мог хоть сто парсеков покрыть за несколько минут. Главное было — вовремя затормозить. Но это, если в Ковчеге откажет автоматика. А она не отказывала.

Все было просто. Нужно было включить на экране звездную карту, указать курсором то место, куда хочешь лететь, — и поехали!.. Но можно было летать и помедленнее, чтобы просто любоваться созвездиями. Первый раз так и сделали...

И тогда всех коснулось таинственное дыхание Бесконечного Космоса...

Игорь сказал именно эти слова: «...таинственное дыхание Бесконечного Космоса».

И тогда Словко подумал про Игоря: «Я же о нем ничего не знаю...»

В самом деле, столько рядом, целый год в одном экипаже и, если не друзья, то уж по крайней мере добрые приятели, а... «Да, что я знаю про него? О чем он мечтает, каких радостей хочет, чего боится, кем думает стать?.. У него вон, оказывается, в душе целые звездные миры... А что я знаю про других? Про того же Рыжика с его большим колесом и маленьким колесиком?.. Или что-то все-таки знаю? Или просто догадываюсь?.. Если бы люди больше знали друг о друге, жить было бы в сто раз легче...»

Игорь продолжал рассказывать. Он уже совсем не стеснялся, не сбивался, говорил отчетливо, и шум грозы не мешал слушателям.

Потом, гораздо позже, Словко прочитает эту историю в альманахе «Лиловая клякса» — со всеми деталями, красками и подробностями. Да и «устный вариант» он услышит не сразу, не только здесь, а в разные дни. Но ему потом всегда будет казаться, что всю эту повесть о ребячьих планетах и Ковчеге он узнал именно в дощатом ангаре, когда по железной крыше неутомимо лупил грозовой июльский ливень. И когда рядом тихоноко дышал и осторожно возился Рыжик, стараясь поудобнее устроить на коленях мокрого лисенка Берендея...

Игорь говорил о том, как ребята прилетели наконец на планету Дракуэль.

...Но сначала о самой планете.

Там росли густые теплые травы, они цвели множеством разных цветов. Были там рощи и леса, было даже небольшое море, был горный хребет высотой с восьмиэтажный дом, но основную поверхность Дракуэли покрывали луга. Водилось в лесах и травах множество мелких птиц и животных, а хищников там не было.

Главными жителями лугов были драконы...

— Драконы? — конечно же, переспросил кто-то из внимательных слушателей.

— Ну вот, сразу «драконы». Я же сказал — «дра-козы». Помесь небольших травоядных драконов и диких коз. Очень мирные животные, ласковые даже. Они совсем как обычные козы с длинной белой шерстью, но еще у них есть перепончатые крылья. Драконы живут небольшими стадами. Они то пакутся в травах, то летают над цветами, как... ну, эти... птеродактили... И у них очень вкусное, питательное молоко. Даже слегка волшебное...

А представитель человеческой расы был на Дракуэли только один. То есть одна. Очень пожилая дама по имени Сирроти-на Маркеловна Эскалоп. (Имейте в виду: «Сир-ротина», с двумя «р».) Она вовсе не тяготилась одиночеством, хотя иногда и жаловалась драконам на «сирротское» существование. На Дракуэль она попала в очень давние годы, и как это случилось,

рассказывать, пожалуй, не надо. Дело было связано с любовной историей и сердечной драмой. Распространяться о таких делах не стоит — получится вроде сплетни...

Целыми днями Сирротина Маркеловна сидела под соломенным навесом в просторном каменном кресле и размышляла о смысле жизни. Не своей, а вообще... По вечерам к ней прибегала дракоза Туся, Сирротина Маркеловна доила ее и потом пила молоко из большой эмалированной миски. Молоко служило просто лакомством, потому что можно было обходиться совсем без пищи: энергию организму давали на Дракуэли живительные лучи звезды Примус...

У Туся был детеныш, маленький говорящий дракозенок Гриша. Он любил Сирротину Маркеловну, но огорчался, что она редко подымается с кресла и совсем не любит бегать и скакать среди скал. Спрашивал: отчего это?

Сирротина Маркеловна поправляла на темени седой узел прически, попрочнее надевала очки без стекол (они были просто для солидности) и терпеливо разъясняла резвому Грише:

— Голубчик, я занимаюсь философией. А философы — люди солидные, им прыгать и кувыркаться не к лицу.

Гриша (кувыркнувшись через голову с чуть заметными рожками) спрашивал, что такое философия.

Сирротина Маркеловна разъясняла, что это очень важная наука. Она возникла в бесконечно давние века на легендарной планете Земля. Там ее придумали люди, которые именовались «гревние дреки». («Да не древние греки, а именно *гревние дреки*, так их называла Сирротина, я-то при чем...») Об этих «дреках» сведений почти не сохранилось. Но похоже, что они, несмотря на склонность к философии, не отличались мудростью. Известно, что ими однажды был зачем-то построен громадный деревянный дра-конь, который назывался «троячный». Из этого можно сделать вывод, что в школьные годы все они были троечниками...

Случалось, что Сирротине Маркеловне все же надоедали философские мысли и каменное кресло. К тому же требовалась подзарядка от лучей Примуса. Тогда она бродила по Дракуэли, собирала букеты и мурлыкала под нос любимый старинный романс: «Белой какакции грозды пушистые...» («Именно какакции, так ей запомнилось с прежних времен. Грише она объясняла, что «какакция» — это бахрома с белыми шариками, которой украшались пушистые платки во времена ее, Сирротины, молодости».)

В одно из дней подножья горного хребта виднелись каменные развалины храма. Сирротина Маркеловна была уверена, что это остатки какой-то исчезнувшей цивилизации. Дама-философ разгребала тростью осколки ракушечника. Ей казалось, что здесь можно отыскать древнюю глиняную чашу с таинственной надписью. И если налить в эту чашу волшебное дракозье молоко, а потом заглянуть туда, как в зеркало, откроется смысл жизни... Но чаша не находилась. Сирротина Маркеловна, продолжая мурлыкать про «какакцию», возвращалась под навес. Торопиться ей было некуда...

Первый раз ребята с Дзымбы прилетели на Дракуэль через неделю после того, как откопали Ковчег. И потом бывали здесь часто. С дракозами они быстро подружились, а про Сирротину Маркеловну долго ничего не знали. Ковчег всегда опускался на северном полушарии, а Сирротина жила на южном и в дальние края забредала не часто.

Ребята здесь отыскивали ровное поле с низкой и мягкой травкой — ну, прямо как на стадионе. А по краям поля висели на сучьях готовые мячи. Дело в том, что здесь росли удивительные деревья — с хитро изогнутыми стволами, с большими, как сковородки, листьями и громадными, как арбуз, плодами. У этих «арбузов» была плотная, словно кожа, оболочка. Плоды часто лопались, выбрасывали семена, а потом заклеивались изнутри липким соком. Воздух внутри у них расширялся от жарких лучей Примуса, шары надувались, делались тугими. Срывай с веток и гоняй сколько хочешь!..

Ребята придумали игру — вроде футбола, только с несколькими мячами, которые можно гонять и руками, и ногами. Сперва играли своей компанией. Но скоро побывали в гостях у Гиги, на Белилинде, познакомились там с ребятами-фонарщиками, стали прилетать на Дракуэль с ними, и тогда игры сделались многолюдными, шумными и очень азартными. Случалось, что играли с утра до вечера, всю светлую часть дракуэльских длинных суток. И вот что интересно! Никто не уставал, не хотел ни есть, ни пить, потому что лучи Примуса, проходя через атмосферу Дракуэли, всех заряжали бодростью хоть на какое время... Примус был здесь не совсем похож на земное солнце. Он расплывался в небе, как желтая медуза, и шевелил лучами-щупальцами...

— Словко, ты сочинил бы про все про это песенку, — вдруг попросил Игорь, прервав рассказ. — Пригодится. Пускай не для сценария, а для повести в «Кляксе»...

— Запросто, — отозвался Словко. Помолчал с полминуты и выдал:

— Вот...

На планете Дракуэли
Мы играли две недели,
И не пили, и не ели,
И желанья нет.
Примус — желтая медуза,
Мы ему подставим пузо —
И сытней, чем кукуруза,
Теплый солнца свет...

— То, что надо! — одобрил Игорь. А многие поаплодировали, вздыбивши парусину. Гроза одобрительно порокотала...

— В общем, все там было прекрасно, — продолжал Игорь. — Солнечно и весело. Драконы хлопали футболистам крыльями и ждали перерыва между таймами. Потому что в такие перерывы Нотка играл для них всякие танцы. На Дракуэли росла высокая трава с трубчатыми стеблями, из которых Нотка делал замечательные дудки. А драконы любили танцевать. Они кружились, как балерины, и совсем не боялись Шарика, который гавкал на них из травы...

— Что за Шарик? — подозрительно спросил Матвей Рязанцев (и Словко подумал, что он похож на Лёпу из сказки).

— Ох, я забыл! — спохватился Игорь. — Надо рассказать про Шарика, а то дальше будет непонятно...

2

Пришлось Игорю в своей истории вернуться назад, чтобы объяснить, откуда взялся пес...

Как известно, Ковчег откопали у опушки парка, на Большом Волдыре. Там он и оставался. А куда его было девать? Ребята не хотели, чтобы его видели посторонние. И оставлять его без присмотра было нельзя: кто-нибудь обнаружит и заявит, что именно он отыскал этот межпланетный корабль. Доказывай потом...

Решили, что станут караулить его по очереди. Ну, днем-то дело не хитрое, Шкалики жили неподалеку, приглядывали. Да и другие здесь, как говорится, «паслись». А вот ночью...

Кро-Кро перед первой «караульной» ночью храбро заяви-
ли, что будут охранять Ковчег до утра. Дядюшка Брю волно-
ваться за них не станет, он подумает, что Крошка и Кролик
ночуют в хижине, которую построили среди парковых зарос-
лей, дело обычное...

Однако обычное, когда ты в знакомом шалаше. А когда
вдали от дома и когда на лугах неприятно вопит ночная птица
Кастрюкомба, а звезды мигают как-то незнакомо... ну, сами
понимаете.

Шкалики развели огонек. Сели у него, закутались в одеяло...

— Ты ведь не боишься, Шка? — шепотом сказал Кролик.

— Нисколько, Лик... — и она прижалась потеснее.

— И не бойся. Я ведь с тобой... и ты моя любимая сестренка.

— А ты мой любимый братишка, — быстро сказала Крош-
ка. Это у них было вроде... ну, традиции, что ли, выражаясь
по-взрослому. Такие слова они шепотом говорили, когда надо
было успокоить или утешить друг дружку. Это, конечно, если
не слышал никто посторонний и можно было не стесняться.

И теперь им стало не так страшно, и костерчик начал по-
стреливать веселее, но... вдруг раздался какой-то жалобный и
протяжный звук. То ли тихий вой, то ли плач. И доносился он
прямо из Ковчег (крышка люка была откинута).

Ну, что тут может придти в голову? Конечно же, что в Ков-
чеге проснулись привидения! Призраки тех путешественни-
ков, которые летали в нем тысячи лет назад! И, конечно, Шка-
лики притиснулись боками так, что... ну, прямо чуть не впая-
лись друг в дружку. А тут еще в темноте раздалась чьи-то шаги...

Но страх от шагов был недолгий. У костра появился Нотка!..

Нотка не был очень храбрым. По правде говоря, даже на-
оборот. И ночных страхов он опасался не меньше, чем вось-
милетние Кро-Кро. Однако... поздно вечером, когда Нотка
улегся в постель, его стало грызть беспокойство. Он предста-
вил, как Шкалики одни съжились там, у Волдыря, среди но-
чи, и стал думать: «Они, малыши, одни там, а я, который го-
раздо старше, здесь». И понял, что не уснет... Если бы у него в
душе было все попроще, то... ну повернулся бы и как-нибудь
успокоил себя. Но был Нотка вроде бы не один. Дело в том,
что не так давно он расстался с хорошим другом. Друг улетел с
родителями куда-то за пределы планетных орбит Примуса, те
решили искать новую звездную систему. Здешние звездолеты
не отличались большой скоростью (не Ковчег же!), и было яс-

но: если Друг и вернется, то не раньше чем через полсотни лет... И теперь оставалось только вспоминать. И Нотка вспоминал, и в сложные моменты ему казалось, что Друг смотрит на него сквозь пространство. И сейчас он тоже *смотрел*...

(«Господи, откуда он знает *это*, — подумал Слово. — Может, он умеет читать мысли? Или... неужели с ним было *такое же?*.. А почему бы и нет? Может быть, это было со многими...»)

Нотка тихонько оделся и выскользнул из дома...

Кро-Кро, конечно, обрадовались, увидев Нотку. Он в их глазах был старший — большой и храбрый. Но, по правде-то, какой он большой и храбрый? И он внутри себя перетрусил не меньше Шкаликов, когда услышал таинственный скулеж... Но подавать виду было нельзя. Хоть умри, а нельзя! И Нотка запрягал глубоко в себе все страхи и сказал:

— Наверно, какой-то бродячий пес угодил в открытый люк, а выбраться не может. Сейчас посмотрю... — И сделал шаг. И Шкалики метнулись за ним. Остаться было страшнее, чем идти. И за Нотку страшно...

Он поспорил сперва, но они не отставали. Так и полезли в темный люк вместе: Нотка первый, Шкалики за ним (с необычным замиранием в душе, навстречу несмолкаемому жалобному вою). Впрочем, едва Нотка прыгнул со ступеньки на пол, зажегся свет. И в этом свете сразу увидели кудлатого небольшого пса желто-серой расцветки. Он взвыл с новой силой, подпрыгнул, облизал Нотке нос и щеки, потом то же сделал с Кроликом и Крошкой.

И не стало никаких страхов! Только радость!

Пса подтолкнули, помогли выбраться по скобам наверх, сели с ним у костра. Он все прижимался то к одному, то к другому, опять норовил облизать. Шкалики дали ему хлеб, который прихватили из дома, чтобы пожевать ночью. Пес все слотал в один миг и замолотил хвостом по траве...

...Потом все долго обсуждали вопрос: или это обычный неприютный пес, который бродил тут и по неосторожности свалился в люк, или это собака древних астронавтов, которая тысячелетия провела в анабиозе (то есть в долгом беспробудном сне) и проснулась от того, что кто-то новый появился в Ковчеге? К общему решению так и не пришли. Вообще-то пес был самый обыкновенный: беспородный, клочкастый, с полустоячими ушами и лохматым изогнутым хвостом, которым он махал по всякому поводу. Веселый, готовый дружить со всеми. Только иногда он вдруг без причины делался задумчи-

вым, садился и смотрел куда-то мимо всех. Словно вспомнились ему другие люди и другие времена... Впрочем, это были только ребячьи догадки. А по правде... мало ли почему взгрустнулось песику?

Однако все эти рассуждения случались потом. А в ту ночь найденыша просто ласкали и жалели. Рано утром Нотка остался дежурить до прихода смены, а Кро-Кро повели пса устроить на жительство. К молодому помощнику дядюшки Брю, которого звали Искор.

Это был тощий длинный парень с клочкастыми волосами, ярко-голубыми глазами и длинными умелыми руками-граблями. Жизнерадостный и неутомимый. Приятель ребят. Он обрадовался псу и сразу стал сколачивать для него конуру. При этом рассуждал:

— Мы с ним будем друзья не разлей вода. Я его научу таким фокусам, что все охнут и ахнут. Я ведь когда-то был клоуном и дрессировщиком в цирке... Не слыхали про это? Ну, еще расскажу... Надо ему только имя придумать подходящее... Эй, а что ты там шарить? — Это он псу, который что-то откопал в куче паркового мусора и пытался вытащить. Пес тут же оставил находку и подскокил к Искору. Замотал хвостом.

— Его зовут Шарик! — вмиг догадался Лик.

— Да, он откликнулся на слово «шарить»! — подскокила сестренка. — «Шарить» — «Шарик!»

Пес радостно запрыгал вокруг близнецов...

Шарик стал жить в конуре, у сторожки Искора. Но Кро-Кро обязательно прихватывали его с собой, когда вместе с друзьями отправлялись в путешествия на ковчеге. Искор не обижался, что ребяташки уводят пса. Ведь, в конце концов, Шарик был не его пес, а общий... Сам Искор следом за близнецами и Шариком не ходил и про Ковчег не знал. Так, по крайней мере, думали ребята...

На Дракуэли всем нравилось больше, чем на других планетах. Здесь не было опасности наткнуться на слишком любопытных взрослых и влипнуть в какие-нибудь переделки...

Впрочем, однажды оказалось, что можно и здесь!

Как-то раз они приземлили Ковчег на привычном месте, у края поля-стадиона, и увидели... такое безобразие они увидели, что сразу и не найти подходящих слов!

По трем сторонам поля выстроились три армии. С трех обитаемых планет. Реяли над копыями мочальные хвосты и

разноцветные флаги. Яркой росписью пестрели круглые щиты. Грозно сверкали глухие шлемы... Если приглядеться, можно было заметить, что кое у кого щиты — это размалеванные крышки от бочек для квашеной капусты, шлемы — оцинкованные ведра с наслах прорезанными щелями, а чешуя панцирей склепана из консервных жестянок (видать, мобилизация проводилась торопливо). Но, в общем-то, все равно картина была впечатляющая.

Особенно по-боевому выглядела рать великого кесаря Дымокура Девятого с планеты Дым-Шиш (это где вулкан). Воины были в острых касках с рогами и в безрукавках из вывернутой наружу овчины. Впрочем, потом стало известно, что у этой армии намерения не самые агрессивные. Многомудрый и осторожный кесарь объявил себя иностранным наблюдателем и рассчитывал, что две армии изрядно поколотят друг друга, а он потом сразу и без труда возьмет верх на обеими.

Два других полководца — Прошкин дед Гарантий Второй и президент республики Белилинда Касапоза Всенародный — были настроены крайне воинственно. Через жестяные рупоры с электронными усилителями они обвиняли друг друга в захватнических действиях и обещали эти действия решительными способами пресечь...

— Убирайтесь вон, сударь! — возглашал Гарантий Второй. — Дракуэль всегда принадлежала Дзымбе!

А королевские шуты, ставшие теперь военно-политическими агитаторами, хором вопили...

— Слово, сочини, что они там вопили, — попросил Игорь.
— Щас...

Захотел ты Дракуэль —
Сразу драку поимель.
Очень даже можешь
Получить по роже!... —

без промедления выдал Слово.

— Правильно! Так они и голосили.
И стал Игорь рассказывать дальше...

Президент Белилинды орал в ответ:

— Вы, господин король, агрессор и хулиган! Вас воспитывали не во дворце, а в прачечной! Вы даже не величество, а мельчайшество! И хапуга!..

А его величество отвечал:

— А ты вообще не имеешь права ни на какие планеты! Поэтому что ты не монарх! Подумаешь, выбрали его на три года! Ты сперва займем корону!

— Можешь засунуть свою корону знаешь куда?!

— А ты можешь переизбраться обратно! Знаешь куда?!

Ребята между тем повывскакивали из Ковчеха. Надо сказать, их было немало. Прежде чем лететь на Дракуэль, экипаж Ковчеха заскочил на Белилинду и прихватил друзей Гиги, юных фонарщиков, а после побывали на Дым-Шише и позвали с собой нескольких пятиклассников столичного лицея. Те с радостью согласились. Они только что слиняли с контрольной по дым-шишской математике и теперь справедливо полагали, что, чем дальше окажутся от родной планеты, тем лучше...

Теперь все толпились у Ковчеха и с великой досадой смотрели, как их взрослые соотечественники (а возможно, и папашки) готовятся к боевым действиям.

— И когда они успели добраться сюда? — удивился Гига.

— Вот почему деда трое суток не было дома! — запоздало догадалась Прошка.

— Батарея, заряжай!! — заверещал начальник дзымбовской артиллерии.

— Дивизион, к бою! — так же тонко и грозно отозвался командир белилиндовских катапульта.

— Братцы! Да они же перепашут все наше поле! — горестно воскликнул Лёпа (как уже говорилось, он высказывал иногда здравые мысли).

— Эй вы! А ну кончайте! — закричал кто-то из фонарщиков. Но армии не обратили, конечно, никакого внимания на этот детский писк.

— А ну, ребята, пошли! — скомандовала Прошка. В ней выиграла королевская кровь и проснулся командирский характер. Она первая шагнула к середине поля! И выскочила на свободное пространство между тремя армиями. Впрочем, никто из ребят не отстал. Они встали плотной группой и повернулись к обалдевшим от удивления солдатам, полковникам и генералам (которых было больше, чем солдат).

— Не смейте тут безобразничать! — закричала Прошка. — Это наше поле! Мы тут играем! Если охота воевать, летите на другие планеты!

— Да! Мотайте отсюда! Не мешайте нам! — раздались другие голоса. И еще:

— Вы на эту планету не имеете права!
— Вам бы только мечами махать, а нам играть негде!

И слышались даже такие возгласы:

— Большие, а идиоты!

Полководцы наконец пришли в себя. Гарантий Второй узнал внука:

— Прозерпина! Негодница! Ну, подожди, вернешься домой!..

— А я не вернусь! Лучше сами летите домой, нечего здесь дурака валять!

Великий кесарь Дым-Шиша Дымокур Девятый разглядел среди юных демонстрантов группу знакомых лицеистов и среди них своего племянника Дуню Огурца.

— А-а! И вы здесь! Господин директор лицея, почему ваши ученики прогуливают уроки?!

— А незачем было призывать меня в армию! — громко огрызнулся директор и швырнул под ноги рогатую каску. — Я говорил, что получится кавардак!..

В общем, поднялся над полем такой гвалт, что надутые плоды начали срываться с «футбольных деревьев» и прыгать по траве. Понятно, что при таком беспорядке начинать военные действия было немыслимо.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы над полем не разнесся вдруг зычный голос. Без сомнений, он принадлежал пожилой решительной даме. Она неизвестно откуда оказалась рядом с ребячьей компанией. Вокруг нее скакал белый козленок с драконьими крыльями.

— Господа! Потрудитесь объяснить, что здесь происходит!

Сперва наступила тишина. Потом король Гарантий Второй спросил (сняв на всякий случай украшенный короной шлем):

— А вы кто такая, сударыня, позвольте поинтересоваться?

— Странный вопрос. Я давняя жительница этой планеты Сирротина Маркеловна Эскалоп. И вправе знать, на каком основании вы явились сюда!

— Не может быть! — возмутился подбежавший президент Белинды. — Всем известно, что на Дракуэли нет ни одного человека!

— Следует ли понимать ваше заявление, сударь, так, что я не человек? — Сирротина Маркеловна оперлась на трость и вперила в президента *взгляд*. Сквозь очки без стекол.

— Нет, но... дело в том, что... — залепетал президент.

Рядом оказался многомудрый великий кесарь Дым-Шиша.

— Но послушайте, мадам... Если вы просто жительница, а

не королева, не герцогиня и даже не президентша, значит, вы не имеете права управлять планетой. Следовательно, она лишена законной власти, и у нас есть все основания оспаривать эту власть друг у друга. В соответствии с правилами ведения межпланетных войн...

— Оспаривайте где-нибудь в другом месте. И какую-нибудь другую власть, — оч-чень вежливо предложила Сирротина Маркеловна. — А здесь де-ми-ли-та-ри-зо-ван-ная зона. И по-сему — прошу... — Она вытянула к горизонту свою трость, будто маршальский жезл. Этот жест не вызывал сомнений. Полководцы, ворча и не глядя друг на друга, побрели к своим армиям. Иногда они оборачивались и обещали мальчишкам и девчонкам очень много всего, когда те вернутся на свои планеты.

Через некоторое время неуклюжие военные корабли стали подниматься над полем и таять в зените. Великий кесарь Дымокур Девятый пригласил короля и президента в свою резиденцию на склоне вулкана (у того был сезон спячки), чтобы заключить перемирие. А что еще оставалось делать? Там правители трех планет откупорили бутылки и стали вспоминать, что в свои детские годы никогда не позволяли себе так безобразно вести себя со взрослыми и мешать им заниматься политикой.

— Мы сами виноваты, господа, — самокритично признавался кесарь Дымокур. — Зачем ратифицировали декларацию, запрещающую пороть этих негодяев?

Король и президент горестно вздыхали. Отменить декларацию было нельзя: правила в звездной системе Примуса такого не позволяли.

...А Сирротина Маркеловна Эскалоп в это время знакомилась с ребятами. Ей очень понравилось, как принцесса Прозерпина-Пропорция выстроила ребят полукругом, присела в специальном поклоне (называется книксен) и по очереди представила всех юных гостей с трех планет. Затем ее высочество учтиво сказала:

— Простите, сударыня, что мы без спроса прилетали на Дракуэль. К сожалению, мы не знали, что здесь ваша резиденция, иначе бы обязательно испросили позволения. Надеюсь, мы не очень докучали вам своими играми?

— Ничуть не докучали! — всплеснула руками дама-философ. — Я и не знала про вас. И не узнала бы, если бы Гриша не рассказал мне, что в северном полушарии затевается война. Пришлось поспешить...

Дракозленок Гриша скакал вокруг и тоже знакомился с ребятами.

Сирротина Маркеловна присела перед Крошкой и Кроликом.

— Неужели эти малютки — дети того мальчика Брю-Брикуса, с которым я училась в начальной школе? Мы были большими друзьями. Обязательно наведуся на Дзымбу, чтобы повидаться. Нам есть что вспомнить... Надо только выждать некоторое время, чтобы воинственные господа не вздумали пожаловать сюда снова.

— А почему бы вам не объявить себя коронованной владычицей Дракуэли? — предложила Прощка. — Тогда все узнали бы, что здесь законная власть, и никто не стал бы соваться.

— Ах, милая девочка, — завздыхала госпожа Эскалоп. — Это совершенно не для меня. Я занимаюсь философией. Поиски смысла жизни отнимают все время... А может быть, кто-то из вас хочет стать королем или королевой? Это было бы замечательно!

Все примолкли и стали разглядывать свои башмаки и босые ноги. Никому не хотелось на трон — столько хлопот...

К счастью для ребят, Прощка вспомнила:

— Но, сударыня, ведь есть закон, который запрещает восходить на престол лицам до шестнадцати лет!

— Как жаль!.. А может быть, у вас есть на примете достойный взрослый человек?

Ребята запереглядывались. Так сразу не решишь...

— Мы подумаем, сударыня, — пообещала Прощка.

— Подумайте, мои дорогие... — покивала Сирротина Маркеловна и философским взглядом окинула просторы северного полушария. Летали разноцветные бабочки. Носились по траве успевшие подружиться дракозленок Гриша и пес Шарик. Хорошо было на Дракуэли, которую удалось спасти от завоевания...

3

Конечно, Игорь не успел закончить свою сказку, хотя говорил больше часа. Уже кончилась гроза, стало проблескивать солнце, и наконец приехали Кинтель и Равиль — на заляпанной и мокрой «копейке» Кинтеля. Сказали, что на улице Демидова потоп, ехать пришлось окружным путем, а там пробка... А хуже всего, что в столовой не дали обеда, только хлеб и

остывший кофе. Потому что электричество отключено во всем районе, плиты в столовой не работают, еда не варится.

— Говорят, «Энергорегион» вырубил энергию за неуплату, — объяснил Равиль.

— Привычное свинство, — скучным голосом сказал Корнеич. — Страдают, как всегда, ни в чем не виноватые жители...

— Да, но если смотреть с другой стороны... — осторожно заспорила Аида. — Что делать руководству энергосистемы, когда ей не платят по счетам?

— Да кто не платит?! — вскинулся Корнеич. — Жители домов платят регулярно! Деньги оседают в районных ведомствах, которые пускают их неизвестно куда. Если бы «Энергорегион» подал в суд на районную администрацию, потребовал бы арестовать ее имущество, машины, опечатать помещения, это было бы всем понятно. Только ворон ворону глаз не выклюет, у главы района и директора «Энергорегиона» дачи в одном поселке и одна компания для преферанса...

— Вы, Даниил Корнеевич, опять настраиваете ребят на агрессивное восприятие современных реалий... Игорь только что рассказывал притчу о том, что детям нет смысла вмешиваться в дела взрослых.

— Игорь рассказывал как раз наоборот, — буркнул Корнеич. И стал смотреть на озеро.

Озеро было гладким, после грозы наступил штиль.

Закусили хлебом, выпили холодный кофе и решили развезжаться по домам. Мало оставалось надежды, что скоро вернется нужная погода... Впрочем, настроение не было испорченным. Ведь четыре дистанции все же успели отгонять, да еще при каком ветре! И сказка Игоря была что надо! Жаль только — не до конца.

Ладно, все еще впереди...

Нет худа без добра — Словко вернулся рано, и отца дома еще не было, компьютер оказался свободен. И электричество здесь не отключали, улица Учителей находилась в другом районе. Мама, однако, не пустила Словко к столу с клавиатурой.

— Ты же сказал, что не обедал на базе! Брысь на кухню...

— Ну вот...

— Капитан Словоцкий!

Пришлось глотать щи и сосиски (впрочем, с аппетитом).

Наконец Словко включил почту... Ну что это такое! Письма от Жека опять не было.

— Мама, я позвоню в Калининград? Ну, только на минутку, это же не дорого!

— Ты с мобильного небось уже сто раз звонил...

— Да не получается с него. И денег там остались копейки. Мама у Словко понятливая.

— Позвони, беспокойная душа...

Телефон в Калининграде не ответил. Оно и понятно. Кто в летнюю погоду сидит дома! Тем более что там, на Балтике, еще самая середина дня...

Словко стал писать Жеку на электронный ящик.

«...От тебя уже десять дней ничего нет. Может, вы куда-то уехали? А почему тогда не сообщил?» Потом решил, что хватит укорять Жека, и начал рассказывать про гонки. А дальше и про сказку Игоря. Увлёкся, стало получаться подробно. В конце концов решился, задавил смущение и выдал для Жека строчки, которые сочинились по дороге домой. Не дурашливые, как про Дракуэль, а другие:

Рассыпает солнце искры из-за тучи...

Рассказать про это кто меня научит?

И про ветер, что с разгона бил навстречу,

И про дождь, лупивший с грохотом по крыше...

И про то, как мы сидели, сдвинув плечи.

И про то еще, как слушал сказку Рыжик...

Перечитал... и стер. Не потому, что очень уж плохо получилось. По правде говоря, из-за Рыжика.

Словко не писал Жеку о Рыжике еще ни разу. И сейчас не решился. Казалось бы, ну что такого — новый матрос в экипаже, девятилетний барабанщик. Но каждый раз возникала опаска (глупая, конечно!), а вдруг у Жека шевельнется мысль: «Какой такой Рыжик? Я далеко, поэтому у тебя там теперь новый друг, да?» Словко понимал, что ничего этого Жек не подумает, не такой он... Да и друг ли он, Рыжик-то? А если друг, то разве плохо?.. И все-таки, все-таки...

ЖИЛ-БЫЛ ТЁМА

1

Ночью опять разгулялась гроза. С ливнем. Утром все сверкало под солнцем и было прохладно. Словко шагал мимо луж и смотрел, как он, перевернутый, отражается на фоне густосинего неба. Настроение было, как говорится, бодрое...

Оно не испортилось, даже когда Словко на остановке узнал, что впереди размыт рельсовый путь и трамваи не ходят. Ну и фиг с ними!

Можно было вернуться домой, за велосипедом, и покатить на своих колесах. Вообще-то существовало правило: на базу на великах не ездить (из соображений дорожной безопасности), но сейчас имелась уважительная причина. Однако известно, что возвращаться — дурная примета.

Словко пошел на автобусную остановку — в пяти кварталах от дома.

Автобус привез Словко к швейной фабрике (бывшая женская колония заключенных), которая располагалась в километре от Мельничного полуострова. Между полуостровом и фабрикой лежала заболоченная низина. Местами она высохла и покрыта была желтым трескучим тростником, но кое-где зеленели покрытые ряской крохотные озера. Среди них виляла тропинка.

Словко пошел по тропинке, насвистывая, поглядывая на бабочек и запрещая себе рифмовать (потому что уже вертелось в голове: «Улеглось на тростники // небо, словно синий кит...»). Глянул вперед и вдруг заметил среди низкого ольховника оранжевую рубашку. Она двигалась... да с таким знакомым шевелением шуплых маленьких плеч...

— Рыжик...

Он оглянулся, заулыбался. Подождал.

— А ты чего один гуляешь по болотам? — с чуть заметной командирской озабоченностью сказал Словко. — Почему не с Нессоновыми?

— Я дома ночевал, с бабушкой, она просила... Да ты не думай, Корнейч разрешил. И мама тоже, когда звонила... Бабушке со мной веселее...

— И небось колесо крутил, — добродушно догадался Словко.

— Крутил, — охотно признался Рыжик. Он шел впереди, оглядывался и все улыбался.

— Ты все же не ходил бы один, — сказал Словко. — Мало ли что... Какая-нибудь шпана привяжется, форму обдерут, ремень отнимут...

Рыжик не стал спорить.

— Ладно, я не буду... — И вдруг сделался другим: серьезным и будто повзрослевшим. — Словко, можно я спрошу? Про одно... непонятное...

— Спрашивай, конечно! — И толкнулось беспокойство.

— Я про колесо, про большое... Как ты думаешь... может быть, в нем есть что-то особенное? Ну, какая-то сила... Я когда его покручу, все вокруг делается лучше. И время бежит как-то... веселее... Почему?

«Потому что тебе этого хочется», — чуть не объяснил Слово. И прикусил язык. Сказал другое:

— Рыжик, наверно, что-то есть. Это называется «положительная энергетика». Помнишь, как мы старались его установить там? Всем хотелось этого, вот оно и зарядилось... Я читал где-то, что от хороших желаний возникают такие... добрые силы. Вроде излучения...

— Наверно... — кивнул Рыжик и зашевелил на ходу локтями. Слово понял, что он трогает на груди под рубашкой маленькое оловянное колесико...

День этот не оправдал ожиданий. С утра не кольхнулся ни один листик, озеро — как стекло. Не было смысла спускать яхты на воду. Вместо этого занялись латанием корпусов, набивкой стоячего такелажа. Равиль Сегаев с добровольцами всерьез взялся за ремонт «Норда».

Появился Феликс Борисович — как всегда улыбчивый и доброжелательный. Вместе с супругой подошел к Корнеичу.

— Даниил Корнеевич, надо обстоятельно поговорить, — сказала Аида.

«Ну, ясно. Сейчас будет подгрести насчет переписи яхт, — с мрачным ожесточением догадался Корнеич. — Нет уж, голу-бушка. Через мой труп...»

Но Аида заговорила о другом:

— Сумеете ли вы справиться с гонками до пятнадцатого числа?

— Постараемся. Но я не Господь Бог. Если будут такие штили... Не самим же дуть в паруса.

— Я понимаю. Но все-таки... Вы же знаете, шестнадцатого выезд в лагерь, там встреча разновозрастных отрядов из десяти городов, тоже гонки и соревнования. И обмен опытом, и...

«И прочая болтология для ваших диссертаций», — мысленно добавил Корнеич.

— На пятнадцатое у нас назначен турнир фехтовальщиков. И нужны еще тренировки, ребята давно не держали клинки, — сказал он.

Супруги Толкуновы переглянулись. Феликс развел руками. Аида сообщила:

— Даниил Корнеевич, боюсь, что турнир придется перенести на сентябрь. Или провести в лагере. Дело в том, что пятнадцатого областная конференция по проблемам безнадзорных детей. Наши барабанщики должны там играть на открытии. Они уже предупреждены.

— Что за конференция? — поморщился Корнеич. — Это в разгар-то отпусков...

— Да, потому что проблема назрела...

— Что она, только сегодня назрела? Видать, кто-то спохватился, что куда-то надо ухнуть деньги. Будет создан комитет для выработки состава комиссии по разработке очередной программы для борьбы с беспризорностью. Всем разработчикам назначат зарплаты, как помощникам министров, закупят новые компьютеры, выпишут сановным методистам zahraniчные командировки — те поедут изучать зарубежный опыт в шведские и немецкие многодетные семьи и «детские деревни»... А школа в Октябрьском, где учатся детдомовцы Москвина, опять останется без ремонта. И беспризорников не станет меньше...

— Ну, Даниил Корнеевич. Вы с вашими крайними взглядами готовы дискредитировать любое позитивное начинание...

— А зачем этому позитивному начинанию наши барабанщики?

— Мы же объяснили! Для торжественного открытия. Они всегда производят такое впечатление!..

— По-моему, команда барабанщиков превратилась в какую-то опереточную труппу для услаждения чиновников. То и дело концертные выступления. «Ах, какие милые мальчики! Как трогательно!..»

— Зато сегодня с утра мы вышли на Эльдара Тамерлановича Ерохина, — снисходительно сообщил Феликс. — Несмотря на все его трудности, он обещал профинансировать дополнительную программу в лагере.

— Это генеральный директор «Энергорегиона»? — сразу вспомнил Корнеич.

Феликс покивал:

— Да. У него сейчас непростая ситуация, и тем не менее...

— Он обещал помощь из сэкономленных денег, — сказал Корнеич. — Тех, что выгадал за счет вчерашнего отключения. Когда наши ребята остались без обеда.

— Но это одноразовая мелочь! — заявила Аида. — Зато...

— Прокуратуры на него нет с такими «одноразовыми мелочами»! — не уступил позиций Корнейч. И пошел смотреть, как ставят последнюю заплату на днище «Норда».

Ветра в этот день так и не дождалось. Один раз потянуло с запада, слегка поморщило воду, но продолжалось это минут десять.

Искупались, позагорали на пирсе, пообедали молочным супом и сосисками, привезенными из столовой (нынче она работала). И решили разбежаться по домам, до завтра. Причем договорились, что соберутся на базе к тринадцати часам. По многим признакам угадывалось, что если завтра и будет нормальный ветер, то не раньше чем к середине дня.

2

Словко, однако, пришел пораньше, к двенадцати. Корнейч и многие ребята были уже здесь, в том числе Нессоновы и Рыжик. Перекидывались мячиком в тени шлюпочного эллинга, болтались на турниках. Приехал на своей общарпанной «копейке» Кинтель, привез с собой Салазкина. Тот сказал, что хотел бы «тряхнуть стариной», пройти под парусами. И, словно по его заказу, дунуло с северо-запада. И хорошо дунуло, по-настоящему. Тут же оснастили для Салазкина отремонтированный «Норд», хотя Равиля Сегаева еще не было. Оснащал со своими матросами Словко.

Он же и пошел с Салазкинским на воду, и его экипаж тоже.

Салазкин взял румпель и бизань-шкот, Словко — гика-шкот, Сережка Гольденбаум и Рыжик привычно ухватили стаксель и кливер-шкоты. Матвей Рязанцев без команды, по своей инициативе, поднял апсель, который прихватил из рундука в ангаре. На Матвея посмотрели одобрительно.

Ветер мягко надавил слева, «Норд» слегка накренился, побежал в галфвинд к дальнему берегу. Большой волны не было, почти не брызгало, лишь редкие капли, сверкая, летели на Сережку и Рыжика (те радостно ойкали).

Салазкин смотрел вперед, и его глаза сияли чистым зеленым блеском. И лицо будто светилось, на нем таял, исчезал серовато-пыльный налет. Прилетела случайная капля, поползла по щеке, оставляя сырую дорожку...

— Не верится... — выдохнул Салазкин и встретился глазами со Словко. Виногато улынулся и повторил: — Не верится. Не думал, что снова может быть *такое*. Плесень с души отваливается кусками...

Словко поерзал от неловкости, будто услышал какое-то сверхсокровенное признание. Но не решился отвести глаза. Салазкин мигнул и отвел сам. Но лицо по-прежнему светилось.

— Помнишь, Словко, я говорил про яму... Про это говорить не надо бы, но сейчас вот... подперло вплотную. Как я там вспоминал *вот такое* и думал: неужели вернется? Чтобы белый парус и синева кругом... Иногда это даже вплеталось в медведевские пространства... В то, что Александр Петрович мне когда-то объяснял, а я там... когда сидел... выстраивал по памяти. Ну, это не расскажешь...

Салазкин двинул румпелем, «Норд» вильнул на курсе, но не сбавил хода. Бурлила у борта вода...

И Словко вдруг сказал:

— А я... тоже выстраивал... вчера вечером и ночью... Вернее, *оно* само выстраивалось...

Салазкин опять шевельнул колено румпеля, глянул быстро и тревожно:

— Что *оно*?

— Не знаю... Рыжик!

— Что? — весело оглянулся тот.

— Рыжик... помнишь, ты вчера мне рассказывал? Спрашивал... ну, про энергию... Можно, я расскажу это Сане? Он ведь... — Словко чуть не сказал: «Он ведь тоже видит фонарик», — но не решился. Рыжик, однако, все понял.

— Про колесо, да? Расскажи, конечно! Это же никакая не тайна, многие знают...

И тогда Словко сказал:

— Осенью Рыжик нашел громадное колесо, мы помогли ему установить его на оси. С подшипниками. В закутке позади дома... А вчера он мне говорит, будто в колесе какая-то энергия. Будто что-то в нем... ну, как бы рождается, если его начинаешь раскручивать...

— И что же? — нервно спросил Салазкин. Нагнулся вперед.

— Я днем про это и не думал ничуть, а вечером вспомнилось. И ночью... Лежу, а перед глазами это колесо... Оно вроде бы как часть какого-то механизма. Вертится и... все перестраивает вокруг. В бесконечном пространстве... А само это про-

странство из всяких кубов, пирамид, и они меняют свои места. И еще будто возникают бесконечные струны и начинают дрожать от неравномерности верчения. Там небольшой сбой на оси, чуть заметный эксцентрик. Ну и вот... — Словко сбился.

— По-хоже... — медленно сказал Салазкин.

— Саня, ты же всякую физику-математику изучал, тебе Медведев объяснял. Ты ведь знаешь, что это такое, да?

Все так же медленно Салазкин проговорил:

— Медведев кое-что знал... А я откуда? Дилетант из кружка юных математиков... Возможно, это проникновение сознания в структуру времени... Но сознание там — как шимпанзе на выставке электронной техники... Здесь надо разбираться годами. Или десятками лет...

У Словко почему-то прошел под рубашкой холодок.

— Я не хотел про это думать, оно само собой... И подумалось... показалось, то есть: в этом можно разобраться только при каких-то особых условиях. Если их знаешь...

— Вот именно! Знать бы их!

— Я еще подумал... А что, если представить, будто струны... Нет, не знаю даже, как сказать... Ну, они словно что-то подсказывают...

Разговор теперь был уже не случайным. Он стал *главным*. Наметилось понимание, будто две струны зазвучали в одной тональности, вызывая резонанс друг в друге... Нет, ветер, паруса и синева не перестали радовать, не ушли на задний план. Они вплетались в разговор, делались частью загадки, о которой говорили Словко и Салазкин...

Подошли к берегу с садовыми участками, сделали оверштаг (Матвей умело убрал и снова вздернул апсель). Побежали обратно... А струны — те самые — ощутимо звенели в тонких трогах штагов и вант, отзывались в гулком, будто виолончель, корпусе «Норда»...

— Ты говоришь «начинай изучать», — досадливо спорил Словко. — Да я же... ну, в геометрии я хоть немного разбираюсь, а там, где надо считать, вычислять, формулы запоминать... да я же тугая пробка!

Салазкин азартно убеждал:

— По-твоему, математик кто? Вроде бухгалтера, что ли? Для математика важно *ощущение* проблемы. Умение нащупать суть... А вычисления... Великий Эйнштейн не помнил формулу закона Ома, которую учат в седьмом классе. Он приводил этим в бешенство своих ассистентов, но спокойно говорил:

«А зачем? Есть же справочники...» И при этом он *ощутил* теорию относительности. Сейчас ее уже не считают всеобщей и бесспорной, но она все равно грандиозна...

— Разве Эйнштейн был математик, а не физик?

— Господи, а где грань? Особенно если речь идет о нетрадиционной математике пространств и загадке хронопоя... Давай скрутим еще поворот, не хочется на берег...

3

В тот день успели провести три гонки. Думали начать четвертую, сделали перерыв на полчаса, чтобы передохнуть. Словко рассеянно подсчитывал свои возможности. Нет, первое место ему не светило, лидировал Инаков. Но второе вполне могло быть, если только не выскочат вперед Ольга Шагалова и маленький, но лихой Лешка Янов. Впрочем, гоночные дела не занимали Словко целиком. Никак не забывался разговор, что вели на «Норде» он и Салазкин. И тревожил почему-то.

Когда перерыв кончался, на базе появился пожилой человек в помятом вельветовом костюме. Высокий, сутулый, седой. С белой щетинкой на впалых щеках, с тенью под глазами. Быстрыми шагами пересек пространство от ворот до мыса, подошел к Корнеичу.

— Даня...

— Олег! Какими судьбами?!

— Плохими судьбами, Даня... Пойдем куда-нибудь, надо поговорить...

Они отошли к шлюпочному эллингу, сели на сваленные там шины грузовиков. Корнеич молчал в ожидании придвинувшейся беды. Какой?..

Олег Петрович Московкин ладонью провел по вельветовой штанине, глянул вдаль, на озеро.

— У нас в детдоме умер мальчик. Тёма Ромейкин...

— Боже ж ты мой...

— Да... — хрипловато сказал Московкин. — Тёма Ромейкин одиннадцати лет... Впрочем, выглядел на девять...

— Это светленький такой, который стихи про Африку читал в Новый год?

— Нет, Даня, тот Ромашкин... А этого ты не знал. Он появился у нас всего месяц назад. Его приятели-беспризорники привели, сказали: «С нами, на улице, он умрет...» Он прожил

в доме всего десять дней, а потом — в больницу. Тяжелый порок сердца. Там посмотрели — нужна операция. Ну, сперва кто-то: «Ах, как же так, это сумасшедшие деньги...» Начальник детского отделения, хирург Протасов, грохнул кулаком. Сказал, что выгонит любую сволочь, которая еще вякнет о деньгах. Взялся оперировать сам... Это было позавчера...

— И что... не помогла операция?

У Московкина дернулся на тощем горле кадык.

— Даня, она бы помогла. Обязательно... Только эти операции делаются при искусственном сердце, прибор такой. А в самый важный момент отключилось электричество. Лампы, мотор...

— Позавчера в полдень, да? — глухо сказал Корнейч.

— Да... Конечно, включили генератор, но несколько минут было потеряно. И вот... Славный был мальчонка, тихий такой. Добрый... Его успели полюбить за десять дней... — Московкин быстро потер щетинистые щеки.

— Этим займется прокуратура, — угрюмо сказал Корнейч.

— Да займется, конечно... Как займется, так и замнет все... Из одной кормушки куски таскают... А Тёмку не вернешь... Даня, я вот что приехал. С просьбой...

— Говори.

— Завтра его будут хоронить. Может быть, пришлешь ваших барабанщиков? Проводить мальчика... Это не я придумал, ребята просят. Своих-то барабанов мы еще не завели, а ваши моим ребятам очень понравились, когда они приезжали на Равноденствие...

— Конечно, Олег, — быстро сказал Корнейч.

— Потому что... ребята говорят... Тёмка, мол, погиб. Как на войне с чиновничьей сволочью...

— Да, Олег, конечно... Пойдем.

Они двинулись к мысу. Навстречу кинулись нетерпеливые рулевые: когда же старт?

— Подождите, люди, — насупленно остановил Корнейч. — Тут такое дело... Соберите круг.

Если решалось что-то срочное и серьезное, когда одинаково важен был любой голос — независимо от того, сколько тебе лет и какое у тебя звание, — собирали не линейку, а общий круг. Заранее знающий: случилось особенное. Тут не до строевых приемов и маршей.

И вот встали неровным овалом у мачты сорок четыре человека. Большие и маленькие, взъерошенные, многие в оранже-

вых надувных жилетах на голых плечах. Напряженно ждущие. Здесь же были и взрослые: Аида, Кинтель, Салазкин, каперанг Соломин, подъехавший минуту назад (лишь Феликса не было, опять где-то «выходил на...»).

Припадая на протез, Корнейч шагнул к мачте, потянул за собой Олега.

— Люди, вот... если кто не знает, это Олег Петрович Московкин. Тот человек, который тридцать два года назад создал «Эспаду». Сейчас он директор детского дома в Октябрьском. Там случилась беда... Помните, позавчера днем не стало электричества? Отключили целый район. Говорят, за долги. В это время в больнице шла операция на сердце у мальчика. Аппарат «искусственное сердце» остановился, мальчик умер...

Тихо стало на мысу, мертво. Только трепетали на яхтах паруса да полоскались на мачте два флага. Оранжевый — флотилии «Эспада», сине-белый — сигнал гонок.

Корнейч послушал это полоскание, посмотрел на флаги и сказал:

— Мы ничем не можем помочь мальчику Тёме Ромейкину. Но у ребят из детдома и у Олега Петровича есть просьба. Чтобы наши барабанщики завтра в час похорон сыграли прощальный марш. Тёма не был у нас в «Эспаде», но вы все члены одного ребячьего сообщества на нашей Земле и должны сочувствовать друг другу. Понимать... Барабанщики не откажутся? Кто сможет поехать завтра в Октябрьское?

Восемь рук взлетели над мятыми беретами, над взлохмаченными головами. И не только восемь. Подняли руки еще многие, не только барабанщики.

Олег Петрович глуховато сказал:

— Спасибо, ребята... Я пришлю автобус. Только он маленький, там помещается человек пятнадцать, не больше. Смотрите сами...

Аида вдруг быстро встала рядом с Корнейчем, что-то шелестяще заговорила ему в щеку. Можно было разобрать: «...психологическая нагрузка... неоправданные стрессы...». Побледневший Кинтель подошел к ней с другой стороны и очень тихо попросил:

— Аида Матвеевна, заткнитесь, пожалуйста...

Она хлопнула губами.

Флаг-капитан Равиль Сегаев вдруг отчетливо скомандовал:

— Флотилия, внимание!

И круг (не линейка, не строй, но все равно флотилия) ше-

вельнулся, обретая привычную слаженность. Равиль широким шагом подошел к мачте, размотал на железной утке флага-фал.

— Флотилия, на флаг! — в навалившемся молчании сказал Равиль.

Каждый поднял в салюте руку (даже Аида). И Московкин. Каперанг Соломин был без формы, без фуражки, в синей футболке с парусником «Седов». Он не мог приложить руку к козырьку и тоже поднял ее в салюте — так же, как тридцать лет назад, когда салютовал флагу в строю отряда.

Флаг пополз из-под клотика мачты и замер на ее середине...
Гонок в этот день больше не было...

СЕРЕБРИСТЫЙ КОРАБЛИК

Барабанщики надели черные рубашки.

Вообще-то эти рубашки носили в «Эспаде» в холодную пору — от осеннего до весеннего равноденствия. Летом в них было жарко. Но для нынешней поездки в Октябрьское онигодились больше, чем оранжевые.

Словко тоже надел черную рубашку. И Кирилл Инаков. А Равиль Сегаев, который обычно ходил во флагманской синей куртке, сейчас пришел — черной футболке. Они — Словко, Кирилл и Равиль — решили ехать с барабанщиками. Вместе с ребятами поехали Корнеич, Кинтель и Салазкин.

Автобус из Октябрьского пришел к штабу на Профсоюзной улице к часу дня, как условились накануне. Кроме пожилого молчаливого шофера, в нем была еще молоденькая воспитательница детдома с напряженным (и похоже, что заплаканным) лицом. Она объяснила, что сейчас Тёму отпевают в поселковой церкви.

— Приедем как раз, когда это закончится...

Восемь барабанщиков бесшумной цепочкой вошли в автобус, сели на жесткие клеенчатые сиденья, положили на колени большие, как бочонки, барабаны с оранжевыми корабличками на черных лакированных боках, кто-то уперся в них подбородком, кто-то стал смотреть в окно. Молчали. Корнеич, Кинтель и Салазкин сели на заднее сиденье. Словко оказался впереди. Рядом — то ли случайно, то ли так подгадал — устроился Рыжик.

Воспитательница села рядом с водителем. Оглянулась, вполголоса спросила:

— Можно ехать?

— Да, пожалуйста... — откликнулся Корнеич.

Это «пожалуйста» сейчас показалось Словко странным, как из другого языка.

Поехали.

Автобус был очень старый, непонятно какой марки. Дребезжащий и тесный. Мест едва хватило на каждого. Пахло бензином. Словко и Рыжику дали венок из еловой хвои — у них впереди было чуть просторнее. Венок поставили на пол, прислонили к ногам. Иголки мягко покалывали кожу. Рыжик мизинцем тронул веточку и сказал шепотом:

— Пахнет лесом...

— Да... — шепнул Словко. И подумал, что, конечно же, Рыжик вспоминает ночной путь в лесу.

Рыжик сидел, упираясь подбородком в круглый бок барабана. Смотрел вперед, на стеклянную перегородку, за которой был виден морщинистый затылок водителя. Потом, не поворачиваясь к Словко, тихонько спросил:

— А почему нас не позвали на отпевание?

— Не знаю... Может, побоялись, что ребята устанут. Это ведь, наверно, долго... А может, не захотели, потому что в форме. Вдруг старушки в церкви зашипят...

— Почему?

— Мало ли... Скажут: вот пионеров принесло. Они ведь не разбираются...

Рыжик подумал.

— Я заходил в церковь в форме несколько раз. Никто не шипел...

— Ну, это где как...

День был хороший, без вчерашней жары, но солнечный. Ветерок влетал в полуоткрытые окна и скоро выдул бензинный запах. Барабанщики слегка оживились, негромко переговаривались, кто-то даже осторожно посмеялся... Было странно думать, что в такой вот ясный час, когда синее небо и пролетает за стеклами густая зелень, где-то под темными сводами, среди огоньков-свечек лежит ничего не чувствующий мальчик и над ним творят скорбное песнопение...

— Словко... — осторожно сказал Рыжик. — А я еще никогда не видел... человека, который... неживой...

— Это не страшно, Рыжик. Просто... будто человек уснул, вот и все... — Словко помнил, как пять лет назад умерла бабушка и как ее хоронили.

— Ты не думай, я не боюсь...

— Я и не думаю. Уж если ты тогда в лесу не испугался... Рыжик быстро повернул лицо к Словко, лег на барабан щечкой.

— Как это не испугался? Я там знаешь как тряся...

— Ну и что? Все равно ведь шел...

— А что было делать... — Рыжик почесал щеку о натянутый шнур барабана.

Словко вспомнил слова из какой-то книжки — то ли о партизанах, то ли о полярниках.

— Рыжик, я где-то читал, что это и есть храбрость. Когда человек боится, но все равно идет... Во время шторма тоже бывает страшно. Ну и пусть. Главное, не бросать руль и шкоты...

Рыжик шевельнул головой, вроде бы кивнул. И не ответил. Казалось, что прислушивается к гулу внутри барабана...

Ехали недолго. Октябрьское было в двадцати километрах от Преображенска. Автобус миновал широкие, почти пустые улицы и выкатил на дорогу, ведущую к темной массе разлапистых сосен и вековых берез. Над макушками деревьев золотился церковный крест. Раньше Октябрьское называлось Вахрамеевкой, это было старое заводское поселение. И кладбище было старое...

Автобус остановился у каменных сводчатых ворот. За ними, в глубине, виднелось церковное кольцо. Вокруг него стояло немало людей: взрослых и ребят. Может быть, не поместились в церкви, ждали...

Все вышли из автобуса. Игорь Нессонов тихо скомандовал барабанщикам, те выстроились в затылок друг другу. Приемы у них были давно отработаны.

— Ребятки, пойдете туда... — просительно заговорила воспитательница. — Я покажу, где встать. И когда Тёму понесут... — Она вдруг всхлинула.

Барабанщики встали редкой шеренгой недалеко от крыльца. Шестеро мальчишек и две девочки: Ксения и Полинка Верховская... Поправили береты. Ступни на ширине плеч, левая ладонь на верхнем ободе барабана, правая рука опущена, ярко-желтые палочки прижаты к исцарапанной коричневой ноге. Все как всегда... как на отрядной линейке... только вот в душе что-то звенит, печально так и замирающе. По крайней мере, у него, у Словко.

Словко, Кирилл, Равиль стояли позади шеренги, в двух шагах. Корнеич, Салазкин и Кинтель — здесь же, рядом. Кричали кладбищенские вороны. Они кричали весело, нахально,

будто были главными на всем белом свете... Потом они перестали кричать. Из раскрытых церковных дверей вышли на крыльцо несколько человек, заглядывались... Потом вынесли Тёму.

Маленький и, видимо, совсем не тяжелый гроб держали на уровне плеч Московкин, водитель автобуса и еще двое мужчин. Стенка гроба была древесно-коричневого цвета. «Будто кораблик из сосновой коры», — подумал Словко. Остренькое, повернутое к небу лицо Тёмы было бледным и спокойным. Он словно и в самом деле спал...

Словко подумал — отрешенно, будто не он, а кто-то другой, со стороны: «Кажется, здесь нарушение правил. В церкви после отпевания гроб закрывают, а сейчас вынесли открытым... — Это он вспомнил, как хоронили бабушку. — Наверно, для того, чтобы попрощались те, кто в церковь не попал...»

Игорь что-то тихо сказал барабанщикам. Те перехватили палочки в две руки, развели острые локти. Игорь вполголоса отдал новую команду.

«Р-рах... — негромко и сурово сказали барабаны. — Р-рах... Р-рах...» — Это был тот же прощальный марш, который играли на мысу, когда сжигали «Томика»...

«Р-рах... Р-рах...» Иногда сквозь редкий равномерный ритм восьми барабанов пробивались более частые и, казалось бы, беспорядочные удары какого-то одного барабанщика. Но в этой беспорядочности тоже был смысл — печальный и сдержанно-нервный...

Люди из церкви все шли, шли. Видимо, это были жители поселка. А были и ребята — и совсем небольшие, и старшеклассники. Наверно, воспитанники детдома. Но не очень много их было. И Словко вспомнил, как Московкин говорил вчера: больше половины детдомовцев сейчас в летних лагерях...

Последним показался в дверях старый священник в очках. Стоял на пороге, держал перед собой большой медный крест...

Дребезжаще ударил на церкви колокол. Раз... второй... Тёму уносили в глубину кладбища, люди растянувшейся толпой шли следом. Барабанщики опустили палочки, сломали строй. Сняли береты, затолкали их под погончики с якорями. И пошли за остальными — уже не цепочкой, а беспорядочной стайкой, похожие на тонконогих черных галчат. И Словко за ними, и Равиль, и Кирилл. И Корнеич с Кинтелем и Салазкиным. А колокол посылал им в спину жалобные медные сигналы...

Могила была вырыта на плоском, свободном от деревьев

бугре, среди высоких желтых соцветий и лилового кипрея. Опустили коричневый кораблик с Тёмой на краю узкой ямы. Обступили широким и плотным кольцом. Но потом вдруг расступились в одном месте. Это Московкин что-то сказал взрослым и ребятам, и они заоглядывались, пропуская вперед барабанщиков и тех, кто был с ними.

И барабанщики снова встали шеренгой, недалеко от могилы. Не там, где лежал Тёма, а на другом краю. Опять надели береты. А к Тёме вышел Олег Петрович. И тихо стало, даже листья не шелестели. И колокол... то ли он уже не звонил, то ли Словко перестал слышать его.

Олег Петрович смотрел на Тёму и так, не поднимая головы, стал говорить — негромко и будто для себя:

— Этот мальчик был с нами совсем недолго. Но мы успели полюбить его. У Тёмы была ужасно горькая, несправедливая судьба, сиротское бездомное детство. Но он сумел сохранить светлую душу. Он был добрым, славным. Талантливым был... Он вырос бы замечательным человеком. Но его убили... Да, убили мальчика — те, кто оскверняет жизнь своей жадностью, равнодушием к людям, своим неискоренимым желанием богатеть, грести под себя, наживаться, строить свои многоэтажные дачи, делать из страны личное поместье для себя и себе подобных... Скорее всего, они не знали именно про него, про Тёму Ромейкина, и все же он — их жертва. На их совести тысячи и тысячи таких жертв. На совести нелюдей, которые топчут, презирают, отдают на съедение преступному миру, болезням, голоду детство нашей земли... А детство сопротивляется. И Тёма погиб в войне добра со злом, погиб, как один из маленьких барабанщиков, которые в былые времена шагали впереди борцов за справедливость... О таких барабанщиках есть старая песня, и в ней слова:

Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже.
Ведь пулеметы режут
Часто у самой земли...

Мелкие тучки наскакивали на солнце, и по Тёминому лицу пролетали быстрые тени. Казалось, что он прислушивается и даже чуть шевелит редкими белесыми бровями.

«Не может быть, чтобы он ничего не слышал», — подумал Словко. И еще подумал о звездных мирах, которые скоро окутают этого мальчишку, унесут в свою глубину. «Господи, пусть ему там будет хорошо...»

А Олег Петрович Московкин продолжал:

— Здесь не место говорить про отпущение, но я надеюсь все же, что оно придет, надеюсь на высшую справедливость... А Тёму мы будем помнить. Будем помнить его милую улыбку, его умение сказать каждому добрые слова, его стихи... Да, он сочинял очень славные стихи, и сейчас я скажу на память несколько строк... Вот...

Все плохое когда-нибудь кончается.
Время ветра жмет на паруса.
И летит кораблик, мачты качаются,
Звездных птиц звенят голоса...

Пусть ему звенят голоса звездных птиц... Тёма, прощай, мой мальчик...

«Больше ни за что не буду сочинять своих дурацких стихов», — сказал себе Словко. — Ни-ко-гда...»

Олег Петрович опустился на колени, поцеловал Тёму в лоб. Потом коричневый кораблик накрыли такой же коричневой крышкой. Щелкнули, как на футляре со скрипкой, медные зажимы. Легонький узкий ящик подняли на длинные полотна, стали медленно опускать в глубину...

«Р-рах...» — опять сказали барабаны. И на этот раз совсем негромко. И снова в редкий прощальный ритм вплелась рассыпчатая дробь одинокого барабанщика. Это играл Рыжик. Игра была уже не такая, как у церкви. Палочки словно выговаривали слова — прислушайся, напрягись немного и поймешь...

Мелькали лопаты, шуршала сухая глина. Люди кидали в яму рассыпчатые комки. Кинул и Словко...

Барабаны рокотали, пока земля не сделалась ровень с краями могилы. Холмик насыпали уже в тишине. Опять донесся удар колокола...

Принесли покрытый серебристой краской памятник. Это был сваренный из гнутых железных листьев и стержней кораблик — крутобокий корпус, три паруса, длинный бушприт, мачта с узким флагом. Держался кораблик на решетчатой пирамидке из арматурных прутьев. Поставили, утвердили, присыпали вокруг... Закидали глинистый холмик букетами и рассыпанными цветами. Много было ромашек. Прислонили к памятнику несколько венков. Словко тоже поставил еловый венок, поправил оранжевую ленту: «Тёме Ромейкину от флотилии «Эспада»...

...Потом поехали в детский дом, там в полутемной столовой были накрыты столы. Словко не очень-то хотелось идти на поминальный обед, и остальным, наверно, тоже. После того, что было, как можно думать о еде! Но не пойти нельзя, мальчик Тёма обиделся бы...

Кто-то что-то говорил: воспитатели и даже заплаканная детдомовская девочка. Словко не запомнил, о чем... Съели по полтарелки жидкого супчика, по кусочку печенки с картофельным пюре, выпили компот. С облегчением выбрались наружу. Автобус ждал у крыльца.

Подошел Московкин, обнял за плечи барабанщиков, которые оказались поближе:

— Спасибо, ребята...

Потом повернулся к Корнеичу:

— Дая, может, приедете сегодня вечером? Все старики... Чтобы... и мальчика помянуть еще раз, и вообще... Лучше не на машине, я пришлю автобус.

— Принято, — кивнул Корнеич.

— И Митю позовите... Почему он не приехал-то? Обещал мне вчера...

— Он звонил, — сказал Кинтель. — У него в школе какие-то пакостные проблемы, визит непрошенных полковников. Вечером он приедет...

В автобусе Рыжик опять оказался рядом со Словко. Глянул виновато: «Я не очень прилипчивый?» Словко улыбнулся ему, хотя настроение было вовсе не улыбочное. Потом подумал: «Спросить или не надо?» И... спросил:

— Рыжик... А ты там, при втором марше... что играл? Просто так или какие-то слова?

Рыжик ответил не сразу. Опять лег щекой на барабан, глянул, отвел глаза и все же сказал:

— Нет, я не просто... Я будто выговаривал... молитву...

— Какую? — очень нерешительно спросил Словко.

— Бабушкину. Она ее сама придумала... Она не помнит настоящих молитв, потому что память слабая, вот и придумывает сама... А эта... про тех, кого уже нет...

— И ты запомнил, да?.. Она длинная?

— Не очень. Вот такая... — Рыжик переглотнул и заговорил, не поднимая щеки от барабана: — «Господи Боже мой, Иисусе Христос, Спаситель наш. Тех, кого мы любили и кто ныне ушел от нас, посели в садах своих небесных, и пусть им

будет хорошо, без обид и печали. И прости их, Господи, и нас грешных прости тоже»... Словко...

— Что, Рыжик?

— А как ты думаешь? Наверно, это грех, да?

— Какой грех? Почему?

— Ну... когда молитву говоришь не словами, а вот так... барабанными палочками...

Словко для убедительности помолчал секунд десять. И сказал веско:

— Нет, Рыжик. Никакого здесь нету греха. Ты же все равно про себя повторял эти слова, в мыслях. Да?

— Повторял... — прошептал он.

— Ну и вот... А то, что ты проговаривал молитву на барабанах, это же был такой момент. И если от души, какой тут грех...

Рыжик молчал, будто сомневался. Словко вспомнил:

— Есть одна легенда. Про жонглера...

— Из цирка? — шевельнулся Рыжик.

— Он сперва выступал в цирках, путешествовал по разным странам... Это давно было, в Средние века... А потом стал монахом. Решил замолить все грехи: выдать, немало у него их накопилось. Ну, сперва все было обыкновенно, монах как монах. А потом стали замечать, что он часто уединяется в часовне, где стояла статуя Богородицы. Почуяли неладное, проследили... И знаешь, что увидели?

— Что? — тревожным шепотом сказал Рыжик,

— Он, оказывается, переделал в свой цирковой костюм и кувырчался перед статуей и жонглировал шарами, бутылками и всякими другими штуками. Старался изо всех сил...

— Да? И его, наверно, на костер? — выдохнул Рыжик.

— Сперва хотели... Схватили, руки заломили. «Ах ты богохульник, еретик, продался сатане...» А мраморная Богородица вдруг протянула руку и вытерла со лба жонглера пот. Платком, который из каменного сделался шелковым... И все монахи бухнулись на колени. Дошло до них, что Дева Мария благодарит жонглера. Потому что он не просто жонглировал, а дарил Ей самое дорогое, то, что любил больше всего на свете, свое цирковое уменье. Понимаешь, от всего сердца дарил. И неважно, что молитва его была без слов...

— Вот это да... — шепнул Рыжик. — А это по правде было?

— Думаю, что да... А если это даже выдумка, то в ней... все равно правдивая мысль...

Другие ребята тоже говорили между собой. Негромко, так, что не разберешь со стороны, однако уже без похоронной напряженности.

А на заднем сиденье Салазкин, Корнеич и Кинтель говорили про Слошко.

— Я вчера просто обалдел, — признавался Салазкин. — Идем под парусами, а он между делом выдает такие... суждения. Конечно, без понимания, на интуиции, но у меня все равно глаза на лоб. Один раз, ничего не зная об интегралах, высказался на этот счет. И о теории рассеянных множеств... когда коснулись нетрадиционных условий... И вообще абсолютно нестандартное мышление, когда речь идет о восприятии мировых констант...

— Ай, дорогой, красиво говоришь. Но непонятно... — сказал Кинтель.

— А мне самому, думаешь, все понятно? Только показалось... что, может, Александр Медведев был в Слошкины годы такой же...

— Слошко всегда считал себя бездарным в точных науках, — заметил Корнеич. — Даже его мать мне жаловалась.

— Это Людмила-то? — удивился Салазкин. — Вроде всегда была умная особа. Надо, чтобы Корнеич сделал ей внушение на предмет родительской проницательности...

У КОЛЕСА

1

Салазкин и Кинтель, не заходя в штаб отряда, пересели в «копейку» и уехали. Салазкин спешил в университет, Кинтеля заботили какие-то «личные проблемы».

В кают-компании встретила Корнеича и ребят Аида. Как всегда, рыхлая и лохматая, но с твердо поджатыми губами.

— Даниил Корнеевич, нам надо поговорить.

Корнеич рубанул сразу:

— Если о яхтах, то нет смысла. Наши суда — это собственность флотилии «Эспада». Именно флотилии, а не клуба, как упорно именуют ее в вашем объединении «Солнечный круг». И объединение их не получит.

— Я это уже поняла. Я о другом... Сюда приходил сотрудник милиции, старший лейтенант Юращенко. В офисе «Энер-

горрегиона» кто-то побил стекла на первом и втором этажах. Сегодня, прямо днем.

— Я не бил. Я действую другими методами.

— Я понимаю. Но милиция подозревает наших ребят. В связи с нынешними событиями...

— А-га... В чем еще она их подозревает?

— Не знаю. Пока речь идет об этом...

— У них только подозрения или есть доказательства?

— Прямых доказательств нет. Но... на чем-то же они основываются!

— Они основываются на возможности свести счеты со мной. За мою статью «Писсуары и погоны». О недавних событиях на концерте «Сигизмунда Кары».

— Но при чем здесь дети?!

— Я и говорю, что ни при чем. По крайней мере, наши. Они же не шизофреники, чтобы пускаться на такую авантюру и подводить отряд. Стекла побили наверняка беспризорники, чьим приятелем еще недавно был Тёма Ромейкин... И, кстати, правильно сделали.

— И это вы не стесняетесь говорить при детях!

— Вы же не стесняетесь заставлять барабанщиков выступать на открытии конференции. Той, где будут сидеть глава «Энергорегииона», убившего мальчика, начальник городской милиции, чьи подчиненные устраивают облавы на подростков, областной министр образования, благословивший новые поборы в школах. И многие другие сановные персонажи с лицами благодетелей и спонсоров...

— Там будут и хирург Протасов, который пытался спасти мальчика! И ваш любимый директор завода Ткачук, который открывает училище для бывших детдомовцев...

— Во-первых, Ткачук в командировке, в Японии. Во-вторых, из-за училища на него дважды заводили уголовное дело...

А Протасов и другие порядочные люди скажут, конечно, чиновничьей братии все, что думают. Но зачем там наши ребята?

— Затем же, зачем сегодня... там, в Октябрьском, — отчеканила Аида. — Для ритуала...

— В Октябрьском не было ритуала, — тихо проговорил Корнеич. — Там было прощание с убитым сверстником... И не касались бы вы этой темы... п-психолог...

Аида встала прямо, как на трибуне.

— Даниил Корнеевич. Вам не кажется, что в педагогическом коллективе кл... флотилии «Эспада» происходит раскол?

— Мне это не кажется. Мне это видится с хрустальной ясностью. Но этот вопрос я предпочел бы обсудить с Феликсом Борисовичем Толкуновым. Его, однако, опять здесь нет, хотя он числится официальным руководителем «Эспады». Какой-то «поручик Киж»...

— Он не числится! — тонким голосом сообщила Аида. — Он выкладывает на «Эспаду» все силы, отрывая себя от университетских дел и докторской диссертации! А сейчас он занят тем, что выходит на...

— Хватит! — глухо взревел Корнеич. — Если я еще раз услышу эту идиотскую формулировку «выходит на...», я предложу вам выйти по такому адресу, что идти будете до конца света...

— И это вы позволяете себе говорить при детях!

Приехавшие из Октябрьского «дети» расселись по углам уют-компании и слушали спор с вежливо-безразличными лицами. Корнеич хмыкнул:

— Но я же не назвал конкретного адреса... Дети, брысь по домам. Завтра к девяти — на причалы, продолжаем гонки.

— Барабаны взять домой, а завтра привезти на базу? — официально осведомился Игорь Нессонов. Он давал понять, что как бы не слышал спора взрослых педагогов.

— Оставьте здесь, Кинтель потом привезет на машине...

Когда вышли на крыльцо, Рыжик смущенно глянул на Словко, на Равиля и Кирилла.

— Я обещал показать ребятам колесо... Всем барабанщикам... Если хотите, пойдёмте тоже...

Оказалось, что хотят все. Видимо, уже каждый слышал про колесо Рыжика. Никто сейчас не спросил: зачем идти, что там смотреть? Пошли, будто ждало всех серьезное дело.

Двинулись пешком, той дорогой, что Словко шел в сентябре, когда впервые увидел Рыжика.

Цвел у заборов репейник, горели в зелени желтые головки пижмы, белели ромашки — крупные, будто в лесу. («Господи, и такие же, как там, у серебристого кораблика... Правильно кто-то выхлестал стекла в офисе, так тем гадам и надо...»)

В тесном, укрытом зеленой тенью пространстве между кирпичным брандмауэром и бревенчатой стеной было прохладно и пахло травяными соками. Большущее колесо замерло на оси, и похоже, что чего-то ожидало.

... Ух ты... а фонариков я не видел, — вполголоса удивился Словко.

Три жестяных фонарика висели на боковой стороне обода. На тонких стержнях, вбитых в замшелое дерево.

— Сам смастерил? — спросил Кирилл Инаков.

— Сам... — кивнул Рыжик. — Потому что с ними лучше...

Оно вертится, а они горят...

Фонарики были простенькие, сделанные без особого искусства. В боках высоких консервных банок Рыжик прорезал окошечка (видать, немало старался), вставил в них осколки стекол — и обычных, и цветных, — закрепил их жестяными язычками. Дно каждой банки издырявил, как терку, для прохождения воздуха. Сверху приладил проволочные дужки, будто на ведерках. Этими дужками фонарики и были повешены на стержни. Ясно, что, как ни вертись колесо, они будут висеть вертикально.

— А внутри что, свечки? — спросил Равиль.

— Да, бабушкины... Она с ними раньше в подполье лазила, когда еще могла...

Опять же никто не спрашивал, зачем колесо, зачем фонарики. Наверно, по той же причине, по какой никто не спрашивает: зачем луна, зачем деревья... Только огненно-рыжий Мишка Булгаков (то есть Мастер и Маргарита) шепотом предложил:

— А давайте зажжем...

Рыжик опять кивнул. Вынул из стены кирпич, там оказался тайничок. Рыжик достал коробок. Повернул колесо так, что один фонарик оказался совсем низко, у колен. Чиркнул, аккуратно сунул спичку в фонарик, подержал. Вздернул руку, подул на пальцы, улыбнулся:

— Горит...

Словко помог Рыжику повернуть колесо. Тот зажег еще два фонарика. Потом взялся за обод, потянул вниз, и колесо неторопливо, но охотно завертелось. Фонарики чуть закачались...

Все встали перед колесом неровной дугой. Не стовариваясь, взялись за руки. Словно кто-то неслышно подсказывал, что делать, как себя вести...

— Вечером, когда тут совсем темно, они красиво горят... — прошептал Рыжик.

— И сейчас красиво, — строго сказал Равиль Сегаев. В самом деле, огоньки мелькали за стеклами, как разноцветные

бабочки. И после короткого молчания командир барабанщиков Игорь Нессонов, будто продолжая давний разговор, спокойно и негромко проговорил:

— Не будем играть на той конференции, да?

— Само собой, — так же обыкновенно отозвалась деловитая Полинка Верховская, самая младшая из всех.

— Кто за? — ровно и скучновато спросил Игорь. И разом вскинули ладони все восемь барабанщиков: Нессоновы, Полинка, Рыжик, Мастер и Маргарита, Сережка Гольденбаум, Лешка Янов и тонкорукый большеглазый Ваня Лавочкин по прозвищу Мультик (за свои удивительные рисунки).

Колесо вертелось. И разойтись просто так было невыносимо. Все чувствовали: надо сделать что-то еще — для подтверждения того ощущения братства, которое соединило сейчас восьмерых барабанщиков и трех капитанов «Эспады».

Сережка Гольденбаум догадался первый:

— Игорь, а расскажи, что было дальше на планете Дракуэль!

— Ох... — тихонько простонал Игорь. Может, скорее от неожиданности, чем от нежелания.

Но все уже заговорили, что да, надо обязательно прямо сейчас продолжить сказку. И каждый понимал про себя, что надо это не только ради интереса, но и как бы назло всем бедам, всем врагам.

Игорь для порядка поупрямился: мол, не все знают, что было в этой истории раньше. Но, оказывается, знали все.

— Давай, не упирайся, — велела брату Ксения. — А то получишь...

Игорь сказал, что таких сестер надо держать на швартовой оттяжке, на безопасной дистанции. И...

— Ай! А еще, видите ли, «я девочка». Маме скажу, что дерешься...

— Не дерусь, а воспитываю...

У стен, по сторонам от колеса, Рыжик давно еще соорудил две лавочки: узкие доски на чурбаках. На них и расселись — тесно-тесно, потому что еле хватило места. Кирилл устроился отдельно, у столбика с подшипником, чтобы подкручивать колесо. Все молчаливо согласилось, что, пока не кончится рассказ, колесо должно вертеться.

Игорь повздыхал и начал:

— Ну, вот. Помните, какая забота появилась у тех ребят? Надо было где-то раздобыть короля для Дракуэли...

Думали, думали: кого бы из взрослых позвать на такую должность? Во-первых, надо, чтобы человек был такой... ну, из тех, «кто видит фонарик». Во-вторых, чтобы он согласился. Обсуждали многих, спорили даже, пока хмурый Лёпа не сказал:

— А че тут долго выбирать-то? Надо позвать Искора...

Все запереглядывались и... поняли: в самом деле. Искор — очень подходящий.

Как известно, Искор — это был молодой помощник дядюшки Брю, смотрителя главного парка...

Тут надо немного сказать о парке.

Он был самой большой на Дзымбе. Раньше он славился аттракционами, фонтанами, гротами и множеством бронзовых и мраморных скульптур. В общем, всякой красотой и развлечениями. И удивительно чистым воздухом. Даже так и назывался: «Центральный Парк Скульптуры и Воздуха». Но потом стал gloхнуть и зарастать. Не потому, что дядюшка Брю и его помощники плохо относились к своим обязанностям. Просто жители Дзымбы пришли к мысли, что дикая природа лучше всяких качелей и американских горок (что такое «американские», никто не знал). Приятнее, мол, гулять по зарослям, которые похожи на джунгли, чем вывихивать себе шею на всяких аттракционах. Ну и вот, стал парк почти что лесом, где в зарослях прятались всякие статуи: красавицы в длинных платьях и совсем без платьев, крылатые мальчишки с луками, рыцари с мечами и всякие диковинные звери. А качели-карусели — подумаешь! Их и на городских площадях было немало!

Заросший парк больше всего нравился ребятам. Там, сами понимаете, хватало места для всяких игр и приключений...

Большой заботы парк теперь не требовал. Дядюшка Брю распустил своих помощников, оставил только Искора. У того была одна забота: раз в три месяца готовить площадку для запуска Луны.

Дело вот в чем. Жители Дзымбы слышали, что вокруг древней планеты Земля, откуда родом их предки, летал по орбите спутник (сам по себе похожий на планету). И что он видался с Земли то полностью, то наполовину, то на четвертушку или даже тонким серпиком. И вот один из королей (давно еще) повелел, чтобы над его планетой Дзымбой тоже светила луна. Сшили громадный шар из шелка — наполовину желтый, на-

половину черный, наполнили светящимся газом офигелием и запустили над планетой. И он летал над ней по кольцу, потому что там были постоянные воздушные потоки. Поворачивался к Дзымбе то светлым, видимым боком, то черным, невидимым. Всем нравилось. Только плохо, что шелка хватало месяца на три, не больше. С той поры и повелось: четыре раза в году запускать в небо новое ночное светило, праздник получался. В такой день в парке, вокруг площадки с новым шаром собиралось множество народа... А в другое время там было пусто, глухо и даже таинственно...

Искор носил звание Старшего помощника Главного смотрителя Королевского Центрального Парка Скульптуры и Воздуха и его окрестностей. Но внешность у него была для такой важной должности неподходящая. Ходил он всегда лохматый и небритый, в разбитых башмаках, в старом комбинезоне с подвернутыми штанинами и дырявой полосатой рубашке. Жил холостяком в глинобитной сторожке, разводил вокруг нее большущие дзымбовские подсолнухи (то есть «подпримусы») и никогда не унывал. Ребята с Большого Волдыря были его приятелями, он любил болтать с ними и рассказывал иногда истории из своего детства.

Детство Искору досталось нелегкое. Был он сиротой, воспитывался у дядюшки с теткой. Дядюшка был пьяница, а тетка отличалась вредностью и за провинности лупила мальчишка Искорку стеблями травы, которая называется «Ванькины слезы» (декларацию, которая запрещает такое дело, тогда еще не подписали). Кстати, почему «Ванькины», никто на Дзымбе не знал, но почему «слезы», это каждому ясно, кто попадал в такую траву голыми ногами... Чтобы не страдать от теткинских воспитательных мер, Искор придумал специальную мазь из сока дзымбовских лютиков. Натрешь ее, и никакая кусачая зелень тебя не берет. И комары не кусают, и даже мохнатые дзымбовские осы не жалят...

Искор вообще был мастер составлять всякие смеси. За это соседские ребята дали ему кличку Аптекарь. Он умел выделять из гнилых тыкв газ офигелий для воздушных шариков, изготавливать хлопучечные смеси для всяких военных игр (конечно, запретных), мастерить бумажные пакетики с вонючим запахом — их можно было подкладывать под вредных учителей. Ну и всякое такое. В общем, «химичил»... Казалось бы, ребята должны были обожать такого талантливую приятеля. Но Искора почему-то не обожали, а обижали. Изобретениями

Аптекаря пользовались охотно, а самого его дразнили, не доверяли никаких тайн и даже поколачивали. Говорили, что он ябеда. А он никогда никому не жаловался напрасно. Только, если уж сильно доводили, говорил про это классной даме и требовал справедливого наказания обидчиков.

Но справедливости все равно не было. Вот вам пример. Однажды играли в «Царя горы» (эта древняя игра известна на многих планетах). Обычно Искора отталкивали, отшибали, он оставался внизу, но в этот раз ему повезло. Он растолкал всех, обогнал самых ловких, пихнул вниз оказавшихся на пути бестолковых малявок, вырвался вперед и наконец-то первым оказался на краю крутого песчаного откоса. Выше всех, главнее всех! Сверху открывался замечательный вид на просторы Дзымбы, и мальчишка Искор почувствовал, как это великолепно — *быть над всеми!* В душе проснулось торжество победителя и даже что-то вроде величия.

Но это длилось всего полминуты!

Другие мальчишки тоже забрались на откос и не стали признавать Аптекаря царем, а спихнули его в сыпучий оползень. И сами с воем и хохотом поехали вниз, швыряя в Искору песочными бомбами.

Он очень разозлился. Выхватил из кармана пузырек с газом «Крокодилий пук» и выпустил на мальчишек вонючее облако. Те запрыгали, зажали носы, а потом погнались за Аптекарем.

Других боеприпасов у Аптекаря не было. Но появился хитрый план. Дело в том, что Искор всегда ходил натертый лютиковой мазью (на всякий случай). И он кинулся на поляну с высокой травой «бабкины метлы», в которой было много осинных гнезд. Недруги Искора про эти гнезда не знали, а может, забыли сгоряча. Все толпой вломились в чашу «бабкиных метл», и... Ох, что тут началось!

— Это был настоящий цирк! — говорил Искор, весело потирал небритые щеки, и его ярко-голубые глаза искрились. — Мои враги верещали и прыгали, как клоуны, плясали, будто танцоры на проволоке, кувыркались и ходили колесом, как акробаты!..

Ребята слушали эту историю и смеялись.

Правда, потом Нотка неуверенно сказал, что, пожалуй, не очень-то честно — заманивать неприятелей в осиные гнезда, когда сам покрыт защитным слоем. Но Лёпа, который всегда возражал, пробубнил:

— А че нечестного-то? Сам полезли первые, вот и полужили...

Ребятам нравилось, что Искор не важничал перед ними, вел себя так, будто сам он мальчишка, только постарше. Помогал мастерить самострелы, угощал земляничкой со своих грядок и показывал всякие фокусы... Они порассуждали и решили, что такой король будет вполне подходящим для планеты Дракуэль. Тем более что делать там ничего не надо, был бы только добрый нрав. И даже Нотка не стал спорить...

В общем, открыли они Искору тайну Ковчег и тут же изложили свою просьбу. Насчет короля.

Искор сразу согласился. Даже удивительно, как быстро. Будто давно ждал такого предложения. Сказал только, что дядюшке Брю трудновато придется без помощника, ну да ладно: нового садовника найти не так трудно, как короля.

Решили сразу же слетать на Дракуэль, познакомить Искору с Сирротиной Маркеловной Эскалоп и договориться о коронации. Побайвались, правда: а вдруг Искор скажет: «Скучно мне там будет с пожилой теткой да с дракозами...» И заранее готовились обещать, что станут прилетать к нему каждый день и что он, если захочет, может возвращаться на Дзымбу и жить здесь, как раньше, сколько угодно... Искор, однако, ничего такого не говорил. Заметил только, что надо бы заранее изготовить корону. Для начала хотя бы из жести...

Однако стремительные планы сорвались. Оказалось, что захворал дядюшка Брю. У него расстроилась печень и стала кружиться голова. Тут же решено было лететь на Дракуэль за дракозным молоком. Известно, что это лучшее на свете лекарство от всех болезней. Но Искор на этот раз полететь не смог. Он ведь пока оставался Старшим помощником Главного смотрителя парка и не мог оставить должность, когда сам Смотритель в постели. Кро-Кро тоже не полетели, надо было ухаживать за дядюшкой. Остался и Шарик — чтобы Искор не скучал. А остальная компания погрузилась в Ковчег и очень быстро оказалась на Дракуэли. Прямо перед навесом, под которым в своем каменном кресле Сирротина Маркеловна Эскалоп размышляла о Главной истине и смысле жизни.

Узнав, что дядюшка Брю заболел, она всполошилась: подумать только, ее школьный друг страдает от какой-то хвори! Лететь на помощь немедленно! Тем более что она давно собиралась навестить милого Брю-Брикуса!

Но сразу вернуться на Дзымбу не удалось. Для лечения

требовалось свежее дракозье молоко (не простоквашу же везти!), а доить коз можно было только вечером. Пришлось ждать. Наконец дракоза Туся пришла с пастбища (Гриша весело прыгал вокруг нее), и Сирротина Маркеловна надоила целую флягу.

— Все! Поехали! Гриша, не шали здесь без меня...

Когда добрались до дядюшкиного дома, совсем стемнело. Только желтая половинка Луны, наполненной офигелием, светила сквозь черные листья. Зато оказалось, что дядюшка Брю уже здоров. Он сообщил, что Искор помудрил, почесал в затылке и приготовил какие-то капли, дал больному. Капли были ужасно горькие, зато все хвори разом пропали.

— А может, ты не болел, а валял дурака? — строго спросила Сирротина Маркеловна. — Ты любил похворать понарошку, если не хотелось идти в школу...

Только тут дядюшка Брю заметил у дверей пожилую гостью.

— Сира! Неужели это ты! Ничуть не изменилась!.. Где ты была столько лет?!

Они стали обниматься и разглядывать друг друга.

— А где твои ребятишки? — спросила наконец Сирротина Маркеловна. — Эти чудесные Кро-Кро?

— Отпустил погулять, а то они переволновались из-за меня. Теперь, наверно, где-нибудь сидят под луной и сочиняют страшилки...

Титим, Гига, Прошка, Лёпа и Нотка осторожно попятись и вышли из домика. Пусть старые друзья поговорят наедине. Ребята пошли к Искору, но того в сторожке не оказалось. И пса не было. Прошка сказала:

— Наверно, они решили погулять по парку, полюбоваться на луну. Посидим, подождем.

Сели, поговорили о том о сем. Пospорили немного, как лучше устроить коронацию Искора. Надо ли звать на эту церемонию ребят с других планет, или лучше все провести скромно.

— Я думаю, не надо особой пышности, — рассудила Прошка. — Наденем на него корону, Нотка сыграет что-нибудь на свирели, вот и все...

Нотка вспомнил, что забыл свирель в Ковчеге, а сейчас ему захотелось проиграть. Потому что луна так по-хорошему светит среди листьев и настроение подходящее...

— Я сбегая, принесу.

Ребята предложили: давай, мол, сходим вместе, однако Нот-

ка отказался. Он подумал, что друзья чувствуют, будто он побаивается, и решил показать — неправда это. И ребятам, и себе.

И ушел. Даже не взял фонарик, который предлагал ему Титим...

3

Сирротина Маркеловна и дядюшка Брю в это время вспоминали детство. Всякие игры, школьные проказы и другие интересные дела. А потом и юность. И любимые песни...

— У меня и сейчас навертываются слезы, когда вспоминаю тот замечательный романс, — призналась Сирротина. — Белой какакции гроздь пушистые...

— Что ты, голубушка! — заспорил Брю. — Надо петь не так. «Белой *макации*...» Ведь имеются в виду пышные соцветия, которые нависают над прудом и *макаются* в воду...

— Ты, Брю, всегда был пугаником, — возразила Сирротина. — И спорщиком. Причем бестолковым...

— А ты, радость моя, тоже не отличалась ангельским характером, — не остался в долгу Сирротинин одноклассник. — Бывало, упреешься, будто коза своими рогами в новые ворота...

— Дракоза, — поправила Сирротина Маркеловна.

— Тем более, — сказал дядюшка Брю. И вдруг охнул. — Ну вот... мне вредно спорить. Опять кольнуло печенку... Не забывай, сколько мне лет...

Сирротина всполошилась:

— Дай какую-нибудь посудину, я налью молока! Сразу все пройдет!

Дядюшка Брю, охая, взял с полки плоскую глиняную миску. Сирротина Маркеловна приняла ее в ладони, пригляделась...

— Великий Примус! Здесь же надпись, вот, по краю! Старинная! «Дни человеческие быстротечны. Мудрость и Время бесконечны...» Брю, где ты взял эту чашу?

— Да не помню уже. Кажется, откопал в парке. Набирал землю для рассады, а в ней эта посудина...

— Это же чаша из *того самого* древнего храма! Как она попала на Дзымбу?

— Значит, не годится для лечения? — огорчился дядюшка Брю.

— Очень даже годится. На, пей... Ну как, полегчало? То-то же... А еще эта «посудина», как ты выразился, годится для

очень важного дела. Да-да! Если в нее налить волшебное дракозье молоко, его поверхность делается как зеркало. И в нем можно будет увидеть Главную истину, которая открывает смысл жизни!

— А зачем? — неосторожно спросил дядюшка Брю.

— Ты всегда был тупицей! Недаром в третьем классе тебя чуть не оставили на второй год!

— Это потому, что я болел...

— Не столько болел, сколько притворился... Ну-ка дай... —

Сирротина Маркеловна поставила чашу посреди стола и осторожно вылила в нее из фляги оставшееся молоко. — Тихо, не дыши... Давай смотреть...

Дядюшка Брю понял, что сейчас будет что-то важное. Вместе с Сирротинной склонился над молоком (бряк — они стукнулись головами).

Молоко и правда превратилось в зеркало. Или, вернее, в круглый экран. В нем стали видны темные листья и кусочек желтой луны. Потом осветлело. И старые школьные друзья различили двух ребятшек под вековым дзымбовским дубом. Брат и сестра сидели, обняв друг друга за плечи, и тихо разговаривали. Да, представьте себе, слышен был их полупшепот.

— Хорошо, что дядюшка Брю поправился, — проговорила Крошка.

— Еще бы... Это удивительно, как хорошо, — согласился Кролик. — От сердца отлегло.

— Теперь все на свете замечательно, да, Лик?

— Конечно, Шка... Было бы еще лучше, если бы у нас была мама. Но что поделаешь... Зато у меня есть любимая сестренка.

— А у меня любимый братик, — шепнула Крошка и обняла брата покрепче.

— И хорошо, что всегда светит фонарик... — сказал он.

— Какие чудесные, — шепнула Сирротина Маркеловна.

— Да... но где же смысл жизни? — неуверенно спросил дядюшка Брю.

Сирротина Маркеловна сделала глубокий вдох.

— Кто знает, может быть, в этом он и есть... Чтобы любить друг друга и радоваться, когда хорошо всем вокруг... И когда что-то светит...

— Гм... оказывается, ты все же поумнела за прошедшие годы...

— А вот как дам сейчас по копчику, будешь знать, — пообещала дама-философ голосом десятилетней Сиры.

Видимо, Кро-Кро сидели недалеко от дома, потому что вдруг распахнулась дверь и близнецы возникли на пороге.

— Ой... здрасте, тетя Сирротина... — засмутились они.

Та расцвела им навстречу:

— Здравствуйте, мои милые! — Он протянула руки. — Идите ко мне...

И они подошли, и она, присев, обняла их, и Кро-Кро прижались к ней... ну, если не как к маме, то будто к доброй, совсем родной бабушке...

Сирротина Маркеловна оглянулась на бывшего одноклассника.

— Слушай, Брикус. Почему бы нам не устроить общий дом? В молодые годы не получилось, ну так давай хотя бы сейчас. На Дракуэли будет король, он позаботится о дракозах... А здесь... детям ведь тоже нужна женская забота...

— Дык а я что... — прокряхтел дядюшка. — Давай... С тобой все равно не поспоришь, а то ведь опять начнешь поддавать мне под зад своими твердыми коленками, помню до сих пор...

Ребята сидели и ждали Нотку с его свирелью. Тот все не возвращался. А время было позднее. У Прошки на груди пищал, захлебываясь, переговорный кулон: сигналили из дворца.

— Ну, чего надо! — отгрызалась принцесса Прозерпина-Пропорция.

— Ваше высочество! — слезливо вещала из королевской резиденции старшая фрейлина. — Где вы гуляете? Его величество изволят очень волноваться!

— И пусть волнуется, — отвечала Прошка. — После его хулиганской выходки на Дракуэли я с ним не разговариваю.

— Но ваше...

— Отстаньте, я сказала!

К сожалению, переговорные устройства на Дзымбе, в отличие от земных мобильников, не отключались, приходилось терпеть. Кстати, они были там большой редкостью — только у высших чиновников и придворных...

А Нотка все не появлялся. Вот еще забота! Конечно, не было на Дзымбе ни разбойников, ни хищников, но мало ли что может случиться в темноте... Решили идти навстречу. И так дошли до самого Ковчег.

Крышка на Ковчеге была ужасно тяжелая. Чтобы не над-

рываться каждый раз, ее оставляли открытой. А сейчас... сейчас она оказалась захлопнута!

Сразу все поняли: что-то не так. Поднатужились, откинули крышку набок. И сразу же из темного люка вырвался к ним Нотка. Он всхлипывал.

— Ребята...

Конечно, все наперебой: что случилось? Он всхлипнул громче, показал на ладони медный ключ и мятую бумажку. На бумажке — нацарапанный карандашом чертежик: какой-то ручей, мостик, стрелка.

— Скорее! Там моя мама... Это у Желтой речки...

Титим, Гига, Прошка, Лёпа кинулись вместе с Ноткой сквозь темноту. Фонарик Титима рассекал ее сердитым лучом.

Нотка на бегу рассказал вот что... (Здесь, конечно, изложение более подробное, чем там, у колеса с фонариками.) Когда Нотка в темноте спустился в открытый люк и от удара его ног об пол зажглись плафоны, крышка наверху громко ухнула. Нотка увидел, что за ним спускается Искор. Видимо, он дожидался снаружи, у входа, и теперь двинулся следом. Он спрыгнул со скобы и улыбнулся:

— Добрый вечер... — Улыбка была такая, что Нотка сразу понял: вечер никакой не добрый.

— Зачем вы закрыли крышку? — (Нотка один из всех ребят почему-то говорил Искору «вы».)

Искор улыбнулся опять:

— Чтобы никто не помешал нашей беседе. Я предчувствовал, что придешь именно ты, за своей свирелью. У меня есть дар предвидения. Хе-хе...

Это «хе-хе» было незнакомым и страшноватым. Нотка ослабел.

Искор заставил Нотку сесть на пластмассовый диванчик, сел напротив и откровенно поведал о своих планах.

Оказывается, он вовсе не хотел стать королем «этой паршивой, никому не нужной Раздракуэли. Тьфу!». Он решил стать владыкой всей звездной системы Примуса. Да! Никак не меньше! Пришел к этой мысли, как только узнал про Ковчег.

А узнал он про Ковчег вовсе не вчера, а гораздо раньше. Напрасно глупые детки думали, что он такой наивный. Искор давно проследил, куда бегают Шарик, вздумавший повидаться с ребятами... (Шарик вышел откуда-то, сел напротив Нотки и помахал хвостом; он, глупый, ничего не понимал, думал, что

здесь все друзья.) Ну вот, Искор, когда не было ребят, излезил весь Ковчег и нашел много такого, чего ребята обнаружить не сумели. Обнаружил и громадные склады с консервированными продуктами, и...

Он увидел, что Ковчег — боевой корабль. Это и понятно! Отправляясь в неведомый межзвездный полет, люди, конечно же, запаслись всякими боеприпасами. Мало ли какие опасности и враги могли ждать путешественников на пути!.. Среди боеприпасов были такие бомбы и торпеды, что хватило бы одной на целую планету. Нажмешь кнопку — и вместо небесного тела одна пыль... («Хе-хе», — опять сказал Искор, а Нотка заледенел.)

— Я взлечу на Ковчеге на орбиту, которая шире всех планетных, — заявил Искор. — И оттуда отправлю послания правителям Дзымбы, Белилинды и Дым-Шиша, что отныне они мои подданные и рабы. И должны выполнять все мои приказы и пожелания. А если что не так, то... Для начала я покажу, что бывает с непослушными планетами, на примере Дракуэли. Ба-бах — и дырка в пространстве (хе-хе...).

— Но ведь там же дракозы... с детенышами... — обмер Нотка. — Живые...

— Подумаешь, дракозы! Ошибка природы, мутанты... А если такой пример не поможет, следующей целью станет Дым-Шиш. Шелк — и шиш, и дым по отдельности...

— Но зачем вам это? — прошептал Нотка.

— Умный вопрос, — покивал Искор. — Объясняю. Мне очень нравится власть. Чем она будет больше, тем сильнее станет греть душу. Я это понял еще мальчишкой, когда стоял на песчаном откосе и смотрел на просторы планеты. На миг мне казалось, что это все мое... А потом те паршивые сопляки скинули меня, да еще дразнили и пинали... Я все это помню. Теперь никто не посмеет даже косо взглянуть на меня. Все станут клаяться в любви, хотя в душе, наверно, будут ненавидеть. Пусть ненавидят! Когда ненавидят, но боятся и кланяются, это еще приятнее...

— Ничего у вас не выйдет. Вам бог не позволит, — сказал Нотка.

— Никакого бога нет, — возразил Искор. — Иначе бы он не разрешил твориться множеству несправедливостей. И меня обижать другим мальчишкам не дал бы. А я, когда возьму власть во вселенной, стану именно богом. И, кстати, тогда все и везде станет справедливо. Потому что я такой...

— Не будет справедливо. Потому что вы начинаете с обмана, — возразил Нотка. — Хотите украсть Ковчег.

— Подумаешь! Это крошечный обман по сравнению с пользой всей звездной системы. Ради всемирной справедливости можно допустить одну маленькую несправедливость.

— Может быть, вы заболели? — очень осторожно сказал Нотка. Искор не обиделся.

— Очень может быть. Но это приятная болезнь, от нее не умирают, наоборот. Называется она «мания величия». Понимаешь, ве-ли-чи-я! Это приятнее всех талантов и богатств!

Нотка наконец догадался спросить:

— Ну а я-то вам зачем? У вас эта... мания... а мне домой пора...

— Понимаю. Сейчас пойдешь, — опять покивал Искор. — Но сначала помоги мне в одном деле...

— В каком? — прошептал Нотка, заранее зная, что ни в чем не будет помогать сумасшедшему захватчику.

— В очень простом. Ма-аленьком... Я тут все изучил досконально, не понял только одного: как попадают к пульта управления. Какие кнопки ни нажимаю, проклятая дверь — как мертвая. А ты ведь наверняка знаешь шифр. Кнопочный ключ. А?.. — Искор наклонился и проткнул Нотку льдистоголубыми глазами.

Нотка глубоко вздохнул. Вспомнил, как светит фонарик, и сказал, прощаясь с жизнью:

— Можете меня замучить насмерть, я все равно не скажу ни одной буковки.

И снова Искор закивал:

— Ты, хотя и не самый храбрый из всей компании, но, конечно, пыток не испугаешься. Вы ведь все такие... которые видят там что-то... которое светится... И не буду я тебя мучить, что я, зверь какой-то или палач? Я тебе предложу сделать выбор...

Нотка смотрел мокрыми глазами: какой такой выбор? Искор объяснил:

— Я ведь знал, что буду иметь дело именно с тобой. Ты самый такой... с тонко чувствующей душой (хе-хе). И подготовился заранее. Знаешь, как?

Нотка перепуганно молчал. Конечно, он не знал.

— Днем я пошел к вам домой и сказал твоей маме, что с тобой случилось несчастье, — ровным голосом, но с оттенком удовольствия, объяснил Искор. — Будто ты вывихнул ногу и

лежишь на берегу Желтой речки и никому не даешь коснуться ноги, пока мама не придет. Конечно, она без лишних слов побежала за мной. А на берегу, у шлюза, есть каменная каморка. Я втолкнул твою маму туда и запер снаружи. Сколько ни кричи, никто не услышит... На рассвете от лучей Примуса срабатывают механизмы, которые открывают шлюз — чтобы вода пошла по канавам и протокам, для орошения лужаек. При этом вода полностью заполняет каморку... Так что у тебя, музыкант, есть время до рассвета. Чтобы поразмышлять. Но лучше не тянуть. Маме там очень неуютно...

Нотка заплакал (а кто тут не заплакал бы?).

— Сейчас придут ребята, — сказал он сквозь слезы, — тогда вы узнаете...

— Люк заперт изнутри, — объяснил Искор. — А если все-таки сюда будут пробиваться, ну что ж... Я знаю, где боевая рубка, и, к счастью, я сумел ее отпереть. Нажму кнопку, и вместо Дзымбы — огненный шар. Это будет короткий миг, но все равно Миг Моего Величия. Тебе не понять... И тогда уж — ни мамы твоей и вообще никого на свете... Выбирай. Вот ключик от шлюзовой каморки и чертеж, как до нее добраться. Получишь в ответ на пароль.

Нотка всхлипывал. Искор и он — оба смотрели на дверь, за которой был пульт управления. И Шарик смотрел. На двери блестела медью фигурка длинноносого мальчишки. Как подсказка. Но Искор никогда не читал книжку «Приключения Буратино» и понять подсказку не мог.

— Давайте... — плача, сказал Нотка.

— Пожалуйста. Я без обмана... — Искор положил в Ноткину ладонь медный ключик и бумажку. — Говори. И не думай удрать, не получится.

Нотка знал, что не получится. Он стал всхлипывать сильнее и с каждым всхлипом нажимал на двери кнопку: Б...У...Р... Наконец дверь как бы вздохнула и медленно отошла. Искор метнулся в нее. Шарик бросился следом, однако Нотка оттолкнул пса. Надавил дверь плечом, и она снова закрылась.

— Эй! Ты чего? — сказал Искор. Голос из-за двери звучал глухо.

— А ничего, — вздрагивая от слез, ответил Нотка. — Будете сидеть там, пока не выпустят. Для выхода нужен другой пароль.

Другой пароль был «Тортила», изнутри над дверью блесте-

ла фигурка черепахи, но Искору это опять же ничего не говорило.

— Сопляк! — взревел Искор. — Паршивый маменькин сынок! Я сейчас нажму кнопку «взлет», и мы унесемся в космос. И тогда уж точно твоя мать захлебнется в ловушке.

— А вот фиг... — опять всхлипнул Нотка. Он встал на цыпочки, дотянулся до разъема красного кабеля и дернул его на себя. Стало темно.

Этот красный кабель шел от рубки управления, от звездного камня, ко всем системам Ковчега. Конечно, он разветвлялся, но здесь, у рубки, был еще единым. И Нотка разом лишил Ковчег энергии.

Искор что-то орал, колотился о дверь, но она была как в сейфе. И Нотка не стал его слушать. В темноте он добрался до лесенки, ведущей к люку, поднялся по скобам, уперся ладонями в крышку... и понял, что никогда ему в одиночку эту тяжесть не одолеть.

Конечно, он давил на крышку снова и снова — руками, головой, плечами. И плакал опять. Но что он мог сделать?

Он даже подумал: может, сказать Искору пароль «Тортила»? Пусть Искор выйдет и поможет откинуть крышку? Но тогда... Страшно подумать, что будет тогда... А если Нотка опоздает к шлюзу, что будет с мамой?

Прошло, наверно, несколько минут, а Нотке казалось, что несколько часов. И все же он ждал. Ну не может же быть, чтобы ребята оставили его! А когда совсем уже одолевало отчаяние, сквозь пространство смотрел на Нотку его Друг, которые недавно улетел за пределы Примуса. Будто говорил: «Жди и надейся»...

И Нотка дождался!..

4

Прежде всего они сквозь темные заросли напролом помчались к шлюзу. Правда, Лёпа по дороге, задыхаясь от скорости, говорил, что никакой Ноткиной мамы там нет и что Искор наивному Нотке «вешал на уши копченых червей с Дым-Шишá». Но при этом не отставал от друзей.

Ноткина мама в каменной каморке была. Ребята освободили ее, и она обняла Нотку и не хотела больше отпускать от себя. Но он убедил ее, что теперь уже ничего страшного нет. Маму проводил домой, успокоили еще раз, и Нотка с друзьями опять помчался к обесточенному Ковчегу.

Надо было решать, что делать с Искором.

И вдруг на бегу Гига выдал очень здравую мысль:

— Нет, ребята, нельзя так. Мы опять что-нибудь не то намудрим. Надо рассказать взрослым...

— Еще чего! — возмутился Лёпа. — Они намудрят больше нас!

— Да! Как недавно на Дракуэли! — поддержала его Прошка.

— Надо рассказать *умным* взрослым, — сказал Титим.

— Кому это? — хмыкнул Лёпа.

— Дядюшке Брю и Сирротине Маркеловне, — уверенно предложил Нотка. — Они не подведут...

Против этого нечего было возражать.

Запахавшись, они прибежали к дядюшке и выложили ему, Сирротине и заодно Кро-Кро все события.

— Д-да, дела... — дядюшка Брю заскреб лысину. — Вот уж не знал, какого бессовестного типа я у себя пригрел. Хотя, по сути дела, он еще мальчишка. В прежние времена его следовало выпороть и на неделю посадить в темный чулан. Однако сейчас Декларация. Да и неизвестно, что он сможет выкинуть еще...

— Никакой он не мальчишка, а взрослый злодей, — строго сказала Сирротина Маркеловна. — Если бы оказалось, что он просто сочинил историю с Ноткиной мамой, можно было бы подумать, что он легкомысленный авантюрист и болтун. Однако он ведь запер ее всерьез, и она по правде могла захлебнуться... Значит, ему наплевать на людей...

— На всех людей, — кивнул Нотка (в нем все еще сидели всхлипы). — Он же говорил, что может взорвать целые планеты. Ради этого... величества...

— Величия, — кивнула Сирротина Маркеловна. — Да... Наука философия утверждает, что мания величия — неизлечимая болезнь. А медицина к тому же говорит, что эта болезнь заразна и опасна. Не меньше, чем известная по легендам хворь *чумоспа*. Мне кажется, единственный выход — отправить больного за пределы звездной системы. Пусть живет в Ковчеге один. Люди ему все равно не нужны. Он сможет воображать там себя владыкой всего космоса и будет доволен...

— Жалко все-таки, — вздохнула Прошка.

— Всех остальных людей еще жалче, — угрюмо сказал Титим. — А он сам виноват... Разве Ноткину маму он пожалел?

— Ковчег жалко, — пробубнил Лёпа. — Больше не летаем...

— Почему не летаем? В Ковчеге есть катер-челнок, — напомнил Гига. — Тоже со звездной энергией. — Конечно, в нем тесно и мало удобств, но с планеты на планету скакать можно. А потом... — И он замолчал.

— Что потом? — нетерпеливо сказала Прошка и хлопнула по говорящему кулону, который опять вредно пищал у нее на груди.

— Наверно, это пока тайна... но здесь ведь все свои... Папа говорил, что они в институте Гарантия Гарантьевича скоро откроют такое свойство космических пространств, что по ним будет можно проникать куда угодно за одну секунду. Без всяких Ковчегов...

— Ну, это отдельный вопрос, — нахмурился Титим. — Давайте не отвлекаться. Как все же быть с Искором?

— Решили ведь... — печально сказала Прошка.

— Да... — покивал дядюшка Брю. — А Ковчег... его все равно нельзя оставлять на планете, если в нем столько взрывчатки...

Когда проникли в Ковчег, Титим стал светить фонариком, а Гига нащупал конец кабеля и умело включил его в гнездо. Но не в прежнее, в другое. Гига и Титим знали все хитрости здешней кабельной проводки. Теперь энергия была во всем Ковчеге, кроме рубки с пультом. Ну и что? Все знали, что в Ковчеге есть еще несколько рубок — с пультами-дублерами. В одну из них ребята, дядюшка и Сирротина Маркеловна тут же и отправились.

Там Гига и Титим с полчаса колдовали над широченной клавиатурой. Потом объяснили:

— Мы запустили вечную автоматическую программу, Искор не сможет изменить ее. Ковчег будет бесконечное время лететь все прямо и прямо, только обитаемые планеты станут огибать. Для их безопасности...

Затем Гига надавил стартовую кнопку, и Ковчег бесшумно ушел в открытый космос.

Гига включил связь, а Титим сказал:

— Искор...

— Че надо? — отозвался тот. И появился на переговорном экране.

— Видишь, полетел, — проговорил Титим, глядя мимо экрана. — Хотел быть хозяином всего мира, вот и будешь... Сухарей и консервов здесь хватит на тыщу лет.

— Выпустите меня. Че я сделал?

— Вы, сударь, сделали три непростительные вещи, — сурово заявила Сирротина Маркеловна. — Вы хотели захватить всю звездную систему и угрожали ее жизни. Вы чуть не погубили маму мальчика Нотки. И вы чуть не сломали душу этого мальчика, потому что заставляли его стать предателем.

— А он и стал предателем. Он ведь выдал пароль, — злобно отозвался Искор с экрана.

— Неправда! Это он, чтобы перехитрить тебя! — крикнула Прошка.

— Ха-ха! — противным голосом сказал Искор. — Это он с перепугу.

Нотка вздрогнул.

После этого уже никто не колебался.

— Через сутки программа откроет твою рубку, и можешь гулять по всему Ковчегу, — сообщил Искору Гига. — Можешь даже смотреть телевизор по межзвездным каналам. Постарайся поймать фильм «Приключения Буратино». Очень полезное кино...

После этого все вернулись в помещение Ковчеха, которое можно назвать вестибюлем. Там был выход к люку. Там же был и вход в ангар катера-челнока. Титим нажал рычаг, двери разошлись.

— Давайте грузиться. А то, чем дальше улетим на Ковчеге, тем сложнее будет возвращаться...

Титим был прав. Челнок — не Ковчег, скорость у него поменьше, хотя тоже немалая...

Прошка посмотрела на дверь с фигуркой Буратино. Вздыхнула и сказала:

— Прощай, Искор...

— Идите на фиг, — послышалось из-за двери.

А Шарик сидел под дверью и смотрел то на нее, то на ребят. Непонимающе так. Кро-Кро взяли пса за лапы.

— Шарик, идем. Пора...

Но пес вырвался, уперся лапами в дверь и заскулил. Его попытались потянуть силой, но он вырвался опять.

— Он не пойдет, — грустно сказал Титим. — Он считает, что Искор его хозяин. Собакам все равно, какой их хозяин человек — хороший или плохой. Они любят просто так...

— Но ведь мы... тоже его друзья... Это мы его нашли, — уверенно возразила Прошка.

— Он выбрал, — печально подвел итог дядюшка Брю. И по-

гладил Шарика. И все его погладили. Он грустно посмотрел на каждого, но не двинулся от двери, даже прижался к ней.

— На посадку! — твердо скомандовал Титим.

В челноке (похожем на внутренность большого металлического яйца) Лёпа вдруг непривычно завздыхал:

— Жалко все-таки Шарика...

— Да, — согласилась Сирротина Маркеловна. — Он добрее и честнее того, с кем остался... Есть печальная легенда про собаку диктатора на одной очень далекой планете. Диктатор долго мучил там всех людей, случилось восстание, он бежал от народа и разбился в летательном аппарате. Его похоронили без всяких почестей. И осталась у диктатора собака. Она целыми днями лежала на его могиле, не хотела уходить, там ее и кормили. Потом она умерла от тоски. Ей поставили памятник, написали на нем: «Ты была лучше того, кого любила. Ты молодец»...

Все молчали. Некоторое время. И вдруг Нотка спросил горьким шепотом:

— А что же делать со мной?

— А что с тобой делать? — удивилась Прошка.

— Но я же... в самом деле предатель. Выдал шифр...

— Вот балда, какую чушь несешь... — проворчал Лёпа.

— Ты же для хитрости! — воскликнула Прошка.

— Вовсе не для хитрости, — честно выдохнул Нотка, потому что его Друг снова смотрел на него сквозь пространство. — Хитрость — это уже потом. А сперва я просто очень испугался. За маму...

Лёпа, который, в общем-то, был человек вовсе не чувствительный, вдруг засопел и выговорил незнакомым голосом:

— Ну чего ты... За маму ведь, а не за себя.

И Титим, который умел быть даже суровым, почему-то застеснялся и сердито заявил:

— Когда грозят маме, не выдержит никто. Нужна межпланетная Декларация, которая запрещает такие угрозы. Потому что они нарушают законы природы во всех пространствах.

— Про это я тоже помню старую легенду, — оживилась Сирротина Маркеловна. — На каком-то острове среди океана жило племя... Это еще на планете Земля... В этом племени жрецы рассказывали, как бог Туума-Тотти создал океан и сушу и хотел, чтобы там все было хорошо, но злой дух Гнума-

Гнюма похитил у бога Туума-Тотти маму и пригрозил бросить ее в жерло вулкана, если этот бог не согласится, чтобы, кроме добра, в природе существовало и зло. И тому пришлось согласиться. С той поры на планетах и поселились всякие несчастья и несправедливости...

— Это сказка. А у настоящего Бога не может быть мамы, — заспорил Лёпа. — Потому что Он первое всего на свете.

— А как же Богородица? — возразил Гига. — Она ведь мама Спасителя.

— Но ведь Спаситель — Он Бог-Сын, — не уступил Лёпа. — А самый первый — это Бог-отец.

— Бог-Отец, Бог-Сын и еще Бог-Святой Дух — они вместе один Бог, — вязалась в спор Прошка, которую дворцовый священник немало посвящал в сложности религии. — Значит, мама у Него все-таки есть...

Сирротина Маркеловна озадаченно поскребла подбородок и поправила очки без стекол.

— Это очень сложный философский вопрос... Но мне кажется, мама нужна даже Богу... — И она погладила по головам Крошку и Кролика, которые прижимались к ней с двух сторон.

Катер-челнок опустился в широкий раскоп, который остался на Большом Волдыре от Ковчега. Он там улегся, как яичко мелкой птахи в гнездо птицы Кастрюкомбы.

В это время у Прошки опять запищал кулон.

— Сил нет... — со стоном сказала принцесса. — Ну чего вам? Я же сказала, что...

— Ваше высочество! — Голос старшей фрейлины был такой, что услышали все окружающее. — Срочное сообщение! Ваша мама, ее высочество принцесса Лилиана Дзым-Лилейская, изволили вернуться с гастролей и волнуются: где вы?

— Мама! — Прошка подскочила. — Ребята, я побежала! До завтра!..

Но она была настоящий товарищ и тут же вспомнила:

— Нотка, бежим вместе, нам по пути!

На ближней от парка улице Прошка секретным придворным жестом остановила патрульный штрассенплан королевских драгун (на воздушной подушке). Рассерженный гоф-капитан высунулся из кабины:

— Скверная девчонка! Как ты смеешь отдавать такие команды!.. О, ваше высочество! Примите мои самые глубокие...

— Без лишних слов! Сначала доставим домой этого мальчика, а потом меня, во дворец!

Нотка жил недалеко. Дворец был дальше, но и там оказались через несколько минут.

— Ваше высочество. Надеюсь, вы мне простите мою невольную дерзость... — маялся опасениями гоф-капитан.

— Прошу, прошу... Скажите вашему гоф-полковнику, что я повелела записать вам благодарность в служебный лист...

На этом закончилась часть истории, которую Игорь рассказывал друзьям у колеса.

ТЁМА РОМЕЙКИН И АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

1

Сергея Владимировича Каховского во время последних событий не было в Преображенске. Три дня назад ему позвонили из Ковригина, городка на юге области. Работавшие там археологи сообщили, что на левом берегу речки Сымги опять ровным кругом повален лес. И что «конфигурация» может представлять для него, Сергея Владимировича, определенный интерес.

Каховский сразу вылетел в Ковригино на самолете местной линии...

Он вернулся в тот день, когда похоронили Тёму. Позвонил Корнейчу и узнал про все.

— Что же это делается на свете... — только и сказал он. И долго молчал.

— Поедешь к Олегу? — спросил Корнейч. — Мы там собираемся вечером. Возможно, с ночевой...

— Да, конечно...

Олег Петрович, как обещал, прислал автобус. На этот раз к дому Корнейча... И вот на квартире у Московкина, в пристрое детского дома, собрались командиры и ветераны «Эспадды» трех поколений. Сам Олег Московкин, музейный деятель и журналист Даниил Вострецов, капитан первого ранга Дмитрий Соломин, программист Даня Рафалов и демобилизованный морской пехотинец, а ныне студент Саня Денисов.

— Я звонил Андрюше Ткачуку, но он в Токио, — сказал Московкин. Впрочем, это и так все знали...

В пустоватой комнате с ребячьими фотографиями на блед-

ных обоях Московкин накинул на стол серую холщовую скатерть. Поставил тарелки с небогатой закуской и рюмки, стукнул бутылкой... Жены его дома не было. Она неделю назад уехала в Пермь: там у их с Олегом Петровичем сына Андрея «намечались крупномасштабные амурные ситуации».

— И хорошо, что уехала, — насупленно сказал Московкин. — Здешние события уложили бы ее в постель. Сердце у Кати стало, прямо скажем, не то, что раньше. Оно и понятно, не девочка уже... Ну, давайте, господа офицеры...

Никто не удивился такому обращению. Офицерами в военном понятии были не все, но все были офицерами «Эспадды». И к званию этому относились без усмешки.

Подошли к столу. Олег Петрович открутил на бутылке пробку...

— В память о мальчике Тёме, ребята. Давайте не чокайтесь...

Потом с минуту молчали. Сели наконец, тихонько зазвякали вилками.

— Я никак не мог приехать, — виновато сказал Каперанг. — Эти сволочи из округа натравили на меня трех подполковников с официальными полномочиями. Знаете, что они задумали? Оттяпать у базы часть территории и устроить там для себя зону отдыха. С сауной и прочими благами жизни... Какой-то их деятель недавно заглянул на станцию и положил на нее глаз...

— Уж не тот ли, что привез к нам Рыжика? — догадался Корнеич. — Очень такой бодрый и предупредительный...

— Возможно, — кивнул Каперанг. И вдруг изменился в лице. — Но я хотел не о том... Совсем не о том... — Он опять встал. — Я хотел сказать вот что. Пусть будут они прокляты. Те, кто убил мальчика...

Тихо-тихо стало у стола. За окнами перекликались ребячьи голоса, было еще совсем светло.

— Пусть будут они прокляты, — глухо повторил Соломин. — Все те, кто убил мальчика Тёму и кто обрекает на смерть тысячи и тысячи таких беспризорных мальчиков. И те, кто убил Сашу Медведева. Кто послал на гибель Кузнечика, двух моих матросов, Сережу и Витю... и многих других матросов... и кто вырывает, вырывает, вырывает из жизни множество таких ребят. Отправляет их в чеченскую мясорубку, доводит до самоубийства в казармах... Кто лишает мозгов кавказских девчонок, заставляя надевать пояса шахидов и взрывать себя в гущу неповинных людей... Кто плюет на чужие жизни,

кто захватывает и сжигает школы, кто убивает пулями, взрывчаткой, равнодушием, жадностью... Эти гады, они очень разные. Но они одинаковы в одном: они считают себя вправе губить наших детей. Поэтому пусть будут прокляты...

Соломин закашлял, глянул за окно, поднял и повертел рюмку. Сказал уже иначе:

— Но не будем пить за это. За проклятия не пьют. Выпьем за то, чтобы наконец понять: как искоренить этот гнусный сатанизм... — И рывком опрокинул в себя рюмку. Сел... Выпили и остальные. Хотя не знали, как искоренить...

— Вы поняли, что играл там, на кладбище, ведущий барабанщик? — спросил Кинтель.

— Рыжик? — поднял голову Корнеич.

— Нет, Рыжик уже после. Я про того, кто у церкви. Это был Мастер и Маргарита... Он выстукивал: «Заводы, вставайте... вставайте. Заводы, вставайте...». Это его любимая песня. После того, как ребята посмотрели старое кино, «Военную тайну»...

— Ничего не изменится, — сказал Олег Петрович. — Заводы вставали тысячу раз. И казалось, что будет справедливость, и пацаны складывали за нее головы, а была новая кровь. И у власти оказывались очередные гады... Чтобы изменить всепланетное озверение, нужно что-то совсем другое. Глобальное... Не знаю... Может быть, чтобы солнце засветило по-иному. Или чтобы сместилась земная ось. Или разом исчезла власть денег... Чтобы люди поняли — жить на нашем шарике можно только вместе. Нужна смена приоритетов... Я не знаю...

— Мне кажется, Александр Петрович Медведев знал, — вдруг сказал Салазкин. — По крайней мере, догадывался... Ну что вы так смотрите? Разве не ясно, почему за ним охотились? Он знал о возможности всепланетных мер. Именно о смене приоритетов... Об этом и в тетради его...

— Ты что, разобрался в записях? — спросил Корнеич таким тоном, будто Салазкину грозила опасность.

— Конечно, нет, — устало сказал тот. — Но кое-что улавливается. Возможность всеобщего изменения... Не верите? Вот... — И он вдруг широко перекрестился.

Это было неожиданно. Словно Салазкин явился друзьям в каком-то ином качестве. Как бы приподнялся над всеми и глянул своими зелеными глазами с высоких ступеней. Стало немного не по себе. Потом Корнеич слегка улыбнулся:

— Знаешь, Саня, мне пришло в голову... Из тебя, наверно,

получился бы хороший священник. Ты не думал? Это я без шутки...

Салазкин кивнул: знаю, мол, что без шутки.

— Нет. Я бы, может, и стал, если бы появилась единая церковь. А когда вокруг бога идут людские распри... не меньше, чем в политике... Лучше уж окунись в математику. Там больше истины, чем в религиозных диспутах...

Каперанг очень серьезно спросил:

— Вера не мешает науке?

Салазкин коротко посмеялся:

— Вера? Науке? А как она может помешать? Спросите великих ученых, они многие были верующими... Да, вспомнил вот. Читал в чьих-то воспоминаниях. Было это в двадцатых годах. Академик Павлов после службы вышел на церковное крыльцо, перекрестился, а неподалеку стоял молоденький красноармеец. Поглядел на великого ученого с бородой и вздохнул: «Какая темнота...»

Все разом засмеялись. С облегчением, словно ждали такой вот разрядки. Только Салазкин не засмеялся. Обвел всех глазами.

— Николая Александровича Козырева, перед тем как выпустить из лагеря, следователь госбезопасности спросил: «А в Бога вы верите?» — «Верую», — сказал Козырев. Человек, который уже тогда знал многие тайны звезд и времени... Кстати, Медведев занимался теми же проблемами, что и Козырев. Только в более практическом применении...

— То есть? — спросил Московкин. Едва ли он думал разобратся в сути, но ощущал нервный накал Салазкина и, видимо, хотел ослабить его.

— Козырева проблемы времени... то есть Времени с большой буквы... интересовали в масштабах вселенной. Время — как источник всеобщей энергии, горячее для звезд... Это я так, упрощенно, конечно... А Медведев рассматривал вопрос, как использовать энергию Времени в нашей человеческой жизни... Мы все живем в хронополе. Надо только научиться ощутить его, вступить с его струнами в резонанс, и вся энергия Времени станет твоей, навсегда. Она неограниченная и вечная...

— Очень уж похоже на фантастику... — нерешительно сказал Московкин. — При всем уважении к Саше...

— Похоже только со стороны, — запальчиво возразил Салазкин. — Кое-кто проник поглубже и понял, что дело пахнет керосином. То есть его ненужностью. Керосина этого... Ко-

гда энергия хронополя станет общедоступной, нефть сделает-ся ненужной...

— Ну и кому от этого плохо? — удивился Каперанг. — Неограниченность плаваний и полетов...

— Здравствуй! «Кому плохо!» — совсем по-ребячьи воскликнул Салазкин. — Владельцам скважин и перегонных заводов. Нефтепроводов. Бензозаправок... Плохо всем, кто наживается за счет добычи нефти и газа, за счет спекуляций. Плохо правительству, которые строят на этом свою политику. Нефть — мировая валюта. Без нее множество вещей и понятий лишаются смысла. И прежде всего исчезает колоссальная возможность обогащаться... Люди добрые, подумайте! Разве международная мафия, которая вертит властями разных стран и стравливает народы в войнах, допустит такое? Они доберутся до автора идеи, будь он даже на Марсе, а не в Мексике...

— М-да... Ну, давайте за торжество Сашиной идеи, — сказал Московкин. Стал разливать.

— Я понимаю, что мой рассказ кажется сюжетом из серии «Звездные загадки», — обиженно проговорил Салазкин. — Только...

— Не кажется, — перебил его Каховский. — Мне, по крайней мере, не кажется. Многое здесь переплелось так, что похоже на правду... Кстати, сейчас покажу одну вещь... — Он обернулся, ухватил стоявший на полу кейс, достал большой фотоснимок. — Вот. Вид с вертолета...

На снимке была щетинистая поверхность, а на ней рельефный круг размером с блюдце. От него тянулся слегка искривленный отросток.

— Тот самый поваленный непонятными силами лес, — с ноткой озабоченности объяснил Каховский. — Похоже на известные круги пшеничных полей, только масштабнее... И вот еще. Раньше бывало, что от кругов тоже отходили разные линии, соединялись, пересекались. Но они были прямые. А эта с изгибом. Похоже на Сашин символ — колесико с завитком, не правда ли?.. Я понимаю, это просто совпадение, но уж очень какое-то... как говорится, в жилу...

— Елки-палки, — восхищенно сказал Кинтель. — Салазкин, смотри.

— Очень даже смотрю, — кивнул тот.

— И вот что знаменательно, — продолжал Каховский. — После расчетов и предварительной расшифровки у этого объекта опять же выявляются свойства календаря. Причем кален-

даря, излучающего какую-то энергию... По крайней мере, вертолет над этой вот фигурой каждый раз начинал выть с удвоенной силой...

— Обалдеть, — сказал Корнейч. — Сережа, подари эту фотографию для музея.

— Подарю... И не эту, а покрупнее. Мы их там нашлепали немало, даже для экипажа вертолета. Командир провел над снимком ладонью и говорит: «От него будто ветер...» Другие, правда, не ощущали, а он все равно: «Это вроде как тот ветер, который бил с земли по лопастям...»

— Ветер времени, да? — спросил Кинтель. То ли у Каховского, то ли у Салазкина.

— Или... время ветра... — будто издали сказал Московкин. — Ребята... я вот что подумал. Тёмины стихи... Может, это не просто детский талант, а прозрение? Помните?

Все плохое когда-нибудь кончается.
Время ветра жмет на паруса. .

— Еще бы... — сказал Салазкин.

— Кстати... Дания, ты ведь, наверно, будешь писать про это дело? — встряхнулся Олег Петрович.

— Само собой, — хмыкнул Корнейч. — Начал уже.

— Тогда, может быть, вставишь в статью это стихотворение? Все-таки будет память о мальчике. Или... я сейчас подумал... есть в газетах страницы детского творчества. Что, если там напечатать несколько Тёминых стихов? У него их около десятка. И рисунки... Все это в старой, чужой, видимо, тетрадке. На оборотах исписанных страниц.

— Покажи, — быстро сказал Корнейч. Он ни о чем *таком* еще не подумал, но странно дернулись нервы.

Московкин выбрался из-за стола, подошел к подоконнику. Пошевелил на нем газеты, взял из-под них толстую тетрадку в покоробленных черных корочках. Протянул Корнейчу. Рядом оказался Салазкин, перехватил тетрадь, рывком развернул.

— Святое небо...

2

— Значит, не было никаких похитителей, — сказал Корнейч, когда тетрадь рассмотрели со всех сторон. — Обыкновенные жулики. Украли кейс в надежде, что там деньги... Скорее всего, беспризорики...

— Возможно, тот же Тёмка. — вздохнул Кинтель. — А что? Если жизнь такая...

— Едва ли, — возразил Московкин. — Тёма был слишком смиренный. И вообще... не такой... Скорее всего, тетрадь выбросили, а он подобрал, чтобы писать...

Салазкин медленно проговорил:

— Только за то, что он сберег ее, мы должны молиться за него всю жизнь... — Он погладил тетрадку и развернул ее снова. Наугад. От россыпи непонятных слов и формул на сероватых страницах зарябило в глазах.

— Разберешься? — шепотом спросил Кинтель.

— Когда-нибудь. Может быть, через годы, — тоже совсем тихо ответил Салазкин. — Это ведь... скорее всего расшифровка *того понятия*. Которое скрыто в том значке — колесо и маленький парус над ним... Смотрите, здесь в записях значка нет, но он нарисован в начале...

И в самом деле, на внутренней стороне мятой корочки был карандашом изображен всем знакомый символ: колесико со спицами, а над ним что-то вроде острого крылышка.

— Помните, в первой тетради этот значок то и дело стоит в записях, — уже громче и возбужденнее заговорил Салазкин. — Он как бы заявляет: излагаемые здесь законы и действия возможны только при условиях, зашифрованных этим значком. Видимо, очень сложные условия, раз на их расшифровку ушла еще одна тетрадь... Впрочем, это пока догадки... Но... Олег Петрович, у вас есть ксерокс? Это нельзя оставлять в одном экземпляре...

— Слава богу, есть. Андрюша Ткачук подарил недавно, чтобы мы выпускали газету... Пошли, ребята.

И все двинулись через двор (теперь уже опустевший) к основному корпусу детдома. Было ощущение, словно попали внутрь какой-то загадочной книжки.

В полутемном коридоре Московкин отомкнул обшарпанную дверь, за ней оказалась комнатка с детскими рисунками на стенах, с полками, где белели рулоны ватмана и пестрели картонные коробки. Пахло старой бумагой и красками. Московкин щелкнул выключателем, хотя на рисунках еще лежали рыжие пятнышки закатного солнца. Впрочем, Салазкин тут же задернул плотную штору. Улыбнулся виновато:

— На всякий случай...

Ксерокс располагался на обширном, как верстак, столе.

Недовольно загудел, когда включили. Московкин достал пачку бумаги, взял у Салазкина тетрадь.

— Давайте, я займусь. Эта машина требует особого подхода... Можно делать разворот на один лист?

— Можно, — кивнул Салазкин. — Лишь бы четкость везде была...

— Будет четкость... А Тёмины стихи и рисунки я потом, отдельно...

— Нет, Олег Петрович, — быстро сказал Салазкин. — Давайте все подряд, как есть... Может, я малость чокнутый, но... мне чудится какая-то взаимосвязь. Ну, не случайно все это, поверьте мне. Медведев, тетрадь, Тёма, его стихи на обороте формул... Все в одном... Конечно, можно сказать, что бред, но... пусть.

— Лучше бред, чем недоверие, — не совсем понятно высказался Корнейч. — Олег, давай...

Московкин начал печатать. Салазкин нетерпеливо складывал в стопку готовые листы. Кинтель стоял у него за спиной. Каперанг и Каховский присели на расшатанные стулья. Кинтель, разглядывая отпечатки, сказал:

— Похоже, что Медведев никогда не работал на компьютере. Все от руки...

— На компьютере он считал иногда, — отозвался Салазкин. — А в основном... Если что-то доверишь компьютеру, значит, это ушло на сторону. Уже не только твое. Риск... Да и нет программ с такой символикой, с такими категориями. По крайней мере, я не слышал...

Каперанг Соломин, обводя глазами детские картинки с кораблями, звездолетами, колокольнями и разноцветными котами, сказал с досадливым сомнением:

— Ладно, хорошо все это... Но я не понимаю. Как простая смена источников энергии может изменить жизнь планеты?

— Да вы подумайте, — резко обернулся Кинтель. — Вместо громадного ядерного реактора крохотный кристаллик со струтмом хронопоя...

— Или колесико, как на шее у Рыжика, — улыбнулся Корнейч. — Мне все время вспоминается почему-то это колесико. И кажется: вот возьмешь такое двумя пальцами за ось, и оно вдруг начинает вертеться. И вокруг зажигаются фонари, и по всей земле начинают работать моторы...

Салазкин обернулся так же, как Кинтель. Резко блеснул зелеными глазами.

— Люди наконец поймут, что нет смысла грызть друг другу глотки. Что гораздо лучше строить, сочинять музыку, писать сказки, путешествовать... Все, что раньше покупалось за деньги, даст энергию Времени...

— Но ведь энергию эту... то колесико, о котором сказал Даня... можно будет вставить и в танки, — сказал Каперанг. — И в двигатели субмарин...

— Но зачем? — дернул головой Салазкин. — Зачем людям воевать, если *всего* хватит на *всех*?

— Хотя бы ради власти, — жестко сказал Каперанг. — Ее никогда не хватит на всех. И всегда найдутся люди, которые захотят командовать другими. И те, которые не захотят, чтобы ими командовали. Нефть и деньги здесь ни при чем...

Всем показалось, что Салазкин вспыхнет, заспорит пуще прежнего. Но он опустил плечи и ответил тихо:

— Я знаю... Александр Петрович говорил про это. Но он говорил и вот что... Энергия Времени — чистая энергия. Она не может быть обращена во зло. Этим-то она и отличается от других энергий... Может быть, ее и не удалось пока высвободить потому, что столько людей ненавидят друг друга...

Московкин протянул Салазкину еще один отпечатанный лист и грустно спросил:

— Тогда где же выход, Саня?

— Выход... — Салазкин ссутулился и стал заново переключать листы. — Ответ давно всем известен. Такой простой, что над ним все смеются... Выход в любви. Она тоже источник энергии. Об этом пишут, например, исследователи тибетских древностей. Те, кто открывает тайны Шамбалы... Речь не про ту любовь, что дамских сериалах, а про общую привязанность людей друг к другу. Когда она греет каждого...

— Да... знать бы, как этого достичь... — проговорил Каперанг очень осторожно. Видимо, боялся обидеть Салазкина. Тот оглянулся опять.

— Я не хотел говорить об этом. Потому что... одно дело, если за сумасшедшего примут меня. За этакое мальчишка-фантаста. А другое... когда ученого Медведева... Ну, ладно, я объясню. Про это он тоже говорил мне... В том-то и дело, что получается замкнутое кольцо. Без добрых отношений на всей планете не станет действовать чистая энергия Времени. Без действия этой энергии нельзя ничего поправить на Земле... Но какие-то выбросы двух энергий есть и сейчас. Времени и Любви... И есть возможность их синтеза, нарастания, перехо-

да в новое качество. Об этом и записи в тетради... Это уже не математика, не физика в их чистом виде, не философия даже. И не просто теория хронополья... Это... ну, что-то совсем другое. Может быть, то, что было известно другим цивилизациям, которые теперь забыты...

— И то, что смутно сочится сквозь информацию календарей... — вставил Каховский. — Да, как ни фантастично, а *что-то в этом есть*... В конце концов, не стал бы Саша Медведев заниматься сказками...

— Салазкин, а ты разберешься в этом один? — мягко сказал Корнейч. — Сам, без помощников?

Тот глянул удивленно:

— Я не собираюсь сам. Здесь, возможно, понадобятся целые институты. А один я хочу только сначала. Чтобы проникнуть хоть в первый слой. Чтобы потом никто не смог присвоить все это и обратить во зло...

— Логично, — кивнул Каперанг. А Московкин протянул Салазкину последний лист:

— Готово... А теперь я хочу еще отдельно Тёмины страницы... Все же удивительный талант был у мальчонки. Почему таких не бережет природа?.. Вот, послушайте...

Я лежу, а он надо мной с высоты
Говорит сердитую речь.
Ну, чего они лезут, эти менты,
Мне же негде больше прилечь.

У вокзальных окон стеклянный оскал,
И все не мое вокруг.
У бродячей кошки в глазах тоска,
И куда-то девался мой друг.

«Окон стеклянный оскал...» Этому и взрослый поэт мог бы позавидовать... А вот еще...

У меня, когда я был маленький,
Были пластмассовый паровоз.
Бегал вдоль избы по завалинке,
И его обнюхивал пес.

Было имя у пса смешное — Башмак,
Он с косматой был головой.
А паровоз не звали никак,
Только он все равно как живой...

Теперь все подошли, встали у Олега Петровича и Салазкина за спиной. Салазкин закрыл руками лицо, протер щеки. Спросил из-под ладоней:

— А кто он, откуда? Что про него известно?

— Один из нескольких миллионов... — сказал Корнейч. — Тех, что на вокзалах и под заборами.

— Я про него мало знаю, — отозвался Московкин. — Тёма Ромейкин, одиннадцати лет. Жил с матерью и отчимом, оба спивались. Мать погибла, съела какую-то колбасу со свалки, и вот... Отчима посадили по обвинению в воровстве. Жил какое-то время у двоюродной бабки в деревне, но та совсем одряхлела. Мальчика — в интернат... Всякие интернаты есть, он попал в такой, где воспитатели — сволочи, казарма и дедовщина. Он учился там в четвертом классе, но не выдержал, сбежал. Говорил, что с беспризорниками жилось не так уж плохо, не обижали. И даже появился хороший друг, Вася Ростовцев по прозвищу Орех... Однажды была облава, их забрали на вокзале, сунули в детприемник. Потом Тёму в прежний интернат, а Ореха в какой-то другой... Тёма-то слинял на третий день, а друга так нигде и не нашел... А вскоре стало сдавать сердце. Так, что приятели притащили его к нам, услышали где-то, что здесь не как в интернате... А вот, смотрите, портрет друга...

Во всю клетчатую страницу было нарисовано шариковой ручкой треугольное большеглазое лицо с круглыми ушами и частыми кудряшками, с широким, от щеки до щеки, улыбкастым ртом... А дальше были еще рисунки. Худая печальная кошка — она смотрит на тощего мышонка и, видимо, далека от мысли, чтобы съесть его (оба беспризорные); кораблик с парусами, скользящий, как по гребням волн, по крышам домов. Паровозик среди травы (возможно, тот, из стихов); корова и мальчик, который скармливает ей лопух (у коровы умная морда, а мальчик похож на того, что на портрете)...

— Олег, сделай мне комплект всех оттисков, стихи и картинки, — попросил Корнейч и встретился взглядом с Салазкиным. У того в зелени глаз был влажный блеск. — Сделай, я пробью это в газету «Поколение», на страницу «Школьные годы». Вместе с рассказом о Тёме... Да и пробивать не надо, сразу ухватятся...

Олег сделал.

Каховский отошел к стене, там из-за пыльного листа картона торчал гриф гитары. Сергей Владимирович вытащил гитару, попробовал струны, подкрутил.

— Смотри-ка, вполне пригодный инструмент...
 — Да, ребята иногда развлекаются.
 — Может, вспомним былое? — Каховский обвел глазами друзей.

— Пожалуй, — сказал Корнейч. — А то что-то много в последние дни... кладбищенского... Жить-то надо. Хотя бы на зло врагам...

Каховский сел у стены, тронул струны, послушал.

— Подождите. Может, принести бутылку? — напомнил Кинтель.

— Успеется, — сказал Каперанг. — Сережа, давай...

— Да... Это Медведевых песня, Саши и Кузнечика. Может, не в настроение, но... — Каховский взял звонкий аккорд. Одна из самых старых «эспадовских» песен ударила словно желтым клинком по черным сталактитам горечей и печалей:

Там, где у цветов головки
 Лепестками ветру машут,
 Маленький кузнечик Вовка
 Жил да был среди ромашек...

И так, куплет за куплетом, разгоняя сумерки, превращая усталых людей в мальчишек с натертыми бегучим такелажем ладонями, песня подвела их к давно известным, но неоспоримым строчкам:

Чтоб врагам
 хвалиться было нечем,
 Не беги
 назад от них
 ни шага.
 Даже если ты кузнечик,
 У тебя
 должна быть
 шпага.

Третья часть

МЫС ДРАКУЭЛЬ

ОПРИХОДОВАННЫЕ ЗНАМЕНА

1

Закрытие гонок было скромным, даже без барабанного марша. Барабаны после поездки в Октябрьское лежали в штабе на Профсоюзной, их в спешке и суете забыли привезти на базу, а когда спохватились, оказалось, что у Кинтеля заглохла машина. Поэтому вручали награды и спускали флаги просто под аплодисменты...

Словко не сумел сделаться чемпионом гонок. Он добился лишь второго места. А первое, как и в прошлом году, завоевал Кирилл Инаков. Ну и ладно! Досадно, конечно (всего-то двух очков не хватило!), однако не причина для траура. Тем более кто хватает других забот...

Да, сложная эта штука — наша жизнь. Уйдет какая-нибудь тревога — появляются другие.

Например, одна из долгих и грызущих душу тревог — «Кем я буду?» — недавно разрешилась после разговоров с Салазкин. Оказывается, у него, у Словко, есть кое-какие способности для осознания пространственных загадок и «пролезания» в хитрости энергетических и всяких прочих полей. По крайней мере, Словко — если не умом, то нутром — понял правоту Салазкина, когда тот объяснял: всяческие законы развития мира и небывалые явления возможны во вселенной, только для них нужны соответствующие условия. Для одних — такие, для других — иные. Как для рыбы вода, а для песчаной ящерицы жаркая пустыня. И хронополе может в полную силу проявить себя, если выявить для этого нужные закономерности... Чтобы разобраться в таких делах, надо изучить столько всего, что страшно представить. Но Салазкин сказал, что у него, у Словко, есть к подобным проблемам явные склонности, а Салазкину можно верить (особенно когда очень хочется). А времени впереди — целая жизнь...

Но от всех беспокойств никогда не избавишься. Вот и сейчас... Во-первых, почему не пишет и не отвечает на звонки Жек? (Уехал куда-нибудь отдыхать с родителями? Но как он мог не сообщить!) А еще не давало покоя тревога за отряд.

Что-то шло в нем не так. На первый взгляд все нормально (если не считать стычек Аиды с Корнеичем, но это дело обычное). Однако Словко слишком долго был (жил!) в «Эспаде», чтобы не заметить внутреннего разлада.

А родители слишком хорошо знали сына, чтобы не увидеть его «тоски и тревоги». Словко лежал на диване — нечесаная голова на середине мятой постели, длинные кофейные ноги задраны на полку с морскими словарями. Обычная поза, когда в жизни что-то не ладится.

Отец встал в дверях, поглядел полминуты и сказал через плечо:

— Мать, наследник чего-то мается. Может, страдает из-за спортивных неудач?

— Тьфу, — сказал Словко.

Мама тут же вошла и села на край дивана.

— Небось рифма никак не отыщется?

— Ну какая рифма! Я же говорил, что завязал! После Тёмкиных-то стихов...

Мама глазами задала еще один вопрос. Про то, о чем вслух не спрашивают (считалось, что мама про *такое* и не знает). На словах вопрос звучал бы так: «Может быть, она стала слишком внимательно смотреть на кого-то из других мальчишек?» Но с этим, слава богу, все пока было в порядке. И Словко нейтрально поглядел на свои торчащие у словарей ступни.

Однако он не привык таить свои тревоги от родителей. Выложил их и сейчас. И про Жека, и про отряд («Будто что-то надтреснуло у нас...»). Его, как могли, успокоили. В Калининграде недавно были сильные штормы, пообрывало небось телефонные провода. Все скоро наладится. А насчет отряда мама сказала:

— За тридцать с лишним лет в «Эспаде» не раз бывали смутные времена. Это же как живой человек. У всякого человека время от времени случаются недуги...

— Чтобы лечить недуг, надо знать диагноз, — насупленно возразил умный сын. — И выбрать лекарство. Аспирин или клизму...

— Не обязательно. Чаще организм справляется сам...

Маме — ветерану отряда — можно было верить. Словко

слегка отмяк. Папа, успокоенный тем, что депрессия у сына не слишком сильная, ускользнул к вожделенному компьютеру. Мама посидела рядом, перебрала в пальцах Словкины раскиданные по одеялу космы.

— Поедете в лагерь, там все наладится...

— Может быть... — неуверенно согласился Словко.

Ничего не наладилось. На следующее утро, когда собрался совет флотилии, чтобы обсудить лагерные вопросы, Аида закатила истерику (вот тебе и психолог со всякими тренингами!). Она при всех слезливо орала на Корнеича: как он смел дать в газету *такую* статью!

Статья была напечатана сегодня утром в газете «Титулярный Советник» и называлась «Парус Тёмы Ромейкина». Сейчас вырезка висела в коридоре, на щите с отрядными явлениями. Корнеич в газете рассказал Тёмину историю, поместил там его стихи о «времени ветра» и, конечно, от души вломил тем, кто отключил в тот злополучный день электричество. И всем, кто равнодушием своим и жадностью губит нынешних мальчишек и девчонок. «Сытые, скарედные, очумелые от своего бизнеса, да будут они прокляты!...»

— Как?! Какое право ты имел это написать?!

— Выпейте валерьянки, Аида Матвеевна, — сказал Корнеич. А Кингель спросил:

— Разве в статье что-то неправильное? Может, с мальчиком все было не так? — Лицо его побледнело и затвердело.

— Я не про мальчика! Я про барабанщиков! Кто дал право писать, что они не будут играть на открытии конференции! Как теперь они выйдут на сцену?!

— А разве они выйдут? — сказал Корнеич. — Они же решили, что не пойдут.

— Мало ли, что они решили! Это ваше дурацкое влияние! Они не смеют отказываться! Есть отрядная дисциплина.

— Они барабанщики «Эспад». А не концертная бригада, — сказал Словко.

— А ты помолчи!

— А чего это я должен молчать! Я член совета!

— Друзья мои, — академическим тоном, даже слегка величественно произнес Феликс Борисович Толкунов (его очки доброжелательно поблескивали). — Мы должны сохранять согласие. Впереди столько ответственных дел... Даниил Кор-

неевич, следует убедить детей... я имею в виду наших славных барабанщиков, что они в данном случае не правы. Они нанесут большой ущерб нашему клу... нашей флотилии, если откажутся. Мы провели очень большую предварительную работу перед конференцией, установили немало позитивных связей...

— «Вышли на...» — вставил Кинтель.

— Вышли на ряд лиц, которые могут быть полезны нашей организации...

— И вашей диссертации, — сказал Кинтель.

Толкунов уперся в него долгим укоровидным взглядом, затем продолжил:

— Вы должны указать барабанщикам на несостоятельность их по-детски эмоционального решения. Субъективно объяснимого, но объективно вредного...

Корнеич смотрел на него со спокойным любопытством. Возможно, думал: «Где ты так научился? Ведь был когда-то комиссаром коммунарского отряда с непреклонными законами...»

— ...Я полагаю, Даниил Корнеевич, вы должным образом повлияете на этих мальчиков, — закончил Феликс Борисович.

— И девочек, — сказал Кирилл Инаков.

— И девочек, — охотно согласился Толкунов.

— Интересно, как это я должен влиять? — скучным голосом спросил Корнеич. — Я не обладаю психологическими талантами Аиды Матвеевны. У меня нет способностей к внушению, тренингам, зомбированию...

— При чем здесь зомбирование! — взвизгнула Аида.

— Впрочем, барабанщики едва ли поддались бы всяким внушениям. Не те люди, — подвел итог Корнеич.

— При чем здесь внушение! — уже спокойнее заявила Аида. — Вы можете им просто приказать!

— А почему я? — улыбнулся Корнеич. — Пусть прикажет Феликс Борисович или вы. Так сказать, официальное начальство.

— Потому что они слушают только вас!

Корнеич улыбнулся опять (Словко смотрел на него с удовольствием).

— Они не послушают и меня... Аида Матвеевна. Когда вы были еще первоклассницей-отличницей в белом фартучке и с большими капроновыми бантами, в «Эспаде» было принято решение, что группа барабанщиков — особая организация.

С автономными правилами. Решения, которые они принимают насчет своих дел, отменить нельзя. И нельзя заставить выполнить приказ, который считают неразумным. Так же, как, например, нельзя командира судна заставить выйти на воду, если он полагает, что яхта не готова, а экипаж неопытен... Извините за прописные истины.

— Барабаны не яхты, — заявила Аида. — Глупо сравнивать.

— Ничуть не глупо, — сказал Кирилл Инаков.

Аида уперлась ладонями в стол. Отдула от лица обвисшую прядь.

— Завтра у них выступление. Сегодня вечером — репетиция. И они должны сделать выбор: или они барабанят на конференции, или... не поедут в лагерь.

— Ва! Вот они испугаются-то! — подал голос флаг-капитан Равиль Сегаев.

— Интересно, кто это решил? — очень ровным тоном спросил Корнеич.

— Я!.. То есть мы с Феликсом Борисовичем! Как руководители, утвержденные объединением «Солнечный круг»!

— Это должен решать совет! — вмешался Кинтель. — Это дело отряда, а не вашего чиновничьего «Круга»!

— И... прекрасно, — неожиданно согласилась Аида. — Совет так совет. Давайте голосовать.

«Она что, рехнулась? — мелькнуло у Словко. — На что она надеется?»

Она не рехнулась. Она была все-таки психолог. Это Словко не рассчитал...

Советы в «Эспаде» были разные. Все вопросы, которые касались корабельных дел, плаваний, состава экипажей, организации гонок решал совет командиров яхт вместе с инструкторами по морскому делу. Толкуновы туда и не совались (и там бы им не на что было рассчитывать). А в Общий совет, который ведал повседневной жизнью отряда, входили капитаны «Эспады» и все инструкторы. Здесь принимали новичков, «мылили шею» провинившимся, присваивали звания и утверждали планы разных дел: походов и поездок, занятий в лагере, съемок очередного фильма, выпусков газет и альманаха... Порой между двумя советами возникала неразбериха, тогда они собирались вместе. А если возникал какой-то очень важный вопрос, его решал общий сбор...

Сейчас был здесь «сухопутный» совет. Да, конечно, Корнеич и Кинтель, Словко и Кирилл, Равиль и Ольга Шагалова...

Но и... Аида с Феликсом, и Аллочка Смутина (руководитель пресс-центра), и девятиклассница Вероника Губавина, которая по причине слабого здоровья и чрезмерного веса не ходила на яхтах, зато ведала хозяйственными делами на всяких праздниках, постановках, отвечала за шитье театральных костюмов и... готовность парусов (тоже считалась инструктором). Именно она была ярой сторонницей, чтобы паруса шились в мастерских, а не в отряде. В общем, полностью Аидин кадр, как и Аллочка... А еще был капитан Шурик Завьялов — командир «Хоббита». По правде говоря, странный человек. Скуднова-тый какой-то. Словко никогда не мог понять его. Шурик ни с кем не спорил, ни с кем вроде бы не дружил, аккуратно делал все дела, занимал средние места на гонках и, кажется, был этим доволен. Правда, в одном он был хорош — когда строили яхты, лучше многих работал инструментами, ловко вычерчивал детали обшивки, умело соединял части набора. За это его ценили, за это и дали весной звание капитана...

— ...Совет так совет. Давайте голосовать, — сказала Аида. — Как ставим вопрос?

Постановка была ясна. Если мятежные барабанщики завтра не выступят на открытии конференции, их не возьмут в лагерь, на встречу отрядов из разных городов, которую второй год организует «Эспада» (и которая называется «Лето у костра»).

— Кто за такое решение? — бесцветным голосом спросила Аида. Подняла пухлую ладонь и стала смотреть поверх голов.

Почти все можно было предугадать. Словко не удивился даже, когда руку поднял Завьялов. Но Шагалова-то!..

Ольга Шагалова, которая плакала, когда сжигали «Тома Сойера», которая возилась с пришедшим из ночного леса Рыжиком, которая... она ведь раньше тоже была барабанщиком! Да, видать, хорошо поработала Аида на своих тренингах, на занятиях типа «Повышение уровня толерантности в рамках сложившегося детского социума»...

И получилось, что против барабанщиков шестеро, а за — всего пятеро.

Словко глянул Шагаловой в лицо. Та не отвела глаз, только порозовела. И проговорила деревянным голосом:

— А потому что нельзя идти против общих интересов...

— А против совести можно? — спросил Словко.

— Капитан Словцкий, — сказал Корнейч.

Да, конечно, Словко нарушил правила. Не полагалось на

совете обсуждать, кто, как и почему проголосовал. И тем более упрекать. Каждый имеет право на свое мнение.

Со всевозможной вежливостью Словко произнес:

— Извини, Шагалова.

А Кинтель вдруг спохватился:

— Да мы же сделали явную чушь! Как можно голосовать про тех, кого тут нет? Даже не выслушать их!

Корнейч тряхнул головой:

— В самом деле! Аида Матвеевна совсем нас загипнотизировала. Позабыли об элементарном...

— Это ненужная формальность, — заявила Аида. — Она ничего не изменит.

Феликс Борисович мягко возразил супруге:

— И все-таки коллеги правы, формальности следует соблюдать. Чтобы избежать нареканий. Тем более что вопрос непростой, придется объясняться и с родителями...

Кинтель сказал:

— Сейчас позвоню Нессоновым, они соберут остальных. На это уйдет минут сорок. Ну, час...

Аида величественно качнула нерасчесанной головой:

— Прекрасно. А мы пока обсудим вопросы пребывания в лагере.

Кинтель отошел в дальний угол кают-компании, к телефону, и что-то негромко говорил в трубку. Аида же казенным голосом принялась читать «Положение о проведении операции «Лето у костра»:

— ...Данная операция проводится на базе пансионата «Ветеран» и финансируется рядом организаций и спонсоров, в том числе Областным департаментом по делам молодежи, фирмой «Преображенское дерево» и «Дорцветмет», а также...

...Задачей данного слета является оздоровление детей, проведение мероприятий, способствующих духовному и эстетическому развитию, расширению информационной сферы, воспитанию патриотизма, наращиванию навыков...

...Конкретные задачи: организация форума по обмену опытом деятельности разновозрастных внешкольных объединений, проведение различных соревнований и конкурсов между отрядами разных городов, выпуски газет, отражающих работу слета, съемка игрового телефильма силами творческих групп данных отрядов... — Аида подняла глаза от бумаг. — Поскольку Игорь Нессонов не справился с написанием сценария, мы договорились снимать картину по рассказу Владика Коню-

шенко из Костромы. С ними, кстати, приедет оператор, стажер городской телестудии со своей камерой. Так что камер будет две, причем одна — профессиональная.

— Это похоже на паруса, сшитые в мастерской, — вставил Корнеич. — Пригласите еще Чулпан Хаматову и Олега Меньшикова на главные роли. *Выйдите на Березовского*, он профинансирует...

— Мы рассмотрим это предложение, — парировала Аида. — Можно читать дальше?

Корнеич благосклонно кивнул: можно.

— ...В операции принимают участие детские отряды и объединения разного профиля, с которыми «Эспада» поддерживает творческие связи. Пресс-центр «Стрела» из Москвы, военно-патриотический дивизион «Гаубица» из Гладилинска, многопрофильная творческая студия «Радуга» из Костромы, отряд «Юнги бригантины» из Ново-Каменска...

— Это у которых бумажные гюйсы? — лениво уточнил Кирилл Инаков.

— Я не знаю, какие у них гюйсы... — отозвалась Аида.

«Ты не знаешь даже, что это такое», — подумал Словко. Аида сняла с шерстяной кофты крошку от булочки, которую скушала перед советом, и продолжила:

— ...Отряд «Рыцари» из Томска, экипаж «Синяя легенда» из Симферополя, «Орлята» из Обнинска и группа «Гусиное перо» из Ново-Талицы... Учитывая масштабность операции и разнообразие мероприятий, можно предположить, что в их результате, а также в результате неформального общения между детьми — представителями разных городов — возникнут новые и укрепятся старые товарищеские связи, которые станут способствовать дальнейшему творческому сотрудничеству и сближению данных организаций...

— О великий и могучий русский язык... — вздохнул Кинтель.

— Это методический документ, а не «Герой нашего времени», — отрезала Аида. — Есть замечания по существу?

Замечаний по существу методического документа не было. «Да и не все ли равно теперь...» — подумал Словко.

— Тогда кто за то, чтобы принять его за основу? — спросила Аида, скушала еще одну крошку и обвела всех глазами. «За» проголосовали все.

В этот момент появились Нессоновы, Рыжик и Полинка Верховская.

— Что случилось? — с порога сказал Игорь.

— Скандал, — прямо разъяснил Кинтель. — У большинства совета претензии к барабанщикам.

— Из-за статьи, что ли? — сразу догадался Игорь. — Ее сейчас по радио читали.

— Не из-за статьи, а из-за вас... — начала внушать Аида, но Корнеич сказал:

— Аида Матвеевна, давайте дождемся всех.

Долго ждать не пришлось. Появился Мастер и Маргарита, за ним сразу Ваня Лавочкин (Мультик). Через две минуты — Сережка Гольденбаум и Леша Янов. Они вставали у дверей, постепенно образовывая шеренгу. Смотрели вопросительно, однако без тревоги. Они, видимо, уже понимали, о чем пойдет речь, и знали, что будут стоять на своем. За ними было их решение.

— Ребята, — бархатисто начала Аида. Тем голосом, которым вела «психологические занятия». — Произошла досадная ошибка, которую мы общими усилиями можем еще исправить. Вы ведь знаете, что интересы «Эспады» для нас дороже всего. И мы не должны...

— Короче, так, — прервал ее Корнеич. — Вы приняли решение не приветствовать конференцию. Причина известна. Аида Матвеевна и Феликс Борисович заявили, что в этом случае вас не возьмут в лагерь. Они у нас главное, штатное начальство. За это проголосовали и члены совета: Смугина, Завьялов, Губавина, Шагалова. То есть большинство. Дело обстоит таким образом: вы или барабаните пятнадцатого на открытии конференции, или вместо лагеря сидите в городе. Постановка вопроса ясна?

— Уж куда яснее, — сразу сказал Игорь. Сделал вперед полшага, оглядел семерых. Те слегка улыбались. Почти одинаково. Они знали друг друга. Только Полинка Верховская не улыбалась, глаза были распахнуты. Рыжик переглянулся со Словко: «А ты? Поедешь?» — «Да ты что!» — глазами ответил Словко, и, видимо, в душе у Рыжика наступило полное спокойствие.

Игорь Нессонов, человек с немалым литературным опытом, то есть умеющий строить фразы, проговорил тоном телеведущего:

— Аида Матвеевна. Сама постановка вопроса оскорбительна для нас. Я думаю, вы должны не настаивать на своем, а

извиниться перед барабанщиками. И больше никогда не заставлять нас делать то, что мы считаем неправильным.

— Какая наглость, — величественно произнесла Аида.

— С чьей стороны? — осведомился Игорь.

— Мальчишка! — совсем не академически воскликнул Толкунов.

— Феликс Борисович... — сказал Корнейч.

Полинка вдруг заплакала.

— Ты что, Полиночка? — нагнулась к ней Ксения. — Ну его этот лагерь, зато мы вместе...

— Я не из-за лагеря, — всхлинула она. — А потому, что несправедливо... Мы из-за Тёмы, а они...

— У вас еще есть возможность пересмотреть решение, — заявила Аида.

— Ага, сейчас, — отозвался Мастер и Маргарита, и его нестерпимо рыжие волосы в свете яркого окна полыхнули, как флаг на мачте.

— Обдумайте все-таки, — вдруг похожим на Аидин голосом предложила Ольга Шагалова. — До конца совета еще есть время.

— Обязательно обдумаем, — пообещала Ксения. — И дадим письменный ответ, Мультик нарисует. Большую дулю.

— Между прочим, я ухожу из твоего экипажа, Шагалова, — сказал Мультик, Ваня Лавочкин.

— Подумаешь, — надменно отозвалась Ольга.

— Кажется, ситуация предельно ясна, — заметил Кинтель. — Можно прикрывать это... что называется советом.

— У нас есть еще вопросы, — возразила Аида.

Корнейч попросил барабанщиков:

— Братцы, подождите нас в каминном зале, не разбегайтесь...

Те, сломав шеренгу, шумно покинули кают-компанию.

— Ну, какие вопросы? — нетерпеливо качнулся Кинтель. — У меня мало времени, куча личных дел. Я, между прочим, скоро, может быть, женюсь.

— Поздравляем, — сказал Корнейч. — Давно пора.

— Это не относится к делу, — сообщила Аида. — Мы должны сейчас разобраться с экипажами яхт. Нессоновы не едут, значит, две яхты остались без командиров. Надо определиться с составом экипажей, потому что там, на Еловом озере...

— На Тортиловом пруду, — вставил Кинтель.

... Там, на Еловом озере, были запланированы соревнования парусников с участием ребят из других отрядов. И надо заранее расписать, каким рулевым теперь подотчетны яхты.

— Какие яхты? — сказал Корнейч.

2

С полминуты Корнейч и Аида смотрели друг на друга. Она — медленно догадываясь, в какую лужу села, он — с полным спокойствием.

— Вы что же! Хотите сказать, что...

— Я хочу сказать вот что... — Корнейч, слегка припадая на протез, отошел к телефону. — Школа РОСТО? Капитана первого ранга Соломина, пожалуйста... И тем не менее. Это очень срочно, скажите, что звонит Вострецов... Дима!.. Нет, о статье потом. Дело вот в чем. Пожалуйста, прямо сейчас позвони на базу и передай Поморцеву и вахтенным, чтобы никого ни при каких обстоятельствах не подпускали к нашим судам без присутствия меня или Дани Рафалова. Ни-ко-го, невзирая ни на какие полномочия... Да, именно в этом дело... Спасибо, Капеланг. До связи.

Корнейч медленно вернулся к столу. Глянул на Толкуновых. Развел руками:

— Се ля ви, господа...

— Вы что... — Аида начала наливать клубничным соком. А Феликс нервно снял очки.

— А что я? — сказал Корнейч, слегка поморщился и сел к столу (ясно, что заболела нога). — Я не вправе доверять суда флотилии кому угодно. А рулевых с правами у вас осталось крайне мало.

— Это почему же?! — еще не понимая, взвинулась Аида. — Не будет лишь двоих!

— Вы забыли, что Янов тоже рулевой, командир «Барабанщика». А кроме того... — Корнейч вопросительно посмотрел на Слошко.

— Смешно думать, что я поеду, — с удовольствием сказал Слошко.

— И я, — зевнул Кирилл Инаков.

— И я, — потянулся на стуле Равиль Сегаев.

Аида с паникой в глазах посмотрела на мужа.

— Вам не кажется, господа, что это шантаж? — осведомил-

ся Толкунов (ну прямо как мать Рыжика при первом разговоре с Корнейчем!).

— Нам кажется, что это солидарность с обиженными ребятами, — разъяснил ему Корнейч. — Не правда ли, капитаны? Те светски наклонили головы.

— Кстати, я в любом случае поехать не смог бы, у меня кончается отпуск, — продолжал Корнейч. — Подведем итог. У вас, Аида Матвеевна, остаются в лучшем случае пять рулевых: Склярова, Казанцев, Завьялов, Шагалова, Брусницкий. У Смугиной права изъяты до сентября. Исходя из этих сообщений вы и можете планировать дальнейшее... Не думаю, что мы станем портить лагерные дни тем, кто туда уедет. Это же наши товарищи, не так ли, ребята?..

Капитаны слова наклонили головы, хотя не очень понимали, что их командир имеет в виду.

— Поступим так, — развивал Корнейч свою мысль. — Вы сможете перевезти на Тор... на Еловское озеро пять яхт и отрядную моторку. С отрядом «Юнги бригаантины» придет, насколько я знаю, Михаил Квадратов, опытный инструктор-парусник, вы передадите суда и экипажи под его ответственность. При этом условии можете спустить их на воду...

— Но разве Даня... Даниил Валерьевич не может взять роль инструктора на себя? — Аида, беспомощно приоткрыв рот, смотрела на Кинтеля.

— Я тоже не поеду, — сообщил Кинтель. — Я же сказал: у меня личные дела.

Аида чуть не взвизгнула:

— Но вы обязаны! Вы на ставке!

— На полставки... По инструкции я отвечаю за суда, и мне логично быть там, где большинство яхт. Большинство остается здесь.

— Вас уволят, — надменно сообщил Толкунов.

— Ха, — не менее надменно отозвался Кинтель. — Вот я испугался. В любом случае я флагман «Эспады». В отличие от вас, Феликс Борисович.

Феликс Борисович обратил взгляд к Корнейчу:

— Господин Вострецов, не кажется ли вам, что все принимаемое вами не имеет отношения к педагогике?

— К педагогике диссертаций и конференций? Ни малейшего... Знаете, господин Толкунов, у нас всегда была иная педагогика — замешанная на хорошем ребячьем упрямстве. Тем и жили. Шли годы, исчезали и возникали государства, меня-

лись режимы, генсеки, президенты, а мы жили. Отметьте этот феномен в каком-нибудь научном труде... Но мы отвлеклись. Аида Матвеевна...

— Что? — сказала она тоном смертельно оскорбленной королевы.

— У вас есть еще возможность все поправить. Извинитесь перед барабанщиками. Ну, вы же психолог...

— Вот поэтому и не считаю возможным.

— Тогда так. Яхты вы получите, если оставите нам часть фехтовального снаряжения: четыре рапиры, четыре маски, жилеты, перчатки. Барабанщики и капитаны не должны сидеть здесь без дела. Устроим фехтовальный турнир и прочие дела. Будем считать, что «Эспада» живет в двух измерениях... Кстати, клинки и все прочее мы заберем сейчас, увезем на базу...

— Но...

— Что? — сказал Корнейч. Он заранее знал, что будет какое-то «но».

— Рапиры в знаменной комнате. А она опечатана...

— Что?! Кем опечатана?!

— Мной. Мы готовимся к отъезду, там материальные ценности...

— Там знамена «Эспады»! — крикнул Слово, ассистент знаменной группы.

— Вот именно. Они оприходованы. Внесены в реестр имущества, подведомственного районному объединению «Солнечный круг».

— Знамена флотилии оприходованы и находятся в ведении чиновников? — тихо спросил Корнейч. Веснушки резко выступили на скулах.

— Но эти чиновники нас финансируют, — без прежней уверенности возразил Феликс Борисович. — И мы вынуждены придерживаться установленных правил.

— А барабаны... они тоже оприходованы? — спросил Слово.

— Но это же... тоже материальное имущество, — с остатками прежней правоты выговорила Аида.

Корнейч стальным голосом сказал:

— Вскройте дверь.

— Но... у меня нет с собой печати, она дома. Я не думала...

— Мне плевать.

— Но... ключа тоже нет. Он тоже... остался в сумочке. И я...

— Выбить? — с готовностью спросил Кинтель.

Корнейч думал. Лет десять назад, молодой и быстрый на

решения, он бы не колебался, дверь полетела бы, как бумажный листик. А сейчас... «Того ведь и ждут...»

— Не надо, Дани. Мы подождем, когда Аида Матвеевна съездит домой.

— Но... я сейчас не могу. Через два часа придут машины за яхтами, мы должны быть там. Я и... вы, поскольку распорядились...

Кинтель, Словко, Равиль и Кирилл смотрели с ожиданием: «Все-таки, может быть, выбить?»

Корнеич вдруг резко успокоился.

— Хорошо. Но вы должны дать обещание, что перед отъездом в лагерь оставите нам в мастерской то, что требуется. И барабаны. Они — собственность группы барабанщиков. Только эти ребята могут распоряжаться ими... А что касается знамен... разберемся позже. Вышибить дверь можно всегда, соберу ветеранов «Эспады», составим протокол...

— Вполне можно обойтись без эксцессов, — солидно заметил Толкунов.

Корнеич сказал:

— На базе я и Рафалов будем в четырнадцать ноль-ноль. И не забудьте, о чем договорились: фехтовальное снаряжение и барабаны — в мастерскую...

Потом Кинтель уехал, а Корнеич, Равиль, Кирилл и Словко пошли в каминный зал. Там, на сложенных в углу матах, барабанщики сели тесным кругом и слушали Игоря, который читал статью из «Советника». Вернее, дочитывал. Все разом обернулись к вошедшим. Словко, Равиль и Кирилл подтянули еще один мат, сели рядом. Корнеич прислонился к стене. Сказал сразу:

— Я знаю, о чем все думают. Можно, мол, потребовать общий сбор, и тогда все решится справедливо.

— Не-а, не решится, — мотнул головой Леша Янов, не самый старший из всех, но всегда рассуждающий умно. — Аида охмурила уже многих.

— Это спорный вопрос, — возразил Корнеич. — Но... в любом случае будет еще больший раскол отряда. Разброд умов. А это все-таки *наш* отряд. И понимаете, братцы... сломать легко, а потом склеивать... Не пришлось бы все сначала.

— Владик Казанцев, когда узнает, тоже не поедет, — сказал Сережка Гольденбаум. — Могу хоть об чем спорить.

— И вообще им там будет хуже, чем нам, — заявила Ксения (а Словко поймал себя на том, что смотрит на нее внимательно, и забегал глазами по стенам).

— Хуже, не хуже, но не пропадем, — пообещал Корнеич. — Поставим свой лагерь. Где-нибудь в устье Орловки, как раньше.

— Ура, — сказал Мастер и Маргарита.

Кирилл вспомнил:

— Мне это прошлогоднее «Лето у костра» вообще не понравилось. Толпа такая. Соберутся в круг сто человек, обнимутся и давай голосить: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса»... А спросишь, так никто бригантину от катамарана отличить не может...

— «Юнги бригантины» могут, — возразил Игорь. — Чего зря говорить, там есть классные ребята.

— Там да, — кивнул Кирилл. — Да и вообще... Но эта вечная суета, какие-то тесты, анкеты, распорядки, не продохнуть... А вместо гонок ползанье по Тортилову болоту. Шверты вьзнут в иле...

— Хорошо, что кечи не повезут, — сказал Равиль. — Раздолье бы их оба по дороге.

— А общий сбор — дело бесполезное, — сообщил Игорь. — Пусть отряд хоть как проголосовал бы, мы бы все равно не поехали, пока Аида не извинится перед барабанщиками. А она ведь не будет...

— И не надо, — решила маленькая Полинка Верховская.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОВСТОЯТЕЛЬСТВА

1

Рапиры и снаряжение фехтовальщиков Аида не оставила, хотя обещала. Отряд уехал в лагерь семнадцатого числа, а на следующий день, в понедельник, Словко, Корнеич, Нессоновы и Рыжик пришли в штаб, чтобы увезти оттуда клинки, маски и нагрудники на базу. Ничего этого в мастерской не оказалось. Барабанов тоже. Корнеич скрипнул зубами.

— Наверно, что-то осталось в знаменной, — сказал Игорь. — Давайте отдерем печать.

— Дело не хитрое, — отозвался Корнеич. — Да ведь *они* только этого и ждут. Чтобы затеять скандал... И кабы знать,

что оружие действительно там, но, скорее всего, они прихватили его с собой, до последнего клиночка.

— Попробуй дозвониться до Аиды, — предложил Словко. Корнеич, поминая всю нечистую силу, достал мобильник. И... дозвонился, хотя связь с поселком Скальная Гряда, в окрестностях которого располагался пансионат «Ветеран», была паршивая. Аида сказала, что фехтовальным снаряжением занимался Феликс Борисович, но его сейчас в лагере нет, он уехал в департамент по делам молодежи, где должен выйти на... Корнеич плюнул и нажал отбой.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — сказал он. — Поставим вигвамы, понаделаем луков, устроим стрелковый турнир вместо мушкетерского. Будем вести индейскую жизнь, не заскучаем...

Дело в том, что было решено уже: барабанщики и все, кто не поехал в Скальную Гряду, уйдут на кечах в дальний конец озера, к впадению речки Орловки, и устроят там свой маленький лагерь. Поживут неделю в походных условиях...

— Завтра мне надо сходить на кече к устью, посмотреть, в порядке ли наше прежнее место. И повидать кое-кого, — сообщил Корнеич. — И Олег Петрович просится со мной, говорит, что целую вечность не ходил под парусом... Словко, пойдешь на руле? Кирилл и Равиль завтра заняты...

А Словко что? Он всегда готов. Подскочил даже: ура!

— Только надо еще матроса. Выбери сам, — решил Корнеич. И Словко увидел умоляющие глаза Рыжика.

— Пусть Рыжик идет! Он умеет на кливере и стакселе, мы с ним тогда на «Зюйде» первыми пришли... — И Словко глянул на Нессоновых: «Вы не обидитесь?» Ксения понимающе сказала:

— Нам бы тоже хотелось, только завтра мы не можем. Дома куча всяких дел...

— Ага... — вздохнул Игорь...

Вышли в десять часов. Дуло как по заказу: ровно, с умеренным напором. Ветер был южный, теплый, пахнувший далеким смолистым лесом. Словко сидел на корме. В левой руке бизань-шкот, в правой колено румпеля. Московкин попросил у Корнеича гика-шкот, сказал, что хочет вспомнить: как это управляют главным парусом. Вспомнил хорошо, делал все как надо... А довольный Корнеич устроился в кокпите на пайолах,

спиной привалился к передней переборке, вытянул вдоль швертового колодца протез. Поднял лицо и жмурился, глядя в зенит. Там висели белые клочки облаков.

«Зюйд» бежал как по ниточке. В левый борт иногда ударяли гребешки мелкой зыби, изредка бросали в Рыжика искристые брызги, тот радостно ойкал.

В руках у Рыжика были два шкота — от кливера и стакселя. Он старательно следил, чтобы оба треугольника не заполаскивали, но и не были перетянуты. Мог бы вообще-то задать шкоты на утки, но, видимо, ему нравилось играть ими, как вожжами норовистой лошадки. Сидел Рыжик впереди, слева от мачты, верхом на неширокой палубе левого борта — одна нога в кокпите, недалеко от плеча Корнеича, другая — снаружи, чиркает пальцами по гребешкам.

— Рыжик, какой курс и галс?! — окликнул матроса рулевой Словко.

— Что? — оглянулся Рыжик, явно удивившись такому детскому вопросу. — Галфвинд левого галса...

Словко засмеялся: шутка, мол. Он не думал экзаменовать Рыжика, просто захотелось увидеть его лицо. И Рыжик понял шутку, заулыбался.

Московкин тоже сидел на левом борту, но не верхом, конечно, а спиной к воде (Рыжику пришлось нагибаться, чтобы глянуть из-за него на Словко). Его впалая щека была в тени и казалась синеватой. Гика-шкот Олег Петрович двумя шлагами набросил на ладонь, чтобы удобнее было держать. Так поступать не следовало. Словко несколько минут колебался: делать замечание было неловко, но командир обязан...

— Олег Петрович, пожалуйста, не наматывайте шкот, — наконец попросил он. — Не положено по технике безопасности...

— Что?.. Ах да! Прости, голубчик. Вот что значит столько времени не выходить на воду. В общем-то, я ведь сухопутный человек...

— Вы хорошо держите парус, — примирительно сказал Словко.

Московкин улыбнулся, убрал витки троса с ладони, и улыбка тут же пропала. Кажется, Олега Петровича заботили какие-то мысли, не связанные с такелажными делами.

И правда заботили! Потому что через минуту Московкин вполголоса произнес:

— Даня, есть разговор...

— Серьезный? — спросил Корнейч. И было видно, что он надеется: разговор не очень серьезный. Потому что и без того хватало проблем, а скольжение яхты было таким беззаботным. Плыть бы так и плыть...

Но Московкин сказал, упершись глазами в тугое полотно:

— Да...

— Ну? — вздохнул Корнейч, переключая себя из режима беспечности в привычное состояние «боевая готовность»:

— Даня, я нашел Васю Ростовцева...

— Кого? — недоуменно шевельнулся Корнейч.

— Тёминого друга по прозвищу Орех. То есть Орешек... Он после облавы был определен в сиротский интернат номер два, для остальных детей. Совершенно непонятно почему, нормальный ребенок... Тёма не мог его, конечно, разыскать, а для меня это не составило труда... Он младше Тёмы, кстати. Всего восемь с половиной.

Корнейч журналистским чутьем, казалось, тут же распознал положение дел:

— Ясно. Хочешь забрать к себе, а чиновницы-педагогессы уперлись?

— Я его уже забрал. Поупирались и отдали. Дело в другом, Даня...

Корнейч выжидающе молчал.

— Даня, я тут подумал... Может, возьмешь его себе? Чудный мальчонка, еще почти не задетый уличным вирусом... Оказывается, они с Тёмой вместе сочиняли стихи...

— Господи, ну о чем речь! — с облегчением выдохнул Корнейч. — Ну конечно же! Мы же договаривались, что в сентябре возьму у вас целую группу. Но если надо, этого... Орешка... хоть завтра...

— Даня, я не о том, — как-то набычившись, проговорил Олег Петрович. — Я... думал, может, возьмешь его насовсем? От меня в свой дом... Понимаешь, есть дети, неприспособленные к интернатскому быту. Он такой... Он одержим мечтой о каком-нибудь родном человеке, о родной крыше.

Тихо стало, только ровно бурлила вода.

Вообще-то во всей этой сцене было что-то неправдоподобное («Если послушать со стороны», — подумал Словко). Во-первых, такие предложения не делают с бухты-барахты. Во-вторых, взрослые не ведут подобные разговоры при ребятах. Но, с другой стороны, это были не обычные взрослые и ребята, а люди, давно уже привыкшие к ясности отношений.

Таких, когда не надо что-то недоговаривать и прятать... Это были люди, которые «видят фонарик»...

«А кроме того, — мелькнуло у Словко, — они говорят совсем тихо и, может, считают, что я не улавливаю суть или просто не слушаю...» И он сделал вид, что и правда не обращает внимания на разговор.

А Рыжик, тот и в самом деле не обращал. Он был занят шкотами, парусиной, ветром и слышал только голос воды.

Корнейч молчал с минуту. Потом зашевелил протезом, завертел головой, заскреб пыльно-рыжую шевелюру.

— В каком-то старом романе про пиратов, — заговорил он, — я читал: «Если бы в этот миг Провидение открыло в небе дык и в него сбросило на голову капитана Джойса семифунтовое ядро, он и то не был бы повергнут в столь отрешенное, лишившее его дара речи состояние...»

— Я понимаю, — удрученно кивнул Московкин.

— Ну и... хорошо, что понимаешь... Ты что, хочешь немедленного ответа?

— Да нет, конечно... Просто я думаю... Васятка этот мне признался... ну, когда мы говорили про Тёму и вообще... что нуще всякого чуда хотел бы старшего брата. Он потому и к Тёме был так привязан. Даже убежал из интерната два раза, да безуспешно... И я вспомнил еще... твоего Ромку. Как он говорил однажды, будто было время, когда ему хотелось братишку...

— Ну... говорил. Не раз даже, — нехотя отозвался Корнейч. — Но ты же знаешь... Татьяна, врачи...

— Ну да, ну да... Вот я и подумал: может, он среди своих тинейджерских увлечений еще не совсем забыл мечту детства?

Корнейч опять повертел головой.

— Не знаю. По-моему, у него сейчас только девицы на уме... да дирижабли... Нет, ну ты, Олег, в самом деле... так сразу...

— Да не сразу. Я понимаю, тебе надо познакомиться...

— Прежде всего надо поговорить с Татьяной...

— Ну да, ну да... Кстати, я уже поговорил...

— Боже праведный! Когда ты успел?

— Вчера вечером по телефону.

— И она мне ни слова!

— Ты вчера вернулся к полуночи и сразу бряк в постель...

А утром бегом на базу...

— А тебе-то она что сказала?

— Что-что... Вроде как ты про ядро. А потом: «Надо пого-

ворить с Даней...» Однако я не уловил в ее словах решительного «нет»...

— Все ясно, — покивал Корнейч и принял прежнюю расслабленную позу. — Чем прекрасна жизнь? Своей непредсказуемостью.

— Тебе ли привыкать, — усмехнулся Московкин.

— Это верно...

Олег Петрович зажал шкот в коленях и зябко потер плечи (они остро торчали под полосатой рубашкой).

— Понимаю, Даня, у тебя заслуженное недоверие к тем, кого я рекомендую. Да... Но это ведь мальчик, а не Толкуновы, будь они неладны. Я тогда очень ошибся...

— При чем тут Толкуновы!.. Я представляю, какая волокита предстоит с документами...

— Да никакой волокиты, — оживился Московкин. — Пусть живет у вас, а числится у меня. Пока я директор, никто не пикнет по этому поводу. Вот когда прогонят на пенсию, будем думать. Но я не прогонюсь ни за что, пока не определю хотя бы первый выпуск в училище к Андрею...

«А с училищем-то непросто», — вспомнил Словко. Отец рассказывал, что на директора Ткачука «накатали телегу»: мол, строительство ПТУ — это нецелевое использование средств. «Вот если бы строил себе на эти деньги дачу, да еще поделился бы с кем надо, это было бы целевое!» — негодовал весь вечер отец. И даже не стал садиться к компьютеру...

Больше Московкин и Корнейч о Васе Ростовцеве (об Орешке) не говорили. Видимо, сказано было все, что необходимо...

Проскользили мимо островки Петушок, Тополинный, Рыбачий. Далеко слева синеватой горкой проплыл на фоне солнечной воды остров Шаман. Прошли мимо поселка Старые Сосны на правом берегу. И скоро, увалившись под ветер, вошли в гладкую зеленоватую воду Орловки — здесь речка раздвинулась на большую ширину. Плавали редкие кувшинки. Рыжик перебрался на нос, разнес «бабочкой» стаксель и кливер.

Метров двести («Кабельтов», — сказал бы Словко) шли вдоль поросшего березами западного берега. Затем опять привелись до галфвинда, прошли еще метров сто и приткнулись к дощатым полуразрушенным мосткам. Впрочем, на сей раз доски были починены, желтели свежие доски.

Здесь было привычное место, на широкой прибрежной по-

дыне «Эспада» много лет подряд устраивала привалы и бивуаки. Отремонтированные мостки вызвали некоторое опасение. Не собирается ли кто-то другой обосноваться надолго на этом берегу? Не случилось бы столкновение интересов.

— Схожу в Полухино, узнаю у Константиныча обстановку, — решил Корнейч. Впрочем, он и раньше собирался сделать это.

Иван Константинович был местный рыбак и лодочный мастер, давний знакомый Корнейча. Он жил на берегу, в километре отсюда, если по прямой. Можно было бы добраться по воде, но это дольше, Орловка делала широкую дугу.

Московкин все же сказал:

— Давай доплывем.

— А глубина-то здесь... — возразил Корнейч. — Швертом весь ид перепашем и мирных лягушек распугаем... По тропинке я мигом.

— А нога-то как? — беспокоился Московкин.

— А что нога? Протезы не устают... Вы пока загорайте и наслаждайтесь природой. Если малость задержусь, не беспокойтесь. И звонить не надо, здесь взгорок загораживает деревню, связи нет. Можно дозвониться только издалека, с озера... Да я скоро.

— Корнейч, мы искупаемся пока, — полувопросительно сказал Словко.

— Только под строжайшим надзором Олега Петровича...

— Есть, сэр, — вытянулся Словко.

Корнейч ушел по тропинке в березняк. Он чуть прихрамывал, но шагал бодро. Он всегда ходил без палки (принципиально!), хотя дома у него была крепкая полированная трость с костяной рукоятью в виде зловещей пиратской головы...

Рыжик сбросил надувной жилет и нетерпеливо поглядывал на Словко.

— Ну, мы, значит, окунемся? — спросил Словко у Московкина.

— Так и быть, — изобразил тот снисходительного педагога. — Только на тот берег не плавать. Имейте в виду, я не разделяю восторгов по поводу известного фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», в котором нехороший директор лагеря выставил мальчишку за самовольное купание. Правильно выставил...

Словко пожал плечами: кто, мол, спорит? Правила насчет купания в «Эспаде» были стальные. За самовольные «водные

процедуры» исключение грозило кому угодно, будь он хоть самый заслуженный ветеран.

Рыжик и Словко сложили одежду в форпик. Оба сегодня были в форме, хотя, в общем-то, для такого «непрограммного» рейса она не требовалась. Но Словко надел ее по привычке, а Рыжик, возможно, потому, что больше ничего не было (мать еще не вернулась с юга)...

Они побултыхались в теплой воде, Рыжик понырять со Словкиных плеч и показал, какими стилями умеет плавать: кролем, брассом и батерфляем (но лучше всего «по-собачьи» и «вразмашку»). С илистого дна бежали вверх шкочущие пузырьки. Другой берег не манил, хотя и был всего метрах в сорока. Там темнела осока, торчали камыши, а дальше, на пригорке, паслась рыжая сонная корова.

Олег Петрович сидел, привалившись к тополи (совсем, кстати, не лесному дереву, откуда он тут?). Время от времени осуществлял «строгий надзор» поглядыванием поверх очков.

Словко и Рыжик выбрались из воды. Растянулись на травке с пунцовыми шариками клевера. Солнце сразу воткнуло им в спины горячие лучи. Словко дотянулся, взял из травы свой мобильник. Мелкие цифры на дисплее показывали, что скоро полдень...

Рыжик разглядывал стрекозу: она невозмутимо устроилась у него под носом на торчащей из клевера тростинке. Словко решил проверить: а вдруг все же есть связь с деревней Полухино? Однако английский голос закурлыкал извинительные объяснения: нет, мол, зоны покрытия. Словко сел, повесил мобильник со шнурком на шею. И в это время по тропинке из березняка вышел незнакомый человек.

2

Впрочем, не совсем незнакомый. Словко вспомнил, что где-то видел его — кругловатого, с полным лицом и в то же время с этакой спортивной подтянутостью. А Рыжик узнал сразу:

— Ой, здрасте... Виктор Максимович...

Подполковник Смолянцев (правда, был он и сейчас в пестрой рубаше и «гражданских» брюках) коротко поклонился всем и отдельно Олегу Петровичу. Лицо его было озабоченным, но все же на миг появилась улыбка.

— Добрый день. Вот не ожидал встретить знакомых. Может быть, в этом судьба и спасение?..

— От чего же вас следует спасать? — сдержанно осведомился Московкин. Сделал вежливое движение, будто хочет подняться, но остался сидеть. Виктор Максимович снова коротко поклонился ему:

— Подполковник Смолянцев... Я немного знаком вот с этим мальчиком, подобрал его на дороге и доставил к вам на водную станцию... Кажется, юнгу зовут Рыжик...

— А, наслышан, — сказал Московкин и все-таки встал. — Меня зовут Олег Петрович.

Словко подумал, что Московкин рядом с подполковником выглядит очень пожилым. В самом деле, готовый пенсионер. Но держался директор детдома прямо.

— Вы, очевидно, наставник этих юных мореходов? — спросил Виктор Максимович и уже не улыбался.

— Я пассажир на судне этих юных мореходов. А наставник ушел в Полухино и вернется примерно через час.

— Как-кая д-досада! — Виктор Максимович совсем не офицерски хлопнул себя по бедрам.

— А можно поинтересоваться, что случилось? — Московкин с вежливым интересом снял очки.

— Случилась беда, — с горькой доверительностью сообщил подполковник Смолянцев. — Я ехал с дачи на электричке. Моя машина, на которой я в прошлый раз доставил юнгу Рыжика на водную станцию, на ремонте, вот и пришлось. А на станции Авдеевка, недалеко отсюда, авария, товарняк съехал с рельсов, поезда встали. А мне через час надо быть в городе, важнейшее дело. Я и кинулся сюда, подумал, что найду кого-нибудь с моторкой, попрошу. Это наиболее короткий путь... Люди ведь должны помогать друг другу... не так ли. Рыжик?

Рыжик быстро глянул на Словко и опустил глаза.

Московкин сказал:

— У нас, к сожалению, не моторка...

— Да, но у вас паруса. За час могли бы добраться.

— Это в самом лучшем случае, — объяснил Словко. — Но мы все равно не можем, пока не вернется Даниил Корнеевич...

— А у него нет мобильного? Можно было бы позвонить, объяснить... — Лицо Виктора Максимовича стало умоляющим.

— Мобильник есть, связи нет, — сказал Словко. Он ощущал тяжкую зависимость от этого человека. Вернее, от необходимости помочь ему. Потому что... ну, куда денешься, когда

девятый пункт в уставе «Эспады» такой: «Если я увижу человека в беде, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь этому человеку». Это были не пустые слова. В уставе отряда вообще не было пустых слов. Он не сочинялся на заседании совета, а складывался в течение тридцати лет. Можно сказать, «был написан слезами и кровью». И уж Слово-то, пришедший во флотилию дошкольником, знал это лучше многих...

К тому же этот Виктор Максимович, подполковник Смоленцев, совсем недавно очень помог Рыжику...

И Рыжик сейчас молча, но с понятной мыслью смотрел на Слово...

Виктор Максимович вдруг проговорил, словно глотая комок:

— Я... это... мог бы заплатить...

Это он зря, конечно. Чуть какая! Но... возможно, из-за отчаяния?

Олег Петрович посмотрел на Слово, но сказал Смолянцеву, сухо так:

— Насколько я знаю, флотилия «Эспада» не занимается извозом. А что касается помощи... сейчас это решает капитан Словоцкий.

Вот так! Хочешь не хочешь, а решай... Потому что он теперь действительно командир судна... А что скажет Корнеич, когда Слово уведет яхту, не дождавшись его?.. А что он скажет, когда узнает, что капитан Словоцкий мог помочь кому-то и не помог?

И что скажет Рыжик...

И что сказал бы Жек! Да нет, ничего бы он не сказал. Только *смотрел* бы...

— У вас в самом деле беда? — насупленно спросил Слово.

— Да... Это долго объяснять, но можно сказать, что решается моя судьба...

Слово тихо сказал Московкину:

— Я могу с воды позвонить Корнеичу. У Ивана Константиновича есть моторка, Корнеич может вернуться на ней...

— Смотри... — слегка развел руками Олег Петрович.

— Но вам придется пойти со мной. Я не управлюсь с бизанью, рулем и гротом.

— О чем разговор!

Далее капитан Словоцкий действовал уже по-командирски. Он взял из кокпита надувной жилет Корнеича и протянул Смолянцеву:

— Наденьте, пожалуйста.

— А?.. Да, конечно... — Жилет оказался тесноват. — А это обязательно?

— Это совершенно обязательно, — сказал Слово.

— Есть, — кивнул подполковник.

Рыжик суетливо запрыгал, натягивая шорты на непросохшие плавки.

— Не надо, — сказал ему Слово, — Жарко ведь. Брось все шмотки в форпик. Свои и мои... — Что-то подсказывало: сухая одежда может пригодиться впоследствии.

Рыжик послушался. Слово помог ему застегнуть клапаны жилета. Надел свой. Привычно глянул на жилет Московкина: в порядке ли.

— По местам... Виктор Максимович, сядьте вон там, на банку... на скамейку то есть...

Паруса не были убраны, они полоскали, нетерпеливо ожидая напора воздуха.

— Рыжик, распутай шкоты... Олег Петрович, слегка подберите грот...

Слово отвязал швартовы, сильно отвел от мостков бушприт и прыгнул на корму, взял румпель.

Рыжику команды были не нужны, он все делал быстро и правильно. А Московкину пришлось сказать:

— Олег Петрович, потравите чуть-чуть... вот так.

Виктор Максимович сидел лицом к корме на банке позади швертового колодца, крепко держался за ее края. На лице его была смесь надежды, беспокойства и любопытства.

Добежали до поворота. Теперь ветер стал дуть навстречу (называется «мордотык»), пришлось идти в лавировку, метаться в Орловке от берега к берегу. Рыжик при каждом повороте ловко переносил стаксель и кливер с борта на борт, Московкин довольно умело перебрасывал грот. Правда, при этом почему-то морщился. Виктор Максимович следил за всем с нервным напряжением, но ни о чем не спрашивал.

— Выйдем в озеро — побежим быстрее, — успокоил его Слово.

— Понял...

Вышли на большую воду. Слово прикинул, что теперь идти лучше вблизи Шамана — ветер позволяет, и путь будет короче. Закрепив бизань-шкот на утке, Слово вытащил из-под жилета мобильник.

Ну, слава богу, повезло! Корнеич отозвался сразу.

— Это я... — сказал Словко.

— Слышу. Как ты сумел дозвониться?!

— Потому что с воды. Корнейч! Случилось че пэ. К нам вышел человек, сказал, что у него несчастье, надо срочно в-город. Он ехал на электричке, а там авария... А ему надо быть через час... а он... Я решил: надо идти.

— О, черт возьми! — сдержанно взвыл Корнейч. — Что за человек?! Авантюрист какой-нибудь!

— Нет, это знакомый Рыжика. Который тогда привез его. Подполковник Смолянцев, ты знаешь...

— О, черт возьми! Но ведь... А, впрочем, все равно... Ты, конечно, сейчас процитируешь устав!

— Да, потому что форс-мажор... Если ты прикажешь, я вернусь...

— Каким курсом ты идешь?

— Держу на Шаман.

— Держи. На базе дожидись меня, там разберемся.

— Ты, наверно, догонишь нас на моторке Константиныч...

— Если бы так просто! Он разобрал свой мотор до винтика, чинит...

— Тогда позвони на базу, попроси прислать за тобой катер.

— Попрошу. Только не за мной, а чтобы сперва сопроводил вас. Потому что скоро может засвистеть. Ты посмотри на облака...

Словко посмотрел. Ну и что? Обыкновенные облака. Маленькие, белые, курчавые... Хотя да, конечно... На берегу не обратил бы на это внимания, а сейчас встревоженным взглядом отметил их слишком быстрое и неровное движение. Словно там, наверху, переплелись несколько ветровых потоков и взъерошенные барашки не могут выбрать: куда им бежать.

Ну а может, ничего страшного? Вон какое доброе солнце, какой ровный упругий ветерок. Рыжик опять дурашливо повизгивает от случайных брызг. Хотя уже не от случайных. Впрочем, пока одна забава...

— Прогноз-то был хороший, — сказал в мобильник Словко.

— Знаешь ведь наших синоптиков... Если засвистит сверх меры, а катер не подойдет, приткнешься к Шаману и будешь там ждать.

— А как же пассажир? Он опоздает...

— И тем не менее.

— Есть, — сказал Словко.

Смолянцев по-прежнему сидел в напряженной позе, но

лицо его было уже спокойнее, на нем проступило даже некоторое добродушие. Он поглядывал по сторонам. Дуть стало сильнее, но вполне «в пределах нормы». А кечи типа «Зюйда» и «Норда» — они же устойчивые, надежные суденышки, чего там...

Словко подумал, что скорее всего они ходко и без приключений доберутся до родимой гавани («Тьфу-тьфу-тьфу, конечно...»).

Навстречу прошли две большие («морские») яхты клуба «Металлист». С мачтами в три раза выше, чем у «Зюйда». С яхт помахали, потому что «Эспаду» на озере знали все. Обработанный Рыжик с носа помахал в ответ. Он, видимо, чувствовал себя прекрасно.

Остров Шаман приближался, выростал справа нагромождением серых камней.

Завибрировал под жилетом телефон. Звонил Корнейч.

— Как дела?

— Шаман почти на траверзе. А как с катером?

— Все одно к одному! Федя намотал на винт какую-то дрянь, чистит. Клянется, что выйдет вот-вот...

— Корнейч, нет смысла притыкаться к Шаману. Полет нормальный...

— Смотри, капитан...

Шаман оказался точно справа по борту, каменная верхушка проплыла под солнцем. Словко опять задал бизань-шкот на утку, вскинул над головой руку — салют. Рыжик перехватил одной рукой два шкота и тоже салютнул. Московкин быстро поднял над плечом сжатые пальцы — общее приветствие многих ребячьих отрядов.

Виктор Максимович посмотрел на всех по очереди.

— Какая-то традиция? — понимающе сказал он.

Скрывать было нехорошо: это означало бы, что обижаешь того, кому салютовал.

— Там камень в память об одном погибшем мальчике, — сказал Словко, снова раздавая шкот.

— А-а... Значит, плывут пионеры, салют Мальчишу...

Московкин опять поморщился:

— Это не тема для шуток, подполковник...

— Господи, да разве я шучу?! Я вполне... Я в детстве очень любил Гайдара.

— А сейчас? — вдруг звонко спросил с носа Рыжик. Он ог-

лянулся, в волосах сверкали капли. Словко знал, что Рыжик недавно посмотрел кино «Военная тайна».

Смолянцев, улыбаясь, развел руками (и опять прочно взялся за край банки):

— Времена меняются... А что за мальчик, если не секрет?

— Не секрет, — сказал Словко. — Гимназист Никита Таиров. Сто лет назад он закопал под тем камнем свой маленький клад, статуэтку бронзового мальчика. А в девяносто втором году ее откопали наши ребята. Теперь это переходящий приз флотилии...

— Д-да... история прямо для романа, — одобрительно отозвался Виктор Максимович. — А какова судьба этого... Никиты?

— Грустная судьба, — ответил Словко, глядя прямо по курсу. — Его расстреляли в Севастополе большевики. Когда взяли Крым.

— Д-да... — опять произнес подполковник Смолянцев. — Тогда, конечно, «салют Мальчишу» неуместен...

— Отчего же? — опять вмешался Московкин. — Гайдар умел уважать противника.

— Ну, возможно, возможно... — Виктор Максимович крепче ухватился за банку и наклонился навстречу крену, потому что яхту изрядно тряхнуло крупным гребнем. И чтобы не заметили его секундного испуга, спросил с бодрым интересом: — Значит, этот Никита как бы почетный член вашей эскадры?

— Он в списке друзей «Эспады», — отчетливо ответил Словко, смутно чувствуя, что чем-то раздражает Смолянцева. — Рыжик, потрави чуть-чуть кливер...

— И большой список? — быстро сказал Смолянцев, опять наклоняясь в наветренную сторону.

— Небольшой... Рыжик, ты как? Сильно брызгает?

— Не-а, не сильно пока...

— А кто еще в списке? Для примера. Опять же, если не секрет? — снова поинтересовался Смолянцев.

— Опять же не секрет. Например, Павлик Морозов, — с непонятным для себя раздражением сообщил Словко.

— Во как! — искренне удивился Смолянцев. — Но он же это... предатель и доносчик.

— Кто вам сказал? — сквозь зубы спросил Словко.

— Ну... общеизвестный факт...

— У нас умеют фабриковать «общеизвестные факты», —

сильно морща лицо, сказал Московкин. — Полвека делали из мальчишки героя, а потом облили помоями, посбрасывали памятки. Великому пролетарскому вождю памятки на всякий случай пооставляли, а мальчишку растоптали. А вся его вина была в том, что от души поверил в светлое будущее. Ибо светлого настоящего вокруг не было...

— Ребята хотели спасти его памятник в городском сквере, да не успели, — сказал Словко.

— Ну... я не смею спорить, — поспешно сказал Смолянцев. — Только непонятно. Как сочетаются Павлик Морозов и гимназист Никита?

— Нормально сочетаются, — с нарастающим ожесточением сказал Словко. — Оба погибли за то, во что верили. Оба ни в чем не виноваты... А еще ни в чем не виноватый Тёма Ромейкин. Он умер десять дней назад на операции, когда в районе отключили свет... Он такие стихи писал... — У Словко вдруг зашел в горле шершавый комок. И сразу застучало в голове: «Время ветра жмет на паруса...» На паруса, кстати, жало все крепче. Московкин с гика-шкотом в кулаках сильно откидывался назад, откренивал. Да и Словко сдвинулся ближе к наветренному борту. Смолянцев поелозил на банке и сочувственно сообщил:

— Да, я читал. Это ужасно... Но все же это случайность. А вот когда всякие сволочи делают детей разменной монетой, чтобы разжигать ненависть между людьми. Например, в Беслане... Хорошо, что из тех гадов, захвативших школу, почти никто не ушел живым...

— Очень плохо, — кривясь, как от боли, возразил Московкин. — Теперь некому рассказать, кто затеял эту подлость. Один оставшийся плетет на суде что-то невнятное...

— Разве не ясно, кто? — вскинулся Смолянцев. — Те, кто хотел посеять ненависть между ингушами и осетинами! И добились своего! Родственники погибших никогда не простят убийц...

— Это все общие слова. Хотя и правильные, — с болезненной натугой сказал Московкин. — Ненависть... Не простят... Вот пример с другой школой, в Шатойском районе Чечни. Ее директора и завуча год назад расстреляла группа некоего Рудольфа Пульмана, командира разведгруппы федералов. Вместе с другими пассажирами гражданского грузовика. Думаєте, ученики той школы когда-нибудь простят?

— Это совсем другое дело! — почти закричал подполковник Смолянцев и даже на миг перестал цепляться за банку. —

Пульмана и его товарищей оправдал суд! Их никто не смеет называть преступниками!

— Вот это и дико, что оправдал, — не уступил Московкин.

— Они *выполняли приказ*. Приказ для военного человека незыблем и обсуждению не подлежит, — жестко сказал Смолянцев.

— Объясните это ученикам той чеченской школы, — сдавленно отозвался Московкин. Его лицо было бледным, с капельками на лбу (брызги?). — И родным расстрелянных. И самим расстрелянным. В том числе подростку, который истек кровью, убегая от стрелявших. И неродившемуся ребенку убитой беременной женщины... Поставьте себя на их место...

Неизвестно, поставил ли себя Смолянцев. А Словоко поставил (не первый раз уже). На место раненого паренька. Будто он со смертным ужасом, с дикой болью в непослушной, волочащейся ноге пробирается среди ломкого тростника, а сзади все ближе, ближе люди с автоматами... «Мама, почему? Что я сделал?» А сил уже нет, и дыхания нет... Про такое не напишешь стихов... Тёма Ромейкин мог бы, наверно. Только и его, Тёмы, тоже нет...

— Фашисты после войны тоже кричали и плакали, что они выполняли приказ, — вздрогнув, как от зябкости, сказал Словоко (и вдруг ощутил, что ветер и вправду похолодал).

Смолянцев резко выгнул спину.

— Ну, знаешь ли! Сравнивать с фашистами российского офицера!..

— Такой офицер... — выговорил Московкин.

— Суд его оправдал. И никто не имеет права...

— Конечно, конечно... — покивал Московкин и покрепче перехватил гика-шкот.

— Я совсем не хотел спорить. Извините, — проговорил Смолянцев, ежась от прилетевших брызг. — Извините... Я вам очень благодарен за помощь. Судя по всему, мы успеваем, да? Только вот ветер, кажется, крепчает?

— Ну и хорошо, — сказал Словоко, тайно радуясь боязни сухопутного подполковника. — Скорее дойдем... Может быть, есть смысл заказать по мобильнику такси? Чтобы оно сразу вас увезло с базы, куда надо. Тогда точно не опоздаете... — И мелькнула мысль, что подполковник Смолянцев слишком разговорчив для человека, у которого большая беда и тревога.

— Мне с базы никуда не надо, — охотно отозвался Виктор Максимович, видимо, довольный примирением. — У меня

именно там встреча с представителями округа и вашим начальником. Очень важное совещание... Кстати, мое прибытие на паруснике будет весьма эффективным.

Разом в голове у Словоко все встало на места. Будто в kaleйдоскопе, когда в беспорядочно рассыпавшихся цветных стеклышках вдруг усматриваешь четкую фигуру. Вспомнились мельком брошенные фразы Каперанга, озабоченность его и Корнеича.

— А! Значит, вы собираетесь там, чтобы оттяпать половину территории у нашей базы?!

— Да что ты такое говоришь! Это совместный проект школы РОСТО и... окружной инициативной группы! — как-то ненатурально взвинулся Смолянцев. — Для общей выгоды! По общему соглашению!

— Ага! Сауна и бар на учебной базе!

— Не суди о том, чего не понимаешь, — наставнически произнес Виктор Максимович. Кажется, он уже притерпелся к брызгам и крену.

— Я не понимаю другого, — слегка презрительно объяснил Словоко. — Где тут у вас большая беда? Про которую говорили на берегу...

Виктор Максимович снисходительно разъяснил:

— Ты думаешь, это не беда, если опаздываешь на встречу с начальством, которую сам спланировал? Это равно невыполнению служебного задания. И срыву задуманного дела... Иначе зачем бы я кинулся в это... путешествие...

— Ясно, — сказал Словоко. — Рыжик! К оверштагу!

3

Смолянцев ничего не понял. Понял Олег Петрович. Он знал, что такое оверштаг. Словоко сейчас положит яхту на обратный курс. Она как раз на половине пути. И курс будет такой же — галфвинд, только левого галса. И там, в устье Орловки, ждет Корнеич — он пускай и объясняется с названным пассажиром, у которого не оказалось настоящей беды, а оказалась совершенно свинский обман...

— Словоко, не надо... — со стоном выговорил Московкин. — Лучше... все-таки на базу. Мне что-то совсем худо...

— Рыжик, отбой! — быстро скомандовал Словоко. — Олег Петрович, что с вами? Сердце?

— Печень... Наверно, камень в желчной протоке. Вот ведь

подлость, говорили, что после операции ничего не осталось, а потом... Это уже не первый раз... Но давно не случалось, я не думал, что сегодня... Ты можешь взять шкот?

Словко знал, что такое камни в желчной протоке. Два года назад у отца так же...

Словко привычно задал шкот бизани на утку, а шкот главного паруса, грота, перехватил у Московкина. И сразу почувствовал, как давит на большую парусину ветер. Он все нарастал. Уже качало и брызгало, как в первый день гонок. Рыжик стал совсем мокрый. Он сидел, как и раньше, верхом на борту — одна нога в кокпите, другая снаружи. Изредка оглядывался.

Московкин сполз в кокпит. Лег на решетчатые пайолы вдоль борта, головой к банке, где сидел Смолянцев. Тот быстро спросил:

— Я могу чем-то помочь?

Словко отрывисто сказал:

— Да. Сядьте туда, где сидел Олег Петрович. Для откренки.

Смолянцев неуклюже перебрался через Московкина (сказал: «Виноват...»), сел на скользкую бортовую палубу, вцепился во внутренний буртик.

Словко объяснил:

— У швертового колодца... вон там, есть ремни. Зацепитесь за них ногами. Если сильно надавит, выгнитесь назад, но не сильно и без рывков.

— Есть... А что, аварийная ситуация?

— Конечно! — со злой слезинкой в голосе крикнул Словко. — Вы же видите, у Олега Петровича приступ!

— Я вижу... Но я про погоду!

— Погода в пределах нормы, — выдавил Словко и сделал то, что нельзя, — намотал гика-шкот на ладонь. Потому что одной рукой иначе теперь не удержать. А Смолянцеву мысленно сказал: «Боишься? Вон Рыжик не боится, а ты боишься...»

Впрочем, Рыжик, наверно, боялся. Он теперь часто оглядывался и спрашивал глазами: «Все в порядке?» И Словко ободряюще кивал: «Конечно. Нам не привыкать».

«А ведь я сам тоже боюсь», — признался он себе. Но тут же понял, что бояться не столько за себя, сколько за Рыжика. Тот продрог. Делалось все холоднее, почти голый Рыжик заметно дрожал. Словко тоже вздрагивал от озноба. Но и этот озноб ощущался им скорее не как свой, а как Рыжкин.

«Что же делать-то?.. И где этот чертов катер?»

Ладонью с намотанным шкотом Словко потянулся к гру-

ди, к спрятанному под жилет мобильнику. И тот запиликал, задрожал сам.

— Словко! Вы как там? Сильно жмет?

— Средне! Хуже другое! У Олега Петровича приступ печени, он лежит. Где катер-то?

— Сообщили, что вышел, держись... Слушай, в форпике аптечка. В ней лекарство, но-шпа, я для себя прихватил на всякий случай. Достань, дай Олегу!

— Ладно! — И подумал: «До нее надо еще добраться, до аптечки-то!»

— Ты сам-то как? — нервно сказал Корнеич.

— Ничего! Бизань задал, тяну грот, пассажир откренивает! Держимся... — В этот момент Словко и сам был уверен, что «ничего», что «держимся». Только вот Рыжик дрожит. Но уже не долго терпеть...

— Рыжик у нас герой! — сказал он в мобильник.

— Я знаю, — откликнулся Корнеич. — Словко! Катер подойдет, сбрось паруса, пусть он возьмет вас на буксир!

— Нельзя, Корнеич! Олегу Петровичу надо скорее, чтобы вызвать неотложку!.. Катер заберет его, отвезет, а потом пусть вернется...

— А ты справишься, когда уменьшится вес?

— Как-нибудь! Не бойся!

— Если сильно прижмет, притыкайся к ближнему берегу!..

Ты где?

Легко сказать — «к ближнему берегу»! «Зюйд» был посреди озера. Справа, на ветре, низкий берег, перед которым россыпь заливаемых волнами камней. Километрах в полутора от «Зюйда». Слева на том же расстоянии остров Язык, плоский кусочек земли с приметным торчащим камнем. (Говорят, когда-то у Языка водилось множество раков — лет тридцать назад, когда Преображенск был Краснодарским, когда «Эспада» только начиналась, а от города по реке ходили пароходы...)

Идти к Языку надо было курсом фордевинд, а это... Лишь не знакомые с парусами люди считают, что ветер в корму — лучший из всех. А на самом деле — самый скверный. Паруса перекидывает с борта на борт, яхту раскачивает, она рыскает и теряет управление на гребнях. Иногда возникает ощущение полной беспомощности...

— Корнеич, я на траверзе Языка, почти в миле... Да ничего! Если совсем засвистит, сброшу все, кроме бизани, выкину плавучий якорь, лягу в дрейф...

— Хорошо, решай! Когда подойдет катер, сообщи!

— Ладно! Отбой!.. Рыжик!

Тот с готовностью обернулся. Шкоты он держал откинувшись, как вожжи. Ну, лихой ямщик на облучке!

— Рыжик, слушай! Задай шкоты. Потом открой форпик, возьми там аптечку, она у форштевня. И термос. И свою одежду. Аптечку и термос переправь мне и оденься. Только в один момент, чтобы долго не торчать без жилета.

— А тебе тоже одежду?

— Не надо...

— Тебе тоже холодно...

— Рыжик!

Тот уклонился от новой порции брызг, умело набросил шкоты на утки (молодец, паруса не заполоскали), потянулся к широкой крышке люка на баке. Оттянул тугой стопор. Стал толкать крышку вперед. Ветер сперва мешал, потом помог, толкнул ее с другой стороны. Она стукнула так, что корпус загудел, будто упавшая гитара. Рыжик бесстрашно, головой вперед канул в форпик, завозился там (ох, скорее бы!), наконец встал в люке, протянул блестящий термос и кожаную коробку:

— Виктор Максимович, передайте Словко!

Смолянцев потянулся, ухватил аптечку и термос и, продолжая отгибаться назад, переехал по борту ближе к корме. Положил свою ношу к ногам Словко и тут же ухватил внутренний буртик освободившимися руками.

Словко задал теперь на утку гика-шкот (ох, не свистануло бы только!), забросил ногу на ахтерпик, прижал ей румпель. Распотрошил аптечку, быстро отыскал облатку с надписью «Но-шпа».

— Виктор Максимович, дайте лекарство Олегу Петровичу. И налейте в крышку термоса чай... Пожалуйста...

Он видел, что Смолянцеву не хочется покидать свое место: когда сидишь на откренке, чувствуешь себя безопаснее. Но тот послушался. Словко же снова ухватил шкот и руль и почти вывалился за борт, уцепив ступней страховочный ремень. Надо бы еще сказать Рыжику, чтобы тоже откренил, но тот, по пояс в форпике, возился с одеждой. Наконец застегнул поверх рубашки жилет и сразу метнулся из люка. Захлопнул крышку, ухватил шкоты и без команды выгнулся наружу, зацепившись ногой в мокрой кроссовке за петлю у грот-мачты. «Умница!»

Московкин между тем вытряс на ладонь две таблетки, приподнялся на локте, глотнул из блестящего стаканчика, который протянул Смолянцев.

— Благодарю... — и откинулся снова, упершись затылком в носовую переборку.

— Олег Петрович! Сильно болит, да? — жалобно спросил Словко (будто этим пустым вопросом он мог доставить облегчение).

— Не стану врать, болит... — Московкин опять поморщился и часто подышал. — Но, надеюсь, скоро полегчает...

— Катер идет! — крикнул Рыжик.

Ну, по правде говоря, это просто так говорилось — «катер». На самом деле большая моторная лодка типа «Пеликан». Однако надежная, устойчивая, с очень сильным двигателем. Не зависящая от капризного ветра. Словко тоже увидел ее — старательно ныряющую вдалеке, среди зыби...

И в этот момент свистнуло по-настоящему. Словко сильно потравил грот, ослабляя напор. Шкот скользнул в ладони, обжигая кожу. Словко хотел снова выбрать его, но понял: крен будет слишком велик. Потому что Виктор Максимович все еще сидел в кокпите, рядом с Московкиным. Видимо, теперь ему здесь было уютнее.

— Виктор Максимович, сядьте на борт, — быстро сказал Словко.

— Да, но...

— Скорее! — Словко выгибался за борт из всех сил. (Рыжик у себя, впереди, тоже.)

— Но мне казалось, что...

— Сядьте на борт, подполковник! Мы из-за вас опрокинемся! — И Словко сам поразился своему голосу и тону: было похоже на потерявшего терпение Корнейча. Смолянцев рывком бросил себя на бортовую палубу, начал откренивать старательно, как допустивший оплошку кандидат в матросы. Словко заметил, что Московкин усмехнулся сквозь боль.

Моторка была уже рядом (вот счастье-то!). Веселый моторист Федя показал большой палец: все, мол, о'кей! Крикнул:

— Что с вами делать, мореходы?! Сопроводить?! Взять на буксир?!

— Взять на борт Олега Петровича, у него приступ! И скорее на базу! Там вызвать неотложку!..

— А вы как? — встревожился Федя.

— Идем пока. Отвезешь Олега Петровича и возвращайся к

нам! Если увидишь на базе кого из наших, возьми с собой! Или кого-нибудь из шлюпочников! Не хватает матроса.

Федя сделал широкий разворот, сбавил ход, пошел параллельно «Зюйду», приближаясь к нему с наветра. Потом свесил с борта два шлюпочных кранца.

— Травите парусину!

Рыжик и Словко разом ослабили шкоты, задали на утках концы. Словко освободил и бизань. Паруса остервенело захлопали. Грота-гик угрожающе замотало. Федя бросил два швартовых конца. Словко и Рыжик потянули их, два суденышка сошлись бортами посреди волн с пенными гребешками. Ударились, но кранцы смягчили толчок. Рыжик задал швартов за мачту, под грота-гиком, Словко — за крепкую утку бизань-шкота.

Теперь «Зюйд» и моторка составляли как бы одно целое. Хлипкое, но все же целое. Этаким катамаран, который не разорвать, не опрокинуть.

— Олег Петрович, вы сможете перебраться в катер? — спросил Словко. Он почему-то чувствовал себя виноватым. — Или вам помочь?

— Смогу, смогу, голубчики. Я ведь еще не совсем... — Он тяжело перевернулся на бок, встал на колени, ухватился за швертовый колодец. Виктор Максимович бросился было поддерживать, но Московкин сцепил зубы, рывком перевалил себя к правому борту, лег на него, сполз в моторку на руки Феде. Вытянулся там на сланях. Федя подложил ему под голову клеенчатую спинку от сиденья.

— Спасибо, мои хорошие... — выговорил Олег Петрович.

Смолянцев сделал движение (может, инстинктивное) — тоже к моторке.

— Виктор Максимович, вам пока нельзя, — бесцветным голосом сказал Словко. — Я не удержу судно без вашего веса.

Тот замер, широко расставив ноги и опершись о бортовую палубу.

— А? Да я, собственно... Хорошо. Надо — значит, надо. Так сказать, вместо балласта?

Словко не ответил, потому что выражение было точным.

— Отваливаем? — спросил Федя. И тут же озабоченно посоветовал: — Словко, спусти лишнюю парусину.

Словко это и сам знал. Он уже отдал бизань-фал и теперь отшнуровывал съехавший вниз передний край паруса от мачты. Потом выдернул из вертлюга штык-болт, освободил гик,

начал наматывать на него парусину. Бросил свернутый парус в кокпит — туда, где недавно лежал Олег Петрович. Рыжик тем временем, получив команду от Словко, убирал кливер. Ему приходилось труднее. Кливер был поднят на штаге, идущем от самого верха грот-мачты к ноку метрового бушприта. Рыжику пришлось встать на бушприт и, балансируя, отцеплять от натянутого троса проволочные ползуны. А яхту мотало. В своем надутом жилете Рыжик был похож на оранжевого птенца, который только что вылупился из яйца и неуверенно топчется тонкими коричневыми ножками на жердочке.

Словко кинулся на нос — подстраховывать. Принял у Рыжика собранную в ком влажную мякоть паруса, туго обмотал ее шкотами, бросил назад, на свернутую бизань. Помог Рыжику спрыгнуть в кокпит.

— Молодец! А теперь давай в катер!

— Чего? — У Рыжика округлились глаза. Словко и не думал, что у него могут сделаться *такие* глазища. Но повторил твердо:

— Давай в катер. Я управлюсь один.

— Нет... — выговорил Рыжик, цепляясь за мачту.

Тогда изумился Словко:

— Что — «нет»? Балда! Я приказываю.

— Все равно нет. Ты не справишься в такой ветер... Я не пойду...

— Я кому сказал! — гаркнул Словко.

— Не пойду...

И Рыжик заплакал.

Говорят, придуманы компьютеры, которые могут решать за секунду столько задач, сколько атомов в земном шаре. У Словко, наверно, столько же задач мелькнуло в мозгу — с одним вопросом: что делать-то? И едва ли ответ был правильным (с компьютерной точки зрения). Словко плюнул и сказал:

— Черт с тобой... Федя, отваливай! — Он сам размотал оба швартова и добавил уже вслед: — Мы пойдем на Язык, ищи нас там!..

КАПИТАН

1

Это решение Словко принял потому, что ветер вдруг сильно зашел. Вернее, на полминуты он вообще стих. А потом вдруг засвистел с новой силой, уже с другой стороны, с север-

ной. Вернее, с норд-веста. С хлопанием перебрало грот, огрев по плечам гиком ни в чем не виноватого Виктора Максимова. Такие смены ветра на Орловском озере не были редкостью. Слово надеялся, что теперь будет дуть ровнее и норд-вест даст возможность без больших трудностей добраться до Языка — в бейдевинд. Правда, всех изрядно похлещет, но, как говорится, из двух зол...

— На стаксель! — велел он заплаканному матросу, не добавив обычного «Рыжик». Чтобы понял он, не выполнивший приказ, что капитанский гнев никуда не девался.

Рыжик бросился к шкотам, выбрал их. Сел на левый борт, откинулся и все еще вздрагивал — то ли от недавних слез, то ли от холода (видать, рубашка и майка под жилетом не очень-то грели). А ведь и в самом деле — какой холод нагнало! Будто и не было жары. В небе теперь суетливо крутились уже не белые, а серые клочья, они то и дело загоразивали солнце, собирались в плотные пепельные груды. Ветер был наполнен холодной моросью.

«Называется — вторжение циклона, — хмыкнул про себя Слово. — Надо бы одеться. Ох как надо...» — И... не стал.

Он выбрал гика-шкот, прошел немного полным курсом, привелся до полного бейдевинда. Помахал концом шкота ушедшей уже далеко моторке: все, мол, в норме. И привелся к ветру сильнее, до крутого бейдевинда. Сразу ударило горстями крупных капель. И еще — целой охапкой. Впрочем, они казались теплыми — по сравнению со стремительно накатившимся холодом.

— Однако, — попробовал пошутить Смолянец. — Эти водные процедуры не были предусмотрены протоколом.

— Много не было, — сказал Слово. — Сядьте на левый борт... пожалуйста.

Смолянец без возражений сел.

Лишенный трети парусной площади, «Зюйд» все-таки бежал резво, а кренился меньше. Все было бы неплохо, но мешала толчея волн. По инерции они все еще шли с юга, а встречный ветер пытался гнать их назад, ставил на дыбы. Волны делались крутыми, беспорядочно металась, как люди в потерявшей направление толпе. Но при этом каждая ухитрялась швырнуть в «Зюйд» порцию хлестких брызг и пены (они густо пахли все еще теплой озерной водой). Рыжик был, конечно, мокрый насквозь. И шорты, и рубашка под жилетом, и майка... Смолянцу тоже досталось изрядно. Он, однако, не жа-

ловался. Хотя, наверно, переживал: как появится в таком виде на совещании, перед начальством?

«Если успеет», — подумал Слово. Впрочем, без всякого злорадства.

«Зюйд» вспрыгивал на волны, как лыжник на мелкие крутые горки. Потом нажало так, что шверт, похоже, выскочил из воды. Смолянцева сбросило с борта, он упал на колени в кокпит. Слово стремительно растравил грот, парусина захлопала, конец гика заскакал по воде.

Смолянец толчком отправил себя на прежнее место. Кажется, шепотом выругался.

— Держитесь крепче, — сквозь зубы сказал Слово, выбирая шкот. Ладони горели. Он посмотрел на Рыжика. Тот совсем выгнулся за борт, вода окатывала его беспрерывно, он тянул шкот с какой-то отрешенностью приговоренного. А может, он таким себя и чувствовал? Ведь знал же он, что бывает за невыполнение приказа капитана в плавании, да еще в штормовой обстановке. На какое чудо тут можно надеяться?

Слово стало жаль Рыжика до обалдения. Даже разозлился. «Ну, подожди, обормот, доберемся до берега...»

Сквозь вертящуюся серую облачность и морось вдруг пробился желтый луч. Навстречу ему, навстречу «Зюйду» встал плоский гребень, отороченный кружевом из брызг. В брызгах засияли искры. «Красиво», — машинально отметил Слово. Но в тот же миг эта красота ударила по яхте и по всем, кто в ней был, широким водяным крылом. Следом пришел новый шквальный порыв — с запахом сырого песка от дальних пляжей у северного берега, камышей, дымов Сортировки... Пришлось опять потравить грот. Смолянец на этот раз удержался на борту. Отплевался и сказал:

— Мне кажется... эта лодка не приспособлена для такой погоды...

— Ну, почему же... — выговорил в ответ Слово (и подумал: «Лишь бы не ударило опять...»). — При полном экипаже все было бы нормально...

— Однако полного экипажа нет...

— Но и полных парусов нет. Держимся ведь...

Главное, что держался Рыжик. С тем же безразличием к ветру и волне, что и лисенок Берендей, накрепко принайтовленный к стаксель-штагу.

— Долго ли еще продержимся...

— До острова Язык, — известил Смолянцева Словко. — Туда за нами придет катер...

В эту секунду ветер мгновенно стих — как отрезало. Лишенный ветрового напора «Зюйд» выпрямился, потом быстро накренился на левый борт. Рыжик ловко скакнул в кокпит, присел. Смолянец метнулся вправо — решил, видимо, что все, оверкиль. А коварный ветер надавил с прежней силой — и снова крен направо. Рыжик тут же опять вывесился за борт. Словко тоже. И крикнул Смолянцеву:

— Сядьте обратно!

Тот, однако, сидел на корточках у швертового колодца, вцепился в его планшир. Изо всех сил. Видать, был перепуган. Ну и что? Это бывает хоть с кем, кто первый раз в такой переделке. И Словко крикнул совсем не для обиды, а чтобы скорее выровнять яхту:

— Сядьте обратно, подполковник! Будете метаться, мы по правде кильнемся!

Того будто встряхнули за шиворот. Он толчком послал себя на левый борт, выгнулся там назад, как и Словко. Даже не попытался увернуться от нового хлесткого гребня. Но повернул к Словко злое лицо и крикнул:

— Я же говорил: она не приспособлена!

— Это вы не приспособлены! — вырвалось у Словко. — Сидите спокойно, и все будет нормально! — Он сцепил зубы. Все-таки чертовски трудно в такой переделке удерживать сразу румпель и шкот. Руль почти не слушается на верхушках волн, парусина то надувается с отчаянной силой, то слабеет.

Смолянец не ответил на мальчишкину дерзость. Но крикнул:

— Я предлагаю спустить паруса!

— И что?! — крикнул в ответ Словко.

— Не будет так раскачивать! Пусть сносит по ветру! Пока не подойдет моторка!..

— Может снести на камни!

— Но где камни, там не глубоко! Можно выбраться на сушу!

— А яхта?!

— В таких случаях думают прежде всего о людях!

— Вы думаете о себе! — не сдержался Словко. — Если хотите, прыгайте за борт! В жилете не потонете! И пусть вас сносит на те самые камни! За час доберетесь...

— Дурак! Я думаю прежде всего о тебе! И о другом мальчишке!..

— Оно и видно! Вы офицер, а мечетесь, как таракан в банке! — Словко уже не думал сдерживаться. Наплевать! И от вырвавшейся злости стало легче, даже боль в ладони уменьшилась. И страх уменьшился (а ведь он был, страх-то, и немалый, просто Словко привычно держал его сбоку, в сторонке от сознания). Словко шевельнул румпелем, уходя от нового гребня, и злорадно объяснил:

— Вы сами виноваты!

— В чем это?! — возмутился Смолянец.

— Потому что есть примета: перед плаванием нельзя врать! А вы наврали, будто большая беда! Ну и вот!.. — Про примету Словко придумал только сейчас. Но тут же показалось, что это правда. И, наверно, Смолянцеву показалось так же. Он яростно сказал в ответ:

— Не было никакого вранья!

— Ха! — сказал Словко. Впрочем, похоже было, что это просто кашель от встречных брызг.

— Я все же настаиваю! Чтобы убрать паруса! — опять крикнул Смолянец. — В конце концов, я взрослый, а ты мальчишка! Я... требую!

— Вы не можете требовать, — с удовольствием сказал Словко. — Вы пассажир. А я капитан судна. И команду здесь только я. Такой на флоте закон...

Похоже, что это заявление прежде всего принял к сведению ветер. Он, кажется, понял, что спорить с капитаном «Зюйда» больше не следует. И... нет, он не стал слабее, однако в нем исчезла прежняя неровность, *скандальность*. Это был теперь сильный, но ровный ветер, а в такой ровности не бывает угрозы.

Это сразу учуял Рыжик. Перестал выгибаться, радостно оглянулся на Словко. Но матрос, не выполнивший приказ, не имеет права на сочувствие, и Словко отвел взгляд (хотя тут же обругал себя скотиной). Рыжик съезженно замер. Словко разозлился на себя и на Смолянцева. И потребовал:

— *Пожалуйста*, сядьте ровнее. Теперь уже дует не так опасно.

Смолянец и сам это ощутил. Выпрямил спину, расслабил руки. И хмыкнул:

— Слушаюсь, капитан...

— Напрасно смеетесь. Я действую по флотскому уставу, — сказал Словко. — Должны бы понимать...

Смолянцев хмыкнул опять:

— Видел я ваши уставы. Капитан отдает приказ, а матрос его в грош не ставит...

Словко что делать? Пришлось проглотить. Но совсем смолчать он не смог.

— В этом деле, — сказал он, чуть потравливая шкот, — мы разберемся без вас, подполковник.

Тот сел еще прямее. Почуял, может быть, что риска все меньше. И веско произнес:

— В нашей армии младшие по званию должны обращаться «товарищ подполковник».

— Я здесь не младший по званию... — Словко будто парировал фехтовальную атаку. — И в армии пока не служу.

— Ничего, послужишь еще! Нынче дело ставят так, что никто не сможет откосить! И там тебя обстреляют по всем параметрам!

— Как в столярной мастерской, что ли? Я сучковатый! — азартно сообщил Словко. (А «Зюйд» прошибал встречные гребни, как снаряд.)

— Ничего! Найдутся рубанки, — с удовольствием сообщил Смолянцев. — А кое-кого можно и тупым топором... — Он словно сам подставился для ответного выпада!

— Тупых топоров хватает! Потому и армия такая!

— Какая?!

— Такая! Сауны строите на школьных территориях! А солдаты в магазинах мелочь выпрашивают! — Словко сам видел это.

— А вот в этом мы разберемся без вас... господин капитан!

— Ну и... не обещайте мне топоры... *господин подполковник*.

— Я смотрю, ты очень не любишь подполковников...

— Почему?! — искренне удивился Словко. — У моего друга отец подполковник! Такой, что еще поискать! Он преподаватель в артиллерийском училище был, курсанты на него чуть не молились...

(«Вот бы хорошо: прийти домой, а в е-мейловском ящике письмо от Жека!»)

А Язык был уже рядом!

— На стакселе! — скомандовал Словко (чтобы не говорить «Рыжик»). — Растравить шкоты! Приготовить носовой!..

Сам он привел яхту носом к ветру, поднял перо руля, рас-

пустил гика-шкот (грот заполоскал, будто крыло подбитого дракона), бросился вперед, ухватил конец шверт-талей, с натугой поднял стальной шверт, закрепил стопором. «Зюйд» понесло боком, но тут же он въехал широким днищем на плоский прибрежный песок.

2

Стало тише: остров, хотя и низкий, прикрывал от ветра и волны.

Рыжик соскочил с носа, упал на колени, вспрыгнул, потянул по песку длинный швартов, намотал его на торчащий неподалеку камень. Двигался он скованно: видимо, изрядно закочеуел.

Словко откинул крышку форпика. Выбросил на берег пакет со своей одеждой и скрученный в тугую муфту апсель. Соскочил с бака на песок, обернулся:

— Виктор Максимович, сойдите с яхты... Вам хорошо бы снять и выжать рубашку. Встаньте вон туда, за камень, и закутайтесь вот в это... — Он протянул сверток апселя. Смолянцев послушался: взял, ушел к торчащему из песка скальному обломку. Тот был двухметровый, похожий на гигантский плавник, исписанный туристами. От ветра защищал, как великанская ладонь. Да и не было здесь большого ветра. Он шел выше, над головами, трепал верхние части неубранных парусов.

Словко посмотрел на съезженного Рыжика.

— Иди сюда.

Рыжик торопливо приковылял.

— Раздевайся.

Рыжик суетливо расстегнул и сбросил жилет, стянул оранжевую рубашку и майку, взялся за тяжелую пряжку на флотском ремне, глянул вопросительно.

— Тоже, — сказал Словко.

Рыжик уронил с ног шортики, переступил через них. Похоже, что беспрекословным послушанием он хотел заслужить хоть капельку прощения. Теперь он, щуплый и дрожащий, стоял только в узеньких лиловых плавках с вышитым утенком. Их тоже следовало бы снять, но Словко постеснялся требовать это. Он взял из пакета свою хлопковую майку и начал растирать Рыжика — плечи, спину, грудь, ноги (на которых все еще видны были густые следы давних комариных укусов). Тер, тер, даже сам согрелся. Рыжик попискивал и не оказывал

ни малейшего сопротивления. Словко наконец вытер ершистую голову, сел на корточки, сдернул с Рыжика расхлябанные кроссовки, растер ему ступни (Рыжик робко хихикнул от щекотки, но тут же испуганно замолчал).

Словко взял свои шорты, в которые можно было засунуть если не двух, то уж одного с половиной Рыжика точно.

— Надевай.

Рыжик послушался и теперь. Влез в штаны, застегнул ремень, который был бесполезен (как обруч на палке), подхватил его.

— Ну-ка... — Словко стал натягивать на него свою сухую, теплую рубашку (ох как хотелось влезть в нее самому). Тут Рыжик впервые разомкнул губы:

— А ты?

— Не вякать! — велел Словко. И Рыжик радостно обмяк: неофициальный тон приказа давал надежду, что командир сердится не совсем беспощадно.

Словко затолкал ему в шорты подол рубашки.

— Не обувайся, кроссовки сырые...

Сам он, как ни странно, теперь почти не чувствовал холода. Вернее, зябкость как бы обволакивала его тонкой пленкой, а внутри было тепло. «Защитная реакция, как у земноводного», — хихикнул про себя Словко (и все-таки вздрогнул). Потом оглянулся.

Смолянец устроился под камнем, завернувшись в лавсановый апсель. Кажется, чувствовал себя уютно (успеть на совещание, видимо, уже не надеялся; хорошо хоть, что не потонул). Выжатая рубашка его была накинута на верхушку гранитного «плавника». Они встретились глазами, и Словко сразу отвернулся. В эту секунду опять засигналил мобильник.

— Словко, как вы?

— В порядке! Мы на Языке! Ждем Федю!.. Корнеич, ты звони на базу? Что с Олегом Петровичем?

— Пытались вызвать неотложку, она где-то застряла, Каперанг повез Олега в больницу на своей машине, плюнул на какое-то совещание... Словко...

— Да? — сказал Словко, сразу почуввав какое-то осложнение.

— У Феди в баке кончился бензин. Он побежал за ним в кладовую, а там какая-то сволочь скачала из канистры всю горючку. И запаса нет. Он сейчас мечется, ищет. Ну, наверно, скоро найдет, вы уж потерпите...

— Мы терпим. А ты как там?

— А я уже на ходу! У мостков швартанулась яхта «Робинзон», с Сортировки, они идут к «Металлисту», прихватили меня.

— Сильно жмет?

— Да «Робинзону»-то что! Это корабль для кругосветки, у него фальшкиль три тонны... А как там ваш пассажир?

— А что ему! Завернулся в апсель, греется, как бабка на завалянке...

— Я позвоню еще на базу, потороплю Федю. А вы держитесь...

— Ага, — сказал Словко.

Он знал, что не будет «держаться» на Языке. Рыжик, хотя и одетый, все равно дрожал, долго не протянет. «Да и сам я... А этот несчастный Федя когда еще разыщет бензин, с ним всегда проблемы...»

Словко убрал под жилет мобильник и встретился с желто-серыми глазами Рыжика. Тот все еще стоял рядом.

— Словко...

— Что? — спросил он с остатками командирской сухости.

— А я... мне что будет... за то, что не послушался...

— Да уж будет, — злорадно пообещал Словко.

— На совет, да?

Словко прошелся по нему глазами от ершистой макушки до босых (очень белых по сравнению с коричневыми щиколотками) ступней. Рыжик двумя руками держался за шорты, чтобы не съехали. И смотрел... *Смотрел...*

— Яхтенный матрос Кандауров, — сказал Словко, — встаньте как следует. Внимание!

Рыжик вздрогнул, сдвинул пятки и опустил руки. Шорты немедленно съехали ниже колен, однако Рыжик не решился подхватить их: команда «внимание» в «Эспаде» означала «смирно».

— За отказ отправиться на катер объявляю... строгое замечание, — выговорил Словко, покусывая губы. — Ясно?

— А... ага... — Рыжик заморгал. — И... все?

— А что еще? Уши надрать, что ли?

Рыжик был явно не против такой меры. Его глаза начали светиться, как два фонарика (таких, как *тот*).

— Что надо отвечать? — уж-жасно суровым тоном спросил Словко.

— Что? — шепнул Рыжик.

— «Есть получить строгое замечание». Понял, балда?

— Ага... — опять сказал Рыжик. И вдруг сморщился, вскрикнул и ткнулся лбом в мокрую резину жилета на плече Словко.

— Тебе что, мало сырости вокруг? — голосом скандальной бабки сказал Словко.

— Не-а, не мало... — Рыжик оторвал лицо от жилета, и оно, в сырых полосках, улыбалось теперь во всю ширь. — А ты... все равно без меня не управился бы... То есть было бы труднее...

— Держите меня, я за себя не ручаюсь! Голову оторву! — ненатурально взревел Словко. Затем сказал ничуть не испуганному Рыжику: — Подбери штаны-то. И пошли брать риф на гроте.

Они освободили от вертлюга грота-гик, Словко стал наматывать на него грот, который умело и аккуратно приспускал Рыжик. Когда от паруса осталось чуть больше половины, Словко поставил гик на место, и они с Рыжиком снова набили грота-фал. Налетел мягкий порыв, мотнул уменьшенный парус, гиком крепко врезало Словко по ребрам. Жилет смягчил удар, но не очень. Словко аж взвыл.

— Больно? — подскочил Рыжик.

«Тебе бы так!» — чуть не вырвалось у Словко. Но застряло во рту. Ведь на самом-то деле хорошо, что не Рыжику, а ему, рулевому-растяпе...

— Чепуха, — процедил он. — Распутай стаксель-шкоты, совсем заматало...

— Ага! А что, идем на базу? — радостно догадался Рыжик.

Он же был не новичок, сразу понял план Словко! И план был самый разумный. Неизвестно еще, когда Федя разбудит бензин. Сколько еще здесь трястись на холоде. А до базы — прямой путь. Мельничный полуостров был всего-то в двух с половиной километрах («в полутора милях»), а ветер теперь будет дуть с кормы и слева — бакштаг, самый удобный курс. При нем почти не бывает крена, а с парусом, взятым на рифы, — тем более. И волна не будет хлестать навстречу, лишь станет иногда догонять, накатывать с кормы...

— Подбери имущество, — велел Словко.

Рыжик бросил в кокпит кроссовки и пакет из-под Словкиной одежды. Глянул на командира, оглянулся на Смолянцева. Громко и официально Словко сказал:

— Виктор Максимович! Мы отходим на базу, катер задерживается. Займите место в яхте.

— Ты что, спятил? — отозвался Смолянцев. Без особого

даже удивления, устало так. Было видно, что ему кажется немислимым покидать убежище под камнем и вновь окунаться в сырую свистящую круговерть.

— Мой матрос продрог до костей. Я за него отвечаю, — разъярил Словко. — Нам надо скорее в тепло... Вы идете с нами?

— Вы что?! Ты... Не смей! Я... запрещаю! — Смолянцев стал неуклюже подниматься.

— Как хотите, — пожал плечами Словко. — Тогда ждите катер. Рыжик, взяли...

Они налегли на бушприт, «Зюйд» охотно сошел в воду всем корпусом, Словко прыгнул, добрался до кормы. Опустил перо руля, выбрал шкот.

— Рыжик, отваливай!

Рыжик, одной рукой придерживая штаны, налег на бушприт, развернул его «в сторону моря», упал животом на носовую палубу, крутнулся, оказался в кокпите, сдернул с уток оба стаксель-шкота. Нос быстро отводило от берега. Смолянцев был уже у самой воды, но дистанция между берегом и яхтой делалась все больше.

— Не смейте! — снова закричал Виктор Максимович. И кричал что-то еще, потом закашлялся. Налетевший ветер взметнул над его плечами парусину апселя, и это придало происходящему некую романтическую окраску. Впрочем, стихаша, которые вдруг вспомнились стучащему зубами Словко, были не романтическими, а ехидными. Он их сочинил еще в третьем классе для дурашливой картинки в «Лиловой кляксе»:

Видите: это пустой горизонт,
Солнце встает из тумана.
Это вот остров — на нем Робинзон
В юбке из листьев банана...

Тьфу! Ведь обещал не заниматься больше стихоплетством! И не вспоминать даже...

Уже издалека Словко увидел, что Смолянцев запахнулся в апсель, как Наполеон в плащ, и снова пошел к полюбившемуся камню. А ветер надул Рыжкин стаксель, надавил на белый треугольник грота (и, наверно, удивился: почему парус теперь стал такой маленький?).

Но и с маленьким гротом «Зюйд» побежал резво. Иногда его догоняла волна — теперь без гребней, пологая, почти попутная, поднимала корму, мягко уходила под днище. На та-

ком курсе даже очень крепкий ветер был не страшен остойчивому суденышку с зарифленным парусом. И можно было не откренивать.

— Рыжик, сядь в кокпит, не торчи на ветру.

Рыжик послушно съезжил у носовой переборки. Глянул: «А ты?» Но Слодко оставался на борту, у кормы — иначе трудно работать румпелем и ничего не видно впереди.

Мягкий бег яхты, скорость, совсем уже не страшные шум и плеск могли бы сделать этот отрезок пути сплошной радостью. Если бы не холод (все-таки он крепко донимал), не саднящая боль от удара гиком и не мысли (они все же царапались) об оставленном на острове Смолянцеве. «Но ведь сам же виноват», — сказал себе Слодко. Он был уверен, что и Корнеич рассудит так же...

Когда были в ста метрах от гавани, выскочила навстречу моторка.

— Эй, привет! — радостно заголосил Федя. — А где ваш пассажир?

— На Языке! Не захотел с нами! Сходи за ним!.. А за Корнеичем не надо, он идет сюда на «Робинзоне»!

Федя рванул сквозь волны, а Слодко обогнул мыс и носом подвел «Зюйд» к привычному (родному такому!) причалу.

3

К счастью, на базе была душевая. И (опять же к счастью) нынче не была отключена горячая вода. Степан Геннадьевич Поморцев опытным глазом определил в Рыжике и Слодко «повышенную степень трясуности» и без лишних разговоров погнал их под тугие струи. Слодко сладко изнемогал под этими струями, ощущая, как уходят из него последние судороги озноба. А в соседней кабинке верещал наполовину всерьез Рыжик, которому самолично «возвращал нормальный тепловой баланс» начальник базы.

— Ай! Дядя Степа! Кипяток же! Мама!..

— Мама только скажет спасибо... если не схватишь чахотку... Терпи...

После душа Слодко натянул наконец возвращенную Рыжиком форму, а сам Рыжик был облачен в длиннющую взрослую тельняшку. В таком виде он последовал за своим командиром в пристройку, именуемую «бытовка». Там Слодко ста-

ринным электрическим утюгом высушил и выгладил мокрые Рыжкины шмотки. Ему было не привыкать — свою форму он гладил с первого класса.

Наконец Рыжик обрел привычный облик барабанщика — даже берет и аксельбант на месте. Слодко глянул в пятнистое зеркало на себя. Ну... малость помят, но, в общем-то, ничего. Хотя не красавец, конечно. Мама про его внешность говорила: «Ноги, космы и шевроны...» Слодко расчесал выгоревшие космы пальцами, поскреб на ноге розовое пятно отвалившейся болячки и увидел сквозь отраженное в зеркале окно, как подошла к пирсу моторка. Из нее выбрался и кинул на руки Феде свернутый парус Виктор Максимович Смолянецев. Что-то спросил у моториста и быстро зашагал к штабному домику. У Слодко опять неприятно зацарапалось внутри. «Но он ведь сам виноват...» Будто отзываясь на царапанье, завибрировал на груди под рубашкой мобильник.

— Слодко, ты где?! Я звоню, звоню!..

— Степан Геннадьевич нас в душе отпаривал!

— Значит, вы уже на базе?! Все в порядке?

Слодко не стал вдаваться в подробности.

— В полном...

— Дождись там меня, ладно?

— Мы дождемся... А ты где?

— На полпути. Была мелкая неприятность, наветренный бакштаг полетел, торчали в дрейфе, чинились. Теперь уже в норме...

— Сильно свистит?

— Изрядно. Зато скорее дойдем...

«Если что-нибудь еще не полетит», — мысленно добавил Слодко. Свистело, и правда, изрядно. На серой воде белели частые барашки. Над Мельничным полуостровом наперегонки мчались клочковатые пасмурные тучки. Верхушка мачты на мысу гнулась. Хорошо хотя бы, что не было дождя и морось тоже исчезла.

Однако в любую погоду надо заниматься делом. Крепкие ребята-многоборцы, что возились в эллинге со шлюпкой, по просьбе Слодко выдернули из воды, поставили на тележку, а потом на кильблоки «Зюйд».

— Цените морскую солидарность, юнги!

— Он не юнга, а капитан, — ревниво сказал про Слодко Рыжик.

— Виноваты, учтем, — пообещал старшина многоборцев.

Словко взял в дежурке ключ от ангара. Потом они с Рыжиком убрали с «Зюйда» паруса, понесли их в ангар вместе с гребками и отвязанным от штага лисенком Берендеем. Рыжик что-то украдкой шептал промокнутому Берендею. Паруса растянули для просушки вдоль стеллажей с запасным рангоутом. Берендея на шкентеле подцепили к рында-булиню запасного сигнального колокола — пусть и зверь сохнет. Сходили еще раз к «Зюиду», принесли спасательные жилеты и аптечку. Словко открыл шкаф-рундук, чтобы убрать в него коробку с лекарствами (сразу вспомнил: «А что теперь с Олегом Петровичем?»). В рундуке хранилось всякое отрядное имущество: запасные блоки, папки с бланками гоночных протоколов, кое-какая посуда, фонарики, сигнальные флажки... На внутренней стороне дверцы всегда висел оранжевый мачтовый флаг. Сейчас его не было...

Словко помигал. Выскочил из ангара. Поморцев неподалеку что-то втолковывал инструктору Володе.

— Степан Геннадьич! Сегодня кто-нибудь, кроме нас, брал ключ от ангара?! Флага нет на месте!

— Аида Матвеевна утром приезжала, она и забрала! Сказала, что для лагеря... А вы, кстати, почему не в лагере? — наконец уловил странность ситуации начальник базы. Он был не в курсе «эспадовских» проблем.

— Обстоятельства... — неохотно отозвался Словко. «Вот зараза! И флаг стащила! Видать, нарочно приезжала! Как мы теперь без флага-то...»

Рыжику Словко ничего не сказал: зачем его лишний раз огорчать... Тот уже пристроился на мягких запасных жилетах — с книжкой «Принц и нищий», которую вытащил из своей ячейки. Накинул на себя старую парусину. («Ну, читатель! Пуще меня...»)

— Словко, не закрывай дверь, ладно? А то темно будет...

— Можно же лампу зажечь... — Словко щелкнул выключателем, вспыхнула под балкой стоваттная лампочка. И... сразу — память о недавнем дне. Когда эта лампа не зажглась. Потому что отключили энергию. И когда в больнице остановился аппарат «искусственное сердце»... И Тёма Ромейкин...

Словко сжал зубы.

Появился в ангаре моторист Федя, протянул свернутый апсель и жилет Смолянцева:

— Привет от вашего пассажира...

— Ох, а я и забыл! — Словко хлопнул себя по лбу.

— Немудрено при таких приключениях, — посочувствовал Федя. — Словко, тебя Каперанг зовет. Прямо сейчас, к себе в каюту. Двигай...

«Уже приехал? Как быстро!.. А зачем зовет? Ох, ясно зачем...»

Каютой (вернее, «командирской каютой») назывался кабинет начальника моршколы РОСТО в штабном домике. Там обычно проводились совещания начальства.

Словко шагнул к стеллажу с «персональными» ячейками, взял там свой берет, надел на расчесанные пальцами, давно не стриженные пряди. В ячейке же отыскал галстук и аксельбант (в плавание их не надевали). Обнаруженным в кармане платком потер пряхку с якорем. Рыжик следил за ним тревожными глазами.

— Словко, можно мне с тобой?

Очень мягко Словко сказал:

— Но тебя же не звали, так не полагается. Подожди меня здесь...

— Будут ругать?

— Ну... не съедят же, — успокоил Рыжика (и себя) Словко.

Через полминуты он постучал в синюю фанерную дверь. Услышал «войдите», шагнул через порог.

За обширным столом командирской каюты, на фоне большого штурвала, карты Орловского водоема и спасательных кругов сидели пятеро. Каперанг Соломин (в синей куртке с погонами), грузный широколицый полковник с залысинами, гладко выбритый мужчина в штатском (но похоже, что и он офицер), худой смуглый майор в камуфляжной форме. И, конечно, подполковник Смолянцев — в брезентовой (явно чужой) куртке поверх мятой, но уже сухой рубашки.

Словко бывал в этой каюте тыщу раз, без всякого душевного трепета. Но сейчас ощутил себя, будто в кабинете завуча.

— Здравствуйте, — отчетливо (и, кажется, слишком тонко) сказал он. — Дмитрий Олегович, вы меня вызывали?

— Приглашал... Подойди ближе.

Словко сделал три широких шага. Встал по-строевому. Конечно, не навтыяжку, но пятки вместе, руки опущены, голова прямо...

Все смотрели на него без симпатии. Грузный полковник — привычно, штатский — скучновато, майор — с холодноватым интересом, Смолянцев — с откровенной неприязнью.

И даже Каперанг — непонятно как-то. Вернее, подчеркнуто нейтрально.

— Словуцкий, весьма неприятное дело, — сказал ему Каперанг.

— Я понимаю, — сразу отозвался Слово. — Но можно сначала один вопрос?

— Ну... если коротко.

— Что с Олегом Петровичем?

Офицеры переглянулись. Похоже, что удивленно.

Каперанг кивнул:

— Думаю, что не очень плохо. Приступ сняли. Предложили лечь на обследование, но он отказался, обещал, что позже. Запросился домой, говорит, много дел. Я не дождался, чем кончится, но думаю, что отпустят...

— Спасибо, — сказал Слово. И глянул прямо: «А теперь — давайте».

Каперанг Соломин произнес очень официально:

— Вячеслав Словуцкий, подполковник Виктор Максимович Смолянецв обратился ко мне с несколькими серьезными обвинениями, которые адресованы вам...

«Ого! «Вам!» Сроду такого не было...»

— Я слушаю, Дмитрий Олегович... — На Смолянцева Слово не смотрел.

— Обвинение первое. В грубости и неуважении к старшим. Вы дерзко и непочтительно разговаривали с Виктором Максимовичем во время рейса, отказывались слушать его советы и выполнять просьбы... Второе обвинение — в неумелом управлении судном и неоправданном риске, которому вы подвергали тех, кто был на яхте. И главное — в том, что вы обманом оставили его, Виктора Максимовича, на голом острове, на ветру и холоде, без укрытия, подвергая опасности его здоровье и срывая мероприятие, на которое он спешил.

«Ну ни фигя себе!» — чуть не выпалил Слово. Хлопнул губами и... успокоился. Он по-прежнему чувствовал себя в кабинете завуча, но уже как бы в тот момент, когда все ясно и когда знаешь, как ответить. Формулировать ответы он умел (курсы отрядного пресс-центра!). Сколько раз приходилось бывать в таких переделках, защищая себя и других! И всегда было ощущение, что, если прав, ничего тебе не грозит. Потому что есть «Эспада». И в крайнем случае — сигнал «Мэйдей!». Например, как в прошлом году, когда Сережку Гольденбаума об-

винили, будто он (это Сережка-то!) нюхал клей с другими третьеклассниками на школьном чердаке...

— Дмитрий Олегович, можно мне по порядку?

— Даже нужно, — кивнул Каперанг.

— Подполковник Смолянецв появился на берегу, когда мы стояли в устье Орловки. Сказал, что у него большая беда, и просил срочно доставить в город. Если беда, мы обязаны помогать. Мы пошли, хотя Даниил Корнеевич не вернулся из Полухина. Срочно же надо!.. Олег Петрович был на гроте, но у него случился приступ, грот пришлось взять мне. Господин подполковник не мог мне помочь, потому что не знает парусного дела, он только откренивал. Потом засвежело. Подошел катер, Олег Петрович перебрался в него. Господин подполковник хотел туда тоже, но ему сказали, что нельзя: с яхтой без откренки мы бы с Рыжиком не управились... По пути на Язык начались шквалы, господин подполковник... он стал нервничать. Стал требовать, чтобы мы убрали паруса и дрейфовали к подветренному берегу. Но там камни, яхту разбило бы. Мне пришлось сказать, что команду парусником я и только я имею право принимать решения. И еще я сказал... что нельзя во время такого ветра метаться по судну, как таракан в банке, это опасно. За эти слова я прошу прощения... — Слово впервые посмотрел на Смолянцева и чуть наклонил голову.

— Дальше, — сказал каперанг Соломин.

— Дальше мы подошли к острову Язык. Я дал господину подполковнику апсель, чтобы он завернулся в него от холода. Мы уменьшили парусность. Курс на базу был теперь безопасен. Моторка задерживалась, а мой матрос промок до нитки и продрог, он мог простудиться очень сильно. Я решил идти. Позвал господина подполковника. Тот стал кричать, что я спятил. У меня не было времени долго упрашивать... Как уговоришь человека, если он боится?

— Это бессовестная ложь! — взвизгнул Смолянецв. — Я боялся не за себя, а за этих двух сопляков, которые по своей бестолковости готовы были утопить себя, а меня оставили там нарочно! Чтобы я опоздал сюда... по важному делу, о котором по наивной доверчивости проговорился!

— Да я тогда и не помнил про это ваше дело! — со звоном сказал Слово. — Я думал о Рыжике!.. А вы... Если честно, я был рад, что вы не пошли с нами. А то опять бы начали скакать в яхте с перепугу!.. Извините, конечно...

— Во как... — неожиданно выговорил полковник.

— Да! Между прочим, командир судна имеет право высаживать пассажира, если тот ведет себя опасно.

Каперанг Соломин раздумчиво проговорил:

— Словуцкий. Я начинаю верить, что вы действительно допускали резкие высказывания в полемике с Виктором Максимовичем.

— Мы поспорили о приказах и об армии. Господин подполковник сказал, что меня там обстреливают тупым топором. Я ответил: понятно, почему такая армия. Он обиделся. Но про тупые топоры — это не я...

Слушали Словоکو внимательно, без выражения на лицах. Только при «господине подполковнике» штатский слегка морщился. Но сейчас он сказал, глядя мимо Словоکو:

— Не думаю, что у этого юноши есть право судить об армии. Он ее не нюхал еще.

Словоکو слегка «отпустил вожжи»:

— А у господина подполковника нет права судить обо мне. Как о рулевом. Я делал все, что надо, и привел яхту на базу без аварий. Несмотря на шквалы и половинный экипаж. Я действовал по парусным правилам и уставу флотилии...

— Видел я ваш устав! — со всевозможной язвительностью сообщил Смолянцев. — Отдаешь сопляку-матросу приказ, а он посылает тебя куда подальше...

У Словоکو прошлись по щекам холодные иголочки.

— Во-первых, — выговорил он, — Рыжик не сопляк, а мой товарищ. Во-вторых, я в той обстановке обязан был отдать приказ, чтобы матрос ушел в моторку. А он... он же видел, что я рискую, что могу не справиться. И решил, что исполнять не должен. Ради меня... и ради вас, Виктор Максимович... он так решил.

Полковник сказал с увесистым покашливанием:

— Детский сад. Подчиненный не должен *решать*. Его дело исполнять приказ *беспрекословно*.

— Как капитан Пульман? — ровным голосом спросил Словоکو.

У всех, кроме Каперанга, одинаково дрогнули брови и губы. Конечно, все помнили о Пульмане. Штатский слегка выкатил глаза.

— Не тебе об этом судить... мальчик.

— Но мне судить, что делать на судне. Когда я командир...

Каперанг Соломин приподнял над столом ладонь.

— Товарищи офицеры, мы отвлеклись. Я понимаю, вы сидите с армейских позиций, но флотилия «Эспада» не армия. И не военный флот... И даже не военно-патриотический клуб...

— А какой же? — впервые подал голос майор.

— Это вообще не клуб. Это морской отряд, — сказал Словоکو. Каперанг быстро глянул: «Помолчи». Но поддержал капитана Словоцкого:

— Да. В этой организации свои правила и традиции...

— Оно и видно, — опять вмешался Смолянцев. Крепко, видать, жгла его досада. — Традиции. Рассусоливаете с этим ряженым матросиком в коротких штанишках, вместо того чтобы... — и не договорил, закашлял.

Каперанг Соломин сел за столом прямо. Чуть улыбнулся.

— Еще в детстве я слышал от своего педагога Московкина, что мера человеческой доблести определяется не длиной штанов. В этом плане даже девятилетний матрос Рыжик не уступит многим мужчинам в брюках с кантами... А что касается конкретно Вячеслава Словоцкого, то он не матросик, а капитан. Капитан флотилии «Эспада». Той, в которой тридцать лет назад был капитаном и я...

— Тогда все понятно, — усмехнулся Смолянцев.

— Товарищи офицеры, я рад, что все всем понятно. Подведу итог. За резкие выражения в адрес подполковника Смолянцева Словоцкий извинился. Что касается плавания, то он, по моему убеждению, действовал адекватно обстоятельствам и в соответствии с хорошей морской практикой. Так что здесь я не вижу оснований для претензий к нему... Если больше нет вопросов, я полагаю, капитан Словоцкий может быть свободен... — И каперанг кивнул Словоکو.

Тот вскинул два пальца к берегу. Это был неофициальный, но вполне приемлемый в «Эспаде» способ сказать «здравствуйте» и «до свиданья». Затем Словоکو повернулся через левое плечо и сделал несколько шагов к порогу. Аккуратно прикрыл за собой дверь.

Оказалось, что Рыжик (как и следовало ожидать) не сидит в ангаре с книжкой, а топчется недалеко у двери. Он вскинул вопросительные глаза.

— Все в порядке. Никаких проблем, — небрежно сказал Словоکو. — Идем...

Они были на полпути к ангару, когда сзади незнакомо окликнули:

— Вячеслав!..

Их догонял смуглый майор. Он подошел, оглянулся на штабной домик и зачем-то объяснил:

— Там пока перерыв... А у меня к вам вопрос, Вячеслав. Можно?

— Д-да... пожалуйста.

— У меня сын, Валерка. Десяти лет. Я хотел спросить: всех ли берут в вашу флотилию? И что надо для зачисления?

— Да ничего не надо! — с облегчением сказал Словко. — В начале сентября приводите в отряд, улица Профсоюзная, дом шесть. По вторникам и пятницам, с четырех до шести. Или с десяти утра, если в школе вторая смена...

Майор две секунды постоял рядом, улыбнулся как-то не по-военному, потом козырнул (он был в пилотке) и зашагал к штабному домику. А у Словко опять засигналил мобильник.

«Опять Корнеич! Неужели снова что-то с «Робинзоном»?» Дуло по-прежнему крепко.

Звонила мама:

— Вы где, мореходы? Вас еще не посадило на скалы?

— Ма-а, мы давно на базе! И больше на воду не пойдём!

— Слава богу! А то я сама не своя, вон как тополя гнет!

— Мама, у нас все хорошо!

Он кончил разговор, сунул телефон под рубашку, зацепил пальцами свой медный крестик. И... будто очнулся. Взял крестик в кулак. «Ведь правда все хорошо... Спасибо...»

«У меня все хорошо, потому что я счастливый... Потому что все кончилось благополучно. Потому что рядом живой-здоровый Рыжик... Потому что яхты «Эспады» прочные и надежные... Потому что у меня есть мама, которая все понимает. И самый лучший папа, у которого лишь один недостаток — компьютерные игры... (И еще есть Ксюшка Нессонова с ее привычкой взглядывать быстро и лукаво, но об этом — ни одному человеку!) И вообще все так здорово на свете!.. И было бы совсем замечательно, если бы дома оказалось письмо от Жека...»

Они с Рыжиком стояли на ветру. Словко наконец спохватился:

— Идем, а то опять просвистит. — Он взял Рыжика за плечо, а тот вдруг сказал:

— Вон яхта идет, большая! Корнеич...

Высокий парус «Робинзона» вылетел из-за ближнего острова, как гонимое сквозняком перо.

И в ту же минуту в открытые ворота въехала синяя «копей-

ка» Кинтеля. Подкатила вплотную, обдав теплом и бензиновым духом. Кинтель распахнул дверцу.

— Корнеич еще не вернулся?

— Вон идет, — кивнул на озеро Словко.

Кинтель возбужденно объяснил:

— Они с Московкиным, несмотря на все приключения, успели по телефону проверить одно дело. А нас погнали в детский дом исполнять...

С другой стороны машины выбрался Салазкин. И осторожно вытянул за собой мальчонку меньше Рыжика. Похожего на робкого птенца-кулика. На остреньком лице мальчика была готовность к чему угодно. Будто мог он и заплакать, и улыбнуться — в зависимости от того, что услышит. Салазкин взял его за плечи, поставил перед собой, лицом к Словко и Рыжику.

— Вот, ребята, очень хороший человек. Это Орешек...

СРЕДИ ВЫСОКИХ СОСЕН

1

А письма от Жека в тот вечер снова не было. Словкины радости приугасли.

— Мама, я позвоню в Калининград?

— Ну, позвони, позвони... Уехал твой Жек с родителями куда-нибудь на дачу, а там связи нет, вот и вся причина, что не объявляется. А ты изводишься.

— Ага, «уехал»! И не сообщил...

— Да, может быть, письмо не прошло по Сети. Бывает такое...

Словко и сам знал, что бывает. Но на душе скребло.

Телефон в Калининграде опять не ответил. Длинные гудки — вот и все (так бы и шархнул трубку об пол, хотя она ни при чем)...

Отца еще не было дома, компьютер свободен, и Словко сел писать Жеку очередное письмо.

«Я уже кучу писем тебе написал, а ты молчишь... А у нас сегодня был такой ветер. Иногда настоящий шторм. И столько всего...»

Словко начал излагать сегодняшние события.

Раньше он писал довольно коротко, а сейчас будто открылись шлюзы. Рассказал про плавание, про Олега Петровича,

про подполковника Смолянцева — по порядку, все, как было... И каким отчаянным молодцом оказался Рыжик... «Я тебе уже как-то писал про него, это мой новый матрос...»

Раньше он упоминал о Рыжике «как-то так», между делом, а сейчас — пошло-поехало: и про колесо, и про маленькое колесико-талисман (потерянное и нашедшееся), и про то, как Рыжик нарушил устав и не ушел с «Зюйда»... И даже про молитву Рыжика, которую он выговаривал на барабанах в тот день, когда прощались с Тёмой Ромейкиным... И, вернувшись опять к тому горькому дню, Словоко признался Жеку, что больше не будет заниматься дурацким делом — рифмованием строчек. И что теперь есть у него одна заветная мысль (хотя порой страшно делается) — заняться изучением («математическими анализами!») всяких тайн и энергий, которое рождает загадочное хронополое...

И дальше его несло и несло. Вплоть до того, что попытался пересказать (коротко, конечно) повесть про Дракуэль, которую вместо заданного сценария сочинил Игорь. И как хорошо слушать эту историю в таинственных ночных сумерках, или под шум грозы, или в заросшем закутке у колеса с горящими фонариками...

Только про нелады и раскол в отряде Словоко писать не стал. Не хотелось огорчать Жека (да и себя тоже). Зато... зато Словоко признался, что, несмотря на разные невзгоды («и даже на то, что ты ни фиги не пишешь»), жить бывает иногда очень славно. «Будто такой светлый зайчик пробегает...» И дошла его откровенность до того, что он объяснил: часто зайчик этот мелькает, когда по-особенному, быстро и чуть хитровато (не как на других) взглянет на него Ксюшка Нессонова...

Отец давно вернулся с работы, несколько раз поглядывал в дверь и деликатно кашлял.

— Ну, подожди немного... — двигал плечами Словоко. И стучал, стучал клавишами...

Наконец закончил. Глянул, охнул — сколько получилось! Перечитал и охнул снова. Ясно стало, что не пошлет он Жеку это письмо. Конечно, не было у них друг от друга тайн, однако и таких вот длинных излияний, с полной распашкой самого себя, не было тоже. И Словоко понял: писал он не столько Жеку, сколько себе. А теперь... «Конечно же, теперь вот это...» — Словоко нацелился пальцем в кнопку «очистить». И... вдруг замурился и даванул кнопку «отправить».

И сразу стало легко и просто. Потому что письмо не ухва-

тишь за хвост. И Жека, если прочтает его... ох, да только бы получил! И ответил бы!

А потом вдруг пришло простое понимание: мама, конечно, права! Ведь если штормом оборвало телефонные провода, то Интернет недоступен тоже! У Жека там не кабель, а модем! Поэтому и не смог ни написать, ни звонить, перед тем как (опять же права мама!) уехать вместе с отцом и матерью куда-нибудь на побережье...

От такого объяснения стало спокойнее на душе.

И даже на следующий день, когда письмо снова не пришло и телефон не ответил, Словоко уже не очень расстроился. Тем более что хватило забот перед отправкой в «мини-лагерь».

Решили поставить лагерь не в устье Орловки (там ожидался какой-то сельский праздник), а правее этого места, на Сосновом мысу. Конечно, место не самое удобное. Туда часто навдываются всякие компании отдыхающих, выбрано в округе все топливо для костров, мало травы и много сухой скользкой хвои, почти нет подлеска, а сосны — с голыми прямыми стволами. Но... если до выходных успеешь «застолбить» место, другие компании уже не сунутся. И хватает здесь простора, чтобы погонять мячик. А дно у берега твердое и песчаное. Вокруг множество гранитных валунов, которые делают пейзаж похожим на Карелию и на которых можно замечательно бездельничать, растянувшись на солнышке.

Пошли на мыс на двух кечах и «Оливере Твисте». Форпики и ахтерпики «Зюйда» и «Норда» были загружены походным имуществом. Особенно много места заняли полтора десятка спальников. Ну, ничего, все влезло. Правда, к Словоко, на «Оливер», пришлось погрузить тюк с парусиной для навесов...

Словоко вместо уехавшего Матвея пустил в экипаж Владика Казанцева — тот, как и предсказывал Сережка Гольденбаум, в Скальную Грядку ехать отказался. А еще в экипаже «Оливера» были, конечно, Сережка и Рыжик.

На кечах разместились по шесть человек. На «Зюйде» — Кирилл Инаков, Нессоновы, Полинка, Мультик и Корнеич («Я буду очень послушным пассажиром»). На «Норде» — Равиль Сегаев, Леша Янов, Мишка Булгаков, Кинтель... А еще Роман Вострецов (на правах ветерана) и Васятка Ростовцев, Орешек, на правах... неизвестно кого — то ли гостя, то ли кандидата. Впрочем, Орешка не волновал вопрос о своем поло-

жения. Он был просто рад. Тихой такой, но полной радостью. Он был неотрывно при Ромке — не назойливо, но прочно.

Ромка не церемонился с Орешком. «Ну-ка заправь рубашку, у нас разгильдяями башмаки чистят!.. Не наматывай шкот, лапы оборву!.. Где ты ухитрился вляпаться в глину?» Васятка торопливо приводил в порядок джинсовый летний костюмчик с пряжками на лямках (в нем семь лет назад гулял Ромочка Вострецов). Освобождал от петли на ладони стаксель-шкот, который дали подержать на пять минут. Старательно оттирал от колючих коленок глинистые пятна («вляпался», когда таскал имущество из ангара в яхты). И молчаливо млея от счастья. От того, что есть большой, всеильный и справедливый Рома, который никогда не станет чистить им башмаки, не станет отрывать ему лапы, а всегда будет заступаться, учить множеству интересных дел, а по вечерам грозно рычать «ну-ка брысь под одеяло, личинка сушеная!» и потом долго не уходить от его постели, рассказывать про флотилию «Эспада», адмирала Нахимова, громадные летучие дирижабли и про то, как они с Катюхой («ну, знакомая одна») лазали по развалинам старинного дома и нашли там в мусоре фарфоровую Бабу Ягу, которая раньше, конечно же, была настоящей и жила в том самом доме, а у дома в ту пору были куриные конечности. («Да не бойся, она же теперь не настоящая...» — «Я и не боюсь. А можно ее посмотреть?» — «Можно. Потом. Она у Катюхи на подоконнике...» — «А у меня... у нас с Тёмой... стихи были про Бабу Ягу... «Ночью бабушка Яга облетала берега. На одном избушка, на другом Ванюшка. Заблудился он в лесу. Ладно, я тебя спасу. Да не бойся, я не съем, я беззубая совсем...» — «Хорошие... А почему ты говоришь *были*? Они и сейчас есть...» — «Тёмы-то нет». — «Но его же не совсем нет, раз есть стихи. И ты...» — «Рома, а он... совсем ничего не чувствует или... может, смотрит с неба и слушает?.. Он так про маму говорил. Про мою...» — «Ну и правильно говорил...» — «Рома, а та Баба Яга, она с метлой?» — «В ступе. Метла тоже была, но откололась, только черенок в руках...» — «Рома, а кто выше летает, Баба Яга или дирижабль?» — «Ох ты, голова! Конечно, дирижабль! У Бабы Яги ведь нет кислородной маски для высоты...»

Кроме стихотворного таланта, у Васятки обнаружился еще один: он ловко и стремительно чистил картошку. Сам вызвался быть в кухонном наряде, когда готовили обед и оборудовали лагерь. Желтые картофелины, будто голые пузатые лили-

путики, выпрыгивали из его пальцев и булькались в ведро с удивительной частотой...

Остальной народ тоже был занят делами. Натягивали между сосен тенты из старых шлюпочных парусов, на костровой площадке втыкали рогатины, выгружали с яхт спальные и посуду... Несколько человек пошли сбивать со стволов нижние сухие сучья — для костра. Но сучьев было мало, их давно уже пообломали туристы. Надо было искать места с топливом подальше.

Словко миновал высокие прямые сосны, продрался сквозь шиповник, пересек поляну с ромашками и львиным зевом и среди корявого мелколесья наткнулся на целый клад: груды хвороста! (Сразу вспомнился завал валежника на тридцать втором километре.) Словко набрал громадную охапку трескучих веток и двинулся назад, чтобы командировать сюда свой экипаж. И услышал:

— Словко, постой...

Это появилась на поляне Ксения (похожая на мальчишку, в шортах и завязанной по-пиратски оранжевой косынке на короткой стрижке). Она подошла.

— Закрой рот, открой глаза...

Словко послушался. Всяких шуточек, вроде засунутого в пасть одуванчика, можно было не опасаться: Ксюшка же... Она толкнула ему в рот горсть удивительно пахучей земляники.

— А... мня... — зажевал, зачмокал Словко. — Спасибо... А других тоже угостила?

— Другие сами наберут, а у тебя руки заняты... Где столько дров набрал?

Словко дернул назад головой. Ксения сильно обрадовалась:

— Пойду, тоже ухвачу!

Словко, развернувшись всем корпусом, смотрел ей вслед. Она быстро обернулась, зачем-то погрозила пальцем и зашагала дальше, раздвигая исцарапанными ногами высокие ромашки. У Словко затеплели щеки. Он уткнулся ими в хворост и заспешил к лагерю...

После долгого (до полного посинения!) купания, согревания на горячих от солнца валунах, обеда и мытья посуды устроили официальное открытие лагеря, подняли флаг. Привычный оранжевый флаг с корабликом и косо летящей чайкой

«умыкнула» коварная Аида. Поэтому прицепили к фалу, перекинутому через сук на тонкой сосне, «флаг отхода» — синий с белым прямоугольником. Тот, который служил обычно сигналом для начала гонок. Тоже уважаемый и заслуженный флаг, годится. Ваня Лавочкин (Мультик, художник!) красным пастельным карандашом вывел на белой материи букву E — «Es-rada». Надели форменные рубашки, береты и галстуки, встали шеренгой. Поинка пошла к матче: по традиции поднимать и опускать флаг поручалось младшему члену флотилии (только не кандидату, конечно).

И все было как всегда: «Флотилия, внимание! На флаг...» Только дружного марша восьми барабанщиков не было (что поделаешь!). Но один барабан все же был. Его прихватил из дома Корнейч — так сказать, личное имущество семейства Вострецовых. Полтора десятка лет назад барабан этот — высокий, с голубым якорем на черном боку — был подарен новорожденному Ромке Вострецову. А пока Ромка был малышом и до «отрядно-призывного» возраста не дотянул, на этом барабане очень любил играть Костик Малютин. Сядет рядом на полу и выстукивает что-то одному ему понятное... Это было в те времена, когда отряд назывался «Тремолино», собирался на квартире у Корнейча и сохранил в себе всего лишь столько ребят, сколько сейчас собралось на мысу...

Теперь барабан взял Игорь. И пусть не такой громкий, как обычно, а все-таки «флаговый марш» зазвучал. И привычно вскинулись над беретами ладони. И Ромка взял левой рукой запястье растерявшегося Орешка и поднял его руку над растрепанной Васяткиной головой: привыкай, личинка...

Потом продолжали возиться с устройством лагеря, а через два часа начался турнир «имени самого знаменитого среди великих стрелков всех времен и народов благородного разбойника Робин Гуда». Кинтель ухитрился смастерить из длинных черемуховых веток два вполне пригодных для состязаний лука. Со стрелами было просто: с недалеко болотца принесли охалку сухого тростника, на концы стеблей намотали муфточки из тонкой алюминиевой проволоки. Оперения делать не стали, сойдет и так (да и где их возьмешь, перья-то; не чаек же ловить!). Легонькие стрелы летали далеко, хотя порой и рыскали в воздухе.

Мультик намалевал на картонках мишени — страшные пиратские рожи с красными носами. Попадание в нос — десять

очков, попадание просто в рожу — пять, а если в рожу не попал, но картон все же зацепил — два очка.

Первой (и кто мог ожидать!) оказалась Поинка Верховская. На втором месте — Лешка Янов, на третьем Равиль. Орешек и здесь проявил способности: неожиданно занял четвертое место. Все за него радовались! В «Эспаде» по давним правилам на всех соревнованиях присуждали не три, а четыре призовых места, и Орешек получил диплом — яркий, отпечатанный на цветном принтере, с гербом «Эспады». И приз — маленький значок с эмблемой зодиака «Стрелец». Значок прицепил к лямке под пряжкой, а диплом долго носил перед собой, как зеркало, и боялся на него дышать.

Рыжику не повезло: оказался на восьмом месте. И похоже, что заметно огорчился. Словко утешил:

— Не унывай. Я на девятом, и то не горюю...

— Я тоже, — соврал Рыжик.

В общем-то, никто не принимал эти состязания всерьез. Потому что многое здесь зависело не от меткости, а от случайностей. Стрелы без перьев часто летели непредсказуемо и вместо мишеней клевали сосны. Зато все веселились от души.

Кинтеля, который, конечно, в турнире не участвовал, наградили за «гениальную организацию соревнований» и подарили им же сделанный лук.

— Повешу на стену. Рядом с трубой, — пообещал Кинтель.

Про трубу Кинтеля знали все. В начале девяностых он был горнистом «Эспады» — чуть ли не единственным в истории отряда. Он умел играть лишь один сигнал — похожий на вступление к «Итальянскому каприччио» Чайковского, но играл его хорошо и был весьма уважаем за это. Но потом Кинтель вырос, а на горн упал со стремянки семилетний Ромка. Он сплющился (горн, а не Ромка, ему-то хоть бы хны). Играть на таком инструменте было уже невозможно. Кинтель кое-как выправил трубу и «на вечное хранение» повесил ее в своей комнате, в квартире деда Толича и тети Вари. Рядом со снимком, где он, тринадцатилетний, вместе с другом Салазкин — оба в парадной форме, Кинтель с трубой, а Салазкин с бронзовым мальчиком на ладони...

Кстати, сегодня Словко не раз донимал Кинтеля вопросом: где Салазкин, почему не приехал. Кинтель отвечал неопределенно, почти загадочно: «Все в свое время...» При чем «время» звучало значительно, почти что с большой буквы.

Наконец загадка разрешилась. Среди сосен появились Са-

лазкин и Сергей Владимирович Каховский. Как потом выяснилось, их подбросил в эти места на своей машине знакомый Сергея Владимировича — в километре от мыса проходила проселочная дорога. Они были с рюкзаком и длинным клеенчатый чехлом. «Новичков» встретили приветственным воплем. Оба, как положено, салютнули флагу, но Каховский тут же сказал:

— Флаг прекрасный, но... как-то не в своей роли. У меня есть кое-что более со-от-вет-ству-ю-щее... Смотрите, народ... — Он извлек из рюкзака метровый кусок блестящего оранжевого штапеля.

Народ издал сдержанно-восторженное «у-у...».

Каховский с удовольствием объяснил:

— Вы скажете «у» пять раз подряд, когда узнаете, что это за вещь. Историческая. Тридцать два года назад молодой Олег Московкин выпросил эту материю у своей старшей сестры. Хотел сделать флаг для летних походов... Сестра ткань отдала, хотя и удивлялась: почему флаг будет не красный, а рыжий? Вам, мол, попадет от комсомольского начальства. А Олег объяснял: рыжий — как рассвет, как костер... И как некоторые упрямые барабанщики...

Мастер и Маргарита горделиво погладил свои кудри.

— ...Ну, как известно, Олегу Петровичу пришлось уехать еще весной, а материя все годы так и лежала среди его старых бумаг и вещей, в кладовке у сестры. А недавно он обнаружил его и отдал мне. Для вас... Будто чуял, что прежний флаг почитят... Пригодится?

Штапель тут же растянули на носовой палубе «Норда». У Мультика нашлась баночка белой нитроокраски. Он умело вывел в углу будущего флага силуэт кораблика с упругими парусами — с двух сторон (краска сохла моментально). Потом оглянулся через плечо:

— А что рисовать посредине?

Мачтового флага хватало обычно на два года. Потом шили новый, а прежний — выцветший и потрепанный ветрами — оставляли в знаменной комнате или отдавали на память кому-нибудь из ветеранов. И по традиции на каждом флаге был, кроме кораблика в углу, еще какой-нибудь рисунок (всякий раз — новый): то скрещенные шпаги, то мальчишка верхом на дельфине, то краб с растопыренными клешнями, то летящая чайка... А что сейчас?

Полинка Верховская почесала за ухом (как котенок лапкой) и вдруг азартным шепотом предложила:

— А давайте колесо, как у Рыжика!

— Ура... — тем же шепотом сказали сразу несколько барабанщиков. После чего стало ясно, что других предложений не последует. Только Словко добавил (его будто толкнул кто-то):

— А сверху парус. Кливер...

Никто из ребят, кроме Словко, не знал о загадочном значке Александра Медведева. Но никто все равно не заспорил. Возможно, здесь над всеми быстрой тенью от облачка пролетела какая-то догадка. Или каждый вспомнил серебристые паруса Тёмного кораблика?..

— Давайте... — выдохнула Ксения.

Ваня Лавочкин уверенно вывел на штапеле обод и восемь скрещенных спиц (не так, как у большого колеса, а как на Рыжьином талисмани). А над ободом — узкий, похожий на изогнутое лезвие, кливер. Оглянулся снова:

— Так?

Слаженный хор ответил, что «так». Рисунок тут же высох, и Мультик повторил его на другой стороне, по проступившему сквозь ткань силуэту.

Ксения сбегала к «складу» с общим имуществом, принесла парусную иглу, нитки и моток белого шнура.

— Края подрубим потом, на машинке. А сейчас пока делаем кренгельсы.

Отрезок фалового троса она крупными стежками приметала к переднему краю флага. На его концах сшила крепкие петли-кренгельсы.

— Будем поднимать?

— Флотилия, на линейку! — тут же скомандовал Инаков, он был нынче вахтенным командиром.

Сначала с почетом спустили «флаг отхода» (он сделал свое дело, спасибо ему). Прикрепили к фалу новый, оранжевый.

— Полинка, к флагу!.. Флотилия, внимание! На флаг! Флаг пошел!..

И снова — марш гордого одинокого барабана. И... будто бы даже крошки защекотали горло. По крайней мере, у Словко (да, наверно, не у него одного). Потому что это был не обычный подъем флага. Это было *возрождение*. Доказательство того, что мы — *отряд*. Пускай маленький, но настоящий. Несгибаемый и упрямый. Настоящая «Эспада»...

И само собой застучало в голове у Словко:

Как бы ни гнуло нас — прямо стой.
 Отряд — он там, где есть знамя.
 Рыжее знамя упрямства
 В ясном небе над нами!

«Ведь обещал же не рифмовать», — одернул он себя. Но не очень сурово, потому что сейчас угловатые строчки оказались, как говорится, «в жилу».

И все теперь было как надо. Правильно. Твердо. И ничего не потеряно. И много хорошего будет впереди...

Лишь одно беспокоило Словко. Рыжик был огорчен. Это видели не все, но Словко видел. И понимал. Рыжик, наверно, считал, что барабанить при подъеме нового флага поручат ему, как лучшему «солисту». Игорь, конечно, не стал бы возражать, но, видимо, просто не подумал об этом. А Рыжику что, не напрашиваться же...

Как-то надо было утешить его... Но эти мысли перебили звонкие удары о котелок. Он служил здесь корабельным колоколом (не тащить же было с собой настоящую рынду). За сигналом последовало громкое сообщение Кинтеля:

— Флибустьеры и мушкетеры! Готовимся к турниру имени знаменитого месье д'Артаньяна и его трех не менее знаменитых коллег!..

Оказалось, что Каховский привез не только флаг, но еще и две рапиры, две маски и перчатки. Объяснил, что это сокровище с «древнейших времен» хранилось в его «родовом гнезде». В квартире, где он в школьную пору жил с отцом и его женой («все равно что мамой») тетей Галей...

— Все собирался передать отряду, ну и вот, наконец...

От громового победного клича оранжевый флаг на мачтосне забился сильнее, чем от ветра...

3

Расчертили фехтовальную дорожку. Кинули жребий — у кого какой номер. Участвовать решили не все. Равиль Сегаев отказался: он был уже почти инструктором, то есть в другой возрастной категории. Сказал, что он и Ромка (тоже уже «большой») отведут душу потом, в отдельном поединке. Отказалась и Поинка. Рапиры были еще тяжеловаты для нее, а противники — слишком серьезны. Зато боковым судьей она была не хуже Романа, Равиля и Салазкина, ничто не укрывалось от ее

зорких глаз: ни одно касание, которое можно было счесть за укол, ни одно нарушение...

А главными судьями были по очереди Корнеич и Кинтель...

Итак, десять участников, круговая система, сорок пять боёв (если не будет дополнительных, для уточнения счета). Каждый бой — до трех уколов с одной из сторон. В общем, весь турнир — часа на два...

Не было защитных жилетов, но это дело поправимое. Надевали задом наперед прихваченные в поход куртки, застегивали на спине — вот вам и техника безопасности.

— К бою!.. Готовы? Начали!

И — дзынь, звяк, выпад, защита, атака... Азарт мушкетерского боя — это почти все равно, что азарт парусной гонки на финальной дистанции в крепкий ветер. Каждая жилка звенит!

Конечно, здесь у Словко не было серьезных соперников. Ну да, Кирилл, Игорь, даже Ксения... Но все же два-три года тренировок — это вам не то что занятия с дошкольного возраста. «И это вам не гонки, месье де Инакофф... Нет, сударь, не надо крутить эти финты, известный трюк. В ответ будет простой короткий выпад, вот так!..»

— Стоп!.. Со счетом три — один победил Словуцкий. Следующая пара: Казанцев — Нессонова...

И так один звонкий поединок за другим...

Словко великодушно позволил Ксене выиграть у него со счетом три — два (она покачала головой: догадалась), но это ничего не меняло, остальные результаты — победные. И дополнительный бой с Лешкой Яновым, у которого тоже оказалось девять побед (вот удивительно, когда набрался опыта?), тоже ничего не изменил.

— Три — два в пользу Словуцкого!.. Турнир окончен, приготавливаться к построению...

Рыжику не повезло и в этот раз! Еще больше, чем прежде. Последнее место... Ну а чего было ждать! Девять лет человеку, в отряде меньше года. В парусных делах проявил способности, а в фехтовальном деле не успел... Правда, диплом Рыжику все же дали. Как «самому младшему участнику соревнований, проявившему упорство и волю к победе» (это была тоже традиция — награждать самого маленького и неудачливого). И призидали такой же, как победителям: значок с парусником «Крузенштерн». Рыжик значок надел, но это его, кажется, мало уте-

шило. На Словко он смотрел странно: то ли с виноватостью, то ли даже со скрытым упреком. «Но не мог же я тебе проиграть, ты не девочка, — мысленно говорил ему Словко. — Да и что это изменило бы?» Впрочем, Рыжик и не ждал, конечно, никаких уступок. Просто обидно было, что так все неудачно сегодня...

Впрочем, понимал Рыжика не только Словко, но и барабанщики. Игорь отвел Словко в сторону:

— Отвлеки его чем-нибудь на минуту, мы посоветуемся...

— Рыжик, иди сюда, — сказал Словко. Тот подошел, вскинул глаза:

— Что?

— Я спросить хотел... это... мама-то когда приезжает? Со скулилсь небось?

Много ли надо человеку для утешения? Почувать, что о нем не забыли, вспомнить о скорой радости... Рыжик заулыбался:

— Она послезавтра приезжает, звонила недавно Корнеичу и домой Игорю и Ксене. Корнеич обещал отвезти меня в город, а потом забрать обратно. Когда захочу...

— Видишь, как все прекрасно!

— Ага... Она сказала, что привезет мне раковину. В ней море шумит...

В эту секунду Рыжика окликнули:

— Иди жребий тянуть!

Жребий тянули, кто сегодня и завтра будет дежурным барабанщиком. На спуске и подъеме флага и на других делах.

Рыжик потянул первым.

— Ой... Я...

— Везет некоторым, — со старательной завистью сказал Мастер и Маргарита.

Рыжик, смущенно улыбаясь, спрятал в нагрудный кармашек бумажку со своим именем. Наверно, на память. Остальные бумажки, уже не нужные, Игорь Нессонов бросил в огонь под закипающей для ужина водой. Они были туго свернуты. И это хорошо. Иначе бы, чего доброго, кто-нибудь мог прочитать, что на всех бумажных квадратиках — одно и то же: «Рыжик. Рыжик. Рыжик...»

Он сразу надел барабан. И тихонько застучал что-то неразборчивое, свое. Может быть, благодарность судьбе за хотя и маленькое, но все-таки чудо...

Но, конечно, это было не чудо. Настоящее чудо случилось позднее, через полчаса, и уже не для Рыжика, а для Словко.

Вернее, для всех. Негромко стуча, подошла к берегу знакомая моторка с Федей. И не только с ним! Подобрав подол, ступила на берег Соснового мыса не кто-нибудь, а Толкунова Аида Матвеевна. Собственной персоной. Но в этом не было еще ничего чудесного. Так же, как и в том, что впереди нее выпрыгнул на песок мальчишка в отрядной форме. Что особенного, взяла кого-то в попутчики... Вот только кого?

Кого же? Не поймешь издали...

Боже мой...

— Же-е-ек!!

Они ухватили друг друга за локти. Все, что было вокруг, отодвинулось. А они так вот — глаза в глаза, улыбка в улыбку...

— Ты откуда свалился?

— А... тут такая история...

— Ты потому и не писал? Потому что ехал?

— Ну да! В поезде — как? А дома у нас давно уже все было выключено. Потому что... Словко, но я все равно все твоё прочитал, сегодня. Прибежал к тебе, у вас дома никого нет, я — к нашим старым знакомым, у них компьютер. Я сразу открыл все твои письма... Там написано в конце: «Уезжаем в лагерь!» Я решил, что как раньше, в Скальную Гряду! Отпросился у мамы, тот же знакомый увез меня туда... Там я узнал, что вы тут... Аида Матвеевна говорит: «Поехали, мне тоже надо к ним!» Мы обратно на машине — сперва на базу, потом на моторке сюда...

Словко помотал головой:

— Нет, я не верю, что это ты... Так не бывает... Чтобы — раз, и как в сказке...

Но и появление Жека было еще не полное чудо. Полное случилось через полминуты. Когда Словко, чуть отдышавшись от сказки, выговорил:

— А ты надолго? До сентября?

И вот тогда:

— Я не до сентября. Я насовсем...

— Папу перевели обратно, — рассказывал Жек. — Заместителем начальника по учебной части. В то же артиллерийское училище. Дали звание полковника, и вот, сюда. И даже квартиру обещают прежнюю. И... все, как раньше. Наверно, в тот же класс пойду, если возьмут...

— Пусть попробуют не взять!.. Жек, я все еще не верю...

— Слово, я тоже сперва не верил, когда папа сказал. А потом все боялся: вдруг что-нибудь переменится. До самого вокзала боялся... Там, в Калининграде, хорошо, море рядом, но... все равно...

— Ты все такой же, — сказал Слово. — Даже форма та самая.

— Конечно. Только рукава стали покороче. Мама их ставляла... А ты тоже такой же. Только чуть удлинился...

Слово счастливо поморгал... и вдруг увидел Рыжика. Тот стоял неподалеку, сам по себе, и внимательно рассматривал свой значок с «Крузенштерном».

Слово вдохнул, выдохнул, помолчал секунду.

— Рыжик, иди сюда.

Тот сразу подошел, но стоял с опущенным лицом, все тебил значок.

— Рыжик, это Жек, — сказал Слово. — Жек, это Рыжик...

Ничего не изменилось в лице Жека. Только улыбка стала еще лучше.

— Привет, Рыжик. Я про тебя знаю. Слово писал... — Он положил свои ладони на плечи Рыжика, повернул его спиной к себе и к Слово. Притянул. Тот оказался прислоненным к ним к обоим лопатками, стоял посередине и чуть впереди, словно так было много-много раз. То есть одним движением Жек сделал то, что разом избавило Слово от всяких сомнений. И Рыжика, видимо, тоже...

Ну да. Раньше были Слово и Жек. Потом были Слово и Рыжик. А теперь они были втроем. Проще простого...

И они стояли так лицом к озеру, над которым носились чайки. Совсем как над морем...

А потом Слово и Рыжик взяли Жека за руки и повели к ребятам.

«РЕШАТЬ БУДЕМ ЗАВТРА»

Их обступили. Жека хлопали по спине, говорили «давно бы так, нечего там болтаться на этой мелководной Балтике, то ли дело у нас». Кирилл Инаков сделал свирепое лицо и предложил «разжаловать беглеца за годовой прогул из штурманов в подшкиперы». Было решено разжаловать, но тут же амнистировать, если пообещает больше не исчезать. Жек радостно обещал.

Подошел Корнеич.

— Глазам не верю! Олег Тюменцев! С каких небес ты свалился?

— Он с балтийских, — гордо сообщил Слово. — Насовсем. Теперь он будет в моем экипаже, пока не сдаст на права...

— Я вообще-то сдал. В Калининграде. Но только на «юного рулевого», на «Кадете». Это, конечно, не то.

Жека наперебой заверили, что «очень скоро будет то»...

Аида топталась в сторонке. В отличие от Жека, она никого не интересовала. Но все же Корнеич наконец оглянулся на гостью и сказал:

— Ребята, в круг. Есть вопрос...

Вопрос был напрямую связан с визитом Аиды. Конечно, она приехала не затем, чтобы доставить Жека (это так, по пути). Она появилась, чтобы звать всю «отколовшуюся группу» в Скальную Грядку.

— Потому как в этой самой Грядке полный кавардак, — равнодушным тоном, но с тайным удовольствием сообщил Корнеич. — То есть происходит то, чего следовало ожидать...

Происходило следующее. «Рейтинг» флотилии в глазах съехавшихся отрядов стремительно падал. Без барабанщиков «Эспада» — не «Эспада». И дело даже не в том, что некому было играть на общих линейках и праздниках, создавая торжественный и веселый настрой. Внутри отряда поселилась растерянность, сиротливость какая-то. Шли споры-разговоры, кто-то собрался домой. И наконец общий сбор единодушно решил: «Или они будут с нами, или нас не будет здесь...»

Каховский и Салазкин стояли рядом. Слушали молча, но внимательно.

— Вот такая обстановка, братцы, — завершил рассказ Корнеич. — Говорят, Ольга Шагалова там ревет не переставая.

— Сама виновата, — непреклонно заявил Мастер и Маргарита.

— Знаете, люди, сейчас надо не виноватых искать, — сказал Корнеич. — В спорах это последнее дело. Из-за этого по всей Земле великая грызня, планета аж содрогается... Надо решать, как быть дальше. Ехать в Грядку или нет?

— Вообще-то, наверно, надо, — хмуро проговорил Инаков. — Здесь, конечно, хорошо... но все-таки...

— Там же наши ребята... — строго сказала Поинка.

— Только пусть Аида извинится перед барабанщиками, — угрюмо потребовал Игорь.

Ксения толкнула брата локтем в бок:

— Да ладно тебе. Раз приехала, это значит, что уже извиняется...

Словко тоже понимал, что ехать надо. Потому что единство «Эспады» — важнее всех обид. Несмотря на всяких там аид, феликсов и аллочек смуглиных (а Ольга Шагалова просто дура; может, поумнеет еще...). Но... так не хотелось покидать крохотный лагерь на Сосновом мысу. Здесь тоже было что-то родное. За один день на этом берегу случилось так много хорошего...

— Давайте не сегодня. Давайте останемся хотя бы до завтра, — просительно сказал он. И почему-то застенялся. Его стеснения не заметили, а предложение одобрили. В самом деле, чего сразу срываться с места, на котором так славно обосновались!

— Давайте решим все завтра. Утро вечера мудренее, — предложил рассудительный Мультик.

И все согласились, что это — самое правильное.

— Тем более что ночью ожидается одно интересное явление... — вставил свое слово Сергей Владимирович Каховский. Корнейч обернулся:

— Аида Матвеевна, будьте любезны, подойдите к нам...

Она подошла. С поджатыми губами на нерешительном лице.

— Аида Матвеевна, мы решили, что обсудим все вопросы завтра, — сообщил Корнейч. — Сегодня не до того. Скоро ужин, потом спуск флага, а после спуска вообще не принято касаться важных дел. Завтра до обеда я вам позвоню...

— Да, но... ну хорошо. Но все-таки что ответить ребятам? И присылать ли завтра за вами автобус?

— Завтра я позвоню, — повторил Корнейч. А Ксения вдруг добавила:

— Ребятам скажите, что мы их любим...

Это неожиданное заявление все встретили молчаливо и одобрительно.

— Ну... хорошо, — опять сказала Аида. — Мы будем ждать... До свиданья...

Ей вразной ответили «до свиданья», а кто-то даже «до свиданья, Аида Матвеевна». Кинтель галантно проводил ее до моторки. Моторист Федя не менее галантно помог ей сесть. Моторка зафырчала и отошла. Аида оглянулась и нерешительно помахала растопыренными пальцами. Несколько человек помахали ей вслед. Правда, без большого чувства.

— Люди, не расходитесь, — попросил Корнейч. — Есть еще вопрос. — Он подождал, когда вернется Кинтель, посмотрел на каждого. — Вопрос о Нессоновых...

— А че мы сделали? — дурашливо спросили они разом.

— Много чего... Достаточно, чтобы спросить: не пора ли им стать капитанами?

— Мамочка... — выдохнула Ксения. Так забавно, что все развеселились. Но только на секунду.

— А как же... Ведь нужен общий совет, — усомнился Равиль Сегаев.

— Здесь большинство командиров, — объяснил Корнейч. — Два капитана, флаг-капитан, флагманы. Сергей Владимирович и Саня Денисов — флагманы-ветераны, они всегда имеют право голоса. Роман ушел в отставку в звании флаг-капитана, и раз он сейчас с нами, значит, тоже имеет право голосовать. И если все мы проголосуем «за», никто не отменит нашего решения... Игорю, кстати, капитанство необходимо еще и как командиру барабанщиков. Раньше такой командир всегда был в совете, независимо от звания, а потом как-то это правило забылось... Ну, как?

— Дык чего. Голосуем, — сказал Кирилл Инаков.

Корнейч предупредил:

— Голосуют только капитаны, флаг-капитан и флагманы...

Итак?..

Естественно, проголосовали «за». Мультик тут же притащил желтый пастельный карандаш и на штурманских нашивках Нессоновых вывел по одному широкому угольнику.

Рыжик вдруг схватил стоявший неподалеку барабан и лихо сыграл «Корабельный марш», которым обычно поздравляли награжденных. Все заплодировали его находчивости.

— У меня предложение! — быстро сказал Словко (эта мысль осенила его сию минуту). — Про Рыжика. Он в отряде почти год. И... он вообще... он такой, что вполне уже заслужил звание подшкিপера. Недавно во время шторма он... ну, вы знаете...

— В самом деле! — воскликнула Ксения. — Давно пора! Какие мы недогадливые...

Тут же проголосовали за Рыжика. Он засопел и нерешительно заулыбался.

— Яхтенному матросу Прохору Кандаурову, более известному под именем «Рыжик», присвоено звание подшкипера

«Эспады», — голосом герольда объявил Кирилл Инаков. — Ура.

Игорь взял у Рыжика палочки и, не снимая с него барабана, сыграл «Корабельный марш». Оно и правильно: неловко было Рыжику поздравлять самого себя. Ваня Лавочкин старательно вывел на матросской нашивке Рыжика первый командирский угольник. Жек незаметно пожал Рыжину ладонь: мол, сейчас было общее поздравление, а это лично от меня...

— Перекур, — объявил Корнейч.

Он, Каховский, Кинтель и Салазкин отошли в сторонку.

— Я только сейчас сообразил, — весело удивился Каховский. — Перекур, а мы ведь все некурящие. Да? Я пробовал было, да потом бросил. В экспедициях с этим лишняя морока, да и студиозусам дурной пример ни к чему.

— А я бросил во втором классе, — посмеялся Салазкин. — После первого раза, когда меня вместе с другими пацанами заметила за гаражами соседка. Отец выдрал меня хлипким клеенчатым пояском. Процедура была совершенно безболезненная, но меня ошарашил сам факт. Это что же такое ужасное я наделал, если мой милый интеллигентный папа вынужден положить меня на колени и, задыхаясь, лупцевать по заднице... А потом я сам себе говорил спасибо, что больше не начал. Был бы курящий, в яме свихнулся бы без табака, бывали такие случаи...

— У тетушки Вари был медицинский жгут, — предался воспоминанием и Кинтель (торопливо, чтобы сбить Салазкина с воспоминаний о яме). — Это вам не клеенчатый пояс. Она им грозила каждый раз, как унюхает. Ну, я и завязал от греха подальше... Потом, правда, в пятнадцать лет, попробовал снова. Это когда Алка Баранова перестала писать из Хайфы. До сих пор боюсь: вдруг угрохали ее там террористы. Ни ответа, ни привета... Вот я и задымил. Но после каждой сигареты жутко болела голова: видать, последствия. Плюнул... Если не получится женитьба, начну снова, терять нечего...

— Получится, получится, — пообещал Салазкин, который был в курсе всех дел Кинтеля.

— Я дымил в Афгане, — признался Корнейч. — Там без этого было невозможно. А после ранения почему-то как отрезало. Закурю — тянет рвать... И слава богу. Нашему народу та-

кой пример нужен еще меньше, чем студентам... А наследнику — тем более...

«Наследник» в это время воспитывал подопечного Васятку. Орешек радостно пищал, потому что Ромка поднял его над головой и нес к озеру. Обещал, что сейчас, мол, «закину эту липучую личинку на глубину и разом избавлюсь от всех забот». Вина «личинки» была в том, что он два раза осторожно приставал к Ромке: будем ли сегодня еще купаться?

Подоспевший Кинтель рассудил, что вина не велика, а искупаться перед ужином будет полезно всем.

Так и сделали. Потом съели по миске овсяной каши, сваренной из концентратов, запили чаем, в котором плавали сухие сосновые иголки. Мастер и Маргарита заявил, что там плавают еще и дохлые головастики, но этот факт не нашел подтверждения.

После ужина занялись кто чем. Владик Казанцев и Мишка Булгаков взяли луки и пошли «у моря искать дичины». А точнее, пулять никому теперь не нужные стрелы в озеро — кто дальше. Стрелы золотились под вечерним солнцем, вертикально втыкались в воду и, погрузившись наполовину, торчали как длинные восковые свечки.

Жек взял у Словко мобильник и звонил матери, что «никуда я не девался, а в лагере под начальством прежних командиров, и Словко тоже здесь и передает горячий привет...».

Рыжик и Сережка Гольденбаум сели у поставленного в траву барабана и по очереди что-то выстукивали палочками и костяшками пальцев.

Кухонный наряд мыл на берегу посуду, иногда отправляя миски в недалекое плавание.

Остальные разбрелись кто куда...

Кирилл и Равиль вдруг вспомнили, подошли к Каховскому:

— Сергей Владимирович, а что за ночное явление, о котором вы говорили?

— А вы не знаете? Сегодня Луна в перигее, то есть на самом близком расстоянии от Земли. Такое в период полнолуния случается примерно раз в двадцать лет. В газетах писали... Она, матушка, нынче будет казаться больше, чем обычно, в полтора раза. Фантастическое зрелище! Этакий сказочный диск над горизонтом. Пропустить это грешно...

Об ожидаемом сказочном зрелище почти сразу узнали все. Однако до него было еще далеко, луна всходила после полуночи. А пока что еще солнце не спешило прятаться.

Рыжик подошел к Словко и Жеку. Глянул: можно к вам? Его взяли в четыре руки, усадили рядом. Жек спросил шепотом:

— Можно посмотреть твоё колесико?

— Ага... — тоже шепотом обрадовался Рыжик. Достал колесико из-под ворота. Жек бережно взял его на ладонь, они с Рыжиком сдвинулись головами.

Чтобы не мешать им, Словко прислонился к теплому валу и стал смотреть на просвеченный предзакатными лучами флаг — тот легко колыхался на ветерке.

«Нельзя его прятать в шкаф, когда вернемся, — подумал Словко. — Надо, чтобы он стал особым флагом барабанщиков. Навсегда...»

И опять стало отстукивать в голове:

Как бы ни гнуло нас — прямо стой.
Отряд — он там, где есть знамя.
Рыжее знамя упрямства —
В ясном небе над нами...

Он стукнул себя по колену.

— Ты что? — сразу качнулся к нему Жек. А Рыжик взметнул встревоженные глаза.

Скрывать что-то от Жека было нельзя (да и от Рыжика не стоило).

— Потому что я дубина... Обещал себе не заниматься больше рифмоплетством, а оно само лезет в мозги...

— А что сплелось? — конечно же, спросил Жек.

— Ну... вот... — Словко, пытаясь от неловкости, пробормотал свои строчки.

— Это не рифмоплетство, а по правде, — уверенно сказал Жек. И Рыжик подтвердил:

— Да.

— Не надо тебе бросать это дело, — рассудил Жек.

И Рыжик сказал опять:

— Да.

Словко... он что мог сказать в ответ? Проворчал полушутя:

— Такие вопросы не решают, когда спуск флага на носу. Думать будем завтра...

Кирилл Инаков заколотил в отмытый котелок и прокричал:

— На линейку!

Сбежались, построились лицом к уходящему солнцу. Оно

повисло над левым, дальним берегом, отороченным темной щетиной леса. Поalinkа встала у сосны с флагом. Она была довольна. Раньше ей редко приходилось поднимать и спускать флаг — потому что всегда с барабаном. А нынче вот подвернулось — нет худа без добра...

— Флотилия, внимание! К спуску флага... — Кирилл подождал, когда большой покрасневший диск сядет на лесной гребешок. — Флаг пошел!

И обвисшее полотнище медленно заскользило вдоль соснового ствола. Чтобы завтра подняться и вновь затрепетать на ветру. А Рыжик пробарабанил сигнал спуска, но не замолчал, стал выговаривать палочками что-то незнакомое, свое... «Нет, не совсем незнакомое, — понял Словко. — Он ведь играет мои стихи о «рыжее знамени упрямства»...»

Рыжик барабанил — негромко и доверительно, — пока солнце уходило за лес. Все понимающе ждали. Наконец алая горбушка спряталась за черную кромку, веером выбросила оранжевые лучи. Они загорелись в редких облачных полосках.

— Отбой, — не по строевому, по-домашнему как-то сказал вахтенный командир Кирилл.

И сразу каждый ощутил: вот он, настоящий бивуачный вечер, когда окончены все дела. Теплый воздух пах соснами, нагретыми валунами, озерной водой и... земляникой (или Словко ощущал это, когда мельком поглядывал на Ксению?). Громче затрещал костер, в который подбросили охапку собранного по окрестностям топлива.

Начали рассаживаться вокруг огня.

— Смотрите, а над нами звездочка, — сказала Ксения. — Как наш фонарик...

В самом деле, высоко над головами дрожала в светлом небе чуть заметная звезда.

— А бронзовый мальчик в порядке? — шепотом спросил Жек.

— Ну конечно... — так же шепотом отозвался Словко. И громко сказал: — Капитан Нессонов! А ты ведь не отвертись от своего незаконченного дела.

— От какого еще? — опасно откликнулся Игорь.

— Не притворяйся. Самое время досказать про Дракуэль.

— Ну вот, опять... Я еще не придумал до конца...

— Будешь допридумывать на ходу, — рассудил Словко.

— И не упираться, а то получишь, — пообещала сестра.

В прошлый раз, у колеса, Игорь закончил свою сказку на том, что в столицу вернулась Прошкина мама, знаменитая артистка.

Прошка ворвалась во дворец, сметая на пути дежурных лакеев и часовых. Повисла у мамы на шее. Даже всплакнула. Мама, впрочем, тоже.

— Мама, не уезжай больше так надолго, — всхлипнула Прошка.

— Ни за что на свете! Мне ужасно надоели все эти гастроли и разъезды. Я решила организовать королевский театр в столице. В нем будет и детская труппа... если ты мне поможешь.

— Обязательно! У меня есть знакомый мальчик, он такой музыкант! Со свирелью... Может играть роль этого... Питера Пома... или Пуна? Как его...

Мама оглядела Прошку с головы до ног.

— Ты сама, как этот... Питер Пын. Уличный сорванец, а не наследница престола. Просто не знаю, что с тобой делать...

— А я знаю! — подскочила от радостной догадки Прошка. — Не надо делать из меня наследницу, вот и все! Мама, уговори папу вернуться во дворец, на прежнюю должность! В конце концов, наукой можно заниматься... как это... по совместительству! Многие наследники и короли так делали!

— Ты права, моя девочка, — покивала мама. — Папой я займусь с утра. И тобой. А то вы тут разболтались без меня...

...А Сирротина Маркеловна с утра занялась близнецами. Она их вымыла в большущей садовой бочке, одела в чистое и сделала подарки. Кролику — зеленые сапожки, а Крошке — зеленые башмачки со шнурками (где раздобыла их рано утром — непонятно).

— Хватит бегать босиком по столице, вы же приличные и воспитанные дети...

«Воспитанные дети» были счастливы. Только одна мелочь вызывала у Крошки досаду. У башмачков шелковые шнурки, очень скользкие. Они то и дело развязывались. Кролик учил сестренку всяким хитрым узлам, но ни один не держался долго.

Тогда Кролик придумал выход...

Принаряженные Кро-Кро явились на Большой Волдырь.

(«У, какие красавцы», — проворчал Лёпа. Впрочем, без насмешки, добродушно.)

Собрались почти все, только Прошки не было.

— У нее мама приехала, — объяснил Нотка.

— Теперь ее высочество долго не выпустят из дворца, — надувшись, предсказал Лёпа.

Решили идти ко дворцу, покричать с улицы: «Прошка, выгляни в окошко, мы соскучились немножко!..» Может, и правда выглянет? И скажет, когда теперь ее ждать? Потому что без нее компания какая-то не та, «не сложившаяся»...

Решили и зашагали. Впереди всех Крошка и Кролик — умытые, причесанные, еще не успевшие потрепать в сорняках желто-зеленое платьице в крупную клетку и костюмчик лимонного цвета с салатным галстучком.

Но до дворца не дошли. Недалеко от королевской резиденции, на широкой улице Полной Луны они увидели королевский кортеж. Это из своей служебной квартиры в Институте Хитростей Космоса ехал во дворец королевский сын и знаменитый ученый Гарантий Гарантьевич. Было правило: если кто-то из королевской семьи после долгой отлучки возвращается домой, он должен это делать торжественно. (Правда, вчера вечером Прошкина мама, принцесса Лилиана Дзым-Лилейская, приехала без лишнего шума, но это было исключением из правил.)

Кортеж двигался под звуки флейт и барабанный бой, впереди шагали разноцветные пажи (похожие на фонарщиков с Белилинды) и звонили в колокольчики, а по бокам от кареты маршировали королевские гренадеры, изнывающие в парадных меховых шапках и золоченых кирасах. Старинную карету волокла шестерка лошадей, причем одна из них была электронная, то есть робот, потому что настоящая шестая кобыла придворной серебристой масти сегодня трудиться в упряжке не могла: она рожала жеребенка...

Ребята запрыгали на тротуаре, чтобы получше разглядеть процессию через головы зрителей. И в широких окнах кареты увидели Гарантия Гарантьевича, его супругу — Прошкину маму, отца Гиги — доктора чертежных наук Фидруса Туттамяа-Гуллабума (он был теперь верным другом Гарантия Гарантьевича и первым помощником в научных делах) и, конечно, принцессу Прозерпину-Пропорцию.

Ребята лихо протолкались среди любопытного народа, пророчились сквозь гвардейское оцепление и радостно заголосили на краю мостовой:

— Прощка, выгляни в окошко!

Она, конечно, выглянула. Обрадовалась:

— Ура! Идите сюда!

Ребята полезли в карету, отбиваясь ногами от вцепившихся в них лакеев. «Чего хватаетесь, нас принцесса пригласила!» В карете они, правда, слегка присмирели, вспомнили про этикет:

— Здравствуйте, ваши высочества, здравствуйте, профессор. Извините, что мы так неожиданно...

— И ты здесь, негодник! Ну подожди, придем домой... — сказал доктор чертежных наук Гиге.

— Ничего, ничего! — перебил его принц Гарантий. — Очень даже хорошо, что дети. Это ведь будущее нашей Дзымбы! Здравствуйте, друзья...

Его супруга, Прощкина мама, поджала губы, но больше для порядка, чем от настоящего недовольства.

Прощка радостно сообщила:

— Мама уговорила папу снова сделаться наследником престола и взялась за государственные дела. «А то, — говорит, — ее дед (мой то есть) все запустил, в политику ударился, какие-то войны затевает, за внучкой не следит (за мной, то есть), во дворце кавардак...

— Ну, эти аргументы не были главными! — заспорил Гарантий Гарантьевич. — Главное то, что мы с профессором наконец закончили исследования всемирного пространства-времени и создали неоспоримую научную концепцию. Теперь можно передохнуть и кое-какое время уделить государственным делам...

— А как оно устроено, это пространство-время, ваше высочество? — не сдержал любопытства Титим.

— Удивительно сложно и хитро и в то же время удивительно просто! — оживился Гарантий Гарантьевич. — Скоро это будут изучать в начальной школе! Потому что основы доступны даже вот таким малюткам, — ученый принц благосклонно глянул на Кро-Кро.

— А что за основы-то? — не так вежливо, как Титим, спросил Гига. — Папа дома никогда ничего не рассказывает...

— Основы такие... как бы это объяснить... Эй, там! Оста-

новитесь на минутку, — крикнул Гарантий Гарантьевич кучеру, высунувшись в окно. Кортёж стал. Прошкин папа стал выбираться из кареты.

— Но, ваше высочество... — простонала его супруга (Прощкина мама и знаменитая актриса).

— Ничего, ничего, дорогая, мы только на минуточку... Идите сюда, друзья... — Гарантий Гарантьевич резво прыгнул с подножки, подхватил сорвавшиеся очки и сел на корточки посреди мостовой. — Эй, не заслоняйте Примус, — велел он растерявшимся гренадерам и карет-лакеям. — Дети, смотрите...

Ребята столпились у него за спиной и по бокам.

Гарантий Гарантьевич вытащил из кармана парадного фрака кусок мела и начал чертить на каменной уличной плите тонкие частые линии.

— Вот... Мы установили, что единое мировое пространство состоит из бесконечных тончайших нитей времени. За пределами этого пространства есть громадное колесо, которое вертит всемирную прялку. Эта прялка и рождает нити, из которых образуется пространственное полотно... Теперь смотрите, что мы выяснили. Если разорвать две нити, а потом связать их концы, но не как прежде, а перепутавши... то есть концы нити «а» с концами нити «бэ», концы «цэ» с концами «дэ» и так далее, то в пространственной ткани образуется... э-э... некоторый участок с особыми свойствами. И сквозь этот участок можно в один миг проникнуть без всякого труда в любую точку пространства, хоть в самую бесконечно отдаленную, туда, где пересекаются параллельные линии...

Опять следует напомнить, что история, связанная с планетой Дракуэль, излагается здесь не так, как Игорь рассказывал ее ребятам, а более развернуто и связно. С подробностями и всякими деталями. Похоже на текст, который потом был напечатан в отрядном альманахе «Лиловая клякса» — расширенный и отредактированный... Но и сейчас, у костра, ребята слушали, приоткрыв от интереса рты. Машинально отмахивались от подлетающих комаров, прикрывали беретами от кусачих искр колени и время от времени, когда Игорь замолкал, говорили:

— А дальше?

...Дальше было вот что.

— Есть лишь одна сложность, которую мы пока не сумели преодолеть, — признался Гарантий Гарантьевич. — Добраться до нитей совсем не трудно, для ведущего в пространство канала годится любой туннель, прокопанный вдоль меридиана, но беда в том, что нити очень скользкие. Узелки на них не держатся, развязываются в один момент. Мы перепробовали множество, изучили Адмиралтейский атлас морских узлов, но пока увы...

— А если вот такой, как у Крошки? — радостно спросил Кролик. Гарантий Гарантьевич пригляделся к зеленому башмачку.

— М-м... но ведь это очень простой узелок. Распустится сразу...

— А вот и нет! — зашпорил Крошка. — Никогда не распустится, если я не разрешу. Потому что он заговоренный!

— Простите, это как понять? — Гарантий Гарантьевич взволнованно уперся в девочку очками.

— Лик придумал волшебнуюговорилку... Лик, можно я скажу его высочеству?

— Пожалуйста, — кивнул Кролик. И Крошка прочитала стих...

— Словко, что она прочитала? — спросил Игорь. — Давай быстро, по ходу действия!

— Я не могу, я завязал со стихами! — заупирался Словко.

— Ты завязал, а они не смогут завязать узелки, — строго сказал Игорь. — Вся история сейчас рассыплется.

— Словко, давай, — шепотом попросил Жек.

— Да, пожалуйста, — шепнул Рыжик.

А Ксения, сидевшая рядом с Игорем, ничего не сказала, просто посмотрела сквозь пламя.

— Ну... не придумывается же... Вот, ерунда какая-то... — И Словко стыдливо пробормотал:

Три-четыре, завяжись
На день, на два, на всю жизнь,
И держись крепко,
Как на грядке репка...

— То, что надо! — сказал Игорь.

...— То что надо! — воскликнул Гарантий Гарантьевич. — Репка на грядке будет символом прочности узелков. А мышку из сказки станем звать, когда узелки потребуются развязать! Прекрасный научный метод!.. На днях начнем опыты!

— И, значит, не нужны будут никакие звездолеты? — осторожно спросил Нотка.

— Совершенно никакие! Можно будет шагать в любую отдаленность, как в соседнюю комнату!

— Гарантий Гарантьевич, а вы правда теперь снова будете наследником его величества? — вдруг спросил Титим.

— Придет, — вздохнул тот. — Но я надеюсь, что это не помешает завершению экспериментов...

— Проща, есть дело, — быстро сказал Титим. — Отойдем...

— Мама, папа, я провожу ребят! — подскочила над плитамии Прозерпина-Пропорция (в своем пышном придворном платье она была как розовый букет с блестками). — Я вас потом догоню!

— Но, девочка моя!.. — это папа.

— Прозерпина! — это мама.

— Догоню, догоню! Или встречу во дворце!.. — И вместе с ребятами она лихо протолкалась через толпу на тротуаре.

Остановились они в садике, где блестел под лучами Примуса большущий хрустальный глобус Дзымбы (на его каменной подставке было написано: «Лёпа похож на этот шар», и Лёпа сказал, что найдет дурака, сочинившего такое безобразие). А Титим всех призвал к вниманию:

— Слушайте! Ведь если Проща теперь уже не наследница Дзымбовского трона, она вполне может стать королевой Дракуэли... Прозерпина, не перебивай! Да, простые люди не могут делаться всякими там монархами до взрослого состояния. А королевские дети имеют право! Об этом даже на уроке истории рассказывали, в четвертом классе!

— Да не хочу я королевой...

— Но это же не трудно! — убедительно сказал Титим. — На Дракуэли же нет большого королевства. Только лужайки и дракозы. И жить там тебе не обязательно. Будешь иногда прилетать, смотреть что к чему. Вместе с Сирротиной Маркеловой. Она станет тебе помогать... Главное, что все будут знать: у Дракуэли есть королева и нечего теперь на нее рот разевать!

— Правда, Проща! Соглашайся! — закричали все.

Проща подумала и согласилась. Во-первых, в самом деле,

надо как-то охранять любимую ребячью планету. Ну и кроме того... все-таки немножко приятно быть королевой, если с этим не связано больших хлопот.

Побежали к дядюшке Брю и тетушке Сирротине, которые обустроивали в холостяцком доме Главного смотрителя семейную квартиру. Оба они очень одобрили идею ребят. Энергичная Сирротина Маркеловна сказала, что не следует откладывать коронацию, чтобы Дракуэль не оставалась без королевской власти ни одного лишнего часа.

— Займемся этим сейчас же!

Титим и Гига первым рейсом увезли дядюшку и Сирротину на Дракуэль, чтобы те заранее выбрали место для коронации и морально подготовили дракоз. В челноке Сирротина Маркеловна решила, что отныне она будет называться не Сирротина, а Серафима, поскольку теперь не одинока. Дядюшка Брю сказал, что она умница. Правда, потом они слегка поспорили: из-за «какаций-макаций». Но Гига остановил их. Объяснил, что надо петь «белой вакансии гроздь снежистые». Мол, вакансией, или ваканциями, на старинном языке назывались каникулы. На древней планете Земля был обычай устраивать для школьников каникулы посреди зимы, когда падал пушистый снежок и застывали пруды и речки. Юные влюбленные катались по льду на коньках, и зимние дни казались им «снежистыми гроздьями». Такое объяснение примирило дядюшку Брю и Сирротину (то есть Серафиму) Маркеловну. Гига и Титим высадили их на Дракуэли и помчались на Белинду и Дым-Шиш, чтобы прихватить оттуда на торжество нескольких приятелей — фонарщиков и лицеистов (сколько втиснется в челнок). Прихватили целую дюжину, отвезли на Дракуэль и полетели на Дзымбу за друзьями, за будущей королевой...

2

Прошка в это время примчалась во дворец, переделалась в привычный мальчишечий комбинезон и заглянула в кабинет деда. Гарантий Второй примерял перед зеркалом красный мундир с орденами — готовился к встрече сына, которому должен был официально вернуть звание наследника. На его голове блестела парадная корона. А маленькая домашняя корона лежала на перламутровом столике. Прошка схватила ее.

— Дед, я возьму эту штуку, ладно? Для одного дела! Очень надо!..

— А ну положи на место! Это не игрушка! Я кому сказал!.. Ну что за сорвиголова... — это он уже вслед, потому что Прошка выскочила за дверь.

С добычей в руках она помчалась на Большой Волдырь, очень довольная. Корона была настоящая, королевская, значит, акт коронации будет совершенно законным. А то, что корона маленькая, даже хорошо, как раз для королевы-девочки...

Челнок только что приземлился в «ковчегово гнездо» (так теперь называлась яма). Все радостно окружили Прошку. Корону очень даже одобрили (даже пощупали по очереди), но Лёпа тут же привычно выступил с критикой:

— А платье ты зря сняла. В нем была принцесса как принцесса, а сейчас неизвестно кто...

И все вынуждены были признать, что в данном случае ворчун Лёпа прав.

И Прошка признала:

— Ох... это я лёпу... то есть ляпу дала... Но возвращаться не буду, меня изловят и больше не выпустят.

Решили, что сгодится и так. Гига сказал:

— Пусть считается, что такой костюм — новая королевская традиция...

Уселись в челнок. Поехали (стартовали то есть).

Все молчали. Волновались, по правде говоря. Все же не каждый день бывает коронация. Тем более что затеяли ее сами. Не исключено, что потом попадет (хотя лишит королеву ее звания никто уже не сможет).

От сомнений и беспокойства всех отвлекла Крошка. Неожиданно спросила:

— А те узелки... если они помогут попадать хоть куда... значит, можно будет догнать Ковчег?

— Ну... выходит, да... — неуверенно отозвался Гига.

— А на фиг это надо? — набычился Лёпа.

— Все-таки немножко жалко... *его*, — прошептала Крошка. — И Шарика... — И она погладила тощего черного котенка Мявкуса, которого держала на коленях. Мявкуса только сегодня нашли в парке. Он сидел в траве и открывал розовый рот, будто просил: «Возьмите меня...» Как было не взять?

— Искор сам виноват, — непреклонно сказал Титим. И отвернулся.

— Конечно... — со вздохом согласилась будущая королева

Прозерпина Первая и погладила корону, как только что Крошка гладила Мявкуса. — А все-таки жалко... Шарика.

Нотка потрогал под рубашкой свирель и неуверенно вспомнил:

— Мама говорила, будто он... Искор... обещал, что утром ее обязательно выпустит...

— Ага, выпустил бы он... — проворчал Лёпа.

— Но, может быть, потом... он когда-нибудь все-таки исправится?.. — совсем тихонько выговорила Крошка. Ей никто не ответил, только Лик погладил сестренку по плечу. Потому что Искор был ужасно виноват, а Шарик сам сделал свой выбор... Но все-таки у каждого стало легче от того, что Ковчег можно будет когда-нибудь догнать...

С минуту все опять помолчали, и... вдруг послышался негромкий стук. Стучали... да, стучали снаружи, в металлическую дверь челнока! Этого быть не могло! Ведь за двойной герметической дверью быстрее скорости света проносился открытый космос. И конечно, все перепугались, заоглядывались. Но долго пугаться не пришлось, потому что дверь приоткрылась и в нее плечом вперед протиснулся мальчик. Он поглядел на всех, почесал поцарапанное плечо о подбородок и сказал:

— Здравствуйте...

И сразу все успокоились. Будто не случилось ничего удивительного. Потому что очень уж обыкновенный был мальчик. Будто один из них. В заштопанной майке и мятых штанах, босой, с пыльным бинтом на колене, с летучим семечком клена в спутанных волосах. Лицом слегка похожий на Нотку, только рыжеватый и с редкими веснушками... В общем, сразу все забыли, что надо удивляться, а Кролик и Крошка раздвинулись и сказали:

— Садись.

Он кивнул и сел между близнецами.

— Ты кто? — спросила Прощка.

— Ну... — он пошевелил пальцами загорелой ступни. — В общем, я один из тех, кого называют звездными ребятами...

— А! Так это, наверно, твой фонарик мы видим в небе? Похожий на звездочку, — с уважением сказал Титим.

Мальчик почему-то смутился. Опять почесал подбородком плечо (и стало заметно, что на плече горит еле заметная искорка).

— Я не знаю... Может, мой, а может, и нет. Нас ведь много в пространствах...

— Конечно, не его, — надулся Лёпа. — Тот мальчишка, который с фонариком, он ведь бронзовый и стоит неподвижно...

Тогда мальчик улыбнулся:

— Это кажется, что бронзовый и неподвижно... А на самом деле мы все подвижные. Всегда на дорогах между галактиками... Кто с фонариками, кто с колокольчиками...

— А зачем? — тихонько спросил Нотка.

И таким же полупшепотом звездный мальчик ответил:

— Так уж получилось...

Прощка спросила:

— Как тебя зовут?

— Тём, — сказал мальчик. — То есть Тим. Не Титим, а просто Тим...

Всем это понравилось. Потому что имя было обычное. Многих мальчишек на Дзымбе звали Тим.

Гига поколебался и задал «научный» вопрос:

— Значит, вы все... звездные... умеете рвать и связывать нити? Раз проходите сквозь пространства...

— Нет, мы иначе... — неохотно сказал Тим. — По-другому и проще, без узелков...

Гига, может, и заметил его неохотность, но не отступил:

— А как? Ты скажи, мы тогда, может быть, тоже научимся.

Тим помотал головой так, что семечко клена вылетело из его волос.

— Не стоит, ребята. Для такого умения надо сделаться звездными. А это трудно... и ни к чему... Лучше подождите, когда Прошкин папа закончит опыты...

Гига больше не настаивал. А простодушная Крошка полюбопытствовала:

— Тим, а почему ты у нас появился? В гости или по делу?

Тим кивнул:

— По делу. Узнал про коронацию.

— Как узнал-то? — недоверчиво сказал Лёпа.

Тим опять заулыбался:

— Слухами космос полнится... Я принес подарок. Прощке...

— Ой... — прошептала Прощка.

— Да... — Тим вытянул вперед ладони, и в них появился сверток из хрустящей бумаги. — Ты ведь забыла платье для коронации. А я принес... вот...

— Ой... — опять сказала Прощка. — Спасибо... — Она осторожно взяла сверток, и бумага тут же исчезла, а в руках у Прошки словно вспухло белое облачко, пересыпанное свер-

кающими каплями. В челноке запахло опрысканными дождем ромашками. Прошка застеснялась, встала, распустила платьице перед собой, прикинула к комбинезону.

— Мы все отвернемся, а ты надень, — предложил Титим.

— Ой... ладно...

И все (даже девочка Крошка и котенок Мявкус) отвернулись и зажмурились. С полминуты слышался шелест, а потом будущая королева прошептала:

— Можно...

О-о! Теперь она была в точности как Золушка на балу (есть про эту девочку сказка, сочиненная еще на древней планете Земля).

— Надень корону-то, — напомнил ворчливый Лёпа.

— Ох... наверно, до коронации не полагается...

— Примерить можно, — сказал звездный мальчик Тим.

И Прошка примерила.

Тогда... все встали. Потому что перед ними была королева. Маленькая, но настоящая.

— Ваше величество... какая вы красивая, — пробормотал Гига.

Прошка не удержалась в рамках королевского этикета:

— Штас как дам по шее! Сколько раз говорила: чтобы никаких ухаживаний и объяснений.

Гига наклонил голову:

— Можно по шее... Но это не объяснение, а правда.

И все наперебой заговорили, что да, конечно, правда! А Прошка... она вдруг сделала то, чего не позволяла себе ни с одним из мальчишек. Она шагнула к Тиму и поцеловала его в щеку.

И никто не удивился, не обиделся, не возревновал. Потому что это было совершенно справедливо. А Тим застеснялся, засопел, затоптался на железном полу...

— Ну ладно, мне пора...

— Разве ты не будешь на коронации? — огорчилась Прошка.

— Надо уходить, — грустно сказал он. — Я не могу долго...

— Подожди, — попросил Нотка. — Вот, возьми на память... — Он достал из-за пазухи свирель.

Тим расцвел:

— Спасибо... Ни у кого из наших такой нет. Просто чудо...

— Давай покажу, как играть, — предложил Нотка. — Это совсем просто.

— Спасибо, я умею. Когда-то я играл на флейте... — прошептал Тим. И встряхнулся. Сказал веселым тоном: — Я пошел, пора. Ваше величество, я вас поздравляю...

Он шагнул к двери, без усилий приоткрыл ее, стальную, скользнул в проем. Помахал из-за двери рукой со свирелью, и дверь хлопнула.

Крошка подобрала с металлического пола семечко клена и положила в нагрудный кармашек.

А челнок, послушный автопилоту, плюхнулся на Дракуэль.

3

— Ну, в общем-то, вот и конец, — сказал Игорь. — Дальше ничего особенного. Сирротина (ох, Серафима) Маркеловна возложила на Прошку корону. Зрители поаплодировали. Дракозы тоже похлопали — своими перепончатыми крыльями. А говорящий дракозленок Гриша прокричал «ура» и прочитал стихи... Словко, какие?

— Ну, опять... Ладно, такие вот...

О, королева Прозерпина!
Мы рады просто нестерпимо,
Что ты вступила на престол
И будешь царствовать лет сто!

— Эти стихи останутся навечно в летописях Дракуэли, — пообещал Игорь. — А больше рассказывать почти нечего... Ну, потом прямо на травке устроили праздничный обед. Все пили дракозье молоко. Дядюшка Брю, правда, вытащил из кармана походную фляжку, но успел сделать лишь один глоток, тетушка Серафима отобрала ее и погрозила пальцем...

Теперь, конечно, никто из правителей других планет не пытался предъявлять права на планету Дракуэль. Ого, попробовали бы! Во-первых, была законная королева, а во-вторых, была премьер-министр Серафима Маркеловна Эскалоп, которая стоила целой армии...

И все пошло как прежде. Королевских забот у Прошки было не много, поэтому она, как и раньше, жила на Дзымбе и удирала из дворца, чтобы поиграть с ребятами в парке или навестить приятелей на соседних планетах. Ее папа с помощниками никак не мог закончить опыты с нитями пространства-времени, поэтому приходилось путешествовать по старинке,

на космическом челноке. Но и это было неплохо... Огорчался только Нотка (да и то про себя). Он ведь надеялся, что с помощью чудесных узелков на нитях времени сможет догнать в дальних пространствах своего Друга и хотя бы ненадолго увидеться с ним. А пока дело откладывалось... Кстати, можно было догнать Друга и на Ковчеге, пока он был у ребят. Однако Нотка сперва стеснялся просить друзей об этом, а потом не стало Ковчеге. На челноке же в дальние дали не выберешься... И все же Нотка не терял надежды...

Да, вот еще что! Котенок Мявкус и дракозленок Гриша стали большими друзьями и постоянно просились в гости друг к другу. Приходилось возить...

Уф... Как говорят в английском парламенте, я закончил, леди и джентльмены... — Игорь откинулся в траву.

«Леди и джентльмены» благодарно и уважительно молчали. Они понимали, что отныне сказка про Дракуэль станет частью отрядной жизни. Понимали даже те, кто слушал сказку не с начала, а лишь сегодня: флаг-капитан Рома Вострецов, и прижавшийся к его боку Орешек, и вернувшийся издалека Жек Тюменцев, и не поехавший в Скальную Гряду Владик Казанцев... Знали это и взрослые командиры — Каховский, Корнеич, Кинтель, Салазкин. Как им было не знать! Они давно научились чутко настроиться своего «народа»...

Когда помолчали достаточно долго, Рыжик прошептал:

— Только про Искора непонятно. Что с ним сделалось дальше? — Он обращался к Словоку, но шепот был громкий, и слышали все.

— Это пока никому не понятно, — слегка виновато объяснил Игорь. — Потому что время еще не пришло...

Помолчали опять. И Словоку ощутил, что у него родилась идея, просится наружу:

— Люди, у меня предложение! Отныне пусть Сосновый мыс называется мысом Дракуэль!.. Для других он, конечно, останется Сосновым, а мы на нашей карте напишем новое название! А? Называем же мы Шаманом остров, который для всех «Каменный»! Вот и тут...

— Идея — блеск! — тут же откликнулся Игорь и сел. — Кто «за»?

Все, конечно, были «за»! Крикнули «ура!», вскинули руки. Только Мастер и Маргарита с Лешкой Яновым завалились на спину и вместо рук подняли правые ноги, но это все равно считалось.

А потом все стояли на берегу и смотрели, как из-за черного зубчатого леса выползает горбушка рыжей Луны. Она выползала долго, становилась все больше, даже страшновато сделалось: какая громадная! И когда она выбралась в серовато-синее небо наполовину, показалось, будто светящаяся круглая гора выросла над колючими еловыми макушками...

А потом над лесом повис полный красноватый диск. Да нет, не диск, а шар очень близкой планеты! На нем отчетливо были различимы темные пятна равнин и светлые цепи хребтов.

Какое там «больше в полтора раза»! Луна казалась крупнее обычной в десять раз! От нее веяло космосом, тайнами, теплом разогретых скал.

— Я вижу кратеры, — сказал Ваня Лавочкин. И никто не заспорил с ним. Возможно, и в самом деле видит, у художников особое зрение...

— Рома, а она не свалится на нас? — тихонько, но слышно для каждого спросил Орешек.

— Может, и свалится, — «утешил» Ромка. — Ну и что? Мы ее встретим на подлете, отпихнем руками и ногами обратно на орбиту. Нас вон сколько... А на всей Земле еще больше...

Черная точка в медленном полете прошла поперек лунного шара. Видимо, ночная птица. Но Жек шепнул Словоку и Рыжику:

— Это космический челнок в пути на Дракуэль...

Рыжик поправил на себе барабан (с которым не расставался), сделал шаг вперед и заиграл. Это был не марш, не торжественный сигнал, а разговор барабанщика с удивительной Луной, со сказочной ночью, с друзьями. Вообще с жизнью... Никто, кроме Рыжика, не знал слов, которые выговаривали палочки. И все же его негромкая токката была понятна всем. Рыжик играл долго, ласковый ритм барабана вплетался в ткань лунной сказки, сделался частью удивительной ночи на мысе Дракуэль...

Наконец вернулись к костру. Луна была видна и отсюда. Она заметно приподнялась над горизонтам, стала чуть поменьше, но все равно оставалась большущей. На нее продолжали посматривать...

Никому не хотелось укладываться в спальниках под навесами. Одни притащили спальники сюда, на костровую площадку, другие сидели просто так, прислонившись плечами

друг к другу. Орешек уснул, положив голову Ромке на колени. Полинка задремала под боком у Ксени.

Словко спросил:

— Сергей Владимирович, а это вот... такая луна... она тоже предсказана календарями? — Он слышал про хитрости календарей от Салазкина.

— Разумеется! — оживился Каховский. — Ими предсказано много всего. Кстати, немало хорошего... Дания, вы не прихватили гитару?

— Забыли, — с досадой отозвался Корнеич. — Ладно, прихватим в Скальную Грядку. Ты ведь заглянешь туда?

— Обязательно, — сказал Каховский.

— Корнеич, а ты разве поедешь? — удивился Кинтель. — Говорил, что отпуск кончается...

— Это была версия для Аиды. А вообще-то неделя еще есть. Тем более что музейный совет сумел отстоять перед «Комкулем» и епархией наш особняк на Княжеской. Одной проблемой меньше... — И Корнеич беззаботно лег навзничь.

К нему, волоча барабан, подполз на четвереньках Рыжик.

— Корнеич, можно я пойду на берег, побарабаню еще? Я тихонько...

— Иди, конечно, Рыжик. Только не исчезай из вида.

— Нет, я недалеко, вон там...

Он ушел шагов за тридцать, к отливающей перламутром воде. От луны раскаталась по озеру широкая медная дорожка, и Рыжик оказался как раз на фоне этого рассыпчатого света. Наклонил к плечу голову, развел остро торчащие локти и заиграл. Опять это был разговор барабанщика с обнимающей душу сказочной ночью...

Каховский придвинулся к лежащему Корнеичу. Сказал и ему, и всем, кто был рядом:

— Я вспомнил книжку про Винни-Пуха, любимая была в детстве. Ее финал... В точности не помню, но смысл такой: «Сколько бы лет ни прошло, что бы там ни случилось в жизни, а в этом лесу маленький мальчик всегда будет играть со своим плюшевым медведем...» И сейчас подумалось в тональности этой сказки: «Пусть проходит время и трясут планету всякие события, а на мысе Дракуэль мальчик Рыжик лунными летними ночами всегда будет играть на своем барабане...»

И Даниил Корнеевич Вострецов сказал:

— Да будет так.

* * *

А далеко от мыса Дракуэль, в темном закутке между кирпичной и бревенчатой стенами, вертелось большое колесо. Вертелось бесшумно, потому что перед отъездом Рыжик хорошо смазал подшипники. Оно вертелось, хотя прошло много часов с момента, когда Рыжик раскрутил его. И на нем светились загоревшиеся сами собой фонарики. Трудно поверить, но было именно так.

По крайней мере, барабанщик Рыжик в это верил твердо.

ЭПИЛОГ

Есть необходимость приписать («пристегнуть», как говорят на корреспондентских занятиях в «Эспаде») еще одну главку. Она не имеет прямого отношения к тому, что рассказано прежде, но... кое-какое все же имеет. Это эпилог сказки Игоря Нессонова. В альманахе «Лиловая клякса» он не был напечатан, Игорь придумал его позднее...

Когда-нибудь, сделавшись взрослее, Игорь напишет заново, доработает, отредактирует «Историю принцессы Прошка и планеты Дракуэль» и пошлет ее на вступительный конкурс в Литературный институт. Тогда-то, возможно, и пригодится «Эпилог». А пока — вот черновик...

«На краю большого города был старый двухэтажный поселок. Рядом с ним днем и ночью дымил завод. На улицах морщились от дождя лужи.

Холодным ноябрьским утром пятиклассница Прошка Тимкина вышла на крыльцо. Было еще темно, только все равно пора идти в школу. И она пошла, хлюпя зелеными резиновыми сапожками по слякоти.

Тетка Зина крикнула ей вслед, из двери:

— Прасковья! После школы зайди в магазин, соли купи да луку!

Это была вредная тетка, она жила в Прошкиной семье и ведала хозяйством. С такой не поспоришь.

— Да знаю я, — сказала Прошка не оглянувшись.

В школе было теплее, но охранник дядя Миша посмотрел неласково. Он словно хотел спросить: «А ты исправила сочинение, как тебе вчера велела Эльза Стасовна?» Прошка поежилась: ничего она не исправила.

На уроке литературы Эльза Стасовна первым делом спросила:

— Ну, Тимкина, ты принесла сочинение?

Прошка молча отдала ей тетрадь.

Эльза Стасовна полистала. Подняла от тетрадки глаза (это были глаза невыспавшегося человека):

— В чем дело, Тимкина? Ты же не изменила ни единого слова! Как это понимать?

— Потому что... я не знаю, что изменять, — сбивчиво проговорила Прошка, стоя за партой. Хотелось заплакать, но она не плакала, а просто смотрела за окно, там были сырые сумерки.

— Как это не знаешь! Я вчера тебе втолковывала... Почему у тебя такие глупые ошибки?!

— Какие? — прошептала Прошка. Класс хихикал.

— Ты пишешь: «На планете Дракуэль было много цветов, и над ними везде летали крылатые драконы...»

— Ну и что?

— Не драконы, а драконы!

— Нет, драконы. Это такая помесь маленьких драконов и белых коз...

— Чуть какая! Так не может быть!

Прошка взглянула на учительницу Эльзу Стасовну по фамилии Макаронина. И сказала погромче:

— Но вы же сами велели написать сказку!

— Сказки тоже надо сочинять по правилам!.. Садись. Тройка... так и быть, с плюсом. Плюс за то, что грамматических ошибок нет... Возьми тетрадь.

Прошка взяла и села. «Хорошо хоть, что не двойка...»

Ее сосед Юрик Восьмушкин (который был совсем не вредный, он играл в школьном оркестре на флейте) шепотом попросил:

— Тимкина, дай почитать...

— А смеяться не будешь?

— Да ты что...

— Возьми, — чуть-чуть улыбнулась Прошка. И снова стала смотреть в окно. Вернее, за окно. В сумерки, которые постепенно делались прозрачными, светло-синими...

В этих сумерках выбрался из-под крыльца котенок Мявкус, которого тетка Зинаида никак не пускала в дом. Он вздрагивал.

Из низких облетевших кустов появился дракозленок Гриша. Он стращивал с растопыренных крыльев капли.

— Привет. Опять выгнала? — сказал он.

— Теперь придется Прошку на улице ждать. Половину дня...

— Давай слетаем на Дракуэль, — сказал Гриша. — Я тебя столько раз уже звал, а ты...

— Я боюсь... Ты лучше бы Прошку свозил, она храбрая.

— Свою, когда сделаюсь взрослый. А пока мне ее не поднять... Полетели!

— Ой...

— Сколько можно ойкать! Ну-ка, садись между крыльев... На Дракуэли тепло, не то что здесь. И дракозьего молока сколько хочешь.

— Я много хочу, — признался Мявкус, который не завтракал.

— Там еще больше... Давай!

Мявкус еще раз сказал «ой», зажмурился и прыгнул Грише на спину.

— Не бойся, — сказал Гриша, — это ведь быстро. Не успеешь мигнуть — и там. Только держись крепче.

— Я хорошо держусь. Я цеплячий.

— Как это — «цыплячий»? — удивился Гриша. — Ты же кошкин сын, а не курицын.

— Це-плячий! То есть крепко цепляюсь... — И Мявкус запустил коготки в Гришину шерсть.

— Молодец, — сказал Гриша. И вдруг засмеялся: — Вот бы Макаронина увидела нас! Села бы в лужу от удивления!

— А что такое «макаронина»?

— Не «что», а «кто». Прошкина учительница.

— А я думал, что макаронина — это такая еда, — завздыхал голодный Мявкус. — Трубка из теста в молочном соусе. Так мяв-вкусно...

— Тоже правильно. Только еда, это когда с маленькой буквы, а Прошкина учительница — с большой, — объяснил грамотный Гриша.

— Лучше бы наоборот, — рассудил Мявкус.

— Что поделаешь... Ну, полетели?

И они полетели».

СЕМЬ ФУНТОВ БРАМСЕЛЬНОГО ВЕТРА

Первая часть

МУЧАЧА ДЕТЕСТАБЛЕ

ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ ДЕВЧОНКА

1

«Девочка» по-испански — «мучача». Это сообщил мне Илья. В прошлом году ему вздумалось осваивать испанский язык (будто мало немецкого и английского!). За неделю Илюха выучил полторы сотни испанских слов и два десятка фраз. Вот тогда он впервые и обозвал меня мучачей.

Я бросила в него тапочкой. Он увернулся и начал объяснять, что в этом слове нет ничего обидного. Я сказала: «Врешь!» Потому что мне было известно: «девочка» по-испански — «нинья». Так называлась самая маленькая каравелла Колумба. Уж в кораблях-то я разбираюсь получше ненаглядного брата, хотя в голове у него немало сведений по всяким-разным вопросам (называется «эрудит»).

Эрудит Илюха сообщил, что «нинья» — это девочка ясельного или детсадовского возраста, а «мучача» — между «ниньей» и «сеньоритой».

— Этакое нескладное существо бестолково-переходного возраста...

Вторая тапка попала в Илюхину поясницу. В ответ он заявил, что я не просто «мучача», а «мучача детестабло», то есть «отвратительная девчонка». Больше тапок у меня не было, я бросила в него пластмассовый стакан с засохшими ромашками (не попала). Братец укрылся в большой комнате и подпирал спиной и другим местом дверь, пока я колотила в нее кулаками и пятками. И сдержанно гоготал...

В нашей квартире две комнаты. Которая попросторнее, называется «большая». А наша с Ильей — «детская». Теперь название, конечно, устарело. Какое там детство, если Илюха почти студент, а я... в общем, «мучача» и к тому же на вид старше своих неполных двенадцати лет. В прошлом учебном году, когда строились на физре, я была в шеренге вторая справа. Выше стоял только Левка Дубов по кличке Пень. А нынче, в

седьмом классе, я, чего доброго, окажусь вообще правофланговой...

Гол назад Илья натянул в нашей комнате леску с колечками. На колечках — зажимы. С их помощью Илья прикрепил к леске занавес, который мама сшила из разноцветных старых штор (на новую материю денег не нашлось). Илюха разъяснил, что по закону «взрослеющие разнополые дети» не должны обитать в одной комнате. А если расселиться невозможно, то пусть будет хотя бы так...

Я сказала, что он «разнополая балда», но сильно не спорила. Идея с занавесом была неплохая. Он делил «детскую» посередине (рядом с люстрой, которую мы с той поры зажигали очень редко). Задержнешь — и оказываешься словно в своей отдельной комнате, сама себе хозяйка. Впрочем, «устраивали суверенитет» мы только по вечерам, когда наступала пора укладываться. Я ложилась раньше. Илюха засиживался до ночи — то над книжками, то над какими-то схемами. Пестрые цветы, квадраты и орнаменты на сшитых шторах неярко просвечивали от его настольной лампы. Мне это нравилось: уютно так...

Но если брат не ночевал дома, я оставляла занавес незадернутым. «Вспоминала детство». Смотрела в окно над Илюшкиным столом — на листья, звезды и отблески станционных фонарей.

В последнее время Илья часто оставался на ночь у своих друзей. Мама каждый раз нервничала так, будто он отправился на войну. Нервничала она и в тех случаях, если он просто задерживался где-нибудь допоздна. «Это же не пустые страхи! Вы же знаете, в каком криминальном мире мы живем!» Надо сказать, Илья понимал мамину боязнь. Он ей твердо пообещал, что если не приходит домой до одиннадцати вечера, то обязательно звонит: где он и что с ним. И всегда выполнял обещание, хотя порой и зубоскалил по этому поводу.

Вот и сегодня он позвонил за пять минут до «контрольного срока». Мама схватила трубку в большой комнате, а я в коридоре (потому что тоже слегка беспокоилась).

— Мам, добрый вечер! Мы тут засиделись у Толика Гаевского, ты его знаешь... Ну, такое дело, идея одна проклюнулась, хакеры всего мира засохнут от зависти. Принцип двойного рикошета... Придется сидеть до ночи... Конечно, заночуя. Ну, мама, это же лучше, чем пешком переть через полгорода, автобусы не ходят... Ну, я же не виноват, что дома нет компьютера. А у Толика машина супер-класс!.. Нет, не утром, а бли-

же к вечеру, раньше мы не управимся... Что?.. Мама, у меня всего неделя до начала сладкой студенческой каторги, я хочу потратить эти дни с максимальной пользой для человечества... Ты не волнуйся, Евдокия Петровна, это бабушка Толика, угощает нас кофеем и капустными пирожками. И следит за нашим хорошим поведением...

— Ты даже забыл, что у твоей сестры завтра день рождения, — сказала мама.

— Что?.. А! Ничуть не забыл. Буду как раз к вечернему чаю.

Мама положила трубку. За Илюху она была теперь спокойна. Более или менее.

— Имей в виду, с тебя подарок, — сообщила я братцу со своего аппарата.

— А, это ты, мучача! Как дела?

— Что это за идея двойного рикошета?

— Ну... потом попытаюсь втолковать, если интересно. Не телефонный разговор...

— Подумаешь, засекреченные гении... Днем какая-то девица приходила, тебя спрашивала.

— Катерина, что ли?

— Катерину я знаю. Эта незнакомая...

— Ну и ладно... — сказал он оч-чень равнодушно. — А впрочем... обрисуй, если помнишь.

— Ну... девица как девица. Малость рыжеватая. Судя по лицу, не совсем дура. И вообще ничего, вполне сексапильная сеньорита...

Я отчетливо представила, как он ненатурально вытаращил глаза:

— Че-во-о? Ты откуда слова-то такие знаешь?

— Здрате! Век спутникового телевидения, Илюшенька. И к тому же я не «нинья».

— Я приду и покажу, кто ты такая! Взгрею по заднице!

— Давай, давай, — сказала я, вспомнив недавний урок дяди Кости. — Не забудь про подарок.

— Будет тебе подарок... Кабра синвергюэнца.

— Как-как?

Братец с удовольствием повторил. Он уже забросил испанский, но кое-какие выражения помнил. После разговора я посмотрела в словаре, что это значит. Оказалось, «нахальная коза» (а как красиво звучит!). Но в тот момент, у телефона, я ничего не поняла и только сказала на всякий случай:

— Сам такой.

Он погоготал...

Разобравшись со словарем, я решила, что пора спать. Улеглась, выключила свою лампу на столике, занавес задергивать, конечно, не стала.

В окно как бы вдвинулась всей грудью августовская ночь: черное небо, еще более черное кружево кленов, переливчатые звездные огоньки в листве. И время от времени отблески на листьях — как пролетающие желтые птицы.

Громче стали звуки.

Мама любит повторять: «Мои дети выросли под вопли маневровых тепловозов». Ну, вопли не вопли, а покрикивают локомотивы часто. И вагоны лязгают, когда их сцепляют и расцепляют. И голоса диспетчеров в динамиках такие, что порой можно разобрать слова: «Две цистерны — на седьмую!.. Осторожно, по третьему пути следует пассажирский!..»

Наш трехэтажный кирпичный дом на улице Машинистов стоит в пяти кварталах от станции «Сортировочная-2». Почему она «два» и где находится «один», для всех загадка. Впрочем, никто не ломает голову, привыкли. Станция большая и знаменитая. Особенно известной она стала после того, как на подступах к ней рванули два вагона с тротильовыми шашками для горных работ. Столкнулись со встречной цистерной и шарахнулись.

Меня в ту пору еще на свете не было, а Илюхе шел четвертый год, и он, к счастью, в те дни жил на детсадовской даче. По всем зданиям в окрестных кварталах пошли тогда трещины, кое-где обвалились балконы. И лишь наша старая трехэтажка, которую строили еще в сороковых годах прошлого века пленные немцы, устояла без повреждений, только рамы со стеклами повывлетали. В наше окно влетел костыль с рельсовых путей, свистнул через большую комнату и открытую в коридор дверь, воткнулся в косяк у вешалки. Так воткнулся, что папа не смог вытащить. Махнул рукой: пусть торчит на память о грозном событии. Скоро папа привык вешать на костыль шинель и фуражку.

Этот квадратный стержень с загнутым концом торчит у косяка и теперь, только никто ничего на него уже не вешает...

В дверной щели был замечен свет. Это значит, мама еще не выключила свою лампу и лучи сквозь приоткрытую дверь большой комнаты падают в коридор. Наверно, мама лежит с книгой. Но, скорее всего, она не читает, а думает про Илюху. Тревожится. Не про то, как он сегодня там, у друга Толика, а вообще...

Я тоже стала думать про брата.

Я его люблю. Иногда мы спорим и ссоримся, но чаще всего это не по правде. Илюха добрый человек, хотя порой и норовит изобразить из себя этакое взрослое наставника — снисходительного и насмешливого. В конце концов, что тут такого? Ведь он действительно старший и к тому же знает все на свете.

Лучше всего Илья разбирается в компьютерах (а я в этом деле «ни бум-бум»). До недавнего времени у нас дома был компьютер. Папин. Вернее, казенный. Когда папа стал работать в газете «Городские голоса», компьютер ему выдали в редакции. А когда папы не стало, редакция оставила эту «систему» Илье. Сказали: «На память об отце». На этой памяти Илья и осваивал «премудрости виртуальных миров» (это он так говорит). Но в конце концов система устарела. Тем более что еще в редакции она была не из новых. Илья все чаще заводил разговор, что «это уже не машина, а экспонат, прошлый век». И наконец разобрал компьютер на детали. Мама ахнула: «Как ты посмел! Это же папин!» Илья сказал, что пусть лучше папин компьютер продолжает приносить пользу людям — хотя и в разобранном виде, — чем пылится в углу простой грудой железа. Детали он унес к Толику Гаевскому, где они монтировали какой-то современный «суперкомплекс».

Мама всплакнула, но больше упрекать Илью не стала. Потому что он, скорее всего, был прав. В самом деле, компьютерная наука требует постоянного технического роста.

Когда Илья кончил школу, все (и мы с мамой) были уверены, что он пойдет учиться на инженера-программиста. А он взял да и подал документы на философский факультет. Мама опять ахнула: «Ты с ума сошел? Зачем тебе это? Все говорят, что ты компьютерщик от бога!»

Илюха объяснил, что хитрости программирования и компьютерной техники он в состоянии постигнуть сам. А философия нужна, чтобы «попытаться в максимальной степени освоить общие закономерности многослойных виртуальных пространств, которые все активнее вторгаются в мир нашего привычного трехмерного бытия и стараются подчинить его своим правилам».

— Кроме того, — добавил брат, — на философский посту-

пить легче. Там декан — классный мужик, взятки не берет. А на остальные факультеты — без «бабок» невпротык.

Мама поморщилась:

— Илья, ну что за лексикон! Кажется, был интеллигентным мальчиком...

— Я такой и есть. Просто я адекватно реагирую на действительность.

Мама у нас тоже очень интеллигентная. У нее высшее филологическое образование. Она работает старшим товароведом в книготорговой фирме «Алфавит». Должность эта вовсе не значит, что мама ведаёт куплей-продажей. Она занята «экспертной оценкой вновь поступающей литературы, в том числе иностранной». Маму на работе ценят, время от времени дают премии и делают добавки к зарплате — в связи с инфляцией. Но денег все равно не хватает, даже с папиной пенсией. Заикаться о покупке нового компьютера было бы просто глупо, Илья это понимает...

Мама грустно предрекала, что на философский факультет Илюха не поступит. «Для этого нужны повышенные гуманитарные знания». Но брат поступил шутя — будто несколько орехов щелкнул. И теперь, до начала первого семестра, «дышал воздухом свободы». То есть вместе с Толиком Гаевским и еще с двумя такими же ненормальными корпел днями и ночами над их коллективным «суперкомплексом»...

Щель в двери погасла. Светили только звезды в окне — редкие, но ясные. Шум железной дороги был таким привычным, что я его не замечала. Он казался частью тишины. А вот шебуршащий звук в этой тишине я уловила сразу. Кто-то скребся в оконное стекло. Тихонько так.

Я не испугалась. Почему-то представился глупый котенок, который удрал из дома, нагулялся и хочет вернуться, но перепутал форточки. Конечно, это фантазия, но... вдруг по правде?

Я осторожно забралась на Илюхин стол, потом на подоконник. Форточка была открыта (на третьем этаже это не опасно). В свете звезд и проблесках прожекторов я увидела разлапистый кленовый лист. Черенком он зацепился за оконный переплет ниже форточки, шевелился в струйках воздуха и скреб острыми зубчиками о стекло. Будто настоящий котенок, который просится в дом. Я встала на цыпочки, высунула руку, дотянулась до листа. Ухватила за «хвостик». Стараясь не шуметь, слезла со стола (при этом чуть не зацепила лампу).

Лист был подсохший, напружиненный.

— Ты чего это вздумал желтеть раньше срока? Еще лето...

Он шевельнулся, будто неслышно хмыкнул. Мол, какое там лето, не обманывай себя, неделя до сентября...

— Все не неделя, а девять дней...

Лист больше не спорил.

Я легла, положила лист на грудь. Вернее, посадила. Его зубчатые концы были изогнуты, он оперся на них, как на лапки. Я вспомнила, что когда-то читала стихи (не помню, чьи) про такой подсохший лист — как он под осенним ветерком спешил на своих лапках за прохожим, а потом пропал куда-то...

Я погладила упругую спинку.

— Не бойся, ты у меня не пропадешь. Переночуешь здесь, а утром найдем тебе дом...

«Где?»

— Я положу тебя в книгу Александра Степановича, в свою любимую. Потому что ты появился здесь накануне его дня рождения...

Писатель Грин и я, Евгения Мезенцева, родились в один день, двадцать третьего августа. Только Александр Степанович гораздо раньше меня, в позапрошлом веке. Ну и пусть в позапрошлом, все равно мне кажется, что есть между нами какая-то ниточка. Будто свои книги он писал специально для меня, для Женьки. «Алые паруса» я прочла еще в семь лет и просто обалдела (хотя Илюха хмыкал: «Что ты там понимаешь!...»). А потом любимым рассказом стал для меня «Гнев отца». Про то, как мальчишка Том ждет из плавания отца-капитана, тоскует по нему... Этот рассказ мне попался в книге, когда папы уже не было, и я... ну да, хорошо, что дома никого не оказалось. А то сразу бы: «Что с тобой, почему лицо зареванное?» В рассказе хороший конец, и я не завидовала Тому, я была рада, что его отец вернулся, а слезы... как тут объяснишь?

Чтобы не измять лист во сне, я пересадила его на стул рядом с кроватью. И стала засыпать. Это было медленное засыпание, когда перемешиваются явь и сон. Мысли и вопросы перепутываются с возникающими, как телекадры, картинками. Мне стало казаться, что я на песчаном морском берегу и бегу к босым ногам шипучие гребешки, а от горизонта движется корабль с алыми парусами. Наверно, галиот капитана Грея. Только паруса на этот раз не ровно-алые, а с узором из кленовых листьев — таких же ярко-красных, как на канадском флаге (а интересно, какого цвета мой лист; в темноте-то

не разглядеть). Я хочу, чтобы корабль развернулся бортом, показал все паруса, рангоут и такелаж. Тогда я смогу наконец разглядеть, что это за тип судна — «трехмачтовый галиот»?

Раньше я думала, что галиот — парусник, вроде того, который на Илюшкиной детской рубашке. Когда Илюшка был еще пацаненком (вроде Лоськи или чуть постарше), он часто ходил в трикотажном летнем костюмчике — пестром, синезеленом, с якорями и красным кораблем на рубашке-водолазке. Мне этот костюм очень нравился. Когда мы подросли, Илья несколько раз предлагал: «Возьми себе». Потому что такой наряд годится и для мальчишек, и для девчонок. Но я сопела и мотала головой: не надо. Дело в том, что есть большой цветной фотоснимок, где мы с Илюшкой, и он как раз в этой одежде с парусами. Мы сидим на лодочном причале, болтаем в воде ногами и хохочем. И брызги вокруг, и в них даже маленькая радуга!.. Нас папа сфотографировал, когда мы ездили на дачу к его знакомым.

Это был последний снимок, который сделал папа. И мне казалось, что, если я натяну Илюшкин костюм, что-то нарушится в *той пространстве*. В мире, который был еще при папе. И если папа там, где он теперь, что-то помнит и чувствует, ему будет обидно... Кстати, я и фотографироваться больше не хотела. За все время, когда уже не было папы, не снялась ни разу. И говорила, что не буду. Илья сказал:

— Для паспорта все равно придется.

— Ну, для паспорта пусть. Это государство велит. А просто так не хочу...

Паруса с кленовыми листьями придвинулись вплотную. Сквозь листья смотрел не капитан Грей, а какой-то грустный мальчишка, наверно, Том Беринг из рассказа «Гнев отца». Потом он превратился в Лоську, а тот взмахами рук перемешал красную листву, превратил ее в вихрь и улетел на нем, болтая босыми ногами...

3

Утром оказалось, что лист — ярко-желтый, как солнышко. Будто нарочно стал таким праздничным, чтобы поздравить меня. Я ему улыбнулась. Потом хотела положить в пятый том Грина (где рассказ «Гнев отца»), но лист не помещался. Я сказала ему: «Ладно, придумаем что-нибудь», и на время прицепила булавкой к шторе.

Мама появилась на пороге:

— Доброе утро, засоня. С днем рождения.

— Ага... спасибо.

— Вот тебе подарки...

Ну, прежде всего, конечно, колготки, это уж в любой праздник. А еще авторучка — видимо, дорогая, в коробочке, обтянутой чем-то вроде кожи.

— Будешь без хлопот писать всякие свои дневники и сочинения. А то постоянно у Ильи ручки выпрашиваешь...

— Спасибо, мамочка...

— А это подарок от дяди Кости...

— Что? Еще одна авторучка?!

— Не знаю, я не открывала. Он просил передать и поздравить, потому что сам зайти не может, уехал в командировку.

— Жаль...

Мне и правда было жаль. Уж дяде Косте-то я всегда радовалась...

— Мне пора на базу. Колбаса в холодильнике, пюре сделаешь сама, свежее... А еще в холодильнике два тортика. Один на вечер, другой в твоём распоряжении...

— Ну, мама! Ты же знаешь...

— Знаю. Это не для тебя, а если гости...

— Господи, какие гости! Никого я не звала.

— Не звала, а все равно кто-нибудь наведается...

Мама оказалась права. В десять с минутами появился Лоська. Прямо как в песенке: «Кто ходит в гости по утрам... парам-там-там, тарам-тарам...»

Он встал на пороге — как всегда неумытый, с торчащими смоляными сосульками волос. Видимо, ради «гостевого визита» надел он чистую белую футболку, но штаны на нем были все те же — похожие на обрезанные у колен казацкие шаровары, пыльно-сизые, с замызганными желтыми лампасами. И, конечно, привычные сандалеты из расхлябанных и порванных ремешков, только не на босу ногу, а теперь с яркосиними носочками. Лоська переступил этими «лаптями», глянул исподлобья марсианскими глазищами и тихо, но отчетливо сказал:

— Здравствуй, Женя.

— Здравствуй, — вздохнула я. — Проходи... ранняя пташка.

— Да... подожди. Я тебя поздравляю... сейчас... — Лоська

по локоть запустил руку в карман необъятных штанов и вытащил... стеклянный глобус! Размером с маленькое яблоко.

«Ух ты-ы!..»

Конечно, он знал про мою любовь к «глобусятам». У меня была небольшая коллекция. Два обычных «глобусенка» — совсем как настоящие, только махонькие, а еще — глобус-брелок (подарок Илюхи), крохотный глобус под вид старинного (Люка подарила в прошлом году), желтый пластмассовый — как из слоновой кости, резиновый глобус-мячик в плетеной сетке, которая изображала параллели и меридианы... А о таком вот, «хрустальном», я только мечтала. Года два назад прозрачные глобусята на блестящих желтых подставках появились в сувенирных магазинах и стояли бешеных денег. Потом их стали продавать на Рябиновом бульваре, куда художники и мастера выносят для покупателей свой товар: картины, камнерезные шкатулки и сувениры, берестяные туески и гипсовые копилки. Здесь стеклянный глобус-малютку можно было купить подешевле, но все равно не меньше чем за семьдесят рублей.

— Ой, Лоська... где ты его взял?

— Разумеется, на бульваре... Да не бойся, не украл, — сказал он холодно.

— Я понимаю, но он же дорогуший. Деньги-то откуда?

Лоська опять глянул исподлобья: «Притворяешься или правда не понимаешь?»

— Опять играл. Да?

— А что такого? Все играют. Я не для себя, а для подарка...

— Ох, Лоська, Лоська...

И вдруг я опомнилась. Даже дала себе мысленно оплеуху. Дура! Человек старался, прибежал поздравить от всей души...

— Спасибо, Лосенок! Он будет самый замечательный в коллекции! Будет сверкать, как бриллиантовый!

Лоськино лицо сразу засветилось.

— Да... и он знаешь какой? Не только чтобы любоваться, но и для всякой пользы. Ведь океанов-то на Земле больше, чем суши, а они здесь прозрачные...

— Да... красиво.

— Не в том дело, что красиво. Они всё увеличивают, почти как микроскоп. Смотри. Царапинка крохотная, а если глянешь — вон какая... — Лоська согнул левый мизинец, поднес к нему глобус. И чуть заметная ссадинка на костяшке, увиден-

ная сквозь толщу стеклянных океанов, сделалась как здоровенная короста на коленке.

— Удивительно... — вежливо сказала я.

— А еще им можно выжигать, как линзой. Я уже пробовал. Был вчера там... у дерева... и выжег на скамейке целое слово.

— Какое слово, Лоська?

Он глянул удивленно:

— Ну... разумеется, «Умка».

Мы погрузили несколько секунд, думая об Умке. Потом я взяла глобусенка левой рукой, а правой — Лоську за плечо.

— Пойдем, Лосик. Хочешь чаю с тортом?

— Да. С удовольствием, — он сбросил у порога ременчатые «лапти».

Мы устроились на кухне, скромненько. Не накрывать же ради двоих большой стол. Лоська сидел на табурете, покачивая синими носочками, и смотрел то на сверкающий посреди подоконника глобус, то на меня. Я включила чайник и поставила торт. А себе еще раньше, до Лоськи, я сделала бутерброды с помидорами и майонезом.

Лоська вдруг сказал:

— Женя, ты сегодня красивая.

Я чуть палец ножом не отхватила.

— Ну, Лось! Высказался!

— Женя, я говорю серьезно.

Кстати, он всегда говорит серьезно и правдиво. И я... сперва я хотела ответить, что, сколько ни обматывай швабру мишурой, новогодней елкой она не станет. Но спохватилась. Что делать, если я и правда кажусь Лоське *такой*...

С утра я натянула мамин подарок — красные с черными мушками колготки, черную плиссированную юбку и тонкий вишневым джемпер с черным узором на груди. И надела цепочку с похожим на вишенку родонитовым шариком (тоже почти глобусенок). Никого я не ждала, но... все-таки именинница. Конечно, этот наряд и толкнул Лоську на его высказывание. «Ладно, пусть», — вздохнула я. И вспомнила:

— Ох, Лоська, а откуда ты узнал про мой день рождения? Я тебе не говорила.

— Люка сказала. Я ее вчера встретил в овощном магазине. Я покупал капусту, а она бананы. Дала мне банан и сказала про тебя. Наверно, она тоже скоро придет.

«Это уж само собой», — подумала я. И Лючка словно откликнулась на вызов, позвонила у двери.

Она чмокнула губами мою щеку, прошла впереди меня на кухню, сказала: «Лоська, салют!» — и протянула мне косметичку из клеенки, похожей на крокодиловую кожу.

— Поздравляю. Расти большой я тебе не желаю, хватит и того, что есть. А за внешностью следить пора как следует. Ты в классе единственная, кто ни разу не красился. Из девчонок, конечно...

Тут я наконец сказала про швабру и мишуру.

— Ты просто закомплексована, — заявила Люка. — Вбила себе в голову, что уродина. А при некоторых усилиях ты могла бы иметь очень импозантную внешность.

— Чево-чево? — сказала я Илюхиным тоном. — Лоська, дай мне вон тот кусок торта, я засуну его Лючке за шиворот.

— Можно я лучше его съем?

— Ешь на здоровье. А я засуну ей этот бутерброд...

Люка покосилась на бутерброд.

— Ты так и будешь сидеть на своей дурацкой диете, без грамма сладкого?

— Так и буду...

Еще год назад я была не только большая, но и... так сказать, чересчур кругловатая. Это меня доводило до отчаяния. И наконец я дала себе страшную клятву, что с этого дня — никаких пирожных, кексов, тортов, жирного печенья, шоколада, сладких пирожков и всего такого прочего. Мама была в панике. Илья утверждал, что, во-первых, я не выдержу больше недели, а во-вторых, если и выдержу, это все равно не поможет. Но я выдержала, и *это* помогло. Рост, конечно, не убавился, но я сделалась «скелет в шкафу» (по Илюхиным словам). Мама повздыхала и махнула рукой, а брат сказал: «Моя степень уважения к тебе возросла на порядок». А потом я... да, я поняла, что сладостей, о которых я раньше обмирала, мне уже не хочется. Даже нарочно попробовала шоколад и слоеное пирожное — и ноль впечатления. Теперь мне нравились майонез, селедка и маринованные рыжики. Вот такая история...

Люка требовала, чтобы я немедленно попробовала на себе косметику, но я показала глазами на Лоську и крутнула пальцем у виска.

Лоська в наши разговоры деликатно не встречал. Молча глотал чай, расправился со спасенным куском торта, потом еще с одним и еще... Он старался есть аккуратно, ложечкой, но иногда забывался, спешил и вытирал пальцы о свои много-

страдальные штаны. Мы с Люкой тоже сели к столу. Люка вдруг посмотрела на Лоську.

— Слушай, ты заболеешь. Один ребенок не может сразу съесть столько торта.

— Я же не совсем уже ребенок, — миролюбиво разъяснил он и глянул на меня: можно еще?

Я наконец сообразила:

— Лосенок, ты, наверно, не завтракал!

Он посопел и кивнул:

— Мама, когда уходила, сказала: «Пожарь картошку». А мне было лень чистить.

— Давай я тебе яичницу сделаю, это лучше, чем торт.

Он покачал опять синими носочками и сказал шепотом:

— Если не трудно...

Я поставила на газ сковородку, покрошила молочную колбасу, залила ее белками и желтками. Скоро Лоська, уже не думая о торте, уплетал глазунью, и его щеки (и без того чумазые) украсились желтыми полосками. А мы с Люкой пили чай, и та продолжала разговор о подаренной косметике. О том, какая она качественная, французская и популярная. Мне оставалось только кивать.

Лючка — она не то чтобы красавица, но уж-жасно обаятельная (это все говорят). С золотистыми кудрями, алым ртом, зелеными глазами. Вся такая тоненькая, будто девочка Суок из «Трех толстяков». И улыбаться умеет так, что мальчишки млеют. Манеры у Люки отработаны. Она занимается в эстрадном детском ансамбле «Гадкие утята», манерам там специально учат. И косметикой пользоваться учат. В ансамбле это не мода, а необходимость — чтобы танцоры и певцы выразительнее смотрелись на сцене. Так не раз объясняла Люка.

4

Недавно я была на концерте «Гадких утят» во Дворце детского творчества — Люка меня туда почти насильно притащила, потому что к эстраде я совершенно равнодушна. Я высидела до конца и даже вежливо похвалила. А сейчас она опять принялась вспоминать это выступление.

— Помнишь ту песню, «Еду-еду я...»? Ее теперь все напевают. Просто шлягер получился. Лучшее произведение нашего Костика.

Костик (а еще «Костюньчик» и «Костячок-толстячок» — это не в глаза, конечно) был руководителем ансамбля. Кругленький, пожилой, но очень бодрый, с лысинкой-блюдец и жизнерадостным лицом. В общем-то, славный. Но песенку щадить я не стала. Она показалась мне такой глупой, что запомнилась от начала до конца. Даже привязалась и порой вертелась в голове.

Еду-еду я в авто
И гляжу на белый свет.
В поле зренья все не то,
И тебя в том поле нет.
Ты меня не разлюби!
Би-би-би!
Би-би-би!

Я уселся в самолет,
И гляжу я с высоты.
На душе тоска, как лед:
Где же ты? Где же ты?
Я страдаю на лету.
Ту-ту-ту!
Ту-ту-ту!

Я пешком по всей Земле
Обошел сто тысяч верст.
Плавал я на корабле,
Средь морей холодных мерз.
На каком ты берегу?
Гу-гу-гу!
Гу-гу-гу!

Вот на берег я сошел
И смотрю — навстречу ты!
Сразу стало хорошо,
И в душе моей — цветы!
Расцвела моя мечта!
Тра-та-та!
Тра-та-та!

Мы с Лючкой подруги с незапамятных, с ясельных времен и поэтому не боимся говорить друг другу все, что думаем.

— Ужасно примитивная песня. Для дикарей с острова Нямба-Бамба. «Би-би-би», «гу-гу-гу»... А если бы последняя строчка была «И сошли мы с корабля»?

Люка сморщила переносицу:

— Фу! При ребенке...

Я хмыкнула про себя. «Ребенок» в тех местах, где он быва-

ет, слышит и не такое. Хотя... в самом деле нехорошо. Впрочем, Лоська заскребал сковородку и не обращал на нашу беседу внимания (или делал вид).

Люка продолжила мое воспитание. Голосом нашей классной Олимпиады Андриановны:

— Ты, Евгения, циничная особа. Несмотря на то что из культурной семьи...

— Не циничная, а прямолинейная. Сказано: «Не родись красивой, а родись правдивой»...

— Не «правдивой», а «счастливой». Или ты думаешь, счастье там, где правда? — словно драматург Островский из учебника, спросила Лючка.

— Ну, если судьба красотой не наградила... Хорошо вам в «Утятах», вы там все такие... стройные и фотогеничные.

Люка пригорюнилась и сказала, что им в ансамбле совсем не хорошо. Могут закрыть.

— И все другие творческие коллективы тоже...

— Почему?!

— Из-за ППЦ. Ты разве ничего не слышала? Даже по вечернему каналу в местных «Новостях» говорили.

Я ничего такого не слышала (и канал-то этот почти не смотрю, там только про грабежи и аварии на дорогах).

— А что такое ППЦ?

— Ну, темнота... Не «что», а «кто!» «Полномочный представитель центра». Из Москвы прислали чиновника, милицейского генерала, будет здесь главным. В столице недовольны, что у губернаторов стало слишком много власти, вот и рассылают по стране таких представителей, чтобы наблюдали и руководили. Укрепляли «стержень централизованной власти». Ты правда, что ли, не в курсе?

— А при чем Дворец?

— Да пойми же ты! Губернатор где располагается? В резиденции! В бывшем роскошном доме миллионера Кунгурова, в памятнике старины. А его московский начальник разве захочет сидеть в обычном кабинете? Ему тоже резиденция нужна, да получше губернаторской, чтобы не потерять имидж. Вот и пригладели для него наш Дворец.

— Совсем офонарели, да? Выгонять тыщу ребят ради одного генерала!

— Во-первых, не тыщу, а почти две. А во-вторых, ради одного генерала, а со свитой. Знаешь, сколько у него будет заместителей! А у тех — свои заместители, референты, секретари...

ри, курьеры. Охрана... А дворцовские кружки, говорят, растолкают по разным клубам. Ну, их-то, может, и растолкают, а такие коллективы, как наш — куда? Театральный, оркестровый... В субботу все ребята и взрослые работники Дворца хотят пикеты устроить на площади. С плакатами.

— Лючка, я тоже пойду!

— Пойдем.

— И я, — облизав вилку, сказал Лоська.

— Обязательно, — сказала я. — Ты этого генерала сразу перепугаешь, такое чучело. Как ты ухитришься извозиться за несколько минут? Иди умывайся...

— Ладно. Спасибо за яичницу. И за торт... — Лоська выбрался из-за стола, поддернул штаны и пошел в ванную. Я за ним, чтобы умыть «чучело» собственноручно, а то измажет полотенце.

Лоська не противился, только фыркал. Люка в это время убрала со стола. И сказала, что теперь ей «срочно надо еще в одно место».

— Вечером позвоню. Пока...

Мы с Лоськой остались одни и посмотрели друг на друга.

— Может, погуляем? — спросила я.

— Давай!

— А куда пойдем?

— Может быть, туда... к дереву? — Он слегка затуманился. — Или... это слишком печально для дня рождения, да?

— Нормально...

И мы пошли на пустырь за сгоревшей табачной фабрикой. Это было довольно далеко, но нам куда спешить? Мы брели по переулкам, где ярко, почти как в мае, вновь цвели одуванчики. Было солнечно, однако совсем не жарко, хорошо так. Говорили о недавнем телесериале про пришельцев (чепуха сплошная, одно и то же, надоело), о том, что скоро в школу, а неохота; о моих глобусятах, о новом появлении НЛО над древней Кулябкой, о сбежавшем из цирка трехметровом удаве (жаль, что поймали, не добрался до родины) и ни о чем серьезном.

На пустыре, заваленном кирпичными грудями от разломанных домов, было безлюдно, летали бабочки. Мы подошли к вековому полузасохшему тополю. В метре от него среди лопухов можно было разглядеть плоский полуметровый холмик, укрытый дерном. Мы сорвали несколько диких ромашек, по-

ложили на холмик. Постояли с полминуты. Лоська потянул меня за рукав:

— Пойдем, покажу...

В двух шагах стояла среди высокой сурепки оставшаяся от давних времен лавочка — доска на двух столбиках.

— Вот... — На краю доски были выжжены кривые буквы: «У м к а».

Лоська сел, погладил надпись мизинцем. Я села рядышком... Конечно, это была прежде всего Лоськина печаль. А моя — уже через него. Ведь я-то даже не видела Умку живым. Но все равно... Мы посидели, помолчали. Потом, чтобы ослабить Лоськину грусть, я спросила:

— В последней игре у тебя сколько было противников?

— Много...

— Ну и как? У всех выиграл?

Лоська вздохнул:

— Не... Одна ничья.

Я ладонью прошлась по его волосам-сосулькам. Он сразу заулыбался. Осторожненько придвинулся плечом. Но почти тут же встряхнулся, вспомнил:

— Домой пора. Мама придет на обед, скажет: где картошка?

СТЕКЛЯННЫЕ ОКЕАНЫ

1

Дома было пусто и солнечно. Сверкал хрустальный глобусенок. Сверкали латунные замочки на футлярах подаренных авторучек. Я вспомнила, что так и не посмотрела: какую ручку преподнес мне дядя Костя. Бессовестная...

...Дядя Костя — наш добрый знакомый. Когда он был в старших классах, занимался математикой с моим дедом, маминым отцом, и часто приходил к нему домой, в квартиру при институтском общежитии. Там и познакомился с девчонкой-дошкольницей Валей. Между ними завязалась вроде бы шутивая, но долгая дружба. Когда дед умер (маме было тогда всего восемь лет), Костя навещал «подружку-дюймовочку», а потом писал ей письма из училища и с разных мест службы. Долгие годы он служил в окраинных областях. А вскоре после того, как погиб папа, дядя Костя перевелся в наш город. Стал заходить в гости и незаметно так опекать нас. Мама даже призналась, что однажды он сделал ей предложение.

— И ты отказалась? — укоризненно спросил Илья. — Старый, да?

Мама объяснила, что дело не в десяти годах разницы и что «Костя чудесный человек», но она не может забыть Сережу, нашего папу. Дядя Костя больше предложений не делал, но дружить с нами не перестал. По-прежнему заходил «на огонек», занимался с Ильей немецким языком, а меня учил всяким полезным вещам и порой рассказывал интересные случаи из своей жизни.

Был дядя Костя высокий, сутуловатый, с залысинами, похожий (так мне почему-то казалось) на учителя истории. Те, кто не знал, никогда бы не сказали, что он недавний военный, полковник в отставке. Во время афганской войны был дядя Костя командиром горно-стрелкового батальона, вернулся с медалями и орденом Красной Звезды. Илюха однажды спросил: за что орден? Дядя Костя пожал плечами:

— Сам не пойму. В героические схватки лишний раз не рвался. Главной задачей считал сохранить своих ребят...

— Всех, наверно, там все равно было не сохранить... — насуленно подал голос Илья.

— В том-то и беда... Непостижимое это дело: только что был живой паренек, и вдруг — нет его... Слава богу, тебе это не грозит.

Когда Илюшке было семь лет, он с друзьями на дворе пускал по воздуху «летающие блюдца» — жестяные крышки от консервных банок. Одна крышка чиркнула его по глазу. С той поры глаз плохо видел и случалось, что воспалялся. Сколько ни ходили по врачам, вылечить так и не смогли. Снаружи ничего не было заметно, но допризывная комиссия брата забрала начисто. Мама сказала тогда: «Тут не знаешь даже, горевать или радоваться». Илья не горевал и не радовался, он считал, что судьба есть судьба. Одно слово, философ...

Да, но с чего это дядя Костя решил дарить авторучку? Раньше он придумывал подарки пооригинальнее. Я наконец открыла футляр... О-о-о!..

Ручки не было. На малиновом бархате лежали шесть золотистых монеток!

Не подумайте, будто я решила, что золотые! Ни на кой мне это не надо! Я увидела сразу, что на монетках — парусные кораблики. Разные!..

К внутренней стороне крышки была прижата резинкой свернутая бумажка. Я раскрутила. Дядя Костя писал:

«Свет Евгения! Мне ведомо, что ты не увлекаешься нумизматикой, но ведома также твоя любовь к парусам. Волею случая (от старого приятеля) эти иностранные денежки попали ко мне, и я решил, что они вполне годятся для именинного подарка. Из каких они краев и что там за корабли, ты разберешься лучше меня, я в таких вопросах профан. Прими поздравления и полный набор соответствующих пожеланий. Маме и новоиспеченному студиозусу — привет. Жму твою крепкую лапу. Приеду через неделю, забреду на чаек. Твой преданный поклонник К.П.»

«К.П.» — значит, Константин Петрович, хотя мы с Ильей всегда звали его дядей Костей...

Я, тая от тихого восторга, принялась разглядывать монетки. Они были небольшие — с российский двухрублевик или чуть поменьше. Но зато в два раза толще. Этакие металлические таблетки. Одна сторона у всех была почти одинаковая — портрет английской королевы («QUEEN ELISABETH THE SECOND»), только годы выпуска разные — от 1991 до 1994. Зато на другой... То бригантина, то шхуна, то фрегат! Сверху по дуге шли слова: «BAILIWICK OF JERSEY», а снизу — «ONE POUND». Ну, понятно, один фунт. А что касается «Джерси», то это вроде бы маленький остров, британское владение. Надо же, свою монету чеканит, как большое государство!.. По толстому ребристому боку тоже тянулась надпись: «INSULA CAESAREA». Это было непонятно... Ну да ладно! Главное — парусники.

Я положила монетки в ряд и почти сразу поняла: здесь почти все основные типы парусных судов. Конечно, не всякие там галиоты, каракки, флейты и каравеллы, а те, что входят в разряд современных: фрегат, барк, бриг, бригантина, две шхуны — марсельная и гафельная... Не было только баркентины. Может, серия неполная, или там, на острове Джерси, про баркентины не знали?

И вообще, что это за суда? Почему попали на монеты? Ведь не просто бриг там или шхуна, а со своими названиями. Крохотные подписи были выбиты под каждым корабликом. Кое-какие букочки были различимы (и цифры тоже — видимо, год постройки), но прочитать ни одно слово полностью я не могла. И — конечно же! — вспомнила про Лоськины «стеклянные океаны». Схватила тяжелый прозрачный шарик. Материки были матовые, но океанов-то на Земле больше, чем суши! Буквы-микробы за выпуклым стеклом вмиг выросли — читай на здоровье!

Вот какую эскадру подарил дядя Костя:

Фрегат «Persy Douglas». 1861.
 Бриг «Hebe». 1861.
 Барк «Gemini». 1864.
 Бригантина (шхуна-бриг) «Century». 1866.
 Марсельная шхуна «Resolute». 1877.
 Гафельная шхуна «Tickler». 1899.

Надо будет, конечно, узнать о них поподробнее. В словарях пошарю, в книжках. Но это потом. А пока я просто любовалась корабликами. Они были отчеканены на золотистом сплаве с такой ювелирной тонкостью, словно здесь работал какой-то «левша».

Этот мастер почти каждое судно изобразил с полной парусностью (только марсельная шхуна была без топселей).

Я решила, что корабли идут под брамсельным ветром. Он такой, без штормового бешенства, ровный, упругий, позволяет нести брамсели — те, что высоко на брам-реях... Хотя нет, здесь я немного лукавила. Ведь на «Перси Дугласе», «Джемини» и «Гебе» были поставлены и бом-брамсели. Значит, и ветер — бом-брамсельный. Но мне эта приставка «бом» всегда не нравилась (есть в ней что-то легкомысленное). Просто «брамсельный ветер» звучит гораздо лучше. И я решила, что капитаны захотели рискнуть, поставили при брамсельном ветре и самые верхние паруса (а на «Резольюте», кстати, не поставили, проявили благоразумие)...

Я мурлыкала слегка переделанные строчки — «А ну-ка, брамсельный, пропой нам песню, ветер...» — и все разглядывала золотистую эскадру. То просто так, то через волшебный Лоськин глобус. Молодец дядя Костя! И молодец Лоська! Его стеклянные океаны — словно специально для сверкающих парусов! Одно к одному! Как только придет, сразу покажу ему монеты! Лоська, он понятливый. И брамсельный ветер он ощутил сразу...

Вспомнилось, как мы познакомились...

2

Это случилось в конце июня, когда я после скандала вернулась из летнего лагеря. Я «отходила от событий» и часто бродила по улицам одна, просто так. И забрела на пустырь у

табачной фабрики. Я вообще люблю пустыри (ненормальная, да?). Мне кажется, там среди иван-чая и репейников прячется прошлая жизнь. Лежит невидимыми прозрачными пластинами среди развалин домов, над кучами мусора, над раскиданными в траве ненужными вещами. Ну, не сама жизнь, а память о ней... А разве это не одно и то же? Только память — это прошлая жизнь. Она от нынешней отличается лишь тем, что в ней ничего нельзя изменить. Ни плохое, ни хорошее. Я стараюсь вспоминать хорошее. Например, как мы с Илюшкой сидим на лодочных мостках, бултыхаем ногами и хохочем, а папа наводит аппарат. Пусть это будет *всегда*...

Так вот я бродила, шебурша джинсами по лопухам и желтоголовой пижме, и вышла к большущему тополи. Некоторые ветки его были сухие, а на других — редкие листья. Старик уже. Но у могучего ствола курчавилась молодая поросль.

За этой порослью сопел и копался в земле мальчишка лет девяти. Или десяти. Чуть постарше тех, с кем я дружила в лагере. Он был в мешковатой рыжей майке, широченных штанах до колен, нечесаный и, кажется, сердитый. Я села в трех шагах от него на косую лавочку. Мальчишка глянул через плечо и снова согнулся. Майка натянулась на спине, проступили позвонки.

— Ты что делаешь? — тихонько спросила я.

Он не огрызнулся, просто сказал, не оглянувшись:

— Рою...

— Клад ищешь, да?

Он дернул спиной: чего, мол, чепуху-то молоть? И продолжал ковырять землю походной лопаткой. Потом негромко выговорил:

— Кота хороню...

— Какого кота? — У меня почему-то натянулись нервы. Мальчишка выпрямился, встал ко мне вполборота, подбороком показал на лежавший в подорожниках тряпичный сверток. Я шагнула, села на корточки, мальчишка тоже. Быстро глянул на меня, подумал секунду и откинул края цветастой тряпицы. На ситцевом лоскуте лежал худой серый кот со славной мордашкой. Он будто спал, прижав к свалывшейся на груди шерсти согнутые лапы. Но через голову от уха до шеи тянулся рубец с засохшей кровью.

— Кто его так? — шепнула я.

Мальчишка сипло сказал:

— Если бы я знал...

— Это твой кот?

Он мотнул головой с темными волосами-сосульками:

— Нет. Наверно, он ничей, сам по себе... Просто мы тут встречались. Первый раз еще в апреле, а дальше почти каждый день. Я ему поесть приносил... А потом мы сидели рядышком... Знаешь, он иногда терся мордой о рукав и мурчал... А сегодня я пришел, а он лежит... вот такой... Кому помешал? — Мальчишка переглотнул, кожа на его тонком горле дернулась. Но он не заплакал. Я тоже переглотнула.

Казалось, ну какая тут печаль? И кот незнакомый, и... столько всего было в жизни, по-настоящему горького. Здесь-то чего слезы глотать. А вот надо же, заскребло...

Я осторожно закрыла беднягу краями лоскута. Глянула на мальчишку. Он опустил лицо и стал дуть на ладони — видеть, намозолил. Я посмотрела на ямку, которую он старался вырыть, — она была совсем неглубокая.

— Давай помогу.

— Помоги, если хочешь. Я только полминуты передохну...

Лопатка была довольно острая. Легко резала тонкие корни и глинистые комки. Но это у меня легко. Надо сказать, я сильная. А у мальчонки-то руки-прутики. И все же он очень скоро сказал;

— Ну все. Теперь я.

— Подожди. Я же только начала.

— Нет, теперь я... — И потянул лопатку. Я отдала, но через минуту взяла снова. Скоро мы углубились больше чем на полметра.

— Хватит, наверно? — выдохнула я.

— Да... — Он опять приоткрыл кота, быстро, почти украдкой, погладил его, завернул, поднял, прижал к груди. — Я сейчас... положу.

— Постой...

Я быстро отошла, нарвала лопухов, застелила внутри рыжую от глины яму (из нее почему-то пахло картофельными грядками).

Мы вместе уложили кота. И сверху тоже закрыли лопухами. Потом засыпали — мальчишка лопаткой, я ладонями. Слегка прихлопали землю.

— Давай положим сверху дерн...

Мальчишка смотрел вопросительно: не знал, наверно, что такое дерн. Глаза у него были странные — темно-синие, с длинным разрезом, почти до висков. Как на портретах персо-

нажей древнеиндийского эпоса (а может, вообще как у инопланетянина). Нос же — совсем не индийский, «ванькин», картошка с двумя дырками... Я лопаткой вырубил прямоугольник земляного слоя с подорожниками и клевером. Мальчишка понял, стал помогать, мы вместе уложили дерновый пласт на глину. Выпрямились.

— А не слишком заметно? — Он опасливо глянул из-за плеча. — Вдруг разроет кто-нибудь. Назло...

— Кто не знает, не обратит внимания...

Кажется, мальчишка всхлипнул. Чуть-чуть.

— Знаешь, все-таки хорошо, что он жил на свете, — сказала я. — Он тебя радовал. Ты будешь его помнить. И получится, будто он все еще живет...

Мальчишка то ли кивнул, то ли уронил голову. Шепнул:

— Да... Я... наверно, буду сюда приходить...

— А как его звали... то есть как зовут?

— Как по правде, не знаю. А я звал «Умка». Он откликнулся.

— Значит, Умка и есть... А тебя как звать?

Он сказал без охоты, но сразу:

— Лоська.

— Это... от какого полного имени?

— Все-во-лод... — толчками выдохнул он шепот.

— Тогда почему не Сева? — Я говорила, чтобы отвлечь его, потому что боялась: вдруг заплачет (да и сама могла).

— Не знаю... — устало выговорил Лоська. — Так зовут с давних пор... А иногда — «Лосёнок». Это мама...

В нем, несмотря на беспризорный вид, не было никакой ошестиненности. К другому такому попробуй сунуться с вопросами, пошлет на край света и еще добавит вслед. А этот... может, просто обмяк от горя?.. Имя «Лосёнок» ему подходило. Такой же лобастый, губастый, с тонкими ногами-руками и, кажется, доверчивый. Ну, наверно, не со всяким доверчивый, но со мной-то по-хорошему...

— А я Женя. — И добавила, чтобы внести ясность: — Меженцева.

Лоська понял. И, кажется, чуть улыбнулся:

— Я сперва подумал, что ты парень. Не разглядел.

— Немудрено... — хмыкнула я. В самом деле — волосы, подстриженные по уши, джинсы, мальчишеская футболка. И под футболкой... ничегошеньки незаметно. Разве если приглядеться...

— Нет, теперь-то я понял, — Лоська улыбнулся заметнее. — Парни такими не бывают.

— Какими «такими»?

— Ну... ты заботливая. — И он втянул воздух носом-картошкой.

Я с облегчением сменила тон:

— Да. Очень заботливая. И главная забота о твоём умывании. Посмотри, ты весь перемазанный.

Он и правда был в земле и глине, в травяном соке, в прилипших стеблях и листиках. Даже в волосах глиняные крошки.

Лоська не стал спорить.

— Да, здесь недалеко есть колонка.

— Какая колонка! Тебе надо в ванну с головой!

— Во-первых, — сказал Лоська отчетливо, — нет у нас дома никакой ванны. Во-вторых, я не смогу попасть домой. Я забыл надеть на шею ключ, захлопнул дверь, а мама придет лишь вечером.

Я про себя отметила, какая у Лоськи правильная речь, во все не уличный «базар». Даже сказал «надеть», а не «одеть», что и среди нынешних тележурналистов редкость. Поучиться бы у мальчишки депутатам всех мастей с их «намерениями», «в этой связи», «властями прережжасими», «возбужденными делами», с их «эканьем» и «меканьем»... Но речь речью, а чужамазности от этого не меньше.

— Пойдем-ка, Лоська, ко мне.

— Да ну... — Он впервые заметно смутился. Вытащил из сандалеты ступню, начал чесать правой пяткой левое черное колено. — Зачем...

— Отмоешься, поедем чего-нибудь... Не бродить же тебе таким пугалом до вечера.

— К сожалению, я всегда пугало, — равнодушно сообщил он. И вдруг согласился: — Хорошо, пойдём.

Сперва я думала, что его толкнуло на согласие это мое «поедим чего-нибудь». И только много позже поняла: нет, наверно, не только это...

Мы с минуту еще постояли над дерновым холмиком. Я сама не заметила, как положила руку на Лоськино плечо. И он этого, кажется, не заметил. Потом пошли мы к улице Машинистов. Лоська не спрашивал, далеко ли. Сперва шел молча, а потом стал рассказывать про Умку. Уже без слезинок в голосе, а словно о живом. Как Умка ждал его каждый день на лавочке, как деликатно, без жадности, принимал угощение: остатки

рыбных консервов, вареную картошку, селедочные головы и обрезки колбасы. Как играл, будто котенок, сделанными из травы «мышками», как иногда (не часто, правда) просился на руки и клал голову на Лоськино плечо... А при прощании Умка вел себя спокойно, никогда не увязывался следом.

— А ты не думал взять его домой?

— Нет... Мне кажется, он не хотел. Он был вольный кот, гулял сам по себе, как в той сказке...

Я подивилась, что Лоська знает Киплинга. Не ведала еще тогда, какой он книголюб.

В подъезде Лоська оробел опять:

— А дома у тебя кто-нибудь есть?

— Никого нет. Шагай...

3

Я ввела его в ванную, велела «отдраивать себя как следует», но потом увидела в открытую дверь, как осторожно он трогает мокрыми пальцами перемазанные щеки, и шагнула через порог.

— Ну-ка, радость моя...

Сдернула с грязнули майку, нагнула его над ванной, пустила тугую горячую струю, взяла мыло. Лоська не упирался, только один раз дурашливым шепотом сказал «спасите». Я вымыла ему голову, оттерла тощие плечи и спину. Отскребла суровой мочалкой грязь с локтей и коленей. Подумала, что надо бы постирать его штаны и майку, но не решилась. Ладно, все же чище стал... Я сама вытерла его махровым полотенцем.

Фыркая толстыми губами, Лоська сказал:

— Женя, у тебя, наверно, есть брат...

— Есть.

— Ты его так же мочалишь?

— Его помочалишь! Ему семнадцать лет.

— У-у... Я думал, вроде меня.

— Обормотов «вроде тебя» мне приходилось мочалить в лагере. Подшефных из младшего отряда. Они тоже собирали на себя пыль, песок и глину. И чуть что бежали ко мне, потому что свою вожатую боялись...

— А я никогда не был в лагере...

— Тебе повезло... Ты как относишься к сосискам? Правда, они в целлофановой шкуре.

Лоська скромно признался, что к сосискам в любой шкуре

он относится хорошо. И вообще к любой еде. Особенно «когда толком не позавтракал и ни крошки не обедал».

После обеда он без всякой просьбы помог мне вымыть тарелки (видать, привычное дело) и сказал, что пойдет.

— Куда ты спешишь? Ключа-то нет, а до вечера далеко.

— Так. Погуляю...

«Уличное дитя все-таки...»

— Хочешь, провожу тебя?

Лоська быстро вскинул «марсианские» глаза.

— Да. Хочу.

Мы опять побрели переулками — почти молча, с отдельными редкими словами. И оказались в начале Рябинового бульвара. Направо тянулись вдоль аллеи ряды торговцев-художников, а слева был неработающий фонтан и площадка со скамейками. Мы присели на бетонный край бассейна.

— Женя, хочешь мороженого?

— У тебя что, деньги есть?

— У меня нет. Я думал, может, у тебя найдется пять рублей...

«Тоже мне кавалер». Но я ничего не сказала, зашарила в джинсовом кармане. Достала железный пятирублевик. Лоська, видно, прочитал мои мысли.

— Женя, это не насовсем. На три минуты. Ты только не ходи за мной, я сейчас... — И зашагал к скамейкам, на которых устроились разного вида дядьки. Независимо так пошел, прямо. Широкие штаны парусили на ветерке, и все еще влажная голова блестела слипшимися сосульками.

Дядьки на скамейках были всякие — одни «вполне культурного вида», другие довольно «бомжеватые». Но почти перед каждым лежала доска с шахматами. Некоторые играли между собой, а другие сидели в одиночестве, будто ждали партнера.

Лоська встал рядом с таким одиночкой — молодым, в соломённой шляпе и очках, но каким-то несимпатичным, с толстым затылком (как у откормленного охранника). Посмотрел на доску, сказал:

— Привет. Сыграем? — (Я слышала издали).

— Гуляй, мальчик, — скучно отозвался «Охранник».

— А почему?

— Гуляй, я сказал.

— Бойтесь, что ли?

— Ты не на детской площадке. Тут играют на интерес.

— Вот... — Лоська положил рядом с шахматной доской мою

денежку. «Охранник» сдвинул повыше шляпу, глянул внимательно:

— А не жалко?

— Для хорошей игры не жалко, — ровным голосом разъяснил Лоська. Кое-кто на него оглядывался (некоторые хмыкали).

«Охранник» сказал с зевком:

— Ну, садись, раз такой смелый.

— Вы свой-то «интерес» поставьте тоже, — напомнил Лоська.

— Все по закону... — Дядька положил рядом с Лоськиной свою монетку.

Они стали двигать фигуры. Мне хотелось подойти, но я чувствовала — Лоську это смутит. Игра шла минут пять.

«Охранник» вдруг сказал:

— Ну и что?

— Что — «что»? — вежливо переспросил Лоська.

— Подожди... как это у тебя получилось?

Лоська пожал плечами: получилось, мол. Смотрите сами...

— Ладно... ладно-ладно. Тогда я так!

— Тогда будет мат в два хода.

— Как это?

— Так и так...

— Ну, тогда я...

— Нельзя. Шах же...

— Й-й... елки сухостойные... Это что же?

— Это все, — вздохнул Лоська.

— Ну ты и стервец...

— Разумеется. Спасибо за игру, — Лоська смахнул в ладонь обе денежки и погрузил их в складки штанов. Его и «Охранника» уже обступили зрители.

— С кем-нибудь еще? — скромненько спросил Лоська.

— Да ну тебя, знаем... — отозвался кто-то.

Два игрока — один похожий на доцента, другой на дворника — переглянулись. «Доцент» спросил:

— Рискнем, коллега? Пять рублей не деньги.

— Давай. Только ты первый...

— Я могу сразу с двумя, — предложил Лоська, почесывая пяткой щиколотку.

— А вы, молодой человек, не переоценили свои возможности? — «Доценту» Лоська был явно симпатичен.

— Мне просто некогда, — отозвался «молодой человек» и подтянул штаны. Дядьки с двумя досками сели рядом, Лоська

остался на ногах. Это было недалеко от меня, я не выдержала и подошла...

В шахматах я ничего не понимаю. Видела только, как «Доцент» и «Дворник» задумывались перед каждым ходом, а Лоська моментально двигал фигуры то на одной, то на другой доске. «Доцент» сдался первым. Некультурно почесал макушку и положил на бок короля (словно даже с удовольствием). Его небритый компаньон держался еще минуты две. Потом бормотнул неразборчиво, сдвинул фигуры с доски. Лоська терпеливо подождал, когда они расплатятся. «Доцент» спросил:

— Коллега, какой у вас разряд?

— Никакого... — Лоська оглянулся на меня, протянул пятирублевик. — Вот. Спасибо... Ну что, идем?

Когда отошли, я спросила:

— Ты кто? Вундеркинд?

Лоська не удивился. Видимо, знал это слово. Но не знал, вундеркинд он или нет.

— Просто они все играют по правилам. По одним и тем же. А есть еще всякие другие способы. Это чувствовать надо.

Что-то похожее Илья говорил про компьютерные дела, когда пытался объяснить мне (правда, без результата) свои теории.

— Лосенок, тебе, наверно, учиться надо...

— А! — он махнул кулаком с зажатыми денежками. — Вон мороженое. Пошли...

Мороженое он купил ананасовое, я его не люблю, но все равно было славно (только чуть-чуть грустно почему-то) сидеть на бетонном барьере у сухого фонтана, лизать сладкий брикет и молчать без всякой неловкости, а просто так, по-хорошему. Потом Лоська метко бросил скомканную обертку в блинную урну, встал и сказал, что ему пора домой.

— У тебе же ключа нет!

— Я к маме на работу забегу. Она, конечно, скажет, что я растяпа, ну да пусть. Тем более что и правда растяпа... А дома дел полно.

— Лоська, ты... если захочешь, заходи ко мне.

Он растянул в улыбке толстые губы.

— Хитрая. Опять мочалить будешь...

— Неужели ты каждый день такой перемазанный ходишь?

— По-всякому бывает... Женя, ты лучше приходи сама...

— Куда?

— Ну... туда. На пустырь, к дереву. Я там часто стану бывать. Обязательно увидимся...

Я не стала уточнять: в какой день, в какой час. Словно боялась сломать что-то. И к себе звать Лоську больше не стала.

— Хорошо, Лосенок. Пока...

— Да. До свиданья, Женя...

И мы пошли в разные стороны. И только через несколько минут я спохватилась: вот дура, даже не спросила, где он живет! Неужели больше не встречу этого марсианина?

4

Однако мы увиделись на следующий день. Лоська все-таки пришел ко мне. Утром. Оказалось, он забыл у меня лопатку. Она так и стояла в уголке у вешалки, никем не замеченная. Лопатку я отдала, но сразу Лоську не отпустила.

— Чаю хочешь? С колбасой...

Он сказал, что «вообще-то, пожалуй, да», но тут же спросил, кто еще у нас дома.

— Да никого нет! А если бы и были? Съели бы тебя, да?

— Не знаю... Я какой-то некоммуникабельный...

«Словечки-то какие знает!» — ахнула я про себя. И опять уверила некоммуникабельного гостя, что одна дома.

Лоська глотал чай, жевал бутерброд с колбасой и все поглядывал через плечо: сквозь открытую дверь кухни был виден в большой комнате стеллаж с книгами.

— Женя, можно я книжки посмотрю?

— На здоровье! — обрадовалась я.

Он встал перед полками, запрокинул голову, как лилипут перед Гулливером.

— Ух ты... Вон там Даррелл, да?

— Да. Ты читал?

— Я его только одну книжку читал. А еще кино смотрел, «Моя семья и другие животные»... Я люблю про зверей...

— Хочешь, возьми, почитай.

— А можно?..

— Ну, если я говорю...

Лоська встал на стул и выбрал книжку, по которой кино «Моя семья...».

— Я прочитаю и сразу же принесу, ты не бойся.

— Представь себе, я ни капельки не боюсь. Тем более что

собираюсь проводить тебя до дома и увидеть, где ты живешь. Если зажмешь книгу, приду и скажу: «А ну, Лось, выкладывай»...

— Имей в виду, я далеко живу. От пустыря столько же, сколько до тебя, но в другую сторону.

— Не беда...

И я пошла провожать Лоську.

В левой руке Лоська аккуратно нес книгу, а в правой лопатку. Лопаткой он помахивал и хлопал себя по ноге.

— Поранишься ведь, горе луковое. Она же острая.

— Вообще-то да... Женя, я вчера так расстроился, когда спохватился, что забыл ее. Боялся: вдруг не у тебя, а в другом месте? Всю ночь вертелся...

— Боялся, что попадет?

— Не в этом дело... Она отцовская. Он ее всегда брал на рыбалку: червей накопать, костер устроить...

Это «брал» резануло меня. И чтобы не увязнуть в нерешительности, я спросила сразу:

— Лоська, а что с отцом?

Он молчал не долго. Несколько шагов (топ, топ, топ, топ...). Я не успела даже пожалеть о вопросе. Лоська сказал, глядя под ноги:

— Он в зоне. То есть в колонии...

«Ну что же, бывает», — чуть не ляпнула я и ужаснулась, как это было бы глупо и фальшиво. И стала отчаянно думать, о чем заговорить, чтобы сменить тему. (Топ, топ, топ, топ...)

— Женя, ты не думай, что он вор или бандит... — хрипловато проговорил Лоська и срубил торчащий у тротуара крапивный стебель. — Он шофер...

— Дорожное происшествие, да?

— Прошлым летом какой-то «Мерседес» выкатил ему на встречу и вляпался... Сперва все говорили, что папа не виноват, «Мерседес» сам вырулил на встречную полосу. Все свидетели так говорили и даже следователь... А потом вдруг следователя сменили. Дело стали пересматривать. Наверно, те, кто в «Мерседесе» (а один из них в больницу попал надолго), дали кому-то взятку. Даже не «наверно», а точно... И его на пять лет... Он теперь в поселении, какой-то старый грузовик водит. Там не совсем тюрьма, но все равно ведь неволя, и далеко от дома...

«Если бы этим делом занимался мой отец, ничего бы такого не было», — чуть не сказала я. Но не решилась. Скорее все-

го, для Лоськи любые работники ГАИ — виновники его горя. Хотя папа прошлым летом уже не работал ни в ГАИ, ни вообще в милиции, нигде...

— Знаешь, Лоська, а мой папа погиб...

Лоська быстро глянул сбоку. Съежил плечи.

— Где? В Чечне?

— Нет. На парашютной тренировке, на спортивной...

Раньше они прыгали со страховкой, цепляли шнур к тросу в самолете, а в тот раз должны были впервые дергать кольцо сами. У папы оно почему-то не выдернулось... То ли он не успел, хотел протянуть свободный полет подольше и не рассчитал. Или оно застряло... Теперь никто не узнает...

— А он кто был?

— В ту пору он был журналист. В «Городских голосах»... Это было четыре года назад, я тогда второй класс закончила.

С минуту мы шагали молча. Наконец Лоська сказал, опять срубив на ходу крапиву:

— Ты держись...

Я кивнула. Хотелось поскорее закончить разговор, я не могла говорить про это долго: начинала ощущать жуть падения и видела летящую навстречу землю...

Мы зашли на пустырь, постояли немного над Умкиным холмиком и двинулись дальше. Лоська жил на улице Короленко в двухэтажном, обшитом досками доме с крылечком (этакая старина!). Поднялись по темной лестнице, на ней пахло котами и жареным луком. Лоська снял с шеи ключ, отпер обитую клеенкой дверь.

Мы оказались в тесной квартирке — двухкомнатной, как и наша, только гораздо меньше. С обшарпанными обоями, с угловатой мебельной стенкой местной фабрики, с потертыми стульями и старой диван-кроватью. Только телевизор в углу был большой, современный (потом я узнала, что Лоськин отец купил его в прошлом году, за месяц до несчастья). Между окнами висела копия левитановской картины «Март» в деревянной раме — дом на ней был почти такой же, как этот, Лоськин. Под картиной стояла распираемая книгами этажерка. Книги были всякие: «Сказки» Пушкина, растрепанный том «Войны и мира», разномастные издания Жюль Верна, перепутанные выпуски про волшебника Изумрудного города, толстенный старый Андерсен, учебники, справочники по автомобилям, два тома «Детской энциклопедии», «Оливер Твист»,

«Жизнь животных», «Тихий Дон», «Госпожа Бовари», отдельные книжки «Всемирной детской библиотеки»...

— Женя, хочешь кофе? У нас есть растворимый. И яблочный джем...

Да, гостеприимная личность, джентльмен.

— Спасибо, не хочу. Мы же недавно завтракали. А джем я вообще не ем, он сладкий, можно растолстеть.

— Ты? Боишься? Растолстеть? — он прошелся по мне темно-синими «индийскими» глазами (в которых даже белки из-за этой синевы были голубыми).

— Тебе не понять... Лоська, я пойду. Ты проводи меня, но только до ближнего угла... — Я видела, что он то и дело поглядывает на Даррелла, наверно, не терпелось уткнуться в книжку...

После этого мы с Лоськой стали видеться часто. Чуть не каждый день. Или встречались на пустыре, или он прибежал ко мне. Он познакомился с мамой и с Ильей и скоро перестал их стесняться (не такой уж «не-ком-му-ни-ка-бель-ный»).

Мама однажды сказала мне:

— Где ты отыскала этого кавалера? Этаким гибрид беспризорника с лицеистом. Удивительно правильно выражает свои мысли. Кто его родители?

Я вздохнула и рассказала про Лоськиного отца.

— А матери следить за ним некогда, она вкалывает на двух работах. Дежурный администратор в «Доме приезжих» у Автовокзала, да еще уборщица в фирме «Консуэлло». Лоська ей иногда помогает...

— Могла бы все же следить, чтобы не ходил такой извозюканный...

— Мама, это не зависит ни от родительской заботы, ни от достатка. Есть личности, которые просто не могут не собирать на себя всякий мусор. У меня два таких были в лагере...

Илья отнесся к Лоське со сдержанной симпатией:

— Есть в этой личности некий скрытый потенциал...

Однажды я уговорила брата сыграть с Лоськой в шахматы. Илюха пожал плечами и сел за доску — из вежливости. После первого проигрыша он сдвинул на лоб очки и вздохнул кудлатый затылок. После второго мигал полминуты.

— Ты, отрок, где учился сей древней и мудрой игре?

— Не знаю... Сперва у отца, потом с кем придется...

— Уникум...

А когда Лоська ушел, Илья стал внушать мне, что Лоську надо направить к хорошим наставникам. «Тогда дитя через какое-то время потрясет основы шахматного Олимпа».

На следующий день я спросила у Люки:

— У вас во Дворце есть шахматный кружок? Надо там показать Лосенка, Илья говорит, что он будущий Карпов и Каспаров.

Люка и Лоська были уже знакомы и относились друг к другу вполне по-приятельски. Люка сказала, что кружок есть и даже работает, несмотря на летние каникулы. Мы стали уговаривать Лоську пойти и записаться. Он, конечно, сперва упирался. Во-первых, говорил, что шахматы для него — это так просто, вроде забавы и способа раздобыть «на мелкие расходы». А во-вторых...

— Кто меня туда пустит... — он крутнул поясницей, и его перемазанные штаны взметнулись, как истрепанное в походах знамя, а рыжая футболка с дыркой на пузе перекосилась.

— У тебя что, нет приличных штанов и рубашки? — спросила бесцеремонная Люка.

Лоська сказал, что есть. Но к чистым рубашкам пыль и мусор все равно пристают почти сразу, а свои «пижонские и почти новые» джинсы он терпеть не может, потому что в них жарко и «внутри они как терка».

— Придется потерпеть, — безжалостно решила Люка.

Придетого и причесанного Лоську мы привели во Дворец. Люка чувствовала себя здесь хозяйкой, сразу отыскала нужную комнату (с двумя большими шахматными конями на двери), безбоязненно шагнула через порог, потянула меня и толкнула Лоську.

С десяток мальчишек и девиц — лет от восьми и до шестнадцати — сосредоточенно молчали за шахматными столиками с двойными часами. Худой горбоносый гроссмейстер с круглыми очками, лысиной и кудряшками на висках двигался на цыпочках между столиками, поглядывал, что-то говорил вполголоса. Люка нарушила чинную тишину отчетливым «здрассте» и вопросом, можно ли записать новичка.

Все заоглядывались. Гроссмейстер слегка поморщился, но вежливо (культурный же человек!) разъяснил, что запись новичков будет проводиться в сентябре.

— Но настоящий талант не может ждать! — дерзко заявила Люка.

Гроссмейстер обвел нас взглядом поверх очков и пожелал узнать, «кто именно носитель объявленного выше таланта».

— Вот он! — Люка двинула вперед страдающего от джинсовой «терки» и смущения Лоську.

— И юноша готов продемонстрировать свои способности? — осведомился гроссмейстер. Лоська буркнул, что готов.

— Кто хочет посмотреть, каковы данные молодого человека? — учтиво спросил руководитель своих питомцев. Захотел парнишка лет четырнадцати — круглощекий и простоватый на вид, он только что разгромил свою партнершу, кудрявую цыганистую девицу. Молча показал «юноше» на освободившийся стул. Я увидела, что Лоська вмиг позабыл про все неудобства. Слегка напряжился. Сел, полупрошептом сказал противнику:

— Только давай быстро, блин.

— Н-ну... давай, — парнишка надавил кнопку часов...

Через две минуты с Лоськой захотели сыграть сразу двое. Потом выстроилась очередь... Гроссмейстер стоял за спиной Лоськи, согнув спину, и чесал снятыми очками лысину...

Мы поняли, что это надолго. Люка шепнула Лоське: «Мы пока погуляем, без нас не уходи», — и повела меня показывать Дворец.

ФРЕГАТ «ВИОЛА»

1

Дворец Детского творчества иначе называют Арамеевским. Потому что в начале девятнадцатого века это громадное здание построили по заказу Модеста Арамеева, владельца золотых приисков и всяких заводов. Потом у дворца было много других хозяев, но название осталось по имени первого. После революции там размещались то армейские штабы, то какие-то конторы, то грозная ВЧК, но в конце концов советская власть распорядилась мудро: велела отдать этот дом ребятам. Так появился Дворец пионеров.

Когда пионеров не стало, название сменили на другое, «неполитическое». Но больше ничего не изменилось. Как и раньше, работали кружки, ансамбли, оркестры, секции...

Снаружи Дворец красив. В газетах любят писать: «Одно из самых привлекательных зданий старого города». Он краснокирпичный, с белыми карнизами и орнаментами, с витыми

полуколоннами на фасаде, со стрельчатыми окнами и чугунными решетками балконов и наружных лестниц. Одни говорят — «викторианский стиль», другие — «готический». А самые умные специалисты морщат нос — «эклектика», то есть безграмотная смесь стилей. А по мне так и пусть смесь, зато красиво.

Дворец тянется по склону невысокого холма — в центре он трехэтажный, в других местах — один или два этажа. Над фасадом — круглая башня (в ней дворцовый планетарий), по углам — тоже башенки, только поменьше и остроконечные... Иногда глянешь, и кажется — не дом, а целый городок.

Фасадом и широким крыльцом Дворец выходит на мощную площадь Повстанцев, посреди которой памятник декабристам — три бронзовые фигуры в треуголках и длинных шинелях. А сзади ко дворцу примыкает большущий вековой парк, в нем всякие беседки, пруды и даже маленький водопад...

Но это все — снаружи, а сейчас мы с Люкой шли внутри Дворца. Я бывала здесь и раньше, но все как-то по определенным делам — то на концерте в зрительном зале, то с экскурсией в планетарии, а побродить по всему зданию не случилось. Только теперь я поняла, какой он громадный, Арамеевский дворец. Гораздо больше, чем при взгляде с улицы, хотя и тогда он кажется великаном.

По случаю каникул было здесь малоллюдно, иногда на целом этаже ни одного человека. Но все же время от времени откуда-то доносились голоса и фортепьянные гаммы. В одном из холлов два загорелых пацаненка в белых шортиках и футболках старательно гоняли над столом теннисный шарик... И почти нигде не было заперто, лишь вход в планетарий и дверь дворцовой киностудии «Фонарята» оказались на замке. Мы бродили по гулким коридорам, по винтовым лесенкам, выходили на балконы, подымались в башенки, разглядывали выставку картин и скульптур ребят-художников... Было просто здорово, что можно вот так гулять и никто тебя не останавливает, не прогоняет. Правда, тетушки-технички поглядывали иногда, но без вопросов. Да, было хорошо. Мы ведь еще не знали о генеральских притязаниях на Дворец...

Мы заглянули в комнату «Любимые герои», где на стенах нарисованы всем известные книжные персонажи. Крохотная девочка сидела у рояля и старательно играла нехитрую мелодию. Мы попятнулись, чтобы не мешать, и когда оказались в

коридоре, я увидела дверь с латунным барельефом-корабликом.

— Люка, здесь корабельный кружок?

— Он самый... — Люка бесцеремонно потянула дверь, и навстречу нам дохнул запах краски, дерева, лака...

У верстаков колдовали над моделями трое ребят — один Лоськиного возраста, а двое нашего. И был еще не старый симпатичный дядька в синей штурманской куртке и со светлой шкиперской бородкой. «Шкипер и есть, — подумала я. — Наверно, руководитель».

— Добрый день. Можно нам тут посмотреть? — по-своему обратилась к Шкиперу Лючка.

Шкипер покивал:

— Сколько угодно. Если только без касаний. А то, знаете ли, есть посетители, у которых глаза на кончиках пальцев. Не успеешь оглянуться, как у судна нет бушприта или брашпиля...

— Нет, мы без пальцев, — заверила Люка и спрятала руки за спину. Я, глядя на нее, тоже. (А мальчишки даже не посмотрели на нас.)

Мы пошли вдоль стен. В несколько рядов тянулись полки, и на них белело парусами, светилося желтым лаком, пестрело флагами и разноцветными трубами, синело бортами крейсеров и эсминцев корабельное царство...

Я сразу всеми нервами ощутила опять свою давнюю мечту: чтобы дома, над полкой с заветными книжками, стояла большая модель парусника. С такими вот миниатюрными, но будто настоящими штурвалом, шпилем, шлюпками, с тугими лесенками вант, с подобранными к реям тонкими парусами, с притянутыми к лакированному борту якорьками... А что, если...

Бывает, что я вмиг принимаю решения.

— Скажите, пожалуйста, к вам можно записаться?

Шкипер взялся за бородку.

— М-м... Несколько неожиданный вопрос. Здесь ведь не секция кройки и шитья.

Конечно, я разозлилась:

— А что, сюда только мужскому полу дозволено?

— Это дискриминация! — тут же поддержала меня Лючка, хотя записываться в моделисты явно не собиралась.

— Да никакой дискриминации. Но... есть ведь программа. Сейчас занимаются только те, кто уже давно. В сентябре будет новый набор, с новичками начнем изучать все с азов...

«Будто стоворились! И в шахматном, и здесь! Ну, Лоська-то постоит за себя. А я?»

— Мне с азов не надо. Кое-что понимаю, — нахально брякнула я.

Светлые глаза Шкипера из скучноватых стали любопытными.

— Да? И что именно?

— Ну... бриг от бригашины как-нибудь отличи. И брамстенгу от бом-утлэгара...

Он чуть улыбнулся:

— Для начала неплохо. Только... видишь ли, это знания, почерпнутые из книжек о путешествиях и кратких словарей. Многие знают историю знаменитых плаваний и кораблей, разбираются в своде сигналов и курсах-галсах, не перепутают апсель с крюйс-брамселем, но для работы над моделями этого мало. Надо знать теорию корабля, подробное устройство, всякие закономерности схем и строительства...

Я уже поняла, что ляпнула глупость, как хвастливая первокурсница. И он понял, что я это поняла. И сказал с сочувствием:

— Могу дать совет.

— Спасибо... Дайте, если не жалко, — пробубнила я.

— Есть полезная книга. Называется «Фрегат «Виола». Автор Захар Волынкин... В ней очень популярно, понятно даже для второклассников, и в то же время довольно полно изложены все премудрости корабельного устройства. Читается легко, запоминается быстро... Только здесь у нас ни одного свободного экземпляра нет. Если тебе правда интересно, найди в какой-нибудь библиотеке. Когда прочитаешь, приходи. Побеседуем и решим, можно ли тебя зачислить... так сказать, вне конкурса.

— Ладно... — все еще сопя от стыда, буркнула я.

— Запомни: Захар Волынкин, «Фрегат «Виола»...

— Спасибо. Запомню...

Наверно, он думал, что книжку искать я не буду и «отвалю от причала». Но меня заело. Пусть не думает, что флотское дело — мужская привилегия. Вот научусь, чему надо, построю себе метровый барк или баркентину, тогда узнает... А кроме того, просто интересно стало: что за книга, по которой легко можно выучить корабельные премудрости...

В тот же день я пошла в районную детскую библиотеку. Но «Фрегата «Виолы» там не оказалось. Посоветовали пойти в городскую.

Раньше я ни в каких больших библиотеках не была записана. Хватало книг дома, а в крайнем случае можно было взять, что нужно, в школьной. Или — если уж надо очень сильно и надолго — купить без всяких магазинных наценок у мамы на базе. Но мама про «Фрегат» ничего не знала. На следующий день я пошла в городскую детскую библиотеку имени С.Я. Маршак.

Здесь две пожилые библиотекарши отнесли ко мне с полным пониманием, внесли в читательский список («только потом скажешь номер маминого паспорта»), отыскивали в каталоге название книги Захара Волынкина. Но затем опять случилась неудача. Оказалось, что в библиотеке всего один экземпляр, и он теперь на руках у некоего Павла Капитанова.

— Судя по формуляру, он, Женя, твой ровесник. Но, в отличие от тебя, большой разгильдяй. Держит книгу у себя уже полтора месяца. Наверно, укатил куда-то на каникулы и в ус не дует... — сообщила мне седоватая, очень интеллигентная библиотекарша Анна Григорьевна (интересно, почему она решила, что я — не разгильдяйка?).

Помощница Анны Григорьевны — похожая на нее, как сестра, Анна Константиновна — добавила, что она уже послала Павлу Капитанову открытку с напоминанием, но результата не последовало.

Я мысленно выругала Павла Капитанова. Но потом подумала, что с такой фамилией зажать корабельную книжку — вполне логично. Тем более что, судя по всему, кроме этого «разгильдяя» и меня, «Фрегатом «Виолой» никто не интересовался...

Обе Анны — Григорьевна и Константиновна — посоветовали мне зайти через несколько дней: может быть, у этого Капитанова «проснется совесть».

Я сказала, что «может быть», а пока взяла «Вино из одуванчиков» Брэбери...

Через неделю совесть Капитанова не проснулась. Через две — тоже (несмотря на повторные открытки). А потом интерес у меня понемногу ослабел...

Лоську, конечно, записали в кружок с большим энтузиазмом. Но радости и успеха ему это не принесло. В конце июля он заявил, что «больше туда ни ногой». Оказалось, что недавно

он на бульваре проиграл подряд две партии (что у взрослых шахматистов вызвало неискреннее сочувствие и сдержанное злорадство). Рассказывая про этот скандал, бедняга даже пустил слезинку.

— Они там в кружке все долбят: «Осваивай теорию, перенимай опыт...» Ну и вот! Я теперь трех нормальных ходов сделать не могу.

Мы вдвоем поведали об этой беде Илье. Он сказал, что дворцово-школьный уровень для Лоськи только вреден.

— Здесь нужен наставник с неординарным мышлением и склонностью к новаторству... Я поспрашиваю у знающих людей, нет ли в их кругах такого.

Лоська слегка утешился, но ходить на Рябиновый бульвар пока опасался...

Мы с Лоськой (Люка в июле уехала в Казанцево к дедушке) привыкли бродить по разным улицам и «открывать» незаметные, но интересные вещи. То разглядывали кирпичи с фабричными клеймами в фундаментах старых домов, то отыскивали каменные ступени старинных пристаней на берегу нашей узкой и мутной Таволги (когда-то она была чистой и полноводной), то старались выяснить, куда ведут заросшие ржавые рельсы, протянувшиеся от разрушенного элеватора. Рельсы вели «в никуда» — обрывались в бурьянных джунглях за Мельничным переулком. Шурша в сорняках старыми любимыми штанами (в джинсы он, конечно, больше не влезал), Лоська долго лазил в зарослях, пытаясь разгадать «тайну исчезнувшего пути». Почему-то для него это было важно. Однако тайна не разгадалась...

Один раз Лоська сказал, что отец прислал письмо. Пишет: «Держитесь...» Ему обещали было пересмотр дела, но ничего не вышло...

Случалось, что Лоська подзывал уличную кошку или пса. Звери шли к нему сразу и с удовольствием давали гладить себя и чесать за ухом. Я однажды спросила: почему он не заведет своего котенка. Лоська вздохнул по-взрослому:

— Котенок вырастет в большого кота, кормить-то чем? Дома каждая копейка на счету. — «А на шахматах много не заработаешь, — мысленно добавила я. — Особенно теперь...»

Хотя со временем Лоська, видимо, обрел прежнее шахматное умение. По крайней мере, на подарок-то мне «заработать» он сумел.

...Все это я вспоминала, когда разглядывала монетки, подаренные дядей Костей. Они снова разожгли мой «корабельный» интерес, и я подумала, что надо навеститься в библиотеку насчет «Фрегата «Виолы». Я не была там уже больше месяца и книг никаких не брала. Но пойти можно будет только завтра. Потому что наступил вечер...

Пришла мама. Сказала еще раз: «Поздравляю, детка», и сразу спросила:

— Илья не появлялся?

Узнала, что не появлялся, и приготовилась волноваться, но не успела: братец пришел.

Он подарил мне большущую, альбомного формата, книгу Грина, в которой были «Алые паруса» и несколько рассказов. У нас есть гриновский шеститомник — почти полное собрание сочинений, — но Илюхиной книге я все равно обрадовалась. Не просто обрадовалась, а даже тихонько заскулила от счастья. Потому что книга была — чудо! С золотыми якорями, синими волнами и раздутыми пунцовыми кливерами и марселями на обложке, с разноцветными иллюстрациями во весь лист.

Я устроилась на кровати, «отключилась от реальности» и принялась листать... Художник оказался замечательный (какой-то А.А. Горцев, я о таком раньше не слышала), все его герои были ну в точности такими, как я их всегда представляла. И Ассоль, и Грей, и «комендант порта» Тильс, и капитан Дюк... А особенно — Том Беринг в «Гневе отца»! Мальчонка в матроске — большеглазый и с оттопыренными ушами — поднял тяжеленный револьвер и целился в смутно темнеющую многорукую страхилатину. И на лице у него беспомощность, страх и в то же время отчаянная решительность. Сейчас нажмет на спуск!.. Был похож этот Том на восьмилетнего Стасика Галушкина, которого зловредные большие пацаны в лагере «доводили» за его тихий нрав и безответность, пока я не вступилась (и был, конечно, крик: «Мезенцева, кто тебе позволил распускать руки!»). Этот Стасик и стал Томом, когда мы с ребятишками из младшего отряда устроили игру в героев Грина...

Где-то он теперь, Стасик Галушкин? Он не из нашего города, а из Ново-Ярцева. Мы даже не попрощались, потому что после скандала из-за вожатой-сволочи Гертруды я махнула из лагеря в одну минуту, не сказав никому ни слова...

Подошел Илья, спросил: «Ну, как сей гроссбух?» Я, не отрываясь, показала большой палец.

— То-то же, мучача, — сказал Илья. — Видишь, как я вникаю в твои интересы. И потому ты должна быть со старшим братом вежлива и почтительна...

— Я такая и есть...

— Да? А какие вольности ты позволила по телефону, рассуждая о моей новой знакомой! Кстати, ее зовут Татьяна. Мы будем учиться на одном курсе...

— Вах!.. «Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою. Погибнешь, милая...»

— Все же придется вздуть, — заявил Илюха. Поддернул рукава рубахи и потянул ко мне лпы. Я взвизнула и у него под локтем ускользнула с кровати. Братец развернулся и сделал лицо вампира. Я отошла. Мы потоптались друг против друга, как боксеры перед решительной схваткой. Илья оказался спиной к кровати — очень удачно.

— Надеюсь, в ближайшие дни свадьбы не случится? А то смотри, сейчас обещают, что скоро можно будет даже с четырнадцати лет, а ты уже...

Илья в ответ зарычал и растопырил пальцы (знает, что боюсь щекотки!). И тогда я дернула его за палец *тем самым* способом. Илья просвистел мимо меня, бухнулся животом на кровать и лежал так несколько секунд. Потом нашупал на покрывале отлетевшие очки. Надел. Сел.

— Вот балда! Мог ведь разбить... Как это ты?

— А вот так...

— Небось дядя Костя научил?

— Ну не Танечка же твоя...

— Покажешь?

— Так и быть... Хотя это не мужской прием, а для слабых девушек, к которым лезут всякие громилы...

Дядя Костя, по правде говоря, научил меня и кое-чему еще. Недавно он сказал: «Женя, времена беспокойные, гадов всяких развелось больше, чем требуют нормальные пропорции. Поэтому девочке твоего возраста надо уметь... если кто-то где-то...»

Он как в воду глядел! Вскоре после этого разговора (и обучения) подымалась я на лифте к Люкиной квартире, на седьмой этаж. В последний момент в кабину всунулся одутлова-

тый дядька с небритыми щеками и бледными глазами. «Девочка, ты на какой этаж?» — и нажал кнопку девятого.

— Мне на седьмой!

— А! Ну, тогда так... — и нажал «стоп».

— Давай поговорим немножко, девочка... — Он положил мне ладони на плечи. Дохнул табачной вонью...

Интересно, что в тот момент я ничуть не испугалась. Сделала все в точности как надо. Он икнул, вытаращил глаза, сел на корточки, замычал. Я нажала кнопку седьмого, выскочила из кабины, сунула назад в дверь руку, надавила «единичку». Последнее, что увидела — горестно-удивленную и скомканную болью рожу. «Так тебе и надо. С неделю не сможешь думать о девочках, гад...» И еще целую минуту я была спокойна. Постояла, подышала...

А у Люки меня вдруг затрясло.

— Женька, что с тобой?

К счастью, дома оказалась ее мама. Дала мне воды и кинулась звонить в милицию. Судя по всему, там разговаривали неохотно. Иногда Люкина мама оборачивалась ко мне и спрашивала приметы того подонка, потом пересказывала в трубку... Меня, слава богу, нигде не вызывали, не допрашивали. А то я, пожалуй, нахамила бы им вместо дельных ответов. После прошлогоднего случая с Ильей у меня отношение к милиции... в общем, такое же, как у него...

Сейчас мы с Ильей больше не устраивали свалок. Посидели рядышком, вместе поразглядывали книгу. Я открыла картинку с Томом Берингом, рассказала про Стасика. Илья покивал понимающе.

— Знаешь, Женюра, я, кажется, тоже был такой же в том возрасте. Посмотри на снимки, поймешь...

— Пожалуй... только темный и очкастый.

— Я не про очки, а про суть...

Мама позвала нас на кухню пить чай. И мы стали пить — Илья и мама с тортом, а я — с любимыми бутербродами, на которых помидоры, майонез и шпроты. Но хотя они и любимые, а обычного удовольствия не было. Какая-то вялость навалилась на меня, и ныли мышцы — так иногда бывает перед гриппом. Неужели подхватила вирус? Нет, наверно, просто устала за день.

Я сказала: «Спасибо, пойду посижу, прочитаю». Ушла к себе. Задернула занавес, включила лампу. В свете ее по-лимон-

ному зажелтел прицепленный к шторе кленовый лист. Я сняла его.

— Теперь у тебя будет постоянный дом.

Положила лист в книгу — там, где начинался «Гнев отца». Написала на нем синим фломастером «23 августа...» и поставила год. Закрыла книгу, чтобы лист расправился, прилегла на нее щекой... И вот тогда случилось *это*...

Я ничего не поняла, хотя знала, что когда-нибудь обязательно случится. Тянущая душу боль, и... все остальное...

— Ма-ма...

Она прибежала, сразу все поняла.

— Ну что ты, Женечка, ничего страшного. Я же тебе говорила... — Принялась возиться со мной, скоро стало легче. Но я плакала (а Илья притих на кухне).

Мама утешала:

— Ничего страшного, со всеми так, привыкай. Такая наша женская доля, природа. Это неизбежно...

...Дурацкое какое-то слово — «неизбежно». Безысходное. Нет в нем никакой надежды...

«НИХТ ШИССЕН!»

1

Мне и раньше приходилось слышать про неизбежность, не один раз. Мы говорили о ней с Ильей, когда по вечерам лежали и обсуждали хитрые проблемы мироздания. Бывало, что брат становился словоохотливым. Вещал через занавес о всяких законах вселенной — как он их понимал.

И однажды он сообщил:

— Дорогая моя, во вселенной полно кавардака и беспорядка, но есть и твердые законы. Они построены на основе *неизбежности*. Они как скелет, который определяет жесткость мировой конструкции...

Конечно, он больше рассуждал для себя, чем для меня (есть у братца такая привычка), но я все же заспорила:

— Скелеты тоже не бывают постоянные. Живое существо растет, и скелет в нем меняется.

— Ты, сестрица, не столь глупа, как выглядишь на первый взгляд. Постарайся понять и вот что. Если скелет даже меняется и растет, это все равно происходит по неизбежной про-

грамме. Программа как раз и содержит в себе идею неизбежности. Без нее наступил бы в мире сплошной хаос...

Я сказала, что хаоса на белом свете больше чем достаточно. Начиная от войны в Чечне и кончая дурацким разбеганием галактик, о котором пишут ученые.

Илюха возразил, что война — это частное явление на фоне общего развития вселенной. А галактики поразбегаются и затормозят (да и война в конце концов закончится, потому что идиоты, которые ее устраивают, выдохнутся или перемрут).

— Когда еще...

— Во всеобщем масштабе это «когда» микроскопично...

И я повторяю: в природе мироздания есть явления, которые неизбежны...

Тут меня дернуло за язык:

— И смерть?

(И сразу: свист воздуха и летящая навстречу земля...)

Илья быстро и даже как-то обрадованно сказал:

— А вот и фиг тебе. Смерти нет. Она противоречила бы смыслу всеобщего бытия.

— Чего-чего? — спросила я брата его собственным тоном. — А как же тогда...

— Ты глупо принимаешь за смерть временные остановки сознания и перемену одной формы жизни на другую...

— Ты это... буддист или кто там еще?..

— Я мыслящий человек. Любой мыслящий человек рано или поздно приходит к выводу, что смерть невозможна, поскольку сознание бессмертно. Оно может погаснуть на краткий миг, но не навсегда. Если хочешь, можешь называть это бессмертной душой, которая проходит в бесконечной жизни одну ступень за другой... Понимаешь, иначе не было бы во всеобщем мире никакого смысла. А смысл есть. Мировой Разум на то и Мировой Разум, чтобы осуществлять свою идею...

— А какой он, этот смысл? Для всех для нас? — спросила я с холодком в позвоночнике.

— Думаешь, так легко сформулировать? Ну, подожди... Во вселенной идет громадное строительство. Хаос преобразуется в гармоничную систему...

— Зачем?

— Затем, что, когда эта система... это всеобщее здание будет построено, каждая душа в нем ощутит наконец полное счастье и полную радость... А пока строительство идет, каж-

дый должен вложить в него свой кирпичик. Во всех своих жизнях, которые он проходит одну за другой...

— А террористы тоже вносят свой кирпичик?

— Террористы и всякие другие носители зла их разрушают...

— Тогда зачем Всемирный Разум их терпит? Они тоже неизбежны?

— Видимо, на каком-то этапе — да. Счастье и совершенство вселенной достигается только в борьбе и споре.

— Ну ладно. А когда оно, это счастье и совершенство, будет достигнуто, дальше что?

— Как что? Это высший результат.

— Подожди... Скажем, достигли мы такого результата. Сидим в этом самом прекрасном здании, радуемся, радуемся счастью... всю бесконечность, что ли? Надоест же, в конце концов, если все время так...

Он засмеялся за колынувшимся в сумерках занавесом.

— Ты рассуждаешь, как тетя Дуся на грядках с редиской. Что ты знаешь про *Время*? Думаешь, оно как твой будильник, который тикает на тумбочке? Оно может быть слиянием бесконечности и мига. Таким, в котором *никогда ничего не надоест*.

Я помолчала, переваривая Илюхино философское рассуждение. Нельзя сказать, что разобралась в нем до конца, но что-то, кажется, уловила. А он вдруг сказал — раздумчиво так:

— К тому же я уверен, что и в этом конечном счастье будет возможность творчества. Без него, по-моему, полная гармония невозможна...

Я опять помолчала, подумала.

— Слушай, а всякие сволочные души, которые творят только зло, они-то куда денутся? В какой-нибудь подвал под этим «всеобщим счастливым зданием»?

Илья сказал со вздохом:

— Не будет таких душ. В процессе совершенствования мира они должны измениться. Без этого всеобщей гармонии не достичь.

— Как они изменятся? Кто? Гитлер? Сталин? Бен-Ладен? Или те сволочи, что недавно кинули гранату в окно детского сада?!

— Да пойми же ты! Не будет ни Гитлера и никаких других гадов. На то и происходит всеобщее развитие вселенной. Оно перековывает души и постепенно отсеивает всякое зло.

— Медленно отсеивает, — сумрачно сказала я. — Могло бы и побыстрее...

Я думала, он опять начнет говорить про всемирные масштабы и краткость человеческой жизни на их фоне. Но брат лишь вздохнул:

— Что поделаешь...

— Илюха...

— Что?

— А как ты думаешь... Там, когда *все это* будет построено... те, кто потерял друг друга в этой жизни на Земле, они встретятся?

Спросила и сразу испугалась: вдруг начнет говорить, что они, мол, будут уже не те, изменившиеся, с другим пониманием...

Но Илья сказал просто и понятно:

— Само собой. Без этого какое счастье...

И я ему была благодарна.

В то время еще ни я, ни мама не знали, что Илья пойдет на философский факультет. А можно было бы уже догадаться. Ведь и в ту пору он любил порассуждать на *такие* темы. Особенно со мной. Чаще всего он пытался втолковать мне, что такое многомерность и многовариантность миров. Многомерность, говорил он, это значит, что существует рядом с нашим пространством еще множество других (параллельных, как их именуют в фантастике) пространств. Одни похожи на наши, а другие — ни чуточки, там все иное. И таких миров бесконечное множество. А многовариантность — это когда природа одного пространства (точнее, пространства-времени) может перебирать и повторять варианты одних и тех же событий и менять их, пока не выберет самую подходящую комбинацию. Только мы, к сожалению, этого не замечаем. И, кроме того (это самое поганое), обычно оказываемся не в самой хорошей комбинации.

— Да уж...

Зато, вещал мне Илья, люди постепенно обретают возможность сами строить новые варианты пространств. С помощью компьютерной техники, которая развивается с невероятной стремительностью. Пока еще это так называемые виртуальные пространства, то есть живущие в рамках магнитной памяти. Но в конце концов будет найден способ, чтобы «переводить их в материальную сферу». То есть делать настоящими.

И близость этой новой эпохи требует серьезного научного осмысления.

Я спросил: на фига нам делать настоящими эти компьютерные пространства, если всяких параллельных миров и без того бесконечное множество?

Илюха пожал плечами:

— Это, мучача, тоже неизбежность. Развитие мысли не останавить.

— А как ты думаешь, научатся люди проникать в параллельные миры? Или это всегда будет фантастикой?

— Когда-нибудь обязательно научатся. Может быть, скоро...

— А может быть... ты уже умеешь? — спросила я с подначкой, но и... с капелькой жутковатой надежды (потому что вон какой он всезнающий, копающий всякие загадки вселенского устройства).

Илья не стал ни отшучиваться, ни мудрить. Сказал устало так, почти по-стариковски:

— Кабы знал, ухватил бы маму и тебя под мышки и куда подальше из этого пакостного пространства...

Я его поняла. Разговор был вскоре после того, как Илюха побывал в милиции. Случилось это в прошлом декабре, незадолго до Нового года.

2

Илья был тогда еще школьник, в одиннадцатом классе. Шел он с уроков и, как назло, один, без приятелей. На углу Октябрьской и Паровозной остановили его двое в сизом камуфляже и с автоматами.

— Тормози, школяр. Документы...

У Ильи какие документы, из школы идет парнишка. Он так и сказал.

— Паспорт надо всегда иметь при себе. Не слышал?

Илья сказал, что не слышал. Да еще дернуло его за язык:

— На кавказца я вроде не похож...

Они посмотрели на него, друг на друга.

— Это мы выясним, на кого ты похож... Куда идешь?

— В книжный магазин.

— Читатель, что ли? — хмыкнул старший сержант с белевыми глазами и подбородком шире лба (о нем еще будет речь, а пока пусть называется Мордастым).

— Читатель, — согласился Илья. — Разве нельзя?

— Ты повозникай! Сейчас скушаешь очки и будешь не читатель, а разве...ль.

— Вы какое имеете право так... — начал Илья (потом сам признавал, что была это великая глупость: с ними — о правах!).

— Интеллигент, — гоготнул Мордастый. — Небось декларацию прав знаешь. Идем...

— Куда?

— Для выяснения...

— Никуда я не пойду! — Это была, конечно, вторая глупость. Они заломили ему локти и легко, будто сноп соломы, поволокли в отделение. Приговаривая при этом о сопротивлении сотрудникам правопорядка, которые при исполнении...

Отделение было почти рядом. Илью впахнули за решетку (ну, прямо как в кино, говорил он потом), но скоро привели в какой-то кабинет. Там кроме Мордастого и его напарника (худого и белобрысого) были пожилой морщинистый старшина и молодой офицер (кажется, младший лейтенант). Но они почти сразу ушли, офицер при этом сказал Мордастому:

— Ты, Панкратьев, это... по обстоятельствам.

Мордастый Панкратьев слегка поржал. Белобрысый сел за стол, придвинул бланк.

— Фамилия, имя, отчество, год рождения.

Илья сказал.

— Не косობочься, прямо стой, когда отвечаешь, птенчик...

Адрес!

Илья сказал адрес.

— А чем докажешь? — спросил Мордастый, зевнул и потянулся.

— Давайте я маме позвоню...

— Позвонишь потом в морг. Чтобы забрали отсюда. А пока не хрюкай.

— Но задержанный имеет право позвонить!

— Может, тебе еще адвоката? — опять зевнул старший сержант Панкратьев. — Раздевайся...

— З-зачем?

— Для досмотра! Шмотки на стул и руки по швам!

Они и правда заставили его раздеться. Не знаю уж, до пояса, до трусов или совсем... (Я многого не знаю точно, мне ведь это известно даже не со слов Ильи, а со слов мамы: он рассказывал ей, а она потом уж мне и, наверно, не все...)

— А это что! — злорадно завопил Панкратьев. — Давно колелся последний раз, козел?!

У Ильи на вене был след от иглы, он только накануне сдавал кровь из вены, для анализов, которые требовали в военкомате.

— Это же в поликлинике!

— В ..., а не в поликлинике! У кого отовариваешься, гнида?!

— Неправда! Я докажу!

— Докажи, докажи... Гашкин, погляди у него в карманах, нет ли пакетика с дурью? Наверняка есть...

Белобрысый Гашкин охотно оставил протокол и покопался в Илюхиной одежде. И, конечно, отыскал белый крохотный пакетик с порошком...

— Ну и все, — с удовольствием сообщил Панкратьев. — Остальное, как говорится, дело следствия. Лет на пять окажется мальчик без мамы, пора привыкать...

Илья говорил потом (опять же маме), что после этого он почувствовал себя как в полусне. Или даже в бреду. Будто все это не с ним, а какое-то дикое кино...

Панкратьев вдруг поскреб мясистый подбородок.

— Хотя можно и так... Гашкин, есть у нас какой-нибудь недавний «висячок»?

— Разве что киоск на Фрунзенской?..

— Вот и в жилу!.. Ну-ка руки по швам, я сказал! Где был позавчера в двадцать один ноль-ноль?

— Дома был...

— Про то, что дома, это мамочке расскажешь. А здесь — то, что было по правде! С кем ломали киоск на углу Фрунзенской и Блюхера?.. Да быстро, с-сука!!! — вдруг заорал он. — А то оторву ... и сожрать заставлю. Собственным поносом умоешься, читатель долбаный!

Неизвестно, правда ли они хотели приклеить Илье какое-то дело с киоском или с «дурью». Может, просто решили подразвлекаться с беззащитным очкастым «ботаником». Илья тем более этого не знал. А Панкратьев опять шепнул что-то Гашкину и с хохотком, спокойно спросил Илью:

— Видишь в углу вон тот предмет?

В углу стояла хоккейная клюшка.

— Эту штуку, — сказал оскалась Панкратьев, — засовывают неразговорчивым пацанам в то самое отверстие. Рукояткой вперед. И по-во-рачивают. И мальчики становятся разговорчивыми... — Он шагнул в угол, хотел было взять клюшку, но вдруг словно передумал, ушел за дверь и поманил оттуда

Гашкина. Тот сказал Илье «стоять» и тоже вышел. Дверь они прикрыли.

Илья говорил потом, что он в тот миг очнулся. Секунду стоял неподвижно, потом схватил стул и засунул его ножку в ручку двери. И кинулся к телефону. К счастью, телефон был с прямым выходом в город.

— Это база? Валентину Ивановну Мезенцеву, пожалуйста! Это сын звонит, срочно!.. Мама, меня забрали в милицию, ни за что! Просто так, на улице, в седьмое отделение, на Октябрьской! Издеваются! Позвони кому-нибудь! Их начальству, что ли! Или дяде Косте! Скорее!..

Дверь дергали и били. Орали. Илья бросил трубку, подождал, когда на несколько секунд перестали ломиться, выдернул стул, сел на него. Они ворвались, сразу сбили Илью на пол, ударили ногами, потом подняли, ударили снова, в поясницу. Но он уже не боялся. Он даже не понимал, что они ему кричат, брызгая слюнями в лицо. Он ждал... и дождался. Удивительно громко затрезвонил аппарат.

Гашкин взял трубку. Мигнул. Протянул трубку Панкратьеву. У того слегка похудела мордастая рожа.

— Да... так точно... У нас... Так точно, товарищ п-полковник... Это же в целях профилактики, по указу... Но ведь откуда же мы... Есть, товарищ п-полковник... — Он обернулся к Илье: — Сразу не мог сказать, что ли?

— Что сказать?!

— Чей ты есть сын... Одевайся. Гашкин, помоги парнишке... Шас отвезем домой.

— Обойдусь, — сказал Илья. Потом он признался маме, что испугался: увезут куда-нибудь, и головой в прорубь. Чтобы концы в воду. Недаром ведь был недавно очерк про ментов-отморозков, которые сперва избили полковника ФСБ (не знали, кто он), а потом нашли у него в кармане документы и пристрелили в лесочке, чтобы не отвечать...

— Да ты че, Илья, — уже по-приятельски заприхахатывал Панкратьев. — Ты обиду не держи, это служба наша. Отвезем, как велено, это подполковник Будимов приказал, из областного...

Услышав про Будимова, Илья слегка успокоился.

Брата привезли к дому на милицейском «газике», Панкратьев дружески похлопал его по плечу. Илья выпрыгнул из машины, плюнул.

Дома он ничего не сказал мне, только ходил по всем комнатам, стискивал кулаки и поматывал головой. Я понять не могла: «Илюха, что с тобой?» — «Ничего... Ерунда...» Но скоро примчалась мама. На машине директора базы она сперва прикатила в милицию, там Илью уже не застала и кинулась домой.

— Илюшенька!.. Господи... Они тебя били?

Он и маме сперва сказал: «Ничего, ерунда...» И вдруг... разрыдался. Да так, что мы с мамой успокаивали его с полчаса. И водой, и даже валерьянкой.

— Ну почему, почему такие гады?! — вздрагивал он. — Идешь по своим... по родным улицам... и вдруг... И могут ведь с дерьмом смешать, растоптать, превратить в кого угодно! Ничего не докажешь! Ты им про права, а они... про клюшку...

— Ну, хватит, Илюшенька. Все уже кончилось...

Он вскинул мокрое лицо.

— Кончилось? Где?.. А если завтра снова?.. А сегодня... если я был бы не сын капитана Мезенцева, а сын дворника?!

— Успокойся. Виктор Викторович обещал, что во всем разберется.

Виктор Викторович и был подполковник Будимов. Папин бывший сослуживец. Они оставались приятелями даже тогда, когда папа ушел из милиции. По крайней мере, Будимов в ту пору нередко заглядывал к нам и даже шутливо ухаживал за мамой. Ему мама и позвонила сразу после Илюхиного «SOS». Надо сказать, Виктор Викторович отреагировал моментально.

Однако Илья отозвался:

— Кто разберется? Ворон ворону глаз не выклюет...

— Ну как ты можешь так говорить! Смотри, он же сразу...

— Да. А если бы не ради меня... и тебя... Если бы ради правды? Он бы тоже «сразу»?!

Мама только головой покачала...

Виктор Викторович Будимов появился вечером. С букетиком садовых ромашек для мамы (и где достал посреди зимы?). Снял в прихожей шинель с новенькими погонами («подполковника» он получил недавно), повесил ее на торчащий в косяке рельсовый костыль (меня скребнуло). Вытер сапоги, шагнул за мамой в комнату.

— Ну, что у вас приключилось? Докладывайте!

Мама была уже не та, что при первом разговоре с Ильей. Спокойная (Илья, кстати, тоже, без всякого следа слез, в отглаженной рубашке). Мама положила букетик на стол.

— Знаете, Виктор, мне кажется, это не «у нас», а «у вас». Потому что мой сын никого не грабил, наркотики не покупал, спокойно шел из школы...

— Ну да, ну да. Валечка, я понимаю... Кретинов-то в нашей системе пруд пруди. А где взять интеллектуалов? Особенно при такой зарплате. Опять же и понять их можно. Сами знаете, что творится среди молодежи...

— Значит, хватайте кого придется, да? — взвинулся Илья.

— Хватать нельзя, а задерживать для проверки разрешено законом...

— Ага, «задерживать»! А там кулек с героином в карман и клюшку в ж... — сказал брат открытым текстом.

— Илья! — ахнула мама.

— А чего? Разве не так?.. И главное, что они там себя чувствуют как... всесильные вожди-людоеды! Вся правда заранее у них, потому что сила. А тот, кого поймали, сразу виноват! Хоть вывернись наизнанку, слушать не будут. Гогочут только: «Интеллигенция»... А всякие депутаты нам талдычат с экрана: «Декларация прав, презумпция невиновности...» Где презумпция, а где клюшка...

— Да что за клюшка? Ты расскажи все подробно, — перебил его Будимов.

— Пускай мать рассказывает, мне тошно про одно и то же... — Илья ушел в «детскую» и включил там проигрыватель с музыкой из «Юноны» и «Авось». Негромко, вполсилы... Будимов поглядел ему вслед.

— Валя, он весь на нервах. В самом деле, расскажи ты...

Мама стала рассказывать, что знала. Иногда оборачивалась к двери, громко спрашивала у Ильи: точно ли передает события? Он так же громко отвечал, что все точно.

А я молча сидела в углу, смотрела и слушала... И постепенно наливалась теми же чувствами, что Илья. Будто становилась частичкой брата. Но пока переживала эти чувства, прозвала часть разговора. Потом встряхнулась. Будимов что-то кончил говорить маме и повернулся к Илье:

— Может, в чем-то ты и прав, но... я, по правде говоря, думал, что ты скажешь мне спасибо.

Илья теперь стоял в дверном проеме, прислонившись спиной к косяку.

— Что? — откликнулся он. — А, в самом деле... Спасибо, Виктор Викторович, вы очень помогли... Только в общем и целом ваша помощь не меняет ситуации.

— Какой ситуации-то?

— У одного моего друга есть дед, он рассказал нам однажды анекдот... или даже просто случай из жизни. Из тридцатых годов незабвенного двадцатого века. Схватили одного доцента, привели в НКВД, тогдашнюю службу безопасности, на Лубянку, в общем. Давай на него орать, по морде бить, как полагается. А он в ответ: «Как вы смеете! Вы же еще ничего не доказали! Я же еще не осужденный, а только подозреваемый!» Следователь заржал, отдернул штору, показал на прохожих за окном. «Вон, — говорит, — подозреваемые. А те, кто попал сюда, уже эки...» Вот и в вашей системе такая логика. Там не важно, виноват кто-то по правде или нет, — лишь бы выбить признание. Да еще получить при этом удовольствие...

— Эх как ты натерпелся, бедолага, — вздохнул Будимов. — Я понимаю, это с непривычки... А логика... она, брат, диктуется жизнью. Когда живем в таком бандитском мире, не до нежных чувств...

— Вы еще скажите: «Лес рубят — щепки летят...»

Виктор Викторович встал.

— Ну ладно, пойду я... Ты, Илья, остынешь, поразмыслишь... А потом поживешь и поймешь, как все в жизни непросто. Грамотный же парень-то...

— Я поживу... и надеюсь, что доживу до одной хорошей поры...

Мама опасливо качнулась на стуле. Будимов глянул с живым интересом:

— Это до какой же?

— До той, когда все эти ваши «силовые ведомства» будут объявлены преступными организациями. Как в свое время СС, СД и СА.

— Илья! — мама привстала.

— Да ладно, пусть выговорится, — махнул рукой Будимов. — Ты, Илья, только в другом месте этого не скажи.

— А я уже сказал.

— Где?

— В машине. Этому мордастому сержанту...

— Ну, ему-то что! Он утрется... А ты все же не забывай, что и отец твой был милиционером.

— Был да перестал... как раз поэтому.

— В общем-то, да... И ты, Илья Сергеевич, достойный наследник своего папы. Он всю жизнь кидался в бой за идеи, без щита и забрала...

— И потому у него не открылся парашют. Да? — негромко, но со звоном сказал Илья. И ушел назад, за дверь. Будимов странно дернулся и приоткрыл рот. Мама уронила вдоль стула руки.

Потом она провожала Будимова, извинялась за Илью и была совсем не такая, как в начале разговора. Виноватая и суетливая (мне даже обидно сделалось). Вернувшись в большую комнату, мама принялась неуверенно ругать Илью. Как, мол, он так мог вести себя с Виктором Викторовичем, который, по сути дела, спас его...

Илья огрызался из «детской»:

— Потому что он такой же, как они. И спас по знакомству, а не ради справедливости... Ты посмотри, мы живем как в оккупированной стране. На каждом углу *эти*, обвешаны дубинками, наручниками, рациями, пистолетами, как новогодние елки игрушками. Сирены их воют на улицах без умолку. А какой прок? Хоть одно заказное убийство раскрыто? Валютчики нагло торчат на каждом углу, наркотиками торгуют в любом квартале, бандюги открыто разъезжают на «Мерседесах», а они с ними за ручку здороваются! Даже в «Криминальной панораме» это показывали... А ты знаешь, как их следователи выбивают показания? Слышала, что такое «слоники» и «ласточки»?..

Мама наконец не выдержала, закричала:

— Где же ты раньше-то был?! Почему не возмутился?! Потому что до нынешнего дня лично тебя это не касалось?!

Илья помолчал в детской и ответил неторопливо, даже с расстановкой:

— Нет, почему же? Я возмутился. Просто ты не обращала внимания. А кроме того... да, ты права. Я знал все это теоретически, а теперь испытал на своей шкуре. В этом есть свой плюс, практический опыт незаменим...

— Ты болтун! Что за глупость ты брякнул насчет парашюта! Виктор Викторович... он еле на ногах устоял от обиды.

— Переживет... — хмыкнул Илья. Мама собралась возмущаться снова, но раздался звонок.

Это пришел дядя Костя.

Я поняла, что разговор теперь пойдет по новому кругу, и ушла к себе, задернула занавес. Разговор и правда состоялся, но не такой, как я ждала. Мама в нем почти не участвовала. А Илья и дядя Костя пришли в «детскую» и сели у стола с зажженной лампой. Я их не видела, но голоса слышала прекрасно. Только ничего не понимала: брат и дядя Костя говорили по-немецки. Они спокойно так говорили, даже посмеивались иногда, и я тоже успокоилась. Мне показалось, что дядя Костя нашел для Ильи нужные доводы, сумел «привести мальчика в нормальное состояние». Под конец дядя Костя даже сказал:

— Ладно... «Нихт шиссен», как говорили «дойче зольда-тен», когда начинали понимать, что пора прекращать мировую войну... — Это была любимая дяди-Костина поговорка.

О том, что случилось на следующий день, мама говорила: «Уму непостижимо!..»

Оказалось, что после уроков Илья встретился с дядей Костей, и они вдвоем пошли в седьмое отделение. Дежурный их остановить не решился (полковник идет, в форме). Они вошли в *тот самый* кабинет, там было несколько милиционеров, и среди них (вот удача-то!) старший сержант Панкратьев. Дядя Костя спросил у Ильи, для уточнения:

— Вельхер? — (то есть «Который?»)

— Дизэр, — Илья подбородком показал на Мордастого. («Этот».)

— Зер гут, — сказал дядя Костя (что не требует перевода). — Пока уходим. Теперь как у Гамлета в переводе Пастернака: «Дальнейшее — молчанье».

И они ушли под недоуменное молчание милицейских чинов.

Видимо, дяде Косте не составило труда узнать домашний адрес старшего сержанта Панкратьева. Вечером он пришел к Мордастому домой, позвонил у двери на третьем этаже. Панкратьев открыл сам. Дядя Костя (деликатный, сдержанный и — когда без погон — похожий на учителя истории) сгреб Панкратьева за грудь, выдернул в коридор и дал по морде. Раз, второй. Швырнул его в угол. Мордастый заверещал и стал вы-

дергивать из брючного кармана пистолет. Дядя Костя дождался, когда он выдернет, выбил пистолет ногой, вынул из него обойму, выщелкал на ладонь патроны и кинул их в открытую дверь квартиры. Туда же бросил пустой магазин и разобранный в две секунды пистолет. Затем снова сгреб Мордастого и последним ударом отправил его вслед за пистолетом.

После этого дядя Костя отряхнул о пальто ладони и пошел вниз по лестнице. В квартире вопили Панкратьев и какая-то женщина. Никто, однако, за дядей Костей не бросился...

(Илья мне говорил потом, что у Мордастого не полагалось быть пистолету, милицейским сотрудникам запрещено держать оружие дома. Однако пистолет был. Может, Мордастый носил его с собой вопреки инструкции, а может, собирался на какое-то «боевое задание». Хорошо, что у дяди Кости афганский опыт...)

Конечно, старший сержант Панкратьев запомнил дядю Костю. Поднялся шум, на полковника К.П. Ерохина пошел рапорт по месту службы, в штаб дивизии. Однако товарищи и ближнее начальство дяде Косте сочувствовали. К тому же во время скандала Мордастый был не «при исполнении», дядя Костя к нему пришел тоже без формы. Так что случай этот можно было рассматривать лишь как «столкновение на почве личной неприязни».

Правда, более высокое начальство полковника Ерохина недолюбливало и пообещало ему увольнение со службы. Дядя Костя дожидаться не стал, сам подал рапорт об уходе в запас. При этом он чего-то «не дослужил», потерял какие-то суммы, но не жалел. Признался, что «удовольствие того стоило...». Мама отчаянно тревожилась. И за дядю Костю, и главным образом за Илью. Ей казалось, что теперь милиция обязательно поймает его снова и «сведет счеты».

— И с тобой тоже! — Это она дяде Косте.

Тот заверил маму, что «никто никого больше не поймает». А Илье и мне объяснил подробнее:

— Не следует сбрасывать со счета факт, что в нашем городе прописаны полтора десятка ребят из моего батальона. Некоторые из них живут на свете благодаря мне... так же, как я благодаря им. Так что «нихт шиссен, мальчики». Будем привыкать жить мирно...

Расставшись с погонами, дядя Костя поступил работать заместителем директора в фирму «Стройметалл» (видимо, там зачем-то нужны были люди с боевым опытом). И даже (по не-

которым слухам) собрался жениться. Но раздумал. Так и жил холостяком, по-прежнему заходил к нам «на часок». О случае с Мордастым он и Костя не вспоминали.

А я иногда вспоминала — молча, сама с собой. И все больше понимала, что дяди-Костина помощь была для Ильи важнее, чем помощь Будимова. Виктор Викторович, разумеется, вытащил Илью из милицейских лап и спас от многих неприятностей, но... но не от обиды, не от горечи и страха. А дядя Костя... Илья высказался по этому поводу лишь однажды:

— Конечно, в мировом масштабе это тоже не выход. Частный случай. Но знаешь, Женька, насколько легче стало на душе...

Я кивнула. Еще бы! Душа — это главное...

Однажды утром (в марте, кажется) Илюха и я сидели дома и смотрели «Новости». Мы вернулись так рано из школы, потому что ее объявили заминированной. Какие-то пацанята звякнули об этом по директорскому телефону. Кстати, пацанят скоро нашли. Сперва взяли одного (будто бы по голосу вычислили), надавили на него в милиции, он выдал второго. Видать, умело надавили, если мальчишка назвал товарища (хотя, возможно, обошлось и без «ключки»). Вскоре все телеканалы области трубили, что наконец-то «правоохранительные органы отыскали террористов». Одному было одиннадцать лет, другому десять. Они это звонили в школу или нет, поди определи. Ни свидетелей, ни технической экспертизы (так Илья говорил). Главное, что «сами признались!» И справедливый суд их тут же приговорил к аресту на десять суток с содержанием в детприемнике. («Больше мы ничего, к сожалению, не можем», — сокрушалась похожая на продавщицу дама-судья.)

В общем, отыскали виновников всех российских бед.

Двое суток в областных и городских новостях показывали, как злоумышленников стригут «под машинку», потом голыми моют в душевой и наконец обряжают в серые казенные костюмы... Но все это было после, через несколько дней, а в то утро мы просто радовались выходному.

Хотя большой радости не было: экран аж прогибался от чернухи. Всюду стреляли, брали заложников, подкладывали фугасы и устраивали засады. Тонули теплоходы, в каких-то джунглях опять грохнулся самолет, а вертолеты — те вообще сыпались вниз, как переспелые груши. Целые страны стонали

от наводнений, Италию потрянуло землетрясение, на Кавказе очередной оползень завалил несколько сел и машины на дороге... И все это был не боевик, не триллер, не ужастик, а сегодняшние события. Хоть изругай всех на свете журналистов за «любовь к негативной тематике», а факты есть факты.

Илюха привычным своим философским тоном сообщил:

— Это судороги Земли. Планета просто уже не выдерживает того, что делают люди — на ней и с ней. Она вздрагивает...

Мне вдруг захотелось зареветь, но я не подала вида и сказала:

— Хорошо бы сделать небо над землей затвердевшим. Хоть на сутки...

— Зачем?

— Потом взять баллоны с краской и струями написать над каждой страной, над каждым городом... как у дяди Кости: «Нихт шиссен!»

— Думаешь, поможет? — Илья как-то по-дурачки зевнул. Я вдруг разозлилась:

— А что поможет? Твоя философия?

Брат не стал злиться в ответ. Пожал плечом:

— Как знать...

АСТЕРОИДЫ

1

Двадцать четвертого августа я весь день провела дома. Вялая и надутая на весь белый свет. То лежала и думала про всякую всячину, то пыталась читать. И наконец вспомнила — монеты! Сразу стало интереснее жить. Я разложила «корабельные фунты» на покрывале, опять взяла Лоськин глобус. Поразглядывала по очереди все шесть парусников. Да, интересно бы узнать о них побольше...

У нас был двухтомный «Морской энциклопедический справочник», но в нем я не нашла ничегошеньки ни про одно судно с монет. Видно, не такие уж знаменитые... Вот потому и любопытно! Про «Санта-Марию», «Палладу» или «Виктори» можно прочитать где угодно, а вот что это за «Джемини» или «Перси Дуглас»?

Зато в «Энциклопедическом словаре» я прочитала про остров Джерси. Он в проливе Ла-Манш, «в составе Нормандских

островов». Площадь сто шестнадцать квадратных километров, примерно как у нашего города. А населения в десять раз меньше, чем у нас! Жители занимаются животноводством, огородничеством, цветы разводят. А еще на этом самом Джерси организовал зоопарк знаменитый зоолог и писатель Даррелл (надо будет Лоське сказать)! Но при чем здесь корабли? Об этом опять же ни словечка.

И почему написано не просто «Jersey», а «Bailiwick of Jersey»? В двух английских словарях, что были дома, я слова «Bailiwick» не нашла. Сунулась к Илье. Но он сидел над какими-то схемами и рыкнул на меня. Я надулась еще больше — уже не только на весь мир, но и конкретно на брата. Ну ладно... Если меня что-нибудь зацепит, я стараюсь довести дело до конца.

Позвонила маме. Та сразу: «Что случилось?»

— Да ничего не случилось. Мама, у вас на базе есть самый полный «Англо-русский словарь»?

Она опять:

— Что случилось?

— Да ничего же не случилось же! Просто мне надо срочно узнать, что такое «Байливик». Или «Бэйливик». В наших словарях нет, а Илья готов меня задушить, если подступлюсь...

Голос у мамы затвердел:

— Евгения! Ты в своем уме? Считаешь, что у меня есть время лазать по словарям? К нам только что поступили новые книги из Франции, я зашиваюсь с экспертной оценкой...

— А на то, что я зашиваюсь, всем, конечно, до лампочки...

— Ты не можешь потерпеть до завтра?

— Конечно, могу! Мне не привыкать! Я и так терплю всю жизнь, как всем на меня наплевать...

— Господи, что за ребенок! Кто из тебя вырастет...

Я сказала «до свидания», положила трубку и легла на матрасу кровать в большой комнате. Стала смотреть в потолок и думать, кто из меня вырастет.

Все зависит от способностей. Есть у меня способности? Кое-какие есть, но все недоразвитые. Занималась музыкой, могу сыграть отрывки из «Лунной сонаты»... Мало ли кто занимался в детстве музыкой! Бетховены и Рихтеры вырастают по одному на много миллионов... Могу рисовать. Говорят, неплохо получается. Но Лючка рисует в сто раз лучше меня и все равно быть художником не собирается...

Одно время я думала стать поэтессой. Писала стихи — по

нескольку четверостиший каждый день. Илья тоже писал (хотя быть поэтом не собирался). Мы декламировали свои творения друг другу и безжалостно критиковали. Я считала (и сейчас считаю), что у меня получалось лучше. Илья просто увлекался всякими философскими загибами и хитрыми рифмами. Однажды, полтора года назад, он написал заумный «стих» про пустоту мировой беспредельности, которую лишь изредка озаряют проблески возникающих то тут то там цивилизаций. Слабенькие такие проблески, как свечки Тома Сойера и Бекки в громадном сумраке пещеры. По правде говоря, мне этот стих показался неплохим, но я была сердита на вчерашнюю Илюхину критику и начала долбать его в ответ. Сказала, что все это он сочинил, чтобы пожонглировать сочетаниями вроде «Сойер» — «косое» (там было про косое многомерное пространство). И еще обхихикала такие вот строчки:

Это сколько же надо свечей внести
Под глухие беззвездные выси,
Чтоб в пустой равнодушной ничейности
Шевельнулись какие-то мысли...

— Первая рифма просто ради выпендрежа. А «выси — мысли» вообще никуда не годится. Ты используй слово «коромысло». Пусть свечи «вносят на коромысле». Тогда «мысли» будут рифмоваться как надо.

Илья пожалел, что коромысла нет у нас дома. А то он сказал бы его о мой «тощий хребет». А еще сказал про мои стихи — что это «жидкая, как вчерашний чай, дамская лирика в недоразвито-детсадовском варианте». Я выразилась проще и короче: «Кретин...» А потом перечитала свои рифмованные сочинения, и стало скучно, потому что Илья был, кажется, прав. Ну кому нужны эти лирические томления, если по правде ни разу даже не обнималась ни с одним мальчишкой... Впрочем, Илья тоже скоро прекратил свои поэтические упражнения: компьютерные дела не оставляли времени для глупостей...

Так кем же я буду?

В восемь лет можно мечтать о капитанском мостике на парусном судне вроде «Крузенштерна», но теперь-то уже не ребенок. Может, сделаться врачом? Иногда хочется куда-то мчаться и кого-то спасать. Но... при мысли о занятиях в анатомичке — жуть под сердцем.

Сейчас все мечтают о профессиях всяких экономистов и

менеджеров. Но это — чтобы деньги зарабатывать. А для души?

...А может быть, судьба толкает меня в учительницы? Зарплата у них, конечно, фиговая, зато не соскучишься.

2

В лагере «Отрада» ребяташки из младшего отряда липли ко мне с первого дня. Сперва я заметила семилетнего Юрика Сенцова, который в уголке ронял слезинки (по маме заскучал), утешила как могла, повела гулять на ближний луг — удрали через щель в заборе. Потом Юрик привел Саню Богаткина, который ободрал локоть, а к медсестре идти боялся. Следующий раз они явились уже втроем, с Анюткой Левицкой.

— Женя, давайте опять удерем на луг! Не бойтесь, Анютка не выдаст, она железная! — (В первые дни они говорили мне «вы», вот умора!)

— Лучше я вам расскажу что-нибудь, а то дождик скоро... Слышали про Ассоль и Грея?..

По правде говоря, я сама не понимаю, почему согласилась ехать в этот дурацкий лагерь. «Новых впечатлений» захотелось? Или поддалась на мамину логику — «Как можно упустить почти бесплатную путевку?» (Дома в самом деле с деньгами было скверно). В общем, вздохнула и поехала. И пожалела сразу. Что было делать-то в этой «Отраде»? Над попытками вожатых устроить какие-то общие дела все только хихикали. Ждали «с томленьем упования» вечернюю дискотеку. Там тряслись и прыгали под вопли хриплых колонок, и многие потихоньку исчезали парами, чтобы укрыться в сумерках... Мне исчезать было не с кем. Мальчишки из нашего отряда оказались ростом все меньше меня, да и думали не столько поиграла, да неловко — дылда такая. А те, кто с меня ростом (и старше про годам), были все прыщеватые, слюнявые и хотели уже не только поцелуев — это видно было по их деланно равнодушным физиономиям...

А с младшим народом — лет семи-девяти — мне было «самое то». Хорошо с теми, кому ты нужен. Старшие девчонки стали было хихикать и называть меня «мама Женя», но я поговорила с двумя... они поняли.

Почти каждый вечер я приходила к ребяташкам из седьмо-

го отряда в спальню, на «вечернюю сказку». Их вожатая Гертруда не спорила. Ей это было на руку: меня оставит, а сама на дискотеку («Ой, хорошо, что ты пришла, у нас методичка»). Пацанята тоже были довольны, Гертруду они боялись. Кстати, я заметила: если вожатая или учительница с вредным характером, то имя у нее чаще всего какое-то неуклюжее или пышное. Нашу классную, например, зовут Олимпиада Андриановна (прозвище «Липа — Пять Колец»).

Обычно я рассказывала ребятам что-нибудь из Грина. Они, бедные, о нем раньше и не слыхали. Да и вообще многие книжек почти не читали, разве что учебники. Такие вот они нынче, второклассники-третьеклассники. Хотя были и завзятые читатели. Например, Юрий Сенцов, который в первый день грустил о маме (я тоже грустила) и Стасик Галушкин — лопухое большеглазое существо, — он мне каждое утро при-таскивал в палату букет ромашек.

Чаще всего ребята хотели послушать «Гнев отца». Рассказ — мой любимый, вот и получался он лучше других. Я увлекалась и даже говорила разными голосами — за Тома Беринга, за его вредную тетюшку, за дядю Мунка, за отца... Ребятам нравилось. Мы с ними так вжились в рассказ, что в конце концов начали играть в «Тома Беринга». Томом сделался Стасик Галушкин — все признали, что у него это лучше всех получается, — а другие роли распределялись каждый день по-разному, как договоримся. В рассказе не много действующих лиц, а желающих делалось все больше, поэтому приходилось выкручиваться. Я придумывала приятелей Тома, с которыми он играет в пиратов (а тетюшка подкрадывается и орет: «Марш домой, скверный ребенок!»), и матросов на корабле, когда капитан Беринг (не тот знаменитый командор, а его однофамилец) возвращается в родной порт... И, надо сказать, здорово получалось, в конце концов прямо спектакль начал складываться. А оборвалось все гадким образом, из-за Гертруды.

Я видел, что младшие не любят ее и боятся, но разве могла подумать, какая она гадина...

Гертруда сумела внушить малышам, что она самая всемогущая их начальница и, если захочет, может им изломать будущую жизнь. «Вы знаете, что здесь на каждого заводятся личное дело? Потом оно идет в школу и на работу родителей. Кто будет нарушать дисциплину, в школе тому не поздоровится, родителям тоже — могут и с должности полететь. А самых злостных нарушителей — в спецколонию для младшего

возраста. Сейчас усиление борьбы с преступностью, в колонию разрешается с семи лет... Не хотите? Ладно, выбирайте: пишу докладную или разбираемся сами...»

Она завела «педагогическое самообслуживание». Делалось это так. Приводила провинившихся в пустую кладовку попарно, приказывала спустить трусики и давала каждому крапивный стебель. «Сначала ты ему пять горячих, потом он тебе... Как это не хочешь? А колония? Может, пойдем к директору?» Никто не хотел ни в колонию, ни к директору... Сама она их не стегала, разве что в редких случаях. И надеялась, что всегда сумеет отпереться: «Я ведь никого не трогала, они сами, это было как игра...» (так потом и говорила).

Я сперва не могла понять: почему то один, то другой пыхтит, ежится, почесывается. Спрашивала, но они шмыгали и отводили глаза. Однако в конце концов Стасик (не самый смелый, но самый доверчивый и преданный) признался мне один на один. Даже привел в пустую умывалку и, сопя и краснея, показал ожог с белыми пузырьками.

— Это она сама... потому что я Шурика не стал и он меня не стал...

У меня вмиг полетели тормоза. Дело было в тихий час, я ворвалась в «вожатскую кают-компанию», где весь славный педагогический коллектив распивал чай. И заорала...

Я в некоторых случаях умею так орать, что стекла выгибаются наружу. Конечно, меня бросились утешать. Конечно, Гертруда завопила, что я вру. Принялись было успокаивать и ее, и меня. Я поняла, что ничего тут не добыю. Ничегошеньки...

До станции было двадцать минут бега, если напрямую, через лес. Электрички ходили часто. Через час я уже оказалась в городе. И все еще булькая, как невыключенный чайник, с вокзала рванула в редакцию, где когда-то служил корреспондентом папа. Сейчас там никто из его знакомых уже не работал, но меня встретили так, будто знали раньше. Без длинных расспросов. Сразу пустили к редактору (то ли к главному, то ли к его заму). Это оказался молодой длинный дядька с густыми усами. Немногословный. Выслушал, ни разу не перебив, только включил на столе крохотный диктофон («Не возражаешь?» — Я не возражала).

У окна молча покачивался в плетеном кресле еще один журналист — тоже худой, но без усов и рыжий.

Когда я выговорила и выкипела, редактор сказал:

— Боря, ты свяжись-ка с каналом «Горизонт», это для них...

— Угу... — согласился рыжий Боря. — Хотя зачем? У нас же есть камера, цифровая. С ее кассеты можно сразу в эфир. Да и нам статья не помешает. А то охамели господа воспитатели...

— Тогда что? Поедешь сам?

— Угу... Еще Галину возьму на всякий случай.

— Ну, ни пуха... Кстати, завезите домой... Евгению Сергеевну Мезенцеву. Ей, наверно, возвращаться в «Отраду» сейчас не резон.

У меня не было ключей от дома, я попросила отвезти меня к маме на работу. Боря и Галина (симпатичная, только слишком пахнущая помадой) охотно отвезли. По дороге порасспрашивали «о деталях».

С мамой, конечно, было объяснение. Сперва: «Как ты могла?! Что ты такое выдумала?! Ты меня доведешь до кардиологии!» Потом, разумеется, уже по-иному: «Ну да... ну, по сути ты права. Только вот по форме... Всегда порешь горячку, вся в отца...» А папа, кстати, никогда не порол горячку, он был спокойный. Другое дело, что не терпел подонков...

В лагерь я не вернулась. Весь следующий день проревела, потому что жаль было ребят. Но я понимала: если вернусь, хорошо, как прежде, уже не будет. Да и какой смысл? До конца смены оставалась неделя, все равно скоро пришлось бы прощаться. Пусть уж запомнят меня такой вот... («Справедливой и гневной, как валькирия, пронесшаяся по небосклону», — подсказал Илья, когда я изложила ему всю историю.)

3

Как с этим делом разбирались журналисты, я не знаю. Говорят, был какой-то репортаж по телеканалу «Горизонт», но ни я и никто из домашних и знакомых его не видел, только бестолково пересказывали с чужих слов. Была и статья в газете «Городские голоса», но про нее я услышала с большим опозданием, от Люки. «Евгения, у тебя есть газета, в которой напечатано про твой скандал в лагере? Мне сказала Яна Юхина из нашего дома, она читала на той неделе...»

Я сказала, что слыхом не слыхивала про «напечатанный скандал». И «больно мне надо...». Но потом разобрало любопытство. Я выяснила в справочном номере Отдела молодеж-

ных проблем в «Городских голосах». Набралась нахальства и позвонила тому усатому дядьке, Андрею Петровичу Баландину (он как раз был редактором этого отдела, я уже знала). Сказала, что слышала, будто был материал, но я его прозвала и «нельзя ли раздобыть тот номер газеты, на память».

Андрей Петрович откликнулся живо, словно обрадовался мне:

— А, Евгения Сергеевна Мезенцева!.. О чем разговор! Сейчас же скажу, чтобы нашли несколько экземпляров!

— Спасибо! Когда можно зайти?

— Когда хочешь!.. Впрочем, зачем тебе сюда мотаться? Я передам газеты с братом. Он сегодня-завтра все равно появится.

— С каким братом?

— Разве их у тебя несколько? С Ильей, разумеется!

Оказалось, наш Илюшенька — свой человек в редакции. Он там уже целый год вел раздел «Тайны виртуальных странств», готовил всякие конкурсы и заметки про компьютерные игры, про Интернет и другие такие дела. И подписывался «И. Тюменцев»... Вечером он принес пять газет:

— Держи, героиня скандальной хроники...

— А почему ты раньше ничего не говорил?! — вцепилась я в него. — Ни про свою работу, ни про эту статью!

— Чего говорить-то? Не работа, а так... ради карманных денег, чтобы у мамы на сигареты не клянчить...

— Ты же не куришь!

— Я в переносном смысле... А статью я, честно говоря, прозвал. До того ли мне в эти дни?

В самом деле! Сперва экзамены на аттестат, потом выпускной вечер, сдача документов в университет...

— А почему ты «Тюменцев»?

— Ну... — он малость смутился, что бывало не часто. — Папа же из Тюмени, значит, и наши корни там. Надо было придумать какой-то псевдоним, вот и стукнуло в голову... А что такого?

— Да ничего...

Папа родился в Тюмени и провел там детство. И любил рассказывать про этот город. Все мечтал, что когда-нибудь съездим туда вместе, к его школьным друзьям...

Я стала читать. Было почему-то неловко и тревожно... Впрочем, обо мне там оказалась лишь одна фраза: «Первой подняла шум Женя Мезенцева из второго отряда, с которой

дружили и которой доверяли малыши...» Я вспомнила Стасика, Андрюшку, Анютку, Юрика и дальше читала уже сырыми глазами. Не столько злилась на гадючную Гертруду, сколько горевала о пацанятах... А Гертруде досталось в газете здорово! И «отрадному» начальству тоже. Но чем для них все это кончится, из статьи было не понять. Уже потом, где-то через месяц, я услышала, что Гертруду поперли из лагеря и работать вожатой в то лето нигде больше не разрешили. Зато осенью она сделалась каким-то чином в «Городской комиссии по делам детей и молодежи». Вот так-то... Но это я, конечно, узнала уже совсем в другое время.

...Ну так что? Может, я и правда сделаюсь «работником педагогической сферы»? Учительницей или членом какой-нибудь комиссии, чтобы не давать жизни всяким Гертрудам?

Нет, лучше археологом, как мечтала в третьем классе. Кто-то же должен раскопать до конца тайны египетских и мексиканских пирамид, а то роют, роют, а загадок только прибавляется...

Или журналистом? Чтобы вот так, по первому сигналу — камеру в руки, и на место происшествия! Как рыжий Боря из «Городских голосов»...

Так я лежала и размышляла. А Илья в соседней комнате то шелестел бумагами (как министр!), то срывался и бежал в коридор, чтобы оттуда позвонить кому-то (думал, что из коридора мне меньше слышно, чем из комнаты). Наивное дитя!.. Я, наконец, так ему и сказала.

Он заглянул ко мне.

— А ты чего возлежишь, как персидская княжна? Да еще язвись...

В ответ я спросила, что такое «Байливик».

Илья, если чего-то не знал, не спешил признаваться.

— Тебе зачем?

Я показала ему монеты. Вчера-то он их не видел!

Илюха заинтересовался. Повертел, поразглядывал и предположил:

— Ты перепиши с них все данные на бумажку и дай мне. Я сегодня вечером пошарю в Интернете, там про эту нумизматику обязательно что-нибудь найдется.

Все-таки неплохой у меня братец, хотя порой и строит из себя ученого.

Я взялась за переписку. Илья тем временем наконец дозволился, кому хотел. Посветлел лицом.

— Ужель та самая Татьяна?

— Евгения! Давно уши не драли?

— Ха! Ха! Ха! Кто вчера носом кровать копал?

— Мучача эскарнеседора...

— Это что?

— Это «милая девочка»... Пиши бумагу. Чтобы через час была готова. Я приду и заберу... если будешь хорошо себя вести.

Он умчался куда-то. Я закончила список, и в этот момент появилась Люка.

Люка — всегда источник новостей. Чаще всего про себя, но и про окружающий мир тоже. На этот раз она сообщила, что — «Вот ужас!» — у нас в школе будет новый географ.

— А почему ужас?

— Потому что в наши дни все меняется только к худшему.

Я вспомнила нашу Варвару Ефимовну и сказала, что хуже вроде бы некуда.

— Как знать!.. А наш Костячок-толстячок уходит из «Утят» в ДК аэропорта. Вместо него будет Василиса Прекрасная, его заместительница. Хоть и прекрасная, а я не хочу, я перейду в драматический коллектив, их режиссер, Петруша Вронцев, говорит, что у меня есть данные...

— Ты, Лючка, удивительно разносторонняя личность, — сказала я почти всерьез.

Она это «почти» проигнорировала, подтвердила:

— Я такая...

— Слушай, «такая», если правда перейдешь к артистам, уговори вашего Петрушу поставить спектакль «Гнев отца!» Я сочиню сценарий! — Это меня осенила внезапная «гениальная идея».

Люке гриновский рассказ был известен. К тому же она не была скептиком и мои идеи всегда поддерживала.

— А что! Блестящая мысль!.. Только... — Она вдруг пригинуилась.

— Что «только»? Дефицит актерских дарований?

— Не в том дело. Этот Полномочный представитель центра... Чиновники-то не унимаются, грозят выселить. Если такое дело случится, какие там спектакли...

— Вы же хотели пикеты устроить!

— Ну, устроим... Они где и кому помогали, эти пикеты?

Мама несколько раз ходила на демонстрацию с плакатом, чтобы выдали зарплату за май и отпускные. И что?

Люкина мама преподавала черчение в техническом колледже.

— Впрочем, пикет будет, в субботу. Пойдешь?

— Само собой...

Пришел Илья. Включился в наш разговор, тоже обругал чиновников, которые «мало того, что не производят материальные ценности и кормятся за счет трудового населения, так еще делают людям пакости».

Я не выдержала, подцепила его:

— А философы производят материальные ценности?

— Естественно! Они производят научные труды, которые позволяют объяснять проблемы глобального масштаба и не скатиться к хаосу...

— Разве мы к нему не катимся?

— Но без философов катились бы не в пример быстрее... Впрочем, теперь это не имеет значения. Кажется, скоро все кончится...

Это он довольно дурашливо сказал, но у меня почему-то холодок по позвоночнику.

— Что... кончится?

— Все, — с сумрачным удовольствием повторил братец. И объяснил, что к Земле движется астероид диаметром в двенадцать километров. Когда он «хряпнется о нашу старушку планету, надобность во всякой философии отпадет сама собой».

Я с облегчением махнула рукой. Столько уже было разговоров про всякие кометы и астероиды, которые должны были поставить точку в человеческой истории. Все просвистели мимо.

Илья, однако, сказал, что на этот раз американские ученые сделали точнейшие расчеты и вероятность попадания очень даже немалая. Даже дату называют: девятнадцатое февраля.

— Одно утешение, что случится это через двадцать лет. Так что есть время привести дела в порядок...

— За двадцать лет орбита может сто раз измениться, — утешила я себя и остальных. А Люка высказалась мудрее. Сперва она, конечно, сказала: «Какой ужас», а потом:

— Может, астероид заставит людей перестать изничтожать

друг друга. Придется объединить усилия, чтобы раздолбать его до полета. Как в фильме «Армагеддон». Там ведь как раз про это.

Илья буркнул что-то вроде «хотелось бы верить» и спросил:

— Составила свой эскадренный перечень?

Я отдала ему бумагу.

Пришла на обед мама. Она не каждый день приходила на обед, но сегодня появилась, причем раньше обычного. И была явно расстроена чем-то. Илья тоже заметил:

— Мам, что? Неприятности?

— Не без того...

Я решила, что у мамы опять на работе какая-то путаница с бумагами, и легкомысленно решила утешить ее:

— Мама, плюнь. Все это чепуха на фоне летящего к нам астероида.

Мама сказала, что про астероид она слышала, но эта проблема ее не тревожит. Гораздо ближе другой «астероид»...

Тут я, Илюха и даже Люка сделались серьезными. Илья сказал вполголоса:

— Со здоровьем что-то?

— С квартирой... Сегодня утром позвонили, преподнесли сюрпризец...

Оказалось, нам грозит беда, о которой до этого дня и подумать было невозможно. Квартира-то была ведомственная, Областного управления МВД. Папа получил ее, когда был еще лейтенантом и только женился на маме. Мы всегда считали, что это наш собственный дом. И вдруг оказалось, что в хозяйственном милицейском ведомстве какие-то реформы, планы ремонтов, передач жилья в другие руки и всякая такая галиматья. Видимо, все для того, чтобы избавиться от жильцов, которые теперь к МВД не имеют отношения. Переселитесь, голубчики, и верните жилплощадь настоящим хозяевам!

— Конечно, на улицу не выгонят, говорят, что предоставят комнату в общежитии. Одну комнату на трех человек! Представляете себе?

Мы не представляли. Дело даже не в размере жилплощади, а вообще: как это — покинуть дом, в котором родились?

Люка деликатно сказала, что ей пора домой. А мы продолжали обсуждать свалившуюся на наши головы беду.

— Мама, но есть же суд, в конце концов, — сказал Илья. Не очень, правда, уверенно.

— Есть... — вздохнула мама. — Я уже звонила знакомому адвокату.

— И что?

— Обещал «проанализировать ситуацию». Вечером позвонит... Сказал, что все равно «так скоро не выселят, это длинная волокита»... Ну, давайте обедать.

Сперва известие о грядущих неприятностях бьет как дубинкой по голове. Но потом человек поморгает, помотает головой, очухается немного и начинает думать: «Может, все еще не совсем плохо? Вдруг пронесет беду?» Так и мы. Съели щи, макароны с яичницей, выпили компот и решили, что надежду терять не следует. В конце концов и адвокат знакомый есть, и всякие справедливые законы в кодексах, наверно, отыщутся, а может, и милицейские завхозы передумают (хотя бы из-за своей лени)... В конце концов, не завтра же нас начнут выгонять отсюда!

Илья ушел к Толику Гаевскому (к нему ли одному?).

Мама чмокнула меня в щеку («Ты как себя чувствуешь?.. Ну и молодец»).

Я поскучала, подумала, не пойти ли в библиотеку, но решила перенести это дело на завтра. Поразглядывала опять монетки, подождала: не появится ли Лоська? Он не появлялся. Я прилегла опять... и уснула.

Мне приснилось, что нас все же решили выселить, но вместо квартиры отдают Арамеевский дворец.

— Чем ты, Илья, опять недоволен? — спрашивает брата подполковник Будимов. — Вам пошли навстречу, такие апартаменты!..

— А где будет жить генерал? — ехидно интересуется Илья.

— Он здесь не хочет. Его секретные службы сообщили, что астероид упадет именно на этот город. Так что Дворец в полном вашем распоряжении...

— Покорнейше благодарим, господин п-полковник! — гаркает Илья голосом старинного фельдфебеля...

Потом Илья, мама и я с чемоданами бредем по рыхлому вспаханному полю к далекому лесу. Там на опушке мы должны вырыть землянку, чтобы жить в ней всю оставшуюся жизнь. Я несу на ладони Лоськин глобус, он светится, и мне кажется, что теперь это моя единственная отрада... А монетки с кораблями? Я же их оставила в доме! Я поворачиваюсь и бегу назад

под Илюхины и мамины крики, ноги вязнут в жирной черной земле... и дальше начинается какая-то белиберда, которую невозможно вспомнить...

4

Я проснулась, когда вернулся Илья. Уже под вечер. А мамы еще не было.

— Возьми, засоня... — Он протянул мне листы с отпечатанным текстом. — Здесь и про остров, и про монеты.

— Спасибо... У-у, а почему по-английски?

— Русского текста не нашел, скажи спасибо и за это. Переведешь, это полезно перед уроками в любимой школе.

— Изверг...

Мне лень было тянуться за словарем. А без него много ли поймешь? Но все-таки... Можно было разобрать, в каком году какое судно построено, в честь кого названо, где закончили свою историю (то потонуло, то сгорело, то разбилось; корабли, они как люди — не всегда кончают жизнь от старости). И какое водоизмещение, и какими рейсами ходило...

Я наполовину перевела, наполовину догадалась, что слова «Caesarea insula» на ребре у монет означают «Императорский остров» и что его так назвал римский император Антоний в трехсотом году нашей эры.

И про остров Джерси кое-что перевела. Оказывается, в девятнадцатом веке этот кусочек суши, расположенный в двадцати километрах от берега Франции (но сам — английский!), «переживал экономический бум». Расцвела торговля, строились корабли. И вот на память о том времени шесть знаменитых парусников оказались на монетах. Кстати, в этой серии была отчеканена еще одна монета, но, видимо, у дяди-Костиного приятеля ее не оказалось. Ну и ладно! Как я поняла, на той денежке был не корабль, а старинный королевский щит с гербом. Это для меня не так уж важно. Вот если бы не хватало какого-то судна (скажем, баркентины!), была бы досада... Конечно, потом я сделаю подробный перевод (или заставлю Илюху), а пока хватит и этого.

Пришла мама. Более бодрая, чем днем. Рассказала, что снова беседовала с адвокатом. Тот ей объяснил, что без суда выселить не посмеют, а суд — дело долгое. К тому же он, этот суд, наверняка встанет на нашу сторону. Тем более что мы — семья погибшего офицера милиции. Ну да, отец погиб, когда

из милиции уже уволился, но это ведь не отменяет его заслуг перед МВД!

— К тому же Виктор Викторович обещал помочь, — сказала мама и нерешительно глянула на Илью.

— Ага, жди... — буркнул брат. Но больше спорить не стал.

В общем, известия были успокоительные, и мы почти перестали тревожиться. По крайней мере, в тот вечер. Я взяла стеклянный глобус и стала разглядывать сквозь него «полный трехмачтовый корабль» (то есть фрегат) «Перси Дуглас», названный так по имени генерал-майора сэра Перси Дугласа — то ли одного из губернаторов острова, то ли губернаторского помощника... Смотрела, смотрела, и «корабельное желание» снова зазвенело, как струнки тонкого натянутого такелажа. Вот бы мне модель такого корабля!.. Нет, в кружок я, наверно, записываться не буду, в седьмом классе и без того хватает хлопот. Но, может быть, наберусь терпения-умения и построю модель сама. Надо только изучить тонкости устройства парусника. А для этого — конечно же! — необходима книга «Фрегат «Виола»!

Завтра утром обязательно пойду в библиотеку!

ГАЛИОТ КАПИТАНА ГРЕЯ

1

Конечно, бессовестный жулик Павел Капитанов и не думал возвращать книгу!

Анна Григорьевна и Анна Константиновна смотрели на меня виновато, словно они сами зажилили несчастный «Фрегат». Наконец Анна Григорьевна предложила:

— Знаешь что, Женечка? Может быть, есть смысл тебе самой навеститься к этому мальчику? К сожалению, у нас нет возможности ходить по адресам, а ты можешь представиться как член библиотечного актива...

— Да! Я схожу! И он у меня попляшет...

Я зашла домой, надела джинсы и майку с якорем (в таком костюме я чувствую себя уверенней, чем в любой другой одежде), сунула в карман монетку с «Перси Дугласом» — как талисман, для храбрости. И двинулась разоблачать похитителя и спастись книгу.

Павел Капитанов жил не так уж далеко от меня — в пяти

троллейбусных остановках, на улице Лермонтова. Улица была заросшей старыми тополями, а нужный мне дом оказался похожим на наш — такой же старый, кирпичный, трехэтажный. Это почему-то слегка успокоило меня. Я подумала, что, может быть, незнакомый Пашка не злоумышленник, а просто растяпа и лентяй. Ну, я ему скажу...

Жил он — опять же как и мы — на третьем этаже. На лестнице пахло мокрой известкой и керосином. Я позвонила в общарпанную дверь с номером 11 над «глазком». «Наверняка никого нет дома...» Но дверь открылась почти сразу. Без всяких вопросов «кто там» и «что надо».

Я увидела белобрысого мальчишку моих лет (только пониже, конечно). В таких же, как у меня, джинсах, в полосатой майке. В больших квадратных очках. Очки ничуть не делали мальчишку похожим на прилежного ученика, каких называют «ботаниками». У него были крепкие скулы, вздернутый нос, потрескавшиеся губы, выгоревшие клочковатые брови. Будь он помладше, я решила бы, что совсем как Гаврик из книжки «Белеет парус одинокий» (если, конечно, бывают «гаврики» в очках). Сквозь очки смотрели светло-серые глаза. Почти спокойные, только с капелькой тревожного интереса. Сейчас скажет: «Че надо?» — подумала я.

— Я слушаю, — сказал очкастый «гаврик».

— Павел Капитанов — это ты?

— Это я...

— Тогда... может быть, разрешишь войти?

Он мизинцем двинул повыше очки.

— Сейчас подумаю... — (Вот нахал!) — Ладно, проходи. Беспорядок у меня, генеральная уборка... — И посторонился.

Я оказалась в комнатке с одним окошком. Действительно кавардак. На полу валялись коробки, книги, мотки шпагата, плоскогубцы. Стулья были сдвинуты. На один из них Капитанов сел верхом, положил на спинку подбородок и стал вопросительно смотреть на меня.

Я почувствовала себя дура душой. И разозлилась:

— Сразу к делу. Книга «Фрегат «Виола» у тебя?

Он помолчал секунды три и сказал:

— Садись.

Я села на край тахты со смятым пледом. В самом деле — он сидит, а я стоять должна?

— Ну так что с книгой?

Он опять тронул очки. Стал смотреть мимо меня.

— Я сразу понял, что ты из библиотечных помощниц...

— Правильно понял. А книга?

— Потерял.

«Так я и знала!»

— Как это потерял?

— Не все ли равно?.. Забыл на пляже, на Мельничном пруду. Вернулся, а ее уже нет...

Мы встретились глазами, но тут же он опять стал смотреть мимо. А я... не знала, что сказать. Глянула по сторонам. На стене висела физическая карта мира — большая, в четыре листа. Прямо на карту, в районе Атлантики, была прибита некрашенная полка, на ней стояла пластмассовая модель четырехмачтового «Крузенштерна» — такие продаются в разобранном виде, надо собирать самому (мне пластмассовые модели не нравились, хотелось деревянную, как настоящий корабль). Рядом с картой висел чертеж метровой ширины — тоже парусник, только старинный. Кажется, галеон. Павел Капитанов (про себя я звала его уже просто Пашкой) повозился на стуле.

— Я сперва хотел деньги отдать, да по правилам надо в пятикратном размере, не наскрести. Тогда я решил, что отдам книги взамен. «Гарри Поттера», три тома. Мне их подарили зимой...

— Не жалко? — сказала я.

Он пожал плечами. Плечи, надо сказать, были крепкие, как у рыбацкого юнга. Кажется, таких мальчишек у рыбаков-поморов называли зуйками. «Зук»...

— Не знаю. Не очень жалко...

— А ты читал?

— Читал. Сперва интересно, а потом думаешь: зачем? Если бы я был волшебником, как эти, в книжке, то не стал бы тратить силы на всякую ерунду...

— Не на ерунду, а на борьбу со злом.

— Там зло какое-то придуманное...

Мы опять встретились глазами.

— Ты врешь, — сказала я. — Ты не терял книгу. Просто решил оставить себе.

Зук Пашка мигнул. Повозил кедами по половицам.

— Ну и что... Я же честно хочу заменить. Будет даже лучше.

На «Поттера» вон какой спрос, а этот «Фрегат» в библиотеке пылился просто так, никому, кроме меня, не нужный. Напечатан пять лет назад, а все еще новенький... Знаешь что?!

— Что?

— Можно я отдам «Гарри Поттера» тебе? А ты отнесешь в библиотеку. Скажешь, ну... что болею...

— А сам боишься?

Он опять повозился на стуле. Отвернулся к окну.

— Не боюсь, а... Если бы по правде потерял, то не боялся бы. А врать неохота...

— Вербуешь в сообщники?

Пашка Капитанов тяжело глянул сквозь очки.

— Мне показалось, ты с пониманием... Ладно, сам отнесу.

Ты только не выдавай... Ну она же правда никому не нужна!

— Мне нужна! Я за ней все лето ходила в библиотеку! Как на дежурство!

Он смотрел с откровенным удивлением. Даже рот округлил (и я видела крепкие желтоватые зубы).

— Пашка, мы оба врал, — словно сдаваясь на милость победителя, сказала я (и сама не заметила, как вслух назвала его Пашкой; и он не обратил внимания). — Ты врал про книгу, а я про то, что библиотечная активистка. Просто мне нужен этот «Фрегат». Не меньше, чем тебе...

Он сперва насупился. Поморгал. Потом заулыбался.

— Так бы и сказала. Ты это... если хочешь, возьми и читай, сколько надо. А «Поттера» мы отдадим.

Он уже говорил «мы». Будто и правда сообщники. Но я-то помнила честные глаза Анны Григорьевны и Анны Константиновны.

— Знаешь, это будет все же свинство. Вдруг книга понадобится кому-то еще?

«Сейчас скажет: до чего сознательная, аж тошно!»

Пашка сказал:

— Что же делать?

— Слушай, а тебе эта книга обязательно в твердой корке нужна? Как фабричная?

— Вовсе нет! Мне — лишь бы читать...

— Тогда ведь можно сделать ксерокопию! Неужели не подумал?

— Еще как подумал! Одна страница — не меньше двух рублей. А их там четыреста сорок. Я, по-твоему, кто? Владелец газовых промыслов?

— Дай книгу мне. На несколько дней. У мамы на работе есть ксерокс. Я попрошу, чтобы сделали копии тебе и мне. А книгу отнесу в библиотеку сама, если ты... если тебе не хочется.

Последних слов он будто не слышал. А про копию спросил с сомнением:

— Бесплатно сделают?

— А что такого? У них там техника могучая.

Пашка слез со стула, разгреб на подоконнике груды газет и общих тетрадей, вытащил из нее плоскую тяжелую книгу с синей коркой. На корке — белый фрегат под туго надутыми парусами. «Брамсельный ветер», — подумала я.

— Сейчас пакет найду... — Пашка достал из-под тахты полиэтиленовый пакет с маркой магазина «Гейзер», сунул книгу. — Вот, держи... А скоро будет готово?

— Ну... через несколько дней. Как сделают, сразу принесу, не бойся.

— А что, похоже, будто я боюсь? — усмехнулся он.

— Нет, но... Давай я оставлю тебе свой адрес. И телефон.

— Зачем? Я не думаю, что ты исчезнешь с книгой... Ты лучше скажи... это... как тебя зовут-то?

— Ой. Женья... Мезенцева. Или Женька... — («Если ты — Пашка», — мысленно добавила я.)

Он кивнул:

— Морская фамилия. Был такой знаменитый капитан Мезенцев.

Я про капитана Мезенцева не слыхала (если не считать папы, но он же не моряк). И сказала в ответ:

— А у тебя тем более морская, дальше некуда.

Пашка кивнул снова: мол, само собой. И спросил:

— Ты сейчас прямо туда пойдешь, где ксерокс?

— Конечно! Чего время терять!

— Это где?

— На улице Восьмого марта, у Центрального рынка.

— Надо на трамвае. Деньги-то есть?

— У меня проездной.

— Пойдем, я покажу тебе короткую дорогу к остановке...

Мы зашагали через дворы с детскими горками и сохнувшим бельем, через сквер с фонтанчиком, потом вдоль железных гаражей... Пашка был мне ростом до уха, но я ничуть не чувствовала себя более высокой. Раньше, если шла куда-нибудь рядом с мальчишками-одноклассниками, мне все казалось, будто я как воспитательница продленки с младшими учениками, а сейчас рост не играл никакой роли. Потому что с

Пашкой мы — я понимала это — в чем-то одинаковые. А в чем-то он обстоятельней и рассудительней, чем я.

— Ты давно интересуешься корабельными делами?

— Всю жизнь, — сказал он как о самом обычном деле. — В два года нашел кусок пенопласта, воткнул карандаш, прицепил к нему клок газеты и сказал «карап». Сам не помню, но родители говорят, что было так. Ну и с тех пор...

— А у меня это как когда. Волнами находит...

— Нет, на меня как нашло один раз, так и осталось...

— В моряки собираешься?

— Наверно, в судостроительный. В штурманá с очками не возьмут. Да строить, по мне, это даже интереснее, чем курсы-галсы прокладывать... Особенно парусники.

— Слушай, ты ведь, наверно, все типы парусников знаешь?

— Все никто не знает, — солидно возразил Пашка. — Сколько их было за историю человечества... Но в основных вроде бы разбираюсь.

— Тогда скажи: что такое трехмачтовый галиот?

— Это как у капитана Грея, что ли? — сразу понял Пашка. Все же хорошо иметь дело с тем, кто такой же «чокнутый», как и ты.

— Ну да!

— Почти везде написано, что таких никогда не было. Вроде бы Грин придумал этот тип так просто, от фонаря. Но в одном журнале, в старой «Науке и жизни», я прочитал, что трехмачтовые галиоты все же были, только это очень редкий тип. Они походили на голландские флейты, но латинский парус у них был не только на бизани, но и на гроте. А над ним — прямой, грот-марсель.

«Но ведь это в точности как на том Илюшкином костюме! — вспомнила я. — Не зря мне, значит, казалось, что это парусник Грея!» Почему-то я очень обрадовалась, хотя, казалось бы, не все ли равно теперь? Илье в этой ребячьей одежке больше не гулять, да и мне она безнадежно мала...

А Пашка тем временем рассуждал:

— Теперь галиоты никто уже не строит. Поэтому, когда снимали «Алые паруса», гревский «Секрет» изображала баркентина «Альфа». Известно, куда потом девали весь этот шелковый парусный комплект. А баркентину, говорят, разломали, растащили на дрова, когда состарилась. Жаль, верно?

Я кивнула. И подумала опять, что именно баркентины нет

в моей монетной коллекции. И нашупала в кармане монетку с «Перси Дугласом». Показать Пашке? Или...

— Вот что! Раз тебе не нужен мой адрес, давай я оставлю залог.

Он чуть очки с носа не уронил.

— Какой залог? Зачем? Думаешь, я тебе не верю, что ли?

— Тьфу ты, бестолковый, — не выдержала я. — Это... ну, будто игра такая... — Мне прямо изо всех сил сейчас хотелось, чтобы завязался у нас какой-то «парусно-таинственный» узелок. Раз уж мы «сообщники»... — Или даже не игра, а примета. Чтобы все получилось хорошо...

Он... или понял что-то, или просто решил не спорить. Сказал по-хорошему так:

— Раз примета, давай. А какой залог?

— Вот! — Я вложила монетку в его ладонь. Пашка поднес ее ближе к очкам.

— Ух ты...

— Это фрегат «Перси Дуглас» с острова Джерси.

— Я разобрал. В очках-то я вижу хорошо...

— Но имей в виду, это не насовсем. Когда отдам копию книги, ты вернешь монету.

— Как пароль в кино про пиратов, — наконец засмеялся он. Принял игру.

— Да!.. Слушай, Пашка, а ты не знаешь, что такое «Бэйли-вик»? Смотри, тут написано... Я ни в одном словаре не нашла.

— Знаю. Это у англичан «округ». У нас области и районы, а у них графства и округа. Джерси — округ в Нормандском герцогстве.

Как все просто оказалось!

— Надо же! Какой-то округ, а свои деньги выпускает!.. У меня еще несколько монеток оттуда есть, с другими судами. Если хочешь, потом покажу.

Пашка поправил очки и сказал тоном, почему-то похожим на Лоськин:

— Да, я хочу.

2

Увы, я напрасно думала, что мама разделит со мной мою радость и энтузиазм. Казалось бы, отчего не помочь родной и любимой дочери заполучить копию с книги, которую она (любимая дочь, то есть) раздобыла с таким трудом? Но мама ска-

зала, что я спятила. Она, мама, на работе рвется на части. У нее масса нерешенных проблем. А с ксероксами полный завал. Один вышел из строя, два других заняты с утра до вечера. И кто будет тратить уйму времени и сил ради фантазий постронной девчонки!.. Ну, может быть, если выберется время... и не сразу, а частями... в течение месяца, скажем...

— И, пожалуйста, не набухай! Что за мода! Взрослая девушка, а чуть что — сырость на ресницах...

И неправда! И никакой сырости! Просто я подумала: что скажу Пашке Капитанову? Наобещала!..

Мама поглядела строго, потом помягче.

— Вот что... корабельная душа. Позвони дяде Косте. У них с ксероксами попроще, он как-то даже помогал мне...

— Издеваешься, да? Он же в командировке.

Мама сказала, что она не такое чудовище, чтобы издеваться над собственным ребенком (пусть даже вредным и невоспитанным). Дядя Костя приехал раньше срока, сегодня утром, и звонил ей, маме.

— По делу...

Могла бы и не добавлять.

— Мама, я помчалась!

— Позвони сначала!

— Позвоню по внутреннему! Городской у них всегда занят!

Трест «Стройметалл» находился в высоченном офисе на углу проспекта Космонавтов и Пушкинской. Вестибюль там был как в министерстве (хотя в министерствах я не бывала). Проход — с вахтером и никелированными турникетами. Я на внутреннем аппарате набрала знакомый номер — 3-46.

— Дядя Костя, это Женька!.. Ну да! Я внизу! Дядечка Костя, уж-жасно важное дело! Иначе не пришла бы!.. Ага, сейчас! — Я помахала трубкой сидевшему неподалеку охраннику. Он взял трубку параллельного аппарата. Послушал, кивнул, махнул рукой: топай, мол, посетительница, пока не передумал.

Кабинет был на седьмом этаже, я доехала на быстром, прямо космическом лифте. Дядя Костя оказался один, говорил с кем-то по селектору. Показал на кресло. Я погрузилась в него, в мягкое и необъятное. Дядя Костя кончил разговор, выключил аппарат.

— Привет, Евгения. Излагай.

Я изложила. И показала книгу. Он повертел ее.

— Нет проблем. Через пару дней сделаю, позвоню. Или за-

несу. А теперь... рад бы поболтать, да все равно не дадут. Извини:

— Дядя Костя, я исчезаю! Спасибо!... Ой, и за подарок спасибо! Такие чудесные корабли!

— Я рад...

Недалеко от дома я встретила Лоську.

— Я заходил, а у вас заперто...

— У всех дела, Лосенок! — бодро сообщила я, потому что была в хорошем настроении.

— Женя, пойдем погуляем?

— Ну... пойдём.

Конечно, его бродячей душе хотелось в глухие переулки и на пустырь. И мы пошли. Навестили Умку. Вымахавшие за лето сорняки превратились в настоящие джунгли. Я всегда удивлялась: какое разнообразие растений в городских закоулках. Интересно, кто-нибудь пытался их всерьез изучать? Или всем кажется: мусорная трава!

Трава эта стояла — мне по плечи, а Лоське по макушку. А местами и выше. Всюду торчали серо-лиловые ежики репейника. Солнышками горели цветы осота. Перепутывались друг с другом сиреневые, бело-пушистые, желтые, пепельно-зеленые шарики-головки. Курчавились седые верхушки давно отцветшего иван-чая. И еще цвели над мелкозубчатыми листьями какие-то похожие на маленькие орхидеи цветы разных оттенков — от бледно-розовых до темно-вишневых... Мне всегда было досадно, что у большинства этих трав я не знаю названий.

Крупные ромашки под конец лета словно спохватились, что раньше цвели не в полную силу, и теперь буйной пеной захлестывали лужайки. Пахло бурьяном, пасленом и полынью (наверно, как в диких степях). На развалинах двухэтажного кирпичного особнячка росли тонкие клены и березка. Если бы меня кто-то спрашивал, я бы обязательно предложила: надо в каждом городе сделать заповедники пустырей и окраинных переулков. Чтобы здесь можно было бродить, отдыхая от нынешней суматошной жизни. На пустырях с тобой шепчутся прошлое и тишина...

Но никаких заповедников, конечно, не будет. Скоро городские власти продадут этот участок какой-нибудь фирме, и та отгрохает здесь еще один бетонно-стеклянный офис.

Лоська тянул меня куда-то напрямик, не боясь ни крапивы, ни когтистого чертополоха. Мне-то в джинсах ладно, а он? Видать, кожа на нем задубела за летние месяцы.

— Лось, ты куда меня тащишь?

— Сейчас... уже недалеко.

Мы выбрались на окруженную репейной чащей лужайку. Посреди нее блестела болотистая лужица. Вокруг стояла осока, а посреди лужицы торчала мохнатая кочка. Лоська поднял из травы длинный, как удилище, прут. Шепнул, как заговорщик:

— Женя, смотри... — Он дотянулся до кочки, шевельнул на ней травяные плети. Из них... вот это да! Из них размашисто скакнули в воду две серо-зеленые лягушки. Плюхнулись и всплавь рванули к берегу. Скрылись в осоке.

Лоська заливисто смеялся.

— Интересно, да? Как в пруду у Тортилы...

Я ладонью прошлась по его волосам-сосулькам. И подумала, что Лоська, при его любви ко всякой живности, может быть, станет зоологом... Вдруг таким же знаменитым, как Даррелл?

Вспомнив о Даррелле, вспомнила, конечно, и про «бэйливик Джерси», где он создал свой зоопарк. Ну и, значит, про монетки — мысли вернулись к кораблям и книге.

— Лоська! Ты мне показал интересное. Теперь пойдём ко мне, я тебе тоже что-то покажу...

Он ведь еще не видел мою коллекцию!

3

Лоська монетами заинтересовался всерьез. Долго вертел, чуть не обнюхивал. Разглядывал сквозь стеклянный глобус. Опять сказал:

— Хорошо, что океанов больше, чем суши, верно?

Покачал одну монетку на ладони, будто пробовал на вес.

— Увесистая. Будто и правда целый фунт... Женя, а почему у английских денег такое название?

— Потому что «фунт стерлингов». Это связано с какой-то мерой серебра.

— Но эти-то не серебряные?

— Нет. Если я правильно перевела, то они из никеля, а снаружи латунное покрытие... Но были в точности такие же

из серебра, три тысячи штук. Специально для коллекционеров. А двести штук даже из золота...

— И тоже один фунт стерлингов?!

— Да это же просто так, для видимости! А продавали-то, наверно, за сумасшедшую цену...

Лоська хихикнул:

— Жень, а вдруг эти тоже золотые? Смотри, как блестят.

Я сказала поучительно:

— Не все золото, что блестит.

Он хихикнул опять:

— А давай распилим одну? Как Шура Балаганов гирию пилил...

— Лоська, до чего же ты начитанная личность! — восхитилась я. — Если бы еще не был такой оборот...

Он вдруг насунился:

— А я и не читал про это. Папа рассказывал. У него «Золотой теленок» любимая книжка была...

Он впервые сказал не «отец», а папа. И вдруг показался мне беззащитным, как дошкольник.

— Лоська, писем больше не было?

— Не было... — Он двигал монетки по столу, как шашки по игровой доске. И вдруг сказал тихонько совсем не детские слова: — Все деньги взять бы да сжечь. И оставить только вот такие, для коллекций... Эти гады, что на «Мерседесе», сунули кому надо несколько тысяч баксов, и сделался невиноватый виноватым. Из-за бумажек...

Я не знала, что сказать. Стало так... будто за окнами снег пошел. К счастью, затрещал телефон.

— Лоська, извини...

Позвонил дядя Костя. Спросил, надо ли переплести листы с копиями страниц.

— Ой, дядя Костя, я не знаю... Наверно, и без того хлопот много...

— Не много, если не нужен твердый переплет.

— Да хоть какой!

— Принято. Отбой...

На работе он всегда такой немногословный. Наверно, армейская привычка.

Когда я вернулась из прихожей, Лоська раскладывал монеты в одну линию. Глянул через плечо:

— А почему их только пять? Когда шли, ты сказала, что шесть...

Я вдруг смутилась (вот дура-то!). Покашляла и рассказала Лоське про книгу, про Пашку Капитанова. Ну и про «залог»...

Мне показалось, что он вдруг надулся. Не хватало еще «таких» проблем!

— Лось, ты чего?

— Я? — И эти его марсианские глазки. — Ничего... А чего «чего»?

И я поняла: решать надо сразу.

— Дурень! Я же ему на время дала. А тебе подарю насовсем. Выбери любую.

Он глянул недоверчиво. На меня, на монеты, опять на меня...

— У тебя же коллекция разрушится.

— Ну и что?.. Да не разрушится она! Как разрушится, если монета будет у друга?

Вот так я впервые сказала ему, что мы друзья. Он слегка сморщился, пошевелил носом-картошкой, улыбнулся. Но сразу опять насунился:

— Тогда ты и Люке подари. А то нечестно будет. Она ведь... тоже...

Вот такая справедливая личность.

— Подарю и Люке. Только она кораблями не интересуется ни капельки.

— Разве в этом дело, — сказал он серьезно. Даже строго.

Понятно было, что не в этом.

— Выбери.

— Да мне все равно. — Он зажмурился и ткнул пальцем наугад.

— Ого... Это гафельная шхуна «Тиклер». Построена на острове Джерси в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году, водоизмещение девяносто три тонны... Небольшая, но красивая, верно?

— Да... А что такое «тиклер»?

— Понимаешь, у англичан такой язык... каждое слово может означать кучу вещей. Я в словаре прочитала: это и «трудная задача», и «щекочущее перышко», и много еще всякого разного... Здесь, наверно, лучше всего «Перышко». Летит под ветром, щекочет волны...

Лоська кивнул, но потом сказал взрослым тоном:

— Что общего между трудной задачей и щекочущим перышком?

— Потому что трудная задача — это щекотливый вопрос.

— Логично, — отозвался он совсем уже как профессор. Но вовсе не по-профессорски изогнул руку и помусоленным пальцем начал тереть локоть, перемазанный не то сажей, не то черной землей.

— А еще, — сообщила я, — «тиклер» означает «прут для воспитательных целей». Для мальчишек, которые не умываются.

Тут же мне вспомнилась Гертруда, и стало стыдно за дурацкую шутку (хотя насчет перевода я не соврала). Но Лоська не обиделся. Вдохнул сокрушенно:

— Честное слово, я умываюсь. Но мама говорит, что во мне повышенное содержание электричества. Как в кошке. Оно притягивает всякий мусор и пыль.

— Тогда надо подарить тебе флакон антистатика. Будешь натираться. Это жидкость такая для мебели, чтобы пыль не садилась на гладкое дерево.

— Ладно! Подари! — дурашливо согласился он. — Как бы ко дню рождения!

— А когда у тебя?

— Был уже. Пятнадцатого августа. Целых десять лет стукнуло... — Он сменил тон. — Ты не обижайся, что я в гости не позвал. Мы с мамой решили ничего не отмечать, пока папа не вернется...

— При чем тут гости! — Я чувствовала себя свиньей. — Сказать-то мог! Я бы подарила что-нибудь. А то ты мне вон какой подарок, а я...

— А ты монету с «Перышком»...

— Ну, Лоська... это даже и не подарок.

У меня вертелись слова, что это как бы талисман дружбы, но я постеснялась. Да он и без слов понял.

— Ладно. Тогда подари мне иголку и нитку. Или дай на время. Я пойду в ванную и зашью штаны. Разодрал в колючках...

— Чадо ты непутевое, — (это мамины слова), — где разодрал? Ну-ка...

Сзади и правда была дырища. Среди складок не очень заметно, а если растянешь — ого...

— Снимай, я сама зашью.

— Нет. Не сниму... У меня на плавках сбоку дырка.

— Балда! Больно мне надо разглядывать твои дырки... Ты вот что, давай штаны, а сам иди в ванную, как собирался, и оттирай суставы. А можешь и всего себя. Мочалка и мыло на

полке, полотенце возьмешь зеленое, с крючка... Имей в виду, с таким черным я с тобой больше никуда не пойду.

— Только ты не приходи меня опять мочалить...

— Всю жизнь мечтала! Запрись на все засовы.

В складках Лоськиных штанов были целые пригоршни всяких сорняковых семян, растительный пух, лепестки и репы. Не штаны, а гербарий. А дыра — кулак пролезет. Я зашла ее накрепко, через край. Встряхнула. «Ну, прямо пиратский брамсель после ремонта...»

Лоська тем временем выбрался из ванны. Встал на пороге — тощий, с торчащими волосами, с бледной, почти белой кожей, только ноги по колено да руки по локоть в загаре, будто в коричневой морилке. А на впалом животе маленький изогнутый шрам — наверно, когда-то вырезали аппендицит. Ладной Лоська прикрывал на плавках злополучную дырку.

— Жень... я там майку на крючок повесил, а она в воду... Теперь надо ждать, когда высохнет.

Это была все та же футболка, в которой он явился ко мне позавчера. Но, конечно, уже не такая белая.

— Я сейчас постираю и поглажу. И штаны заодно...

Он сморщил нос-картошку, а сосульки волос будто оцетинились еще больше.

— Не...

— Почему «не»? Это же быстро.

— Потому что... чего ты со мной, как с приотским ребенком...

Мне... будто холодный кисель на голову. Липкий, противный, скользкими языками за шиворот. От неожиданности я брякнула самое глупое:

— Лось! Ох и свинья же ты все-таки...

Он мигнул, округлил рот. Натянулся весь, будто у него сто струнок под кожей. И я вдруг поняла, что все может кончиться в один миг. Схватит свои зашитые штаны, прыгнет в них на ходу и уйдет не оглянувшись. И ничто не поможет, никакой талисман с корабликом...

«Господи, сейчас зареву... Что сказать?»

— Ты... ненормальный какой-то... Я же с тобой... все равно как с Илюхой, если бы он маленький был... а ты...

В другое время я такое никогда не выговорила бы. Это ведь... почти что признание в любви. Но надо было как-то объяснить ему! Удержать!

Он мигнул опять. Обмяк, ссутулился. Стал смотреть в угол.

А я... тоже в угол, в другой. Потом Лоська с опущенной головой сделал шагок, другой. И такими вот мелкими шажками пошел ко мне по одной половице. Пол был старый, тонкая половица прогибалась и поскрипывала. Лоська двигался, набычившись, будто собирался уколоть меня волосами-сосульками. Я обмерла на стуле. Лоська остановился в полуметре, опустил руки, позабыв про дырку. Хлопнул толстыми своими губами, пробормотал:

— Жень... не злись. Просто... я...

Много ли надо человеку для счастья? Я поняла, что сейчас прижму костлявого обормота к себе и зареву, как провинившаяся и прощенная первоклассница. Чтобы не случилось такого скандала, я дотянулась до валявшегося на столе гребня (деревянного, с рукояткой) и велела:

— Ну-ка стой смирно. Не мотай головой... — и принялась остервенело расчесывать Лоськины сосульки. Он веселел на глазах.

— Ай!.. Голову оторвешь!..

— И оторву. Зачем она тебе, такая дурная?

— Зимой шапку носить... Жень, ты не злишься? Я же...

«Понятно. Застеснялся, застыдил своего замызганного наряда, вот и брякнул про «приютского ребенка». А я... дура, да и только...»

Лоська опять ойкнул. Сказал дурашливо:

— Если хочешь, можешь меня... это... воспитательным «тиклером»...

— Не смей говорить глупости! Человек никогда не должен давать себя в обиду.

— Тогда и ты... не обижайся.

— Я и не обижаюсь. И... все. Как говорил Гамлет в переводе Пастернака, «дальнейшее — молчанье»... Знаешь, кто такой Гамлет?

— Знаю. Кино же есть... А Пастернак — это поэт?

— Поэт и писатель. Поумнеешь — прочитаешь... — Я последний раз провела гребнем по Лоськиным сырým волосам. — Ну вот, стал похож на человека. Всегда бы так...

«А влезешь сейчас в свои балахоны — и опять бомжонок с Рябинового бульвара...»

— Лоська, хочешь, я тебе костюм подарю! Не бойся, он не кусачий, летний. Его раньше брат носил, но он почти новый. А?... Только давай без глупостей про приюты и гуманитарную помощь! Мне просто жалко, что костюм лежит без дела. На

нем ведь корабль. Корабли... они плавать должны, а не лежать в темном ящике... Ну?

Он опять надул губы. Но без обиды.

— Чего «ну»? Покажи... корабль-то.

Я кинулась в большую комнату, там стоял наш древний «семейный» комод. Вытянула тяжелый ящик. Перетряхнула стопку старых штор, полотенец, салфеток. Илюшкин костюмчик лежал среди них — выстиранный, поглаженный, словно ждал хозяина. Я вернулась в комнату. Развернула перед Лоськой сине-зеленую рубашку-водолазку с красным галиотом на груди.

— Ух ты... — шепотом сказал Лоська.

— Ну-ка, примерь.

Лоська не капризничал. Вмиг натянул шорты, умело завязал на поясе шнурок, нырнул головой и руками в рубашку. Разглядел ее на груди. Вопросительно глянул на меня.

— Во! — я показала ему большой палец. — Иди в прихожую, там зеркало.

Напротив двери стояло трюмо — такое же древнее, как комод («приданое» маминых родителей, которых я никогда не знала). Я включила свет. Лоська во всей красе отразился в пятнистом стекле. Костюм оказался широковат, но лишь чуть-чуть. Лоська поспеел, повертелся перед зеркалом на пятке. Шортики были, конечно, короче его старых портков, он, хмыкнув, потер над загаром светлые места. Но ни стесняться, ни упрямиться не стал. Спросил только:

— А Илья не станет ругаться?

— Да с какой стати?! Только рад будет, что вещь пригодилась!

По правде говоря, я не была уверена, что Илья обрадуется. Вдруг эта ребячья одежонка дорога ему как память о днях, когда он был мальчишкой? И когда папа... Ну да ладно! В конце концов, есть фото. И все равно ничего теперь не поделаешь. Лоська уже «встал» в обновку. По-хозяйски поправил штаны, одернул рубашку. А когда вернулись в комнату, деловито затолкал в кармашек на бедре свою монетку...

— Ой, Жень, здесь что-то есть, в кармане... Вот... — И протянул сложенную бумажку.

Видно, что бумажка лежала там с давних времен, была выстирана вместе с костюмом и вместе с ним попала под утюг. Плоская, засохшая. Тихо захрустела, когда я стала разворачивать.

Это был листок из редакционного блокнота — наверняка из папиного. С грифом «Редакция газеты «Городские голоса». Кроме этих типографских букв были и рукописные — строчки, написанные лиловым шариковым стержнем. Они слегка расплылись, однако читались легко... Легко, но непонятно: «Три слова по три буквы. Три имени. Ар-до-кап. Угадай, какую роль будет здесь играть пароль!»

— Лоська, это Илья писал когда-то. Наверно, играл с мальчишками в разведчиков или пиратов...

Я, не сворачивая, положила бумагу в большую гриновскую книгу, где лежал кленовый лист. Лоська сунул нос:

— Ой, это что за книжка?

— Александр Грин. Кстати, корабль на твоём пузе как раз из этой книжки. Ты не читал «Алые паруса»?

— Я только слышал про них... Дай почитать, а? Не бойся, я буду с ней... как с заморской бабочкой. Не дышать на нее!

Что делать-то? Пришлось убрать кленовый лист и «пароли» брата в ящик стола. Лоська прижал книгу к «парусной» груди.

— Я пойду, ладно?

Я давно заметила: если к нему в руки попадает интересная книга, он хочет поскорее остаться один.

— Ладно, беги...

В коридоре Лоська еще раз крутнулся у зеркала. Чуть погрузнел:

— Жаль, что лету уже конец...

— Ох, не порти настроение... И ничего не конец, еще почти неделя каникул! Кроме того, осень начнется не по календарю. Синоптики обещали тепло до середины сентября...

Свои старые шмотки Лоська забыл в моей комнате. Я не стала его окликать. Чтобы не вздумал влезть в них снова и не превратился в прежнего обормота. Впрочем, волосы у него уже торчали, как и раньше...

Из окна я смотрела, как Лоська переходит дорогу. Он спешил, двигался вприпрыжку, мелькая худыми ногами в коричневых «чулочках». Локтем прижимал к боку разноцветную плоскую книгу. Ну, в точности как Буратино, который с азбукой под мышкой двинулся в школу (только нос вовсе не «буратиний»).

Лоська скрылся за углом, а я осталась сидеть у окна. Улыбалась (что со стороны смотрелось, наверно, глупо). Было хо-

рошо оттого, что сегодня все с утра складывается так удачно. И самое удачное... да, тут уж надо признаться... то, что есть на свете Пашка Капитанов, которому я оставила в залог монетку с фрегатом.

«В залог чего, ненормальная?» — спросила я себя. И виновато хлопнула губами — в точности как Лосенок. Но радоваться не перестала.

МОНЕТКА В ЩЕЛИ

1

Пришла Люка. Нарядная, бодрая, напевающая. Впрочем, она почти всегда такая. Пригляделась:

— Я вижу, ты мою косметичку даже не открывала.

— Лючка, некогда. Успеется, молодость впереди...

— А я Лосенка сейчас встретила. Красивый такой, просто не узнать!

— Он именинник, — торопливо сказала я, чтобы речь не зашла о костюме.

— Да? Я и не знала! Надо было что-то подарить... Ой, он сказал мне, будто у тебя есть подарок для меня? Правда?

— В общем-то... да. Раздаю коллекцию. Всем друзьям по монетке. Выбирай...

— Какая прелесть! Это будут как талисманы тайного корабельного братства, да?

— Ну... можно считать, что так.

— Я возьму вот эту, ладно?

— Бери, — согласилась я (все же не без тайного сожаления). — Это бриг «Геба», построен в 1861 году. Геба — это древнегреческая богиня юности, как раз для тебя.

— Какая прелесть! — снова сказала Лючка. И чмокнула меня в щеку. Я вытерпела и подумала: «Рассказать про Пашку?» Люка, она внешне легкомысленная, но на самом деле не совсем такая. Никаких «ой, а он симпатичный?» и «познакомишь, ладно?» не будет. Тем более что знакомств ей хватает и во Дворце. И все же решила: не стану пока. Потому что Лючка принялась рассказывать о предстоящем пикете в защиту Дворца. Стало известно, что в тот день, в субботу, генерал Петровцев должен осматривать свою будущую резиденцию.

— А мы выстроимся напротив фасада с плакатами! У нас есть специальная песенка, она сейчас напечатана в дворцовой стенгазете, а на пикете будут петь ее все, кто соберется!

Едет, едет ППЦ
С гордой миной на лице...

— Небось опять Костячок-толстячок сочинил?
— Нет, он же увольняется, я говорила! Сочинил Петруша Бронцев, режиссер драмкружка. Про него я тоже говорила.
— Ну что, переходишь в этот кружок?
— Если отстоим Дворец... Ты придешь на пикет?
— Я же сказала — да... Только разгонит нас милиция со страшным свистом! — Я представила мордастого Панкратьева и его «однополчан» с дубинками.
— А и пусть разгонят! Там будут люди с телекамерами! Вечером весь город увидит, как «все лучшее — детям»!

Да, трусихой моя самая близкая подружка не была. А я? Хуже, что ли?

Мы поболтали еще, и Лючка ушла, аккуратно уложив бриг «Гебу» в сумочку.

И вдруг оказалось, что уже вечер.

Позвонил Илья:

— Свет Евгения, передай маме, что сегодня я опять заночую у Толика.

— Сказал бы ей сам. Боишься?

— Мучача детестаб... тьфу! Конечно, боюсь! Но не в этом дело! Мы сейчас утонем в нашей работе по уши, отключим телефон. Потому что надо решить одну сверхзадачу. Когда закончим, компьютерный мир содрогнется от восторга и зависти.

— Хвастун!

— Я почти серьезно...

— Такой гениальный, а не знаешь, что такое «бэйливик». А я узнала...

— Мучача интеллигентэ! Не забудь, скажи маме! До завтра!...

Пришла мама и принялась было сокрушаться по поводу «бездомного существования этого непутевого философа, который опять влипнет в какую-нибудь историю». Но сокрушалась недолго, потому что появился дядя Костя. Он принес тяжеленный полиэтиленовый пакет. Я радостно заподвывала и запрыгала (лошадь такая!), потому что в пакете оказались три

книги. Одна — та самая, библиотечная, и две ее копии. Они были в мягких обложках, с корешками из пластмассовых пружин, но все равно настоящие книги! Дядя Костя даже постарался, чтобы на цветном принтере отпечатали красочные переплеты и картинки — как в настоящем «Фрегате «Виола».

Теперь я наконец могла рассмотреть книгу как следует — причем сразу в трех экземплярах. Забралась на кровать...

Книга оказалась «та, что надо». В самом деле — все хитрости корабельного устройства. И давались они не просто так, а в ходе рассказа о приключениях нескольких ребят и старого боцмана Платоныча, который был дедом одного мальчишки. А в молодости Платоныч ходил на баркентинах!

Такую книжку читаешь, и флотская наука впитывается памятью как бы сама собой, незаметно. Потому что события зависят от знания судовых деталей и устройств, при этом события такие, что не хочется отрываться...

Но все же я порой слышала, о чем беседуют в большой комнате мама и дядя Костя. Сперва мама рассказывала о квартирных неприятностях, а дядя Костя обещал «прощупать это дело по своим каналам». Потом заговорили про наших знакомых, тетю Соню и тетю Лию. Тетя Лия была мамина одноклассница, а тетя Соня — ее мама. Иногда они приходили к нам в гости и приводили семилетнего Мишку — сына и внука. Тетя Соня периодически восклицала: «Миша перестань сейчас же, или я тебя отшлепаю!» Восклицала даже тогда, когда Мишка сидел спокойно (что, впрочем, случалось не часто). И теперь я поняла из услышанных фраз, что семейство Лифшицев собирается в Израиль. Насовсем.

Ну вот, еще нескольких славных людей не окажется рядом. Впрочем, для меня это не большая печаль, не такие уж они мои знакомые, но для мамы-то тетя Лия — как для меня Люка...

Я пошла на кухню, чтобы сделать бутерброд с майонезом и помидорами и пожевать, не отрываясь от книжки (потому что ужин еще, видимо, не скоро). Майонез мама прятала от меня на верхнюю полку в кухонном шкафчике («Ты испортишь себе печень!»). Я встала на табурет, потянулась...

Правду мама внушала мне во младенчестве: «Нехорошо брать без спросу...» Табурет качнулся, и через секунду я хныкала на полу, держась за щиколотку.

Конечно, паника: «Как тебя угораздило! Наверняка перелом! Надо «Скорую»!»

Дядя Костя уговорил маму подождать со «Скорой». Перенес меня на кровать. Ощупал лодыжку (я повизгивала).

— Никакого нет перелома, растяжение, вот и все. Валя, дай бинт...

Он перетянул мне ногу и сказал, что завтра полезно посидеть дома, после чего я буду, как раньше, «скакать и радоваться жизни».

Вот так и получилось, что с утра я оказалась опять «на приколе».

Ну что ж, буду сидеть, читать. Слава богу, есть *что!*

Половину «Фрегата» я прочитала еще накануне (не спала до полуночи), а до конца осилила книгу к середине дня. Ну, конечно, потом еще не раз придется возвращаться к ней, чтобы уяснить получше все корабельные подробности, но и сейчас я чувствовала себя почти «доктором судостроительных наук». И до чего же было жаль, что нельзя помчаться к Пашке Капитанову, отдать книгу, поговорить о ней со знающим человеком! Ну... и вообще повидаться.

Я попробовала походить по комнате: не вылечилась ли нога? Нет, болит, проклятая, хотя и не сильно, тупо. Нельзя, наверно, рисковать. До чего обидно...

И в разгар этих горьких сожалений судьба прислала Лоську!

2

Костюм с красным галиотом сидел на нем слегка перекошено и был малость помят, но, в общем, выглядел гораздо приличнее, чем я ожидала. И не было на Лоське привычной чумазости. Только волосы опять торчали колочками, но тут уж ничего не поделаешь.

Лоська притащил книгу «Алые паруса», старательно завернутую в два слоя газет.

— Всю прочитал?

— Конечно!

— Понравилась?

— Да... Женя, а то чудовище в сундуке, в которое стрелял Том, это был какой-то африканский идол?

— Или индийский... В общем, заморский сувенир.

— Все же дураки они были, все его дядюшки-тетушки. Че-

ловек ждет не дождется отца, а они: «Гнев, гнев!» Хорошо еще, что им не досталось из револьвера...

Значит, Лоську тоже зацепил этот рассказ! Ну и понятно: про отца же...

А Лоська заметил на моей ноге бинт.

— Это что у тебя?

— Растяжение. Загремела с табурета.

Он сразу загрустил:

— Значит, сегодня никуда не пойдем?

— Хромаю. Надо бы пойти, да боюсь... Лось! А можешь ты меня выручить?

— Да! — сказал он сразу. И уже потом: — А как?

— Помнишь, я говорила про Пашку Капитанова?

Он стрельнул глазами: еще бы, мол, не помнить.

— Сходи к нему, пожалуйста, а то он ждет, наверно, книгу.

Дядя Костя вчера уже все сделал.

— У, как быстро! Дашь почитать?

— Конечно... А ты можешь сходить прямо сейчас? Я дам адрес.

— Давай... Да не адрес, а книгу. Надо же отнести! А где он живет, я и так запомню.

— Лоська, понимаешь... — тут я, дура, задышала от смущения, как паровоз. — Дело в том, что книгу пока отдавать не надо. Я... это... сама хочу отдать. Потому что мне надо с ним еще обсудить... всякое... Ну, там насчет библиотеки и вообще... Скажи ему, что я охромела, пусть он ко мне зайдет, если может.

— Понятно, — то ли вздохнул, то ли хмыкнул этот вредный тип. Он видел меня насквозь, как стеклянный глобус. «До зарезу тебе хочется встретиться с этим Капитановым!»

— Ну чего тебе понятно! — постаралась рассердиться я. — Он мне правда нужен по делу! И к тому же... вдруг он не захочет возвращать тебе монету в обмен на книгу? Скажет: залог в чужие руки не отдают...

— Понятно, понятно, — опять сказал Лоська. — Говори улицу-дом...

— Я все же напишу...

Пока я писала, Лоська нетерпеливо переступал на гибкой скрипучей половице — и правда как лосенок, которому не терпится помчаться по лесным полянам. И постреливал глазами.

— Хорошо, если ты приведешь его с собой прямо сейчас, — сказала в безразличным тоном. И протянула бумажку.

В прихожей Лоська сунул босые ноги в сандалеты. Оглянулся на пороге.

— А если я его приведу, мне можно зайти? Или гулять во свояси?

— Сейчас дам по шее!.. Пстой! Возьми деньги на автобус! Он хохотнул и умчался.

Я рассчитала, что при самом удачном варианте Лоська (один или с Пашкой) не вернется раньше чем через час. Но уже через полчаса сидела у окна и нервничала, как ненормальная. Потом, чтобы успокоиться, пошла на кухню — сжую помидор... И в этот миг забренчал дверной звонок.

Я лихорадочно допрыгала до двери. Лоська стоял на пороге, взъерошенный и с лицом заговорщика.

— Спрячь книги! Он сейчас придет!

— Кто? — глупо сказала я.

— Кто-кто! Он! Мы на велосипеде приехали, Пашка тащит его по лестнице!

— А книги-то зачем прятать?

— Он же не знает, что они уже готовы! Я не сказал. Сделаешь подарок...

— А что ты ему сказал?

— Что-что! Сказал: изувечила ногу, лежит в безнадежном состоянии. Хочет попроситься.

Он увернулся от тумака, а я... ну просто дитя малое! В самом деле поскакала в комнату и спрятала книги под подушку. Вернулась в прихожую. С лестницы уже слышались тяжкие шаги и побрякивание. Лоська у двери велел по-хозяйски:

— Вкатывай сюда...

И Пашка вкатил велосипед. Поправил перекошенные очки, раскрутил на шиколотке подвернутую штанину. Выпрямился. В светло-серых глазах за стеклами — сплошная серьезность.

— Здравствуй. Лоська сказал, что у тебя что-то с ногой... и какое-то дело. Я — вот...

Пашка стряхнул растоптанные кроссовки (я не успела сказать «да не надо»). Пошел за мной, хромающей, в комнату. Лоська за нами.

Я отбросила на кровати подушку.

— Вот...

— У-у... — Пашка расцвел. Пропала твердость в скулах и серьезность в глазах. Сплошная улыбка. — Как быстро... И будто настоящие книги!

— Даже цветные картинки внутри... Вы тут сидите, смотрите, а я... хотите чаю?

— М-м... — непонятно отозвался вцепившийся в книгу Пашка.

— Я хочу, — сказал Лоська.

На кухне я включила чайник, достала печенье и малиновый джем. Лоська пришел помогать.

— Помой чашки, а то я не успела с утра...

Лоська стал мыть, в таких делах он был безотказен. Я дала ему фартук, чтобы не забрызгал галиот. И... вернулась в комнату.

— Пашка...

Ну никак иначе не могла я себя заставить называть его. Пашка он, и больше никто. И он принимал это как должное, с самого начала... Однако сейчас глянул напряженно. Испуганно даже. Стоял с книгой у груди и моргал.

— Я хочу признаться, — сумрачно выговорила я. — Нет у меня никакого срочного дела, только вот книга. Просто мне... хотелось самой отдать ее тебе, и поскорее. А тут эта нога...

Он кивнул, книгу положил на стул. Взял себя за подбородок.

— Я тоже хочу признаться. Только ты в хорошем, а я наоборот... Я сейчас достал из кармана монету с «Перси Дугласом». Чтобы отдать... А она бряк на пол — и в эту щель... — Он ступней в сером носке провел по щели между половиц. — Теперь никак не достать, да?

— Ну... разве что при капитальном ремонте, — огорчилась я. И сразу встряхнулась: — Да ладно! Не будем унывать!

— Жалко же, — виновато бормотнул он. — Коллекция будет неполная.

— А она и так не полная. И, кроме того... — я решила наконец еще на одно признание. — Все равно я хотела подарить ее тебе. — И, кажется, порозовела, будто красна девица на первом свидании.

Он печально глянул через стекла.

— Да?.. Тогда еще больше жалко.

И тут мы услышали Лоську. Оказывается, он стоял в дверях.

— Женя, ты подари другую монетку. А то ведь обидно...

Будто я сама не догадалась бы!

— Да! — Я вытряхнула денежки-кораблики из футляра (всего-то три теперь), они звякнули на столе. — Пашка, выби-рай!

— Да что ты. Не надо...

— *Надо...* — я посмотрела в упор. «Неужели не понимаешь? Ведь получилось, что мы как одна корабельная коман-да». Лючка тогда сказала даже более правильные слова: «кора-бельное братство». Может, случайно обронила, но правильно. «Разве ты не согласен?»

Пашка нагнулся над столом. Глянул через плечо на меня, на Лоську, опять нагнулся.

— Можно бригантину?

— Конечно! Это «Сэнчери», «Столетие». Так ее назвали в честь юбилея судовой компании! — Я говорила, кажется, слишком весело — чтобы Пашка не подумал, будто мне жаль. Мне и правда было не жаль!

Пашка повертел монету, посмотрел с двух сторон. И вдруг:

— А королева на тебя похожа. То есть ты на нее.

Я расхохоталась от души:

— Ох и сказал! Смотри — она *королева*! А я... никакая.

Он старательно глянул еще раз на монету, на меня.

— Нет, ты «какая». Похожа... Да не бойся, ее величество про это не узнает...

И мы стали смеяться уже втроем.

И пошли пить чай.

А потом Пашка заторопился:

— У меня дома все еще кавардак. Хотел сегодня закончить уборку, а сам сюда. Родители придут — будет цирк... Женя...

— Что...

— Я завтра приду! У меня бабка, она всякие лекарства го-товит, народные. Только сегодня ее нет, завтра придет, я у нее возьму мазь для ноги. Сразу все пройдет, испытано...

И мы — в библиотеку, книжку отдавать. Ладно?

— Один-то боишься? — поддела я.

— Конечно. Как начнут воспитывать...

— Могут и при мне.

— А ты заступишься.

— Ладно уж...

Они с Лоськой утащили вниз по лестнице брэнчащий ве-лосипед. Лоська вернулся, и мы помахали Пашке из окна. А он нам. И укатил с завернутой в газету книжкой на багаж-

нике. И я... вдруг поняла, что нога у меня уже ничуть не болит. Ступай как хочешь! Сперва не поверила даже. Потоп-талась... Ура! Одно обещание мази сработало как лекарство!

— Лоська, пойдем погуляем! У меня все прошло!

Он сказал опасно:

— Смотри, чтобы хуже не стало.

— Не станет! Мы недалеко, до кафе «Паровоз». У меня де-сятка рублей есть, угостимся мороженым.

Лоська не стал отказываться.

Мы за пластмассовым столиком съели по большой порции земляничного.

— Не капни на паруса.

— Не страшно, капли тоже красные... Женя...

— Что, Лось?

— А Пашка... он хороший. Мы, пока ехали к тебе. погово-рили, и сразу... понятно.

— А ты не хотел к нему идти.

— Я не *не хотел*, а думал...

— Что?

Он вытер запястьем губы, глянул исподлобья.

— Думал... вы станете вдвоем дружить, а я... опять...

— Ох, балда! Все-таки надо дать тебе по загревку.

— Ага, дай, — он согнулся, сунулся ко мне головой. Я пя-терней прошла по его волосам-колючкам. Столик зашатал-ся, на нас оглянулись соседи. Мы встали и поскорее ушли. И побрели куда глаза глядят. По улице Машинистов.

— Женя, я забыл сразу сказать... Мама велела передать спасибо за подарок. За этот... — он потерял подол за якоря-ми. — Сперва удивилась, когда меня увидела, потом... в об-щем, говорит: хорошо, что ты с ней подружился. То есть с то-бой...

Я не знала, что ответить. Бормотнула что-то вроде «да лад-но, о чем разговор...». А он пнул на асфальте сигаретную ко-робку и признался, глядя под ноги:

— Я сперва не хотел брать. А ты сказала, что он брата... Я и подумал...

— Что? — шепотом спросила я.

— Это... подумал... может, ты поглядишь на меня, и тебе покажется, что я тоже... немного брат...

Я обняла его за плечо, придвинула, и мы пошли совсем ря-дышком, вплотную. И ничего больше не говорили. Лоська по-сапывал на ходу и облизывал губы. И шли бы мы так, навер-

но, до края города, но повстречали еще одного брата, большого.

Илья двигался навстречу не один, а с той самой девицей. Бодро обрадовался.

— О, привет, мучача и мучачо! Далеко собрались?

— Гуляем. Вы тоже? — светски осведомилась я.

— Мы были на оргсобрании в универе... Это Таня. Таня, это моя сестра Евгения.

— Мы знакомы, — сказала она и поулыбалась. Я тоже.

— А это будущий Капабланка Всеволод, я говорил... Дружище Всеволод, я беседовал о тебе с местным шахматным лидером, он просит, чтобы ты записал для него несколько своих партий.

Лоська набычился:

— Я не умею...

— Вот досада, я не учел... Ладно, позже встретимся, поговорим...

Мы распрощались. Лоська проводил меня до дома, выпросил копию «Фрегата «Виолы» («У тебя же есть пока библиотечная») и отправился постигать корабельную премудрость. А я поморщилась и легла. Нога опять болела, правда, слабее, чем утром... Ну и пусть болит! Все равно в душе была сплошная улыбка — широченная такая, во весь рот.

Ввалился Илья с пачкой учебников под мышкой. Уронил их на стол.

— Груз философии, — сказала я.

— Ох, не говори. И это лишь малая часть...

— Слушай, братец, ты можешь хотя бы при своих девицах не называть меня мучачей?

— А что такого?... Ладно, исправлюсь. Просто я сегодня замотанный и недальновидный. С Лоськой тоже ляп выдал. Не сообразил, что он не знает шахматной теории.

— Он занимался в кружке, да, видно, мало... Иль, а ты не обиделся, что он в твоём костюме?

Илья пальцем поправил очки (очень похоже на Пашку).

— Я и не обратил внимания... То есть обратил, но подумал, что просто похожий. Мало ли таких продают для пацанят.

— Это твой...

— Ну и ладно. Чего ему лежать без пользы?... Женька, я помираю от голода!

— Сейчас разогрею суп и макароны... Пстой-ка! — Я до-

тянулась до книги «Алые паруса». — Вчера Лоська надел твой наряд и нашел в кармане таинственную записку. Вот эту...

— Смотри-ка ты... — осторожно заулыбался Илья. Взял бумагу, сел со мной рядом. — Это мы с папой играли в отгадки. Он меня поддразнивал, говорил, что никогда не разгадаю его компьютерный пароль.

— Разгадал?

— Нет. Сразу не смог, потом стало не до того... Папа говорил: в пароле зашифровано имя из трех букв. Оно одинаковое у трех человек — у знаменитого артиста, у какого-то доктора и у морского капитана. Видишь, я сокращенно записал: ар... до... кап.

— Может быть, Кук?

— Если бы так просто... А разве есть известные артисты и врачи с таким именем?

— Не знаю. Надо посмотреть в энциклопедиях...

Илья погладил бумагу.

— Теперь не все ли равно... А листок ты сбереги на память.

— Он всегда в этой книге.

СТАКАНЧИК И ТОМ

1

Итак, от всей корабельной коллекции у меня остались две монетки. Одна для себя, одна... не знаю, для чего. Будто про запас. И запас этот вскоре пригодился. В начале сентября.

В школу мне ужасно не хотелось. Ну, первый день — еще ладно. Речи, встречи, цветы, улыбки. Наша Липа — Пть Колец ходила с благосклонным лицом и всем говорила «моя хорошая», «мой хороший» (даже Левке Дубову по прозвищу Пень — видимо, машинально).

А потом начался «учебный процесс». И уроков выше головы, и всякие «рады общения» с педагогами. Особенно с Олимпиадой. Она невзлюбила меня еще в прошлом году, из-за одной-единственной запятой.

Дело было так. Олимпиада задала нам сочинение на тему «Прогулки по городу». Ну, дело не хитрое, я написала, будто иду по улице Гоголя через Театральную площадь, потом по мосту через Таволгу и дальше, к Рябиновому бульвару. Конеч-

но, о всяких встречных людях, о сосульках, о весенних ворованках, о картинах, что продают художники на бульваре...

Через неделю наша Пять Колец раздала проверенные тетради, я смотрю — четверка. Это за сочинение-то? Не алгебра же! В чем дело? Оказывается, у меня лишняя запятая. В предложении: «А на старинном здании Управления таможни полочется флаг, он похож на флаг кораблей пограничной службы — зеленый с косым, андреевским крестом». Я, конечно, сразу вопрос: «Почему запятая после «с косым» не нужна?»

— Ты, Мезенцева, перечти учебник! Это не однородные прилагательные, они запятой не разделяются!

— Как же не разделяются? Здесь же уточнение! «Косым», а потом еще «андреевским»! Иначе получится, что бывают и другие, не косые андреевские кресты!

— А их не бывает?

— Представьте себе, нет!

— Тогда вообще зачем слово «косым»? Оно лишнее.

— Оно не лишнее, потому что не каждый знает, что такое «андреевский крест».

— Да! Например, такой темный человек, как я!

— Я не сказала, что вы темный человек. Но запятая-то нужна.

— А я считаю, что нет! Если недовольна, иди жалуйся завучу!

К завучу я не пошла (ненормальная, что ли?), но пошла к директору Якову Николаевичу. Он преподавал русский старшеклассникам и руководил литературным кружком, в который я одно время ходила. Яков Николаевич послушал, прочитал, поскреб седую бородку.

— Ладно, Мезенцева, иди пока... Тетрадку оставь...

На следующий день в начале урока Олимпиада молча кинула мне тетрадь на парту. Запятая в ней была «реставрирована» толстым красным фломастером, но четверка на пятерку не исправлена, а рядом с ней алела большущая надпись: «Не-нужное многословие, неоправданные «красоты» стиля!»

Ну и ладно! Своего я все же добила. А Пять Колец с той поры все свои речи начинала словами: «Конечно, я не такой эрудит, как Евгения Мезенцева, но скажу, что...»

Правда, в этом учебном году она улыбалась мне, как и остальным.

Но недолго...

Класс у нас какой-то пестрый. Недружный. Наверно, потому, что очень разные люди. Скажем, Левка Пень (петь пнем!) и маленький музыкант по прозвищу Ласковый Май (настоящее имя — Март, Мартик) — что общего? Или вечный призер математических олимпиад Вадик Светличный и тип из компании «тертых» Федька Булыскин — Синий Буль (или просто Синий, или чаще всего просто Буль)?

Среди девчонок тоже особой дружбы никогда не наблюдалось. У меня вообще-то со всеми в классе были нормальные отношения, однако по-настоящему дружили мы втроем: Люка Минтаева, Кристина Брусницына и я. Но в прошлом году Кристина уехала в Самару, остались мы вдвоем.

Мальчишки иногда поддразнивали меня за мой рост, но необидно. Только Синий Буль меня не любил по-настоящему — за то, что я отгупила его в третьем классе. Придумал мне кличку «Лосиха» (как после этого было не подружиться с Лосенком?). Никто эту кличку не поддерживал, но Буль меня никак иначе не называл.

Был он не самый рослый в классе, но крепкий. И с особым «уголовным» взглядом из-под набыченного лба. А губы всегда шевелящиеся, мокрые и розовые, как дождевые черви. Впрочем, некоторым девчонкам Буль нравился. Даже после того, как в прошлом году крепко подзалетел со своими друзьями, когда в школе наконец «распотрошили» рэкетирскую компанию.

Оказывается, в эту банду входила куча народа! Самые старые из одиннадцатого, а младшие — аж из третьего. Они обложили данью чуть не половину ребят и трясли с них немалые деньги. Но наконец дело дало сбой. Рэкетирь «наехали» на новичка-восьмиклассника, а его папа оказался крупный милиционерский чин. Уж за своих-то милиция всегда готова заступиться, началась «раскрутка». Трое самых старших чуть не загремели в колонию, но потом их родители, видать, «распоясали кошельки». Про Буля девчонки шепотом говорили, что ему «светит спецшкола», и вздыхали. Олимпиада закатывала глаза и вопрошала: «Достукался, голубчик?»

Но Синий Буль ни до чего не достукался, только притих на время, потом стал вести себя, как раньше.

Ему нравилось изводить тех, кто послабее и боязливее. Правда, самых тихих, вроде Мартика, он не трогал, нет интереса, а многих других донимал по очереди. Не то чтобы бил по-настоящему, а «доставал» — тычками, придирками, всяки-

ми похабными насмешками. И никто не решался дать сдачи. У него же «крыша»! Дружки «тертые»!

Я, глядя на это, несколько раз говорила: «Буль, доиграешься...» А он: «Заткнись, Лосиха! Вмажу по сопатке — соплями умоешься!» Ладно, я терпела до поры, до того сентябрьского дня, когда он полез к Стаканчику.

Стаканчик был новичок, пришел к нам первого сентября. Звали его Никита Стаканов, потому сразу и окрестили Стаканчиком. Он и не спорил даже — возможно, в прежней школе было такое же прозвище или похожее... Хотя на стаканчик он не был похож. Худой, довольно длинный, с прямыми, почти белыми волосами, в круглых очках... Мне нравятся мальчишки в очках — наверно, потому, что рядом со мной всегда был Илья. А теперь вот еще и Пашка... И Стаканчик показался симпатичным. Спокойный такой, с тихим голосом, с какими-то виноватыми бледно-голубыми глазами. Прямо скажем, не боец. А Булю такие и нужны.

Буль и его дружки — Юрка Хомов (Хомяк) и Вовка Рыбников (Вовочка) — начали «трогать» Стаканчика с первого дня. То рюкзац его распотрошат, то самого вдвинут в угол и малость помнут, то на доске нарисуют стакан с ручками-ножками... ну и со всякими гадостями. «А это не мы! Че всегда на нас бочку катят! Кто видел?!» Как всегда, «никто не видел».

А гад Вовочка даже строчки срифмовал:

Это кто там «спасите» кричит?
Это буря в стакане мочи!

Я раза два Булю говорила:

— Не надоело? Доскребешь ведь...

— Лосиха, сгинь, утомила...

Восьмого сентября (я запомнила число, потому что День солидарности журналистов) Буль и дружки на перемене прижали Стаканчика у доски. Не знаю, чего Буль хотел, только тянул сладким голосом:

— Стаканчик, стекляненький мой, ну не упрямясь. Это же моя ма-аленькая просьба... Ах, Стакашечек... — И тянул к его лицу растопыренную пятерню. Стаканчик снял очки, сунул в нагрудный карман и пытался защититься локтем. Ничего не отвечал. И драться, конечно, не умел. Был он повыше Буля, но тот шире в два раза, да и не один к тому же — Вовочка и Хомяк пританцовывали рядом. Вдруг я увидела, что Стаканчик взглянул на меня. Виновато так — словно извинялся

за то, что он совсем беспомощный. И я сзади потрогала Буля за плечо.

— Синий, сократись.

— Лосиха! Любовь моя стародавняя! — Он согнул колени, растопырил локти, а ладони вывернул скрюченными пальцами вверх. Будто ловил что-то в пригоршни. А потом: — Хочешь, я тебе лосиное вымя отстригу? — и два пальца, как ножницы, потянул ко мне. Ну, будто специально!..

Он красиво так полетел — по диагонали, головой в открытую дверь, прямо под ноги любимой нашей Олимпиаде Андриановне.

— А-а-а! Булыскин! Ты опять за свое!...

Тот — в натуральный рев:

— Че опять Булыскин?! Она мне руку чуть не искалечила!

Психопатка!

— Что такое?! Кто искалечил?! Все по местам!

И пошла разборка. И, конечно же, Булыскин «просто пошутил со Стакановым, нельзя, что ли?», а «эта жердина ни с того ни с сего как набросится со спины! Научилась где-то бандитским приемчикам...».

— Да врёт же он! — взвилась Люка. Но ее когда кто слушает? «Она всю жизнь заодно с этой Мезенцевой!»

— Стаканов, в чем дело? Ты всего неделю в нашем классе, и уже... Что у вас случилось с Булыскиным?

— Непохоже, чтобы он шутил, — негромко сказал Стаканчик.

По лицу Олимпиады видно было, как она «делает расклад». Булыскин, он хотя и замешан был в нехорошем, зато папа у него менеджер в фирме «Торгтаволга», а у Стаканова кто? Кажется, мелкий конторщик в страховой компании...

— Если у тебя, Стаканов, какой-то конфликт с одноклассником, решить его можно было, не прибегая к помощи девочек.

— Я не успел... — все так же негромко скал Стаканчик.

Мальчишки загоготали.

— Да, он не успел, — подтвердила я. — Мне удалось раньше. Буль, я ведь предупреждала...

— Мезенцева, прекрати! Ты... чуть не оторвала ему пальцы.

— В другой раз полезет к кому-нибудь — совсем оторву.

— Что-о?!

— Пальцы, — сказала я. — А вы что думали?

— Вон из класса!!

В коридоре я погуляла туда-сюда, потом спустилась на второй этаж — там был удобный закуток с лавочкой. Если место свободно, можно отдохнуть. Лавочка была не занята. Я села. Зевнула. Внутри у меня было совершенное спокойствие. И только позади этого спокойствия — тонкая натянутая струнка.

Буля я не боялась. Для «тертых» открыто связываться с девчонками «западло». А скрытые пакости я как-нибудь сумею предугадать. И к Стаканчику Буль теперь вряд ли скоро полезет, подумает прежде. В дневнике, конечно, будет пара за поведение, но мама только рукой махнет — знает про наши «теплые отношения» с Олимпиадой. Однако все же пакостно как-то. И, главное, в такой день, в журналистский. Значит, и в папин...

Я увидела, как по коридору бредет мальчик. Славный такой, с длинными и светлыми (будто летучие волокна) волосами. По виду — класса из второго. Понурий. Скорее всего, тоже поперли с урока. Господи, этакого-то кроху — за что?

Мальчик подпрыгнул, сел на подоконник (летучие волосы взметнулись и опали). Посмотрел за окно. Постукал каблукми по батарее. Поставил на батарею пятку, обхватил колено, уперся в него подбородком. Я подошла, села рядом.

— Выгнали?

Он не удивился. Кивнул. Глянул светло-кариими глазами — вокруг них была тень.

— За то, что без формы?

Он был не в синем жилетике, как положено ученикам начальных классов, а в клетчатой рубашке и в джинсовом комбинезоне с блестящими пряжками на ляжках.

— Нет, на это она смотрит сквозь пальцы... Из-за калькулятора.

— Какого калькулятора? Ты в каком классе-то?

— Во втором «Б».

— И вас уже учат на калькуляторах?

— Да. Она сказала, что будет экск... эксперимент. И велела, чтобы все купили. А мне родители покупать не стали...

— А при чем здесь ты? Объяснялась бы с родителями.

— А она со мной... Говорит: пока не будет калькулятора, на математику не пушу.

— Тебя как зовут?

— Толя Морозкин, — вздохнул он. Словно виноват был, что он — именно Толя Морозкин.

«Толя-Толик... — прыгнуло у меня в голове, будто с мелькнувшей улыбкой. — Толик-Томик. Томчик...»

Потому что он был похож на Стасика Галушкина, который в лагере у меня был Томом Берингом. Не внешностью похож, а манерой говорить, смотреть. Хотя и внешностью, пожалуй, тоже — большеглазый и с тонкой, как стебель одуванчика, шейей. А льняные невесомые волосы — как у Юрика Сенцова...

— А вас как зовут? — вдруг спросил Томчик... ой, то есть Толик.

— Женя... С чего это ты говоришь мне «вы»?

— Ну... вы ведь большая.

— Не большая, а длинная. В седьмом классе учусь. Значит, старше тебя всего на пять лет.

— А вас... тебя тоже выгнали? — спросил Толик с осторожным придыханием.

— Тоже. Я вздрючила одного типа, которые лез к тем, кто слабее.

Я вовсе не хвасталась. Просто, когда что-то объясняешь младшим, лучше всего говорить правду.

— И что теперь будет?

— С кем?

— С вами... с тобой.

— Со мной абсолютно ничего. А вот что с тобой делать?.. Пойдем-ка к завучу.

Он перепуганно соскочил с подоконника.

— Не-е...

— Почему «не»? Надо же как-то решать это дело! Или так и будешь прогуливать математику?

— Мама, наверно, купит... Это отец не хотел, сказал: «Что за глупости! Эк... ксперименты во втором классе! Если надо, пусть покупает сама...»

— Правильно сказал. Но пока не купили, не болтаться же в коридоре! Идем...

— Попадет...

— Тебе не попадет, потому что ты со мной. А мне не попадет, потому что я заступаюсь не за себя...

Вообще-то я не была уверена в справедливом исходе этого дела. Потому что завучи — отнюдь не лучшие друзья школьников. Завучами пугают учеников с первого класса. К завучам во-

дят провинившихся. Завучи на переменах ловят тех, кто бегают по коридорам, орут на них и ставят к стенке. У нас раньше была одна, ходила по школе с мегафоном на груди и вопила на ребят через этот электронный рупор. Потом, к счастью, уволилась, перешла на работу в горно... Завучи вписывают в расписание всякие «обязательные факультативы», от которых пухнет голова (и попробуй поспорь!).

Илья говорил, что хорошие люди в завучи не идут, потому что должность такая. Здесь нужны особые характеры. Два года назад мы ехали с Ильей в трамвае из парка, и с нами был еще Толик Гаевский, и вот к этому Толику привязалась полная дама: почему он не уступает ей, взрослому человеку, место. А по соседству свободных сидений было сколько хочешь, сделай только шаг. Толик даме так и сказал. А она принялась голосить на весь вагон, словно ее обокрали. И тогда Илья посоветовал:

— Толик, уступи, не связывайся. Это наверняка завуч.

Дама взвилась пуще прежнего:

— А что?.. Что? По-твоему, «завуч» это оскорбление?

— Вовсе нет, — разъяснил вежливый Илья (тогда еще девятиклассник). — Это термин. «Завуч» — это социально-психологический стереотип, в основе которого лежит патологическая ненависть к детям.

Дама, плюхнувшись на уступленное место, захлопала губами, обдумывая сложную формулу. И больше ничего не выговорила...

И вот теперь мы шли к завучу. К незнакомому. Потому что она появилась в нашей школе только в начале этого учебного года. На двери кабинета была табличка:

ЗАВУЧ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
СИДОРОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

Я постучала и сразу испугалась: вдруг ее там нет? Может, на уроке! Тогда что? Но сразу откликнулся голос:

— Да, пожалуйста...

Я открыла дверь и подтолкнула Толика.

Ольга Сергеевна Сидорова сидела за столом боком к двери, ее хорошо освещало яркое (летнее еще) солнце. И видно было, что завуч немолода, с сединой. Лицо, пожалуй, чересчур утомленное, но ничего, не сердитое. По крайней мере, на первый взгляд.

Я сразу приступила к делу:

— Здравствуйте. Вот этого Толика Морозкина, из второго «Б», учительница выставила с урока, потому что у него нет калькулятора. У них там математический эксперимент, а ему калькулятор не купили. Не авторучка ведь, денег стоит...

— Вы подойдите поближе, — попросила Ольга Сергеевна. И мы сделали несколько шагов к столу.

— Значит, Толик Морозкин? — переспросила она. Тот опустил голову, виновато затоптался ногами в широких джинсовых штанинах с отворотами. Часто задышал.

— Разве он в чем-то виноват? — сказала я.

Завуч перевела на меня глаза.

— А ты его сестра?

— Я? С какой стати!.. То есть нет. Мы только что познакомились в коридоре.

«Сейчас скажет: хорошее место для знакомства». Она сказала:

— Второй «Б», да? Учительница Алла Мефодьевна?

Толик кивнул.

Ольга Сергеевна как-то по-домашнему почесала ногтем висок и потрогала кончик седого завитка. Посмотрела на Толика, на меня. Выдвинула ящик стола...

— Вот возьми, Толик... — Это был плоский черный калькулятор с белыми кнопками. — Батарейки, кажется, новые.

Толик поднял лицо и моргал.

— Бери, бери...

— Спасибо...

— Алле Мефодьевне скажи... хотя подожди, отдашь записку. — Она вырвала из блокнота-ежедневника листок и с минуту что-то писала старомодной перьевой авторучкой (как мне хотелось бы знать: что?). Протянула Толику свернутый листок. — Ну, ступай.

— До свиданья, — растерянно сказал он и взглянул на меня. Я повернула его за плечо к двери. Тоже сказала «до свиданья». Мы шагнули к двери.

— А ты, девочка, останься, пожалуйста.

Ну, прямо «а вас, Штирлиц, я прошу остаться»!

Я шепотом сказала Толику: «Если что, найдешь меня в седьмом «А». И подтолкнула к выходу. Он, однако, не пошел. Обернулся с калькулятором на ладони.

— А это... надо ведь будет вернуть?

— Вернешь, когда обзаведешься своим. Иди в класс.

Я проводила Толика до порога и там обернулась. Шагнула назад.

— Ты из седьмого «А»?

«Значит, услышала».

— Да.

В американской школе сразу поправили бы: надо отвечать «да, сэр». Хотя она же не «сэр». Значит, «да, мэм»?

Я мысленно ругнула себя и повторила:

— Да, Ольга Сергеевна...

— А как тебя зовут?

— Мезенцева Евгения.

— М-м... Я, признаться, так и думала.

Я вопросительно вскинула глаза: кто-то что-то уже наступал? Но она же ведаёт малышами, у нас другая завуч.

— Это ведь ты в июне устроила шум в лагере «Отрада»?

Вот оно что!

— Да, устроила. Вы считаете, что неправильно?

— Почему же? Считаю, что правильно... У меня там среди твоих знакомых малышкой внучка была. Даша Берестова. Помнишь? Ты ей локоть бинтовала, когда она слетела с дерева, ободралась...

Про локоть я не помнила, мало ли они там обдирались! Но вообще-то Дашку Берестову как забудешь!

— Да! Она была девочкой Ассунтой, подружкой Тома Беринга, когда мы там гриновскую игру устраивали! На качелях с ним летала. Он боялся, я, глядя на них, тоже, а она ни капельки!

— Да, сорви-голова, почище иного мальчишки... Можно я передам ей от тебя привет?

— Конечно!.. Жаль, что она не в нашей школе. Из тех ребят никого у нас нет.

— Что поделаешь... Ладно, Женя, иди. У вас ведь, наверно, урок?

Я дипломатично повела плечом.

Ольга Сергеевна ни о чем больше не спросила. Ну и правильно. Если захочет, узнает и без меня. У той же Олимпиады...

3

После уроков Стаканчик подошел и тихонько сказал:

— Мезенцева, можно тебя на минутку?

Мы вышли в коридор и встали у окна, никто не обращал на нас внимания, все торопились домой.

— Стаканчик поцарапал кроссовкой паркет и опустил голову:

— Я хочу сказать тебе спасибо... Конечно, я понимаю, какая нелепая ситуация. Девочка застывает за мальчишка... — Сквозь тонкую кожу на его щеках засветилась краснота. Чтобы Стаканчик не маялся так, я бодро проговорила:

— Да ладно, чего там! Гораздо нелепее, когда *никто* не застывает, все трясутся. Боятся, что у этого Буля связи в уголовном мире... А мне плевать, я его лупила еще в третьем классе.

Стаканчик опять поцарапал паркет.

— Конечно, я должен был сам. Но... понимаешь, у меня интуитивная боязнь повредить пальцы. С детсадовской поры. Меня несколько лет подряд учили игре на скрипке и твердили, что обязан пальцы беречь. Никаких драк. Вбили это в подсознание...

Чтобы что-то сказать, я спросила:

— А теперь? Уже не занимаешься скрипкой?

— Не стал. Зачем, если никаких выдающихся успехов? Второсортных скрипачей на свете пруд пруди, а Паганини из меня точно не получится. Конечно, дома сперва был скандал...

— Я понимаю. У меня тоже был скандал, когда отказалась учиться на фортепьяно... А ты сюда, значит, из музыкальной школы перешел?

— Нет, я из нее ушел еще год назад. В тридцать четвертую. А там тоже... как здесь. Надо себя кулаками отстаивать, да еще чтобы дружки были. А таким вот... неприспособленным музыкантам-очкарикам нигде проходу нет.

— У меня брат очкарик. В младших классах его тоже изводили, а потом он подружился с Толиком Гаевским и еще двумя ребятами. И они решили держаться как мушкетеры. И скоро к ним перестали лезть, поняли...

— Брату повезло, — сказал Стаканчик, без зависти, но печально.

Я подумала, что Илье действительно повезло с друзьями. А Стаканчик вдруг вскинул на меня бледно-голубой, блестящий стеклами, как слезинками, взгляд.

— Я хотел попросить... если это можно... ты не могла бы показать мне тот прием? Которым кинула Булыскина... Или он секретный?

Я сказала без размышлений:

— Да запросто! Никакой секретности... Ты где живешь?

— На улице Чкалова...

— Ну и хорошо, нам по дороге. Там у «Гастронома» скверик есть, подходящее место, травка...

Мы пошли по улице рядом, и Стаканчик нерешительно поглядывал на меня. Я предупредила:

— Только не вздумай предлагать понести мою сумку.

Он опять покраснел.

— Хорошо, не буду.

— Просто это глупо, когда девчонка идет просто так, а парень рядом, как вьючное животное...

— Да, наверно. Мне как-то в голову не приходило... Да я и не носил ничьих сумок.

— Слушай, Стак... ой, Никита... а в музыкалке ты учился, значит, с первого класса?

— Да... Кстати, я не обижаюсь, когда говорят «Стаканчик», привык. Меня и раньше так звали...

— Нет, я буду говорить «Никита»... Или можно «Ник»?

— Конечно!

— Потому что, если я кого-то называю по прозвищу, то сама не должна обижаться на «Лосиху». А я обижаюсь. И Синий Буль в этом убедится снова, если вякнет!

«Эк ведь распетушилась! С чего бы это?»

В пыльном сквере с кустами желтой акации было пусто. Лишь три алкоголика на дальней лавочке нянчились с поллитровкой, но на нас им было наплевать. Как и нам на них.

— Стак... Ник, запоминай. Во-первых, нужно поймать момент, чтобы пальцы противника оказались близко к тебе. Ну, шпана любит ими пугать и тыкать... Во-вторых, надо ухватить снизу. Потом — с поворотом и на себя! То есть мимо себя, направо... Главное — надо быть уверенным на *сто процентов*, что это у тебя получится. Не колебаться ни секунды. Тогда и правда получится. Ну, смотри... Ой, сними очки. Не бойся, я вполсилы...

Я помогла ему подняться. Он поматывал головой и несмело смеялся.

— Ничего не понял. Просто земля перевернулась...

— Так и бывает. — Я надела на него очки. — Теперь попробуй ты. Помни — решительно, с поворотом и мимо себя... Вот, будто я хочу тебя ухватить... Ай!

Стаканчик оказался талантливым учеником.

Я вылезла из куста, отряхнула с джемпера мелкие листья акации. Стаканчик подскочил.

— Извини, я не хотел...

— Как это «не хотел»? А для чего я тебя учу?.. Ну-ка давай еще. Только не по правде, а так, теоретически...

Мы позанимались минут пятнадцать. Хотя и «теоретически», но по разу еще кинули друг друга в кусты.

Стаканчик счастливо улыбался. Но вдруг посерьезнел:

— Это здорово. Только такой прием удастся, наверно, лишь однажды. Тот же самый враг на него снова не купится, пальцы не подставит...

— Снова он, наверно, и не полезет. А если... Ну ладно...

Ник, это вообще-то не девчоночье дело — показывать такое. Но раз очень надо... Меня один знакомый, бывший афганец, научил. Я так один раз в лифте посадила на пол взрослого гада... Вот, вскидываешь руку, чтобы отвлечь внимание, сгибаешь колено и... вот так... Только я на тебе показывать не буду, ты тренируйся дома. На подушке, что ли...

Стаканчик опять стал розовым, но благодарно кивнул.

И в этот момент к нам подбежала Люка.

— А-а, вот вы где! Еле вас догнала. Отправились вдвоем, хитрые какие! — Она иногда бывает бесцеремонной (хотя без перегиба, в меру).

Я сказала сразу и откровенно:

— Мы изучали приемы самообороны. Жизнь велит.

— А я?! Я тоже хочу!

— Ладно, — пообещала я. — В следующий раз.

Мы пошли через сквер, потом по улице Чкалова. Было еще совсем лето (детсадовская малышня вереницей брела нам навстречу в пестрых рубашонках и панамках). Я шла посередине — Люка справа, Стаканчик слева. Люка глянула на него из-за меня:

— Ст... Стаканов, ты где живешь?

— Здесь, недалеко. В доме четырнадцать...

— Его зовут Никита. Или Ник, — сказала я.

— Принято к сведению, — кивнула Лючка.

А я с той поры не оговорила ни разу, всегда говорила ему «Ник», хотя мысленно все равно называла Стаканчиком.

Мы шли и молчали. Наконец стало неловко от этого молчания, и я спросила Люку:

— Как там во Дворце-то дела?

Потому что была с этим делом неопределенность. Появился слух, что губернское начальство отступилось и Дворец решило не отбирать. Мол, найдем для генерал-лейтенанта Петровцева другой особняк. Поэтому пикет в конце августа отме-

нили. Затем слухи шевельнулись «в обратную сторону» и вновь угасли.

Люка слегка кокетливо сообщила:

— Есть надежда, что творческая жизнь не угаснет. Обещали пока нас не трогать, разрешили записывать в кружки новичков... А я окончательно перешла в драмколлектив.

— К тому самому Петруше Вронцеву?

— Да... Он тебе чем-то не нравится?

— Почему не нравится? Я же его не знаю!

— У тебя иронический тон...

— Ах, прошу прощения!

— То-то же... Кстати, я ему сказала про твою идею. Насчет спектакля «Гнев отца».

— Да?! А он что?

— Представь себе, он загорелся!

— Не может быть!

— Клянусь!

— Лючка, тогда знаешь что? У меня есть кандидат на главную роль! Я нашла его сегодня!

Мы стали ходить из школы втроем. Люка иногда задерживалась и догоняла нас уже на полпути, такая вот несобранная. Однажды, когда Люки еще не было, Стаканчик спросил:

— А про какой спектакль во Дворце она говорила?

Я рассказала про рассказ «Гнев отца», про историю в «Отраде» (конечно, в двух словах) и про Толика Морозкина, с которым мы теперь весело здоровались на переменах. (Кстати, «эксперимент» во втором «Б» благополучно заглох, и мы с Томчиком вдвоем отнесли калькулятор Ольге Сергеевне.) Однажды Толик угостил меня огромным красным яблоком, я его грызла на всех переменах и даже на уроке географии, потому что наш новый географ Дмитрий Витальевич был человек снисходительный. А позавчера Толик сказал:

— Ваша подруга Люка зовет меня во Дворец детского творчества, на какую-то роль. Как вы думаете, идти?

— Конечно! Это же я посоветовала!.. Ты опять говоришь мне «вы!» Сколько можно?

— Ой... Раз в... ты советуешь, я обязательно пойду. Мама говорит, что мне давно пора заняться чем-то серьезным.

На следующий день Люка в классе сообщила мне:

— Твой Морозкин Петруше понравился. Немного зажат, но в процессе репетиций это легко снять. Зато типаж самый тот!

Я сказала, что сама она «типаж». Уже нахваталась профессиональных словечек. И чтобы не вздумали мучить там ребенка, ему всего восемь лет.

— Под Новый, к премьере, будет уже девять. А ты давай берись за пьесу! Обещала ведь! Петруша ждет.

— Лючка, лучше я приду к вам и расскажу, как все это представляю. А вы записывайте и решайте. На то вы там режиссеры-постановщики... Книжку используйте...

Так и договорились.

...Сейчас Лючка догнала меня и Стаканчика у «Гастронома».

— Ты всегда копаешься, — сказала я, чтобы она не начала: «Опять ушли вдвоем, да? Ладно-ладно...»

Она многозначительно произнесла:

— Я не копалась, а беседовала с Синим Булем. Между прочим, о тебе...

— Надо же! — хмыкнула я. А Стаканчик (я заметила) покраснел.

— Да. Он ухватил меня за рукав и говорит сильным голосом: «Минтаева, передай своей Лосихе, чтобы она сказала своему Стакану, что ему будут кранты. Я даже не буду связываться, другие делают. А Лосихе я выдержваю ноги сам...» И сказал, конечно, из чего выдержает, хам такой.

Стаканчик вдруг сдавленно проговорил:

— Это я виноват...

— Почему? Он опять пристаёт? — напружинилась я.

— Они подошли утром, втроем. У раздевалки. Он руки за спиной держит, все ухмыляются. «Ты видел, — говорит, — как стаканы наружу выворачивают?» И достает какую-то штуку вроде кастета. А может, мне с перепугу показалось, что кастет. Я и двинул... как ты учила... Да не сильно двинул, опять же с перепугу, наверно. А он согнулся, замычал, сел. А Вовочка и Хомяк не двинулись, рты открыли. Я постоял и ушел... Они больше не подходили... Вообще-то я понимаю, что это гадость...

— В чем гадость? — спросила я.

— Ну... в том, что надо владеть какими-то зверскими приемами, чтобы к тебе относились, как к человеку...

— Се ля ви... — отозвалась Лючка.

— Надеюсь, больше они и не подойдут, — сказала я.

— Они-то не подойдут, — интригующе сообщила Люка. — Но Буль пообещал: «Я Лосихе и Стакану сделаю встречу с Гришей Капелькой. В тихое время в тихом месте. Он им уст-

роит дискотеку при свете бледной луны... Слышала про Гришу Капельку?»

— Как страшно, — сказала я. Хотя, по правде, и впрямь стало страшновато. — Что за Капелька? Хоть бы знать, от кого погибнешь...

— Не знаю... Я бояться не стала и говорю: «Глупенький Буль. А ты Пашку Капитанова знаешь?» Он заморгал, как сова на солнышке. «Че, — говорит, — такое? Кто такой?» А я: «Вот и скажи спасибо, Буль, что не знаешь. Если встретитесь, будет поздно. Из синего станешь зелененьким и сделаешь буль-буль прямо в брюки, убежать не успеешь. И Капелька твой тоже...» Знаешь, Женька, он задумался...

— Ох, Лючка. Ты правда артистка.

— А кто такой Пашка Капитанов? — неловко спросил Стаканчик.

— Это Женькин друг, — сообщила Лючка декларативным тоном.

— Наш, — буркнула я.

— Ну да... Но с Евгенией они подвинуты на одном интересе. На кораблях. Сидят вечерами и отрешенно погружаются в мир чайных клиперов...

— Язык мой — враг мой...

— А что? Разве это секрет? — Лючка театрально распахнула подкрашенные ресницы.

— Я тоже интересовался парусами, — вдруг признался Стаканчик. — Этим летом пошел в клуб «Паруса надежды», про него в «Новостях» показывали. Нашивки у них с якорями, черные пилотки. На шлюпке под разрезным фоком ходят, здорово так. Пришел, записали сразу. И пилотку дали. Только нашивку сразу не дали, потому что сперва кандидат. Стали заниматься, морские узлы учить. Это легко, я многие и раньше знал. И кое-что про такелаж и рангоут... Сначала понравилось, потому что ребята там как дружный экипаж, никого не дразнят, помогают, если надо... Дисциплина, конечно, но в морском деле так и надо, наверно... Зато по вечерам песни под гитару, все вместе сидят так, плечом к плечу...

— А потом что-то не так? — догадалась я.

— Потом... неделя прошла, а на пристани ни разу не были. Шлюпок я не видел. Каждый день узлы, устав да маршировка с деревянными автоматами. Если кто ошибся или отвлекается — десяток отжиманий перед строем. Мне, правда, не пришлось, но как-то все одно и то же... Я одного старшеклассника, он

«юнг-капитан» называется, спросил: когда же под паруса? Тот будто даже удивился: «Не знаешь разве, что сперва нужна внутренняя настройка личности? Воспитание характера». Я говорю: «А под парусами разве нельзя?» А он: «Главная задача моряка — не паруса, а защита отечества. Не слышал?» Я опять спрашиваю: «А от кого защита?» Он даже глаза вытарашил: «Ты на какой планете живешь? Не знаешь об угрозе? О террористах, которые захватывают заложников?» — «Знаю, — говорю, — но как против них с деревянными автоматами?» — «С деревянными, — говорит он, — это сначала, а потом с настоящими...» — «Ну, это потом... а сейчас-то что? Паруса-то когда? Ведь морской клуб...» — «Не морской, а морской военно-патриотический...» — «А чтобы просто морской, так не бывает?» Этот юнг-капитан усмехнулся и говорит: «Спроси, кандидат, у инструктора...»

— Ну и спросил? — с опаской поинтересовалась я.

— Там есть такой, взрослый уже, зовут капитан-инструктор Каницкий. В фуражке, в кителе. Я подошел после строевой подготовки, говорю: «Простите, можно спросить?» А он в ответ: «Вы, кандидат, обращаетесь не по уставу. Следует так: «Товарищ капитан-инструктор, разрешите задать вопрос». Я повернулся и пошел. А он вслед: «Остановись». Я обернулся: «Что?» — «Ты хотел задать вопрос!» — «Я раздумал». — «Нет уж, говори, раз начал». — «Не хочу». И тогда он встал навтыжку и рубит, как команду перед строем: «За прекревание с инструктором — пятнадцать отжиманий! Приступай!» Ребята кругом стоят. Я говорю: «Еще чего...» А он: «Хочешь вылететь из клуба?» Я снял пилотку, положил на спортивное бревно и пошел... Вот и все.

Мы минуты две шли молча. Стаканчик вдруг поддал ногой сумку, которую нес у земли, на длинном ремне, сказал со вздохом:

— А песни у них хорошие. Особенно одна, старая: «Прощайте, Скалистые горы...».

ОСЕННИЕ ДНИ

1

Наш географ Дмитрий Витальевич любил свою науку. И хотел, чтобы ее любили другие. Когда он рассказывал о могучих силах природы, голос его порой начинал звенеть, как у

поэта, который читает свои заветные стихи... Был Дмитрий Витальевич еще не старый, лет тридцати, и случалось, что в нем проскальзывало что-то студенческое, как у молодого практиканта (или даже как у Ильи). Никогда ни на кого он не кричал, на лоботрясов не обижался. Только говорил, если шумели чересчур:

— Господа, кому не интересна география, сидите и размышляйте об иных высоких материях, только не мешайте. В конце концов, для минимума знаний вам хватит и учебника...

Однажды он примерно так сказал и Булю:

— Дорогой Булыскин. Я не настаиваю, чтобы ты уделял мне свое благосклонное внимание. Только сиди спокойно, не дергай и не толкай соседей. Хочешь, я дам тебе книжку про шпионов? Бери пример с Дубова. Наука о материках и океанах вне сферы его интересов, но он не портит жизнь другим и мирно читает под партой детектив... Кстати, Дубов, не мучайся, положи его на парту. У меня нет привычки конфисковывать чужие книги. Даже такого сорта...

Конечно, Буль ответил:

— А че я...

— Булыскину не нужна книга, — сообщила Люка (она сидит рядом со мной). — У него уже есть. «Курочка Ряба».

— Да, — потянуло за язык и меня. — Больше не надо. Процесс чтения для Буля это как таскание мешков на мельнице. Два абзаца в учебнике — предел. И то раз в неделю.

— Ну, Лосиха, — обещающе выговорил Буль.

Тут вежливо вмешался с предпоследней парты Стаканчик:

— Зачем смеетесь над человеком? Это не вина его, а беда...

— Ну, Стакан... — пообещал Синий Буль.

Но Стаканчик уже не боялся Буля. Тот приставать больше не решался. Может, думал, что у Стаканчика есть в запасе еще кой-какие приемы. Никакой Гриша Капелька на нашем горизонте тоже не появлялся, возможно, это грозное имя Буль приплек просто так...

Дмитрий Витальевич терпеливо выслушал наш диалог и посоветовал:

— Тогда, Булыскин, просто смотри в окно на золотую осень. Созерцание тоже облагораживает душу. И предупреждаю честно: в четверг я спрошу тебя по нынешней теме, несколько абзацев в учебнике советую осилить...

Но в четверг Дмитрий Витальевич никого не спрашивал.

Он пошел с нами на экскурсию. Специально выбил для этого целый учебный день, попросил нашего завуча Инну Семеновну отменить все уроки. Признался нам, что у нее это не вызвало восторга, но, с другой стороны, куда деваться? Такие экскурсии положены по программе.

— А кто не хочет, может не ходить, — сообщил он. — Только прошу тогда прочитать в «Географии» соответствующие страницы...

Оказалось, что хотят все, кроме Мартика, у которого болело горло. Даже Буль и Пень пошли, хотя, по логике вещей, должны были обидеться за вчерашнее.

Мы отправились на Степанов камень. Это семь километров от последней трамвайной остановки у поселка Соткино. Место, известное всем туристам и порядком затоптанное, но все же довольно красивое. Особенно когда кругом октябрьская желтизна. Были там несколько острых скал, торчащих над березняком, а среди них — синее озерцо.

Дмитрий Витальевич сказал, что в давние годы, будучи школьником, он тоже ходил сюда на экскурсии.

— Так что вы, господа, оказались здесь в силу давней традиции...

Затем он стал рассказывать нам про бегущие низко облака (за которыми поблескивало солнце), показывать каменные слои на скальных обрывах и говорить о древности планеты. И о том, что наша цивилизация на фоне этой древности — единый миг. От нынешних людей, мол, зависит, не исчезнет ли она без следа, как все предыдущие.

— Имейте это в виду, уважаемые коллеги, и старайтесь.

Мы заверили его, что будем стараться. После этого разожгли костерок, сели вокруг на камни и стали жарить на прутьях шашлык из хлеба. Пень, Буль и его дружки вели себя смирно, не «выступали». Дмитрий Витальевич достал из брезентового чехла гитару и спел несколько студенческих песен. Почти все я знала, но одну услышала впервые:

Созвездия придумывают люди,
А звезды от фантазий не зависят,
И если вдруг людей уже не будет,
Во мгле не потускнеет звездный бисер.

Но чей-то дух незримый, в мире мая
И свой полет стремя куда понало,
В безмолвии шепнет: «Кассиопа...»
И это значит, что не все пропало...

Я подумала: жаль, что нет с нами Пашки, ему эта песня точно понравилась бы. А я спеть не сумею и не решусь, хотя и запомнила. Разве что для себя помурлыкаю и подберу мелодию на нашем стареньком пианино...

Никаких открытий и приключений в этой экскурсии, конечно, не случилось, но все равно было славно. По крайней мере, в сто раз лучше, чем сидеть на уроках...

Впрочем, оказалось, что на уроках в тот четверг ни один класс не сидел. Потому что школу опять «заминировали». Все понимали, что это чушь на рыбьих соплях, чья-то всем осточертевшая дурь, но, конечно же, — вопли в динамиках, эвакуация, «специалисты» в сизом камуфляже, пожарные машины. И грозные обещания завуча Инны Семеновны: «Мы все равно найдем этих мерзавцев!»

В пятницу опять была география (вместо русского, потому что наша Олимпиада отправилась на какую-то конференцию). И посреди урока в классе без стука возникли Инна Семеновна и симпатичная молодая тетя (или даже девица) в милицеевской шинели с лейтенантскими погонами. А за ними маячил рослый мужик в камуфляже и омовском берете (даже не снял его!).

— Дмитрий Витальевич, мы просим прощения, — бархатно возгласила Инна. — Нам нужен ученик Булыскин. Товарищи из милиции хотят с ним побеседовать. Идем, Булыскин...

Буль съехался за партией, словно хотел укрыться за сидящим рядом Вовочкой.

— Че такое? Куда?

— Тебе сказали: по-бе-се-довать.

— О чем?

— Ты наверняка знаешь, о чем. О вчерашнем «минном» деле.

— Я то здесь при чем?!

— При том, что за тобой уже водились вещи, которые позволяют думать...

— Чего думать-то!

— В ходе беседы и будет выяснено, «чего» именно, — со сталью в голосе известила его Инна.

Буль сидел у батареи. Он приподнялся, прижался к батарее поясницей, вцепился в железные ребра. Сказал незнакомым звенящим голосом:

— Знаю я эти беседы!

— Что ты знаешь, мальчик? — спросила девица-лейтенант голосом кинозвезды, играющей добрую няню.

— Беседы ваши! Там я через полчаса признаюсь в чем угодно! Даже что взорвал торговый центр в Нью-Йорке! И сообщников назову... как те пацаны весной...

— Булыскин! — взвилась завуч.

И тогда вдруг вмешался Дмитрий Витальевич:

— Мне хочется понять, что происходит... — Он сказал это негромко, но отчетливо. И я впервые заметила, что у него веснушки. Он был рыжеватый, но веснушек никогда не было видно, а тут... Наверно, потому, что побледнели щеки.

— Дмитрий Витальевич, я ведь объяснила, — слегка сбавила тон Инна.

— Да, но не совсем понятно... Булыскин — мой ученик. Он сейчас у меня на уроке. Я за него отвечаю. И мне известно также, что детей милиция может допрашивать лишь в присутствии родителей или педагогов...

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Инна Семеновна. Видимо, от полной растерянности.

— То, что сказал. Пусть сюда придут отец или мать Булыскина или пусть мне назовут конкретного педагога, кто будет присутствовать на протяжении допр... беседы. Лишь при этих условиях я сочту возможным отпустить мальчика.

— Вы собираетесь диктовать условия сотрудиникам милиции? — слегка жеманно поинтересовалась милиционерша.

— Я считаю нужным их напомнить... *товарищ лейтенант.*

Класс, затихнув, слушал эту вежливую перепалку. «Ай да Дима!» У меня тихонько звенело в ушах. И, кажется, во всем теле. Впервые в жизни мне было жаль Буля. Впрочем, дело, конечно же, не в нем! А в дикой несправедливости! Ведь Буль ничего не мог вчера «минировать»! Я уже хотела это крикнуть, но прорезался голос Стаканчика:

— Дмитрий Витальевич, да скажите им! Булыскин же с утра вчера был с нами! А звонили в десять часов!

— Этот аргумент кажется мне тоже весьма важным. Даже определяющим, — согласился наш географ.

— Ничего не определяющим! — громко возразила Инна Семеновна. Даже взвизгнула слегка. — Вы, Дмитрий Витальевич, просто не в курсе! Они теперь звонят с сотовых телефонов! Заимствуют у папочки, уезжают подальше и — нате вам! Посмотрите на эти их дурацкие «лифчики»! Завели моду! Там в карманах наверняка и мобильники, и пейджеры, и... не удивлюсь даже, если и пистолет отыщется...

— С глушителем, — не выдержала я. — И три запасных обоймы...

Общее внимание обратилось ко мне (а звон-то внутри меня продолжался).

— Это *Мезенцева*, — скорбно сообщила Инна Семеновна. Девица-лейтенант покивала. Тип в камуфляже вытянул из-за нее шею. Может быть, тот самый мордастый Панкратьев? Судя по описаниям, не исключено...

Лейтенантша кивнула, мельком глянув на меня:

— Я поняла...

И тогда я... узнала ее. Она была одной из вожатых в лагере! Кажется, в первом отряде, у самых дуботолков. Не то Полина, не то Галина...

— Да, это я. Мы немного знакомы. В «Отраде» вы так заступались за Гертруду Аркадьевну, которая лупцевала ребятишек...

Полина-Галина пожала плечами: что, мол, за бред? И обратилась к географу:

— Следует ли понимать, что вы попытаетесь воспрепятствовать выполнению наших служебных обязанностей? — (А голосок-то! Ну прямо орхидея на клумбе!)

— Безусловно, — светски наклонил голову Дмитрий Витальевич. — Если это выполнение будет в противоречии с законом. Повторяю: я отвечаю за ученика Булыскина, и оберегать его от произвола — моя прямая обязанность. — Веснушек уже не было видно.

— Я тоже за него отвечаю! — Инна Семеновна уже не следила за тоном. — Я беру эту ответственность на себя!

— Отлично. Тогда прошу письменное распоряжение. Прежде чем уведут мальчика... который, кстати, вчера утром был у меня на глазах и ни по какому телефону не звонил.

— Какое распоряжение?!

— Я же говорю: письменное. Что именно вы отдаете ученика в милицию, а я ни при чем... Или позвольте мне продолжить занятия.

Было видно, что Инне очень не хочется давать такое распоряжение. Тем более что Буль в этот момент дерганым шепотом сказал:

— Хомяк, если что, сразу... позвони мне домой... отцу...

Инна Семеновна обернулась к лейтенантше:

— Пройдемте пока ко мне. До конца урока пятнадцать минут. Никуда этот Булыскин не денется...

Но он «делся». Вернее, делись те, кто приходил за ним. Видимо, решили, что нет смысла давить на Буля, если целый класс вместе с учителем готовы подтвердить: не виноват. Конечно, Буль — пакостный тип, но зачем же зря-то...

Шел урок за уроком, никто больше никуда Буля не тянул. Он успокоился в конце концов. А после уроков подошел ко мне.

— Ты... Мезенцева... в общем, это...

— В общем, понятно, — сказала я. Чтобы не мучился.

Он обернулся к *Стаканчику*:

— Стакан, ты тоже... ну, как говорится...

— Как говорится, ладно... Ты *Дмитрию Витальевичу* спасибо скажи.

— Ну и скажу...

— Ну и скажи... И за то еще, что не спросил сегодня. Обещал ведь...

— Подумаешь! Взял бы да спросил, — буркнул Буль. — Я учил...

Когда мы втроем шли домой, *Люка* повздыхала:

— Воображаю, какой скандал *Инна* устроит *Диме* в учительской. Со свету сживет...

— По-моему, его так просто не сживешь, — заступилась я. — Он снаружи, как *Чехов*, а внутри, как *д'Артаньян*...

— Не похож он на *Чехова*!

— *Женя* говорит про манеры, — уточнил *Стаканчик*.

— Спасибо за разъяснение, а то я такая тупая...

Они со *Стаканчиком* часто поддевали друг друга. Чтобы не заспорили, я сказала:

— Кстати, у Буля в самом деле мог быть мобильник, и вчера, и сегодня. Он как-то им хвастался. Другое дело, что он и правда не звонил. Но если бы нашли, не отвертелся бы...

— В таком «лифчике» хоть миномет можно спрятать, — примирительно откликнулась *Лючка*.

Стаканчик так же примирительно сообщил:

— У меня есть почти похожая безрукавка, тоже с десятком карманов. Но я не знал, что у нее такое... дамское название.

— Ничуть не дамское, — со знанием дела возразила *Лючка*. — Наоборот, мужское, десантное. Такие лифчики надевают всякие спецназовцы, когда идут на операцию, мне дедушкин сосед в *Казанцеве* рассказывал, бывший майор. Они в

карманы толкают все, что надо: автоматные рожки, фонарики, ножи, пакеты для перевязки, гранаты...

— Надо попробовать, — хмыкнул Стаканчик, похожий на спецназовца, как свечка на бульдозер.

А я вспомнила нашу знакомую тетю Соню. Ее рассказ про первую любовь, про пацаненка с забавным прозвищем...

2

Тетя Соня в последнее время стала часто заходить к нам. Раньше она приходила лишь изредка, со своей дочерью тетей Лией, маминой подругой. А тут вдруг стала появляться одна. В выходные или по вечерам, в «послерабочие» часы.

— Валечка, иду с магазина, смотри, у вас окошечко светится...

Мама была ей рада — по-настоящему, не из вежливости. Тетя Соня — бодрая, маленькая, горбоносая — усаживалась на кухне, пила чай, вела с мамой беседы. Иногда какие-то «закрытые», вполголоса (я вежливо исчезала). А порой громкие и откровенные:

— Ну и что мы поедem в эту Хайфу? Или там меньше стреляют, меньше взрывают, чем у нас? Вы мне скажите, да или нет? Или там меньше берут заложников? Это же безобразие стало одинаково по всей Земле!

Насчет тихих бесед я как-то сказала маме:

— Мне кажется иногда, что она уговаривает тебя поехать с ними. Вернее, всех нас.

— Не говори глупости.

— А что? Илья, по крайней мере, вполне сошел бы за еврея: кудлатый, очкастый, нос, как у филина...

Мама посмеялась: «А нас с тобой куда?» Потом объяснила, что тетя Соня опасается ехать, заранее тоскует об оставленных родных местах, и ей хочется поговорить о сокровенном.

Но иногда тетя Соня говорила о сокровенном и при всех:

— И что Лия нашла в том краю, где она ни разу не была? Ну да, там Боречка, там Мотя и Лева, но они уже именно там, всеми корнями! А мы? Мы даже не знаем языка, на котором там надо говорить! Лучше бы я поехала в Бобруйск, где провела свое детство. Но Бобруйск — это же сейчас больше заграница, чем Израиль! По крайней мере, отсюда нам никто не пришлет приглашение!.. И это город, где я родилась, вы поду-

майте! Где ходила с братом Борей в школу... Где — вы не поверите — была моя первая любовь...

— Сколько же вам было тогда лет? — улыбнулась мама.

— Девять лет. Да. А ему десять. У него были большущие глаза и растрепанная челка. Тогда в школе не разрешали длинные прически, но даже в его коротенькой челке мне виделась поэтическая кудрявость, как у лорда Байрона... Он был отчаянный футболист. Когда играли на пустыре недалеко от Советской улицы, что выходит прямо к Березине, он весь горел. Носился по траве, облетая встречных игроков как на крыльях. Болельщики всегда стояли на краю пустыря и кричали то наперебой, то хором:

— Лифчик, давай! Лифчик, бей!

— Это что же, имя такое? — слегка удивилась мама.

— Это было прозвище. Вы скажете: почему? Сначала я думала — я знаю почему! Когда он носился с мячом, его ковбойка распахивалась во всю ширину, а под ней синел лифчик с большими пуговицами. Тогда такие лифчики носили все дети. Колготок не было, мальчики и девочки надевали длинные чулочки и пристегивали их к лифчикам резинками. Это сейчас попробуй на моего Мишу надеть такой наряд, он перевернет своим криком дом, а в те годы это было обыкновенное дело, но лифчик этого футболиста был не белый, не голубенький, как обычно, а ярко-синий с белыми горошинами. И с белыми большущими пуговицами впереди. Я бы сказала, он как бы нарочно всем бросался в глаза, чтобы все только и смотрели на этого отчаянного мальчика с мячом... А он и правда был отчаянный. Я и сейчас помню... Мчится, глаза горят, лямки слетели, чулки отцепились и съехали, коленки в крови, клетчатая рубашка порвана... И отовсюду крик:

— Лифчик, жми! Лифчик, бей!.. Ура!

Тетя Соня, вдохновившись, вскрикнула это «ура» во весь голос. Потом, смутившись, примолкла.

— Вы, значит, тоже были там? И кричали? — улыбнулась мама.

— О-о... я в том сентябре не пропускала ни одной игры. Конечно, Лифчик не обращал на меня внимания. Он тогда начал учиться уже в четвертом классе, а я только в третьем, но я тайно обмирала о нем. Как принцесса о прекрасном рыцаре. И осторожно расспрашивала о Лифчике брата Борю, который учился с ним в одном классе. Боря был рослый, большой, а Лифчик невысокий, тоненький, но они были приятели. И от

Бори я узнала, что настоящее прозвище этого мальчика не Лифчик, а Ливчик, с буквой «вэ» в середине. Дело было, оказывается, не в синем горошистом лифчике, а в фамилии. Фамилия его была Ли-в-шиц. Понимаете, да? Наша и, значит, Борина Лифшиц, с буквой «эф», а его — с «вэ». И он всегда отчаянно требовал, чтобы их не путали, даже спорил с учителями. И так этим всех допек, что и стал в классе называться Ливчиком... Ливчик... И что здесь особенного? Это вполне могло быть уменьшительным именем от большого «Ливий». Между прочим, Тимура в фильме, который я в детстве очень любила, играл мальчик Ливий Щипачов, потом он стал художником...

— А как его звали по-настоящему? — спросила мама. — Вы так и не узнали?

— Ну как я могла не узнать, когда его бабушка приходила каждый вечер на край пустыря и кричала, перебивая болельщиков: «Фима, иди уже домой, я тебе сказала! Иди, бо я не знаю, что я с тобой сейчас сделаю! Мама и папа уже пришли, пора ужинать! Фима! Иди, или я... Фима, я тебя отшлепаю!»

Она это так забавно изобразила, будто сама была Фиминой бабушкой. Мы с мамой расхохотались. И вспомнили, конечно, как тетя Соня тем же тоном укрощает внука Мишеньку. Она тоже посмеялась с нами.

— И вы думаете, это были пустые слова? Таки нет! Один раз она в самом деле отшлепала его при всем честном народе. Ухватила за лямки и взгрела так, что от штанов летела пыль, как от старого матраса, который выколачивают на дворе плетеной хлопалкой! И знаете за что? Он сделал себе та-ту-и-ровку! Как отпетый хулиган, из тех, что вечерами толклись в беседке на берегу Березины, у лестницы, ведущей к водной станции! Этого бедная Рива Моисеевна выдержать не смогла... Фима, конечно, не пикнул. Вырвался и гордо ушел. А потом показывал татуировку всем, кто просил. И мне показал, когда я робко подошла.

— А какая татуировка? — спросила я. — Небось якорь?

— А вот и нет! Здесь, у большого пальца, старшие мальчишки по его просьбе выкололи ему букву «эл». Похожую на римскую цифру «пять». Поднимешь руку — и она правда как «эл», что означало, видимо, «Ливчик». А если опустить, она как латинская буква «вэ», и что это такое, я даже не понимаю... Помню, что Боря сильно завидовал Ливчику и даже хотел сделать себе похожую татуировку, но папа пообещал ему

такую взбучку, что Боря не стал... Надо сказать, они с Ливчиком не были очень уж большими друзьями, просто дворовые приятели, но все же Боря один раз повел себя как самый верный друг, он даже рисковал головой... Вы спросите, как? Все из-за того же футбола. Я помню, это было уже в октябре, но еще стояло тепло и даже доцветали ромашки... Мяч пнули так, что он улетел на высокую поленницу, которая была сложена у забора. Один мальчик полез за мячом, но поленница вдруг начала рассыпаться, березовые кругляки покатались вниз. Мальчик уцепился за доски забора, не пострадал. Но вся эта махина стала сыпаться прямо на Ливчика, который стоял рядом. Вы скажете, почему он не слышал? Я сама не понимаю! Когда я смотрела, мне казалось, что все происходит бесшумно, как в кино, где не стало звука. Все будто застыло. А я наконец закричала... Это я долго рассказываю, а все было в две секунды. Боря бросился, толкнул Ливчика изо всех сил, тот улетел в засохшие лопухи. Ни одно бревно его не задело, а то ведь мог быть сломанный позвоночник или... совсем... Борю дрова тоже не задели, но он запнулся, полетел вперед и руками попал на битые кирпичи. Вы представляете, ладони он содрал совершенно до крови, они были как голое мясо. Сперва он боли, наверно, не почувствовал, посмотрел, храбро так пожал плечами и промокнул ладони о побеленную штукатурку на кирпичном сарае, что стоял рядом... Уже после начались крики, промывание, бинтование. Этим занялась бабушка Ливчика, которая оказалась тут как тут. И все повторяла Ливчику: «Вот видишь, до чего ты доигрался! Я говорила!» Хотя Ливчик тут был совершенно не виноват... А отпечатки Бориных ладоней потом темнели на сарае до весны, я боялась на них смотреть...

Я вспомнила про мальчика Ливия, который стал художником, и спросила:

— А что стало потом с этим Фимой? Когда он вырос...

— Не знаю, Женечка. Мы скоро уехали в Минск, а еще через год сюда... Боря говорил, что слышал, будто Лившицы переехали в Подмоскovie, к родственникам его мамы, и будто бы там он сменил фамилию...

— Зачем? — удивилась я.

— Он был весь такой... боевой. И, конечно же, мечтал стать военным. А поступить в военное училище с фамилией Лившиц было ой как непросто. Кажется, он взял фамилию мамы, она была русская, но что за фамилия, не знаю...

— А почему нельзя было с *той* фамилией? — глупо спросила я.

— Девочка моя, ты *меня* об этом спрашиваешь? Ты задаешь вопрос, которому четыре тысячи лет... Кстати, там, куда мы едем, Фиме не пришлось бы воевать за букву «вэ». Говорят, «Лившиц» и «Лифшиц» на иврите пишутся одинаково...

3

У Пашки была своя теория о будущем Земли и человечества. Он говорил, что планета не выдерживает издевательств, которые творят над ней люди, поэтому содрогается и сопротивляется. Не потому, что ненавидит всех людей, а просто не может терпеть. Отсюда все землетрясения, наводнения, лавины, дикие перепады погоды и катастрофы. Земля хочет предупредить человечество, но люди — глухие... В общем-то, Пашка говорил то же самое, что Илья, но его теория была с морским уклоном.

Пашка был уверен, что все беды начались, когда люди стали отказываться от парусов и начали жечь в топках уголь и нефть.

— С этого момента и началось насилие над природой. Надо было использовать энергию ветра, ее в атмосфере бесконечные запасы, а человечество принялось потрошить планету, добывать топливо и горючее. Конечно, танки ведь ветром не заправишь!..

Я соглашалась. Не поддакивала, просто думала так же.

— Ну, ничего, — рассуждал Пашка, когда мы октябрьскими вечерами гуляли по улицам (улицы шуршали сухими листьями, а в голых ветках проглядывали звезды; было холодно и ясно), — скоро это кончится. Климат теплеет? Теплеет! Льды тают, океаны увеличивают свою поверхность. Чем больше на планете воды, тем больше требуется кораблей. Горючего на всех на них не хватит. Нефти и угля делается все меньше, да и добывать их из-под воды станет все труднее. Тогда поневоле все вспомнят про ветер!

Пашка рисовал будущее как парусную цивилизацию. Ну да, и космическую, и компьютерную, и с гениной инженерией, но прежде всего парусную. Потому что для сообщений между материками всегда нужны корабли (на самолеты опять же не напасешься керосина). Белые эскадры заполнят все простран-

ства океанов. Это будут суда новых поколений, с электронными мозгами, с автоматической уборкой и постановкой парусов. Такие надо еще сконструировать...

— А для этого надо сперва изучить все самое лучшее, что было в парусниках всех прежних веков. Разве нет?

Я опять соглашалась. Тем более что говорили об этом мы не первый, не второй раз. И в устройства парусных судов старались вникнуть все глубже.

Иногда я развивала Пашкину теорию во всемирно-космическом плане, вспоминала рассуждения Ильи о многомерности миров.

— Знаешь, Пашка, мне кажется, что параллельных миров много, но ветры в них дуют одни и те же. Летают из пространства в пространство, а мы этого и не знаем... Может быть, потом именно с ветрами люди научатся проникать из нашей вселенной в другие...

Пашка кивал: скорее всего, мол, так и будет. Мы почти никогда не спорили, были согласны по всем главным вопросам. Разве что иногда препирались, обсуждая какую-то корабельную деталь или тип судна. Но Пашка меня, как правило, быстро убеждал. Он был рассудительный, спокойный, уверенный в том, что говорит.

Мы с ним часто бродили вдвоем — под неяркими желтыми фонарями, вдоль газонов, от которых пахло пожухлой травой, мимо светящихся витрин... Мама уже стала спрашивать:

— Ты почему это, голубушка, раз за разом являешься все позже?

Я честно отвечала, что мы с Пашкой гуляем и обсуждаем корабельные дела. Мама сокрушенно качала головой и говорила, что обсуждения следует кончать раньше.

Илья однажды сказал:

— Куда денешься от логики вещей? *Это* должно было наступить.

Но он ошибался. Ничего *этого* у нас с Пашкой не было. Никогда я о нем не думала как о кавалере, ухажере, как... о «бойфренде» каком-нибудь.

Нельзя сказать, что я не размышляла о парнях вообще. Всякие бывали мысли, никуда не денешься. И порой во сне... ну, честно говоря, виделись всякие «заморские принцы».

...Илья как-то высказался (давно еще), что я, когда читаю «Алые паруса», воображаю себя не Ассолью, а капитаном Греем. Я и не стала спорить (тоже мне провидец!). Илья сказал

чушь. Я себя воображала именно Ассолью, которая ждет корабль с алыми марселями и брамселями. И... как юный Грей выпрыгивает из шлюпки на песок и... но это были именно мечты. И сны. А реальный Пашка — деловитый, очкастый, коренастый — был из здешнего мира, из более близкого. Мне с ним было спокойно и хорошо. Хотя порой сердце замирало и перестукивало, когда нас вдруг одновременно осеняла идея о каком-нибудь небывалом фрегате для пересечения границ вселенной...

В общем, ничего *такого* я к Пашке не испытывала. Ну... разве что в самой глубине души. Но в эту глубину я заглядывать побаивалась. Даже запрещала себе, чтобы чего-нибудь в нашей дружбе не нарушить...

Лючка однажды спросила:

— Скажи честно: ты с ним ни разу не целовалась?

Я вытаращила глаза.

— Тыфу, — сказала Лючка. — Он, кажется, такой, как Стаканчик... то есть Никита. С пониманием, как у Лоськи...

Я знала, что Лючка и Стаканчик иногда бродят вдвоем, как мы с Пашкой, а бывает, что сидят у нее дома и слушают кассеты со всякими современными группами. Мне и Пашке эта музыка была «до клотика». Пашка признавал только музыку Вивальди, записанную на фоне шума прибора, — была у него такая кассета. По правде говоря, я подозревала, что без этого плеска и рокота волн мелодии Вивальди ему были бы не интересны, а тут в наушниках — прямо настоящее море, которого Пашка на самом деле никогда не видел. (А я видела — когда мне было шесть лет, мы всей семьей ездили в пансионат недалеко от Сочи.) А еще Пашка любил всякие морские песни. У него было несколько кассет с песнями про матросов и корабли. Была среди песен и та, что понравилась Стаканчику в клубе «Паруса надежды» — «Прощайте, Скалистые горы...».

Однажды, когда мы с Пашкой брели по улице Гоголя и говорили о преимуществе бригаantin перед бригами, Стаканчик попался нам навстречу. Было зябко, он кутал тонкую шею пушистым шарфом и тащил продуктовую сумку. Судя по всему, не легкую.

Ну, конечно: «Привет!» — «Привет!» — «Ник, это Пашка Капитанов!» — «Да, я догадался. Гуляете?» — «Гуляем. А ты? Хозяйством занимаешься?» — «Приходится. Послали за всякой едой...»

Мы пошли вместе. Стаканчик легко так, без усилий вклю-

чился в «парусный» разговор. И не заметил, как прошел мимо своего дома на улице Чкалова и оказался на нашей улице Машинистов, у моего подъезда. В общем, получилось, что они с Пашкой вдвоем проводили меня...

Через неделю Пашка сказал:

— По-моему, Ник Стаканов парень что надо.

— Ты так быстро это понял? С одной встречи?

— Почему с одной? Он заходил ко мне раза два... или больше.

Во как! А мне ни словечка не говорили!.. Но я не стала дуться. Тем более что Пашка продолжал:

— Жень, у тебя ведь остались еще две монетки с кораблями? Дала бы одну Нику. Вроде бы как... наш человек...

И я на следующий день дала. Когда Лючка, я и Стаканчик шли из школы.

— Вот... Как талисман «корабельного братства». Конечно, это не «Паруса надежды», пилоток и нашивок нет, но... все же...

— Зато отжиматься не заставят, — добавила Лючка.

Стаканчик, видимо, уже знал о наших талисманах — может, от Люки, может, от Пашки. Он просто засветился весь, часто задышал от смущения. Стал, конечно, как розовый фонарь.

— Я... спасибо... Это какое судно?

— Трехмачтовый барк «Джемини». Значит, «Близнецы». Такое созвездие...

Стаканчик засветился еще сильнее.

— Тогда совсем хорошо. Наверно, это счастливое совпадение. Потому что я тоже «близнец», родился под этим знаком...

После того случая мы часто стали собираться вместе. Пашка, Люка, Стаканчик, Лоська и я.

...Видеться с Лоськой было теперь труднее, чем с остальными. Он учился во вторую смену. Если бы в нашей школе, то еще ничего, можно было бы встречаться между сменами, но он ведь ходил в другую, рядом со своим домом. А от моего дома и до его знаете сколько топтать!

И все же мы с Пашкой несколько раз сумели побывать у него дома. По вечерам.

Лоська радовался. Показывал коллекцию календариков, на которых были разные животные — больше всего собаки и

кошки. Иногда жаловался мне: «Только не найду такого кота, чтобы на Умку был похож...»

Мне сперва казалось, что у Лоськи нелады с учебой. Думала: раз такой разгильдяй и неряха, значит, и двойки должен хватать непрестанно. Однажды не выдержала, спросила в упор. Он сразу учуял мое беспокойство. Слегка удивился:

— Ты думаешь, я двоечник? Я нормально учусь. Даже почти без троек.

И я вдруг поняла: а чего ему не учиться? Если книжки читает запоем, значит, прочитать в учебнике что задано — для него раз плюнуть. Память хорошая. В математике тоже должен соображать, раз в шахматах так разбирается. Лоськина мама — Елена Григорьевна — тоже потом подтвердила:

— У него с уроками-то никогда трудностей нет... Другое дело, что в классе с ребятами никак дружбу не заведет. Учительница говорила: все в сторонке от других.

— Обижают, что ли? — напружиненно спросил Пашка. Разговор был без Лоськи (он еще не пришел из школы).

— Похоже, что не обижают. Только ни в какую компанию не берут. У них там в пятом классе ребята на несколько приятельских групп разделились, а он ни с кем...

«Может, и слава богу, — подумала я. — Знаем мы эти приятельские группы...»

А Елена Григорьевна жаловалась дальше:

— И летом он такой же — то с книжками сидит, то по улицам бродит в одиночку. Это пока с вами не подружился. Я теперь нарадоваться не могу, а то вся душа изболелась: сама весь день кручусь на работе, а он неизвестно где... А уроки что! Он их — шелк, шелк, и готово. И опять нос в книжку про зверей. Я думаю — ну и ладно. Не болел бы только. А то опять три ночи подряд кашлял не по-хорошему.

Я тоже замечала, что Лоська покашливает последнее время. Пашка тут же пообещал, что возьмет у бабки снадобье, которым натрешья — и всякий кашель долой. Проверено, мол...

— Принеси, Пашенька! Натру, закутаю и целый день из постели не выпущу, пусть хворь изгоняет. Народные средства — они самые надежные... Вы знаете что? Посидите, пока он не пришел, скоро появится. А мне надо на вечернюю уборку...

По выходным и в осенние каникулы вся компания обычно собиралась у меня. Чаше всего с утра. Первым появлялся Лоська. Мы с мамой поили его чаем, хотя он отнекивался: завтракал, мол. Потом он притихал в углу с книжкой или бе-

седовал с Ильей о шахматных делах. Илья наконец свел его с каким-то гроссмейстером, тот Лоську научил разбираться в шахматных задачах и записывать партии. Бывало, что брат и Лосенок садились за игру. Раза два игра кончалась вничью. «Это он из вежливости», — вздыхал Илья... Но чаще всего Илья с самого утра исчезал — кому-то звонил, и: «Мама, я в читальный зал!» Знаем мы этот «зал», к Танечке небось. Или к Гаевскому и другим таким же «чокнутым», с которыми они собирались устроить переворот в компьютерном мире... Ну и ладно. Главное, что «детская» оказывалась свободна!

После Лоськи появлялся Пашка. Выволакивал из-за пазухи мятые тетради с рисунками и схемами парусников.

— Женька, смотри. У этой шхуны общая парусность образует большой треугольник. Значит, латинские паруса были придуманы не зря. Еще до нашей эры! Я в журнале «Свет» видел проект солнечного космического парусника, там парус тоже треугольный. Выходит, это самая выгодная форма...

Я, по правде говоря, не всегда загоралась таким неудержимым интересом, как Пашка. Ну, треугольный так треугольный... Мне просто было хорошо от того, что мы дышим рядышком и рассуждаем над тетрадкой, и вот уже Лоська тихонько приткнулся сбоку, и скоро придут Люка и Стаканчик, и мы поставим на видике кино «Алые паруса» с баркентиной «Альфа» или совсем старинный фильм «Дети капитана Гранта», в котором яхту «Дункан» играла довоенная баркентина «Вега». А может, просто будем сидеть и болтать о чем угодно, необязательно о кораблях. И в конце концов я опять пойду ставить чайник. «Мама, у нас где-то была еще пачка сухарей...»

Иногда Люка приводила Толика Морозкина, которого теперь все звали Томчиком. Это обычно в те дни, когда во Дворце намечалась репетиция...

Петруша Вронцев оказался не главным руководителем драмкружка, а заместителем. Главной была похожая на пожилую актрису Варвара Мстиславовна Глебская. Но она со старшеклассниками ставила какую-то классическую пьесу Островского, а Петруше разрешила «экспериментировать, сколько душа пожелает».

И Петруша — веснушчатый энтузиаст двадцати двух лет,

заочник театрального института — экспериментировал. А мы вместе с ним.

Петруша сразу предложил отказаться от обычной формы — от спектакля на сцене.

— Будем делать игру! Импровизацию! Вроде той, что устраивала Женья в лагере! Недаром ты *Ев-гения* — в тебе проблески гения!

Я в себе проблесков не замечала, но такой вариант меня устраивал. Не надо сочинять пьесу, на которой до той поры настаивала Люка. Я просто рассказывала отдельные эпизоды, как их представляла себе, а Петруша тут же набрасывал «режиссерский план».

Развивая «экспериментальные» идеи, Петруша в конце концов решил, что нужно проигрывать отдельные сцены («которые подсказывает вдохновение!») и снимать их на видео-пленку.

— А потом смонтируем фильм-спектакль! Устроим премьеру! Во Дворце есть аппаратура, чтобы крутить видео-пленку на большом экране! А у меня — камера. Не последней модели, но вполне приличная...

Мы все решили, что придумано здорово. Не надо специальных декораций, во Дворце было много мест, которые могли сойти за внутренность дома, где у богатых родственников скучал по отцу маленький Том. Например, «зеленая» гостиная с резными креслами и с часами высотой со шкаф...

Сперва репетировали где угодно, по разным углам и без костюмов. Но скоро Петруша сказал, что игра есть игра, неизвестно, какой эпизод на какой репетиции окажется самым удачным, поэтому надо снимать все подряд, а потом выберем. Но для этого необходимо, чтобы «все происходило в нужном месте и все выглядели как подобает».

Люка и Петрушина помощница Маргарита (она же костюмерша) соорудили для Толика-Томчика матросский костюмчик, какие носили мальчики сто лет назад. Томчик надевал его с черными колготками и высокими ботинками с застежками из белых пуговиц — эти «старинные» ребячьи башмаки Маргарита отыскала в кладовой драмкружка. В таком наряде Томчик делался в точности как Том Беринг на иллюстрации в моей большой разноцветной книге. Для съемки «на натуре» ему еще подобрали пальтецо с воротником-пелеринкой и берет с пушистым помпоном.

Томчик был тихий ребенок. Смеялся редко, разговаривал

обычно вполголоса. Петруше каждый раз приходилось его «раскачивать»:

— Томчик, врубись! Ты уже не Морозкин, а сын капитана Беринга. Помнишь, мы вчера говорили? Ты человек не скандальный, но решительный, хотя и спокойный снаружи. Тебя накануне крепко обидела тетушка, и ты мастеришь лук, чтобы с этим оружием навсегда уйти из дома. Понимаешь, ты *по правде* обиделся и делаешь *настоящий* лук...

И вот удивительное дело. Несколько минут еще Томчик был «зажатый», а затем вдруг превращался в *того* Тома. В мальчика-фантазера, порой озорного и веселого, но со спрятанной в душе печалью. С постоянными мыслями об отце, который плавает неведомо где (ведь эпоха-то какая — ни радио, ни самолетов; исчезли люди за горизонтом, и ничего о них с этого часа не известно).

Петруша говорил нам шепотом:

— Потрясающий пацан. Вживается в образ — аж слеза прошибает...

С другими исполнителями было сложнее. И не только потому, что «вживались в образ» они не так легко, а и потому, что их не хватало.

Несколько ребят из драмкружка исполняли роли двух поварят и компанию уличных мальчишек, с которыми Том сперва подрался, а потом помирился и променял им свой лук на рогатку (ее легче прятать от тетушки). Люка играла молоденькую служанку, которая старается уберечь Тома от неприятностей и утешить в грустные минуты.

— Лючия, не кокетничай, — время от времени говорил Петруша. — Ты же не горничная герцогини де Шеврез, а девочка с кухни...

Пашка и Лоська никого, конечно, не играли. Но на репетиции ходили — за компанию, болели за общее дело. Иногда кое в чем помогали. Пашка, например, придумал комбинированную съемку — чтобы на фоне облаков снять модель фрегата. Это будет сон Тома про отцовский корабль. Фрегат Пашка выпросил в судомодельном кружке. Там Пашку знали. Оказывается, раньше он занимался у судомоделистов, а потом ушел, потому что «у них начался уклон в подводные лодки и эсминцы». Хорошие отношения с кружком Пашка сохранил, и модель нам дали. Снимали на балконе. Ветер надул паруса, и корабль получился как настоящий... Кстати, Пашка знал Дворец

до последнего закоулка и помогал отыскивать для съемок самые подходящие уголки.

Стаканчик, хотя и не состоял в театральной труппе, сыграл бродячего мальчика-скрипача, который приходит в дом и успевает рассказать Тому, что отцовский корабль уже в соседнем порту (поэтому не надо пока бежать в дальние страны). И чтобы доказать правдивость слов, играет любимую песенку капитана Беринга. В этот момент появляется тетушка, прогоняет бродягу, а племянника предупреждает:

— Имей в виду! Когда вернется отец, *гнев* его будет ужасен!

Том никогда раньше не слышал, что такое «гнев». Есть отчего задуматься. Может, какое-то чудовище?

Опасения Тома должен был подтвердить заезжий родственник, насмешливый дядюшка Мунк. «Да, брат ты мой, будь осторожен! Гнев — редкое чудовище из джунглей, которое той папа, видимо, отловил в дельте Амазонки. У этих «гневов» особый нюх на виноватых мальчишек...»

С дядюшкой начались трудности. Оказалось, что играть его некому. Петруша хотел сначала сам, даже наклеил себе рыжие бакенбарды, но сразу стало ясно, что никакой это не дядюшка, а обычный мальчишка-студентик, и бакенбарды его — липа. Петруша сокрушенно сказал:

— Рядом с Томчиком я буду выглядеть как полная бездарь. Он — настоящий, а я — дешевая самодеятельность.

Попробовали. Так и вышло. К тому же никто, кроме Петруши, не умел как следует управляться с камерой. Не мог же он снимать сам себя!

Меня вдруг осенило:

— Люди, подождем до воскресенья! Терпите и молитесь об удаче...

Все пристали: что? как?

Но я молчала, боялась сглазить.

Дело было еще до осенних каникул. В школе после уроков я отыскала географа. Набралась нахальства (а в душе зажмурилась):

— Дмитрий Витальевич, вы заняты в воскресенье?

Он весело поднял брови:

— Ба! Фраза прямо из американского кино. Ты хочешь предложить мне ужин в ресторане «Солнечный Майами»?

— Нет... у меня театральное предложение...

— Ого! Это серьезно?

— Еще бы. Серьезнее некуда, — вздохнула я.

— Гм... А какой спектакль?

— «Гнев отца», по рассказу Александра Грина.

— Не слышал... В каком это театре?

— Дмитрий Витальевич, я же не на представление вас зову!

То есть не смотреть, а... наоборот...

Ну и выложила ему все как есть. Дядюшка, мол, нужен... Чем дальше говорила, тем больше понимала: сейчас он пошлет меня, и «гнев его будет ужасен».

Не послал.

— М-да... Вся учительская логика требует, конечно, чтобы я возмутился столь легкомысленным предложением. Участвовать в детских играх!.. Или, по крайней мере, уклонился под благовидным предлогом... А рассказ я помню. Кстати, тетушка у вас есть? А то можно было бы пригласить Инну Семеновну.

Я фыркнула:

— Не надо, тетушка есть.

С тетушкой получилось очень удачно. Петруша уговорил на эту роль свою начальницу, Варвару Мстиславовну. Видно было, что та в глубине души тоже относится к нашей затее как к «детским играм», но к роли подошла серьезно. Мы все три эпизода сняли с ней за полдня! Она изобразила этакую железную леди с неколебимыми правилами этикета, которые намерена привить и племяннику Тому. Томчик ее боялся по-настоящему (но от этого играл еще лучше).

Это все я и объяснила Дмитрию Витальевичу.

— И где должно свершиться сие драматическое действие? — спросил он.

— Ой... значит, вы согласны?

— Только чтобы остальной педагогический коллектив нашей славной школы ничего не знал. Легкомыслия у нас не прощают... Тебе ведь известно, что я и без того не совсем укладываюсь в параметры...

— Известно, — призналась я. — Все из-за дурака Булыскина... Дмитрий Витальевич, но потом ведь все равно могут узнать. После премьеры...

— После — пусть... Куда и когда приходит?

— Во Дворец творчества школьников, в два часа, я вас встречу на крыльце. Знаете, где это?

— Голубушка, я ходил в этот Дворец еще в незабвенные пионерские годы. Занимался в географическом обществе

«Меридиан», у Федора Федорыча Истомина. Кажется, он сейчас там директор?

— Да... Спасибо! Ура!

Дмитрий Витальевич сыграл дядю Мунка очень даже похоже. Снимали в парке Дворца, среди старых берез и груд желтой листвы (хорошо, что ее некому было убирать). Том, гуляя по аллеям и лужайкам, постреливал из рогатки, пальнул наугад, услышал звон разбитого стекла и драпанул куда подальше. И головой врезался в дядюшку. Дмитрий Витальевич был в своем длинном пальто — вполне как у доктора Ватсона, моды повторяются — и в черном котелке, который разыскала для него старательная Маргарита. И даже с тростью. Она отлетела, когда Том врезался головой дядюшке в живот.

— Куда ты мчишься, дорогой мой Том Беринг? И не связана ли твоя поспешность с хрустальным звоном, который я только что слышал в отдалении?

Дядю Мунка можно было не бояться. Том признался, что поспешность связана. Потому что не хочется, чтобы тетушка застала его на месте преступления и опять грозила каким-то гневом, который должен приехать с отцом.

— Кстати, дядя, вы не знаете, кто он такой, этот гнев?

Ну и далее — по плану. Дмитрий Витальевич вполне справился с ролью. Его поздравляли и благодарили. И сразу дали посмотреть запись — на экранчике видеокамеры.

Он посмеялся:

— Не знал за собой таких талантов. Теперь, если уволят из школы, пойду во МХАТ. Или в крайнем случае в местный ТЮЗ...

С Томчиком они распрощались с особенным дружелюбием, пожали друг другу руки...

Снимали, снимали, и вдруг оказалось, что сделано очень много. Осталось два-три последних эпизода. Тут работа застряла. Ребята из кружка «Умелые руки» все никак не могли переделать сухой разлапистый пень в туземное божество — то, что привез домой на память о дальних берегах капитан Беринг. Именно в это страшилище должен был стрелять Том и «убить на веки веков» страшного Гнева, мысли о котором угнетали его душу. Уже и каникулы прошли, а чудище все не было гото-

во. Петруша взывал к совести «умелоручного» руководителя, но тот ссылался на какие-то причины...

Томчик однажды во Дворце отвел меня в сторонку.

— Женя, можно я спрошу про одно... про свое сомнение?

Он чаще общался с Люкой — она его приводила во Дворец и провожала домой, заботилась о костюме и все такое прочее, — но я видела, что мне он доверяет все же больше, чем ей. Вот и сейчас...

— Спрашивай, конечно, Томчик... — Я чуть не добавила «про свое сомнение», но он тут же учуял бы шутку, пусть самую безобидную. — Что случилось?

— Вот я должен буду стрелять... в этот страшный пень... а он на самом деле кто? Какой-то африканский бог?

— Видимо, индейский...

— Все равно... он же бог. Пусть не самый главный, а все равно... Женя, в бога ведь стрелять, наверно, нельзя?

Вот ведь как!

Осторожно-осторожно, чтобы сомнение Томчика не стало еще больше, не смешалось со страхом, я сказала:

— Вообще-то ты прав... Но дело в том, что это не настоящий бог, а идол. Идолы — никакие не боги. Туземцы с ними не церемонятся. Если видят, что идолы не откликаются на их заклинания, они лупят их палками и даже сжигают в кострах. А если идол изображает злого духа, то тем более, так ему и надо. Поэтому стреляй смело...

Он чуть улыбнулся:

— Тогда ладно... Только смело не надо. Я ведь должен стрелять в Гнева с перепугу. Увижу, и сразу — бах!.. Женя, а стрелять придется из рогатки?

— Что ты! Из револьвера! Петруша обещал принести очень похожий на настоящий, грохает специальными патронами.

Мне кажется, Томчика это не обрадовало. Он потоптался на паркете своими ботинками с пуговками, подергал галстук матроски.

— Томчик, что случилось? — опять сказала я.

— Нет, ничего... так. Это потом...

Иногда к нам на съемки заглядывал сам директор Дворца Федор Федорович Истомин. Был он пожилой, с седоватыми усами, худой и со спортивной выправкой. Еще бы, мастер спорта по туризму. Правда, сейчас он в походы ребят не водил,

хватало забот с дворцовыми делами... Оказался он и на съемке в парке, когда Дмитрий Витальевич изображал дядю Мунка. Они узнали друг друга, поговорили, посмеялись даже о чем-то. После этого Федор Федорович стал приглядываться к нашей «творческой группе» внимательнее.

Петруша однажды шепнул нам, что хочет уговорить директора сняться в роли капитана Беринга.

— Думаю, не откажется. Там дела-то на пятнадцать минут!

В самом деле! Том палит в идола, тот рассыпается, на выстрелы вбегают отец, мальчик бросается к нему:

— Папа, я убил этого Гнева!

Отец подхватывает его на руки...

Вот и все.

Мне тоже казалось, что директор согласится. Ведь согласились же Варвара Мстиславовна и Дмитрий Витальевич! А у Федора Федоровича роль всего в несколько слов, никакого труда. К тому же поглядывал на нас директор с симпатией.

Только плохо, что съемки застряли из-за идола.

А в середине ноября мы увидели, что директор ходит насупленный и молчаливый. И скоро стало понятно — почему. Опять пошли слухи: Дворец отберут...

ДВОРЦОВЫЕ ТАЙНЫ

1

Впрочем, на этот раз были не слухи уже, а конкретная информация. Взрослые работники Дворца теперь не скрывали от ребят, что скорее всего придется переселяться «кому куда». В районные детские клубы...

Об этом писали и газеты. Об этом говорил в «Новостях» и мэр города, разводил перед телезрителями руками:

— А что мы можем сделать? Дворец не городская, а федеральная собственность, есть распоряжение из столицы...

Наконец высказался по этому вопросу и сам ППЦ — генерал-лейтенант Петровцев. Правда, высказался не конкретно, а так, вскользь.

— Определенные силы, — сказал он, — заинтересованы, чтобы концентрировать внимание на «дворцовой» проблеме. Это позволяет им дискредитировать идею укрепления стержня централизованной власти. Конечно же, они действуют не в

интересах детей, а в собственных интересах. Мне Дворец не нужен. Мне просто нужно место для нормальной работы. Этого требует и Москва. Где именно городские власти найдут такое место — их забота. Уверен, они специально нагнетают обстановку, чтобы показать: смотрите, какой деспот этот столичный посланец. А у меня масса проблем, и проблема резиденции среди них — вовсе не самая важная. Необходимо стабилизировать экономику региона...

Во как солидно и по-научному!

— Врет, — сказала я. — Все знают его слова: «Это мне подходит. Лучшего места в такой дыре не найти».

Мы смотрели телевизор на кухне. Старенький, портативный, черно-белый. Лет десять назад его подарили папе на день рождения. Мы этот «скворечник» любили и включали даже чаще, чем цветную «Айву», стоявшую в большой комнате.

Был вечер, мы поужинали и пили чай — мама, я и дядя Костя, который опять «заглянул на огонек» (а Илюха, конечно же, снова где-то покорял компьютерные пространства). Генерал Петровцев с маленького экрана рассказывал нам о трудностях, которые встретили его, Полномочного представителя центра, когда он появился в наших краях. Он не все время говорил по-казенному. Иногда переходил на доверительный, домашний такой тон. Мама сказала:

— А внешне он вполне симпатичный. Есть в нем определенный аристократизм...

— В училище говорили, что он похож на Тухачевского, — усмехнулся дядя Костя.

— Вы вместе учились? — удивилась мама.

— Не вместе. Я только поступил, когда он был уже на пятом курсе. Выпускники не жаловали вниманием «салаг», но Петровцев иногда снисходил. А мною он заинтересовался, когда узнал, что земляки. Приглашал иногда к себе в комнату... Ну, там бутылочка, закусочка. Старшекурсники жили почти как офицеры, строгостей не много... Сидели, вспоминали знакомые места. Оказывается, в детстве мы обитали на соседних улицах. Правда, не были знакомы. Он-то был тогда уже старшеклассник, а я малявка...

— Разве он из нашего города? — не поверила я

— Да нет же, это было не здесь, а в Дмитрове, под Москвой, я жил там с отцом. Сюда-то я приехал после восьмого класса... Валя, помнишь, как мы познакомились?

— Еще бы! Ты мне подмигнул и сделал пальцами «козу». А я подумала: большой, а такой глупый и нахальный!..

— А я был воплощенная скромность, — опять вспомнил детство дядя Костя. — Кстати, я и в училище был таким. Петровцев однажды сказал: «Ерохин, ты и в генералах будешь краснеть при мужских анекдотах?»... Но, как известно, я в генералы не вышел, и слава богу. А он — вот... Не пойму только, зачем он перешел из армии в МВД? Может, из-за кавказских событий? Ему там крепко не повезло однажды...

— Про это даже в песенке есть, — вспомнила я.

Крах терпел он много раз.
Дал пинка ему Кавказ,
И в реформе он военной
Выше копчика увяз...

— Женя... — на всякий случай сказала мама. Наверно, ей показалось, что про «копчик» — это неприлично. А дядя Костя согласился:

— Да, и в комитете по реформе ему не повезло. То ли проявил излишнюю инициативу, то ли наоборот... А что касается Кавказа, там пинки получали многие. И получают. Дело, видимо, бесконечное... Петровцев же, надо сказать, в чисто человеческом плане всегда был неплохой мужик. Однажды, когда я командовал ротой и на меня накатали в штаб округа очень даже неправильное письмо, он крепко выручил меня. По старой памяти. Правда, с некоторой барственной интонацией, но помог. Был он тогда полковником...

— Если он неплохой, чего тогда Дворец хочет оттяпать?

— А вот поди ж ты, — развел руками дядя Костя. — В училище собственное детство вспоминал с этакой размягченной улыбкой, а сейчас... Неисповедимы пути... Может, правда, потерял ориентиры под грузом проблем?

2

Не знаю, много ли проблем было у генерал-лейтенанта, а директор Дворца под ними совсем согнулся. Ходил по коридорам ссутулившись и, когда здоровались, вздрагивал и отвечал с виноватой улыбкой.

Но, видимо, он еще не совсем сдал позиции. Мы в этом убедились однажды вечером, когда пошли к нему в кабинет.

Надо было попросить у него записку для дежурного, чтобы

тот завтра пустил нас во Дворец, потому что официально по вторникам был здесь выходной. Петруша сказал:

— Вам он не откажет, а меня может развернуть носом к выходу, потому что со взрослыми он теперь какой-то неласковый. Думает, наверно, что плохо его поддерживаем в войне за Дворец...

Нам надо было во вторник проверить кое-какие съемки. Не самый последний эпизод — потому что идол все еще не был готов, — а всякую мелочь, необходимую для монтажа. Приходилось спешить: вдруг выселение начнется в ближайшие дни? Как бы то ни было, а наше «кино» все равно надо закончить! Иначе что? Все старания — зря?

Был уже совсем вечер, за окнами тьма. Никакие кружки не работали, наша группа разошлась, даже Петруша с Маргаритой ушли, торопились куда-то. Люке сегодня тоже было куда-то «очень надо». Она попросила, чтобы Пашка и я проводили Томчика до дома, и тут же испарилась. Вместе со Стаканчиком, разумеется.

Пашка, Томчик и я пошли к директорскому кабинету.

Свет в коридоре был уже тусклый, «дежурный», а щель в кабинетной двери ярко светилась. Через эту дверь мы услышали, как Федор Федорович говорит по телефону. Громко, зло, даже со звоном:

— ...Не городите чепуху, господин референт!.. Да, это я вам говорю: *не городите чепуху!* Президент не мог отдать такого приказа! Слава богу, у него есть голова на плечах, в отличие... Что? Вот именно! Он дал распоряжение: подыскать подходящее место! А уже ваша администрация решила, что самое подходящее — школьный Дворец! Потому что с детьми легче всего справиться, подумали вы. Но вы, господа, просчитались! Никакого мирного переселения не получится! Даже *поэтапно*, как вы изволите выражаться! Дети и взрослые встанут в три кольца!.. Я их подбиваю?! Это вы подбиваете! Весь город возмущен!.. Что? Детей? Не посмеете, пойдут передачи по всей стране... Ах, *меня* отправят куда надо? Что же, это получится в духе семейных традиций, в моей родне три поколения политзаключенных... Да-да, четвертое, я знал, что вы это скажете. Но сейчас будет труднее...

Пашка меня и Томчика потянул от двери.

— Сейчас не надо соваться. Пусть закончит разговор и остынет...

И мы пошли бродить по дворцу. По разным этажам. Везде

уже было полутемно и потому таинственно... Да и в любое время, при любом свете мне казалось, что в Арамеевском дворце живут тайны. Нет, дело не в легендах про богача Арамеева, который будто бы в потайных комнатах прятал сокровища, а в подземной конуре замуровал любовницу. И не в рассказах о пыточных камерах ЧК, которые, по слухам, до сих пор сохранились в глубоких подвалах. Я о другом. Здесь с двадцатых годов шла ребячья жизнь. И мне казалось иногда, что память об этой жизни, о всех-всех годах впитана в эти стены. Если приложишь ухо к старинному дверному косяку, можно услышать песни про пионерские костры, про челюскинцев, про мальчишек-партизан. А на чугунных витых лестницах навсегда отпечатался топот тех, кто бегал здесь полвека назад. И раньше... И позже... Прислушайся — и различишь... Вот и правда будто кто-то пробежал по гулким ступеням в конце бокового коридора. Кто? Может, двенадцатилетний Сережка Мезенцев, который когда-то ходил сюда на занятия кружка «Юный газетчик»?..

Конечно, я «впечатлительная натура, которой надо почаще проветривать мозги» (Лючкин совет), но все же я всерьез была уверена — что-то здесь есть. Кажется, это называется «аура»... И вдруг все это станет чужим, да? Но это же... все равно что разрушить целый сказочный город!

Я обязательно буду в пикете, который уже точно назначен на следующий понедельник! Говорят, его превосходительство со свитой приедут лично осматривать Дворец и принимать окончательное решение. Нас, конечно, в этот день внутрь не пустят, но мы и правда встанем в три кольца вокруг всего здания! И в школу не пойдем, пусть завучи вопят потом и снижают оценки!.. А может быть, и не станут. Многие ведь тоже когда-то бегали сюда на кружковые занятия. И не все же стали потом «социально-психологическими стереотипами»...

Мы прошли по трем пустым этажам, съехали вниз по спиральным перилам одной из лестниц и вернулись к директорскому кабинету... Он был заперт!

Вот так фокус. Не рассчитали. Слишком долго гуляли по вечернему Дворцу...

Мы пошли к выходу. А что еще делать?.. Придется обойтись без завтрашних съемок, позвоню Петруше.

Но неприятности не кончились. Выход был тоже заперт, высокие двери с бронзовыми ручками не колыхнулись в ответ на наши толчки.

Гардероб, конечно, уже на замке, сквозь деревянную ре-

шетку видно, что все вешалки пусты. Хорошо, что мы раздевались у себя, в «сьемочной», и теперь были в куртках.

На барьере, за которым обычно сидел дежурный охранник, горела настольная лампа. Но самого охранника не оказалось. Теперь вот забота — дожидаться или искать его. Хорошо, если просто в туалет пошел, а если, как мы недавно, бродит по этажам, проверяет, все ли в порядке?

К тому же, сказал Пашка, сегодня дежурит не самый приветливый из охранников — некий пожилой субъект по прозвищу Егерь. На ребят он часто орет и знает одно: «У всех только хулиганство на уме». Обнаружив нас застрявшими у выхода, Егерь занесет наши фамилии в дежурный журнал и, может быть, накатает докладную директору. Нам-то наплевать, а Петруше может влететь — зачем ушел и оставил детей одних?

Я глянула на часы. Была половина девятого.

Томчик озабоченно сказал, что, если сильно задержится, его могут не отпустить больше на съемки.

— Папа говорит: что-то слишком ты увлекся этим делом, голубчик...

Впрочем, он не сильно тревожился. Верил в меня и Пашку на сто процентов и считал, что мы сумеем выкрутиться из неприятности.

— Ладно, — сказал Пашка. — Идем. Попробуем... Только заскочим в «сьемочную», возьмем свечку.

— Ты что задумал?

— Есть еще один выход...

Я больше не стала спрашивать, запахло тайной.

Съемочная была тоже заперта, но мы знали, где припрятан запасной ключ — сверху, на косяке. Пашка прыгнул, достал. Не включая света, мы нащупали на столе канделябр со свечками. Эту штуку мы снимали в эпизоде, когда Том сидит вечером в своей комнате и читает книгу о путешествиях (а потом сердитая тетушка гонит его спать и дует на свечи). Пашка нашел под скатертью и коробок со спичками. Сказал:

— Все по плану... Поворот оверштаг...

3

Мы опять пошли по коридорам — крадучись, чтобы не попасться на глаза Егерю. Поднялись на третий этаж.

— Лишь бы не был заперт зал, — шепнул Пашка. — Помогимся судьбе...

Я суеверно сцепила на левой руке указательный и средний пальцы.

Судьба оказалась милостива, большой актовый зал, самый главный во Дворце, был не заперт (а зачем его запирают?). Свет, конечно, не горел, по высоченным окнам пролетали лучи от пробегавших по площади Повстанцев машин. Пашка взял за руку меня, я — Томчика. В ладони Томчика пульсировала жилка.

— Не бойся, — шепнула я.

— Я ни капельки не боюсь, — выдохнул Томчик. — Только... немножко боюсь опоздать.

— Не опоздаем, — пообещал Пашка.

Он повел нас к сцене. Мы, запинаясь, поднялись на нее по боковой лесенке. И когда оказались позади занавеса, Пашка зажег свечу.

В желтом дрожащем свете пространство сцены показалось громадным.

— Вон туда... — шепнул Пашка и потянул нас за кулисы. Они колыхнулись, будто... ну прямо как космические пространства. Но пахли совсем не космически, а обычной пылью. Томчик чихнул. Мою руку он не отпускал.

За кулисами обнаружилась кирпичная стена с глубокими нишами. Одна ниша была наполовину заставлена фанерными ящиками, и как раз в нее Пашка и ввел нас — словно в туннель. Здесь в боковой стенке мы увидели узкую дверь. Пашка ее потянул, открыл.

— Теперь шагайте осторожнее, тут круто...

Мы попали в темную кирпичную шахту, по ней уходила далеко вниз винтовая железная лесенка.

И мы пошли по ней.

И шли, шли... А по кирпичам двигались большущие ломаные тени.

— Как в кино, — вдруг шепнул Томчик. — Про золотой ключик.

И я тоже вспомнила эти кадры: как папа Карло и Буратино с друзьями спускаются в подземелье, когда открыли волшебную дверцу. Холодок по спине... А Томчик, видимо, не боялся темноты и приключений: большому, умному и сильному Пашке Капитанову он доверял всей душой. Хотя мою руку все же не отпускал.

Я тоже доверяла Пашке, но все-таки... куда мы идем-то?

Я знала, что за Пашкиным спокойствием прячется склонность к авантюрам. И еще опасалась: вдруг уронит свечку да запалит весь Дворец? Тогда, конечно, все споры будут решены самым простым путем, но не хотелось бы...

Пахло сырой известкой и железом. Пашка шел впереди. Иногда он шепотом чертыхался: горячий стеарин капал ему на руку.

Мне казалось, что мы спускаемся к центру Земли. Уж первый этаж-то мы явно миновали давным-давно...

Сейчас скажу: кончай свою загадочную дурь, объясни все как надо!.. Я не успела — лестница кончилась.

Привела нас лестница в сырую холодную комнатку — этакая внутренность куба из кирпича. Здесь стояли несколько железных бочек, а к одной стене были наклонно прислонены полусгнившие горбыли. Пашка, пригнувшись, нырнул под них и поманил нас. Под этой косою, пахнувшей плесенью крышей мы разглядели ржавую, с крупными заклепками, дверь. Ну, прямо Средневековье! И скрип у двери был «средневековый», как в кино про рыцарские замки — это когда Пашка потянул на себя могучее висячее кольцо. Дверь нехотя отошла наполовину.

Пашка снова поманил нас.

И мы попали в настоящий подземный ход.

Высота была метра два, ширина около полутора. Сводчатый потолок и стены — вперемежку из кусов гранита и кирпичей. Под ногами — ровные каменные плиты. Шаги и шепот отзывались глухим эхом. Коридор оказался извилистым — не разглядишь, куда ведет.

Пашка наконец снизошел до объяснений:

— Мы этот путь нашли в прошлом году с Валеркой Завьяловым. Хороший такой парнишка, тоже в кружке занимался. Жалко, что потом уехал в Хабаровск... Мы вот так же однажды бродили по дворцу украдкой, тайны разыскивали, и вот... Этот ход, наверно, еще Арамеев строил для своих тайных дел...

— Неужели про него никто не знает? — удивилась я.

— Может, кто-то знает, да помалкивает. А может, и никто... Кому он нужен-то сейчас...

— Нам, — сказала я. — Долго он еще будет тянуться? И куда мы придем?

Пашка сообщил, что недолго. А придем в парк.

— Надеюсь, там выход не замурован? И не заперт?

— Заперт, конечно, — «успокоил» Пашка. И хмыкнул: —

Зачем подземные ходы держать открытыми? Мы с Валеркой и заперли, на могучий старинный замок, чтобы никто с той стороны не совался. Пусть думают, что это вход в кладовку для дворников, если увидят...

Я напомнила:

— Имей в виду, ребенку пора домой.

Томчик не обижался на «ребенка», знал, что это шутя. Сейчас он уже не держал мою руку, шел впереди меня, следом за Пашкой. Оглянулся:

— Жень, я вспомнил! Папа сегодня на дежурстве, можно не торопиться.

— Это хорошо... Однако моя мама не на дежурстве, — проворчала я.

Ход раздвоился.

— Нам направо, — сказал Пашка.

— А что налево? — шепотом спросил его спину Томчик.

— Там туфик... Там мы с Валеркой однажды нашли револьвер.

Томчик споткнулся.

— К... какой револьвер?

— Обыкновенный. Наган... Наверно, с давних времен лежал.

Томчик опять сбил шаг. Мне показалось, что он стал чего-то бояться. Я бодро сказала:

— Ох и сочинитель вы, Павел Капитанов.

— Ничуть не сочинитель. Он лежал среди кирпичей, в выемке. Завернутый в тряпицу. Раньше тряпица была, наверно, промасленная, но к нашим дням вся соохлась. А наган ничего, не ржавый. В каждом гнезде барабана патрон. И еще несколько патронов отдельно, рассыпью...

— Врешь, — сказала я. Надо было что-то сказать, потому что я чуяла: Томчику явно не по себе. Пашка-то этого не видел, шел не оглядываясь.

— Ничуть не вру... Наверно, в те годы, когда здесь была ЧК, кому-то из заключенных готовили побег и специально для него положили туда оружие. Сообщники...

Томчик повертел головой, словно от воротника у него чесалась шея.

— Паша, а он теперь где, этот... наган?..

— Далеко... Мы с Валеркой вынули патроны, пошелкали курком, а потом все это дело утопили. Тут же, в парке, в пруду. Он глубокий.

— Врешь, — опять сказала я. Потому что где это видано, чтобы два шестиклассника нашли боевой револьвер с патронами и добровольно выкинули его! Фантастика...

Пашка досадливо шевельнул спиной.

— А чего с ним было делать? Не игрушка же. В каждом патроне, может, чья-то человеческая смерть сидит... Сперва хотели, конечно, пойти в овраг, пострелять по банкам, да поняли: услышат люди, сбегутся... Валерка сперва говорил: давай сдадим в милицию, нам премию выдадут. А потом мы сообразили: тогда ведь придется про подземный ход рассказать, и его сразу же закроют. А он нам еще может пригодиться...

Мы с полминуты шли молча, и вдруг Томчик спросил полшепотом:

— Паша, у тебя есть с собой спички?

4

Да, Томчик в самом деле боялся, Пашка тоже это понял.

— Конечно, есть. Боишься, что свечка погаснет? Снова зажжем.

— Я... нет. Наоборот... — В голосе Томчика дрожали слезинки. — Можно погасить ее на минуточку? Мне... очень надо...

Пашка тут же дунул на свечу. Запахло дымом погасшего фитиля. И в этой полной, пропитанной свечным запахом тьме, Томчик негромко выговорил:

— Я... признаться хочу. Это надо... В темноте признаваться легче. — Было слышно, что дышит он, как на горячую картошку.

Я быстро взяла его за плечи.

— Томчик, что с тобой?

— Понимаете... я не смогу выстрелить из револьвера... который принесет Петруша... в того идола...

Я наклонилась так, что шерстяной гребешок его шапки защекотал мне нос.

— Ты все еще думаешь, что он какое-то божество?

Томчик дернул плечами.

— Да нет же! Вовсе я так не думаю. Просто я от-ча-ян-но боюсь выстрелов... — Кажется, он всхлипнул. — И ничего не могу с собой поделывать. Совершенно...

Сколько мы молчали? Секунд, наверно, десять. Пашка — он молодец все-таки! — сказал самым обычным голосом:

— Ну так что за беда? Это у многих бывает. Я когда был, как ты, боялся даже из пистонного пистолетика... Потом прошло.

— Но это же потом! — Томчик всхлипнул совсем явно. — А мне стрелять-то скоро...

— Томчик... — Я старалась говорить очень аккуратно. — В чем тут вопрос? Мы наденем твою матроску хоть на кого, на того же Лоську, снимем его руку с пистолетом, он выпалит. Это называется крупный план... А тебя снимем перед этим, как ты начинаешь жать на крючок. Патрона в револьвере не будет.

— Но все же спросят: почему так?

— Спросят — ответим, — рассудил Пашка. — Скажем, что тебе нельзя. Воспаление барабанной перепонки.

— Не поверят же...

— Как же не поверят, если *мы все* скажем, — увесисто проговорил Пашка.

— Но тогда ведь... это будет не по правде. По правде-то я все равно трус... Да?

— Господи, кто тебе сказал такую чушь? — выдохнула я. — Какой же ты трус! Ты вот идешь по всем этим проходам и ни разу не пикнул. Я вся тряслась на той лестнице, а ты...

— Потому что я не один, а с вами, — прошептал Томчик.

Пашка проговорил так, словно клал перед собою один на другой кирпичи:

— Вот и будь с нами. А мы с тобой. И ничего не бойся.

— Да... только стрельбы я все равно боюсь. Даже отец сказал, что я... как паршивый зайчонок...

— Он что, учил тебя стрелять? — сразу догадался Пашка.

— Да... пожалуйста, не зажигайте еще, я сейчас... Я хочу признаться до самого конца... Я про это никому не рассказывал, даже Люке. Только вам. Потому что... — и опять задышал, будто обжегся.

Я поплотнее придвинула его к себе.

— Говори все, что хочешь. Мы никому ни словечка...

— Это из-за ружья... Отец купил новое ружье и поехал со знакомыми в лес, испытывать его. И меня взял. Пока они стреляли, я терпел. Не отбегал далеко и даже уши не зажимал... А потом он говорит: «Сейчас будешь стрелять ты. Я сделал специальный патрон, с половинным зарядом...» Я не хотел, а

он опять говорит: «Не вздумай упираться! Пора становиться мужчиной...» Ну и дал мне ружье, показал, куда целиться. В бутылку на пне... Я нацелился, а крючок нажать не могу. Страх такой, и в ушах звенит... Он тогда стал кричать на меня: «Девчонка паршивая, домой больше не пущу!..»

— Пьяный, что ли? — хмуро сказал Пашка.

— Вовсе нет, он не пьет... Встал надо мной и кричит: «Стреляй, я сказал!»... А потом сорвал с березы прут и говорит: «Если не выстрелишь, сниму с тебя штаны и этим прутом при всех...» Тогда я нажал. Как ахнуло! Я оглох. Бросил ружье и убежал. И весь день ни к кому не подходил. Потому что я... описался...

Я чуть не заревела. Будь я там, в лесу, вцепилась бы папаше Морозкину в рожу!

Пашка отозвался самым небрежным тоном:

— Ну и что за беда? С кем не бывает. Я и про себя мог бы рассказать... да ладно... Томчик, ты плюнь и забудь.

— Вы ведь правда никому не скажете?

Пашка проговорил уже иначе, каменно так:

— Я клянусь за себя и за Женьку. Ничего не опасайся. И вообще... главное не в пустяках и не в мелких страхах. Главное, что ты хороший человек, Томчик... Можно теперь зажечь свечу?

— Да...

Когда разгорелся огонек, видно стало, что лицо у Томчика мокрое. Он вытирал его рукавом. Я достала платок.

— Дай-ка... — Я чувствовала, что он не будет обижаться и упираться. И правда, Томчик снял шапку и дал мне вытереть его щеки. Даже улыбнулся чуть-чуть...

Скоро ход полого пошел вверх и привел нас к каменным ступеням. А они — к тяжелой низкой решетке, которая загроживала выход. Пашка дал мне свечку. Пошарил у решетки сбоку, среди камней, достал из щели большущий ключ. Высунил наружу руки, ключ заскрежетал в старинном висячем замке. Пашка вынул замок из колец, нажал на решетку плечом, и она с тихим визгом отошла. Свечка погасла.

Мы выбрались наружу, я опять взяла Томчика за руку. Пахло недавно выпавшим снежком, было темно и звездно. Пашка вошел за спиной, снова навешивал замок. Потом сказал:

— На снег старайтесь не ступать, чтобы не было следов.

Снег лежал отдельными светлыми лоскутами на черной земле. Мы пошли за Пашкой, обходя эти лоскуты.

Оказалось, что мы в дальнем конце парка, позади низкого кирпичного здания, в котором когда-то находились барские конюшни. Один край здания был разрушен, и в яме у развалившейся стены как раз и была решетка — за крепкими, как железо, стеблями сухого репейника.

Пашка повел нас не к центральному воротам, а к чугунной изгороди, что выходила на улицу Рылеева. В изгороди был выломан фигурный стержень, мы вылезли в щель. На улице было пусто, светил фонарь, сквозь его лучи сыпался снежок. На ближней остановке мы сели в автобус, вышли на улице Грибоедова и довели молчаливого Томчика до самых дверей его квартиры на четвертом этаже блочной пятиэтажки. Пашка серьезно так, без всякой нарочитости, пожал ему руку.

— Держись, Том. Все идет, как надо.

— Ладно, — вздохнул Томчик.

Я тоже подержала в пальцах его очень теплую ладонь. Томчик позвонил в дверь, а мы заспешили вниз.

На улице Пашка сказал:

— Я не соврал, я правда боялся стрелять, когда мне было восемь лет. Но отцу в голову не приходило заставлять меня вот так...

Пашкины отец и мать были геологи. Я знала, что он не раз бывал с ними в летних экспедициях и на базах. Не ради романтики, а просто не с кем его было оставлять. «Есть еще бабка, — рассказывал Пашка, — но она человек такой... долго с ней не уживешься. И с родителями, и со мной у нее отношения непростые... Хотя лекарствами снабжает охотно, за это ей спасибо!»

Пашка проводил меня до подъезда.

Я думала, мама опять начнет речь о позднем возвращении, но она только сказала:

— Наконец-то...

Была мама чем-то расстроена. Илья оказался дома и тоже пребывал в мрачности. От него-то я и узнала причину. Оказалось, что опять начались квартирные неприятности. И теперь адвокаты уже не обещали полного успеха в судебной тяжбе. «Потому что, видите ли, дом должны поставить на капитальный ремонт, а вам предлагают временное отселение. А для

временного никто не обязан предоставлять равноценную площадь...»

— А когда эта «временность» кончится, нам, конечно, скажут: на прежнюю квартиру не имеете права. Опять все та же причина: жилплощадь ведомственная, а капитан Мезенцев уже не служил в МВД, когда погиб... И попробуй тогда въехать обратно! Штурмом, что ли, брать? Поселят тут какого-нибудь Панкратьева...

Папа действительно ушел из милиции за полгода до гибели. Вернее, ушел из ГАИ. Месяца три проработал в милицеской газете «На страже порядка», а потом уволился и оттуда, перешел в «Городские голоса».

— А почему он в «На страже...»-то не стал работать? — спросила я Илью.

— А все потому же...

— Почему?

— Ну, я же тебе, Женька, объяснял. Видимо, он начал копать какие-то случаи со злоупотреблениями больших чинов. Взятки там, подложные документы и все такое... Ему стали грозить, следили. Компьютер его проверяли тайком... Даже ко мне подъезжали после похорон: «Мальчик, ты не знаешь, нет ли у вас дома каких-нибудь папиных дискет?» А дискет не было... А может, и была какая-то тайная дискета, но папа спрятал ее очень далеко, никому не найти...

Затем Илья сказал уже иначе, с дурашливой ноткой:

— А ты слышала, к нам летит на большой скорости еще один поганый космический объект. Черная дыра под номером... тьфу, забыл. Неважно... В общем, она мчится и пожирает попавшиеся на пути звездные системы. Наше Солнце с планетами для нее — раз облизнуться... Правда, приблизится она не так скоро, как астероид, через двести двадцать миллионов лет...

— Успеем еще обсудить детали, — буркнула я.

А когда легла спать, стала думать: почему все так скверно? Из дома гонят, из Дворца гонят... Может, скоро вообще погонят с планеты? И тогда что? Головой в ту черную дыру?

Но за грустными мыслями, поглубже, шевелилось и хорошее. Память о том, как храбрый Паша вел нас тайным подземным путем. Его история про выброшенный револьвер («Нихт шиссен!»). И Томчик с его беззащитной доверчивостью... И запах снега, и яркие звезды...

ОПЕРАЦИЯ «ГРУСТЬ»

1

Прямо на площадь ребята вытащили усилитель и динамики. Человек пять встали с гитарами и аккордеоном, а человек двадцать просто так — хор. Это и были девчата и мальчишки из дворцового хора. И, кажется, еще из эстрадных «Утят». Они очень дружно пели:

Едет, едет ППЦ
С гордой миной на лице.
Скоро будет он хозяин
В Арамеевском дворце!

Крах терпел он много раз:
Дал пинка ему Кавказ,
И в реформе он военной
Выше копчика увяз!

Но теперь — гляди любой! —
Он ужасно горд собой.
С целой тыщей ребяташек
Трудный выиграл он бой!

Чтобы никто не пугался в словах и мог подпевать, слова эти были написаны на двухметровом плакате, поднятом над головами.

Конечно, это был не пикет. Был это митинг или, точнее, демонстрация. Народ выстроился даже не в три ряда, как обещал какому-то референту директор, а в пять или шесть. Правда, не вокруг всего дворца, а перед его фасадом. Ведь именно к парадному входу с колоннами и гранитным крыльцом должен был подкатить генерал со свитой.

Я даже представить не могла, что соберется столько ребят! Когда они работают в разных кружках, в разных комнатах и в разное время, совсем не заметно, что у Дворца такое население. А когда все вместе... ого!

Наша «корабельная компания» держалась плечом к плечу: Пашка, Лоська, Люка, Стаканчик, я. И Томчик был с нами. Люка объяснила:

— Мать не хотела его пускать, а отец сказал: «Пусть идет, может, хоть немного научится смелости...»

Все-таки ненормальный у него папаша. Томчик же не проявлял никакой боязни, сам рвался на митинг!

У памятника декабристам стояли милицейский «газик» и автобус. Изредка оттуда доносился мегафонный голос:

— Граждане педагоги! Потребуйте от детей, чтобы они разошлись! Вы несете полную ответственность за возможные инциденты!

— А вы не устраивайте их, инциденты-то! — ответил тоже через мегафон директор Федор Федорович. — Уберите дубинки! — Потому что из автобусов вышли и стали редкой цепочкой человек десять в камуфляже и беретах и с дубинками у пояса, разумеется...

— Граждане педагоги! — продолжал вещать милицейский чин ровным и безнадежным голосом: — Митинг не санкционирован! Дети и вы поступаете незаконно! Это может иметь последствия!..

Я увидела, как директорским мегафоном завладел Петруша.

— Это не митинг, а пикет! Никто не говорит речей, мы просто стоим! На пикеты разрешений не требуется!

Речей и правда никто не говорил. Но время от времени все, обняв друг друга за плечи, начинали скандировать:

— Не от-да-дим Дво-рец! Не от-да-дим Дво-рец!..

Эти же слова были на многих плакатах. А еще были такие:

«Генерал, воюйте с террористами, а не с детьми!»

«Это НАША территория!»

«Все лучшее — детям, да?»

Но генерал Петровцев не читал плакатов, не слышал песни и дружных криков. Он все не приезжал... И не приехал в тот день.

Мы стояли около часа, было зябко, по брусчатке мела поземка. Что дальше-то?

Омоновцы в своей шеренге мирно переминались десантными башмаками и потирали уши.

Между памятником и ребячьим фронтом ходили два парня в красных куртках, с тяжелыми видеокамерами на плечах. Я подумала, что, если милиция двинет на нас, операторам достанется прежде всех. Но, кажется, шло к тому, что все кончится мирно. Кое-кто из ребят потихоньку начал «линять» из рядов. Да и в самом деле, чего ждать, если ППЦ не принял боя! Федор Федорович снова взял микрофон:

— Ребята! Пора нам расходиться! Вы показали, кто должен быть настоящим хозяином Дворца! Будем надеяться, что власти не оставят ваши требования без внимания!

И плотный строй сразу стал редеть, рассыпаться...

— Люди, бежим в кафе «Белоснежка»! — предложила Люка, жарко дыша на ладони. — Там горячий кофе... А то Лоськин бронхит опять расцветет пыльным цветом.

Лоська сказал, что ничего подобного и что мазь Пашкиной бабушки излечила его полностью и навсегда. Но в кафе побежал охотно.

Вечером наш «пикет» показали в городских «Новостях». И весь длинный строй, и плакаты, и омовцев, и унылого майора с мегафоном, и дружных певцов с музыкантами, и... всю нашу компанию! Правда, это было две-три секунды, но я успела возликовать:

— Мама, Илья, смотрите!

Мама ахнула:

— Значит, ты была там!

— Конечно! Все наши были! Даже маленький Томчик пришел!

— При чем здесь Томчик! У него свои родители! А у тебя — я! Мало мне страхов из-за твоего брата, теперь из-за тебя я должна тоже...

— Мама, ничего же не случилось, — утешил Илюха. — Его превосходительство не решились появиться перед лицом столь внушительной силы...

В тот же вечер из «Новостей» стало известно, что в этот день ППЦ был неожиданно вызван в Москву.

— Значит, вы будете ждать следующего раза, — пронзительно заметила мама.

Да, но в какие дни наступит «следующий раз»? Никто не знал. Когда ППЦ захочет осмотреть изнутри будущую резиденцию? Ходили слухи, что это случится, как только он вернется из столицы. Тогда, мол, он соберет во Дворце совещание представителей городской и областной власти. А пока занятия во Дворце приостановили на неделю. У главного входа и у боковых дежурили по два милиционера, увешанные всяким снаряжением. («Как новогодние елки игрушками», — вспомнила я Илью.) На них были дубинки, наручники, рации, пистолеты, сумки и еще какие-то штуки непонятного назначения. Глянешь на это могучее оснащение, и удивительно делается: как в нашей стране ухитряется сохраняться и процветать преступность?.. Два постовых были даже с автома-

тами и в боевых камуфляжных «лифчиках» с набитыми карманами.

— Как у меня, — с дурашливой гордостью заметил Стаканчик. Он теперь ходил в школу в такой вот безрукавке со множеством карманов и «молний». Только у него она (как и у Си-него Буля) была не пятнистая, а потерто-сизая, джинсовая. Олимпиада косилась, но ничего не говорила...

Дни шли, и у нас зрели всякие планы. Потому что нельзя покорно ждать, когда всем нам дадут окончательный пинок от дворцового порога! Чего тогда стоят крики о демократии и правах человека? А между тем ППЦ уже вернулся из столицы и заседание с властями мог устроить каждый день...

Сначала план был самый простой. Набрать человек пятнадцать надежных ребят и, когда собрание будет в разгаре, под барабанный бой выйти с громадным плакатом на сцену. Что-нибудь вроде этого: «Господин генерал, вам не стыдно воевать с детьми?» Это Люка придумала, когда мы в воскресенье все сидели у меня. Но Стаканчик начал возражать. Сказал, что да, на сцену можно проникнуть по подземному входу, но как орава с плакатом доберется до начала этого хода через парк среди бела дня? Вокруг парка и в нем наверняка будут понатыканы патрули.

— К тому же тогда про подземный ход узнает масса народа, — заметил здравомыслящий Пашка. — Не хотелось бы.

Лоська, покашливая, сказал:

— А не надо, чтобы масса. Давайте только мы. Пробраться можно среди ночи, дожидаться там утра, и тогда...

Пашка глянул на меня и тихонько качнул головой. И его здравомыслие как бы переселилось в меня.

— Все равно толку не будет. Нас в один момент вытряхнут за шиворот со сцены, они это умеют.

— Если всего бояться... — начала Лючка.

— Никто не боится! Просто обидно будет: стараний на сто рублей, а пользы на грош. Всякие дураки, вроде Пня и Буля, ржать станут. Как, мол, вас, шизиков, пинками со сцены... Небось еще и по ТВ покажут...

— Да, — согласился со мной Стаканчик. — И потом еще какой-нибудь помощник ППЦ сообщит по каналу «Регион», что нас подготовили специально. Те, кто против укрепления стержня власти. Болтают ведь уже, что тем, кто был в пикете, заплатили по пятьдесят рублей...

— Тогда можно по-другому, — опять заговорил Лоська и

рукавом свитера вытер с губ остатки варенья. — Попроберемся вечером, повесим над сценой большущий плакат, а сами — домой. Он придет — пусть читает и радуется.

Пашка сказал, что это более здравая мысль. Но беда в том, что ППЦ плаката просто не увидит. Всякие проверяльщики, которые до заседания будут смотреть, нет ли под сценой взрывчатки и других подарочков, плакат сдерут и генералу не покажут.

— А если не плакат... — вдруг подал голосок Томчик. До этого он сидел и помалкивал, поглядывая на говоривших задумчивыми своими очами. И вертел тонкой шеей. — Надо такое, чтобы содрать было нельзя.

— Что? — качнулся к нему Лоська

— Есть такие баллончики с краской. Ими на заборах рисуют всякие картины и надписи...

— А! Граффити! — помог ему Стаканчик.

— Да... А в зале напротив сцены гладкая стена... Краску со стены скоро не отскребешь...

— Ребенок, ты гений! — возликовала Люка.

— Только хорошо бы узнать поточнее, когда это самое собрание, — заметил Пашка.

2

Мы узнали. Губернские «Новости» сообщили, что встреча ППЦ с представителями города и области предварительно назначена на двадцать третье ноября. Конечно, «предварительно», однако ждать дальше было рискованно — вдруг прозвезем момент!

Едва ли кто-то из нас верил, что слова на стене (пусть даже самые громадные и хлесткие!) повлияют на генерала. Разве что наивный Томчик думал так всерьез. Мы чувствовали другое: стоять на своем надо до конца. А еще — чтобы они видели: есть люди, которые не отступают без боя... И, кроме того... по правде говоря, хотелось приключений. Сами понимаете: подземный ход, свечи, риск, тайная надпись. Будет что вспомнить. Можно будет загадочно усмехаться и переглядываться, когда по школам пойдут слухи о хлестком, как оплеуха, лозунге, который узрел на стене поднявшийся в президиум генерал Петровцев!..

Я, слегка стесняясь ребят и себя (вот дура романтичная!), предложила назвать операцию «Брамсельный ветер». Никто

не заспорил. Томчику, у которого не было монетки (и который даже не знал про эти «корабельные фунты»), я объяснила, что это такой ветер, который дает кораблям хорошую скорость и приносит удачу.

Конечно, здравый смысл подсказывал: брать на такую операцию пацаненка, которому даже девяти лет не стукнуло, — совершенно неразумное дело. Но кто решился бы сказать об этом Томчику? Я и Пашка, которые помнили его отчаянные признания во тьме подземелья? Да он счел бы нас предателями! Лючка? Но она не решилась бы «травмировать ребенка». Лоська? Но он считал Томчика почти ровесником и не раз говорил: «Чего вы из него малыша делаете...» А Стаканчик по этому поводу высказался (не при Томчике, конечно):

— Вроде бы и не надо брать, но если не возьмем, не будет удачи. Такая примета. В серьезном деле все друзья должны быть вместе. Он же наш... — И почему-то порозовел.

Томчик безусловно был «наш», хотя и без монетки-талисмана (где ее возьмешь, еще одну?). Однако он принес в план операции дополнительные трудности. Ведь пробираться во Дворец надо поздно вечером. Но то, что «не очень поздно» для нас, для Томчика — «очень». Лючка, правда, объяснила его родителям, что назначена вечерняя репетиция на квартире у режиссера, «а тот в более раннее время никак не может», но все равно Томчику было предписано появиться дома не позже десяти. Мама у него была женщина «вся на нервах», а отец — сторонник строго домашнего режима (хотя и человек самой мирной профессии — главный повар в ресторане «Агат»).

Теперь я понимаю, что рисковали мы крепко. В самом деле, ведь Дворец наверняка охраняли не только торчащие на виду омовцы. Были и скрытые часовые, чтобы всякие там террористы (воображаемые, а может, и настоящие) не подсунили во Дворец какой-нибудь подарочек для ППЦ. Если нас поймут — не поздоровится. Ну, Томчика-то просто отведут домой и скажут: «Всыпьте ему как следует». Нас же начнут таскать по всяким комиссиям — и милицейским, и школьным. А родителям, наверно, штрафы припадут...

Но тогда, вечером, пробираясь от дыры в решетчатом заборе по парку, мы только подрагивали от щекочущего азарта. Казалось, будто очутились внутри приключенческого фильма.

Было очень темно, даже звезды не светили. Лишь полосы

снега на лужайках смутно выделялись во мгле. Пашка шепотом опять предупреждал, чтобы никто не ступал на них, не оставлял следов. Мы ступали на палые листья, и они липли к подошвам. Шуршали, конечно...

У нас были с собой фонарики, но зажигать их сейчас казалось нам самоубийством. Включишь — и сразу: «Стой, кто идет!» И тогда что? Подымай руки и отвечай, как в анекдоте, который любит рассказывать дядя Костя: «Всё. Ша. Уже никто никуда не идет...» А то, чего доброго, полоснут очередью!.. И все же мы почти не боялись, это потом все говорили честно. А Томчик — он вообще без всякого «почти». Потому что, как всегда, верил в нас безоговорочно. А если чего и боялся, то задержаться после десяти.

Мы часто замирали на месте — по Пашкиной команде, отдаваемой чуть слышным шепотом. Затем двигались опять, пригибаясь к самой земле, хотя в такой темноте пригибаться было глупо. Пашка шел впереди, за ним я и Лоська — мы держались за руки. Люка шла за нами, она держала за руку Томчика. Замыкал партизанскую группу Стаканчик. Если бы не Пашка, мы бы не знали, куда идти. Он каким-то образом угадывал дорогу среди черных кустов и редких березовых стволов, которые проступали в черноте так же, как полосы снега...

И Пашка вывел нас к разрушенной конюшне с решеткой в фундаменте. Мы слышали, как он сквозь решетку нащупывает спрятанный ключ, скребет им в скважине замка. Затем спустились на ощупь по крутым ступеням.

Тогда Пашка включил фонарик.

Подземный ход по сравнению с черным парком показался нам уютным и безопасным. Правда, говорили мы по-прежнему шепотом, но уже не пригибались, не оглядывались. И мне показалось, что шли мы по туннелю совсем не долго, не то что в прошлый раз. Ну и понятно! Ведь не надо было охранять от воздушных колебаний свечной огонек...

Зато шахта со спиральной лестницей, когда посветили вверх, показалась уходящей в космос.

— Мама моя... — шепнула Лючка, но тут же прикрыла рот: бояться при «ребенке» она считала себя не вправе.

— Не бойся, ступеньки крепкие. Держись за меня, — успокоил ее «ребенок», он чувствовал себя здесь ветераном.

Решетчатое железо позвякивало, ржаво поскрипывало под ботинками и сапогами, а лестница вся, целиком, издавала ровный гул. Ох, а если его услышат охранники?

Пашка словно угадал мои мысли:

— Не бойтесь, кирпичи заглушают звуки.

И мы подымались, подымались по бесконечной железной спирали. Где-то на сотом витке я перестала думать обо всем, кроме одного: лишь бы не закружилась еще сильнее голова, а то посыплюсь вниз и посибаю тех, кто сзади. Лоська иногда упирался ладонями мне в спину...

Выбрались наконец в кирпичную каморку с ящиками и бочками. Я помотала головой — казалось, что все плывет и что я пропитана запахом ржавого железа. Впрочем, это быстро прошло.

Пашка велел снять обувь. Шепотом объяснил, что иначе наоставляем на сцене и в зале следы с грязью и листьями. По ним быстро найдут ход и обо всем догадаются.

Пришлось разуться. С Томчика долго не слезали тугие сапожки, мы с Люкой помогли ему.

— Теперь сидите здесь, — велел Пашка. — Пойду гляну, как там...

Никто не спорил, Пашка был командир. Он исчез и, конечно же, пропадал «целую вечность». А мы ждали при слабом свете фонарика, который держал Стаканчик. Вечность кончилась, и Пашка вернулся.

— Кругом тихо. Зал заперт снаружи, шторы опущены. Все условия для секретной живописи...

Мы за Пашкой прошли через сцену с пыльными кулисами (доски поскрипывали) и спустились в зал.

Пашка пустым театром. Было темнее, чем в прошлый раз. Отблески фар с улицы теперь почти не проникали. А если пробивался особо сильный луч, под ним вырисовывались в сумраке полукруглые складки зеленых опущенных штор.

Мы в шерстяных носках пошли между рядами откидных стульев. Слабо постукивали расшатанные паркетины. Между задним рядом и стеной было пустое пространство метра два шириной. Свет от фонариков кругами лег на стену.

— Приехали... — выдохнула Люка. — Начнем?

Стену покрывала ровная светлая краска. Раньше здесь была роспись. В середине прошлого века художники изобразили на широкой поверхности счастливое советское детство: мальчиков с моделями самолетов, девочек, собирающих цветы, парусные лодки с юными туристами, хоровод ребят в костю-

мах разных народов и все такое прочее. Но роспись ветшала, да и тема устарела: где теперь увидишь детей в красных косынках на шеях? Поэтому года два назад, во время ремонта, всю картину скрыли под гладким бежевым слоем. Кажется, ремонтных сил только на это и хватило: Паркет остался старый (наверно, еще арамеевский), стулья — тоже...

Мы встали кружком. Предстояло самое главное.

3

...До этого мы долго обсуждали: какую сделать надпись.

Люка предложила: «Господин генерал, оставьте Дворец детям!»

Стаканчик возразил. Это, мол, как-то скучновато и длинно. Дольго писать будет некогда, и надо крепче, в лоб!

Людочка, на удивление всем, не обиделась, не заспорила. Просто сказала:

— Тогда — как?

— «Генерал, убирайтесь домой!» — хмуро предложил Лоська.

Все помолчали, обдумывая. Тихий догадливый Томчик покрутил шеей:

— Он ведь не уберется. Еще сильнее разозлится.

— Он все равно не уберется и разозлится, — с печалью в голосе сообщил Стаканчик. — Поэтому надо хотя бы высказаться... на прощанье.

Но мне казалось, что если найдем какие-то самые-самые слова, они могут зацепить генеральскую душу. Ведь на экране-то он казался вполне человеком...

— Надо, чтобы решительно и в то же время как-то... ну с чувством, что ли... — высказалась я.

Пашка быстро глянул на меня.

— Можно просто: «Генерал, не делайте этого».

— Чего «этого»? — притворилась глупой Людочка. Ей внятно растолковали. Потому что всем остальным Пашкины слова понравились: коротко и ясно. И... как бы последнее предупреждение. На том и порешили, даже Люка быстро согласилась.

...И вот теперь надо было впаять эту фразу в стену. Крепкой несмысливаемой краской.

Стаканчик расстегнул куртку. Достал из карманов безрукавки два баллончика.

— Белой или синей?

Люка сказала, что на бежевом фоне белая будет ярче.

Эту краску Стаканчик раздобыл у соседа — шестнадцатилетнего парня, который с парнями развлекался уличной живописью, разрисовывал абстрактными картинами бетонные заборы и стены в подземных переходах. Нажмешь головку баллончика — и краска бьет из него шипучей струей.

— Только я не знаю, хорошо ли у меня получится, — с виноватой ноткой предупредил Стаканчик. — Я всего один раз пробовал. Может быть, кто-то другой?

Как-то мы об этом не подумали! Считали, что, если краска у Стаканчика, значит, он умеет. Все с надеждой повернулись к Пашке — он-то, наверно, может! Но Пашка сообщил, что сроду не занимался такой ерундой. И тогда дело спас Лоська:

— Давайте я...

— Ты умеешь? — усомнилась Люка.

— Пробовал как-то. В прошлом году нашел баллончик... Рыжего кота на «Спорттоварах» помните? Это мой...

Громадного симпатичного кота на торцевой стене одноэтажного магазина знали все. Ай да Лоська! Сколько талантов у человека...

— Ты встанешь мне на плечи, чтобы надпись была выше, — решил Пашка. — Только вы его держите с двух сторон. Я крепко держать не могу, левая рука почти не гнется...

— Что с тобой? — испугалась я.

— Локоть ободрал утром, когда вешалку приколачивал, табуретка подломилась. Теперь забинтовано, да туго так...

Он сел на корточки, и Лоська приготовился вскочить ему на плечи.

— Куртку сними, меньше весу будет, — сказала я.

— Да... Я буду писать слово за словом, а вы диктуйте...

— Первое слово «генерал», — напомнила Люка. — С заглавной буквы. И смотри, без ошибок. Ге-не...

— Я всегда пишу без ошибок, — поставил ее на место Лоська. Но Людочка не унялась:

— Ой, люди, а может быть, все-таки «товарищ генерал»? Или «господин генерал»?

— Разве он нам товарищ? — серьезно спросил Томчик.

— И уж никак не господин, — поддержал его Стаканчик. — А «генерал» обычное обращение, когда люди говорят на равных.

— Разве мы с генералом на равных? — усомнилась Люка.

— А что такого? — сказал Пашка. — Мы у него не в подчинении. Такие же граждане России, как он. Лось, давай...

Конечно, мы говорили шепотом. И шепот шелестящие змеились над пустыми рядами сидений. И был полумрак. Два желтых конуса фонариков изредка бросали круглые пятна на стену и снова упирались в пол, чтобы свет не выдал нас (вдруг кто-то подкрадется снаружи к дверям и заглянет в скважину?) Все это, разумеется, походило на собрание заговорщиков — да так оно и было! Отражения фонариков искрами мелькали в очках Пашки и Стаканчика и на часиках Томчика, когда он украдкой смотрел на циферблат: не опоздает ли домой? Пока со временем все было нормально: лишь самое начало десятого, хотя казалось, что глубокая ночь. К тому же Стаканчик еще по дороге сюда успокоил Томчика: «Будем задерживаться — позвоним вам домой с пути, скажем, что долго нет автобуса...» Оказывается, Стаканчик взял из дома сотовый телефон. «Это на крайний случай, если где-нибудь застрянем или вляпаемся в неприятности. Можно будет сообщить, где мы...» Да, Стаканчик был предусмотрительный. Недаром в каждом кармане «лифчика» у него лежало что-то полезное...

— Лось, давай, — сказал Пашка и подставил спину. Однако Люка зашептала новую идею:

— Ой, а что, если не «генерал», а по имени-отчеству? Вдруг это его сильнее проймет?

— Что, «Иван Петрович, не делайте этого»? — хмыкнула я.

— Он не Иван Петрович, а Серафим Львович...

— С чего ты взяла?

— Сегодня днем была передача. «Вести региона». Не видели, что ли? Там с ним девица-журналистка беседовала. «Ах, Серафим Львович, не поделитесь ли с телезрителями вашей биографией? Правда ли, что вы родились в Белоруссии?»

— А он правда родился в Белоруссии? — машинально спросила я. Еще ни о чем не подумав.

— Ну да! В каком-то Бобровске... А что?

«Тюк... — прыгнуло у меня под ребрами. — Тюк...»

— Лючка... Может, в Бобруйске?

— Может... Не все ли равно?

«Сера-фим»... «Фима, иди уже домой, или я не знаю что сделаю...»

Вообще-то Фима это Ефим... Ну а если не только Ефим?

К тому же, когда меняют фамилию, почему не сменить старое имя на другое? Тем более похожее...

— Жень, ты чего? — сказал Пашка.

— Сейчас... Жил в Бобруйске мальчик Фима, пошел в военное училище... Ник, дай телефон.

Ник дал без вопросов. И другие молчали. Ждали.

Я набрала номер дяди Кости... Вот не везет — гудки, гудки, без ответа. Ладно, еще набор...

— Мама! Это я... Мы задержались на репетиции, не волнуйся... Да, да! Скажи номер мобильного дяди Кости! Очень нужна его консультация! Потом объясню. Мама, скорее, я же по сотовому говорю, это дорого... Как? Mamochka, спасибо!

Номер, к счастью, был простой, запомнилс я сразу. «Триста двадцать один, одиннадцать, ноль-ноль-два...»

— Дядя Костя, это Женька! Очень важно, очень срочно, подробности потом! Скажите, у Петровцева, у будущего генерала, была на руке татуировка?

Дядя Костя чем хорош — умеет быть кратким и точным.

— Был след татуировки над большим пальцем. Петровцев рассказывал, что в детстве по глупости выколлот латинскую букву «вэ». Начальную в слове «в́иктори». Как знак будущих жизненных побед. Потом «искоренил». Но шрамик, похожий на римскую пятерку, остался.

— Дядечка Костечка, спа-си-бо!..

Я сунула Стаканчику телефон и радостно дышала три секунды.

Есть такой способ: поиски точки на карте с помощью двух пеленгов. Мы с Пашкой читали про это в книге «Фрегат «Виола». Проводишь две линии в указанных направлениях, и в точке их пересечения — место нахождения судна. А здесь даже не две, больше: Бобруйск, Сера-фим, латинская буква V!.. (Или русская Л — как повернешь!)

— Народ, слушайте...

Горячим шепотом я коротко рассказала историю мальчика Ливчика. И как он потом вытравил татуировку, будто прежнюю фамилию...

Выслушали молча. С интересом. Но почти сразу Лоська сказал:

— Ну, пусть это он. А нам-то что?

— А вот что... У него взрослая совесть под бронезиловым. А если колупнуть детскую? Может, он еще не все забыл? Если написать: «Ливчик, не делай этого! Ты когда-то был как мы!»

— Идея — блеск, — сразу похвалил меня Пашка. — Только много слов...

— А если просто: «Ливчик, не делай этого!» — азартно предложил Стаканчик. — Он вспомнит и поймет...

— Может, правда... — шепнула Люка.

Но мне хотелось каких-то более точных слов. Чтобы в «девятку». Я так и сказала. Все притихли — то ли думали, то ли молча сердились на меня: чего, мол, ей еще надо?

И вдруг наш тихий Томчик спросил:

— Женя, он ведь был футболист, да?

— Да, Томчик...

— И его все любили, да? Значит, он всегда по правилам играл, без обмана?

— Наверно, так...

— Давайте напишем: «Ливчик! Играть надо честно!»

Все опять помолчали, подышали тихонько. Люка наконец сказала:

— А что? Устами младенца...

Томчик наконец обиделся:

— Сама ты младенец. Надоело...

— Томичек! Я же любя! Ты классно придумал!...

Мы тоже, шепча наперебой, утешили и расхвалили Томчика. Потому что всем показалось: слова «самые те».

Лоська забрался на Пашку. Зашатался. Я и Люка ухватили его за ноги. Томчик и Стаканчик с фонариками отошли назад, чтобы лучи шире охватывали стену. Мы прислушались. Тихо-тихо было в старом дворце.

— Лось, давай сперва посредине, — шепнул Пашка. — А вторую строку с левого края...

Струя краски ударила с неожиданно громким шипением. И так упруго! Лоська даже качнулся назад. Отчаянно запахло ацетоном. По стене потянулась белая пузырящаяся полоса. Вверх, потом вниз. Превратилась в остроугольную букву «Л» метровой высоты. Затем появилась буква «и»... И вот на бежевом фоне засветилось слово:

ЛИФЧИК

— Ох, елки-палки, Лось... — досадливо выдохнул Пашка. Да и сам Лоська тоже сказал:

— Ох... надо же «вэ»...

— А говорил, «пишу без ошибок»... — не сдержала ехидства Лючка.

— При чем здесь ошибки? — шепотом возмутился Стаканчик. — Просто это другое слово... Лоська, зачеркни «эф» и сверху напиши «вэ». Так будет даже лучше. Он сразу поймет, что мы знаем *все*...

«А ведь правда!» — подумала я. И другие, кажется, подумали то же.

Лоська аккуратно исправил ошибку.

Потом Пашка и мы медленно передвигались вдоль стены, а Лоська выводил слово за словом. С шипеньем поставил под последним восклицательным знаком точку.

Полюбовались.

Надпись шла в трех метрах от пола и длиной тоже была метра три.

В

ЛИФЧИК!

Играть надо честно!

— Отбой парусному авралу, — с удовольствием скомандовал Пашка. Включаем машины, и тихий назад...

— Жаль, что красной краски нет, — шепнул Стаканчик.

— Зачем она? И так хорошо, — сказала Люка.

— Можно было бы нарисовать красные отпечатки ладоней. Чтобы он вспомнил мальчишку, который его спас...

Я подумала, что это было бы здорово. Вот уж действительно в самую точку!

— А может, синей? — робко спросила Люка.

— Хы... — сказал Лоська.

Пашка почесал снятыми очками за ухом и хмуро заявил, что краска здесь вообще не годится.

— Такое должно быть настоящим...

Он сбросил на пол куртку, стремительно вздернул выше локтя широкий рукав свитера. Забелел бинт.

Я сразу поняла:

— Пашка, не надо... Не вздумай!

Но он уже раскрутил марлевую ленту, вывернул локоть, глянул.

— Томчик, дай фонарик. А ты, Ник, посвети...

Стаканчик, видимо, еще не понял. Молча посветил. Паш-

ка остроугольным фонариком Томчика ударил по запекшейся ссадине. Короста сорвалась, из-под нее побежало.

— Ай! — сказала Люка.

Пашка подставил под крупные капли правую ладонь. Потом, будто умывая руки, размазал кровь по обеим ладоням. Быстро шагнул, подпрыгнул и хлопнул по стене.

Отпечатки получились четкие. По сравнению с буквами они были маленькими, но сразу было видно — ладони. От пола — метрах в двух. Конечно, кровь скоро высохнет и уже не будет ярко-красной, но кто увидит, сразу поймет — что это такое...

Люка и я шепотом ругали Пашку «ненормальным» и «самоубийцей». Томчик тихонько икал. А Стаканчик деловито заматывал Пашкин локоть свежим, вынутым из кармана «лифчика» бинтом. Пашка терпеливо дождался конца процедуры, сказал «спасибо» и опустил рукав. Шепнул снова:

— Назад помалу...

4

Да, мы, кажется, все сделали, как надо... Даже лучше, чем надо! И мы все пятеро оказались нужны в этом деле! Пашка — он был командир и проводник. Лючка и я... без нас не узнали бы о детстве Ливчика. Стаканчик обеспечил нашу группу всем необходимым. Лоська сделал надпись. Томчик нашел нужные слова. Кроме того, при нем, при Томчике, было стыдно бояться... Все было правильно! Да здравствует наше корабельное братство!

И все же меня грызло беспокойство. Смутное такое, без четких мыслей и слов. Оно появилось, когда Пашка отпечатал на стене окровавленные ладони. Словно мы перешли границу чего-то дозволенного... Какую границу? Чего — дозволенного? Я не знала. Впрочем, тревога скоро растаяла...

Мы торопливо обулись в комнатке за сценой. Хотели помочь Томчику, но он бормотнул: «Сам...» Обратный путь оказался проще. Во-первых, вниз по лестнице — это не вверх. Во-вторых, все уже было знакомо. А главное — мы сделали то, что хотели! Принято говорить в таких случаях, что «у нас выросли крылья». Ну, крылья не крылья, а настроение было прыгучее. Будто не сапоги и ботинки на ногах, а летние сандалетки...

В парке по-прежнему была тьма и полное безлюдье. Ника-

ких приключений. Когда выбрались за изгородь и прошли с полквартала по такой же безлюдной улице, Пашка спросил:

— Наверно, никаких клятв давать не надо? И так всем понятно, что ни единому человеку ни слова?

Все только хмыкнули в ответ: маленькие, что ли? Один лишь Томчик отозвался словами. По-взрослому так, даже устало:

— Это ясно как божий день...

На часиках было тридцать пять десятого. А на перекрестке уже метался свет автобусных фар. Томчику повезло, не опоздает.

Лоська сказал, что двинет домой пешком, так ему проще. И не надо провожать, ему не привыкать! «Все. До завтра...»

Я чувствовала: Томчик все еще дуется на Люку. Или смущается, оттого что огрызнулся на нее.

— Люка, Ник, вы давайте-ка сразу на трамвай и по домам. Зачем вам делать крюк с Томчиком? Мы его отвезем, нам с ним отсюда почти по пути...

Люка и Ник не спорили. Сказали «ладно, пока» и заспешили на Восточную, к трамвайной остановке.

Пашка, Томчик и я сошли с автобуса на улице Кузнецова, отсюда до дома Томчика был всего квартал — по переулку, ведущему на улицу Грибоедова. Переулок безлюдный, с двумя слабыми фонарями.

— Можно я пойду один? — спросил Томчик. Шепотом спросил, будто мы все еще во Дворце.

— Да что ты! Мы проводим, это же не трудно, — весело сказала я.

Он посопел.

— Я хотел бы один...

— Почему? — Я даже слегка обиделась. Если он все еще сердится на Лючку, мы-то при чем?

Он посопел опять.

— Вы... наверно, думаете, что я боюсь. А я хочу показать, что нет...

«Ох ты горяшко мое...»

Пашка сказал с упреком:

— Ты, конечно, не боишься. А про нас подумал? Мы-то за тебя боимся. И мы обещали, что проводим до двери.

Томчик подчинился неизбежному (возможно, с тайной радостью). И мы проводили его до двери. Затем Пашка пошел

проводить меня, хотя отсюда ему было со мной не по пути. Я не спорила, все равно он не отступит.

Мы свернули в Короткий переулок, где дома были маленькие, а свет — лишь из окон. Прошли шагов двадцать, и Пашка вдруг попросил:

— Жень, постой... — странно как-то попросил, по-незнакому. И я сразу испугалась:

— Пашка, ты... чего?

Он встал передо мной. Почти невидимый, лишь в очках мигнули искристые крохи.

— Жень, я хочу сказать... Нет, подожди... — Он взял меня ладонями за щеки, пригнул мою голову и быстро поцеловал в губы.

Я не удивилась, не возмутилась. Только ослабела.

— Пашка... зачем...

Он сказал строго:

— Потом, наверно, не будет случая. Это на прощанье.

— Ка... кое... прощанье?...

— Послезавтра я уезжаю. Насовсем.

— Пашка, ты что?.. Куда? — сама не поняла, крикнула я это или еле шепнула.

— Мы все уезжаем. Отца перевели в Сибирь, в Яхтинск.

Я не подумала, а просто почувствовала: вот она, расплата за тот «переход границы»...

Потом, когда мы шли к моему дому, я что-то бестолково спрашивала, удивлялась, возмущалась, он что-то объяснял. Но этот разговор у меня не оставался в голове. А застревали всякие глупые мысли. Что Пашка, наверно, не совсем оттер ладони и мама может испугаться: «Почему у тебя щеки в крови?» А еще, что всю жизнь, вспоминая сегодняшний вечер, я не буду о нем думать: операция «Брамсельный ветер». Навеки это будет операция «Грусть». Да еще какая! С застрявшими в горле слезами...

Вторая часть

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ

ДИСКЕТА

1

Дворец отстояли.

Нет, я не хочу сказать, что *мы* отстояли. Я даже не знаю, состоялась ли во Дворце встреча ППЦ с местными властями. По крайней мере, сообщений про нее никаких не было. И видел ли генерал Петровцев надпись и Пашкину «печать»? Тоже не знаю. Газеты и каналы ТВ будто в рот воды набрали. Конечно, у них и без того хватало тем: то застрелили очередного директора фирмы, то новый оползень в горах Дагестана, то опять катастрофа с самолетом, то землетрясение в Италии, то происки террористов... Но через неделю вдруг в «Новостях» сообщили: «Полномочный представитель центра генерал-лейтенант Петровцев счел нецелесообразным располагать свою резиденцию во Дворце детского творчества. Этот вопрос можно считать закрытым. Дети и работники Дворца могут жить спокойно...»

Можно было радоваться. Ну, я и радовалась. Особенно на глазах у Люки, Стаканчика, Томчика и Лоськи. Но это было внешне. А в глубине души — все по-другому.

В душе была тоска по Пашке.

...Пашка уехал, как и сказал, — через день после нашего прощания в Коротком переулке. Проводить себя он запретил. Объяснил: «Зачем вам видеть эту суету, при отъезде всегда кавардак. Бабка еще устроит ругачку, у нее такой характер...»

Утром в день отъезда (было воскресенье) мы собрались у нас, выпили чаю с абрикосовым джемом, шепотом, с оглядкой на дверь, повспоминали недавнее приключение во Дворце. Томчику Пашка подарил оловянную фигурку ковбоя на лошади, Лоське записную книжку с забавным кенгуру на обложке, Стаканчику — трехцветную авторучку, Люке карманное зеркальце. А мне он оставил две свои магнитофонные

кассеты — с музыкой Вивальди на фоне прибоя и с морскими песнями.

Каждому пожал руку. И мне — как другим. Только смотрел на меня сквозь очки чуть дольше, чем на остальных. И вполголоса сказал:

— Когда устроимся, я напишу. Или позвоню. Пока... — Махнул еще с порога и застучал по лестнице ботинками. И — все...

Днем я ничего особенного не чувствовала. После обеда была во Дворце репетиция — «Умелые руки» наконец-то приготовили деревянное страшилище для съемок. Внутри они спрятали пружину. В момент выстрела дергали незаметный шнурок, пружина срабатывала, «Гнев» разлетелся на куски. Как от разрывной пули!..

Томчик стрелял, конечно, не по-настоящему — шелкал незаряженным револьвером...

Вечером я была у Лючки, мы писали сочинения на тему: «Мое главное событие в уходящем году». Попробуй-ка не сдай вовремя, Олимпиада раскричится, как хозяйка, у которой украли любимую курицу... Лючка писала про летнюю поездку к деду. Я не стала откровенничать и придумала историю, будто случайно взяла в библиотеке и прочитала роман Гюго «Собор Парижской Богоматери» и неделю ходила под впечатлением. На самом деле я читала эту книгу гораздо раньше. Но не писать же про скандал в «Отраде» или про операцию «Брамсельный ветер»!..

Реветь я начала только ночью. Хорошо, что Илья опять не ночевал дома. А мама через дверь не слышала моих всхлипов.

Только сейчас я поняла, что была дура и что обманывала себя, когда думала: «У нас ничего *такого*». Было именно *такое*. Потому что Пашка был для меня вовсе не обычный друг, как Лоська, Люка, Стаканчик или маленький Томчик. То есть и обычный, конечно, однако не только... Чего теперь самой себе пудрить мозги! Разве так уж мне были нужны проекты океанских и космических парусников?.. Ну да, интересно это, но когда мы с Пашкой вдвоем сопели над тетрадками с рисунками и схемами, мне важнее парусов был сам Пашка. То, что он рядом...

Мало того! Я понимала даже, что и книгу «Фрегат «Виола» упорно искала, потому что она была у какого-то Пашки Капитанова! Еще не знакомого, но уже *того самого*. Словно я заранее увидела его во сне. Он и оказался таким, как я думала...

«Совершенно такой...» — сказала Ассоль, когда Грей взял ее за руки, наклонившись из шлюпки...

Илюха врал, когда говорил, что я, читая «Алые паруса», воображаю себя Греем, а не Ассолью! Так бы и дала дураку по шее...

Конечно, куда мне до таких красавиц, как Ассоль! Швабра и есть швабра... Но однажды я слышала случайно, как тетя Соня негромко сказала маме:

— Ах, Валечка, не надо огорчаться раньше времени. Из гадких утят иногда вырастают царевны-лебеди...

Я поняла, что говорили они обо мне... Ха! Из гадких утят, может, кто-то и вырастает (например, эстрадные звезды из одноименного ансамбля). Но я-то не утенок, я похожа на птенца птеродактиля... Ну и что? Пашке и не нужна была царевна. Ведь на красавицу Лючку он глядел как на приятеля-пацана, не больше. А со мной там... в Коротком переулке... Но теперь-то что! Уехал, и скорее всего мы ни-ко-гда не увидимся... а-а-а... — Я затолкала в рот угол подушки...

Утром мама сказала:

— Ты какая-то опухшая. Плохо спала?

— Да. Сама не знаю, почему. Всю ночь вертелась, как в колючках...

— Наверно, из-за Паши расстраиваешься, — сказала догадливая мама.

— Вот еще!.. — фыркнула я. Но едва ли ее обманула.

Первым уроком была география. Мы кончали тему «Океаны». Дмитрий Витальевич говорил о безбрежных просторах и называл книги о мореплавателях, которые полезно прочитать.

— А на следующем уроке мы переходим к материкам. И начнем с Африки...

Не нужны мне были ни океаны, ни Африка...

Люка шепнула:

— Евгения, не изводись. Позвонит, напишет...

— Кто изводится?!

— Ох, Женька-Женька... — сказала Лючия Минтаева, которая знала меня с ясельных времен.

Не знаю, сколько времени я страдала бы при нормальном течении жизни. Но жизнь эта вздыбилась и поскакала, как по ухабам. Жилищное начальство предписало нам освободить квартиру и перебраться в общежитие к Новому году!

— Ни фиги себе ситуация, да?!

Я предложила забаррикадировать двери.

— Ну и сколько продержимся? — сказал Илья. — Отключат свет, воду, отопление... И кто заступится? Если тебя выкидывают на улицу гражданские власти или частные фирмы, можно звать на помощь милицию. А кого звать, если выселять начнут brave ребята-омоновцы?

Спокойнее всех держалась мама, хотя, по ее же словам, на адвокатов и суд рассчитывать уже не приходилось. И скоро мы узнали причину этого спокойствия. Оказывается, тетя Соня, тетя Лия и все семейство Лифшицев, собираясь в Израиль, решили оставить нам свою квартиру.

— Точнее говоря, продать, — объяснила мама. — Но цену Лия назвала чисто символическую. Так что хватит моих крохотных сбережений и даже останется на новые стулья...

Такой вот неожиданный и счастливый выход! Вместо грязного казенного общежития трехкомнатная квартира вблизи от центра! Жаль, конечно, старого дома, но его-то все равно уже не отстоять. Зато новое жилье будет чуть не в два раза больше нынешнего! Наш с Илюхой пестрый занавес упрячем в комод, на память!..

Но все же я сказала:

— Мама, а как же... Они же уезжают в такую даль, им же никакие деньги, наверно, не лишние...

Мама кивнула:

— Я махала руками, отказывалась: «Что ты, Лиечка...» Но она сказала: «Валюха, мы с тобой как сестры, какие счеты. Как я стану жить там, если буду знать, что ты здесь в беде?» А потом они с тетей Соней вообще запретили мне говорить на эту тему...

Я не очень хорошо знала тетю Лию. Она бывала у нас не так уж часто (тетя Соня — та даже чаще). Но с мамой они в самом деле были очень давние школьные подруги. Вроде как мы с Люкой. Мама, если рассказывала о своем ученическом времени, всегда начинала: «Когда мы с Лией...»

2

Началась квартирная лихорадка. Лифшицы готовились к отъезду. Часть мебели продавали, часть оставляли нам. И мы жили теперь «на чемоданах». Что-то упаковывали, что-то вы-

брасывали. Увязывали в пачки книги. Илья разбирал самодельные стеллажи, которые давным-давно смастерил и смонтировал папа.

А еще была великая возня с бумагами, хождение по всяким конторам. Главным образом этим занималась мама, но дважды пришлось ходить туда и нам с Ильей. У нотариуса мы трое подписали договор о покупке квартиры у бывших ее хозяев, Лифшицев. И теперь я, так же, как Илюха и мама, стала «владельцем недвижимости». Во как!..

Эти хлопоты днем отвлекали от печальных мыслей, а к вечеру я так уставала, что засыпала в один миг.

У Ильи тоже была масса забот. На него «надвигалась всей мощью и неотвратимостью» первая студенческая сессия. А кроме того, он вечерами и ночами продолжал колдовать над покорением непонятных для меня компьютерных сил и странств. И все намекал, что победа близка. «Не окончательная, но на данном этапе...» Мне кажется даже, что об этих делах он думал больше, чем о Татьяне, хотя они бывали вместе нередко...

А Пашка не звонил и не писал. Я себя успокаивала: наверно, так же замотался с квартирным обустройством, как и я...

Однажды Илья, Толик Гаевский и Таня притащили в нашу полуразоренную квартиру три большущие коробки. Мама изумилась:

— Это что?

— Компьютер, — гордо сказал брат.

— Господи... чей?

— Мой, — сказал брат.

Мама опустила руки. Она всегда боялась неожиданностей. Ей казалось, что Илья постоянно рискует «влипнуть в какую-нибудь авантюру». А здесь авантюра была налицо.

— Илья! Откуда?

Брат сказал, что проводит друзей и все объяснит.

Проводил и объяснил. По его словам, обстоятельства сложились так. Среди компьютерных идей, над которыми он колдовал вместе с друзьями, была одна, его личная. План какой-то хитрой и многоплановой игры «нового поколения». Такой, над которой фанаты этого дела «ульются слезами мук и восторга». Про идею узнали через Илюхиных знакомых люди из фирмы, которая такие игры выпускает. Заволновались, заоб-

лизывались. Стали уговаривать: пусть «коллега Мезенцев» уступит идею им. «Мы ее сами доведем до ума, а вам выплатим солидный гонорар». Илья признался нам, что, если бы закончил разработку самостоятельно, гонорар был бы не в пример больше. «Но, по правде говоря, эта тема не так уж меня занимала, не главная она. К тому же сессия на носу, вечный цейтнот. А деньги-то нужны!»

Ему заплатили четыре тысячи долларов (я никогда не видел таких денег! Мама, по-моему, тоже). Илья полторы тысячи потратил на компьютер с «обалденной памятью» и на сотовый телефон.

— Мапочка, буду звонить из любой точки пространства, чтобы ты не волновалась!.. А две с половиной тысячи забирай на хозяйство!

— С ума сойти, — слабым голосом сказала мама и опустилась на стул. — Илья... но это все законно?

— А-а-абсолютно! По договору с печатями.

Мама потом неделю светила гордой улыбкой. До сих пор сын был ребенком, о котором надо заботиться, и вдруг оказалось — кормилец... И само собой, что деньги в такую пору были очень даже не лишние.

А «кормилец» не возгордился, отмахивался от маминых похвал. И теперь ночами сидел у своей «машины» со светящимся монитором. Он и меня научил кой-чему на скорую руку. Несколько дней я, выбрав свободный час, развлекалась с компьютерными играми. Особенно мне понравились «Парусные гонки» и «Открытие Америки» с крутобокими каравеллами. Но, видимо, нет в моей натуре пристрастия к виртуальным пространствам, скоро меня эти игры притягивать перестали.

Гораздо больше компьютер увлек Лоську. Илья распознал в нем «близкую по духу личность» и охотно подпускал к «машине». За несколько сеансов Лосенок освоил немало премудростей (по крайней мере, по сравнению со мной). Лоська быстро научился выходить в Интернет и там отыскивал себе шахматных партнеров — то в Канаде, то в Австралии. И, как правило, «пускал из них пух и перья» (по словам Ильи). Труднее Лоське было иметь дело с компьютерной шахматной программой. У той было много уровней, и с низшими Лоська раздельвался в момент, со средними тоже проблем не было, а вот «на самом верху» ему приходилось туго. Продувал или еле сводил игру к ничьей. Бывало, что и выигрывал, но не часто. Хотя чем дальше, тем чаще...

Однажды он выскочил в большую комнату, где мы увязывали в пачки Джека Лондона и Гюго.

— Илья, он там чего-то написал... непонятное...

Оказалось, русифицированная программа не выдержала Лоськиной игры и заругалась по-английски. Илья довольно заухмылялся.

— Лось, «машина» заявляет: «Вы играете некорректно. Программой такие правила не предусмотрены».

— Чего это? — обиделся Лосенок. — Никаких правил я не нарушал, врет она!

— Она не врет! Просто оказалась не готова к твоим оригинальным вывертам... Ладно, подкорректируем... И дави ее дальше, лишь бы не задымилась...

«Машина» не задымилась, но мне казалось с той поры, что монитор опасно мигает, когда Лоська садится за клавиатуру...

В декабре их класс перевели на первую смену, и теперь Лоська часто прибежал к нам. То помогал с упаковкой, то воевал с сидящим в компьютере соперником. Иногда осторожно спрашивал:

— Пашка еще не написал?

— Нет еще... — И я сразу погружалась в грусть-тоску. Хорошо, что долго грустить было некогда.

Помимо квартирных дел были еще и школьные, и «театральные».

3

Во второй половине декабря мы наконец досняли «Гнев отца». Все прошло точно по плану. Томчик замечательно сыграл, как мальчик перепугался, увидав среди отцовских трофеев заморского идола. Он, заранее ожидая встречи со зловещим «Гневом», вошел осторожно в пустую комнату, двумя руками взял со стола оставленный там отцовский револьвер (громоздкий, почти как настоящий). Медленно оглянулся. Встретился глазами с чудовищем, которое пряталось в сундуке с откинутой крышкой. Вскрикнул, отшатнулся, вскинул ствол и нажал спуск. Щелкнул курок — вхолостую, конечно. Но в следующем кадре оказалась Лоськина рука в матросском рукаве, она-то грохнула настоящим выстрелом! Ударила пружина, страшилище разлетелось по разным углам, словно от разрывной

пули. Лишь корявая голова осталась на месте и глупо мигала сделанными из фольги веками.

Томчик этот жуткий для него миг виновато переждал по-одаль, с зажатыми ушами. Но никто не смеялся, не удивлялся. «У мальчика воспаление ушных перепонки, он мается каждый день». Даже Люка, Стаканчик и Лоська думали, что это по правде (или делали вид, что так думают).

После выстрела Томчик метнулся на прежнее место, схватил револьвер и вмиг опять сделался Томом Берингом — перепуганным, но со слезами великого освобождения:

— Папа я убил его! Убил этого Гнева! Он больше никого не тронет! Никогда!

Отец подхватил Тома на руки, прижал к плечу.

— Успокойся, малыш... я все знаю. Мой маленький Том... бедная живая душа...

Директор согласился сыграть отца сразу. Так, будто дело это самое обыкновенное. С таким предложением «подъехала» к нему я — постучала в кабинет, вошла и, набравшись наглости, начала, что вот, мол, Федор Федорович, без вас ну совершенно никак, а дело совсем недолгое, на пятнадцать минут... Он усмехнулся:

— Ладно, тряхну стариной. Когда-то играл в самодеятельности...

Усмешка добродушная и в то же время какая-то... как у человека, который все видит, все понимает. Может быть, не только наше желание заманить его в артисты? Может быть, и... наше участие в той самой «операции»?.. Ну а если и догадывается (хотя с какой стати?), зачем ему нас разоблачать...

Зал оставался запертым. А когда его открыли, стена против сцены была свежепокрашенной, салатной. Но это случилось уже после съемок, когда готовили елку...

Федор Федорович раздобыл для себя синий флотский пиджак, надел его с белыми брюками. Ну, прямо капитан клипера, морской волк. Расчесал маленьким железным гребешком седоватые усы. Уточнил:

— Итак, я только что вернулся из плавания. Мои вещи наспех сложены в пустой комнате. Сам я веду беседу со взрослыми родственниками, спрашиваю: а где же сын? И вдруг — грохот! Я кидаюсь на выстрел...

— Совершенно правильно, Федор Федорович, — поддакнул Петруша, который побаивался директора. — У вас прекрасно получится, вы настоящий капитан...

Директор чуть насупился:

— Да мне ведь не капитана придется сыграть, а перепуганного отца... Ну, ладно...

Он здорово сыграл! Мы даже все заплодировали. А Федор Федорович стоял, как-то виновато улыбаясь, и все прижимал к себе Томчика. Потом будто опомнился, опустил его с рук на пол, кашлянул и торопливо ушел. Даже не оглянувшись, когда мы вслед говорили наперебой «спасибо!».

На табурете остался его гребешок.

— Надо бы отнести... — заметил Петруша.

Опять же, кому идти? Конечно, мне...

Дверь кабинета была прикрыта неплотно. Я стукнула, никто не ответил. Я потянула ручку. Федор Федорович сидел за письменным столом, подперев щеки. Вздрогнул, быстро убрал из-под локтя в ящик плоскую блестящую фляжечку. И понял, что я это заметила.

Я быстро сказала:

— Извините. Я думала, вас нет, хотела положить гребешок. Вот...

— Положи... — сипловато сказал он и показал подбородком на край стола. Я подошла. Директор смотрел на меня покрасневшими глазами.

— Понимаешь, Женя... у меня никогда не было сына. Только дочки. Но у меня есть старшая сестра, у нее сын... Десять лет назад он был такой, как этот наш Томчик. Любил меня отчаянно. Я приеду, а он сразу прыг на шею... Потом вырос мальчик, послали его воевать в южные края... А месяц назад пришло письмо — убили мальчика... Вот такое дело...

Мне показалось, воздух стал твердым, как холодное стекло, не шевельнешься...

«Вот если бы сделать небо затвердевшим, — вспомнила я разговор с братом. — И повсюду, над всеми странами, написать на нем краской из баллона: «Нихт шиссен!»

Но как? Это на стене можно сделать надпись. Ну на десяти стенах, на ста... А над всей планетой — как? Да и кто сейчас смотрит на небо? Разве что сквозь прицелы зенитных комплексов...

Я шла домой и думала: если сегодня не будет письма от Пашки, лягу на кровать и буду скулить до вечера. Или колотиться лбом о дверной косяк. Письма не было. Но ни скулить,

ни колотиться не получилось, потому что дома оказались Илья и мама. Илья слинял с лекций, а мама взяла отгул, чтобы заняться упаковкой последних вещей. Вещи эти понемногу, день за днем, перевозили на квартиру Лифшицев (то есть уже на нашу новую квартиру). Из мебели остались пока на прежнем месте только наши кровати, старый комод и стол с компьютером.

Лифшицы уехали. Было прощальное чаепитие, слезы мамы, тети Лии и тети Сони. Ну — и все. Увидимся ли когда-нибудь?.. Правда, уехали они еще не за границу, а в Москву, там у тети Лии был двоюродный брат. У него они решили сделать «промежуточную остановку», чтобы утрясти в посольстве последние дела с переездом. Здесь оставался только младший брат тети Сони, Лазарь Михайлович, но и он должен был уехать на днях...

Вещи помогала перевозить мамина фирма, там давали фургон. Вот и сегодня он должен был приехать, чтобы перевезти на улицу Попова последние пачки книг, посуду и комод...

Взъерошенный от хлопот Илья оглянулся через плечо:

— Ну? Закончили съемку киношедевра?

Понятно было, что пустить слезу сейчас не дадут.

— Не «кино-», а «видео-»... Все отсняли, но ведь нужен еще монтаж. И запись музыки. Петруша сказал, что слепит эпизоды начерно и подберет мелодии, но это для первой, рабочей премьеры. Чтобы показать перед Новым годом всем, кто участвовал и помогал. А настоящий монтаж — дело хитрое. Это надо на компьютере, а Петенька наш не специалист... Помог бы ты, братец, а?

Илья сказал, что можно. Только не раньше, чем он свалит сессию. До этого — «сама понимаешь...».

Я рассказала Илье и маме, как снимали последний эпизод. И про племянника директора тоже рассказала. И когда говорила про это, в горле заскребло, будто глотнула мелко стриженную щетину... Мама только головой покачала и ушла на кухню. Я хотела сказать Илье про надписи на небе. «Помнишь?» Но поняла: не получится. Горло казалось запухшим. Илья снял очки и смотрел на меня, будто читал всю мою горечь (может, и про тревогу о Пашке догадывался?). Бывало и раньше, что он смотрит вот так, словно говорит: «Я бы рад помочь тебе. Но как?» И тогда делается заметно, что левый глаз у него поврежден...

...Пришел Лоська. Шепотом поведал мне, что Томчик там, во Дворце, отвел его в сторону и признался: «У меня ухо не болит, просто я боюсь выстрелов. Ты со мной из-за этого не раздружишься?.. Только Люке не говори, ладно?»

— А ты ему что?

— А что я... Говорю: «Нашел о чем страдать! Пойдем, — говорю, — завтра на площадь, там уже горки к Новому году поставили...» Жень, чтобы так признаться, надо, наверно, больше храбрости, чем для стрельбы. А?

— Да уж наверно...

Лоська помолчал и заметил умудренно:

— Кажется, нелегко ему будет жить на свете...

— А кому легко, Лось?

Он повел плечом: в самом деле, мол. У него хватало своих неприятностей. Недавно пришло известие, что отца могут перевести в другую зону-поселение, гораздо дальше от нашего города. Раньше Лоськина мать изредка ездила к мужу, а когда переведут, не доберешься. И обещанный пересмотр дела «заморозили»...

Впрочем, сегодня Лоська сказал, что перевод отца отменили!

— Мама хочет поехать к нему на Новый год...

— А ты?

— На двоих денег не хватит. Да и трудно: для детей, чтобы им ехать туда, нужно особое разрешение оформлять, не успеть уже...

Он закашлял.

— А с кем останешься?

— С соседями. Не привыкать...

Я как-то видела этих соседей. Ясно было: начнут керосинить в праздничную ночь, будет им не до пришлого пацана.

...Конечно, когда мать уехала, мы забрали Лоську к себе.

4

Праздник мы встречали уже на новой квартире. Было здесь еще не обустроено, не расставлено, не разрешено как надо, но все же в углу мы установили ярко-зеленую елочку, которую ставили каждый год. Была она искусственная, но пушистая, будто с настоящей лесной опушки. Папа купил ее, когда я была еще крохой.

А настоящую елку я не хотела, боялась даже. Запах хвои напоминал запах венков. И сразу вспоминалось белое папино лицо над коричневым краем гроба, перед тем как положили крышку и гроб ушел в шахту крематория... Рядом с крематорием есть длинная стена, на ней множество табличек с именами... И папина... Не хочу сейчас об этом...

Переливались на елке лампочки. Мы накрыли большой раздвижной стол, оставленный нам Лифшицами.

Лоська всем нам принес в подарок большущую коробку с шоколадным драже. Интересно, где взял деньги? Небось опять промышлял на бульваре у шахматистов, они там собираются в любую погоду...

Я для Лоськи тоже приготовила подарок: настенный календарь с портретом серого гладкошерстного кота: вдруг похож на Умку? Лоська серьезно подтвердил, что очень похож. А еще я подарила ему книжицу Джеральда Даррелла «Поместье-зверинец».

— Это про зоопарк, который он устроил на острове Джерси. На том, с которого монеты...

Лоська с этой книжкой сразу притих в большущем кресле, тоже оставшемся от прежних хозяев. Он скинул теплую одежду и остался в костюмчике с красным галиотом. Видимо, решил, что такой разноцветный наряд — самый подходящий для праздника. Тем более что батареи в комнатах жарили в полную силу, пришлось даже открыть форточки. Мама, правда, забеспокоилась:

— Лосик, тебя не продует? Ты и так все время покашливаешь.

— Нет, тетя Валя, ко мне сквозняк не долетает...

Пришел дядя Костя. Сказал, что заскочил к нам на минутку, по дороге в банкетный зал «Стройметалла». Мы, конечно, обрадовались и никуда его не отпустили.

Илья куда-то сходил и привел свою Татьяну. Она смушалась и потому показалась мне симпатичнее, чем прежде.

После двенадцати, когда отзвучали полагающиеся тосты и пожелания и были съедены салат с крабовыми палочками и купленные в магазине «Аппетит» пельмени, Илья с Таней ушли праздновать в свою студенческую компанию.

— Ма-а, это недалеко, на Гоголевской. Я позвоню...

Перед уходом Илья пустил Лоську к компьютеру. Тот быстро вышел на прямую связь с каким-то холостяком во Флориде, который хотел провести предновогодние часы в шах-

матных поединках (там-то, в Америке, еще был день). Сражались они долго и с удовольствием. А мама, дядя Костя и я сели смотреть старую, как вселенная, комедию «Карнавальная ночь».

Когда кино кончилось, дядя Костя распрощался.

— Надо все же заглянуть к коллегам. Возможно, они еще не все выпили-съели...

Лоська со счастливой улыбкой победителя спал перед выключенным компьютером — локти и голова на подлокотнике кресла. Мама легко подняла его на руки и понесла к постели. Лоська не проснулся, только покашливал во сне. Тонкие ноги болтались, как у деревянной куклы, с них все еще не сошел летний загар.

— Какая ты сильная, — сказала я маме, когда она укрыла Лоську пледом.

— Ох, да весу-то в нем... Кузнечик... Женя, знаешь, мне вдруг показалось, что я Илюшку несус... Так и не заметила, когда вы оба выросли.

— Мама, не грусти...

— Я не грущу. Просто подумала: как он там со своей Татьяной...

Илья словно услышал — тут же откликнулся. Позвонил, чтобы «еще раз поздравить семейство».

Мама поулыбалась и вдруг сказала:

— Женечка, я хочу показать одну вещь... Я разбирала портфель со старыми папиными документами, с письмами и фотографиями. Ну, с теми, где его бабушки, дедушки и другие давние родственники. Каждая карточка завернута в бумагу. И среди них — вот... Сначала я думала: тоже фотоснимок на толстом картоне...

Это был не снимок. Это была черная компьютерная дискета.

— Мама! А если это та, про которую говорил Илья...

— Вот и я думаю...

— Что же ты сразу ему не сказала?

— Я нашла сегодня утром. И решила, что лучше после праздника. Сегодня и так хватило хлопот...

— Мамочка, дай!

Я включила компьютер, вставила дискету, нашла на экране значок «Диск 3,5 [A:]». Такие-то простые штуки я делать умела. Курсором мышки надавила клавишу «Открыть». Открылась программа «Word». Компьютер пожужжал. Подождал. Монитор мигнул и выдал окошко с надписью:

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ!

Вот так... Наверно, был нужен тот самый пароль, о котором говорил Илья: «Ар-до-кап».

— Мама, здесь без Илюхи не разобраться.

— Ну и ладно. Подождем... — Мама казалась уставшей. Хотя почему «казалась». Ей так досталось в декабре...

Я спрятала дискету в книгу Грина — ту же, где лежал кленовый лист.

Мы с мамой решили выпить чаю на кухне.

— И съешь хоть кусочек торта, с одного ломтика не потолстеешь. Смотри, сколько осталось.

— Мамочка, я правда не могу! Лоська завтра все умнет, не бойся...

На холодильнике мигал черно-белым экранчиком наш старенький портативный телевизор. Знакомый всей стране ведущий важно рассказывал, какая погода будет в первый день нового года.

— ...В Яхтинске сорок два градуса мороза... — услышала я.

...Весь вечер я запрещала себе тревожиться о Пашке. Даже думать запрещала. Потому что, если ты в беспокойстве и печали проводишь новогоднюю ночь, весь год будет таким. Это — примета... Но сейчас я как представила обмерший от лютого холода город (сугробы, фонари, увязшие в морозном дыму) — словно сама оказалась раздетая на улице. Дернула плечами.

Мама быстро взглянула на меня и ничего не сказала.

«Ведь мог бы позвонить хотя бы перед праздником! Ну пусть у них дома там нет телефона, но с работы отца разве не мог? Или с почты — не такие уж большие деньги, если три минуты...»

«Ох, а куда позвонить? — вдруг ударило меня. — Ведь телефона этой квартиры он не знает!» Сразу представилось, как на подоконнике в пустой комнате, в темноте, бесполезно дрожит и трещит старенький телефонный аппарат. Мы оставили его там, поскольку он казенный... Представила — и... стало легче. Потому что, наверно, так и есть! Звонит!

А письма — что! Перед Новым годом на почте такая запарка. Лежит конверт в отделе сортировки, ждет своей очереди. Лишь бы не бросили письмо в ящик по старому адресу. Мы на почте оставили заявление о переадресовке, да ведь тетушки-сортировщицы при их-то загрузке могут и не вспомнить...

Надо сходить, проверить ящик, ключик-то до сих пор у меня!

Я слегка воспрянула духом. Сказала себе, что бывает так: изводишься из-за чего-нибудь, а потом оказывается — причина самая пустяковая!..

Мы решили не мыть посуду — завтра все равно в квартире масса работы, хотя и праздник. Хотелось спать. И все же я решила сделать последнюю попытку: вдруг случится новогоднее чудо? Снова включила компьютер и принесла дискету.

Но монитор ответил прежними упрямыми словами: «Введите пароль!»

ДОМ ПОД ФЛЮГЕРОМ

1

Это надо же! Заблудиться в родном городе! И не где-нибудь на глухой окраине, а недалеко от центральных кварталов! И не поздней беспросветной ночью, а почти что днем...

Хотя день был, конечно, только на часах, а на улице... Ну, сами знаете, в пять часов вечера в январе — это густо-синие сумерки. Еще полчаса — и в небе станет темно, как в полночь. Но это же только в небе! А в голове — понимание, что еще ничуть не поздно и впереди хороший вечер.

И я сперва ни капельки не беспокоилась, когда оказалась в незнакомых улочках. Даже интересно было: такая романтика, будто в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»! Домики под заснеженными крышами, карнизы и палисадники в пушистой оторочке, свет из окошек и от одиноких фонарей, деревья в куржаке. Месяц среди этих деревьев — тонкий, зеленоватый... Снег пахнет не бензином и гарью, а именно снегом, и поскрипывает, как в деревне. А еще пахнет дымком от печных труб.

Я впервые обратила внимание на холод, когда поняла: нет, не могу больше терпеть, надо прочитать письмо сию минуту! Встала под столбом, на котором светила желтая лампочка под плоским колпаком, начала стягивать варежки, чтобы вытащить конверт из-под куртки, и вдруг поняла: пальцы-то еле слушаются! Холод, оказывается, коварно, незаметно (потому что я шла и радовалась!) пробрался в вязаные рукавички, и руки стали коченеть неощутимо, как под наркозом.

Я принялась разминать пальцы, горячо дышать на них. И заодно стала приплясывать и двигать локтями. Потому что

наконец почувствовала: холод-то сочится и под куртку, и в сапожки, и под шарф. И цапает за кончики ушей! Днем было всего минус пять, а сейчас в воздухе ощущались сухие иголочки... Да, вон и месяц надыхал вокруг себя морозное облачко. Он, кстати, стал ярче, потому что небо совсем почернело.

Нет, сейчас не до письма! Надо уносить ноги из этой глухомани, пока они двигаются. Я вприпрыжку пустилась в конец улочки (даже и название-то незнакомое — Утюговская!), рассчитывая, что попаду на берег Таволги, а там недалеко нужный мне мост.

Но улица вильнула и уперлась... в никуда! То есть в крутую заснеженную насыпь. Что это? Дамба против весеннего разлива Таволги? Или просто гряда земли, которую навалили, когда сносили старые кварталы? У нас в разных местах города было немало таких мест. Городские власти одно время принялись расчищать места для новых строек, но сил и денег хватило только, чтобы срыть деревянные дома и огороды. Развалины и груды мусора годами лежали в окружении оживленных улиц, покрывались чертополохом и кленовой порослью. Вроде того пустыря, где любили бывать мы с Лоськой...

Здесь, у насыпи, светил еще один фонарь, и в его лучах с крутого склона съезжали на фанерках трое мальчишек, по виду первоклассники. Они были молчаливые и пыхтящие. Потому что съехать-то секундное дело, а забираться наверх — ого какая работа: кряхтишь, срываешься. Я постеснялась карабкаться на глазах у них (скажут: такая лошадь, а туда же...). И спросить дорогу к центру постеснялась. С независимым видом свернула, пошла скрипучей тропинкой вдоль насыпи (мамочка, а зябко-то до чего!). И опять оказалась на темной безлюдной улице. Оглянулась. Ну, что за деревня! Может, это уже не наш город, а какое-то другое пространство? Вроде тех виртуальных миров, про которые любит говорить брат...

Даже не верится, что где-то недалеко большие дома, яркие витрины, рекламы, площадь с толпой вокруг высоченной сияющей елки. Елка в эти вечера все еще сверкает огнями, и аттракционы работают всюю, хотя каникулы кончились.

...Они как-то стремительно промчались, эти каникулы. Дни промелькали и провертелись, как огни на каруселях, что рядом с елкой.

Мы ходили туда, на площадь, почти каждый день. Если не

было денег на горки и карусели, просто так бродили в толпе, смотрели, как вертятся, качаются и скользят по ледяным спиралам другие. Радовались коротким бурным фейерверкам, которые часто вспыхивали по краям площадки. Томчик, когда начиналась пальба и вспышки, вздрагивал и незаметно прижимался ко мне, но терпел.

Мама рассказывала, что, когда она была школьницей, все новогодние развлечения у городской елки были доступны для каждого, без билетов. А сейчас много не покатаешься, если в карманах пусто. Особенно на ледяных «американских горках». Билет на них стоил аж пятьдесят рублей! Однажды мы по всем карманам наскребли бумажки и пятаки-монетки и набрали эти полсотни. Купили билет и со смехом разыграли его в «морскую лотерею» (с выбрасыванием растопыренных пальцев).

Билет достался Томчику!

Все стали виновато смотреть в сторону. Ясно же, что не очень храбрый Томчик заботится лезть на верхокру и со свистом нестище оттуда по ледяным спиралам. Конечно, это не настоящие «американские горы», поменьше и без «мертвых петель», но все-таки... Надо было как-то искать деликатный выход.

— Томчик, тебе же нельзя! — нашлась Люка. — Мама говорила, что у тебя слабый этот... вестибулярный аппарат и частые головокружения!

Но Томчик, оказывается, не боялся! Он возмутился. Сообщил, что его вестибулярный аппарат (этот термин он выговорил без запинки) в полнейшем порядке, пусть Лючка не фантазирует. А если ему не хотят отдать выигранный билет, то это совершенно бессовестно и он пойдет домой.

Томчика наперебой успокоили и радостной толпой проводили ко входу на «посадочную площадку». Но могучая контролерша в тулупе непререкаемо заявила, что детей до двенадцати лет на этот аттракцион без взрослых не пускают. Напрасно Томчик звонком от отчаяния голосом врал, что ему уже «давно двенадцать!».

— Отойди, мальчик, не мешай проходу...

С высоченных ледяных хитросплетений летели вопли восторга и страха. Томчик обиженно мигал. Мы стали оглядываться: как найти для Томчика взрослого партнера — подобное и понадежнее на вид?

— Вон ваш учитель! — вдруг обрадовался Лоська.

— Дмитрий Витальевич, здравствуйте, — возликовали мы все.

Наш географ был с девушкой лет семнадцати, симпатичной такой, в белой пушистой шапке и в шубке с меховой оторочкой — ну прямо снегурочка. Он сказал, что это его двоюродная сестра, приехала на каникулы из Омска.

— Увидела эту верхотуру и тащит на нее меня, поскольку одна... гм.. опасается.

— Ничуть не опасуюсь, просто вдвоем веселее!

Конечно же, мы уговорили их прихватить Томчика!

— Пошли, племянничек, — сказал Дмитрий Витальевич. — Буду держать тебя в охапке, чтобы ты не усвистал куда-нибудь в соответствии с центробежными законами... — А сестре объяснил: — Я осенью в телеспектакле играл дядюшку этого отважного юноши...

Когда они «спустились с небес», глаза Томчика храбро блеснули, а лицо было розовым — то ли от недавнего встречного ветра, то ли от преодоленного страха.

— Какой отчаянный ваш Томчик, — сказала снегурочка Лена. — Я несколько раз верещала, а он только хохотал по-пиратски: «Ха! Ха! Ха!»

Дмитрий Витальевич сказал:

— Лена робко интересуется: нельзя ли ей побывать на премьере «Гнева отца»? Данное мероприятие, насколько мне известно, послезавтра?

Мы заверили, что «обязательно можно», хотя это не настоящая, а только предварительная премьера.

2

В самом деле, до официальной премьеры было еще далеко. На восьмое января назначили только рабочий просмотр наскоро смонтированного материала — для тех, кто участвовал в съемках и кто помогал: готовил костюмы, мастерил страшлище, настраивал магнитофоны. Собралось человек тридцать. В «зеленую» гостиную специально принесли большой телевизор из директорского кабинета.

Ну, честно говоря, мне понравилось то, что мы сняли. Пусть склейки эпизодов были еще неаккуратные, пусть музыка местами была подобрана наспех, пусть звук иногда барах-

лил, это было не главное. Главное — Томчик. Как он играл... У меня порой в горле чесалось от слез...

Когда пленка кончилась, все захлопали. Громко так! Только Томчик сидел с опущенной головой и розовыми ушами.

Федор Федорович покашлял и сказал:

— Мне, с одной стороны, неловко высказываться, поскольку я сам участник, хотя и в эпизодической роли... но я, как директор, а не как актер... да... Думаю, мы можем смело предложить эту вещь на весенний конкурс детских студий...

И все захлопали снова.

Петруша сказал, что с этого предварительного экземпляра спектакля он сделал копию. И что ее справедливо вручить главному исполнителю. Томчик стыдливо засопел и начал было отказываться: «Почему мне...», но я шепнула:

— Мы потом у тебя перепишем для всех...

Кроме кассеты Петруша подарил Томчику... знаменитый черный револьвер.

— Если пока уши болят, просто повесишь на стенку. На память. А подлечишься — и пали на здоровье.

О настоящей «болезни» Томчика он так и не знал. Или делал вид...

На следующий день Томчик мне (один на один) поведал, что показал «Гнев отца» дома.

— Отец удивился: «Неужели ты по правде стрелял?» Я... соврал, что да...

— Ты не соврал, а просто опередил события, — успокоила я. — Научишься потом и покажешь отцу...

— Ага... А пока я спрятал наган за сундук в кладовке. А патроны еще дальше...

Суэта и мельканье всяких дел отодвигали мысли о Пашке. Но совсем тревога не забывалась. Нет-нет да и пробьет холодная струйка. А по вечерам случалось, что совсем тоска. Уехал полтора месяца назад — и ни письма, ни телеграммы...

— Может, позвонить на почту? Мол, не залежалось ли у вас среди пачек новогодних поздравлений письмо из далекого сибирского Яхтинска?

Но было страшновато. Скорее всего услышу в ответ: не мешай работать, девочка, мы свое дело знаем...

Однажды я все же не выдержала... Было около шести вече-

ра, мама еще не пришла, Илья тоже. Почтовое отделение работает (я это знала) до семи. Позвоню! Ну, не съедят же!..

Я села в прихожей у столика с телефоном. Номер отдела доставки я знала давно — он был похож на номер нашего прежнего телефона, потому что в одном районе, по соседству. Только две последние цифры разные. У них «семьдесят три», а у нас «одиннадцать».

Я стала медленно нажимать кнопки. Одна... две... три.. четыре.. пять.. шесть... Мне казалось, что, если набирать старательно и не торопясь, будет больше шансов на удачу. (На какую удачу-то?.. Ненормальная.)

Ну, конечно! Длинные гудки, трубку никто не берет. Одни обещания только, что работа до семи, а сами небось разбежались уже по домам. Потому и писем не дожدهшься... Хотя... вот балда-то! Я же машинально набрала не номер почты, а старый домашний!

Мне опять представилась пустая темная комната (лишь месяц в окошке), дребезжащий аппарат на подоконнике. Кто к нему подойдет-то? Разве что рабочие, которые начали там ремонт? Но едва ли начали! Пока это ведомство раскачается... Да и седьмой час уже...

Так я размышляла, слушая, как гудит пустое телефонное пространство. Пусть гудит. Все равно там никого нет... А вдруг есть?

Вдруг все-таки есть? Что, если в оставленной квартире поселился косматый и рыжий от ржавчины железнодорожный гном — из тех, которые обитают под насыпями и в старых вагонах на запасных путях?.. Мне в голову иногда «впрыгивали» такие вот стремительные сказки. В самые неожиданные моменты. И я тут же явно представила, как длиннородое низенькое существо в колпаке с кряхтением выбирается из кладовки, ковыляет к окну. Берет трубку. «Алло...»

— Алло! Извините, что я не сразу подошла. Звонок тихий, а я на кухне...

Я чуть не упала с табурета.

Голос был женский. Я словно увидела пожилую, похожую на библиотекаршу Анну Григорьевну, тетеньку.

— П... простите... я, кажется, ошиблась. То есть набрала случайно... Это двадцать три, семьдесят один, одиннадцать?

— Совершенно верно, вы не ошиблись. Но вы, очевидно, хотели поговорить с прежними жильцами? Они переехали, и я, к сожалению...

— Нет-нет, — я отчего-то глупо заторопилась. — Я не хотела! То есть... я сама прежний жилец. Я по привычке набрала номер, и вдруг... Я не думала, что кто-то ответит... А вы там... ремонтируете, да?

— Нет, я здесь живу. Мы переехали буквально два дня назад... Меня зовут Людмила Георгиевна. Простите, а вас?

— А меня Женя. И можно не говорить мне «вы», мне тринадцатый год, — сказала я, потому что ощутила неожиданную симпатию к незнакомой Людмиле Георгиевне. Хотя, казалось бы, надо ощущать обратное! Ведь, судя по всему, милицеско-жилищные начальники вытряхнули нас из прежней квартиры, чтобы отдать ее этим вот новым жильцам! А разговоры о ремонте были только прикрытием!

Я не удержалась:

— Нас заставили съехать, потому что якобы ожидался ремонт. — В это «якобы» я вложила некоторую иронию.

— Женечка, вы правы! — Она продолжала говорить мне «вы». — Но случилось много неожиданностей. В милицеском ЖКО не нашлось денег, и оно очень быстро переправило дом в ведение городского хозяйства. А в нашей старой квартире случилась беда, рухнул потолок, и нам срочно выделили вот эту жилплощадь. В аварийном порядке... Я чувствую себя крайне неловко. Получается, что мы стали невольной причиной вашего выселения...

— Что вы! У нас-то все в порядке. А вот вам придется, наверно, повозиться с ремонтом, квартира старая, — посочувствовала я...

— Боюсь, что придется. Сын уже начал хлопотать... Но все же это лучше, чем было прежде... Женечка, я могу быть вам чем-то полезна?

«Не обижайте ржавого гнома, который живет в кладовке», — чуть не брякнула я.

— Людмила Георгиевна... могут прийти какие-нибудь письма. Вообще-то мы сделали заявку о смене адреса, но вдруг на почте забудут... Можно, я иногда буду звонить вам?

— Разумеется! Но... очень хорошо, что вы позвонили сегодня. Завтра у нас сменят номер. Этот-то ведомственный, его снимают, а мы переносим сюда свой старый. Запишите, пожалуйста: девятнадцать, ноль три, ноль два...

— Спасибо! Я запомнила...

— И, если не трудно, оставьте свой номер. На всякий случай.

Я продиктовала. Мы очень мило попрощались, и я в течение недели наивно ждала: вдруг Людмила Георгиевна позвонит и скажет, что пришло письмо. Уже кончились каникулы, а звонка не было. И письма не было. Я не выдержала и позвонила на прежнюю квартиру снова.

Ответила не Людмила Георгиевна. Голос был недовольный, сиплый и явно мальчишкин:

— Квартира Карцевых...

— А... с Людмилой Георгиевной можно поговорить?

— Бабушки нет, она в аптеку пошла... Передать ей что-то?

— Я... дело в том, что я Женя Мезенцева. Которая раньше жила там, у вас. Я хотела узнать, нет ли письма...

— А! Понял... Письма нет. Мы бы сразу позвонили...

— Жаль. Ну ладно... — Оставалось сказать «пока» и положить трубку. Мальчишка все так же сишло проговорил:

— Женя, подожди... у меня вопрос. Меня зовут Игорь. И я нашел в кладовке, в щели под плинтусом, гномика.

Я заморгала:

— Ка...кого гномика?

— Крохотного. Ну вроде тех, что бывают в киндер-сюр-призах. Наверно, это твой. Он тебе нужен?

Я не помнила никакого гномика (кроме того, что придумала в недавней сказке). Илья в юные годы, кажется, собирал коллекцию игрушек из шоколадных подарочных яиц, но потом растерял, а я этим делом никогда не интересовалась.

— Игорь, пусть он живет, где жил. Может быть, это домовой, который притворился гномиком. Его переселять нельзя.

Игорь отнесся с пониманием.

— Ладно. Я его устрою поудобнее... А ты в каком классе?

— В седьмом.

— А я в шестом... Мне еще только одиннадцать...

— Дело поправимое, — утешила я. И спросила: — У тебя что, горло болит?

— Ага, — с удовольствием сказал он. — Оно не сильно болит, только припухло. Зато можно в школу не ходить, продолжение каникул.

— Повезло...

— Ага, — опять сказал он. — Только бабушка ворчит, если я спускаю ноги с кровати. Ей кажется, что из щелей дует...

И тогда я вспомнила:

— Игорь! Вы ведь будете делать ремонт?

— Наверно, придется. Ближе к весне.

— Если станете перестилать полы, посмотри, пожалуйста, в маленькой комнате: там под половицами должна быть монетка с кораблком. Желтая, тяжеленькая такая, выпущена на острове Джерси. Вот ее мне очень-очень хотелось бы обратно... Понимаешь, улетела в щель...

— Ладно, я посмотрю.

— Ну, лечись...

— Ага... до свиданья.

Я посидела рядом с телефоном. Хмыкнула: надо же, гномик... А может, не случайно? Может, счастливая примета?

Аппарат затрезвонил — как-то резко, нетерпеливо. Я вздрогнула, схватила трубку.

— Квартира Мезенцевых?

— Да!

— Семьдесят второе почтовое. Письмо для вас, только странное какое-то. Очень приблизительный адрес, решили уточнить. Евгения Мезенцева — это у вас?

— Да! Да, это я!

— Письмо из Яхтинска...

— Да! Это мне!

— Значит, пересылаем?

— Да!.. То есть нет! Можно я приду сама?! Прямо сейчас!

— Можно. Так оно быстрее будет. Поторопись только, мы сегодня до пяти, суббота. Успеешь?

— Да! Обязательно!

3

На часах было пять минут пятого. Я прикинула — если повезет с трамваем, доберусь за полчаса.

Наша новая квартира — в районе, который называется «Парковый», потому что в этих же краях расположен Центральный городской парк. До школы добираться стало гораздо дальше, однако ближе до Лоськи и до Томчика. Гудки тепловозов здесь были не слышны, я по ним даже скучала. Зато — своя комната. Я об этом раньше и мечтать не смела. И дом хороший, девятиэтажный. Мы — на третьем этаже, как и прежде. Но здесь, если лень топать по ступеням, можно на лифте...

С трамваем не повезло. Где-то был не то обрыв провода, не то снежный занос. Разноцветные вагоны на рельсах стояли

бесконечной вереницей. Илья говорил: «У нас как зима, так стихийное бедствие — снег. Для мэрии это каждый раз неожиданность, как в Южной Италии...» Ох, чтоб она, эта мэрия с городским хозяйством, провалилась!..

К счастью, рядом с трамвайной остановкой притормозил автобус — недавно открыли коммерческий маршрут до площади Черепановых, это недалеко от нашей «Сортировки-два». Хорошо, что у меня в кармане был железный пятирублевик! Я с разбега прыгнула в дверь.

Маршрут оказался дурацкий — с какими-то объездами и хитрыми поворотами. К тому же на улице Гоголя мы минут на десять застряли в пробке. Я вся извелась.

Но все же я успела! На почте оказалась без пятнадцати пять.

В маленьком почтовом отделении было тепло и уютно. И все знакомо, как дома. Потому что мне приходилось бывать здесь много раз. Но в отделе доставки я никогда не была. Меня впустили в маленькую дверь. Я оказалась среди полок с пакетами, свертками, ящиками. Суровая на вид тетя сказала:

— А-а, Мезенцева... Документ-то есть?

Я обмерла. Какой документ? Свидетельство о рождении, что ли? Топать домой и ждать до понедельника?

— Я... не знала. Вы же не сказали...

— Все-то вам скажи да по полкам разложи... От кого ждешь письмо-то?

— От Паш... от Павла Капитанова.

— Получай. Чего он, Капитанов твой, такой растяпа? Номера позабыл!

— И правда растяпа! — радостно согласилась я. Потому что вместо нормального адреса было под названием города мелкими печатными буквами выведено: «Ул. Машинистов, трехэтажный кирпичный дом напротив магазина «Овощи», кв. на третьем этаже, левая угловая дверь». И потом уже: «Мезенцевой Евгении». Картинка на увесистом конверте была заклеена желтым бумажным квадратом, а на нем — слова: «Уважаемые сотрудники почты! Пожалуйста, разыщите адресата, это очень важно! Спасибо!»

Нет, в самом деле растяпа, разгильдяй, пустая голова! Позабыл точный адрес, поэтому и тянул с письмом, балда несчастная!.. Еще и почтовый индекс забыл: вместо цифр 7 и 2 — нацарапаны кривые ноли!..

Кажется, я довольно долго с размягченной улыбкой разглядывала конверт. Тетка проворчала:

— Ступай, красавица, дома прочтешь. Нам закрываться пора.

После этого вскрывать здесь письмо было неловко. Ладно, дома... Ох и понаписал Пашенька! Вон какое толстенное, будет что почитать...

Я, пританцовывая (в душе, конечно), вышла на крыльцо. Были уже сумерки. Разноцветные окна вокруг светились, как прозрачные мармеладинки на елке. Я зашагала к трамвайной остановке. Там праздничность моя малость потускнела. На рельсовом кольце стоял единственный трамвай — без огней и с опущенной дугой. Сердитый дядька объяснял закутанной спутнице, что «понимаешь, они, паразиты, встали по всей линии, и хрен их знает, когда пойдут, потому что какая-то фигня на подстанции...».

На трамвай-то у меня был месячный абонемент, а денег больше ни гроша, на автобусе не поедешь. Можно, конечно, попробовать без билета. Но я представила, как горластая кондукторша привяжется, начнет орать и выгонять. Испортит всю радость от письма. И я подумала: «Если не через центр, а мимо рынка, напрямик — это не так далеко...» И поскольку настроение все еще было прыгучее, бодро двинулась в путь.

Рынок я миновала быстро. Он был еще открыт, вдоль бетонной изгороди горели веселые огоньки, радио неразборчиво голосило рекламу. Но я «проложила курс» в стороне от этой цивилизации. Свернула в одноэтажную улочку, по которой раньше никогда не ходила. Прикинула общее направление к Парковому району и решила, что так оно будет ближе.

В этой улочке (кажется, Леонтьевской) как раз и началась глухомань, в которой я заплутала. То есть я, в общем-то, представляла, куда иду, и понимала: в конце концов должна выбраться на берег, к одному из мостов, а там до дома рукой подать. И один раз даже выбралась!

По берегам чернели старые кварталы и высоченные ели, уютно горели огоньки, все также похожие на мармеладинки или леденцы. Река не замерзла, слишком много в нее спуускали всякой дряни, холод не брал эту химическую смесь. Над водой курился туман. Он растворялся в воздухе. А в этом тумане слабо растворялся свет ближних фонарей, и небо над ре-

кой было розовато-серое. В небе я увидела силуэты высоких груб с фигурными верхушками. Это на другом берегу стоял похожий на рыцарский замок старинный завод. В наши дни гам выпускали кока-колу и минеральные воды.

Завод оказался гораздо левее, чем я ожидала. Недалеко от него был мост, от которого улица вела к парку. Но мне к парку было не надо, мне — к другому мосту, на улице Чернышевского. Летом к нему вдоль реки вела среди кустов тропинка, но сейчас все было завалено сугробами. Я дала задний ход, чтобы пойти к «чернышевскому» мосту ближними переулками, и в них запуталась окончательно. Потому что сперва дурацкие повороты и тупики, потом насыпь в конце улицы...

А тьма была уже совсем ночная, а холод был уже совсем полярный... Синоптики, наверно, предупреждали о близком похолодании, но я сводку прозевала...

Кругом теперь виднелись одни только заборы с калитками. Геплые дома с абажурами, печками и телевизорами прятались за этими заборами, им не было дела до несчастной Женьки Мезенцевой, которая может глупо закоченеть до смерти посреди большого города совсем еще не поздним вечером...

И вдруг я поняла, что дело-то и правда не шуточное. Ноги сводит от холода, куртка не греет нисколько, куда идти — совсем непонятно. И дойду ли? Появилось даже совершенно предательское желание — присесть на ближнюю лавочку у калитки и подремать, потому что стала наваливаться сонливость.

«Не вздумай! — испугалась я. — Вот так и замерзают...»

Самое разумное было войти в какой-нибудь двор, постучаться в дом и спросить у хозяев дорогу к центру. И погреться заодно. Не съедят же! Но стыд какой... Скажут — здоровенная девица заблудилась в городе, как первоклассница в дремучем лесу... А может, и выгонят: «Ходит тут, высматривает! Может, кражу задумала...»

Мне захотелось сесть на корточки и заскулить. Подумала: «Вот помру тут и даже не узнаю, что в письме...» А следом проскочила еще одна мысль: «И что в папиной дискете, тоже не узнаю...» Потому что Илья колдовал, колдовал, но все никак не мог разгадать пароль и открыть текст. Даже его хваленая «теория двойного рикошета» не помогала. Я иногда злилась и говорила напрямую: «Тоже мне специалисту, гении виртуальных пространств...» Илюха огрызнулся: «Попробовала бы сама...» Но дискета далеко, а письмо-то за пазухой! Может, все-таки собраться с силами, вытащить, прочитать? Вон и

лампочка светит у калитки. Она, кстати, совсем низко. Можно встать на цыпочки обхватить ее, погреть пальцы...

Я пошла под лампочку (в пятках толкалась тупая боль). Калитка открылась, из нее вышел старик с ведром.

Сразу было видно, что это старик. Сгорбленный, с седой щетиной, которая блеснула под лампочкой. Он был в странной шапке — круглой, мохнатой, с очень длинными ушами, которые можно, если захочешь, обмотать вокруг шеи или завязать у подбородка. Я такие только в кино видела, про военные времена, и то в них там ходили не взрослые, а девчонки и мальчишки...

Старик глянул на меня, прошел мимо, звякая ведром, и шагнул к водопроводной колонке — она торчала в двадцати шагах рядом с протоптанной в снегу дорожкой. Валенки — хруп, хруп...

Гулко ударила в ведро тугая струя. Потом старик захрупал широченными валенками обратно. Поравнявшись, опять глянул на меня (я торчала на месте так же, как колонка). Тогда я осипшим голосом сказала:

— Вы не знаете, как пройти к ближайшему автобусу? — На то, что нет денег, мне было уже наплевать.

Старик не удивился. Поставил ведро.

— Заплутала, что ли?

— Ага... — призналась я. — Трамваи не ходят, хотела напрямик...

— Бывает. Ты ступай теперь до первого поворота, а там... А никуда не ступай. Идем-ка, голубушка, ко мне, отогреешься сперва. Я гляжу, ты совсем остекленевшая. Этак до беды недалеко... Да не бойся, я девиц не ворую, возраст не тот...

Я не боялась. Было уже все равно. Да и с какой стати дед, вышедший набрать воды, будет воровать девиц?

Он открыл калитку, пропустил меня вперед. Я пошла по тропинке среди заснеженных кустов. Впереди подымался косяковой дом. Старик, покашливая, говорил у меня за спиной:

— Ты чего-то не по сезону одета, красавица. Холод такой...

— Днем было не холодно... — выговорила я.

— Днем-то да, а тут вон как в момент прижало... И сразу воды в краях не стало, ядерный корень. Это первый признак, что мороз надвигается, такая наша водопроводная сеть. Одно спасение, что колонка рядом и не замерзает...

Двор был обширный, тропинка полого вела вниз. Небо над домом было туманно-серым, с розовым дымком, и я поняла, что река опять рядом. На фоне этого неба чернел треугольник острой крыши. Вершину треугольника украшал флюгер — то ли жестяной, то ли фанерный кораблик. Похожий на трехмачтовый галиот, но толком не разглядеть...

Мы обогнули дом. Рядом с крыльцом светила, как граненый фонарь с цветными стеклами, верандочка (называется, кажется, «эркер»). Я думала, мы поднимемся на крыльцо, но старик велел: «Шагай дальше». Дальше была среди расчищенного снега приземистая дверь. Старик обогнал меня, крикнул, потянул ручку. В тесных сенцах зажглась яркая лампочка, пахло морозной рогожей. Старик раскрыл еще одну дверь — на встречу дохнуло спасительное тепло...

БРАМСЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР

1

Да, каникулы кончились, но старинное праздничное время, которое называется «Святки», еще не прошло. Наверно, поэтому меня и ухватила, втянула в себя одна из сказок, что случаются в такую пору. Но об этом я размышляла уже по дороге домой. А там, в старом доме под корабельным флюгером, я просто удивлялась и радовалась...

Я оказалась в приземистой комнате, которая была... ну, не знаю. Берлога — не берлога, мастерская — не мастерская, музей — не музей. А может, каюта? По крайней мере, одно из двух окон было забрано досками и в доски эти врезан иллюминатор с поднятой крышечкой, с медным винтом. Настоящий, корабельный.

Охватившее меня тепло пахло сухим деревом, масляной краской, скипидаром, табаком и березовым дымом от обмазанной серой глиною печки с плитой. В полуоткрытой дверце светились угли.

Старик подбросил дровишек.

— Ты давай-ка ближе к огоньку...

Но я стояла и оглядывалась.

По углам громоздились коряги (вроде тех, которая была «Гневом отца») с вырезанными на отростках клювами и когтями. На подоконниках груды лежали крупные раковины,

тяжелые коралловые ветви и великанские сухие тыквы (кажется, заморские). Среди них торчал шлюпочный якорь. Под потолком поворачивалась в теплом качании воздуха метровая сушеная рыбина с частыми зубами в пасти-полумесяце. От нее плавала по стенам длинная тень. Светила яркая, свечей на двести, голая лампочка. Кривую потолочную балку подпирал квадратный столб. Его снизу доверху украшали морские звезды, африканские маски, мотки троса и оплетенные сетками стеклянные шары — поплавки от сетей.

Стены были вперемежку покрыты желто-серыми листами карт, небольшими картинками и этюдами (в рамках и без) и покосившимися полками с рядами книг. А кроме книг на полках стояли темные пузатые бутылки, пивные кружки и ковраблики.

На столбе главное место занимал облупленный спасательный круг с двумя надписями. Сверху, по белому, — МЕРИДИАН. Снизу, по красному, — КАЛИНИНГРАД.

В углу над грудой книг подымала мачты метровая модель брига — недостроенная и, кажется, заброшенная.

Пол был застелен плетеными из лоскутков половиками. На половиках, рядом с кучкой березовых поленьев, лежал серый кудлатый пес. Большущий. Совершенно беспородный и совершенно добродушный. Глянув на меня, он гавкнул, но так нерешительно, что не испугался бы даже младенец.

— Цыц, Чарли! — загудел прокуренным голосом старик. — Не стыдно тебе, ядреный корень? Вот я тебя. Как узнаешь чем, станет в брюхе горячо! Человек в гости пришел, а ты...

Чарли стало стыдно, и он приблизился — извиняться. Я засмеялась и сунула пальцы в его густую греющую шерсть. Чарли поднял ветер похожим на швабру хвостом.

Старик придвинул к печке пузатый бочонок («анкерок» — вспомнила я).

— Садись к огоньку. Да куртку-то сними и сапоги тоже, сейчас мы их согреем. А ноги толкай ближе к дверце, вот сюда, на поленья...

И я послушалась. Тепло сразу побежало по ногам, и стало так хорошо, что я чуть не заплакала от счастья. Чарли сидел рядом и радовался вместе со мной. Где-то звонко стучали часы.

— Сейчас мы чай вскипятим. Зря я, что ли, воду ташил?

Старик водрузил на плиту большущий чайник — зеленый,

с черными пятнами отбитой эмали на вмятинах. Мои сапожки устроил на кирпичном приступке дымохода, повыше плитки, а куртку повесил на плечиках на протянутую над печкой веревку (на ней сушились какие-то листья, табак, наверно).

Потом он сел против меня на некрашенный табурет.

— Как тебя звать-то, красавица?

— Женя... — Я млела от тепла и сказочной обстановки.

— Ишь ты! — обрадовался хозяин «каюты». — Как меня! То есть в нынешние времена я главным образом Евгений Иванович. Но кой-какие, пока еще живые давние приятели до сих пор кличут по старой памяти «Женька Живописец»...

— Вы художник? — сказала я, снова оглядев углы и стены.

— Я, Женя, на данном отрезке жизни прежде всего натуральный пенсионер. А был я... кем я только не был... И швец, и жнец, и на дуде игрец. Потому как по природе своей уродился бродягой... Уродился, надо сказать, еще в давние довоенные годы, в степном казахстанском краю, где ни леса, ни большой воды. А мне хотелось с малых лет поглядеть тайгу и моря-океаны. И в четырнадцать лет я на товарняке рванул с родной станции на Урал. Дома оставил записку, что поехал поступать в ремесленное училище... Спросишь, почему на Урал? А чтобы подальше от дома. Матушки в ту пору уже не было, а отец, если бы догнал, выдрал бы по полной форме, несмотря на мой большущий рост... Ну, поболтался я по училищам, а потом, набравшись наглости, поехал в Москву, поступать не куда-то, а в Суриковский институт. Потому как в душе была немалая склонность к живописи... Говорят, нахалам везет — поступил...

Евгений Иванович говорил спокойно и охотно; ему, видно, нравилось рассказывать про свою жизнь, в которой хватало приключений. Я слушала и поглядывала на него.

Симпатичный был дядька, хотя, на первый взгляд, чересчур помятый. Волосы торчали сосульками, как у Лоськи, только у того они были темные и густые, а у старика седые, редкие, сквозь них проглядывала розовая кожа. Седые были и брови, клочковатые, как у Деда Мороза. А может, и правда Дед Мороз, подобранный в зимней ночи заблудившуюся девочонку? Но для этой роли не хватало бороды. Были только усы. Причем не седые, а светло-рыжие — наверно, не от природы, а от прокуренности. Одет он был сейчас в широченный серый свитер крупной вязки, к шерсти прилипли щепочки и всякая шелуха. Морщинистая шея далеко торчала из разношенного

вороты. Лицо было складчатое, губы — широкие и улыбочные, зубы — редкие и желтые.

Евгений Иванович продолжал свою историю:

— ...Ну и стал я думать: че почем. Трезвый разум твердит: кончай институт, дурак. А душа вопит: хочу за синие горизонты!.. Победила она, душа-то, сбежал на Балтику. В матросы пошел на траулер, поболтался по морям, боцманом стал. Карьера, так сказать. Стали кликать уже не Женька Живописец, а Женька Боцман. А с красками опять же расставаться не хотелось. Чуть что — сразу за этюдник... А когда трал вытянут, я первым делом гляжу: какая в нем редкая морская живность? Сам научился делать чучела, до сих пор вон трофеи... Ах ты, ядреный корень! — Это выплеснул на плиту кипятком взбурливший чайник.

Евгений Иванович достал с полки две синие, с белыми корабликами, фаянсовые кружки. Налил из такого же синего чайника заварку, залил кипятком, размешал сахар, добавил молока из принесенной с подоконника бутылки. Поставил на поленья коробку с сухарями.

— Глотай, прогревай все трюма, гостя дорогая. С молоком оно здоровее... — Сам он, однако, пить не стал, кружку поставил на табурет. Оглянулся на дверь, на меня. — Я это... для старческого организма необходим дополнительный сугрев. Ты меня не осуждай и не выдавай, ежели что...

Я не осуждала, только Чарли, не подымая морды, смотрел на хозяина с укоризной.

Евгений Иванович на цыпочках (что было очень смешно в растоптанных валенках) двинулся к окну с иллюминатором, отодвинул там одну доску, вынул плоский бутылек с пестрой наклейкой. Крупно глотнул, крикнул, спешно завинтил пробку.

— Лишь бы моя Варвара Михайловна не учуяла... Ох, легка на помине! — Он торопливо уселся напротив меня с кружкой в узловатых пальцах. Потом с невинным видом оглянулся на заскрипевшую дверь.

Вместе с облачком холода возникла Варвара Михайловна.

Крупная тетька в накинутой на голову и плечи пуховой шапки. Без куртки, без шубы, в легкой кофточке (наверно, пришла из другой части дома, что с крыльчонка). Была она не старуха, но очень пожилая. С резкими морщинами.

— Привет тебе, моя Варвара! — слегка игриво воскликнул Евгений Иванович. — Докладываю: воду принес, вон в ведре.

По дороге отыскал снегурочку, вот отогреваемся чайком. Со всем замерзала, бедняга, заплутала в незнакомом квартале...

Варвара Михайловна кивнула мне без удивления и довольно благосклонно. Старику, однако, сказала:

— Нюхом чую, ты согрелся уже не только чайком...

— Да ты что, старая! — артистично вознегодовал бывший боцман. — Женя, скажи моей подозрительной супруге: мы что-нибудь принимали, кроме чая?

— Ни-ни... — весело вступилась я за старика. И запоздало сказала: — Здравствуйте...

Супруга не поверила.

— Вот и заступницу нашел... Здравствуй. Он, Женя, всегда кого-нибудь найдет, какой-нибудь редкий экземпляр. Один раз, не поверишь, выловил в Северной Атлантике морскую черепаху, каких там отродясь не водилось. Про это даже в «Советском рыбаке» писали, была в ту пору такая газетка, чтобы селедку заворачивать...

— Грех тебе, Варвара, сравнивать девочку со случайной морской тварью, — хрипло прогудел старый рыбак. — Я чело-века, можно сказать, от лютой морозной гибели спас, отогреваю в аварийном порядке, а ты...

— Ну и отогревай, только не умори сызнова, угаром. Открыл бы форточку, а то у тебя здесь не воздух, а коктейль. Табачищем разит. Опять дымил, как старый буксир с угольной топкой...

— Я?! — опять возмутился Евгений Иванович. — Одну сигарету с утра, как условлено. А табака — ни затяжки!

— Хм... — сказала Варвара Михайловна. — Вот чего ты с детства не умеешь, так это врать.

— Цыц, женщина! В гневе я страшен. Как узнаешь че по чем — будет в брюхе горячо!

— Ох, язык. Постыдился бы при девочке-то...

— А чего?.. Я же это... сказал «в брюхе»...

— Сказал он... Дай-ка заварку, тоже чайку глотну.

И она с кружкой (не синей, а желтой, как цыпленок) устроилась на краю топчана, укрытого лоскутным одеялом.

— Вот такая жизнь, — пожаловался мне Евгений Иванович. — Сорок лет сплошного угнетения. А из-за чего? Из-за одной сигареты...

— Из-за одной, — сказала из-за кружки его жена. — Посчитать бы, сколько ты их за эти сорок лет высосал. Не говоря уж о махорке и трубочном табаке...

— Я не про те, что высосал. Про ту единственную, которую потерял. И которая так круто перевела стрелку на моем жизненном пути.

— Ну давай, давай, — усмехнулась Варвара Михайловна. — Изложи девочке драму своей жизни. Давно никому не рассказывал.

— Да, изложу! Потому что всякому поучительно знать, как легкое дуновение прибрежного ветерка может сурово изменить жизненную судьбу... А было это в Калининграде. Сошел я на берег с сейнера «Грибоедов», на который только что подрядился пойти в рейс на три месяца боцманом. До отхода три дня. Думаю, молодой, холостой, проведу эти дни в беззаботном веселии. Решил закурить, вынул сигарету «Красная звезда», хотел сунуть в зубы, а тут ветерок взял ее так аккуратно — и на пирс. Покатил по доскам. Ах ты, ядреный корень...

— Евгений... — сказала Варвара Михайловна.

— А?.. Ну да, я и говорю... Поспешил я за ней и не глядя утыкаюсь головой во встречную девицу крупных габаритов...

— Сам тоже был не лилипут...

— Это уж точно... И говорю, как полагается культурно воспитанному мариману: «Ах, пардон, мадемуазель, я вас не ушиб?»... А мадемуазель, взглянув на меня из-под беретика шоколадными глазами, отвечает: «Нет-нет, не беспокойтесь... Только не могли бы вы, раз уж мы встретились, оттащить до общежития мой чемодан? Страсть до чего тяжеленный для моих девичьих ручек». Я, конечно, забывши про сигарету, крепкой боцманской рукой хватаю ее фибровый контейнер (и правда тяжеловатый), другую руку делаю кренделем и, как истинный джентльмен, доставляю незнакомку к парадному входу обшарпанного общежития при местной чухлой телестудии. Готовлюсь сделать под козырек, а она смотрит на меня все пристальнее и говорит с придыханием: «Женька». Я гляжу: ядреный корень! Та самая Варька, с которой мы в поселке Ново-Степном обитали в соседних дворах. Нельзя сказать, что шибко дружили, поскольку изводила меня эта вредная особа очень даже часто и ехидно...

— Потому что был ты боязливый и плаксивый, — напомнила Варвара Михайловна.

— Клевета! Просто не считал возможным лупить девчонку. Даже такую...

— Плаксивые и боязливые, наверно, не убегают из дому в четырнадцать лет, — заступилась я.

— Это он уже потом, для самоутверждения характера...

— Ну и что? Ну и утвердил... Ладно, поболтали мы с ней, повспоминали. Говорит, приехала после института, распределили в оформительскую группу при телецентре. Оказалось, тоже художник и, в отличие от меня, с дипломом... А я, недипломированный, ушел через три дня в моря и там думаю: за три месяца найдет себе Варвара свет Михайловна среди творческой братии достойного ухажера-жениха... Так нет же! Вернулись, швартуемся, и кого я первым делом вижу на причале? А?... И вот с той поры...

— Налил бы еще девочке чаю, чем росказнями голову мочить, — заметила Варвара Михайловна.

— Спасибо, я больше не хочу... Кружка великанская, уф...

— Но ты, Женя, пока не уходи, ладно? Я схожу ненадолго и вернусь, у меня к тебе небольшое дельце...

И удалилась.

Евгений Иванович посмотрел ей вслед, прислушался.

— Женя, ты не выдашь старого пирата, если я приму еще аптечную дозу?

— Не выдам, Евгений Иваныч!

Он пошел к окну, а я вдруг поняла: самое время прочитать письмо!

2

Напрасно я думала, что письмо длинное. Оно оказалось на одной тетрадной страничке!

«Женька, привет!

Не злись, что долго не писал. Потерял твой адрес. Звонил три раза, ваш телефон молчит. Что случилось? Наконец не выдержал, написал адрес, какой ты прочитала, если получила письмо. Устроились мы нормально, в школе тоже ничего, только фигово. Парни все какие-то оборзевшие, каждому хочется быть крутым. Ну и стараются. Два раза подъезжали вплотную, отмахался. У нас дома есть телефон (смотри в конце письма). Отцу на работе дали компьютер, есть выход в Internet, я застолбил себе почтовый ящик (адрес тоже в конце письма). Может, Илья тоже обзаведется компьютером? Тогда связь наладилась бы нормальная. Налегаю на английский, пригодится. Закончил схему фрегата «Гелиос». Ну, пока. Привет Лоське, Нику, Томчику, Люке.

П. Кап.»

«Дурень ты, а не П.Кап.», — с расслабленной улыбкой, с великим облегчением подумала я. И не злилась на короткое письмо. Потому что вместе с ним в конверт вложен был свернутый в восемь раз табель-календарь, на котором Пашка написал поверь всех чисел и месяцев синим фломастером: «Женька, держись! С Новым годом! Твой Пашка». Это «Твой Пашка» было как счастливая награда за все мучения-ожидания (хотя, конечно, все-таки разгильдяй и растяпа, так и напишу).

Принявший аптечную дозу Евгений Иванович деликатно спросил издалека:

— Видать, от хорошего человека письмо?

— Ага, от Пашки...

— Понятно... — Кажется, ему и правда было понятно.

Я разглядывала смятый складками календарь.

Над колонками месяцев и чисел была цветная фотография: распахнутое окно с отлетевшей от ветра тонкой шторой. На подоконнике — большая шипастая раковина (из тех, что гудят, когда придвинешь к уху). А за окном — темно-синее море под кучевыми облаками и бегущее под всеми парусами трехмачтовое судно...

Евгений Иванович глянул через мое плечо. Заметил уважительно:

— Ишь ты. Баркентина...

— Да, под брамсельным ветром. Почти все паруса стоят, только бом-брамсель и крьюйс-топсель убраны...

— Ишь ты, ядреный корень, — опять сказал он. И добавил полувопросительно: — Разбираешься...

— Немного... Евгений Иванович, а вам на парусниках случайно не приходилось ходить?

— Случайно приходилось, — сказал он, довольно хмыкнув. — А при более точном рассуждении оно даже и не случайно. Был я, голубушка, судовым плотником и боцманом на славной баркентине «Меридиан». В ту пору, в шестидесятые годы отшумевшего столетия, учебных парусников было у нас в стране довольно много. Одних баркентин — целая дюжина. Мой капитан, славный Вадим Вадимыч Чудинов, те года так и называл — «Эпоха баркентин». Курсанты море нюхали не с многоэтажных железных палуб, а, так сказать, сквозь густую сеть парусной оснастки... И я, однажды увидав, как подошли к причалу «Меридиан» и его братец-близнец «Тропик», влюбился в них всем своим нутром бродячего матроса и недо-

учившегося живописца. И проник... проник в дружный экипаж «Меридиана», хотя стоило это немалых трудов...

— А почему... немалых?

— В ту пору меня как раз начали разоблачать врачи. Дело в том, что с детских лет у меня были налады со слухом. Даже в армию не взяли по этой причине. Какое-то время мне удавалось обманывать врачебные комиссии в пароходствах, но тут как раз нашлась на мою голову одна въедливая бабенка. Ото-ла-рин-ко... тьфу! Короче, ухо-горло-нос... «Это, — говорит, — как вы ухитрились, молодой человек, столько плавать в обход медицины?» Еле уломал я принципиальную даму. Путем подношения огромной коробки шоколадных конфет дефицитного в ту пору шведского производства... И все бы ничего, но, прыгая от счастья по пути из поликлиники, поскользнулся я, как самый легкомысленный сухопутный балбес, и поломал ногу! Вот, ядреный корень, ситуация!.. Ну, хватило ума обратно в морскую клинику не обращаться, допрыгал до обычного травмпункта. Наложили мне там гипс. С этим гипсом я — на «Меридиан». В ноги к капитану: «Вадим Вадимыч, не прогоняйте, буду службу нести, как здоровый!» Почесал он в затылке и говорит: «Ну, скажи спасибо судьбе, что успел проскочить комиссию до того, как поломал конечность...» Так и пошел я в рейс — на костылях и с гипсом. И, конечно же, матросами и курсантами прозван был Сильвером... Да вот у меня и снимок есть...

Шебурша валенками, Евгений Иванович сходил в угол «каюты», снял со стены фотографию в рамке (размером с тетрадку). На ней, облокотившись о поручень, стоял крепкий моряк с густыми усами на жизнерадостном лице. В фуражке с «краном», в куртке с капюшоном. Одна нога — в рыбацком сапоге с отворотом, другая — в ярко-белом гипсе, лежит на швартовом кнехте. Рядом прислонен костыль.

— Это я как раз на «Меридиане», перед отходом...

— Здорово, — восхитилась я. — И правда Сильвер... А это кто? — В нижнюю часть рамки был вставлен снимок размером с открытку. Старый, бледноватый и с трещиной. На снимке — пацаненок лет восьми-деяти на дощатом крыльце. Улыбчивый, взъерошенный, босой, в балахонистой майке, перекошенных трусиках и мятой бескозырке — не детской, а настоящей, матросской. С тонкой длинной палкой у плеча — то ли удилище, то ли самодельное копьё.

— Это тоже я, — покашляв, сообщил Евгений Ивано-

вич. — Видишь, на большой карточке я, так сказать, в расцвете боцманской карьеры, а здесь — у ее истоков. Бескозырку мне подарил сосед дядя Витя Мошкин, до войны еще служивший во флоте... Да... Тут я как раз в пору своих первых контактов с вредной соседкой Варварой... Я ее дразнил стихами из любимой книжки про Айболита. Примерно вот такими:

Тары-бары, растабары,
Шундуклей и дундуклей!
Хорошо, что нет Варвары,
Без Варвары веселей... —

А!.. По правде говоря, и сейчас иногда так дразню. Хотя от этого вот Женьки в бескозырке не осталось ничегошеньки. А?

Мы оба снова взглянули на тощего веселого пацаненка с копьём. Он был похож на одного из моих мальчишек в «Отраде», на Костика Лошкарёва.

— Нет, Яков Платоныч, что-то осталось, наверно, — сказала я. — Раз вы все еще так дразнитесь...

— А! Ну, может быть... если в этом смысле... А чего это ты вдруг меня так окрестила? На новый лад?

— Как?

— Ну, сказала «Яков Платоныч». Спутала с кем-то?..

— Ох... — Я календарем хлопнула себя по лбу. — Як... Евгений Иваныч, простите. Это вот почему! Я только сейчас поняла. Есть такая книжка, называется «Фрегат «Виола». Писателя Волюнкина. Там один из героев — старый боцман Яков Платонович. Он учит ребят морскому делу. Вы на него прямо точь-в-точь похожи. Я сперва понять не могла, на кого, а тут вдруг в памяти как-то само собой включилось!...

— Это надо же, ядр... ох. Выходит, я готовый литературный персонаж? А книжка-то интересная?

— Да! Мы ее с этим, с Пашкой Капитановым, всю от корки до корки... Там про устройство парусных судов, но не просто так, а с приключениями. Читаешь и сам не замечаешь, как в тебя вся корабельная азбука впитывается.

— Не слыхал про такую... А нельзя ли будет полюбопытствовать?

— Конечно! Я принесу, если хотите!

— Как не хотеть. Про парусники я до сих пор стараюсь читать все, что найду... А если еще и про себя...

Я была счастлива, что есть причина снова побывать в этой

«боцманской берлоге», у настоящего «Якова Платоныча». Старик тоже казался довольным...

Опять появилась Варвара Михайловна.

— Женя, я вот тебе свитерок подобрала, внучки нашей, Наташеньки, она его забыла, когда приехала из Красноярска. Наденешь под курточку, чтобы опять не закончить... А потом найдешь время как-нибудь, занесешь.

— Занесет, занесет, — вмешался Евгений Иванович. — Женя мне книжку обещала принести про всякие парусные хитрости. У нас с ней на этой почве обнаружили точки соприкосновения.

— Да я уж вижу, что не без того, — покивала Варвара Михайловна. — Старый шкипер просто так подбирать человека на улице не будет. Рыбак рыбака...

— Уймись, Варвара! — сипло возгласил «старый шкипер». — Не касайся тонких струн в наших душах. Паруса — это святое...

— Ты, никак, чем-то подкрепил эту святость?

— Шундуклей и дундуклей...

— Вот как был Женька-пират, так и остался до старости лет... — Варвара Михайловна покосилась на прислоненный к полюну снимок. Дремавший Чарли приподнял голову и тоже посмотрел. Одобрительно.

— А говорила: Женька-плакса... — напомнил Евгений Иванович.

— Ну и что? Было и то и это... Девочку-то проводи хотя бы до трамвая, чтобы опять не заплутала в наших сугробах...

— А то я не знаю!.. Мне все равно в «ЦУМ» надо, он до девяти часов. Разбавитель куплю для красок.

— Знаю я этот «разбавитель»...

— Варвара Михайловна, без намеков!.. Тары-бары, раста-бары...

Евгений Иванович проводил меня до остановки на улице Чернышевского. Оказалось — совсем недалеко. Конечно! Когда в теплом свитере под курткой, рядом с хорошим человеком и с поющей от радости душой!..

Трамвай уже шли — один за другим. Я еще раз пообещала, что на днях обязательно приду с книгой, и прыгнула в вагон пятого маршрута. Привезет прямо к дому! Евгений Иванович помахал рукой и стоял, пока вагон не тронулся...

На часиках была всего-то половина восьмого.

Сколько удивительного может случиться за пару часов! А ведь не сверни я в тот заснеженный переулок, и не было бы сказки... Сколько вообще зависит от мелких случайностей. Например, от выпавшей из пальцев и покотившейся по прищалу сигареты...

Или это все же не случайности?

БРАМСЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР. ПРОДОЛЖЕНИЕ

1

Первым делом я, конечно, позвонила в Яхтинск, Пашке. Мама будет охать, когда придет с телефонной станции счет, ну да один-то раз можно! На радостях!

Пашка оказался дома. Он снисходительно выслушал мои соображения о его бестолковости, разгильдяйстве и полной бессовестности, когда «человек тут мается от неизвестности, а ты...». Отвергать критику он не стал, но и каяться сильно не стал тоже.

— Ладно, исправлюсь... Про себя я написал, а у вас-то что нового?

Нового было полным полно! И окончание съемок, и премьера, и новоселье, и развлечения в каникулы, и сегодняшнее приключение...

Слышно было, как Пашка со сдержанной завистью вздохнул. Но сказал деловито:

— Я тоже не скучаю. Приспособился тут вычерчивать схемы на компьютере... Женька, ты скажи Илье насчет электронной почты. Пусть соорудит тебе персональный ящик. Держать связь по Е-мейлу не в пример проще, чем письмами или по телефону. И совсем не дорого...

Конечно, я в тот же вечер надела на Илюху. И он — счастливый от того, что «свалил» сессию, — преподнес мне подарок:

— Вот тебе адрес и пароль.

Пароль был хороший: bramsel. Но в адрес коварный братец засунул после всяких латинских букв и значков слово «мучача»! Представляете — «michacha.ru»! Я хотела побить его, но потом простила. Потому что он сказал, укрывшись за своей дверью:

— Я же любя! Чтобы никто не перепутал! Оригинальнейшее слово!

— Ты, конечно, великий оригинал! А для папиной кассеты до сих пор пароль не подберешь...

Илья пригорюнился:

— Знаешь, какая-то непрошибаемость. Мы вчетвером ломаем голову, и никакого проку. Никакие технологии не помогают... Что поделаешь, мы же все-таки не хакеры-профессионалы...

— А надежда-то есть?

— О чем разговор!..

Через два дня я отправилась в гости к Евгению Ивановичу. В заснеженный Дровяной переулочек, в дом под корабельным флюгером на берегу Таволги. Взяла с собой Лоську. Лоська пошел охотно, однако на морские редкости в доме не обратил особого внимания. Он как сел на корточки перед обрадованным Чарли, как обнялся с ним, так и не расставался почти до самого ухода. Трепал ему загривок, шептал что-то на ухо. Чарли ему лизал ухо и щеку...

Евгений Иванович заскорузлыми пальцами ухватил книгу (вернее, пухлую ксерокопию).

— Ну-ка, ну-ка... Любопытно... Однако здесь хватит чтения не на один вечер. Ты мне ее оставишь на недельку?

— Хоть на месяц!.. Як... Евгений Иванович! А это баркентина «Меридиан», да?

Среди маленьких и больших полотен со скалами, пенными гребнями, пароходами и парусниками висела (прямо на морской карте Гибралтара) небольшая картина в гладкой некрашеной рамке. Наверно, не картина даже, а эскиз. По серой, чуть взъерошенной воде, под пасмурными, но слегка подсвеченными солнцем облаками двигалось трехмачтовое судно. Оно было видно с левого борта и с кормы. Стояли все паруса, кроме самых верхних — не было бом-брамселя и топселей. Типичный брамсельный ветер! Он упруго надувал на передней мачте прямой фок, марсель и брамсель, а позади них — гафельные грот и бизань. Чуть кренил судно на правый борт. За кормой тянулся разбежавшийся и приглаженный хорошей скоростью след.

— Нет, Женя, это не «Меридиан». Он у меня на других холстах, немало. А это очень давняя шхуна «Сибирь»...

— Баркентина же... — неуверенно сказала я.

— Ну да, ну да. А что есть баркентина? Иначе говоря — шхуна-барк. То есть именоваться шхуной тоже имеет право... Так я и рассуждал, когда брался за эту работу... А работа, надо сказать, такая давняя, что и самому не верится. Больше полвека прошло. Моя дипломная...

«Но как же?.. Вы же не закончили институт...» — мелькнуло у меня. И кажется, это написалось на лице. Евгений Иванович понял.

— Не институтская, конечно. Это когда я училище окончил... Сперва я учился в Свердловске, в обычной «ремеслухе», на плотника. А все тянуло к рисованию. Ткнулся в художественное училище, там не взяли — и мест, сказали, нет, и не вовремя пришел. Но один добрый человек посоветовал. Езжай, говорит, юноша, в город Тюмень, это недалеко. Там открывается филиал нашего училища, и берут пока всех, кто попросится. Я и махнул... под негодующие крики начальства «плотницкой школы». Приехал — взяли. Но при одном условии. В общежитие, мол, ты, мил человек, не просись, там уже битком. Хочешь учиться — ищи себе частную крышу. Я сперва пал духом: куда, к кому? Город чужой, знакомых никого... Но, видать, «судьба Евгения хранила». На толкучке, где пытался продать одну из двух своих рубашек, встретила мне симпатичная, хотя и строгая на первый взгляд, тетюшка весьма «культурного вида». Разговорились. Рубашка ей была, конечно, не нужна, но опытным женским глазом эта Елена Васильевна разглядела (как она сама потом говорила) «под личиной ершистого беспризорника некую творческую натуру». Ну и позвала к себе, приютила...

— За бесплатно? — вдруг подал голос Лоська. Он, оказываясь, не только нежно общался с Чарли, но и слушал рассказ.

— Практически бесплатно. Какие-то гроши я давал ей время от времени, когда получал стипендию или кой-чего из дома, да она больше того тратила, чтобы прокормить мой растущий организм... Но, с другой стороны, я ей помощником был по дому, по хозяйству... Жили мы, надо сказать, душа в душу. Была Елена Васильевна вдова, обитала одна в кривом домишке на улице Герцена, у края глубоководного оврага, который по местному именовался Лог. Взрослая дочка ее с мужем и детьми жила в Ишиме, звала мать к себе, да та никак не хотела расставаться со своим «родовым гнездом». «Здесь, — говорит, — родилась, здесь и окончу век. И к тому же привыкла са-

ма себе быть хозяйкой»... До пенсии работала Елена Васильевна в Областном краеведческом музее, женщина была образованная, литературу знала поразительно. Я, надо сказать, паренек был тоже начитанный, Гоголя обожал, Диккенса, Чехова, так что было нам о чем поговорить...

Я слушала, удивляясь, сколько в жизни совпадений. Надо же — Тюмень!.. Папа столько рассказывал про свой родной город. Я хотя и маленькая была, а помню. Посадит нас с Илюхой на кровати с двух сторон от себя и начинает одну историю за другой. Про купанье в Туре, про подземные ходы в толще ее обрывистых берегов под взорванным собором, про катанье на лыжах в том самом овраге, который называется Лог. Про друзей-мальчишек...

Но я слушала старого боцмана, не перебивая.

— ...А фамилия ее была — Капитанова. Говорила Елена Васильевна, что родственник ее мужа, то ли дядюшка, то ли дед, не помню, служил на Жабынском судостроительном заводе Игнатова, это на краю Тюмени. Начал простым мастером, а в конце концов сделался управляющим завода. Звали Иван Яковлевич... И служил, видать, отменно, поскольку его именем — «И. Капитанов» — назвали один из пароходов. Оно и понятно. Не просто управляющий делами был, не чиновник, а знающий корабельное дело человек. Недаром под его началом строились на том заводе морские парусные суда... Я про все про это узнал от своей хозяйки, от Елены Васильевны, а до той поры думал: чего она, Тюмень? Река не широкая, шлепают по ней плоские, как черепахи, буксиры, таскают плоты, а к морю этот город не имеет никакого отношения. Оказалось же, имеет...

— Недаром у него в гербе кораблик! — не выдержала я.

— Ого! А ты, значит, в курсе!

— У нас папа из Тюмени. Там родился, там школу кончил...

— А я-то перед тобой раскатываю историю с географией! Он небось побольше моего рассказывал, и не раз...

— Про парусники не рассказывал. Наверно, и не знал... Да я и не помню многого, папы уже четыре года нет. Разбился... Старик покашлял.

— Ты меня, Женя, прости, разболтался. Небось расстроил...

— Да что вы, Евгений Иванович! Так интересно рассказываете... Вы про шхуны начали...

— Да... Было в Тюмени в семидесятых годах прошлого века... то есть по-нынешнему уже позапрошлого... знаменитое по тем временам пароходство. По всем рекам Сибири тюменские купцы возили свои товары. Но было им того, конечно, мало, хотелось за границу. А путь туда по воде один — через северные моря, где льда больше, чем воды. Особенно болел за это дело известный тогда торговый деятель, коммерции советник Трапезников. Думаю, что не просто о прибыли он заботился, а смотрел шире: хотелось ему вложить свои силы в освоение Северного морского пути и доказать, что годится этот путь для торгового мореплавания... А как докажешь? Однажды из Лондона в Тобольск прошел его пароход с коммерческим грузом. Да ведь один раз — это еще не полная победа, а просто удача. И начал Трапезников строить в Тюмени морские парусные суда, поскольку именно на таких с давних пор смелые люди пытались пробиваться через льды...

— А ледоколов тогда, что ли, не было? — спросил Лоська.

— Ледоколами, голубчик, в Арктике в ту пору, как говорится, и не пахло. «Ермак» появился только через двадцать лет после тех событий... А Трапезников заказал на Жабынском заводе четыре трехмачтовые шхуны. «Тюмень», «Обь», «Надежда» и «Сибирь»... Должны они были через Туру, Тобол, Иртыш и Обь выйти в Карское море, а оттуда путь был на запад, в Европу...

«Сибирь» пошла в плавание первая. Сперва ее сопровождал и буксировал пароход Трапезникова, который за год до того пришел в Тобольск из Лондона. Назывался он, кажется, «Луиза». Но ему не повезло, потерпел он в Обской губе аварию, засел на мели, и «Сибирь» дальше пошла одна, на свой страх и риск... И прошла! С грузом сала добралась до Лондона, распродала товар. Правда, обратным путем возвращаться не стала, ушла из Англии на Балтику в Либаву, что с ней стало дальше, не знаю. Но, видать, судно было хорошее, потому что в Англии освидетельствовали его в страховом обществе «Веритас» и присвоили первый разряд...

— А с другими шхунами что? — спросила я.

— С другими было не так хорошо... Точнее говоря, было совсем даже плохо. На будущий год по приказу Трапезникова «Обь» нагрузили пшеницей, «Тюмень» салом, «Надежду» спиртом и отправили их тем же путем, что «Сибирь». Не повезло им, ни одна не дошла. Где погибли «Тюмень» и «Обь», не знаю, а про «Надежду» слышал, что ее затерло льдами в

Байдарацкой губе, и начальство приказало судно сжечь. Опасались, ядерный корень, что до груза в разбитой шхуне доберутся местные жители, охотники и оленеводы. Пьянство началось бы по всему побережью и тундре...

— Жалко шхуны, — сказал от печки Лоська, а Чарли засопел и шумно зачесался.

— Как не жалко... Да только в Арктике во все времена было так — потерь больше, чем успехов. Пока не появились ледоколы... «Сибирь» же, однако, свою задачу выполнила. Внесла, как говорится, свою долю в освоение Севера... Мне это не раз объясняла Елена Васильевна Капитанова, когда мы с ней толковали зимними вечерами. Она-то меня и надоумила взять для диплома эту тему: «Тюменская шхуна «Сибирь» на пути в Европу»... Надо сказать, загорелся я. В каникулы даже сплавал, нанявшись матросом на самоходку, до Салехарда, чтобы посмотреть северные воды. Начал в библиотеках рыться — в областной, в музейной, — чтобы узнать, какая она была, эта шхуна-то? Ничего, правда, не нашел, кроме того, что трехмачтовая. Тогда время было такое дурацкое — куда ни ткнишь, все данные почему-то под секретом, а на тебя глядят с подозрением. Хотя, казалось бы, какая тайна? Ведь не чертежи торпедных катеров я разыскивал, что строились там в войну... Ладно, думаю, буду придумывать сам. И решил, что была «Сибирь» шхуной-барком, с прямыми парусами на фок-мачте. Потому как этот тип парусной оснастки наиболее подходящий для морских плаваний... Так я ее и написал... Не на этом полотне, конечно, это один из эскизов. Та работа была побольше, метр на восемьдесят...

— А сколько вам поставили? — спросил Лоська.

— Поставили, братец мой, полновесную пятерку. А директор училища повесил мое творение у себя в кабинете. Елена Васильевна все собиралась выпросить картину для музея, но не знаю, сумела ли... Вскоре я уехал в Москву, а Елена Васильевна, царство ей небесное, той же осенью умерла от сердечного приступа, одна, ночью... Так мне сообщила ее дочь из Ишима, когда я написал ей: отчего это моя бывшая хозяйка не отвечает на мои письма...

Чарли наконец освободился от Лоськиных объятий, подошел к двери, зацарапал лапой.

— Ишь, бродяга, захотелось гулять ему, — Евгений Иванович, покряхтывая, поднялся. — Ладно, выпущу сейчас...

Лоська вскочил:

— А можно мы вместе?

— А чего ж! Вдвоем веселее. Будьте только на дворе или недалеко от калитки. Если этот обормот усвищит далеко, ты следом не беги, он через минуту прибежит обратно...

2

Евгений Иванович разжег печку, поставил на плиту чайник. Спросил, оглянувшись:

— А сама-то бывала ли в Тюмени?

— Не бывала... Папа говорил: вот соберемся как-нибудь, поедem... Не успел...

— Что случилось с папой-то?.. — очень осторожно сказал Евгений Иванович.

Я рассказала... Рассказала даже, что Илья думает, будто парашют не раскрылся не по отцовской вине. Сама-то я так не думала. Мне казалось, что папа просто хотел как можно больше продлить радость свободного полета и не рассчитал. И, может быть, кольцо заело в последний момент. Надо было дергать сильнее, а он... Защипало в глазах, и я сказала:

— Надо бы съездить. Я надеялась, что летом соберемся с братом, да боюсь, что у него теперь всякие личные дела...

Потом я рассказала про монетки с острова Джерси. Про то, что на них все основные виды парусников, кроме баркентинны. Евгений Иванович пообещал:

— Вот пороюсь в старых запасах, найду для тебя эскиз с «Сибирью», у меня их несколько. Тогда будет у тебя полная коллекция.

Я на своем сиденье — на бочонке — подскочила от радости, как первоклассница. И не стала говорить, что коллекции уже нет, из монеток у меня осталась лишь одна. Да и разве их нет? Если у друзей, значит, они и у меня... Я опять подумала о Пашке — и затеплело внутри...

Старик снова, как в прошлый раз (будто обутая в валенки старая балерина), протанцевал к окну, отодвинул доску.

— От кашля, маленький лечебный глоток. Ты не выдашь, а мальчишка пока нет...

— А Варвара Михайловна не унюхает? — спросила я с искренней заботой, без насмешки.

— Не унюхает, потому как сегодня отбыла на другой конец

города к своей давней подруге Анастасии Гавриловне, бывшей работнице телестудии. Будут вспоминать молодость. Звала меня, но я предпочел остаться на суверенной территории, чего мне там женские беседы... И правильно сделал — глянть, вы пришли! — Он глотнул, кашлянул, вернулся к печке. Поте́р над плитой большущие узловатые кисти рук. — Ты не думай, что там, во фляжке, паршивая сорокаградусная. Там и вправду лечебное средство — крепкое, но целительное. Бальзам на всяких травах, называется «Демидовский»...

— Опять тюменское название! — обрадовалась я.

— Почему же тюменское? На сей раз скорее уральское. Демидовы в давние времена были хозяева Урала...

— А в Тюмени есть дом, называется Демидовский. Папа нам с братом рассказывал, он там с друзьями в подвале клад искал. Я не очень хорошо рассказ помню, но название дома запомнила. И место. Он на углу улицы Советской и Держинского. А папа жил на улице Осипенко...

— Постой-ка, моя дорогая, постой... Ты уверена, что дом «Демидовский»? А может, «Дементьевский»?

— Де... ой... может быть! Да!.. Надо у Ильи спросить, он лучше помнит. Но, по-моему, да!.. А вы знаете этот дом?

Евгений Иванович присел на корточки у печки. Быстро оглянулся на дверь, воровато закурил сигарету, пуская дым в приоткрытую дверцу. И лишь тогда заговорил:

— Оно ведь надо же как получается... как пересекаются человеческие линии. Я мимо того дома ходил множество раз, приглядывался. Потому что было это связано с моей работой, можно сказать, крепкими смолеными нитками... Дело в том, что на «Сибири» пошел в плавание молодой матрос, мальчишка вроде меня, Миша Дементьев... Мне рассказывала про него опять же хозяйка моя, Елена Васильевна... Был этот парнишка сын ткача, который потом по старости да по слабости здоровья работал сторожем. Сперва в Тюмени, потом переехал в Екатеринбург, есть там такая окраина, называется Уктус. Миша поехал с ним, с матерью были у них какие-то нелады... Ну и хлебнул бедняцкой жизни, как говорят, под завязку. Подмастерьем был на фабрике, свиней пас на Уктусских холмах, отцу помогал сторожить... Однако же просто так по течению плыть не хотел, старался учиться, читал запоем, хозяйские дочки снабжали его книжками... А потом перебрался обратно в Тюмень, к матери, а затем в Ялуторовск. Стал служащим паровой конторы. Потому что отчаянно тянул

его к себе вода и пароходы. И хотелось в дальние края... Я этого парня ох как понимаю... И вот узнал Михаил, что набираются матросы на шхуну «Сибирь». В основном-то был там экипаж из прибалтийцев, в наших краях специалистов по парусам не много. Но Михаила взяли, хотя он в ту пору в парусном деле тоже понимал не шибко... Ну и пошел тюменский паренек морским путем в Европу. И дошел... И оставил про это дело дневниковые записи, Елена Васильевна читала их и мне потом пересказала, как помнила... Нелегкое было плавание... А после, как вернулся он в Тюмень, заметили сообразительного паренка, стал он двигаться по службе на пристанях и в пароводных конторах. И в конце концов сделался Михаил Ефимович Дементьев главой объединенного сибирского пароходства. Называлось оно, по-моему, так: «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли». И был его управляющий уважаемым человеком во всем этом крае, в Западной Сибири...

— И больше не плавал?

— Про то не знаю... Но любовь ко всякого рода кораблям была у него всю жизнь. Без этого не смог бы он так развернуть пароходное дело... Понимаешь, Женя, это потом уже, после революции, стали в головы всем вдалбливать, что купцы, владельцы верфей и пароходств были мироеды, буржуи и враги трудового народа. Ничего, мол, они другого не хотели, как набить свою мошну. А многие среди них были люди, которые... как бы тебе сказать... хотели прорваться к новым горизонтам. С мечтой в душе люди. Иначе зачем бы посылали свои суда одно за другим в непроходимые льды. Почти на верную гибель... Думаю, был таким и Миша Дементьев. И в молодости, и потом... Была у меня даже мысль написать портрет его, молодого, но не нашел ни одной фотографии, какой он был в юные годы... Да и какой из меня портретист. Берега да судовое хозяйство всякое могу еще малевать, а людей... — Он медленно (словно со скрипом шеи) оглядел стены.

И в самом деле, на стенах были в основном написанные маслом виды берегов, маяки, пароводные трубы, ржавые корпуса и шпангоуты выброшенных на отмели судов, несколько парусников с подобранными к реям парусами. Был «портрет» обросшего ракушками, покрытого оранжевой ржавчиной и водорослями якоря — его, видимо, нашли на морском дне...

— Была у меня еще одна идея... — слегка таинственно признался Евгений Иванович. — Была и есть... Я даже думал в

давнюю пору: не сделать ли именно ее дипломной работой, но сообразил вовремя: не поймут. Еще и приклеят всякий «отрыв от жизни» и «ложную романтику», в ту пору случалось это сплошь и рядом... Ну а для себя брался за такую работу не раз. Брался, бросал, потом снова... Вот и недавно опять... Хочешь взглянуть?

— Еще бы!

Недалеко от двери треть стены закрывала пестрая ситцевая занавесь. Евгений Иванович вытянул из-за нее на середину комнаты картину на треноге.

Полотно оказалось небольшое в высоту, но длинное — метра полтора. Зимнее солнце упало на него сквозь искристые подмороженные стекла.

— Ух ты... — выдохнула я.

На первом плане было столпотворение тонких, опутанных снастями мачт и разноцветных пароводных труб. За ними поднимался речной обрыв — местами глинистый, местами заросший. На его уступах стояли разные дома и домики — порой обыкновенные, порой причудливые. Между ними тянулись вверх извилистые деревянные лестницы. А наверху обрыва виднелись уже не отдельные здания, а сплошной город. Старинные особняки, столетние деревья, высокие белые колокольни на фоне сизых мохнатых облаков. Облака были не очень-то ласковые, но в одном месте их рассекал широкий луч. От луча искрились стекла в нескольких домах и блестящая, словно вымытая дождем листва... И было понятно, что пасмурность над городом случайная, на короткое время, и что воздух теплый. И казалось даже, что пахнет речной водой и влажными травами с обрыва...

— Евгений Иванович, это же... чудо какое-то...

— Нравится, значит...

— Не то слово...

— Называю я это... так, внутри, для себя... «Город Мишки Дементьева». Не обычная тогдашняя Тюмень с непролазными от грязи улицами, а как он ее видел, когда мечтал о плаваниях... Ну и сам я как видел тогда. И как запомнил... Так сказать, память молодости... А вот, кстати, тот самый Дементьевский дом...

Над обрывом белел двухэтажный длинный дом с мезонином, с лепными карнизами и широким, украшенным колоннами балконом. Было в этом доме что-то от старинного речного парохода.

— На самом деле он стоит не так близко от реки, я его малость передвинул. Тут вообще немало чего передвинуто и придумано. Как говорится, фантазия автора...

«Наслоение виртуальных пространств», — словно подсказал тихонько чуть насмешливый Илюхин голос. Я рассердился: «Не зубоскаль! Смотри лучше! Разве плохо?» — «А кто сказал, что плохо? Здорово!..»

— Евгений Иванович, вы повесьте это на самое видное место!

— Да что ты, Женя. Тут еще работы непочатый край. Вот когда закончу, видно будет, куда ее... Конечно, если закончу...

Последние слова мне не понравились: что за намеки!

— По-моему, все тут закончено...

— Э, голубушка, тому, кто с кистью, виднее... — Он потянул было картину с треногой на прежнее место, в укрытие.

— Подождите, не убирайте!.. Пусть еще Лоська посмотрит!

— А!.. Ну, пусть...

Лоська и Чарли — легки на помине! — примчались в туче снега и пара.

— Набегались? — заулыбался Евгений Иванович

— Ну-ка отряхивай снег, — велела я. — И ты, Чарли... Два сапога пара.

— Как раз и чай вскипел, — сказал Евгений Иванович. — А Чарли получит сухарь, он любит всухомятку...

Лоська у двери начал стаскивать валенки, оглянулся через плечо, увидел «Город Мишки Дементьева». Выпрямился. Сказал, как и я:

— Ух ты...

3

Мы стали иногда собираться у старого боцмана-живописца Евгения Ивановича Ступова. Наше «корабельное братство» — Люка, Стаканчик, Лоська, я и Томчик (хотя у него и не было монетки, но все равно «корабельный»).

Евгений Иванович всегда был нам рад — не из вежливости, по-настоящему. Каждый раз он угощал нас густым сладким чаем с молоком и черными сухарями. А еще — морскими историями, которыми была богата его жизнь: то про ураган у берегов Кубы, то про плавание вокруг Европы на барке «Крузенштерн», то про корабельного пса Меркатора, который на сейнере «Короленко» изгрыз у вредного первого по-

мощника капитана тезисы для доклада об очередном пленуме ЦК КПСС...

Однажды мы притащили сюда, в Дровяной переулочек, Люкин видеоманитофон и показали Евгению Ивановичу и Варваре Михайловне наше «кино» — «Гнев отца». Старому боцману оно очень понравилось — мы не ожидали такого. Евгений Иванович даже прослезился в конце. Долго кашлял и поглядывал на тайничок у иллюминатора, но не решился при супруге. Он подарил Томчику — главному актеру — тяжелую шипастую раковину, которую привез с Антильских островов. Внутри раковина была гладкая и нежно-розовая. В ней шумело море. Томчик прижал ее к уху и сидел так, не отрывая, целый час. А всем остальным Евгений Иванович подарил по белой веточке коралла...

Варвара Михайловна тоже хвалила «Гнев отца», но более сдержанно. И сделала несколько профессиональных замечаний — как-никак бывший работник телестудии, была художником-постановщиком многих передач... Мы обещали замечания учесть при окончательном озвучивании и монтаже. А это, мол, еще только черновой вариант. Хотя, по правде говоря, я не была уверена, что мы скоро примемся доводить наш не то фильм, не то спектакль «до ума». Энтузиазм уже поостыл. Илья тоже не напоминал о прежней готовности помочь...

Варвара Михайловна похвалила нас еще раз, погрозила мужу пальцем и ушла. Она вообще редко бывала в «боцманской берлоге». Ее территорией был остальной дом (он достался ей от деда). Зато Евгений Иванович дневал и ночевал в своей «пещере капитана Немо» с отдельным входом. Здесь резал из коряг драконов и осьминогов, здесь писал свои «марины», здесь читал любимых Виктора Конецкого и Джозефа Конрада, здесь отвечал на письма старых друзей-моряков, приходившие со всего света.

По-моему, старому боцману нравилось нынешнее существование (особенно когда не пилила жена; «Шундуклей и дундуклей!»). Он никогда не жаловался, что жизнь почти прошла, хотя порой хватался за поясницу и картинно стонал. Кажется, он считал, что прошли его годы, в общем-то, вполне удачно, не каждому повезет столько повидать и столько сделать. Вот и друзья помнят, и дочь с внучкой навешают, и несколько больших полотен висят в музеях разных приморских городов... Ну

да, лауреатских медалей и дипломов не обрел... Зато, ядреный корень, какой шквал был недалеко от Борнхольма, когда «Меридиан» ноками реев макало в гребни моментально закипевших волн!.. А как светилась океанская вода, когда на траулере «Есенин» шли в удивительный порт Кейптаун!..

Однажды я спросила:

— Евгений Иванович, а с той морской черепахой, которую вы поймали в Северной Атлантике, что потом стало?

— А-а! Шуму было на весь корабль! Кто кричит: на чучело ее, кто другое: на камбуз, мол, черепаховый суп — объедение, надоели консервы... Я к себе придвинул железный нагель вот такой длины, говорю: суньтесь только. Враз поймете, че почем... С молодым матросиком Юрой Бакуниным, он меня всегда понимал, взяли голубушку с двух сторон — и через планшир, в родную стихию... Сперва на меня камрады-рыбаки шипели, да вскоре махнули рукой. Чего, мол, возьмешь с художника, они все «с приветом»...

Мы слушали рассказ с восхищением. Особенно облапивший друга Чарли Лоська...

Порой я спохватывалась и вновь начинала удивляться, как при первом знакомстве. Это надо же, какие случаются сказки! Какие встречаются в жизни люди! Как вышло, что в нашем далеком от морей городе оказался этот удивительный человек — будто из книжки Стивенсона! И при таких мыслях начинало казаться, что над приземистым Дровяным переулочком, над Таволгой, над нашим девятиэтажным кварталом и над всем городом начинает дуть брамсельный ветер...

Про Евгения Ивановича я рассказывала в письмах Пашке. Иногда в обычных, иногда в электронных. И спрашивала: не было ли у Пашки каких-нибудь предков в Тюмени? Не его ли прапрадедушка строил на неширокой реке Туре морские трехмачтовые шхуны?

Пашка отвечал (как правило, по E-мейлу), что о тюменском предке не слыхал. Скорее всего, это совпадение. Но на всякий случай расспросит отца. Однако это не сейчас. Потому что мать с отцом опять на каком-то «объекте», он ведет дома самостоятельную жизнь. Она, эта жизнь, неплохая, только скучно по вечерам.

Все новости Пашка сообщал короткими рублеными фраза-

ми. Я иногда злилась: «Не можешь разве поподробнее?» Он словно пожимал плечами: «Зачем? Я все точно излагаю».

Так вот коротко и точно излагал он и школьные дела. В школе, куда поступил сперва, жизнь пошла «фиговая». Оказалось полно всяких «рэкетирчиков» и «повернутых на крутизне шизиков». После нескольких драк родители Пашку перевели в другую школу. «Тут люди ничего. Только в корабельном деле никто не рубит ни фига. Начнешь с кем-нибудь про это, а он смотрит, как на больного. Спрашивает: «Ты чего вчера на дискотеке не был? Там клево»...»

Однажды Пашка сообщил, что от вечернего одиночества попробовал сочинять стихи. Я потребовала: пришли! Он вдруг, балда такая, застеснялся. Прислал, но не через компьютер, а в обычном конверте. Вот что там было:

ЗВЕЗДА

Дует ветер брамсельный в корму.
За кормой шипучая струя.
А вдали, лучом проткнувши тьму,
Проблесковый светит нам маяк.

Маяки построены не зря.
Ведь на то они и маяки.
С ними легче жить во всех морях,
Хоть дороги все же не легки.

Если же на шаре на земном
Маяки исчезнут навсегда,
Ты светить мне будешь все равно,
На зюйд-весте ясная звезда...

Стихи был напечатаны на принтере, но заголовок написан рукой, карандашом. Слово Пашка спохватился и придумал его в последний момент... Зачем? Чтобы я не подумала, будто это не про звезду, а... Я, ненормальная, все равно *подумала* (и, наверно, покраснела, как Стаканчик, засмутившийся от чьей-то откровенности). И... (нет, правда, чокнутая) вытасила школьный атлас и стала смотреть: в каком направлении наш город расположен от Пашкиного? И оказалось... (конечно, случайно), что почти на юго-западе. На зюйд-весте. Ну, может, с отклонением на румб-полтора. В навигации такое отклонение важно, а в поэзии не очень...

СЕМЬ ФУНТОВ

1

Начальство двух школ — нашей и соседней, двенадцатой, — решило осчастливить семиклассников и восьмиклассников. «В плане развития культурного досуга» затеяло для них (то есть для нас) большую дискотеку. Старенький клуб «Аэрофлота» бесплатно выделил для этого зал — в порядке шефской помощи и в честь Дня рождения гражданской авиации, который, оказывается, выпадал на девятое февраля. Никто о таком дне раньше не слышал, ну да не все ли равно!

На перемене ко мне вдруг подкатил Левка Дубов — Пень.

— Ну че, Мезенцева, вечером сольем тела и души в нежном танце? Мы с тобой по росту вроде в самом том сочетании...

— Всю жизнь мечтала...

— Не пойдешь, что ли? — удивился он. — Или... я не тот партнер? Рылом не вышел?

Я снисходительно ответила, что «рылом» он вполне, только мне жаль тратить время на трясучку под барабаны. Он не разозлился, не стал ехидничать, сказал только:

— А чего такого? Разок-то можно расслабиться хоть кому. Вон даже Ласковый Май собирается.

Маленький отличник Мартик, оказавшийся рядом, виновато моргал.

Я улыбнулась ему:

— Ну и молодец. Каждый радуется жизни, как умеет. У нас демократия.

— Даже Стаканчик собирается, — сунулся в разговор Сидней Буль. После скандальных событий в октябре он при случае демонстрировал мне и Стаканчику сдержанное уважение.

Я поняла: если Стаканчик, то и Люка (вернее, наоборот).

— Лючка, правда, что ли? Вы пойдете?

— А что такого? Не все же Вивальди слушать! Да и Ника надо в свет выводить, а то он как детсадовское дитя в этом плане...

— Может, и я тоже дитя?

— Ты — нет. Но скоро на тебя будут смотреть как на игрушку... Женька, да ты что! Разве это плохо, подурчиться и поразвлечься? Или ты совсем забыла, как танцуют? Я же тебя учила!

Я и без ее уроков танцевать умела, подумаешь! И на дискотеках бывала. Например, в лагере «Отрада». Не так часто, как другие, и без большого вдохновения, но все-таки... Может, правда пойти? Уж с Пнем-то как-нибудь станцуюсь, он ведь тоже не солист балета... А может, — всем назло — с Мартиком! Ну и что же, что он мне до подмышки? Зато симпатичный и стройненький...

Двухэтажный клуб летчиков был полсотни лет назад построен на краю летного поля, на которое приземлялись «кукурузники» местных линий и спортивные самолеты. Поле давно застроили, аэродром вынесли далеко за город, а клуб оказался почти в центре. Недалеко от нашей новой квартиры. И я решила: пойду.

Я надела все черное с блестками, отросшие волосы разделала на два хвоста, похожие на расплетенные косы, заколола их у «корня» блестящими, как бриллиантики, стекляшками, попросила у мамы лаковые туфельки — у нас был уже один размер. И даже наконец-то попробовала Лючкину косметику. Чуть-чуть, чтобы не намазаться чересчур — ведь опыта никакого!..

Было и правда весело. Я потанцевала и с Пнем, и с Мартиком (он очень даже ловкий был партнер!), и со Стаканчиком (который от неумения заплетал ногами), и с каким-то незнакомым восьмиклассником Борей, и даже с Булем. Музыка была вроде и разная, но вся с почти одинаковым ритмом, и танцевалось под нее одинаково. С каждым я оживленно болтала, но... думалось мне про Пашку. Хотя он, Пашка Капитанов, наверняка ни на какие дискотеки не ходил, поскольку считал это бездарной тратой времени.

Потом Лючка, я, Стаканчик и Мартик ели в буфете мороженое. И было хорошо. Но... видимо, такая уж я уродилась (Илья говорит: «Карма такая»), что всегда со мной происшествивя.

Когда шли из буфета в зал, я увидела, как у выхода несколько ребят скандалят с охранником. Они были без верхней одежды, но хотели выйти на улицу — видимо, ненадолго, покурить (погода была мягкая, всего минус пять). Охранник не выпускал. Судя по всему, это был милиционер вневедомственной охраны, поставленный, «чтобы чего-нибудь не вы-

шло». В берете, при дубинке и рации. Загородил собою дверь и повторял:

— Не положено. Спрашивайте учителей.

Он был на первый взгляд ничего парень, даже симпатичный, однако службу соблюдал нерушимо:

— У меня приказ. Спрашивайте учителей.

— Чего спрашивать-то? — сказал восьмиклассник Боря, с которым я недавно танцевала. — «Марь Петровна, можно пойти подымить»?

Охранник добродушно посоветовал:

— Дымить идите в туалет. Там тепло и уютно.

— Там стоит такой же мент с дубинкой и всех, кто с сигаретами, гоняет, — объяснил кучерявый тощий парнишка.

Охранник не обиделся на «мента». Объяснил прежним тоном:

— Тогда потёрпите. Никотин вреден...

— Это мы сами решим, — сказал кучерявый и хотел шагнуть в дверь мимо милиционера. Тот загородил проход рукой и ногой. Проговорил уже без добродушия:

— Но-но. Без шуточек.

— А что будет? — спросил восьмиклассник Боря.

— Будет неподчинение сотруднику охраны общественного порядка...

— Который *при исполнении*, — добавила я. Он глянул с любопытством.

— Вот именно.

Я понимала, что, в общем-то, он прав. Или по крайней мере — не виноват. Его поставили, дали приказ, он выполняет. Тем более что никотин действительно вреден и без курток на улице можно простудиться. А стоять ему здесь неохота, но служба. Вполне интеллигентного вида паренек, даже, может быть, заочник юридического института... И все же внутри у меня стало закипать. Потому что слишком уж уверенно отшивал он ребят. С полным сознанием силы. С полным сознанием *права не пускать*.

— Интересно знать, что вы здесь *исполняете*? — очень вежливо сказала я. — И вообще, зачем вы здесь? Кажется, здесь школьный праздник, а не День работников охраны общественного порядка.

— Но порядок-то этот кто-то должен охранять. Если сейчас на ваш праздник явятся пьяные дебилы или накурившиеся наркоманы, что тогда?

Я сказала, что дебилов и наркоманов пока не видно. И если ребят надо сейчас от кого-то охранять, то от милиции, которая смотрит на обычных школьников, как на малолетних преступников.

— А вы ведите себя, как обычные школьники. Кому надо домой, одевайтесь — и пожалуйста. Только обратно пускать никого не велено.

— Дискотека строгого режима...

— А про это — с учителями. Вот, кстати, и они... Подтвердите, пожалуйста, вашим детям, что именно педагоги запретили выпускать на улицу раздетых детей...

— И впускать внутрь одетых, — добавила я. Потому что рядом оказалась не кто-нибудь, а наша ненаглядная завуч Инна Семеновна. А рядом с ней незнакомая дама, видимо, из двенадцатой школы.

Инна мельком глянула на меня и, конечно же, сразу во всем разобралась (при ее-то педагогическом опыте!). Благо-склонно кивнула охраннику:

— Это всем известная Евгения Мезенцева, не обращайтесь внимания. У нее патологическая склонность к скандалам.

Охранник глянул с интересом. На завуча и на меня.

— А никакого скандала не было. Мы только обменялись мнениями.

Надо же, заступник!

— Сейчас будет, — сказала я с холодом в желудке. — Потому что я собираюсь высказаться до конца. Про вас. Как вы надели. На улицах вы всюду, на каждом перекрестке — парами и тройками. И на каждом шагу. С дубинами и пистолетами. Как в оккупированном городе. А кругом воровство, грабежи, и людей убивают каждый день. Потому что воевать вы можете только с ребятами. В основном с невиноватыми...

— Мезенцева, марш домой! — стальным голосом приказала Инна Семеновна. — Завтра я скажу Олимпиаде Андриановне, что у тебя снижена оценка по поведению за третью четверть.

— Насчет оценок решает педсовет, — напомнила я. — Вам придется вызвать меня туда. И там я повторю, что сказала здесь. До свидания...

И пошла я в гардероб.

Люки и Стаканчика не было видно. Кажется, они ушли в зал раньше меня и скандала не видели. И слава богу! А то

вмешались бы, конечно, и была бы перепалка тройного масштаба...

Зато на улице меня догнал... Пень. То есть Левка Дубов.

— Мезенцева, можно я тебя провожу?

— А зачем?

— Ну... так.

— Дубов, — сурово сказала я, потому что внутри у меня все еще сердито булькало. — Проводи, если хочешь. Но я люблю ясность и хочу сказать сразу: шансов у тебя никаких. Как в старой песне: «Я на свадьбу тебя приглашу, а на большее ты не рассчитывай...»

— Женька, да ты чего... — забормотал он. — Я же... ну, просто. Мы же одноклассники...

Мне вдруг стало противно. Из-за себя. Вот дура-то! Парнишка к тебе по-хорошему, а ты... как с тем охранником!

— Пе... Лева, извини. Просто я перекипела. Сцепилась там у выхода с одним...

— Да я знаю! Я же рядом был!.. Правильно ты... Только как ты теперь будешь писать сочинение?

— Какое?

— Ну, про дискотеку! Олимпиада же говорила на прошлом уроке, позавчера...

— Позавчера я в школу не ходила, горло болело... — Это была правда. А Лючка-то почему ничего про сочинение не сказала? И Стаканчик! Забыли, растяпы...

— Пять Колец распорядилась: кто пойдет на дискотеку, через неделю сдаст сочинение на тему «Наш праздник»... Делов-то! Две странички написать... Только что теперь напишешь ты?

— А ничего! Скажу, что не знала про задание. Пусть ставит двойку...

— Есть ведь еще выход — реферат...

— Какой реферат?

— Ну, ты даешь! В полном отрубе от классных дел... В тот же день географ предложил: кто хочет, пусть возьмется за реферат на любую географическую тему. Говорит: «Заработаете пятерку за реферат, гарантирую пятерку за год, даже спрашивать не буду до самого лета»... Ну, все заныли: сочинение, да еще реферат какой-то, двужильные, что ли? А он говорит: «Кто примется за географическую тему, того от сочинения освободят, я уговорю». В том смысле, что зачет по русскому

пусть Липа ставит, прочитавши эту рефератную писанину... Только там ведь надо писать обалденно, целую тетрадку...

— Кто-нибудь согласился?

— Ласковый Май, конечно. Еще Анка Шипицына и Вовочка... Потому что в русском он ни в дугу, хотя и стихи сочиняет, а реферат можно клепать на компьютере. Там программа сама проверяет ошибки.

— Ох уж, она проверяет, — вспомнила я нашего домашнего грамотея с программой «Word»...

На следующий день я уточнила у Дмитрия Витальевича насчет реферата. Он все подтвердил. И насчет годовой оценки, и насчет того, что можно брать любую тему.

— Лишь бы связана была с географией... Ну а если будет добавлено немного чего-нибудь еще, скажем, лирики или философии, это тоже не возбраняется... — Он обрадовался, что я оказалась в числе «рефератчиков» (или как — «реферантистов?»).

— А если много? — насупленно спросила я.

— Чего много?

— «Философии» и «лирики».

Он засмеялся:

— Еще лучше.

— Можно я напишу про остров Джерси?

— Про что угодно! А... почему именно такая тема?

— Это как раз лирика. В реферате я все объясню...

2

Сама не знаю, что меня толкнуло на реферат. Ну, не просто же отвращение к Олимпиадиному заданию. Тогда зачем взвалила на себя такую работу? Может... зашумел опять в ушах брамсельный ветер?

Писать я принялась в тот же вечер. Хорошо, что Илья приходит поздно и компьютер часов до десяти свободен.

Я начала стучать по клавишам:

«Этот выбор может показаться странным. Никогда я на острове Джерси не была, никого у меня там нет, и еще недавно я о нем даже не слыхала... Кажется, это не совсем подходящее начало для реферата по географии. Прошу прощения, начну по правилам.

Остров Джерси принадлежит к архипелагу Нормандских островов, он крупнейший из них. Его площадь 116 кв. км, в основном это сельскохозяйственные угодья. Береговая линия острова пользуется большой популярностью у туристов...»

Передо мной лежала распечатка, которую еще осенью сделал Илья, когда добывал для меня сведения о монетах. Про монеты все было по-английски, а история и география Джерси — на русском языке. И я бессовестно скатывала эти сведения. А что? Не самой же сочинять!

Я написала, что в средневековые времена остров принадлежал независимому Нормандскому герцогству и еще тогда, при герцоге Вильгельме Завоевателе, почти тысячу лет назад, там появилась своя конституция. Сейчас остров Джерси — английское владение, но пользуется автономией. Там говорят на двух языках: французском и английском. Для финансовой и торговой деятельности используется английский, а для торжественных церемоний и судебных дел — по давней традиции — французский...

Ну и всякие другие сведения. Даже географические координаты привела: 49 градусов северной широты и 2 градуса западной долготы. И добавила, что это приблизительно, потому что сама определяла по атласу, а он у меня маленький...

Я писала не торопясь и почти каждый вечер. Сперва совсем понемногу. Упомянув про население (всего-то всемьдесят шесть тысяч) и про хозяйство (огородничество, цветоводство и рыболовство), сообщила:

«А еще на острове добывают великолепный джерсийский гранит, отливающий всеми оттенками осенних листьев. Из такого гранита сложены изгороди и постройки в поместье Отр, где расположен зоопарк, устроенный знаменитым ученым и писателем Джералдом Дарреллом.

Сначала Даррелл, который привез много животных из Западной Африки, содержал этот зоопарк в Англии, в пригороде Борнмута, в саду своей сестры. Сестра была не очень довольна, а власти не хотели выделить для зоопарка территорию. *Наконец, одурев от непробиваемой тупости чиновников* (это Даррелл сам так пишет) *и испугавшись бесконечного списка правил и законов, под гнетом которых сгибается каждый гражданин Великобритании* (если бы только Великобритании! — это уже я пишу, Е.М.), *я решил попытаться перенести зоопарк на Нормандские острова.*

Попытка удалась, зоопарк получился прекрасный. Дже-

ральд Даррелл написал про него книгу «Поместье-зверинец». Эту книгу я подарила своему другу, пятикласснику Всеволоду Мельникову, которого друзья зовут по-своему — Лоська.

Лоська хороший человек. Он очень любит всякую живность. Мы с ним познакомились, когда он на пустыре хоронил своего знакомого кота, которого какие-то мерзавцы убили ради забавы.

Мне кажется, что на острове Джерси никто просто так, ради злости и тупости, не убивает животных и жизнь там добрее, чем у нас. Только не надо говорить, что я не люблю свою страну. Я не люблю, когда убивают...

На Джерси мягкий приморский климат. Не так тепло, как в южных странах, но все равно хорошо. Поэтому там много туристов. Я читала, что недавно там, в столице острова, городе Сент-Хелиёр, проводился какой-то международный шахматный турнир. Не помню, какой именно, и, может быть, ошибаюсь. Но все равно я подумала, что Лоська, если бы он хотел, мог бы со временем побывать на таких турнирах. Но он не хочет, хотя в шахматы играет так, что знатоки отвешивают челюсти (Дмитрий Витальевич, простите). Недавно Лоськины взрослые знакомые договорились, что его на неделю бесплатно пошлют в специальный загородный лагерь. Там фирма «Легенда» финансировала проведение большого детского шахматного турнира, собирали ребят из нашей и всех соседних областей. И Лоська совсем уже собрался, но за три дня до отъезда подобрал беспризорного больного котенка. «Полудохлого», — как говорили многие. Раньше он боялся заводить кота, потому что трудно с кормом, но теперь он не мог пройти мимо. И, чтобы выхаживать этого малыша, он заявил, что не поедет. Ни за что! Был большой крик и упреки, но Лоська сказал: «Шахматы деревянные, а Васька живой. Если он умрет, они мне зачем?»...

Шум в самом деле был большой.

Тот известный в наших краях гроссмейстер, с которым Илья в конце концов познакомил Лосенка, очень заинтересовался «этим вундеркиндом». Он был в числе организаторов детского турнира и «пропихнул» в список участников пятиклассника Севу Мельникова, хотя тому нечем было платить за путевку. Все платили, а Лоську решено было послать бесплат-

но. И, может, стал бы он победителем, если бы не тоший полумертвый Васька, найденный в рыхлом снегу у мусорного бака.

Напрасно Лоську уговаривали все, кто мог. Мать обещала, что будет нянчиться с заморышем, как с любимым дитятей (но она же с утра до ночи на работе!). Я хотела взять Ваську к себе, сносить в ветлечебницу, кормить витаминами и не спускать с рук, пока Лоська воюет на шахматных полигонах.

— Ну да... — сказал Лоська. — Ты его, может быть, и выходишь. Но, когда я вернусь, он будет уже знать тебя, а не меня. Я для него буду никто...

— Он привыкнет к тебе снова! Он же еще кроха!

— Ну да, привыкнет! Скажет: когда больной был, со мной нянчились другие, а теперь ты на готовенькое...

Я, потеряв терпение, хотела заорать Лоське, что безмозглый (месяцев двух от роду) Васька этого не скажет, потому что говорить не умеет и ничего не смыслит. Но увидела, как Лоськины марсианские глаза обильно наливаются слезами. Он эти глаза не отводил, а несчастного Ваську тихонько прижимал к груди.

Потом он выдал:

— Я же все равно там ничего не выиграю. Только про него буду думать, если поеду...

— Все, ша. Отбой, — сказала я. — Уже никто никуда не едет.

Надо отдать должное Илье. Он уговаривал меньше всех. Вернее, почти вовсе не уговаривал. Хотя перед гроссмейстером брату было неловко: ведь именно он, Илья, навязал Лоську ему в ученики, а тут такой «немислимый каприз».

Мне, один на один, Илья сказал:

— Я вдруг понял простую вещь: Лосенок никакой не шахматист по природе...

— Да как же так!

— А вот так, мучача. Шахматы — это великий труд. Это, кстати, пытался внушить Лоське гроссмейстер. А тот хлопал глазами и не верил. Потому что для него это лишь забава — развлечься или там денюжат зашибить на бульваре. Про взрослого можно было бы сказать: «гениальный дилетант»... Для него умение играть — как для мотылька умение порхать над травами. Захотел — помахал крылышками, устал — присел и все хлопоты забыл...

— Неужели его нельзя приучить?

— Я не знаю, как. И не знаю, надо ли. Боюсь, что это — просто не его...

Конечно, про эти разговоры я не стала писать в реферате. Но про один все же написала. Как Лоська спорил с Татьяной.

Надо сказать, что Илюхина подружка в последнее время стала проявлять упорство и резкость суждений, которые раньше в ней не замечались (или я плохо ее знала?). Случалось теперь, что Илья, поговорив с ней по телефону, со стуком клал трубку и шепотом чертыхался. Я, конечно, с замечаниями не лезла. Но когда она заговорила с Лоськой — другое дело.

Вот как я написала про это в реферате:

«Однажды с Лоськой заспорила одна его знакомая, студентка. Она сказала, что ехать он *обязан*, потому что это его долг.

«Нельзя зарывать талант в землю, он принадлежит не только тебе, а всем людям...»

«А как же Васька?» — сказал Лоська.

«Пойми, что это *несоизмеримо*. Бродячий котенок и... в будущем, может быть, звание чемпиона мира».

Интересно, что Лоська не усомнился в возможности получить такое звание. Он просто сказал:

«А зачем оно? Ради денег, что ли? Обойдусь».

«Не ради денег, а ради отечества», — строго сказала студентка. Лоська подумал и спросил:

«*Отечество* от слова *отец*?»

«Да, а что?»

«Да так, ничего...» — тихонько сказал он. И ушел.

Лоськиного отца, шофера, посадили на пять лет за то, что он столкнулся на грузовой машине с «Мерседесом». Сперва определили, что он не виноват, но, видимо, хозяева роскошной иномарки выложили немалую сумму, и те инспекторы, что расследовали дело, вдруг изменили показания. Так что Лоськино «отечество» теперь в спецзоне на севере области, под поселком Хантаево. А может, еще на пустыре, где похоронен его кот Умка. Потому что в других городах Лоська никогда не бывал. И никакие дальние поездки ему в ближайшие годы не светят, особенно заморские острова вроде того же Джерси...

Конечно, я очень отклонилась от темы острова. Можно сказать: при чем тут пятиклассник Мельников? Но какая-то

связь все же есть. Ведь Лоська любит книжку про зверинец на острове Джерси...»

Вот так меня «несло» в этом тексте, который получался совсем не географический. Правда, Дмитрий Витальевич говорил, что возможна «философия и лирика», но какая именно и в каком количестве?

Впрочем, я не боялась и про отметку не думала. Я... писала, вот и все.

Кстати, когда я рассказала в письме Пашке про случай с Лосенком, он ответил коротко:

«Жень! Пока есть такие люди, как Лоська, *они* нас не сожрут».

3

«*Они* нас не сожрут»... Мы с Пашкой понимали друг друга. *Они* — это гады, которые расплодились по всей планете. И под боком у нас, и в дальних краях. Господи, почему их так много? Может быть, планета, пересекая пространство, попала в какой-то отравленный пояс, в котором ядовитая плесень разрастается особенно густо?

Они — всюду. (Неужели и на острове Джерси?) От них не спрячешься ни в каких дальних и теплых краях... От тети Лии пришло письмо, над которым мама плакала весь день. А я сидела дома и на уроках, сцепив зубы. Тетя Соня и маленький Мишка ехали из Хайфы в какой-то поселок к знакомым. Они вышли на минуту на промежуточной остановке, Мишка хныкал, что хочет пить. В этот момент в автобус вошел небритый тип и рванул на себе пояс со взрывчаткой. Автобус разнесло. Тетя Соня и Мишка в это время стояли у буфетного павильона. Мишке перебило руку деревянной стойкой. Тетю Соню ударило взрывной волной. Они оба сейчас в госпитале... Можно сказать, что им повезло, живые. А тех полтора десятков, что оставались в автобусе, — как не было на свете. Одни ключья от них, от взрослых и ребятишек...

ЗА-ЧЕМ? В чем они виноваты? Они же ни с кем не воевали! Я не думаю, что тот гад, который взорвал на себе мину, был храбрец. Сволочь он, вот и все. Никакой храбрости не надо, если твердо веришь, что нажмешь кнопку и в ту же секунду окажешься в райских садах, где тебя ждет бесконечное сча-

стве. Но разве можно заработать вечное блаженство за счет множества других, которым причинил боль и горе?

Мама несколько дней ходила такая, будто в чем-то виновата. «Мы тут живем в их квартире, а они там в таком ужасе...» Она повторяла эти слова, пока Илья не вспылил. Он швырнул на диван очки и крикнул, что мы, черт возьми, живем тоже не в раю. Что взрывают и берут заложников и у нас. Вспомните, что недавно было в Москве! А в нашем городе — что? Благодарить? Тошно включать телевизор! Все ходим, как по минному полю... Я поняла, что Илья просто переводит маму «на другие рельсы». Мол, если она переключится с мысли о Лифшицах на более близкие и привычные тревоги, то слегка успокоится. Наивное дитя мой братец...

А насчет «минного поля» он как в воду смотрел. Через неделю после письма тети Лии какой-то тип стрелял в дядю Костю. Среди бела дня, прямо в подъезде его дома.

Обычно такие покушения удаются безотказно. Однако на этот раз террористу не повезло. Дядя Костя — афганец все-таки — за миг до выстрела почувствовал опасность, присел, выбил пистолет, врезал стрелку по переносице. Неудачливый убийца рванул из подъезда, а дядя Костя замешкался, потому что доставал улетевший за батареею пистолет. Не догнал гада. Тот прыгнул на заднее седло к какому-то мотоциклисту, и они умчались со двора.

Дядя Костя отнес пистолет в милицию и написал заявление. Думаете, что? Сразу бросили патрули на поиски преступников? Сказали: «Хорошо, разберемся. Когда понадобится вызовем. Шум не поднимайте, главное, чтобы не узнали газеты и ТВ». Несколько дней не вызывали. Дядя Костя зашел сам и узнал, что... дело темное. «Может быть, это ваш собственный пистолет и вас надо привлечь за незаконное хранение...»

— Я сдержался сперва, — рассказывал дядя Костя. — Говорю вежливо: «Это каким же аналитическим умом надо обладать, чтобы прийти к такому выводу. Как, по-вашему, с какой стати человек в здравом сознании понесет в милицию свой пистолет?» А они: «Может быть, вам было выгодно имитировать покушение на себя»... Это мне высказал начальник отделения, розовый вежливый майор. Я стою, улыбаюсь, а рука, чувствую, сгибается сама собой, чтобы вмазать... А он улыбается тоже и говорит: «Не надо, мы знаем, что вы это умеете...» Ну, дверью я грохнул от души, а дальше что? Если бы не

отъезд, начал бы копать сам, но задерживаться-то не могу, билет уже...»

Дело в том, что дядя Костя уезжал из нашего города. Насовсем. Трест «Стройметалл» переводил его на какую-то ответственную должность в Петербург. Нельзя сказать, что он радовался такому изменению в своей жизни, но и не спорил. «Что поделаешь, Валечка, дело требует. Я человек военный, привык: если надо — значит, надо...»

Может быть, не только «дело требовало». Может быть, он решил, что лучше оказаться подальше от нас, поскольку его привязанность к маме такая безнадежная... Короче говоря, уехал, причем попрощался поспешно, как бы между делом. Маме подарил розы, Илье — свои командирские часы, а мне сделал самый большой, самый дорожный (во всех отношениях) подарок. Это книга-альбом под редакцией итальянца Франко Джорджетти «Самые знаменитые парусные суда». Мама как увидела, опустила руки.

— Костя, ты с ума сошел. Я же знаю, сколько это стоит. У нас есть несколько таких на складе...

А я тихонько заскулила от восторга, повисела у дяди Кости на шее и побежала к себе — распаковывать и рассматривать. Забыла даже, что дядя Костя уезжает...

Про все это — про Пашкины слова о Лоське, про взрыв автобуса под Хайфой, про дядю Костю — я сначала тоже написала в реферате. Так получилось, само собой. Но потом эти страницы я убрала, вернее, перенесла в отдельный файл. Потому что никакого отношения к острову Джерси они уже вовсе не имели. «Философии» полно, а географии — ноль...

Впрочем, и дальше я писала не в строгом стиле научного реферата. Например, такое:

«В давнем детстве, то есть в начальных классах, я любила сочинять стихи. Потом бросила. А сейчас вдруг у меня снова срифмовались строчки:

А о климате на Джерси я
Прочитать сумела мало.
У меня такая версия:
Солнца там всегда хватало.

Там везде туристы топчутся,
И на пляжах многолюдно.

Можно ехать, если хочется
И в карманах есть валюта.

Иногда на Джерси пасмурно,
Но, набравшись силы свежей,
Разгоняет ветер брамсельный
Облака вдоль побережий.

«Брамсельный ветер» — это морское понятие. Это такой ветер, когда верхние паруса, бом-брамсели и трюмсели, на кораблях нести рискованно, но те, что пониже, — брамсели — ставить вполне можно. Скорость хорошая, суда бегут резво, но шторма еще нет и не надо бояться крушения...

О морском ветре я пишу здесь не случайно. Дело в том, что мое знакомство (заочное, конечно) с островом Джерси началось именно с парусных судов. А точнее — с красивых монеток, на которых отчеканены такие кораблики. Эти монеты в девятнадцатом веке отчеканены на острове Джерси. Возможно, специально для коллекционеров. Во второй половине девятнадцатого века на Джерси был подъем экономического развития, расцветала торговля, нужны были новые суда для коммерческих рейсов, и началось их строительство. Некоторые известные в истории острова торговые парусники как раз и помещены на монетах...»

Дальше я рассказывала о каждом парусном судне с монет. О шхунах «Тиклер» и «Резольют», фрегате «Перси Дуглас», бриге «Геба», барке «Джемини», бригантине «Сэнчери»... О том, когда построены, почему так названы, какое имели водоизмещение, в какие дальние порты планеты ходили и как закончили свой век. К этому времени все тексты о монетах, добытые Ильей в компьютерной сети, я перевела полностью. И уж эти-то рассказы имели прямое отношение к острову, к его истории.

И дальше:

«На этих шести увесистых монетках достоинством в один фунт почти все типы современных парусных судов. То есть не совсем современных, но в той классификации, которая принята в наши дни. Нет только баркентины. Но мне повезло так, что с баркентинами я тоже столкнулась совсем недавно. Я познакомилась с удивительным человеком, который сам ходил на баркентине «Меридиан». А еще он рассказал мне о другой, очень давней, баркентине — о шхуне-барке «Сибирь» и ее героическом плавании...»

Вслед за этим я писала про все, что слышала от Евгения Ивановича. Про постройку шхун в Тюмени, про полярный двухмесячный рейс «Сибири», когда ее трепало бурями, било волнами о мели и разломало фальшборты, изматывало штилем, во время которого кончилась вода... А еще про семнадцатилетнего матроса Мишу Дементьева, который потом стал управляющим в Товариществе Западно-Сибирского пароходства и торговли и всю жизнь посвятил тому, чтобы как можно больше пароходов ходило по сибирским рекам...

«Жаль, что так мало известно про это плавание и про Михаила Ефимовича Дементьева. Конечно, после революции он считался буржуем и бывшим эксплуататором трудящихся масс. Вел жизнь в бедности, по чужим углам, дом, в котором он раньше жил с женой и десятью детьми, отобрали. О том, что он с детства был бедняком и потом всю жизнь работал не покладая рук, новые власти слушать не хотели...»

Снова можно спросить: при чем тут остров Джерси. Но в жизни все переплетается. Например, баркентина «Сибирь» вполне могла оказаться в лондонском порту рядом с брамсельной шхуной «Резольют», построенной за год до того, в 1877 году. От острова Джерси до Лондона не больше трехсот морских миль.

Перепутанность эту и сцепление разных жизней можно проследить до бесконечности. Мой папа родился и провел детство в Тюмени. Моему старшему брату и мне он рассказывал, как однажды с приятелями искал клад в подвале дома, который называется «Дементьевский». А рядом с этим домом, в больших лужах папа пускал кораблики, сделанные из основной коры. По ручьям, текущим в канавах, кораблики плыли вдоль улицы к Туре. Папа, как все мальчишки, любил играть в кораблики. Я сейчас про это подумала, и опять появились строчки:

Им, мальчишкам, вовсе не до шуток.
Пять секунд до ветренного старта.
Круглые, как будто парашюты,
Паруса вздувает ветер марта.

Легкие, из лоскутков батиста —
Тех, что сыновьям отдали мамы, —
Паруса, как чайки в небе чистом,
Треплют воздух белыми крылами.

Скоро гонка, после — всем награды,
 Даже тем, кто в гонке был всех тише.
 ...А потом-то что их ждет, мальчишек?
 Как узнать? Да лучше и не надо...

У меня сомнение. Не знаю, как сейчас пишется слово «парашют». Через «ю» или уже через «у»? Говорят, хотели сделать реформу, и тогда будет «у» в «парашюте» и «брошюре», но я не слышала: сделали уже или нет? Все-таки я буду писать «парашют». По крайней мере, так писалось это слово, когда папа разбился с парашютом во время тренировочного прыжка. Все печально говорили, что он разбился по своей вине, слишком увлекся свободным падением и не успел дернуть кольцо. До недавнего времени я тоже думала так. А сейчас... не слишком ли много он знал, бывший капитан ГАИ? Почему ушел из милиции? Отчего так интересовались бывшие сослуживцы его компьютерными материалами? Не готовил ли он их к печати, когда стал работать в газете? Материалы не нашли. Виноватых и не искали. На вопросы не ответит никто никогда.

Это я ради конспирации так написала. На самом-то деле была дискета и, значит, была надежда.

Недавно я опять спросила Илью: когда он отыщет пароль для папиной дискеты. Неужели «теория двойного рикошета» и прочие гениальные способы бессильны? Илья вдруг сильно разозлился. Заорал, что он не двузначный — решать сразу массу дел. В том числе и заниматься монтажом и озвучкой «вашего гениального фильма». В самом деле, я свела Илью с Петрушей, и брат в меру сил помогал дотягивать «Гнев отца» до «нормального технического уровня». Я виновато примолкла. Тем более что понимала: Илюхина нервозность из-за того, что начались у него нелады с Татьяной. Ладно, поживем — увидим. А пока я писала:

«Конечно, любой может сказать: «Не надо плохо думать о людях, девочка. Папу жаль, но зачем искать виноватых? Чтобы сделать его героем?» Нет, вовсе не для этого. Просто я вспоминаю опять Лоську и его отца... Да, с шофером Мельниковым беда случилась, когда папы давно уже не было. Но... может, потому и случилась? Будь он жив, он бы не допустил...»

Подумав, я убрала из реферата свои подозрения насчет папиной гибели. Потому что это уж совсем не относилось к острову Джерси. И вообще... кому какое дело? Во все я не хотела изливать душу, просто вырвалось, когда стучала по клавишам.

Но строчки про «парашют» и последний прыжок все же оставила. Иначе непонятными были бы стихи, а их убирать я не хотела.

А последние страницы моего сочинения были такие:

«Лоськин котенок поправился. Он уже сильно подрос, стал дурашливый и ласковый. Лоська однажды принес его к Фредению Ивановичу и познакомил там с громадным лоуматым псом Чарли. Васька минут десять шипел и раздувался. А потом они подружились. Теперь Чарли как увидит Ваську, принимается лизать его не хуже заботливой мамы...

Глядя на Ваську, я рассказала Лоське, что в британских владениях есть небольшой (правда, побольше, чем Джерси) остров Мэн, на котором водится необычная порода кошек. Вполне нормальные кошки, только задние ноги у них длинные, как у зайцев, и нет хвоста. Жители острова очень гордятся этими животными. На Мэне, как и на Джерси, тоже чеканят собственные деньги, и есть целая серия монет с удивительными местными кошками. Какая страна чем знаменита, это она и помещает на деньгах. Кстати, монет с кораблями на острове Мэн тоже чеканят немало. История у этого острова не менее древняя и занимательная, чем у Джерси. Но я не могу на нее отвлекаться, иначе пришлось бы писать еще один реферат. Об острове Мэн я вспомнила из-за кошек и монет. А читала о нем я недавно в газете «По всему свету», когда искала дополнительные сведения для реферата.

Эту свою работу я назвала «Семь фунтов брамсельного ветра» тоже благодаря монетам. Не спутайте, не подумайте, что «семь футов». «Семь футов под килем» говорят, когда желают счастливого плавания. А «семь фунтов» — это семь монет достоинством в один фунт стерлингов. Правда, на самом деле их было у меня шесть. Но седьмую я как бы придумала дополнительно. Вернее, вместо нее прибавила к коллекции судов историю про шхуну-барк «Сибирь». Жаль, что в нашей стране мало чеканят денег с парусными кораблями. Как хорошо было бы выпустить монету в память о плавании «Сибири»! Но никому, видимо, в голову не приходит. Или... дело не в этом?

Парусные корабли всегда считались символами надежды. Деньгами с изображениями таких кораблей, наверно, неловко расплачиваться за всякие черные дела и давать взятки... Я так написала сейчас и вдруг вспомнила: а ведь на нынешней бумажной деньге (зачеркнула, написала «ассигнации») в пятьсот

рублей — корабль. Там изображен Архангельск, памятник Петру Первому и трехмачтовый фрегат у причала. Красивый такой, похоже, что «Мир». И, может быть, именно такими красивыми банковскими билетами давали взятки те, что отравили за решетку Лоськиного отца... Правда, это все-таки бумажки, а не монеты.

Да, чуть не забыла. На ребре каждой «корабельной» монеты с острова Джерси выбито: CAESAREA INSULA. Кажется, по-латыни это означает «Императорский остров». Если я правильно разобралась в английских комментариях, такое имя дал ему римский император Роман Антоний в трехсотом веке нашей эры. А нынешнее название острова в переводе на русский означает «Шерстяная пряжа». Не такое романтическое имя, как прежде, но тоже неплохое. Пушистое, уютное, как сказка бабушки, сидящей с веретеном в рыбацьем домике у моря».

ВЕСЕННИЕ ПОРТРЕТЫ

1

Я писала свой реферат (или как там его назвать?) до самых мартовских каникул. Началась уже настоящая весна, оседал на газонах снег, сыпались с карнизов сосульки (не зевай, прохожий!), двигались над голыми тополями кучевые желтые облака... Да, я забыла сказать. Когда я садилась за это сочинение, обязательно включала магнитофон с Пашкиной кассетой — мелодии Вивальди на фоне морского прибоя. Так под эту музыку и прошли у меня вечера в феврале и марте...

Перед каникулами я отдала папку с напечатанными на принтере листами Дмитрию Витальевичу.

— Ну, наконец-то, — обрадовался он. — Я уж боялся, что не уложишься в срок...

— Уложились... Дмитрий Витальевич, только просьба: не читайте в классе вслух, ладно?

— Как скажете, мадемуазель...

Пашке я отослала по электронной почте весь текст, с теми кусками, которые выкинула из школьного варианта. Только выделила эти куски курсивом и попросила, чтобы их никто, кроме Пашки, не читал.

Он ответил быстро и как всегда коротко: «Прочитал. Здо-

рово. Курсивные отрывки спрятал в секретный файл. То, что без них, можно ли напечатать в школьном альманахе «Наше творчество» под рубрикой «Письма друзей?»

Меня Пашка тоже приучил к лаконизму, я ответила: «Так и быть, печатай».

Через пару дней Дмитрий Витальевич остановил меня в коридоре, отвел к окну. И первое, что спросил:

— Женя, ты давно пишешь стихи?

— Я... наоборот. *Давно не пишу*. Бросила. То, что там, случайно вышло.

— Жаль...

— Что жаль?

— То, что бросила...

Я сказала в упор:

— Дмитрий Витальевич, стихи — это единственное, на что вы обратили внимание? Остальное — чушь? Оценка мне, конечно, не светит?

Он как-то мальчишески поскреб затылок.

— Да светит, светит... только по географии. А по русскому Олимпиада Андриановна отказалась оценивать. Сказала: «У нее там такая пунктуация, что можно затевать дискуссию по каждой строке. Если я возьмусь исправлять, она опять устроит скандал и побежит к директору. Так что, если угодно, отправляйте в комиссию сами...»

— В какую комиссию?!

— Ты разве не знаешь? Каждую весну в городе проводится конкурс школьных сочинений...

— Это же не сочинение, а реферат! Ну, или... попытка реферата... глупая, наверно...

— Комиссия разберется, — опять же по-мальчишески хмыкнул он.

— Дмитрий Витальевич, не надо!

Он сказал уже солидно, хотя и со скрытой усмешкой:

— Сударыня. Вы сдали материал, и отныне он не ваш, а достояние органов народного образования. Вот так-с...

— Я не хочу.

— Женя, тебе жалко, что ли? Почему?

— Потому что... там полно всякой «философии».

— Вот и хорошо.

Я вдруг подумала: «А! Пусть! Не съедят, в конце концов...» Но все же поворчала:

— Смеяться будут...

— Гм... — сказал географ.

Уже после этого я дала почитать реферат Илье и маме. Конечно, полные варианты. Мама, прочитав, почему-то стала смотреть на меня тревожно.

— Ох, Женька, несладко тебе придется в жизни.

Я подумала, что мне и сейчас далеко не всегда сладко. Но бодро пообещала в стиле Синего Буля:

— Ништяк, прорвемся...

Илья внимательно и долго (я даже ежиться начала) смотрел на меня из-за очков. Потом изрек:

— Быть тебе Достоевским и Стивенсоном...

— Олух! Что между ними общего?

— Между ними ничего. А между каждым из них и тобой...

— От тебя никогда ничего серьезного не услышишь...

Но услышала я от Ильи и серьезное. Через два дня (уже какникулы были) он поздно вечером позвал меня к себе в комнату и спросил без обычной дурашливости:

— Ты свой реферат куда-нибудь отправляла по E-мейлу?

— Д-да. А что?

— Небось своему Капитанову?

Я на всякий случай разозлилась:

— Это у тебя Татьяна «своя». А Пашка — просто Пашка!

Он не стал огрызаться в ответ. Смотрел озабоченно:

— И, конечно, полный вариант?

— А чего такого? Это мое дело!.. Он, кстати, *те* куски убрал в особый файл.

— Боюсь, что поздно убрал...

— Да в чем дело-то?! — взвилась я. Уже со страхом.

Илья взял меня за кисти рук, поставил между колен. Как в давние годы, когда я была маленькой.

— Девочка, кто-то по-прежнему интересуется папиными делами. Пытается шупать издали наш компьютер...

— Ну и... там же ничего такого, в реферате-то! И о дискете ни слова!

— *Такое* там то, что *они* теперь знают о наших догадках. И понимают, что мы можем «гадать» и дальше. И, значит, можем иметь какие-то материалы...

— Столько лет прошло...

— И тем не менее... Кого-то прошлое держит на крючке.

— Прямо сериал «Черный корпус».

— Знаешь, мучача, эти сериалы не совсем чушь. Они без-

дарны в плане режиссуры, а факты часто берут из жизни. Такова она теперь, жизнь-то эта...

Я мигала, как провинившаяся первоклассница. Илья, кажется, в самом деле знал что-то важное.

— И еще вот что. Телефон тоже могут слушать. Имей в виду...

Я закипела, как дурочка:

— Это же незаконно!

— Ну-ну... иди жалуйся.

Брат говорил не как привычный Илюха, а, скорее, как дядя Костя, когда он касался чего-нибудь важного.

Кажется, я запаниковала в душе.

— Иль, это серьезно, да?

Он вдруг заулыбался, покачал мои руки.

— Да чего ты испугалась-то? Я это так, на всякий случай... Маме только не говори...

Я полночи не спала, думала про все про это. Иногда подкапывал страх, иногда успокоительные мысли: «Да ну, ерунда! В конце концов, что *они* теперь могут сделать?» А когда стала засыпать, опять почудилось, что лечу к земле и не могу дернуть кольцо...

Я встала, пошла на кухню глотнуть холодного молока (это меня всегда успокаивало). У Ильи горел свет. Я сунула в дверь голову. Брат сказал, не оборачиваясь:

— Иди сюда... — Он сидел у компьютера, на экране мигали какие-то таблицы. Я подошла, потерлась щекой о его плечо.

— Ты, мучача, это... не бери в голову. Напугал я тебя?

— Маленько.

— Ничего, «венсеремос». То есть «преодолеем».

— Дискета хорошо спрятана?

— Вполне... А лучший замок — пароль. Будь он неладен...

— Я думаю, вскрыешь...

— Вне всяких сомнений... Главное, как говорит дядя Костя, «нихт шиссен».

Я не поняла, при чем здесь «нихт шиссен», но стало спокойнее.

А дядя Костя прислал письмо! Бодрое и полное шуток. Сообщал, что ему выделили однокомнатную квартиру. «Был бы человек семейный, дали бы побольше, а пока сойдет и так...» Обещал, что летом вытащит нас к себе в гости. «А ежели взрос-

лые члены семейства заупрямятся, то юную Евгению все равно вытащу. Хотя бы путем похищения...»

Потом пришло еще одно письмо — от тети Лии. Она сообщила, что рука у Мишки срослась, он опять ходит в школу, только стал серьезнее, молчаливее. Одно время слегка заикался, но теперь это прошло. Тетя Соня тоже поправилась, настроена по-боевому и просила какое-то начальство записать ее в общественную милицию по борьбе с терроризмом. Просьбу обещали рассмотреть. В Израиле женская военная служба — дело обычное, а возраст для милиции, видимо, не помеха.

Мама читала вслух и головой качала. Кажется, она все еще чувствовала себя виноватой.

Между тем началась последняя школьная четверть. У меня получились всякие трудности с алгеброй и биологией, и пришлось влезать в учебу по уши, чтобы не было троек за год. По правде говоря, мне на тройки было начихать, но как представишь мамини большущие от скорби и тревоги глаза...

Апрель бежал быстро, и в нем тоже случались всякие события.

Поссорились Лючка и Стаканчик. Из-за того, что однажды я поймала их за курением — в сквере у гастронома, когда догнала по дороге из школы. Оба торопливо затоптали сигареты. Стаканчик, разумеется, порозовел.

— Ник, — сказала я, — она дура, и это неизлечимо. Но ты-то...

Он бормотал, что только попробовал. Надо же, мол, когда-то... Я велела ему идти домой и попросить маму, чтобы она его выпорола. А за Лючку взялась всерьез.

— А чего! — негодовала та в ответ. — Я и сама не хочу, это я из-за него! Должен же он когда-то становиться настоящим парнем! А то каждому кретину говорит «извините, пожалуйста» и краснеет при любом случае...

Слово за слово мы крепко поцапались и разошлись. Но это не страшно, такое было не впервые. А между собой они поругались всерьез. Потому что стали обвинять друг друга в отсутствии бдительности. Из-за такого, мол, отсутствия прозевали мое приближение. И Стаканчик впервые показал себя «настоящим парнем». Лючку обозвал «огнедышащей коровой» и перестал с ней разговаривать. Та терпела два дня, а потом пришла ко мне — реветь и просить о помощи.

Пришлось мирить их.

Я заставила их поклясться в вечной дружбе, и они это в конце концов сделали. И даже в знак такой дружбы обменялись монетками. А я в заключение пообещала им, что, если снова увижу с сигаретами, засуну им эти сигареты за шиворот... по правде говоря, даже не за шиворот. Очень уж я тогда завелась...

Компания наша была дружная. Но «в обиходе» (если можно так выразиться) мы больше дружили парами: Люка со Стаканчиком, я с Лоськой. А маленький Томчик одинаково «приклеивался» то к одним, то к другим. Гулял чаще с Люкой и Ником, но откровенничал больше со мной и Лоськой.

В апреле Томчик повадился чуть не каждый день приходиться ко мне. Очень ему нравилась громадная книга о парусниках, которую мне подарил дядя Костя. Устроится с ногами на моей диван-кровать и притихнет, лишь чуть слышно шелестит листами. Иногда они листали альбом вдвоем с Лоськой. А ощутивший радость жизни Васька, которого Лосенок приносил в сумке, метался по квартире. Я терпела...

Впрочем, Лоська чаще проводил время не у меня, а у Евгения Ивановича. И, как выяснилось, не зря. То есть не только ради общения с ненаглядным другом Чарли. Евгений Иванович учил его рисованию. К этому делу (не то что к шахматам) Лоська относился серьезно. Пробовал даже работать маслом. Как выяснилось позже, он писал на куске картона «Автопортрет в обнимку с Чарли». Никому, кроме Евгения Ивановича, не показывал.

— Вот закончу, тогда покажу...

Обещал закончить к маю.

2

В середине апреля позвонил человек, о котором я почти забыла.

— Это Женя Мезенцева? — Голос был мальчишечий, высокий и чистый.

— Да...

— Это Игорь Карцев. С той квартиры, где ты жила раньше. Конечно, ты меня не узнала.

— Конечно, не узнала, — вывернулась я. — В тот раз ты был сиплый от ангины... Здравствуй.

— Здравствуй. Я вот почему звоню. Тебя разыскивает какая-то женщина. Узнала где-то этот адрес, а по нему телефон. Говорит, что с трудом, потому что номер изменился. Я объяснил, что вы переехали. Она говорит: «А не знаешь нового адреса или телефона?» Я соврал, что не знаю, но попытаюсь узнать...

— А почему сразу-то не сказал?

— Видишь ли... она объяснила, что из какой-то комиссии. То ли из облоно, то ли еще откуда-то. Я подумал: вдруг тебе это не надо?

Я лихорадочно прикинула в уме: что такого за мной водится, если вдруг заинтересовалась какая-то комиссия? Кажется, ничего. В конце концов, если что-то *такое*, все равно искали бы через школу...

Игорь между тем объяснил:

— Она будет еще звонить. Дать ей твой телефон?

— Дай, конечно...

— Тогда ладно. До свидания.

— Да... ой! — вспомнила я. — А как поживает гномик, которого ты нашел в кладовке?

— Хорошо поживает! Я ему на полке устроил специальную каюту.

Он сказал не «жилье», не «гнездо», а «каюту», и в этом было что-то свое, привычное. Почти Пашкино...

— Игорь, спасибо! Звони, если...

Я не договорила. Чуть не сказала «если захочется», но не решилась.

Он помолчал секунду и весело откликнулся снова:

— Ладно!

Неизвестная женщина позвонила через три дня.

Голос такой... вроде как у библиотекарши Анны Григорьевны или бабушки Игоря Карцева, только помоложе:

— Извините за беспокойство. Могу я поговорить с Женей Мезенцевой?

— Да. Это я...

— Женя, здравствуй. Меня зовут Тамара Яковлевна. Я из общества «Зеленая ветка». Это такая общественная организация при Областной думе и администрации губернатора. Мы занимаемся защитой прав детей и разными педагогическими проблемами...

«Этого еще не хватало!» Видимо, в моем молчании не было радости. Тамара Яковлевна заговорила побыстрее:

— Женя, прежде всего я поздравляю тебя с дипломом.

— А! Спасибо... Но я даже не знаю, за что мне диплом. Я же ничего особенного там не делала, только помогала при съемках разными мелочами... — Я думала, речь идет о грамоте, которые получили все, кто участвовал в работе над «Гневом отца». Этот наш «фильм» в конце концов попал на областную конкурс и занял (надо же!) первое место.

— Женя, извини, мы, кажется, говорим о разном. Я о твоём сочинении...

— Но... я ничего про это не знаю...

— Вот как! Значит, я могу первой поздравить тебя. Тем приятнее... Дело в том, что жюри подвело итоги конкурса, и твои «Семь фунтов...» оказались в числе трех лучших работ. Первое, второе и третье места решили не распределять, всех объявили одинаковыми победителями. Видимо, скоро тебе об этом сообщат в школе. Еще раз поздравляю, и... теперь я, Женя, хочу спросить о другом. Тот мальчик, твой друг по имени Лоська... то есть Всеволод Мельников... это не выдуманный персонаж?

— Да что вы! Лоська-то? Какой же выдуманный!

— Мы подумали... вдруг это просто литературный прием. Значит, все, что ты о нем написала, правда?

— Конечно!

— Я прежде всего про историю с отцом...

— Да...

— А не могла бы ты дать его адрес? И как зовут маму...

— Да... могу. А зачем?

— Ты не бойся, хуже не будет. Есть люди, которые могут попытаться проверить это дело. В порядке надзора...

Я потом до вечера ходила и думала: неужели моя писанина в чем-то может помочь Лоське? То есть его отцу. И в конце концов решила, что ерунда это. Что могут сделать дамы из какой-то «Зеленой ветки»? Наверно, это комиссия для организации детских утренников, конкурсов и прочих «праздников на лужайке». Они иногда выступают по телевидению с речами о необходимости спасать юных наркоманов и беспризорников, но тех не становится меньше...

В общем, Лоське я ничего не сказала про этот разговор. Понадеется, бедняга, а потом сплошное расстройство... И никому не сказала.

Второй раз Тамара Яковлевна позвонила за два дня до Первой. И опять попала на меня, больше дома никого не было.

— Женя, это ты? Я узнала... Женя, у меня несколько неожиданный вопрос. Даже не у меня, а... просили выяснить. Если можно, конечно. Скажи, вы знакомы с офицером милиции Будимовым?

— Что?... Д-да...

— Говорят, он был другом вашего папы...

— Ну... говорят. То есть да, был... Но потом папа ушел из милиции, а он остался. Я не знаю, что и как у них дальше было... Они занимались в одной парашютной секции. Папа первый год, а Будимов давно... Тамара Яковлевна, а в чем дело?

— Да не волнуйся, ничего особенно. Правда, ничего. Просто... есть несколько вопросов к этому человеку и не хотелось бы, чтобы у тебя... и у твоих близких... остался какой-нибудь неприятный осадок. Если Будимов в самом деле ваш добрый друг... Это на всякий случай...

У меня в голове — целый взрыв вопросов. И я... я совершила умный поступок (один из немногих умных в своей жизни). Не стала дергаться от тревоги и любопытства, не стала спрашивать.

— Тамара Яковлевна, мне трудно про это говорить, я мало знаю. Побеседуйте с моим старшим братом. Он все помнит и знает лучше.

— Замечательно! А он дома?

— Он будет вечером. Но если это срочно, можете позвонить ему по сотовому. Дать вам номер?..

Вечером я втащила Илью в свою комнату и вцепилась в него клещом: как и что?

Он не стал изображать конспиратора. Видел, что я вся извожусь от беспокойства.

— Да не трепыхайся ты. Это в самом деле правозащитная организация, старается блюсти интересы детей. Поскольку там не следователи, а интеллигентные дамы, они следуют кой-каким старомодным этическим принципам...

— Каким?

— Например, чтобы при разборе скользких дел не дай бог не травмировать какого-нибудь ребенка. Тебя, в частности... Видимо, выяснилось, что некий деятель ГАИ по фамилии Будимов при выяснении обстоятельств с шофером Мельниковым неожиданно и резко изменил показания в пользу хозяев «Мерседеса». А девочка Женя дружит с сыном шофера, с ее сочинения и возник в «Зеленой ветке» (а потом и дальше) новый интерес к делу. А Будимов — друг Жениного папы. Не навредить бы душевному состоянию девочки, когда она узнает, что папин друг сволочь. Смешно, да? Но они такие...

— Илья... а ты точно знаешь, что он сволочь?

— Теперь-то... И, Женя, вот что... Я ведь копал и сам. То есть с помощью друзей и «друзей моих друзей». У компьютерщиков широкие связи. Раньше не говорил, потому что... Ну ладно, знай, не маленькая уже. Конечно, это косвенный факт, но... интересный тем, что раньше был малоизвестен. Вечером, накануне прыжков, Будимов приезжал в клуб и дополнительно проверял уложенные заранее парашюты. Он ведь был старостой группы. Но в прыжках в тот проклятый день по какой-то причине участвовать не смог. То ли на дежурстве был, то ли еще...

— Иль... неужели ты правда думаешь...

— Дело вот в чем. Папа ушел со службы явно потому, что не хотел участвовать в махинациях на дорогах. И говорил об этом с «другом Витей». Наверно, убеждал Будимова: «Не надо...» Понимаешь, он и терпеть это не мог, и открыто шум поднять — как? Друг все-таки. Да и куда пойдешь? В ту же милицию? Ха... Но *они-то* понимали: в конце концов он сможет. И боялись, что унес собой немало материалов и фактов... Маме только не говори. А то опять начнет дрожать за меня...

— Теперь дрожать буду я...

— Глупенькая. Подумай, я *им* зачем? Ведь про дискету они ничего не знают...

Свой автопортрет Лоська закончил только перед праздником Победы. Взял у Евгения Ивановича телефонную карточку и всех обзвонил с ближнего автомата: приходите смотреть.

Томчик был у меня, и мы немедленно отправились в Дро-

вяной переулочек. День был удивительно теплый, как летом. Густо проклеивались листики, деревья — как в зеленой марле. Когда вышли к переулочку, Томчик задрал голову.

— Женя, смотри!

Высоко над тополями и крышами парил белый фрегат. Корабль с выпуклыми парусами! Вернее, воздушный змей в виде корабля. Ну, сплошной восторг! Я радостно ахнула, потом побежала глазами по нитке, и, конечно же, она привела наши взгляды к забору, над которым торчал конек крыши с корабельным флюгером...

Лоська с ниткой в руках сидел на крыше, Евгений Иванович стоял на дворе и подавал громкие советы. Здесь же «посидели» Люка и Стаканчик. Ник щелкал новеньким японским аппаратом, который на день рождения (авансом!) подарили родители. Аппарат был автоматический: знай себе щелкай, остальное все делается само собой.

Стаканчик снимал змея в небе, Лоську на крыше и Чарли с Васькой, которые носились по двору...

Оказалось, эту придуманную старым боцманом «воздушную конструкцию» Евгений Иванович и Лоська мастерили две недели. Потому наш юный живописец и затянул работу над портретом.

— Пойдемте скорее! — поторопила Люка. — А то без вас он свой шедевр не хочет показывать.

Лоська приземлил летучий фрегат на молодую травку. Мы полюбовались им, повосхищались и толпой оправались в «каюту».

Солнце било в квадратное окно и в иллюминатор. Прямо на ситцевую занавеску, за которой прятался мольберт. Мы шеренгой встали напротив. Лоська набгченно попросил:

— Только не смейтесь... — пошевелил лопатками и отдернул занавеску.

Ну что... На первый взгляд был, конечно, Лосенок очень неумелый живописец. Засмеяться можно было от такой неумелости. Но никто даже не хихикнул.

Портрет оказался написан крупными яркими мазками. Будто его автор тренировался, пробовав силы. Как придется, так и пробовав. Но... вот ведь «ядренный корень» (как сказал бы Евгений Иванович), несмотря на всю неумелость, Лоська был похож. Мало того, что похож, это был именно Лоська как он есть. С волосами-сосульками, с носом картошкой и с чуть

печальным взглядом длинных марсианских глаз. Он словно приглашал зрителей посмеяться при виде этого забавного портрета, но сам не смеялся, потому что позади забавности пряталось что-то другое...

Лоська изобразил себя сидящим на корточках и обнимающим за шею косматое существо, в котором нельзя было не увидеть Чарли — с высунутым красным языком и смеющимися глазами. О переднюю лапу пса терся мордой черно-белый котенок. Васька или нет — поди разбери, котятка похожи друг на друга. Но по замыслу — явно Васька.

Лоська разъяснил:

— Я его в последний момент сюда посадил. Чтобы не обидно было... — И замолчал с явным ожиданием: ну, что скажете?

Я сказала без смешинки в голосе (которых уже и не было):

— Лоська, ты Пикассо...

— Я то же самое подумал, — кивнул Стаканчик.

— Нравится? — боязливо спросил Лоська. Прежде всего меня.

— Спрашиваешь...

Он осмелел, улыбочиво сморщил нос-картошку:

— Хочешь, подарю?

— Правда?!

— Если в самом деле хочешь...

— Еще бы!

— А повесишь на стенку? — Лоська словно проверял меня.

— Клянусь!

Евгений Иванович, который покашливал за нашими спинами, пообещал:

— Ради такого дела я в своем хозяйстве подыщу раму.

Люка притворилась завистливой:

— Женечка молодец, успела первая...

Лоська быстро взглянул на нее:

— Тебе я тоже что-нибудь нарисую...

«Нарисуй Стаканчика с сигаретой», — чуть не лягнула я. Ну что за вредная личность! Мучача детестабле...

Томчик тихонько взял Лоську за рубашку.

— А меня сможешь нарисовать... когда-нибудь?

— Ладно... — Лоська опять чуть улыбнулся и показал подбородком: — Вот с ним?

— Ага. Можно с ним... — Из кармана Томчика торчала тягелая рукоятка того самого револьвера.

Томчик ходил с этим оружием уже третий день. Я спросила — зачем? Он сказал со вздохом:

— Привыкаю... А то нечестно: диплом на стенке висит, а я по правде не стрелял...

Мне почему-то не хотелось, чтобы он привыкал к этому. Но, с другой стороны, куда денешься? Мальчишка. Томчик был, как всегда, в джинсовом комбинезончике, только теперь обрезанном выше коленок. Длинный ствол, проткнув карман, торчал из коротенькой штанины. На конце его чернела большая треугольная мушка. Я проворчала:

— Вот как выпалит, сожжет ногу. — Потому что помнила: при выстреле огонь вылетает ого-го какой!

Томчик разъяснил чуть виновато:

— Он не выпалит, он же без патронов. Я пока так привыкаю... вхолостую...

...Лоська опять сказал Томчику:

— Ладно. Только лучше в том костюме, в котором ты снимался. Там у тебя такой морской вид...

— Хорошо!

Сам Лоська тоже был в «морском виде», то есть в летней одежке с пунцовым галиотом. И на портрете, и сейчас. На портрете, «потому что подходящий колорит». А сейчас потому, что «лето же, в конце же концов, надоело же ходить, как в скафандре с муравьями...». Да, был он по своей природе Маугли, не терпящий «оков цивилизации»...

Мы все радовались лету и возможности скинуть «оковы». Я с радостью плюнула на колготки и свитер, влезла в куцые вельветовые бриджи и балахонистую футболку. Стаканчик щеголял в широченных парусиновых бермудах и майке-безрукавке с портретом какой-то волосатой личности (правда, поверх нее накидывал неизменный «лифчик» с карманами). Люка конфисковала у матери старое платье в лимонную и коричневую клетку и соорудила из него пышный сарафанчик «умеренной длины» (точнее, короткости). Для школы, правда, приходилось принимать «приличный вид», но после уроков мы обретали другой вид — нормальный...

Лоська снял портрет с мольберта, поставил на пол. Картон был ему до пояса.

— Надо выставить на крыльцо, чтобы краски скорее высохли. Тогда уж заберешь... — Это он мне.

— Еще раму надо, — напомнила я довольно бесцеремонно.

И представила, как здорово будет смотреться написанный маслом Лоська над моей кроватью. Тем более что до сих пор стены оставались почти пустые, только приклеен был к обоям присланный Пашкой календарь.

Евгений Иванович сказал, что раму сейчас найдет.

— Все равно перед переездом надо проводить ревизию и чистку, выкидывать лишнее.

— Перед каким переездом? — спросили мы хором (кроме Лоськи).

— Да вот такое дело, братцы... Дали двухкомнатную квартиру и сроку две недели. Вскоре все, что здесь имеется, — под бульдозер. Потому как ожидается на здешнем берегу большая стройка. Жаль, конечно, особенно Варваре Михайловне. Это ее родовое гнездо...

— Не имеют права сносить. Частная собственность, — сказала я, понимая, как это глупо.

— Какая тут собственность, ежели собираются строить резиденцию Полномочного представителя. Так сказать, стратегический объект... Хорошо хоть, что обещали компенсацию за огород. Правда, с гилькин нос...

Стаканчик, поддернув белые бермуды, сел на нижнюю ступень крыльчика. Сказал, глядя в пространство:

— Вот так. Отстояли Дворец...

— Мы-то здесь при чем?! — взвилась Лючка.

— Никто ни при чем, — сказала я философским голосом Ильи (хотя было совсем не весело). — Просто карма такая.

Лоська знал, что такое карма. Вскинул глаза:

— У нас?

— У ППЦ. Такая у него судьба: приносить людям гадости, если даже он того не хочет...

Стаканчик язвительно, совсем не похоже на себя, выговорил:

— Опять же поглядим с точки зрения генеральных планов. Встанет на берегу новый дворец власти. Что там домик какого-то Евгения Иваныча и ближние сараи. Интересы отдельной личности на фоне интересов государства. Как у несчастного Евгения в «Медном всаднике»...

Люка сказала:

— Давайте хотя бы сфотографируем все на память. И двор, и дом, и все, что внутри... И всех нас тут с Евгением Ивановичем...

— И Лоську с портретом на этом крыльце, — сказала я.

Лоська сидел на ступеньке и, сцепив зубы, оттирал скипидаром коленки. Он, когда вытаскивал портрет, коснулся его ногами, растяпа. Портрет заметно не пострадал, но колени украсились зелеными и синими пятнами. Оттопыренные кромки штанов — тоже. Штаны — ладно, они снизу все равно сине-зеленые. А кожа... «Давно ты стал такой чистюля?» — чуть не сказал я. Но поняла — дело не в краске. Просто Лосенок чувствует себя виноватым: он-то знал о предстоящем сносе давно, однако нам не обмолвился. Потом он объяснил: не хотел никого расстраивать в праздники...

Стаканчик так и снял его — с надутыми губами, сосредоточенно оттирающего с ноги краску. А рядом, на картоне, — еще один Лоська, в обнимку с Чарли. А неподалеку — настоящий Чарли, который пытается лизнуть свалившегося на спину и задравшего лапы Ваську.

...Через неделю Стаканчик вручил каждому большой, размером в две открытки, снимок. Я попросила у него еще один, для Пашки, и отправила его в Яхтинск в твердом конверте. А свой повесила под Лоськиным портретом, вставленным в коричневую деревянную раму, слегка потертую, но крепкую и солидную — как и положено картине мастера.

А больше ничего Стаканчик снять не сумел, кончилась пленка. Вернее, остался кадрик еще для одного снимка, его сделала я: как Стаканчик и Лоська достают с крыши флюгер-кораблик — на память старому боцману. И при этом подумала, что запуск змея-фрегата был чем-то вроде прощального салюта...

4

Конечно, мы все помогли Евгению Ивановичу и Варваре Михайловне перебраться в новую квартиру. Она оказалась недалеко от нашей — в Парковом районе построили недавно два новых дома. Квартира как квартира, тесноватая, правда, а у старого боцмана вон сколько имущества: холсты, коряги, морские экспонаты. Все углы и балкон оказались забиты. И ясно было, что проблем с расстановкой теперь хватит не на один месяц.

К тому же оказалась верхотура. Евгений Иванович мрачно вспомнил:

— У Михаила Светлова, по-моему, есть такие стихи:

Жили были дед да баба
На девятом этаже.
Так как лифт работал слабо,
Оба померли уже...

Ничего себе шуточки! От того, что эта квартира не на девятом, а на седьмом этаже, было не легче. Тем более что во время перетаскивания вещей лифт останавливался дважды. Грузчики выражались так, что я увела Томчика подальше...

Евгений Иванович без особого сожаления избавлялся от вещей. Томчику подарил трехголовую корягу-чудище, похожую на ту, из фильма. Мне — вспомнив давнее обещание — вручил наконец эскиз со шхуной «Сибирь». И не маленький, из запаса, а тот самый, со стены. Другим тоже подарил по морскому пейзажу. А жалел об одном: что не будет теперь печки с живым огоньком.

Картину «Город Мишки Дементьева» он к тому времени закончил и повесил теперь в главной комнате. Она сразу бросалась в глаза...

Во время переезда погода испортилась. Весна спохватилась, что начала нас радовать слишком рано. Сделалось дождливо и ветрено. Пришлось снова влезать в теплые куртки. Нам-то ладно, а начавшие зеленеть деревца зябко вздрагивали — как ребятишки в летних рубашонках и платяницах, вскочившие на холод и нечаянно захлопнувшие за собой дверь.

Однако холод продолжался всего неделю. В двадцатых числах лето пришло, кажется, окончательно. Зацвели яблони. Дни сделались жаркие, иногда накатывали короткие трескучие грозы.

Занятия в школе шли уже через пень-колоду, контрольные был позади, мы ходили на уроки как бы по инерции. И никто, кстати, больше не требовал от нас «приличного вида». Даже Олимпиада...

За три дня до каникул Стаканчик предложил:

— Давайте сходим в Дровяной переулок, все же снимем дом на память и себя рядом с ним. Я зарядил аппарат.

Я уже не отказывалась фотографироваться, кончилось у меня это время — еще зимой, когда снимали «Гнев отца».

Мы позвонили с автомата Томчику, потом зашли за Лоськой и всей компанией пешком двинулись вдоль Таволги. Теперь там не было сугробов и просохли тропинки. Река под безоблачным небом выглядела голубой и почти чистой, старинный заводик на том берегу был больше, чем всегда, похож

на рыцарский замок. Я подумала, что пейзаж перед окнами ППЦ будет неплохой...

Огород, который был при доме Ступовых, спускался к самой реке. Раньше можно было подняться к дому по пологому склону, между грядок. А теперь...

Теперь мы увидели, что нельзя. Дома не было. Была громадная груда бревен, досок и кровельного железа. Причем сдвинутая почти к самой воде. Позади груды рычал и чихал бульдозер. Он, кажется, пытался давить на развалины, чтобы совсем их столкнуть в реку. Другой бульдозер стоял выше по склону, у его гусеницы возился дядька в замызганном камуфляже.

В общем-то, ничего неожиданного мы не увидели. Это должно было случиться. И все же стало горько. И потому, что не успели, и вообще...

Мы стороной обошли развалины и скрежещущий бульдозер. Поднялись мимо поваленного забора — туда, где стоял другой бульдозер. Встали от него неподалеку.

— Все-таки я сниму, — виновато сказал Стаканчик. — То, что осталось. И давайте вас на фоне... этого...

Мы послушно встали шеренгой. Летний день уже не радовал. Пахло старым деревом и развороченной землей. Уйти бы скорее...

Стаканчик шелкнул раз, другой. Потом встал на мое место, а я взяла аппарат... Я тоже успела нажать два раза, и в этот момент раздался громкий рык:

— Че тут крутитесь, паразиты! Делать не хрена?

Это дядька, что возился у гусеницы, теперь распрямылся и глядел на нас волком.

— Вам-то что! — взъялся в ответ Лоська и выпятил грудь с красным кораблем.

— Ты поговори, сопля зеленая!

Воспитанный Стаканчик порозовел и сказал:

— Мы снимаем остатки дома, в котором жили наши друзья. Разве мы вам мешаем?

— Мешаете! Пошли на...

— Хам какой, — произнесла Люка тоном Олимпиады Андриановны. И добавила заботливо: — Томчик, не слушай дядю...

— Шас уши оборву, щенки!

— Оборвал один такой, — сказала я, холодея щеками. — И пришил себе... — Посмотрела на Томчика, сдержалась.

Дядька подбросил в руке разводной ключ, качнулся было к нам, но раздумал. Понял, видимо, что не догонит. А если догонит — не справится.

Из-за бульдозера вышел еще один мужик — более опрятного вида, в пиджаке. «Прораб», — почему-то подумала я.

— Саня, ты чего шумишь?

— Шляются тут! — гаркнул опять расхристанный камуфляжный Саня.

Прораб мельком глянул на нас.

— Да ладно тебе. К машине-то не лезут...

— Наглые больно...

— Идем. Вон у ребят все готово, — сказал Прораб. «Ребята» с нижнего бульдозера выключили мотор и, видимо, собирались перекусить. Накрыли газетами ящик, расставили на нем банки, кружки и термоса, приглашающе смотрели вверх. Саня и Прораб пошли к ним по тропинке среди цветущих одуванчиков.

Люка вдруг сказала вслед:

— Вы мусором всю реку завалите. А кто будет чистить?

Прораб посмотрел через плечо.

— Чистить, девочка, это не наша забота. Это проблемы другой фирмы.

— Вот так ваши фирмы и загадили всю страну, — вежливо заметил Стаканчик.

— И правда наглые, — сказал Прораб Сане. — Ладно, пошли...

Мы тоже пошли — вверх по переулку. Стаканчик решил снять развалины издалека, чтобы в кадре оказался окружающий пейзаж со старинным заводом.

— А я вот что нашел. Там, внизу, — сказал Лоська. На ладони он держал серого фаянсового зайчонка с прижатыми ушами и розовым носом.

— Какой миленький, — восхитилась Люка. — Ну вот, будет у тебя, Лосик, еще одна память о старом доме.

Лоська вскинул глаза.

— Это же нельзя. Вдруг это их любимая вещь и потерялась случайно...

— Ну, тогда зайдем, спросим, — решила я. — Мы же обещали навестить.

Стаканчик сделал пару снимков с верхней точки, и мы двинулись обратно, к реке.

— Смотрите! — очень звонко крикнул Томчик. Замер с выброшенной вперед рукой.

До оставленного вредным Саней бульдозера было теперь около сотни шагов. И... делалось все больше. Потому что машина медленно двигалась вниз. С коварной бесшумностью (так, по крайней мере, казалось). И прямо на тех, обедающих. Они сидели к бульдозеру кто спиной, кто боком — не видели, не слышали...

Мы завопили наперебой. Каждый свое: «Эй, вы там!.. Бе-регитесь!.. Бульдозер прет!.. Да оглянитесь, идиоты!» Потому что бежать предупреждать было поздно.

Они не оглядывались. То ли не слышали (может, приняли уже по стопке), то ли решили, что мы их дразним издалека, и гордо игнорировали.

— Да смотрите же, раздавит вас!! — надсадно орала я.

Только Томчик теперь ничего не кричал. Он застыл, расставив ноги и растопырив колючие локти. Потом он вздрогнул. Изогнулся и, разрывая карман, выдернул револьвер, скинул ствол.

Грохнуло трижды. Трижды вылетело из дула бледно-желтое пламя и синий дым.

Люди у ящика вскочили. Кажется, они ругались, но мы не слышали из-за звона в ушах. Саня на скрюченных ногах кинулся навстречу бульдозеру, вскочил в машину. Наверно, он там отчаянно дергал рычаги. Машина не слушалась. Она деловито раздавила ящик, затем рядом с другим бульдозером уткнулась в груды бревен и наконец заглохла.

— Вот так... — меланхолично подвел итог Стаканчик.

— А говорил, что без патронов, — сказал Томчику Лоська с ноткой восхищения.

— Раньше был без патронов. А сегодня я решил взять... и вот...

— Пошли отсюда, — распорядилась Люка. — А то мужики решат, будто это наша диверсия.

— У меня вон как разодралось... — прошептал Томчик. Стволом он шевелил у кармана распоротый шов.

— Ух ты... Ничего, зашьем, — утешила Люка. — Ник, у тебя все с собой?.. Пошли, вон там лавочка.

Выше по переулку, у калитки в заборе, была скамеечка. Мы подошли к ней. Стаканчик похлопал по своей многокарманной безрукавке, достал спичечный коробок, в котором

оказалась иголка и несколько плоских мотков ниток. Вот такой он, Стаканчик, — всегда носит с собой массу полезных вещей. Нравится ему жить как в дальней экспедиции...

Стало ясно, что одним зашиванием не обойтись. Дергая наружу револьвер, Томчик острой мушкой разодрал на бедре кожу. Яркая, с кровавыми каплями царапина тянулась вверх от колена.

Люка дернула на Томчике ляжку.

— Снимай. Зашивать надо изнутри. Не стесняйся, посторонних не видать, а мы все свои. Пока тебя лечат, я почию.

Томчик не упрямылся, скинул свой куций комбинезончик. Оставшись в апельсиновых трусиках, он опасливо смотрел, как Стаканчик извлекает из кармана моток бинта и пузырек с зеленкой.

— Потерпи, Томчик, — шепнула я. И принялась за дело. Мне было не привыкать. В прошлом году, в «Отраде», сколько царапин и ссадин пришлось замазывать и бинтовать на малышках...

Томчик терпел, только покусывал губы и трогал концом ствола большой одуванчик. Смазанную зеленкой царапину я закрыла марлевой лентой и приклеила ее поперечными полосками лейкопластыря.

— Как скелет рыбы, — заметил заботливо дышащий рядом Лоська.

— Спасибо, — сказал деликатный Томчик мне и Люке, которая протянула ему зашитые штаны. И торопливо залез в них. Конец белого «скелета» торчал из коротенькой штанины, но это ничего, это даже придавало Томчику мужественный вид.

— Ты хоть понимаешь, что ты герой? — сказала я.

— Подумаешь, — отозвался он вполголоса. — Я не боюсь, когда щиплет... Почти.

— Я не про зеленку. Про стрельбу.

— Я... потому что надо было как-то... Все кричат, а они не слышат. Ну и вот...

— Ты спас людей, — проговорил Стаканчик и почему-то опять порозовел. — На войне за это медали дают...

Все посмотрели в нижний конец переулочка, но развалин и бульдозеров теперь не было видно за изгибом забора.

— От этих людей дожدهшься... — сказал Лоська.

Я в кармане своих бриджей нащупала монетку. Ту, последнюю, с марсельной шхуной. Я всегда носила ее с собой.

— Томчик, подставь ладонь... На. Это тебе насовсем.

Он замигал (и ресницы были все-таки сыроватые). Заулыбался. Глянул недоверчиво. Он прекрасно знал, *какая* это монетка. Из тех, что были у каждого из нас и только у него не было.

— Этот кораблик называется «Резольют». По-русски значит «Решительный», «Твердый». В общем, как раз для тебя...

— Ну уж... — сказал он одними губами и порозовел, как стаканчик.

— Да, — подтвердила Люка. — Не спорь.

Томчик смотрел на меня.

— А как же ты?.. Без нее... — Он качнул монетку на ладони.

— А у меня есть баркентина «Сибирь». Не на монете, на картине, но это все равно...

Томчик, продолжая улыбаться, затолкал монетку в левый карман. А в правый стал засовывать револьвер. Глянул на Люку укоризненно:

— Ты перестаралась. Внутри зашила наглухо, дуло не просовывается...

— Ну, давай распорю. Рвать — не зашивать. Ник, дай ножик... Вот и все.

— Спасибо... — Томчик, пыхтя от старания, начал снова толкать в карман оружие. И... вытащил опять. Оглядел всех заблестевшими глазами.

— А можно я еще... выпалю?

— Давай! — сказали мы хором.

Он вскинул ствол и выпалил. Правда, перед этим зажмурился, но такой пустяк не имел никакого значения...

Мы пошли к Ступовым, в новую квартиру. Встретила нас Варвара Михайловна. Развела руками:

— А наш морской волк укатил. Надумал снова путешествовать на старости лет. Правда, не надолго, дней на пять. Из Тюмени получил письмо, объявился у него там давний дружок, еще с училища. Ну и заиграла молодость. «Поеду, — говорит, — вспомню былое. Не держи меня, говорит, в гневе я страшен...»

Мы посмеялись. Лоська показал находку:

— Это не ваш? Там нашли...

— Ой... — Варвара Михайловна прижала фаянсового зай-

чика к морщинистой щеке. — Наш, конечно. Наташенька, внучка моя, каждый раз про него спрашивает, когда приезжает. Я искала, с ног сбилась...

Лоська победно глянул на нас: «Я говорил...»

Варвара Михайловна спросила, не хотим ли мы чаю с яблочным вареньем. Мы хотели. Взялись помогать ей ставить чайник и готовить посуду. Лоська за рукав оттянул меня в сторону.

— Жень, вчера от папы было письмо. Пишет, что, кажется, начинают пересмотр... Это не точно еще, но есть надежда...

5

В начале июня мы с Лоськой побывали на пустыре у сухого дерева. Оно было не совсем сухое, зеленели отдельные ветки и побеги на коре. Мы привели в порядок и опять прикрыли травой Умкин холмик.

На обратном пути встретили стаканчика, Люку и Томчика. Они искали нас, чтобы вместе пойти к Ступовым: вдрут Евгений Иванович уже вернулся?

Он и правда вернулся! Был веселый, даже помолодевший.

— Ах, ядреный корень, какая была поездка! И какой у меня друг, Володька Севастьянов! Кстати, интересуется тюменской историей. Он мне тут кое-чего подарил. Пару статей про плавание той поры и снимки...

Конечно, это интересовало прежде всего меня. Я увидела типографские копии фотографий: старый судостроительный завод, пароход «И. Капитановъ» с большущими гребными колесами, набережную с баржами у причала, какую-то одноэтажную улицу... Парусников не было. Зато был портрет человека с бакенбардами на строгом узком лице и в плоской фуражке с якорем.

— Евгений Иванович, это кто?

— Это, Женья, вроде бы тот человек, который руководил плаванием в тыща восемьсот семьдесят восьмом году. Когда Михаил Дементьев ходил на Сибири...

— Шкипер Курсин?

— Нет. Курсин командовал «Сибирью». Но сначала-то была целая экспедиция! Шли с «Сибирью» пароходы «Союз» и «Луиза». «Союз» почему-то скоро повернул назад, «Луиза» буксировала шхуну против ветра, а потом попала в аварию.

Но, прежде чем это случилось, они успели пройти северным рукавом Оби. До той поры большие суда там не ходили. Это плавание считалось в ту пору выдающимся событием в навигации, о нем писали в научных журналах. И руководил всей экспедицией, судя по всему, вот этот человек.

— Он кто?

— Пишут, что бывший директор какого-то прибалтийского штурманского училища. Звали его, кажется, Христиан. Христиан Даль...

Сперва я ничего не подумала. Потом вспомнила: вчера показывали «Приключения принца Флоризеля», и я грустно размышляла — артиста давно нет, а на экране он живой... Сердце — тюк... тюк... Потом: та-та-та-та... — как затарахтевший мотоцикл.

— Ник! У тебя случайно нет с собой мобильного?

— Случайно есть... вот...

Тьфу ты, пальцы не попадают на кнопки...

— Илья! Слушай! «Даль!» Пароль — «Даль!» Это был северный капитан, руководил плаванием из Тюмени! Папа наверняка знал!.. Что?.. Вот балда! Артист Олег Даль! Автор словаря Владимир Даль, друг Пушкина, знаменитый врач!.. Что «четыре буквы»? Это по-русски четыре, а пароль-то пишется латинскими буквами! Мягкого знака там нет! Дошло?

До Илья, кажется, дошло. Но он не возликовал. Он помолчал секунд десять и сказал строго:

— Женька, зря ты это по телефону... Ч-черт... Вот что! Давай домой! Не-мед-лен-но.

Я сунула Стаканчику телефон.

— Ребята, я помчалась. Брат зовет срочно. Потом объясню...

ДЕТИ КАПИТАНА МЕЗЕНЦЕВА

1

Я оказалась дома минут через пятнадцать. На третий этаж взлетела с разбега, затрезвонила. Илья открыл сразу. Он был сосредоточен и насуплен. Я сразу сделалась такой же. Сидела внутри какая-то виноватость, поэтому я сказала сварливо:

— Ты чего-то совсем... не того... Везде шпионы чуются...

Илья не полез в спор. Коротко сообщил:

— Открылось... О чем там, пока не знаю, сперва какое-то предисловие. Я не читал, торопился перебросить файл по разным адресам...

— Зачем?

— Мучача бобаликона, — выдохнул он и малость обмяк. — Ладно, давай посмотрим, что там...

Монитор был включен, и я с полутора метров различила заголовок и крупный текст:

Предисловие

Все, что здесь написано, я не показывал до сих пор никому. Не оставляю опасение, что я полез не в свое дело. Вроде бы занимаюсь этим не первый день, но, как подумают, что надо будет эти страницы развернуть перед другими людьми, схватывает робость, как перед первым прыжком с самолета. Иногда спрашиваю себя: «Зачем тебе это надо? Куда ты суешься?» Но не написать все, что накопилось, тоже не могу...

Я шагнула ближе, присела к столу. Но Илья быстро сказал:

— Подожди. Слушай и запомни. Если вдруг появятся непрошенные гости, зайди в туалет. На полке слева, за полотенцем, лежит мой мобильник. Наберешь двадцать два, ноль семь, двенадцать и скажешь: «Передайте Борису — они уже здесь». Повтори...

Я повторила, как молодой агент в детективном фильме:

— Двадцать два, ноль семь, двенадцать. «Передайте Борису — они уже здесь»... Илья, а если Бориса не будет на месте?

— Неважно. Главное — скажи, что надо.

У меня что-то нехорошо ёкало под селезенкой.

— Илья, а...

— Подожди. Вот дискета, спрячь где-нибудь на балконе.

Я послушно пошла на балкон. Там слева от двери была прибитая полка с цветочным ящиком (осталась от Лифшицев). Из него спускались плети молодого вьюнка. Я отодвинула их, приподняла ящик, сунула под него дискету.

— Готово, мистер Ноль-ноль-семь...

— Вот и хорошо. Теперь наконец читаем... — Он уселся в широкое твердое кресло перед монитором. Я пристроилась рядом, на изогнутом подлокотнике.

...«Предисловие... Все, что здесь написано, я не показывал до сих пор...»

Резко, незнакомо как-то забрякал звонок в передней.

— Ну вот... — обреченно сказал Илья. — Иди, спроси кто.

Никому не открывай, сперва скажи мне...

Я глянула в «глазок», увидела соседку и все же спросила:

— Кто там?

— Женечка, это я, Галина Андреевна. Я хотела кое-что спросить. Открой, пожалуйста...

— Одну минуту, я не одета...

Вернулась к Илье.

— Галинушка из десятой квартиры. Чего-то хочет...

— Это плохо... Подожди... — Илья два раза нажал клавишу на «мышке». Строчки на экране окрасились черным. Илья даванул на клавиатуре кнопку «Delete», экран опустел.

— Зачем?! — взвывла я.

— Надо... Иди открой.

Я пошла. Открыла.

Пожилая Галина Андреевна прижимала к цветастому переднику на груди пухлые кисти рук.

— Женечка, я... меня... — По сторонам от нее стояли двое.

Один — высокий, темноволосый, в отглаженном костюме. Другой — низкорослый, с гладкой белобрысой прической, в желтой рубашке навывпуск. Я их сразу хорошо разглядела — из лестничного окна светило солнце.

Низкорослый как-то неуловимо скользнул от соседки ко мне и оказался рядом, на пороге.

— В чем дело? — сказал у меня за спиной брат. Я оглянулась. Илья колкуче смотрел через очки. Опять было заметно, что левый глаз у него поврежден.

— Это ведь квартира Мезенцевых, не так ли? — спросил высокий (и длинноносый). Я поняла, на кого он похож: на артиста по фамилии Тарапунька из фильмов середины прошлого века. Так и казалось, что начнет изъясняться по-украински. Но он говорил очень по-русски, как-то подчеркнуто правильно...

— Допустим. И все же в чем дело? — опять сказал Илья. Вполне спокойно.

— Дело в том, что мы к вам, — излишне весело сообщил маленький. Он стоял вплотную ко мне, так, что дверь теперь было не закрыть. Лицо — очень близко. Фигурой он похож

был на подростка, а лицо пожилое и немножко бабье. Так бывает у лилипутов.

Высокий сказал соседке:

— Галина Андреевна, благодарим вас, вы больше не нужны... — Та, не опуская рук, попятилась к своей двери, надавила ее спиной и скрылась.

— И зачем же вы к нам? — спросил Илья. Теперь я понимала, что он ждал такого визита.

— Есть небольшой разговор, — ласково сообщил маленький. Илья светски улыбнулся:

— Хорошо. Вас не затруднит шагнуть с порога наружу? Пусть разговор состоится на площадке. У нас в квартире... не прибрано.

— Это ничего... — и маленький шагнул не наружу, а в прихожую. Высокий за ним.

— Вам не кажется, что это напоминает вторжение? — сказал Илья. Внешне он был по-прежнему хладнокровен, только левое веко подрагивало за стеклом.

— Ну что вы, молодой человек! — добродушно удивился высокий. — Надеюсь, вы догадались, что мы не грабители и не рэкетеры...

— Мы догадались, — кивнул Илья. — Как раз потому, что манеры ваши мало чем отличаются...

Гости не обиделись. Маленький сказал:

— Чтобы ваши догадки укрепились, вот, пожалуйста... — Оба ловким одинаковым движением извлекли и раскрыли корочки-удостоверения. С фото и печатями, с грифом МВД. Маленький — перед Ильей, «Тарапунька» передо мной. Фамилию я не разобрала, длинная какая-то, а имя «классическое» — Иван Петрович.

— Вы мне кого-то напоминаете, Глеб Олегович, — с утонченной вежливостью сказал Илья. Я поняла: чтобы мне стало известно имя маленького («Гле-Гле» тут же мысленно окрестила я его). — Доцент Василюхин на кафедре психологии не ваш родственник?

— К сожалению, нет...

— Отчего же «к сожалению», — усмехнулся Илья. — Весьма вредный доцент...

— Вы позволите нам пройти? — осведомился высокий.

— Иван Петрович, если не позволим, вы ведь все равно пройдете. Вы все делаете без разрешения, — сказала я и глянула на Илью: правильно ли себя держу. А Илья смотрел на

меня с затвердевшим лицом. Глазами двинул в сторону туалетной двери. «Ох я растяпа!..»

— Позвольте... — Я шагнула мимо Гле-Гле. Он не позволил:

— Девочка, ты куда?

— С вашего позволения, в туалет. Или в клозет, если так понятнее...

— Это... обязательно?

— Представьте себе, да! Иногда у людей возникает такая потребность. Особенно при неожиданных визитах... — Меня уже «заносило». — Возможно, такого не бывает с сотрудниками охраны порядка, но с простыми смертными случается. Или вы боитесь, что я просочусь куда-то через канализацию, как некий Кристоаль Хунта, персонаж книги братьев Стругацких? Стругацкие — это известные писатели, такая профессия. А книга — это...

— Не надо, — невозмутимо отозвался Иван Петрович. — Мы знаем, кто Стругацкие и что такое книга... Глеб Олегович, не мешай Жене Мезенцевой.

— Благодарю! — Я нырнула за дверь. И сказала уже оттуда, щелкнув задвижкой: — Не надо стоять рядом и подслушивать. Я не стану беседовать через унитаз с сообщниками. Это умел только майор Пронин...

Кажется, они коротко посмеялись и, судя по шагам, отошли.

Тогда я схватила с полочки за полотенцем телефон.

Нажала кнопки.

— Да! — откликнулся веселый полужнакомый голос.

Я сказала сдавленно:

— Передайте, пожалуйста, Борису...

— Да-да! Я Борис...

— Они уже здесь!

Борис отозвался без всякого драматизма:

— Ну и прекрасненько. Это Женя?.. Женя, вы с Ильей постарайтесь подольше их там поразвлекать беседой. Минут пятнадцать хотя бы...

— Ладно.

— И вот еще... Если можешь, отопри незаметно входную дверь.

— Постараюсь.

— Ну, будь молодцом... — И запыкало в пространстве.

И я поняла, что буду молодцом.

С постным лицом я пришла в большую комнату. Все посмотрели на меня, а потом Иван Петрович и Гле-Гле снова повернулись к Илье. Тогда я поймала его взгляд. Качнула чашками и трижды растопырила пятерню. Он опустил ресницы: понятно, мол. И продолжил разговор:

— Я все же не понимаю, господа. Вы, по сути дела, вторглись в чужое жилище. Ваши удостоверения не дают такого права. Нужен ордер...

— Не обязательно, — веско сообщил усатый Иван Петрович. — В некоторых случаях не нужен...

— И сейчас такой случай?

— Но Илья... Сергеевич! — тонко воскликнул Гле-Гле. — Мы же просто хотим побеседовать! Лучше ли будет, если вас вызовут повесткой и станут допрашивать по всем правилам, с ведением протокола?

— Конечно, лучше! Во-первых, протокол — это документ. Во-вторых — я тут же потребую адвоката.

— У вас есть личный адвокат? — сказал невозмутимый Иван Петрович.

— Есть, — веско сообщил Илья.

— Но он совсем не нужен, — вмешался опять Гле-Гле. — И протокол тоже! Мы хотим, чтобы состоялся неофициальный, добрый разговор. Так сказать, по-человечески.

— Так сказать, этого недостаточно для разговора.

— Чего? — мигнул Гле-Гле.

— Вашего желания. Надо, чтобы и мы хотели этого. Я и сестра.

— А почему вы не хотите-то? — добродушно удивился Иван Петрович и опять стал похож на Тарапуньку. Сейчас скажет: «О це чудное дило, нэ маю понятия...»

— А почему мы должны хотеть? — спросил Илья.

— Да хотя бы из соображений общей пользы! — Иван Петрович оглянулся, нашел глазами стул и присел, подпернув на коленях отглаженные брюки. — Подполковник Будимов был уверен, что вы окажете содействие, когда советовал обратиться к вам.

— Он все еще подполковник? Я думал, уже генерал...

— Не понимаю вашей иронии, молодой человек, — огорчился Иван Петрович. — Виктор Викторович говорит, что был другом вашего отца.

— Да, он любит так говорить... Раньше в гости заходил, с букетами. Почему он сейчас-то сам не пришел?

— Занят, — быстро сказал Гле-Гле.

— Чем, если не секрет? — Илья умело тянул время.

— К сожалению, секрет, — сухо сказал Иван Петрович. — Служебный... А мы... может быть, коснемся наконец сути дела?

— Касайтесь, — наклонил голову Илья и поймал упавшие с носа очки. Посмеялся: какой, мол, я неловкий.

— Вы, видимо, догадываетесь... У вашего отца, капитана Мезенцева, остались кое-какие служебные материалы. Я подчеркиваю, служебные. Они представляют для нас некоторый интерес...

— Где же вы раньше-то были? — сказал Илья.

— Раньше это раньше. А теперь это теперь, — заметил Гле-Гле, который тоже присел без приглашения. В кресло у компьютера.

— Очень верное и глубокомысленное суждение, — согласился Илья. — Такие любит делать ваш однофамилец доцент Василиухин. На этой почве у него случаются разногласия со студентами...

— Но у нас разногласий, я надеюсь, не будет, — опять вступил в разговор Иван Петрович. — Нам нужны две вещи...

— Даже две?

— Да. Во-первых, чтобы вы стерли все с вашего компьютера. Во-вторых, чтобы вернули дискету.

— Что значит «вернули»? — слегка нарочито возмущился брат. — Она изначально принадлежала отцу. А сейчас нам — по праву наследства!

Иван Петрович пообещал официальным тоном:

— Сама дискета, если она дорога вам, будет возвращена, мы только перепишем с нее тексты.

— И сотрете их с нашей дискеты, не так ли?

— Ну, естественно. А зачем вам эти весьма специфические материалы?

— А вам? Чтобы спрятать концы?

— Молодой человек! Не вам об этом судить! — подскочил в кресле Гле-Гле.

— Конечно, не мне, капитан, — покладисто отозвался Илья. — Это дело специалистов... Кстати, не терзайте клавиатуру, на жестком диске ничего нет. Я все стер, как только вы

позвонили, был готов. Я же понимал, что, услышав пароль, вы явитесь незамедлительно... Моя сестра была так неосмотрительна.

Иван Петрович задумчиво потрогал подбородок.

— Я не понимаю, о чем вы... Ладно, вы стерли тексты с компьютера. А дискета? Вы не откажетесь вручить ее нам?

— Какая жалость, — сказал Илья. — Совершенно не помню, куда положил ее... Может быть, устройте обыск? Без ордера и понятых...

«Тарапунька» и Гле-Гле переглянулись. Гле-Гле поднялся:

— С вашего позволения, покурю на балконе. Всегда хочется курить, если волнуюсь...

— А вы не волнуйтесь, — сказала я.

— Покурю и перестану... — Гле-Гле бочком скользнул в открытую балконную дверь. И вернулся почти сразу.

С дискетой.

— Вышел, а она там лежит... Это та самая?

— Видимо, сначала наблюдали с улицы, из машины, — сказал мне Илья довольно хладнокровно. — Профессионалы.

— Работа такая, — подтвердил Гле-Гле и протянул дискету «Тарапуньке». — Не обижайтесь, Илья Сергеевич.

Илья, кажется, не обиделся. Сказал с ноткой уважения:

— Да, с вами состязаться трудно... Но подождите же! — это он потому, что Иван Петрович собрался сунуть дискету во внутренний карман. — Она в самом деле отцовская. Память же! Ну, сотрите запись, а сама дискета пусть останется у нас!

— Но сперва надо переписать, — сказал Гле-Гле. — Перепишем и вернем.

— От вас дожدهмся! — Тон у Ильи сейчас был, как у обиженного мальчишки. По правде? Или... — Перепишите здесь! Я дам чистую дискету!

— Глеб Олегович, вам не кажется, что у юноши какой-то умысел? — сказал Иван Петрович.

— Не думаю. Я все сделаю сам... Ну, где же чистая дискета? Ее мы, кстати, потом тоже вернем, не волнуйтесь.

— Если не вернете, не разорюсь... — Илья вынул из ящика под компьютером красную дискету. — Пользуйтесь, капитан.

Гле-Гле опять обосновался в кресле и вставил отцовскую дискету в щель дисковода. Илья стоял у него за спиной. Спросил:

— Пароль-то помните?

Гле-Гле хмыкнул.

— Придется признать, что помним. Вы все равно не скажете... Что за ерунда? Почему не открывается диск «А»?

— Он и не откроется. Вы неправильно вставили дискету. Не той стороной.

— Вы что, за идиота меня считаете?

— Проверьте...

Гле-Гле дернул плечами, нажал кнопку дисковода. Дискета выскочила из щели наполовину. Илья рубанул пальцами сверху вниз. Дискета изогнулась, из нее высунулся полукруглый черный край. Илья дернул его и сжал в кулаке выхваченный пленочный диск. Отшвырнул скомканную пленку и шагнул назад.

— Извините, я такой неуклюжий. Хотел поправить... К сожалению, теперь дискета вам не пригодится, поверьте, я специалист...

Гле-Гле стремительно встал из кресла, отвел руку.

— Не смейте! — я кинулась к нему.

— Глеб, не надо, — быстро остановил его Иван Петрович. — Девочка, успокойся...

Я часто дышала, загораживая Илью.

— Дело не поправишь, — подвел итог Иван Петрович, не теряя спокойствия. — М-да, ситуация... Значит, вы, молодой человек, решили: не нам и не вам?

Илья поправил очки, сложил на груди руки.

— Почему же? Только не *вам*. И то лишь на какое-то время.

— Вы... что же? Хотите сказать, что...

— Я не исключаю, что в нужный момент запись станет достоянием Интернета. Пользуйтесь тогда на здоровье...

«Тарапунька» впервые скрипнул зубами:

— Успели, значит...

— Не вы одни работаете оперативно... — сказал Илья. По моему, с удовольствием.

— Ты ответишь, — пообещал Гле-Гле.

— За что? — удивился Илья. — За то, что, помогая вам, случайно испортил свою собственную дискету? Ладно, подавайте в суд.

— Какой подонок, — сокрушенно выговорил Гле-Гле. Его физиономия стала совсем бабьей.

Илья улыбнулся:

— Зачем вы так себя, капитан? Не огорчайтесь. У каждого бывают неудачи...

— Мало тебе, сволочь, досталось в прошлом году! — Гле-Гле быстро и густо наливался свекольной краской. Белобрысы прилизанные пряди от этого казались вовсе белыми. — Старший сержант Панкратьев может снова...

Илья не дрогнул.

— Он все еще старший сержант? Его подвиги достойны офицерского чина... Кстати, челюсть у него не болит?

Гле-Гле просительно глянул на Тарапуньку:

— Иван Петрович, может, забрать с собой и...

У меня сердце колотилось, будто тысяча бешеных горошин в погремушке. Если сейчас эти двое сунутся к Илье, буду орать, визжать, драться когтями и ногами!..

В углу у дверей всторожно кашляли.

3

В неслышно раскрывшихся дверях стояли двое. Видимо, входить бесшумно умеют не только оперативные работники.

Одного я узнала сразу. Это был длинный рыжий Борис, который в прошлом году ездил из редакции в лагерь «Отрада». И, конечно же, это я с ним совсем недавно говорила по мобильнику!

Второго я не знала. Кругловатый и лысоватый, с улыбочным лицом. Похожий на инженера Карасика из старинного фильма «Вратарь» (что-то мне сегодня все лезет в голову старое кино).

— Извините, — сказал Борис. — Кнопку ждем, а звонок молчит почему-то. А потом видим: дверь приоткрыта, вот и вошли...

— Кажется, не вовремя, — весело продолжил речь «Карасик». — У вас гости. Еще раз простите... — У груди он держал видеокамеру — вроде той, которой мы во Дворце снимали «Гнев отца».

— Гости уже уходят, — в той же веселой тональности откликнулся Илья. — Мы, по-моему, исчерпали тему нашей беседы... Видите ли, Юрий Юрьевич, это, так сказать, гости без приглашения. С давней службы нашего отца. Им вдруг показало, что у папы есть дискета с какими-то важными материалами. Они так ее просили, что я дал переписать, но при этом нечаянно сломал. Вон, в дисководе...

— Ай-яй, какая неприятность, — покачал рыжей головой

Борис. Юрий Юрьевич — тоже. И нацелился объективом на компьютер с опустевшей оболочкой дискеты. Потом повел камерой по комнате.

— Зачем вы нас снимаете! — взвизгнул Гле-Гле.

— Да что вы, мы не вас, — невозмутимо разъяснил Борис. — Мы снимаем интерьер квартиры Мезенцевых, а вы в нем случайно... Мы, собственно, пришли к Жене, как и договаривались. Надо взять у нее интервью для газеты и нашего канала. Женя — победительница конкурса на лучшее школьное сочинение, а мы готовим статью и передачу об итогах учебного года. Ну и вот...

— Не эту статью вы готовите! — ошетинился Гле-Гле.

— Да вам-то откуда знать? — Юрий Юрьевич навел на него объектив.

— Немедленно прекратите съемку. Выньте кассету и дайте ее сюда, — не терпящим возражений тоном потребовал Иван Петрович. Резко встал.

— С какой стати вы мне приказываете? Господин... э-э... не знаю кто.

— Сейчас узнаете... — уже знакомым жестом Иван Петрович предъявил «корочки».

— Ну и что? — ничуть не испугался Юрий Юрьевич. — Батюшки мои! Мы ведь не в вашем ведомстве, а в гостях у детей капитана Мезенцева.

— Мы здесь по служебному делу!

— Но и мы по делу, — сказал из-за спины Юрия Юрьевича Борис. — Также по служебному... Есть закон о средствах массовой информации, который позволяет снимать все, кроме секретных объектов. И субъектов. Вы — секретные? Тогда не вертитесь перед объективом...

— Немедленно отдайте кассету, — с нехорошим звоном сказал Иван Петрович. — Вы опасно шутите...

— Ва! — Борис бесцеремонно сел на диван и облокотился на поставленный рядом чемоданчик-«дипломат». — Не надо пугать. Мы журналисты, а не беспаспортные бродяги...

— Мы сейчас вызовем патруль! — Гле-Гле вытащил из брючного кармана мобильник.

— Патруль — это уже серьезно, — Юрий Юрьевич нацелился объективом на Гле-Гле с телефоном. — Ну, валяйте.

— Я требую последний раз, — выговорил Иван Петрович со зловещим придыханием.

Борис вдруг сказал с зевком:

— Да отдай им, Юра, пусть успокоятся. С этой конторой связываться — сплошной визг получается...

— А как я буду снимать Женю?

— Я взял запасную...

Юрий Юрьевич открыл камеру, достал кассету.

— Возьмите, господа. Только не забудьте вернуть, когда посмотрите. Вещица дорогая.

— Вернут, вернут, — сказал Илья. — Они все возвращают, когда сотрут...

Иван Петрович и Гле-Гле пошли к двери. На пороге Иван Петрович обернулся, сказал Илье:

— Я не уверен, молодой человек, что это наша последняя беседа.

— Я тоже не уверен, — ответил Илья. — Возможно, мы вернемся к вопросу о вашем вторжении в частное жилище. Сделанное к тому же обманным путем, через соседку...

Иван Петрович и Гле-Гле бесшумно исчезли.

— Жаль все же кассету, — задумчиво сказал Илья.

— Ха! — откликнулся Борис. Открыл «дипломат», вынул такую же камеру, как у Юрия Юрьевича. Из опустевшего «дипломата» высунул палец — через глазок, незаметный на фоне черной кожи. Пошевелил пальцем, как щенячьим хвостиком. Это было так смешно, что я принялась смеяться неудержимо. Смеялась, смеялась, пока Илья не прикрикнул: «Цыц, мучача!» Тогда мне захотелось плакать. Я достала из дисковода лопнувший чехол дискеты и прижала к груди.

— Давайте глянем, что получилось, — сказал Борис. Они с Илей тонким проводом подключили камеру к телевизору. Юрий Юрьевич сходил в прихожую и запер дверь.

...Все получилось! Начиная с того момента, как Илья рубанул по дискете! Значит, Борис и Юрий Юрьевич сперва снимали из прихожей, через дверь, тихо и незаметно. Правда, иногда кадр прыгал и метался — не так-то просто снимать камерой, спрятанной в чемодане. Но все было видно и понятно. Как рассказывает Илья о сломанной дискете, как нервничают и грозят те двое, требуя отдать видеокассету...

Я смотрела на экран и всхлипывала. Слезы бежали по щекам и капали с подбородка на руку, которой я гладила опустевшую сломанную дискету, как котенка. Папина же... Пусть ни для чего не годная, все равно сберегу. Положу в книгу вместе с кленовым листом и бумажкой, на которой записан ключ к паролю...

— Ну, хватит, девочка, — шепнул мне Юрий Юрьевич. — Ты молодчина. Иди умойся. Сейчас поедем в редакцию.

— Зачем? — всхлипнула я.

— Надо поговорить, уточнить кое-что...

Мы поехали в «Городские голоса» в старенькой скрипучей «Ладе». Борис вел машину, Илья сидел с ним впереди, а я сзади, с Юрием Юрьевичем, который что-то напевал.

Я спросила у косматого затылка брата:

— Иль, что такое «бобаликона»? Ты брякнул тогда «мучача бобаликона»...

— А! Это значит «глупенькая девочка».

Я шмыгнула носом:

— Хотя бы когда-нибудь что-нибудь хорошее сказал своей единственной сестре.

Он оглянулся, поймал очки. Растянул губы.

— Ладно. Донселла эрбика.

— Чего-чего?

— Я говорю: героическая девица...

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ. . .

1

Был скандал. То есть был специальный репортаж в выпуске местных «Новостей», в тот же вечер. Сначала незнакомый нам телеведущий бесстрастным голосом рассказал о странных вещах, творящихся в нашем городе. О том, как в одну из квартир, где живут вдова и дети погибшего несколько лет назад капитана милиции Мезенцева, явились двое сотрудников отдела внутренних дел и стали требовать дискету с какими-то материалами. Без ордера на обыск, без всяких полномочий. В квартире были дети капитана Мезенцева — студент-первокурсник и школьница. Чтобы они беспрепятственно открыли дверь, эти сотрудники попросили позвонить соседку.

Соседка Галина Андреевна, похныкивая, оправдывалась с экрана:

— А откуда я что знаю? Пришли, показали какие-то удостоверения. Век живем, век боимся. У меня вот так же деда забрали в тридцать седьмом году, мать рассказывала. Тоже пришли, тоже показали. И помалкивай... А дети очень даже хоро-

шие, культурные, всегда здороваются. Я разве что-то против них имею? Очень славные дети, и мама их тоже... Мне теперь как им в глаза смотреть?

Да, она чувствовала себя не в своей тарелке, и все же ей, кажется, нравилось, что попала в телепередачу.

Потом рыжий Борис вежливо беседовал с милицейским начальником в полковничьих погонах. Начальник пожимал погонами и объяснял, что все это сплошное недоразумение. Никакие документы бывшего капитана Мезенцева никого в милиции не интересуют. И если какие-то сотрудники взяли на себя задачу добыть дискету, то это их собственная, не согласованная с руководством МВД инициатива, надо разбираться. Но, скорее всего, разбираться будет не с кем, поскольку в органах внутренних дел нет ни капитана Василихина Глеба Олеговича, ни Ивана Петровича с неизвестным званием и неразборчивой фамилией. Не исключено, что весь этот случай — фантазия детей капитана Мезенцева, сочиненная ими с непонятной целью.

В подтверждение того, что это «не совсем фантазия», были показаны кадры с «несуществующими» Иваном Петровичем и Глебом Олеговичем и рассказано, в каком именно подразделении они служат. Слегка обмякший полковник повторил, что «надо разобраться». Борис выразил надежду, что разбор не затянется надолго.

— И хорошо бы разобраться заодно, действительно ли эти сотрудники побывали у ребят по совету подполковника Будимова... Кстати, это не тот Будимов, который был как-то связан с делом шофера Мельникова?

Полковник с достоинством отвечал, что о деле шофера Мельникова никогда не слышал, а подполковник Будимов ничего никому не мог советовать, поскольку неделю назад отправился в командировку на границу Чечни и Дагестана и там в течение трех месяцев будет выполнять свой профессиональный долг.

Борис опять выразил надежду. На этот раз — в том, что на Кавказе Виктор Викторович станет выполнять этот долг столь же успешно, как и по основному месту службы...

Затем ведущий пообещал телезрителям сообщить, как события будут развиваться дальше, и рассказать, что было в таинственных материалах, которые успел перебросить с дискеты Илья Мезенцев, прежде чем она случайно сломалась...

Но никакого продолжения не было. Была только статья Бориса Галанова в «Городских голосах». Под названием «Пароль капитана Даля». Даже не статья, а целый приключенческий рассказ. В нем излагалась не только история дискеты, но также история плавания шхуны «Сибирь» и парохода «Луиза». Ну и все, что вокруг этих историй накрутилось...

В конце статьи Борис Галанов писал:

«Видимо, мы никогда не узнаем, располагал ли какими-то компрометирующими материалами о хитростях нашего ГАИ Сергей Мезенцев. Если и располагал, что нового он мог рассказать о делах, про которые и так всем известно? Скорее всего, он оставил службу просто из чувства обычной человеческой брезгливости. Ну а если все же имел что-то конкретное, то хранил это никак не на дискете. Напрасно за ней охотились его бывшие коллеги. На дискете были рассказы писателя Сергея Мезенцева. Именно писателя, иначе не скажешь, читая эти тексты. Видимо, Сергей Иванович не хотел их никому показывать раньше срока, считая, что пока не достиг достаточного мастерства. Он ведь не знал, что его жизнь оборвет нелепый случай. Нелепый ли? Случай ли? Это отдельная тема. А пока мы обещаем напечатать в газете многое из того, что успел написать Сергей Мезенцев...»

Да, вот так...

Рассказов было семь, и все про папино тюменское детство. А больше на дискете ничего не оказалось. Хотя нет, были два предисловия. Одно — то, которое мы с Ильей начинали читать дома. Второе — вступление к рассказам.

Все эти тексты в редакции не только вернули на наш компьютер, но и распечатали на лазерном принтере, на прекрасной меловой бумаге. Потому что наш-то домашний принтер был старенький, матричный, «скрипучка», на каждую страницу тратил по три минуты...

Мы читали, передавая листы друг другу. Мама то и дело плакала. Впрочем, это потом. А сперва, после телепередачи и статьи, мама несколько дней пребывала «очередной раз в очередной панике». Она говорила, что те, кто хотел дискету, теперь не оставят Илью в покое, и ему «можно ходить по улицам только с охраной».

— А где ее взять?.. И все это в разгар летней сессии!

Илья успокаивал:

— Теперь-то абсолютно нечего бояться! Они же не совсем дураки. Понимают: если со мной что-то случится, сразу станет ясно, чьих рук это дело.

Мама отвечала, что от этой ясности ей не будет легче, если...

Что за «если», она даже боялась произнести. Я, по правде говоря, ее понимала, хотя бодро успокаивала...

Но в конце концов, кажется, все улеглось.

2

Летние дни бежали один за другим.

Илья благополучно сдал сессию, но вдруг заговорил, что, возможно, переведется с философского на факультет журналистики. Это ему советуют в редакции «Голосов», обещают помочь в переговорах с университетским начальством.

Мама опять впала в панику:

— Зачем тебе это надо?!

— Затем, что абстрактная философия без проникновения в жизнь сейчас мало что дает. Надо копаться в гуще событий...

— Ты докопаешься! Ты знаешь, что журналист — одна из самых опасных профессий в наши дни?

— А какая — не опасная? Вчера психованный папаша-бизнесмен покалечил пожилую учительницу-репетиторшу за то, что «не так разговаривала» с его недорослем... А на улице Трубников ворюги прибили в его собственном саду старичка-цветовода... А если я начну возвращаться в издательских кругах, это поможет напечатать папину книжку...

Книжка, если ее когда-нибудь напечатают, получится тоненькая... Но все равно хорошая! Это я все больше понимала, когда перечитывала папины рассказы.

Во вступлении к рассказам папа написал:

«...Иногда лежу, закрыв глаза, вспоминаю, что было, и думаю так. Если есть рай и если я заслужу, чтобы попасть туда, пусть не будет там розовых кущ, радужного сияния и вечной музыки, пусть все будет проще и лучше. Наша старая улица Герцена с тополями, желтая россыпь лютиков у заборов, река под обрывом, лог с полынными зарослями, где так замечательно играть в индейцев... И пусть я сам буду такой «индеец»

десяти лет от роду. И не надо мне ничего нынешнего — ни компьютеров с Интернетом, ни сериалов с драконами и мафиози, ни пепси-колы, ни возможности смотреть в прямом эфире мировые первенства, ни игрушек с электронной начинкой... Для радости жизни мне хватало бы нашего деревянного кинотеатра «Победа» на косогоре недалеко от пристани, где идут фильмы про мушкетеров, про «неуловимых» и про вечного друга всех ребят Буратино...

А главное — чтобы рядом были друзья: Толик Скворцов, Алешка Польшин, Анютка Розова, Марат Хакимов... И чтобы дома ждала мама...

А еще (и это, наверно, труднее всего, но в раю, может быть, выполнимо) я хочу, чтобы рядом были дети и Валентина. «Как же! — воскликнет читатель. — Разве это возможно, если ты сам будешь всего лишь мальчишкой?» Но все-таки пусть они будут! Пусть как сестренки и брат, лишь бы были!.. И я шепчу: «Господи, если это можно, сделай так...» После всего, что я видел во взрослой жизни, я не хочу ничего другого...»

«Господи, сделай для него это... — шептала я, глотая слезы и перечитывая папины страницы. — Пусть он теперь будет там...»

Газета тем временем стала печатать папины рассказы. Не в каждом номере, но часто.

Да, рассказов было семь.

«Еловые качели» — про дружбу с третьеклассницей Анюткой.

«Мама, я пришел!» — как отправились на самодельной лодке вниз по Туре, застряли из-за поломки весел и вернулись только к ночи... Ну, задержались, да. Плаванья не бывают без трудностей. Вон как досталось капитану Далю и его товарищам на пароходе «Луиза» и шхуне «Сибирь»! Про эту экспедицию рассказывал весной учитель географии Александр Павлович, большой знаток сибирской истории... Мамы этих моряков, наверно, тоже беспокоились, но ведь после возвращения не грозили устроить взбучку и не выпускать все лето из дома...

«Здравствуйте, Анна Даниловна!» — про молодую учитель-

ницу, в которую мальчишки из пятого «А» влюбились все хором и для которой добывали цветы в саду вредной бабки Каблучихи, а та оказалась ее, Анны Даниловны, тетушкой.

«Чемпион Егорушка» — про то, как уступили победу в соревновании из самодельных луков самому маленькому пацаненку, у которого недавно случилась беда — ушел отец.

«Подумаешь, Пантелеев!» — как в классе не дрогнул никто, когда толпа педагогов во главе с завучем допрашивала всех вместе и поодиночке: кто на школьном гараже нарисовал портрет вредной «ботанички» Алевтины. Все знали, кто, но дали друг другу слово молчать. Потому что отчим излупил бы до полусмерти «художника» Шурика Лоскуткина. Всех держали в классе с обеда до позднего вечера и грозили двойками за четверть. Маленький новичок Валерка Велихов расплакался, но и он молчал... И что там писатель Пантелеев с его известным рассказом «Честное слово»...

Еще был рассказ «Синева» — как хорошо лежать в траве и просто так смотреть в небо, где подрагивает на ветру белый змей, которого запустили с крыши ребята из соседнего квартала.

И, наконец, «Говорящий скворец Игорёша». Это — оключениях в Дементьевском доме. Давним летом, когда Сергешке Мезенцову только исполнилось двенадцать лет.

Старый таинственный дом с подвалом манил мальчишек давно. Во-первых, неизвестно, кто там жил. Все какие-то странные молчаливые люди, а ребят совсем не было. А про подвал говорили, что раньше он был первым этажом, а потом постепенно осел в податливом грунте. Очень даже возможно, что от давних (которые еще «в царское время») жильцов — начальника пароходства Дементьева и его большого семейства — остались замурованные в стенах клады или какие-нибудь «корабельные» вещи. Они пригодились бы для самодельной шхуны «Атлантида» (на которой едва ли доберешься до Лондона, как Михаил Дементьев, но до села Верхний Бор можно). Алешка Польшин рассказывал, что будто бы Дементьев собирал коллекцию якорей от разных кораблей и пароходов — больших и маленьких. Может, они и сейчас в подвале, куда им деваться-то? Вообще-то Алешка был известный сочинитель, но ведь каждый знает, что в сказках есть доля правды. И как хорошо было бы прихватить из подвала хотя бы самый маленький якорь (все равно ведь никому он там не нужен!).

«...Мы пробрались к дому в сумерки. Хотя какие сумерки в конце июня в нашем сибирском краю! Почти что белая ночь. Ночь эта пахла теплыми лопухами и бурьяном, в котором мы притаились, ожидая удобного момента. В серовато-синем небе розовели облака и висела круглая луна, которая не давала никакого света. Она казалась нарисованной желтым карандашом.

По всем правилам индейско-партизанского искусства мы пересекли заросший двор (совершенно пустой и тихий) и оказались у темной амбразуры, которая когда-то была окном первого этажа. Теперь в амбразуре не осталось ни стекол, ни рам. Веяло из черного нутра сыростью и опасностью.

Чем бы ни веяло, а надо делать то, что задумали. Я оставил в подорожниках сандалии и первый перевалился через нижний край окна — он был на уровне поросшей лебедою земли. Первым — чтобы Анютка не успела понять, как я боюсь. Мой страх перед таким Анюткиным пониманием был больше страха перед мокрой неизвестностью. Я повис в пахнущей остывшей баней темноте, болтнул ногами и разжал руки... Плюхбульк!

На мне были пионерские шорты, совсем коротенькие, но все же они обмакнулись в воду, потому что ее оказалось гораздо выше колен. Хорошо, что не зацепило карман с фонариком, который мама подарила на недавний день рождения. Вода, вопреки ожиданию, была теплая, будто подогретая. Эта теплота слегка растопила мой заледеневший в животе страх. Я выщарапал фонарь из кармана, включил. Сперва ничего не разглядел, только заметались на черной взбудораженной воде ослепительные зигзаги.

С двух сторон от меня бульк-плюхнули Анютка и Алешка. Марат сопел в проеме окна, подворачивал широченные холщевые брюки. Зря подворачивал — когда прыгнул, они тут же раскрутились и оказались в воде.

— Ну? — деловито сказала Анютка. — Где здесь сокровища?

— Тихо ты, — одернул ее Алешка. Наверно, не из страха, а из желания все делать по правилам: во время приключений надо говорить шепотом.

Все они тоже включили фонарики, и желтые веера света вытащили из тьмы голые кирпичные стены и облупленный потолок. Якорей не было видно. А замурованные клады... на

то они и замурованные, чтобы не бросаться в глаза. Впрочем, дальние углы оставались в темноте.

— Может, все-таки там есть какой-нибудь якорь? — нарушая правила, отчетливо выговорила Анютка.

— Якор-рь! — донесся из мрака негромкий картавый ответ. — Якор-рь на бор-рт!..

Кажется, мы все присели на корточки. Я-то уж точно, потому что мои шорты потом оказались мокрыми до пояса. Марат, по-моему, сделал рывок к окну (хотя впоследствии отрицал это).

— Мама... — хныкнула Анютка, выдавая наконец тот факт, что она все же девчонка.

— Тихо, — велел Алешка. И сказал не тихо, а громко (он всегда был самый решительный из нас): — Эй! Кто там?

— Игор-реша... — отозвалась тьма.

— А я Алеша... А ты кто? — Алешкин голос был звонким от натянутой, как струна, смелости.

— Игор-реша др-руг!..

Мы наконец догадались (вернее, осмелились) направить лучи в сторону таинственного Игорёши.

Ничего другого просто не оставалось.

На плававшем у стены обрезке доски топталась блестящая черная птица. Мы почти сразу поняли, что это крупный скворец...»

Папа, когда рассказывал про детство, не раз вспоминал Дементьевский дом и то, как там с искал с друзьями клад. Но мы с Ильей не помнили, чтобы он говорил про скворца. Может быть, папа берег этот случай именно для рассказа?..

Теперь мы читали, как, прихватив птицу, ребята выбрались наружу и стали гадать: как говорящий скворец оказался в подвале? Может, сбжав от хозяев, заплутал на воле и нырнул в черную дыру, спасаясь от хищных кошек? Или какие-то гады — любители мучить всякую живность — нарочно пустили беднягу в смертельное плавание? Похоже, что так, потому что лапки скворца оказались спутаны нитками. Одна лапка была, кстати, хромая, Игорёша припадал на нее. Из рук он не вырывался, вел себя дружелюбно, был вполне домашний.

Стали гадать — что с ним делать.

«Алешка — как самый честный и справедливый среди нас — решил, что надо расклеить объявления: найден говорящий скворец Игорёша, владельцев просим обратиться по такому-то адресу. Так и сделали. Но никто не откликнулся. Наверно, хозяева уехали из города, а несчастного скворца потеряли перед дорогой. Так мы решили. Потому что трудно было предположить, что люди могут бросить такую замечательную птицу нарочно.

— Да если бы и не такую! Если не замечательную! — негодуяше восклицал Алешка. — Все равно ведь живая!

Несколько дней Игорёша прожил у Алешки, в клетке, которую мы специально купили на толкучке на собранные копейки. Оказалось, что он знает много слов — как правило, все с буквой «Р».

— Гр-рабь, ребята! — по-пиратски восклицал он, когда был в бодром настроении. — Буря, ур-раган! Игорёша кр-ра-сивый!

Потом встал вопрос: что делать с Игорёшей дальше. Я бы с удовольствием взял его себе, но понимал, что наш кошак Мефодий не оценит Игорёшинных талантов, он был хищник и охотник до мозга костей. У Анютки была бабушка, которую любой, даже легкий шум доводил до мигрени. Она тут же утыкалась пальцами в виски и всех извещала о своей близкой кончине. Марат с родителями и кучей братишек и сестренкок жил в единственной комнатухе, в такой тесноте, что клетку просто некуда было бы повесить.

Алешка же по всем статьям годился Игорёше в новые хозяева-друзья, если бы не одно обстоятельство: за победу на весеннем школьном конкурсе чтецов он был награжден путевкой в «Артек». Вот так, ни мало ни много!.. Отъезд планировался через десять дней. Все семейство Полюниных жило, разумеется, в радостном предвкушении. Тем более что путевка досталась не просто: сперва не хотели давать, поскольку у Алешки в табеле за пятый класс был трояк по математике. Известно, что достойные «Артека» пионеры не должны иметь таких позорных оценок. Но для Алешки все же сделали исключение — очень уж звонко и выразительно читал он со сцены светловскую «Гренаду»...

Конечно, родители дали понять Алешке, что до отъезда птицу надо куда-то пристроить, потому что возиться с ней будет некому.

Алешка пристраивать в чужие руки полюбившегося скворца не хотел. Нам он однажды сообщил:

— Вчера Игорёшка сказал слово без «эр»: «Алеша... Алешша милый»...

Еще через день Алешка сделал (по словам его мамы) «декларативное заявление»: о том, что не поедет в «Артек». Поскольку Игорёшу оставить не на кого.

Можно представить все высказывания родителей! От негодующих криков, что «эта ошипанная птица будет немедленно выброшена на помойку», до клятвенных уверений, что, «пока ты в «Артеке», об Игорёшеньке мы будем заботиться, как о родном сыне».

Алешка сказал, что видит, как они заботятся о родном сыне. Сплошное издевательство: насильно загоняют в лагерь, в который он не хочет.

Мама, чуть не рыдая, восклицала:

— Но ведь такая радость — «Артек»! — выпадает редчайшим счастливым! Один раз в жизни!

Алешка сказал, что радость иметь говорящего крылатого друга — тоже раз в жизни. И друзей не предают.

Мама была самая нетерпеливая. Она разбила о кухонный стол чашку и заявила:

— Ну и черт с тобой! Сиди все лето дома со своей облезлой вороной!

Папа пообещал, что сидеть Алешке будет трудно, после его, отцовского, внушения.

Алешка сказал, что «пусть внушение», лишь бы после этого его с Игорёшей оставили в покое. Такое заявление поставило папу — образованного мужчину, сотрудника администрации городского драмтеатра — в тупик. Потому что делать серьезные внушения, кроме словесных, он не умел.

Старшая Алешкина сестра, десятиклассница Зинаида, заявила, что скворец все равно скоро околеет, потому что припадочный. В самом деле, Игорёша иногда валился навзничь и прикрывал глаза пленками. Но быстро отходил.

Алешка сказал, что сестра сама припадочная, раз говорит такие вещи. Это во-первых. А во-вторых, если с Игорёшей что-то случится, то пусть при нем, при Алешке. Тогда по крайней мере его совесть будет чиста, потому что он не бросил беднягу до самого конца.

Зинаида сказала, что ее брат — законченный придурок.

Алешка сказал, что не может оставить Игорёшу без присмотра еще и по той причине, что Зинаида научит его нехорошим словам.

Такое заявление в адрес благовоспитанной девицы и круглой отличницы всех заставило онеметь. А в состоянии онемения спорить, сами понимаете, трудно... То есть потом споры еще продолжались, но уже слабенькие и безнадежные...»

Короче говоря, Алешка остался — на радость Игорёше и друзьям, которым хотелось летом быть вместе.

И они были вместе! И с ними в то лето случилось много веселых приключений, о которых папа тоже упоминал в этом рассказе. В приключениях участвовал и Игорёша. И после каждого говорил, что это было «потр-рясно».

Папа писал:

«Зловещее предсказание Зинаиды не сбылось. Игорёша не околел. Он постепенно избавился от всех хворей и жил в полном здравии, пополняя свой словарный запас. Хотя почему «жил»? Насколько я знаю, живет и сейчас...»

4

Я прочитала рассказ про Игорёшу и сразу поняла: его надо поскорее дать Лоське. Чтобы он убедился, как был прав, когда из-за Васьки не поехал на шахматный турнир! Да и вообще рассказ Лосенку понравится — ведь про живое существо!

Кстати, почему-то Лоська не показывался уже два дня...

Я сунула листы в пластиковый пакет и отправилась к Лоське.

Их квартира оказалась заперта. Из двери напротив просунул в коридор голову небритый и поддатый сосед дядя Коля и добродушно сообщил:

— А дружок твой вместе с мамашей куда-то отправился, похоже, на вокзал. С чемоданом и с котом под мышкой. С полчаса назад...

Этого еще не хватало! Куда?

Я подумала, что перед любым отъездом Лоська должен был предупредить меня. И помчалась домой.

Когда я отпирала дверь, на площадке возникла соседка Га-

лина Андреевна — вся такая умильная и сладкоголосая от навеки застрявшей в ней виноватости.

— Женечка, к тебе приходил мальчик. Ну, твой дружок с корабликом на рубашке, только сейчас еще в курточке поверх кораблика и с рюкзачком. И с кисанькой на руках. Звонил, звонил, я выглянула, он говорит: «Передайте Жене, что уезжаю, не знаю, на сколько дней»... Я спрашиваю: «Ты, наверно, хотел ей кисаньку оставить? Оставь у меня, я передам». А он: «Нет, его я оставлю в другом месте...» Торопливый такой и озабоченный...

Понятно, что ничего объяснять соседке Лоська не хотел, знал, что это за личность. И где он решил оставить «кисаньку», тоже было понятно. Я тут же помчалась к Ступовым.

Конечно, Васька оказался там, резвился с Чарли. Лоська мог не опасаться за него — подросткового, здорового и под защитой такого могучего друга.

Евгений Иванович сказал, что Лоська с матерью срочно уехали к отцу. Что у отца там случился наконец пересмотр дела и обещали то ли полное оправдание, то ли досрочное освобождение, но дело осложнилось тем, что он заболел и сейчас в больнице. Как там сложится дальше, пока не ясно, однако Лоськина мама и сам он решили, что надо срочно ехать на помощь, поскольку теперь это разрешено...

В общем, случилось то, о чем я догадывалась, но боялась надеяться. Плохо только, что Лоськин отец заболел. Ну да, может быть, все не страшно, не опасно... Лишь бы Лоська не тянул резину, догадался написать оттуда, как и что!

Я шла домой в каком-то непонятном настроении. С одной стороны, была радость, что дело с Лоськиным отцом стало, кажется, распутываться. И что в этом есть и мое (пусть хоть на самую капельку) участие. Но в радости ошутимо шевелилась тревога. И не только из-за болезни шофера Мельникова. И не только из-за опасения, что вдруг все опять сорвется. Было какое-то ощущение, что рядом вдруг начали копошиться пока необъяснимые, но близкие неприятности...

Я говорила себе, что все это из-за недавних событий с дискетой и что теперь это «застрявшее в нервах остаточное явление». И все-таки было тошновато.

У дома я встретила Люку. Она сообщила, что родители от-

правляют ее на две недели в деревню к деду, которому надо помогать, «потому что такой возраст».

— Может, сумею сбежать пораньше, там скучища. Ника тут не бросает одного, он расстроился, что я уезжаю.

Я тоже расстроилась. Одно к одному! Лоськи нет, Люки не будет. Конечно, остались Стаканчик и Томчик, но неполная компания она и есть неполная. Кроме того, Томчик говорил, что его могут «услать» в детский лагерь, не спросят желания...

Лючка, стараясь оставаться бодрой, упорхнула домой. Я даже забыла ей сказать про Лоську...

Вялая от огорчений, я включила компьютер, чтобы проверить электронную почту. От Пашки ничего не было. Оно и понятно, последнее письмо он прислал только вчера. Мы переписывались довольно регулярно, я сообщала о всех событиях и отправила файл с отцовскими рассказами. А Пашка писал, что в их школе вышел альманах с моим сочинением (жаль, что нельзя послать, потому что он пока в единственном экземпляре) и что его, Пашку, отец хочет взять с собой в поисковую партию, которая работает в каком-то «квадрате».

Я ответила: «Тебе хорошо...»

Сейчас я села писать Пашке новое письмо. Сообщу про Лоську... И вдруг поняла, что писать мне как-то не очень хочется. Не интересно. Потому что... Да, замечательно, что есть на свете Пашка. И прекрасно было все, что *было*. Но *будет* ли что-то еще? Ведь может случиться, что мы больше не увидимся никогда в жизни. Или встретимся лишь в какие-то отдаленные времена. Ни от него, ни от меня это не зависит — по крайней мере, пока не станем взрослыми. А когда станем — там *что?*

Ведь если по правде, то я уже вовсе не страдаю так, как раньше, когда от Пашки вдруг почему-то нет вовремя весточки. И если уж совсем по правде, то... да, мне кажется, что в мучительном ожидании первого письма, в декабре и январе, было, пожалуй, больше радости, чем в регулярных письмах сейчас. Да, вперемешку с горечью и тревогой, но зато и с чем-то сильным, *настоящим*... А нынче как? «Привет...» — «Привет...» Сведения о новых книжках, об очередном Пашкином проекте, о наших семейных приключениях, о ребятах... Ну и что? Кажется порой, что пишем по привычке. Или потому, что *так надо*...

— Не ври! — цыкнула я на себя. И чтобы прогнать сквер-

ные мысли, стала настукивать на клавиатуре очередное письмо. «Как ты там, еще не отправился в тайгу?»

— Сама я куда не собиралась. Потому что — куда? Не в лагерь же! В отпуск с мамой? Но ей обещали отпуск только в октябре. Дядя Костя, кажется, забыл обещание пригласить меня в Петербург, замотался, наверно, со своими делами. Была у меня и у Ильи идея съездить на недельку в Тюмень, побродить по «папиным местам», но Илья говорил, что это возможно только в августе...

ПОДПОЛКОВНИК ВУДИМОВ

1

Предчувствия не обманули. Недаром говорят: пришла беда — открывай ворота. Выяснилось, что в Тюмень мы в этом году скорее всего не попадем. И не потому, что денег в семейном запасе кот наплакал (это всегда так). Дело в том, что Илья сообщил о своих новых летних планах. О таких, что мама сразу села на стул и опустила вдоль туловища руки. Это ее обычная поза при любой нагрянувшей неприятности. Но сейчас и правда было отчего.

Братец собрался в Чечню.

Небрежным тоном, будто о поездке на ближнюю турбазу, он рассказал, что «сложилась студенческая группа, которая собирается на Кавказ с целью гуманитарной помощи и ознакомления с нынешним положением в деле образования в том регионе...».

— Надо посмотреть, как там дела в школах, чем помочь местным ребятам...

Конечно, мама сказала:

— Через мой труп.

— Мама, ну почему, если Кавказ, то сразу разговоры о трупах!

— На Кавказе будет *твой* труп, — уточнила мама. — А мой здесь.

— Да что ты, на самом деле! Мы же не полезем в горячие точки! Мы в школы! Даже девушки собираются...

Я сказала, что девушек наверняка только одна. Та самая, ненормальная...

— Цыц, мучача...

— Сам цыц! Ты о маме подумал?

Илья стал говорить обстоятельно и убедительно. О том, что нельзя жить вдали от главных событий. Что ни философия, ни журналистика не терпят оторванности от жизни. И что, если он, Илья Мезенцев, хочет делать что-то настоящее, он обязан...

— Запишись уж тогда прямо в контрактники, — с настоящей трагедией в голосе сказала мама.

Илья ответил, что в контрактники он не пойдет. Во-первых, он не хочет ни в кого стрелять. Во-вторых, его и не возьмут, из-за глаза...

Мама сказала, что не важно, будет он стрелять или нет. В него-то все равно станут стрелять. Потому что бандиты стреляют не только в солдат. Стреляют и в учителей, и во врачей Красного Креста, и в тех, кто везет «эту вашу гуманитарную помощь». И берут заложников, и отрезают головы, и...

— Господи, ну что за нагнетание, — простонал брат. — Я так и знал...

— Ничего ты не «знал»! — вскинулась мама. — И не знаешь! У нас на работе две женщины, у одной на Кавказе сын, у другой муж, офицер. Ты посмотри на них, когда долго нет писем! Ты знаешь, что такое пытка неизвестностью, что такое страх каждый день, каждую ночь?!

Я понимала маму. Я знала. Помнила, как изводилась из-за Пашки. Конечно, моя «пытка» была по масштабу меньше в тысячу раз, но хватило и ее...

Вообще-то я, по правде говоря, Илью тоже понимала. Он хотел *вникнуть* и *знать*. Увидеть вблизи то, что сейчас мучает всю страну. И все же я сказала снова:

— Подумай о маме, идиот.

— Вот именно... — И мама заплакала. — Мало того, что я похоронила мужа, тепер еще...

— Да меня-то ты что хоронишь! — буквально взвизнул брат. Как-то неприятно даже. — Я еще пока живой и целый!

— Именно «пока»! Но тебе отчаянно хочется подвигов. То же мне Олег Кошевой...

— Ну, Кошевого-то не надо трогать, — угрюмо сказал Илья. — И так оплевали парня...

Я подумала, что это мама и правда зря. Вспомнила сразу Илюхин рассказ, как он писал в университете вступительное сочинение.

...Тема, на мой взгляд, была идиотская и коварная. «Герои романа «Молодая гвардия» в свете современных воззрений». И какой мудрец такую выдумал? Разумеется, Илья был единственный, кто эту тему выбрал.

Я «Молодую гвардию» целиком не читала. Не потому, что скучная или «слишком толстая», а просто не люблю книги с плохими концами. Достаточно мне Гюго — там что ни роман, то в конце трагедия! Поэтому о краснодонцах я прочитала лишь отдельные куски романа. А Илья — полностью. Наверно, не столько из интереса, сколько из принципа — чтобы *знать*. Ну и вот, использовал это знание.

Писал он, по его собственным словам, «будто саблей махал». Увлёкся и не думал, как посмотрит комиссия.

Для эпиграфа он взял строчки из стихов поэта Константина Левина:

Я не любил писателя Фадеева,
Статей его, людей его, идей его,
И твердо знал, за что их не любил.

А потом он писал, что книга «Молодая гвардия» и ребята-молодогвардейцы — это разные явления. Олег Кошевой, Сережка Тюленин, Любка Шевцова были обычные парни и девчата и, возможно, даже не слышали о писателе Фадееве с его единственной тогда книжкой «Разгром». И воевать начали, не думая о будущей славе, не ведая о «руководстве Коммунистической партии», про которое так много вещает автор романа. Они ввязались в эту войну, потому что иначе не могли. Они были *такие*. Верили искренне, дружили искренне, ненавидели искренне. Вредили врагам, наверно, не очень умело и не очень много, но свою долю в борьбу за победу все же внесли. «Этот день мы приближали, как могли...» Их же сперва объявили титанами героизма, а потом начали шептаться, что все вроде бы не так и что Олег — он чуть ли не бандеровец...

Что за страна, в которой никто не застрахован от клеветы? Почему ради политики людей можно делать то такими, то иными? Слабохарактерного Николая Романова сперва нарекли кровавым злодеем, потом объявили святым. Несчастливого пацана Пашку из деревни Герасимовки, мечтавшего о светлой доле (не знал же, что врут!), много лет именовали героем и примером, потом объявили предателем и подонком. Москов-

скую девочку Зою возвели в ранг беззаветной героини, а потом сказали, что она поджигательница мирных крестьянских конюшен. Вот и с краснодонцами похожее дело.

Илья даже вставил свои стихи:

А были все они — какие были:
Стихи любили, родину любили...
Их возвели в герои странной были,
Потом вдруг всех помоями облили,
Затем слегка почистили, помыли
И думают теперь: как с ними быть?
...А тем ребятам так хотелось жить.

А роман «Молодая гвардия» те ребята не читали, его тогда не было. Прочитали потом лишь несколько счастливцев, которым удалось уцелеть.

А писатель Фадеев — что? У него хватало проблем. Среди них была, наверно, и книга «Молодая гвардия». Возможно — упреки совести: что-то неправильно написал, кого-то зря возвеличил, кого-то напрасно обвинил... Но это была не единственная его проблема и не самая большая. Он все их решил разом. Как писал Константин Левин:

Но вот он взял наган, но вот он выстрелил —
Тем к святости тропу себе не выстелил,
Лишь стал отныне не таким, как был.

Короче говоря, писатель в один прием избавился от всех вопросов. Не самый легкий способ, но и, прямо скажем, не самый сложный. Бог ему судья. И, конечно, его, писателя Фадеева, искренне жаль. Но тех ребят жаль все-таки больше. Они слишком мало жили, мало радовались. И, главное, у них не было выбора: жить дальше или не жить. Это решали не они...

Как и сейчас решают не они. Послали — иди, стреляй, умирай. Кого-то опять объявят героями, кого-то подонками и злодеями. А они — хотели? Впрочем, про большинство и не вспомнят. На всех не найти писателей...

В общем, мама, кажется, зря задела эту тему. Но ее можно понять: чего не скажешь в отчаянии.

Илюха вдруг обмяк, махнул рукой, начал бубнить, что ни-

чего еще не решено, что он сказал это просто так. Заранее. Теоретически...

Мама ответила, что, как бы он *про это* ни сказал, теперь ее жизнь будет вечным страхом и ожиданием беды.

2

Долго ждать беды не пришлось. И для этого брату не понадобилось ехать на Кавказ. Ранним вечером, почти среди бела дня, его в сквере у городской библиотеки избили два полупьяных гада. Возрастом не старше Ильи, но каждый в три раза здоровее. Ни за что. Вернее, за то, что «очкарик», «ботаник». Как ни вспомнить мордастого Панкратьева: «Че, читатель, да? Ты...» Как ни странно, Илья отмахался сам (дядя Костя чему-то успел научить). Пришел домой. Позвонил, шагнул к себе в комнату и навзничь повалился на тахту.

Я как увидела его распухшее окровавленное лицо, заплывшие глаза, очки с трещинами, поняла: выть от горя и обмирать не время, надо действовать. Тут же позвонила в «Скорую». Потом в милицию: сперва по ноль-два, затем в райотдел.

В райотделе ответили:

— Если драка, пусть напишет заявление. С приметам.
— Он ничего не может писать! Вы бы посмотрели!
— Они все сами нарываються, а мы — смотри, — ответила раздраженная дежурная дама.
— Понятно: ворон ворону глаз не выклюет. Видимо, ваших рук дело...

— Девочка, не груби!

— Я не грублю, я отражаю факты...

«Скорая» приехала быстро. Илью забрали в больницу. Мне разрешили поехать с ним. Уже из приемного покоя позвонила я маме. Не хотелось, но что делать-то. Мама примчалась в больницу на директорской машине...

Я зря «клепала» на милицию, она была тут ни при чем. И, кстати, оперы все же прикатили к нам домой, но никого не застали. Сами обзвонили больницы, узнали, где Илья, и отыскали его там. Сняли показания, сказали «найдем годов» и... нашли! В тот же вечер! Потом те кретины — с мамами! — приходили к Илье в палату и канючили, что не надо писать заявление и доводить дело до суда. Им, как и брату, не

было восемнадцати. Илья попросил матерей выйти в коридор и сказал: «Хрен с вами, идите в ж...» И они пошли, пятась и благодарая. Но это уже потом, через несколько дней. А в тот вечер...

Бедная наша мама... Ну за что ей такие подарочки со дня на день! Впрочем, в больнице она держалась молодцом, расплакалась только дома. Я успокаивала, она не успокаивалась. Тогда я догадалась: позвонила в Питер дяде Косте и дала маме трубку. Мама излила давнему другу душу и все недавние события и беды. Дядя Костя утешал ее с чисто мужской логикой и сдержанностью (я «висела» на параллельном аппарате и порой вставляла фразы). Он даже высказал суровую, но дельную мысль, что «нет худа без добра и, может быть, этот случай отвлечет юного познавателя жизни от кавказской авантюры».

Отвлек не сам случай, а врачи. Илюхины кости, мышцы и череп не очень пострадали в драке, но вот глаз. Тот, больной... Через день он стал воспаляться, и пришлось Илью перевести в клинику глазной хирургии. Там доктора сказали, что пока большой опасности нет, но дней десять придется полежать. А со временем, где-нибудь через год, возможно, понадобится операция — чтобы «решить проблему кардинально». И, конечно, до той поры не может идти речи о дальних поездках...

Мама призналась мне:

— Я не знаю опять: горевать или радоваться...

— Наверно, и то и другое... — вздохнула я.

Я навещала Илью каждый день. Мама тоже, но не со мной, а ближе к вечеру. Илья выходил в больничный садик — с толстой повязкой на глазу, но уже довольно бодрый. Хотя и немало виноватый. О Кавказе больше не было ни слова — по крайней мере, с ним. Но однажды на подходе к больнице я увидела Татьяну и заявила ей без предисловий:

— Надеюсь, хоть теперь-то вы не станете склонять его к путешествиям в южные края?

Девушка Таня «отвесила губу»:

— Я?! К путешествиям?! Я только и твердила ему, какой он сумасшедший! Да и вообще вся эта идея рухнула, декан сказал, что ляжет на пути собственным костлявым телом...

И я сразу возлюбила однокурсницу брата. И декана.

Илья попросил принести ему мобильник и время от времени позванивал домой и маме на работу. И, видимо, ненаглядному Толику Гаевскому, который теперь, конечно же, учился на программиста. Со мной Илья поделился:

— Толька и я задумали одну штуку. Компьютерный мир ахнет...

— Видимо, теорию тройного рикошета, — не сдержала я свой язык. — Поскольку двойной оказался бессильным перед простеньким паролем из трех букв... Ну-ну, *какая я «мучача»?*

— Стервозная, — сказал брат по-русски. Но продолжил без обиды: — Между прочим, задачка оказалась не простая вот почему. Фамилия «Даль» за границей пишется все-таки четырьмя буквами. С буквой «аш» перед «эль»...

«Dahl!» — сразу сообразила я.

— Но папа это, видимо, не брал в расчет!

— А компьютер-то брал! И надрывался в поиске трехбуквенных врача, артиста и капитана!.. Между прочим, не думай, что искать трехбуквенные значения легко. Наоборот. Не буду объяснять тебе эти премудрости, чтобы не свихнулась. В общем, надрывались и мы, и те, кто охотился за папиными текстами. Про пароль, конечно, слышали и думали, что с его помощью через Сеть пролезут в наш компьютер. Наверно, думали и те, кто боялся, и те, кто хотел честной разборки...

— Ты считаешь, есть и такие?

— Мучача ты... конечно, есть. Приходил тут ко мне парень, следовательно, мы с ним болтали часа два. Сперва о той драке, потом вообще... Он когда-то хотел, как я, идти на философский, а потом подумал: кто-то должен грязь разгребать, это тоже философия жизни... Не все ведь, как вечной памяти Виктор Викторович Будимов...

Меня сразу обдало холодом.

— П... почему «вечной памяти»?

— Женька, ты что? Не смотришь «Новости»?

— Д... давно... — Это была правда.

— Позавчера еще передали: оползень в Дагестане, на шоссе. Несколько военных машин, двенадцать человек. В том числе и... В списке...

Я никогда не любила Виктора Викторовича. Даже в те дни, когда не знала никаких подозрений и когда он приходил как добрый знакомый, дарил маме цветы и мама улыбалась в ответ.

Но сейчас меня потрянуло таким ознобом, что чуть не сбросило с садовой скамейки.

— Женька, ты что?! Выпей газировки...

Я выпила, вцепившись зубами в пластиковое горлышко.

Илюха, видимо, всерьез перепугался за меня.

— Я думал, ты знаешь...

— М-м... — помотала я головой. — Да нет, я ничего. Просто... неожиданно так... А мама знает?

— Я... не говорил... Теперь боюсь, что нет...

...Мама знала.

— Только не стала говорить тебе. Ты и так вся такая... на нервах...

Это я-то «на нервах»? Мне всегда казалось, что я тверже и спокойнее мамы. Но теперь я поняла: мама права. Ведь не только серьезные причины, но и пустяки последнее время выбивали меня из колеи. И это непонятное ожидание несчастий...

В продолжение всех бед я на следующий день поругалась со Стаканчиком. Первый раз в жизни.

3

С утра я чувствовала себя так скверно, что решила не ходить к Илье. Позвонила ему, сказала, что малость прихворнула.

— А ты как?

— Я — вполне. Обещают сегодня снять повязку.

Я была рада, что Илюха «вполне». Но его какая-то излишняя бодрость досадливо царапнула меня. У всех «вполне» и всем наплевать, как погано у меня на душе... Я сама не знала, почему погано, и обозвала себя дурой и эгоисткой. Легче не стало.

И в это время пришел Стаканчик.

Сперва я обрадовалась: хоть одна добрая душа рядом! Поговорили о Лючке, которая, наверно, скучает в деревне. Конечно, там свежий воздух, лес, земляника созревает и прочие радости природы. Но с кем ходить в лес-то? С престарелым дедом? Он только и знает свои огородные гряды...

Наш город, разумеется, не дача, не Багамские острова, для отдыха приспособлен мало. Но все же есть Верхне-Таволжское озеро с большим пляжем, есть Центральный парк, есть, в

конце концов, Дворец, в котором жизнь продолжается и в каникулы. Совсем недавно звонил Петруша и говорил, чтобы мы не «растворялись в пространстве», потому что у него возникла идея: снять фильм по пьесе «Приключения летчика Митьки Сталактитова», которую сочинил он сам. Правда, мы все, кроме Люки Минтаевой, «не в штате», но без нас не обойтись. Особенно без Томчика, который «вылитый Митька».

Решили, что пойдем к Петруше, как только вернутся Люка и Лоська.

— А что слышно о Лоське?

Я пожала плечами: ничего. И опять поморщилась от непонятной досады. Стаканчик спросил:

— Ты не могла бы дать мне свою кассету с «Гневом отца»? Приехали родственники, хотят посмотреть...

— Пожалуйста... А где твоя-то?

— Я разве не говорил? Встретил одного мальчика, с которым раньше был в клубе «Паруса надежды». Он мою кассету попросил, чтобы посмотреть там с ребятами...

— Ты же поссорился с этим клубом!

— С начальством, а не с ребятами. Они-то при чем?

— Я думал, у тебя с ними принципиальные расхождения...

— Там разные ребята. Есть хорошие...

— И песни у них хорошие. Например, «Прощайте, Скалистые горы»... — вспомнила я.

— Песня-то чем тебе не нравится? — тихо сказал Стаканчик.

Мне песня как раз нравилась, она была на кассете, которую мне оставил Пашка — вместе с другой, на которой Вивальди и море. И я сказала, что дело не в песне, а в нем, в Нике. Не люблю, когда у людей вчера одни взгляды, а нынче другие. Противно...

— К тому же мы договаривались, что будем давать кассету посторонним только с общего согласия...

— Договаривались-то когда! Еще когда был пробный вариант! А теперь-то зачем? Если уже на конкурсе показывали и даже отрывки по телевидению!

Я сказала, что дело не в телевидении, а в том, что некоторые люди не держат обещания. Как на таких полагаться!

Это было совершенно глупо, я чувствовала, что меня «несет», но сказала себе: «Ну и пусть!»

Я полулежала на диван-кровати как раздосадованная пер-

сидская царевна. Стаканчик сидел на стуле и смотрел сквозь очки с каким-то снисходительным сожалением. Как смотрит иногда Илюха, если я начинаю вредничать. Это меня еще больше разозлило: что позволено старшему брату, вовсе не позволено всяким стаканчикам!

Он снял очки, протер их подолом майки с портретом волосатого типа. Нагнулся, почесал очками загорелую лодыжку и глянул исподлобья.

— Ну, ладно. Не давай, если не хочешь...

— Нет, почему же? Пожалуйста!

— Не надо... Я зайду в клуб и заберу у них свою. Наверно, уже посмотрели.

Тут меня совсем уже подло бес дернул за язык:

— Может, и останешься у них? Если пересмотрел свои позиции...

— Я не пересматривал... А записываться туда снова сейчас вообще не имеет смысла. Их начальство сдало шлюпки в аренду каким-то дачникам, они теперь только морские узлы изучают да маршируют...

«И песни о море поют», — чуть не брякнула я, но сдержалась. Потому что это был бы вроде как подкоп и под Пашку...

А Стаканчик вдруг спросил, будто мы только что не спорили:

— Может, пойдем побродим?

— Не хочу... — буркнула я. И только сейчас поняла причину своего дрянного состояния души. Это по-прежнему сидело во мне известие о гибели Будимова. Из-за него — сумрачность и всякие опасения. Непонятное предчувствие нехорошего. Оно было похоже на то предчувствие, которое появилось во Дворце, когда Пашка оставил на стене кровавые отпечатки. Тогда — сбилось. Неужели так будет и сейчас?

— Пойдем, стряхни печали, — повторил Стаканчик. Смотрите-ка, еще и юмор у него!

— Не хочу и не могу! — отрезала я.

— Да почему?

Глядя в упор, я сообщила открытым текстом:

— Ты совсем идиот? Не знаешь, что у девочек бывают дни, когда им лучше сидеть дома? — и злорадно представила, как сейчас он нальется розовой краской.

Стаканчик и правда порозовел, но не так сильно, как я

ждала. Мало того! Он пожал плечами и отозвался невозмутимо:

— Я знаю. Но я думал, что в наши дни это не проблема. В рекламе столько про всякие средства говорят. Даже с крылышками...

Я сказала, что сейчас он вылетит от меня без всяких крылышек. Болван!

Стаканчик встал и снова пожал плечами.

— Ладно, пойду... — И отправился к двери.

Он был сейчас не тот аккуратный Никита Стаканов, что в школе. Светлая, с алюминиевым отливом, прическа — не гладкая, а растрепанная, кудлатая. Майка мятая, локти расцарапанные, светлые широченные бермуды — жеваные, в пятнах травы и ржавчины. И в движениях — незаметная раньше резкость. «Ладно, шагай...»

Когда он вышел в переднюю, я все же встала, двинулась следом. На лестничной площадке Стаканчик оглянулся.

— Жень, ты извини...

— Гуляй, — сказала я.

— Мы, что ли, по правде поссорились?

— Я все делаю по правде, господин Стаканов.

Он резко дернул головой и застучал подошвами по ступеням.

«Ну, зачем я так, идиотка!.. Хотя... он тоже хорош! И со своими «Парусами надежды», и вообще...»

Приоткрылась дверь напротив. За ней обнаружилась улыбчивая физиономия соседки.

— Женечка, кто-то приходил? Я теперь стала такая беспкойная. Иногда ходят всякие посторонние...

Сжигая корабли, я сказала:

— Ходят... Галина Андреевна, если меня будет спрашивать лохматый и очкастый мальчишка, скажите, что до конца жизни не желаю его видеть!

— Хорошо, Женечка...

Оставалось опять лечь носом в подушку и пореветь. Но даже этого мне сделать не дали! Только шагнула в комнату — за-тарахтел телефон.

— Абонент Мезенцева?.. Телефонная станция. Ваш номер будет отключен до пятого июля. Ремонт кабеля и аппаратуры...

— До пятого? Вы с ума сошли! Это же целая неделя!

«Пи-и... пи-и... пи-и...» — ответила телефонная станция.

Реветь уже не хотелось. Хотелось что-нибудь разбить. Но что? Не его же... — Я дотянулась до полочки, где стоял стеклянный Лоськин глобус. Взяла глобусенка в ладони. Ласково подышала на него, вытерла о футболку. Он засверкал чистым хрусталем. Я посмотрела сквозь него на приподнятый край футболки. Да, как микроскоп! Трикотажная материя виделась через круглое стекло будто здоровенная рогажа.

«Хорошо, что океаны на Земле больше, чем суши. Можно через них все рассматривать...»

Вот уж с кем я никогда не поссорюсь, так это с Лоськой!.. Но где он сейчас?..

Постанывая, поднялась я опять на ноги. Сняла телефонную трубку. Сигнала уже не было, только что-то похожее на отдаленный шепот. Да, быстро они выполняют свои обещания!

Хочешь не хочешь, а надо ехать к Илье.

4

Илья был уже без повязки, но левое стекло на очках закрывал кусочек марли.

— А! Привет! Появилась все же. Понимаю, не можешь долго без любимого брата.

Я ответила, что дело не в любимом брате, а в телефонных неприятностях.

— Будешь названивать домой, а там, как у Шекспира: «Дальнейшее — молчанье»... Иль, можно я звякну Пашке по мобильнику? Понимаю, что дорого, но он же ничего не знает, будет звонить и писать перед отъездом в тайгу, а в ответ ни гугу...

— Звони, но... Да не в том дело, что дорого, а аккумулятор на последнем издыхании. Ну, может, получится...

У меня получилось. Я ушла на дальнюю скамейку, присела в одиночестве и довольно быстро подключилась к «междугородке». А там и к Яхтинску! И Пашка оказался дома. Обрадовался:

— Женька, привет!

— Привет... — сказала я похоронно. — Как дела? Собираешься в неизведанные края?

— Собираюсь. Но это еще не сейчас, отложили на неделю, что-то там с оборудованием... А ты чего *такая*?

— Какая?

— Я же слышу. Как в уксус обмакнутая...

— Не в уксус, а просто все паршиво.

— Что все?

— Все кругом! — вырвалось у меня. — Везде!

— Да брось ты, — осторожно сказал Пашка. — Жень, ты это... держись. Утрясется...

Его такая ласковая осторожность лишь добавила в мое настроение иголок.

— Тебе хорошо рассуждать издали! «Утрясется!» А как? Если я даже не знаю, *что* должно утрясаться!

— Ну, ты хоть объясни! Что случилось-то?

— Случилось то, что мне тошно! Понимаешь? И так будет всегда!..

Надо было объяснить про многое: про непонятные страхи, про Будимова, про неизвестность с Лоськой, про дурацкую ссору со Стаканчиком, про подлое скопление неудач и несчастий, про то, что вокруг меня сгущается *одиночество*. Ведь остался лишь маленький Томчик, да и он не появляется который день. И что он скажет, узнав, как я прогнала Стаканчика?..

— Пашка! Я, наверно, сама... — И, конечно же, случилось то, что должно было случиться. В наушнике запищало, затрещало, погудело и смолкло.

Сколько я ни трясла потом мобильник, сколько ни пыталась нажимать кнопки — никакого толку.

— Я же говорил: аккумулятор на издыхании, — посочувствовал Илья, когда я мрачно вернулась к нему.

— Я ничего не успела сказать. Ни про отключенный телефон, ни про... все другое... И по Е-мейлу не напишешь, он ведь тоже через телефон!.. Иль, можно я зайду к Толику Гаевскому, отправлю письмо через его компьютер?

— У него ведь тоже, наверно, отключение, станция-то одна... Сходи за зарядником в магазин «Спартак», это недалеко и там есть очень дешевые китайские. И возвращайся, позвонишь опять.

— У меня ни копейки.

— Ч-черт, и у меня...

— Ладно, подождем до завтра, — сказала я, решив, что

нельзя бесконечно катиться в яму уныния. Так и свихнуться недолго. Пашка будет там нервничать и названивать зря? Ну и... пусть слегка понервничает. А может, и не будет. Не слишком ли спокойно он убеждал меня «держаться» и обещал, что все «утрается»? Похоже, что просто из вежливости. Ясное дело, мысли его о другом...

Я села рядом с Ильей.

— Чегой-то ты вся в депрессии, — заметил он, пряча под усмешкой тревогу. — Нехорошо.

И я в ответ вдруг выдала то, что иногда чувствовала по вечерам, при горьких мыслях:

— Иногда кажется, что лечу с самолета к земле, а у парашюта застряло кольцо...

— А в чем причина? Ты же знаешь, что кольца не застревают сами собой... Они *никогда* не застревают. А кроме того, у каждого парашюта есть прибор, который открывает его автоматически на высоте пятисот метров — хоть дергай, хоть не дергай.

— Почему же не открыл... в тот раз?

— Ты *меня* спрашиваешь? Выводы комиссии были невнятные. Да и что я понимал тогда? И мама...

Я вспомнила (хотя не любила и боялась вспоминать *про все про это*):

— Еще ведь бывает обязательный осмотр перед прыжками? Проверка. Да?

— Бывает... Понимаешь, девочка, мы сейчас рассуждаем в рамках инструкции парашютного спортклуба. А она не предусматривает вероломства...

Я тяжело повернулась к брату.

— Иль... Ты все еще думаешь, что в *этом* виноват Будимов?

— Что значит «все еще»?

— Но это же... такая черная жуть. Когда предают друзья...

— Девочка, настоящие не предают...

«Господи, зачем я поругалась со Стаканчиком?..»

Илья обнял меня за плечо.

— Думаешь, мне *хочется* верить в это?.. Но я же думал дни и ночи. Я искал факты, старался узнавать, сопоставлять. Ты просто еще не знаешь много из того, что знаю я. Всякая логика — и формальная, и диалектическая — говорит одно... Помнишь, вы с Пашкой в прошлом году рассуждали о пеленгах?

Когда на пересечении двух линий находят нужную точку? А здесь линий не две, их — десятки. И все сходятся в одном... Да теперь не все ли равно? Он получил, что заслужил. Бидимо, такая карма...

Я поняла, что сейчас разругаюсь и с Ильей.

— Какая карма?! Ты рехнулся! Там под оползнем погребло вместе с ним столько невиноватых! Они-то при чем? Просто так, заодно?!

Илья помолчал, убрал руку с моего плеча, откинулся к спинке скамьи.

— Подполковник Будимов погиб не под оползнем. Гаевский звонил, в интернетовских «Известиях» проскочили уточненные данные. Он был убит на том же шоссе, но за несколько минут до лавины. Одиноким выстрелом...

Опять стало зябко до озноба.

— Чьим... выстрелом?

— Неизвестно. И едва ли мы когда-нибудь узнаем... Возможно, чеченский снайпер, им платят немало баксов за каждого убитого офицера... А может быть, какой-нибудь мальчишка, у которого при зачистке забрали родителей и он будет мстить, пока жив... Или мародер...

Я молчала.

Илья потрепал у плеча мои длинно отросшие волосы.

— Ничего, мучача, все проходит, как говорил Экклезиаст. В августе все-таки съездим в Тюмень.

— Тебе нельзя...

— Ты ведь знаешь: если нельзя, но очень хочется...

Мы немножко посмеялись. Илья сказал, что ему пора на процедуру. Я чмокнула его в щеку пониже заклеенного очка и пошла домой.

По дороге я зашла к Томчику, но у них было заперто. Идти к Стаканчику мириться было стыдно. Да и снова начали крутить меня хворь и слабость.

Дома я легла и долго смотрела в окно сквозь Лоськин глобус. «Все проходит». И Лоська вернется с выздоровевшим отцом, и с Пашкой наладится связь, и со Стаканчиком помирился, только... будет ли дальше так хорошо, как раньше? Кажется, в жизни что-то закончилось. Не вокруг, не с друзьями, а во мне самой...

Мама пришла раньше обычного, подседа ко мне.

— Киснешь?

— Ага.

— Ну, все равно. Надо поговорить...

«Еще какая-нибудь неприятность!»

— Говори, мам...

— Скажу сразу, главное. У нас есть возможность переехать в Петербург...

Я вмиг уловила суть:

— Насовсем?

— Да.

— Дядя Костя зовет?

— Видишь ли... Он звонил уже не раз. Есть, мол, для меня интересная работа. Не хуже, чем здесь. И есть возможность обменять нашу квартиру. Вернее, продать здесь и купить там. Он говорит, что у него на примете очень удачный вариант. Только решать надо быстро... А?

— Мама... так сразу... А Илья?

— Илья переведется в Петербургский университет. Это можно устроить, если похлопотать...

— А он захочет?

— А захочет он расставаться с нами?

— Ма-а... Боюсь, что здесь у него есть кое-кто, кроме нас...

— У «кроме нас» в Петербурге живет отец. И давно ее зовет к себе. С матерью они в разводе, дочка не прочь перебраться к папе...

— Как все одно к одному...

— Не все, к сожалению. Масса проблем. У нас тут прекрасная глазная клиника, а там неизвестно, как сложится... Но с другой стороны...

— С другой стороны, там не будет друзей с опасными мыслями о Кавказе, — догадалась я. — И редакции, где соблазняют переводом на журфак...

— Ты взрослая девочка. Все понимаешь...

Я все понимала. Или думала, что все понимаю. Например, то, что судьба иногда делает повороты, когда один отрезок жизни кончается и начинается совсем другой...

В конце концов, не все ли равно, откуда переписываться с Пашкой?

Лоська? Он будет рядом с отцом, хватит у него радостей без меня.

Лючка, Стаканчик, Томчик? Они не соскучатся друг с другом. Тем более что впереди новый Петрушин фильм...

Худо мне будет без них? Сперва, наверно, да. Но когда-то все люди расстаются. И лучше по-хорошему вспоминать «корабельное братство», чем видеть, как оно угасает и рассыпается... по твоей собственной вине, Женечка!

Зато впереди — Нева, Эрмитаж, музеи, новые встречи, дядя Костя, парусные корабли, которые часто заходят с моря! И само это море — рядом!..

— Мама, можно я подумаю?

Она поцеловала меня.

— Подумай... и согласишься. Ладно?

— Я... наверно, ладно...

Спала я неважно, однако без больших тревог. Просто не отпустили мысли о новом. А под утро приснилось все-таки плохое. Приснился Будимов.

Он в каком-то странном мундире с эполетами шел по пустому, горячему от солнца шоссе. Кругом была серая степь. Были и горы, но они синели далеко и никакими оползнями не грозили. Стекло и оглушающе трещали кузнечики.

Будимов шел, и я смотрела ему в спину. Не двигалась с места, но он почти не отдалялся, хотя шагал, шагал... Потом на пути Будимова встал мальчик. Я не сразу узнала Томчика. А когда узнала, очень испугалась.

А Томчик не боялся. Он расставил прямые, как тросточки, ноги, взметнул летучие волосы и, разрывая карман, выдернул револьвер.

«Не стреляй!» — крикнула я и не услышала себя.

Он выстрелил в Будимова всего один раз, навскидку. Тот сразу упал ничком, подняв над колесой серую пыль. Кузнечики смолкли, навалилась абсолютно глухая тишина.

Томчик виновато глянул на меня, отбросил револьвер и пожал плечом со съехавшей лямкой: что, мол, мне оставалось делать? Потом повернулся и стал уходить. Он уходил не как Будимов — удалялся очень быстро. Я стала кричать вслед, звать его. Нельзя было, чтобы он ушел! Но мои слова увязали в ватной тишине... И я проснулась.

И сказала маме, которая собиралась на работу:

— Я думала. Про вчерашнее... Я согласна.

ВРИГАНТИНА «СЭНЧЕРИ»

1

Вечером я, чтобы утрясти все мысли и чувства, взяла Илюхин плеер, надела наушники и легла на тахту. Вставила кассету с Вивальди на фоне прибой. Нажала кнопку. И... вместо плеска и шороха волны по гальке — аккорды и мужские голоса:

Прощайте, Скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет.
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход...

Я перепутала две Пашкины кассеты.

Ну, ладно. Я не стала выключать. И как бы в знак уважения к Пашке, и вообще... песня-то неплохая. Слова мне, правда, казались какими-то плакатными и даже хвастливыми:

Тяжелой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А завтра с победой геройской
К родимым вернусь берегам...

Чего так хвалиться заранее: «...с победой геройской!» И почему уже «завтра», если поход «суровый и дальний»?

Но если не вслушиваться в слова, песня звучала хорошо. Как говорится, «ложилась на душу». И ясно, что, вопреки словесной бодрости, это была песня прощания. В ней словно ворочались и накатывали на берег тяжелые волны северного моря (которые я видела только по телевизору)... Наверно, так же раскачивает свою воду осенняя Балтика... Но тогда... тогда это песня не только прощания, но и встречи. Ведь Балтика у меня впереди!

Почему же печалей во мне больше, чем радости?... И есть ли она вообще, радость-то?

«Есть! — сказала я себе. — Не начинай комплексовать снова...» И стала вспоминать прошедший день.

Хотя вспоминать было нечего — день прошел бесполезно и бестолково. Я купила батарейки, пошла к Илье и несколько раз пыталась дозвониться до Пашки. Но телефон в Яхтинске молчал. Ну и понятно — родители на работе, у Пашки тоже много дел, чего ему сидеть у аппарата...

Мы поговорили с Ильей о Питере. Илья уже знал о мамин

ных планах. И... относился к ним как-то странно. Вроде бы и не считал их плохими, но и бурного одобрения не высказывал. «Знаешь, мучача, вопрос непростой, надо его порассматривать со всех сторон...» — «Значит, ты не уверен, что поедешь? Мама без тебя не захочет...» — «Ну... может быть, и захочет по зрелом размышлении. К тому же я не говорю «нет». Просто все это как-то неожиданно...»

Мне показалось, что Илья все-таки согласен, только не хочет показывать это сразу. В силу философского склада ума.

Потом я скрутила в себе гордость и пошла к Стаканчику. Того дома не оказалось. «Ну и... так тебе и надо», — сказала я мысленно. То ли Стаканчику, то ли себе...

Я зашла к маме на работу, помогла ей разбирать недавно полученные книги. И, конечно, мы говорили о переезде. Непонятная «позиция» Ильи не была для мамы неожиданностью.

— Это естественно, Женечка. Ничего, мы его убедим... Гораздо труднее будет убедить нашего директора, чтобы отпустил меня. Пока он и слышать не хочет, стонет и хватается за голову. Но и это преодолимо... Главное, чтобы мы сами приняли *необратимое* решение...

— А разве мы его не приняли?

— Приняли, конечно! Только... все это займет немало времени. И я вот что подумала! Не поехать ли тебе туда заранее? Погостишь у дяди Кости, оглядишься. И потом встретишь нас там, словно дома. А?

Мне такая мысль понравилась. Потому что хотелось, чтобы все случилось скорее. Без долгой возни и затяжных прощаний!

— Я сегодня же созвонюсь с дядей Костей, — пообещала мама.

Из маминой конторы я поехала на трамвае к Томчику.

Сон про Томчика сидел во мне колючим клубком. Тревожный такой, будто и не сон вовсе. Не надо, чтобы Томчик стрелял! Никогда! Ни во сне, ни наяву! Ни в кого, даже в самых отпетых негодяев... Иначе — я это предчувствовала — с Томчиком случится беда. И не только с ним...

Конечно, я говорила себе, что это бред и результат разболтанного воображения. Но беспокойство о Томчике не проходило, и я чувствовала, что уменьшится оно лишь тогда, когда мы увидимся.

Но и на этот раз у Томчика никого не было дома. Что с ним? Увезли куда-то? И так срочно, что не дали времени забежать ко мне и попрощаться?..

Единственное хорошее, что случилось в этот день, — письмо от Лоськи. Оно было адресовано всем, а пришло на адрес Ступовых.

Я зашла к Евгению Ивановичу под вечер, он сразу помахал письмом. Лоська крупно, коряво, но без ошибок писал, что отец еще в больнице, но через неделю обещают выписать. И тогда они, скорее всего, втроем вернутся домой. Потому что «дело решается хорошо».

Я подумала, что с Лоськой мы можем не увидиться. Как и с Люкой, кстати... А может, это и к лучшему? Лишние прощания — лишние слезы... Я покусала губу и рассказала Евгению Ивановичу про близкий отъезд. Он завздыхал:

— Да... жаль. Вот оно как... Ну а с другой стороны, конечно. Питер есть Питер, мечта многих... Хотя вначале поскучаешь без друзей-то, а?

Мне захотелось тихонько заскулить. И я бодро сказала:

— Что поделаешь, судьба. Или, выражаясь по-философски, карма...

— Оно так. Всю жизнь на одном месте не проживешь... Зайдешь попрощаться-то?

— Конечно!

...Мама, когда пришла с работы, сказала, что звонила дяде Косте и он одобрил план моего скорого приезда.

— Скажи, ты решила твердо?

— Да!

«Да! Да!! Да!!! Сколько можно спрашивать?»

— Тогда я завтра попытаюсь заказать билет! С этим сейчас не просто... Скажи честно, ты не боишься лететь?

Я летала самолетом только один раз, на юг, в дошкольные времена, и плохо это запомнила. Спала почти всю дорогу. Теперь я прислушалась к себе и поняла, что не боюсь, хотя сообщениями о бьющихся самолетах были полны теле-новости. Пронесет!.. Ну а если не пронесет, то... Интересно, что сама опасность разбиться меня не пугала вовсе. Если я и опасалась, то лишь чувства падения, пока не грохнулись о землю...

Странно, что и мама не боялась за меня. Или, может быть, боялась, но не так сильно, как «отпускать девочку одну в поезде, неизвестно с кем...».

Ночью мне, конечно же, приснилось, что я в самолете и у него отвалились крылья. И он развалился пополам. Но это во-все не страшно!

Я прыгаю в пролом навстречу ветру, упругий воздух подхватывает меня. Дергаю на груди кольцо, и на этот раз оно послушно вытягивает наружу маленький вытяжной парашют. А он выхватывает из ранца и раскрывает надо мной белый купол. И я плыву, плыву...

Наутро я дала себе клятву, что никуда не пойду и посвящу весь день сборам в дорогу.

Я нарушила клятву только один раз: сбежала на ближнюю почту и постаралась дозвониться в Яхтинск по автомату. Но механический голос мне сообщил, что линия перегружена. Ладно! В конце концов, куда он, Пашка Капитанов, денется? Можно будет позвонить из Питера. Если не сразу, то когда он вернется из экспедиции...

До вечера я возилась с вещами: разбирала, рассматривала, откладывала. Ужас, сколько барахла накапливается у человека, когда он всю жизнь живет в одном городе! А ведь взять-то надо было один небольшой чемодан...

Мама вечером сказала, что с заказом билета особых проблем нет, но надо найти знакомого попутчика, который согласился бы взять с собой «ребенка». Оказалось, что беспаспортных детей (даже таких длинных) одних в самолет не пускают.

— К счастью, у нас в конторе есть менеджер Василий Григорьевич, который на той неделе как раз собирается в Петербург. Да ты его знаешь, с бородкой и в очках...

Я не помнила Василия Григорьевича с бородкой, но какая разница!

Весь день у меня в памяти звучала мелодия «Прощайте, Скалистые горы». Она помогала сохранять не очень-то веселое, но спокойное состояние духа. А еще помогала заглушить тревогу о Томчике, которая нет-нет да и давала себя знать.

«Завтра утром схожу к нему снова», — решила я.

Утром Томчик появился сам — около десяти часов, когда я уже собралась из дома.

— Ну, наконец-то... бродяга. Где ты был эти дни?

Спокойным голосом и почему-то глядя в сторону, Томчик сообщил, что они с отцом на три дня ездили к какому-то дяде Сереже в Калининцево.

— А вчера я заходил, тебя не было. Соседка выглянула, сказала, что ты ушла.

— Я уходила всего на полчаса, на почту.

— Значит, так совпало... А потом я пошел к Нику, и мы до вечера были на озере, на пляже...

— Я с Ником поссорилась, — бухнула я сразу, чтобы не томиться.

— Знаю... — Томчик скинул кроссовки, забрался с ногами на диван-кровать, сел, обхватив колени. И смотрел то ли с укором, то ли просто с печалью.

Я заметила, что правый карман у него опять надорван, а рядом с давно засохшей царапиной еще одна — припухшая, с мазком йода. «Будто и правда стрелял в том сне!»

— Что, опять грохал из своего нагана, да?

— Нет. С чего ты взяла?

— Потому что у тебя вновь порвано и расцарапано. Я вижу, вон...

— Просто зацепился за сучок...

— Давай зашью карман.

— Не надо, тут же не сильно порвано. Вечером сам зашью...

Тогда я сказала в упор:

— Ты на меня сердисься из-за Ника, да?

Он сел прямо, вцепился в коленки побелевшими пальцами, глянул распахнутыми глазами.

— Женя, я ни капельки не сержусь. Я только очень-очень хочу... чтобы вы крепко помирились.

— Господи, а я разве не хочу?

Томчик сбросил с кровати ноги, откинулся, уперся сзади ладонями. Глянул снизу вверх, я стояла перед ним, длинная и глупая.

— Так иди и помирись!.. Хочешь, пойдём вместе?

— Я... хочу.

— Идем прямо сейчас!

— Ладно... Подожди. Надо собраться с духом...

— Зачем...

Я почувствовала себя виноватой дошкольницей.

— Ну, Томчик... стыдно же. Сперва наорала на человека ни за что, а теперь...

Он смотрел очень серьезно. Даже брови свел, но не от строгости, а от внимательности.

— По-моему, если человек первый просит прощения, это не стыдно. Даже если виноват... Папа недавно мне тоже сказал: «Ты меня прости...»

— За что?!

— За то... что случилось прошлым летом. Я рассказывал. Про ружье...

— Томчик... это он, когда увидел, как ты палишь из нагана?

— Ничего он не видел. Все было по-другому...

— А как?

— Вчера... Мы переночевали в палатке, на берегу. Потом свернули ее и пошли на станцию. Я сунул руку в карман, я часто проверяю, на месте ли она... — Томчик извернулся, вытащил из левого кармана монетку с «Резольютом». — Вот... А ее не было!.. Я так перепугался! Говорю: «Наверно, выронил у костра. Надо идти, искать...» Папа говорит: «Не выдумывай, на поезд опоздаем». А я сказал, что все равно надо идти. Потому что я без нее не могу... Папа сказал: «Тогда иди один. Найдешь и возвращайся сам, на следующей электричке». Потому что ему надо было на работу... И, наверно, он думал, что я один через лес не пойду...

— И ты пошел?

— Женя, а что было делать?

— И нашел монетку?

— Да, у самого кострища. Лежит и блестит, будто ждет... И тут подошел папа. Вернулся... Взял меня на руки и говорит: «Толька, ты меня прости...» Я сказал: «Да ладно, я бы вернулся сам, не маленький». А он: «Я не за это, я за все... И за то, как в прошлом году, с ружьем...» Вот... На электричку мы опоздали, ну и пусть... Теперь мы никогда не будем ссориться... Я папе рассказал, что в фильме стрелял не по правде, а он только посмеялся. Мы оба смеялись...

Я понимала, как радостно сделалось Томчику там с отцом. И какой счастливый он вернулся. А здесь — эта глупая история со мной и Стаканчиком.

— Томчик, ладно! Идем!

Он заулыбался... и вдруг перестал. Звонко хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ой! У меня, наверно, бабушкин склероз! Я забыл, что Ника не будет дома до трех часов! Он говорил вчера, что пойдет со своей мамой по каким-то делам!

— Не беда. Пойдем после трех.

— А ты не передумаешь?

— Клянусь!

Томчик заулыбался опять.

— Значит, можно не торопиться, да?

— Можно...

— Тогда я посмотрю корабли. — Томчик дурашливо свалился на бок, дотянулся до тяжелой книги «Самые знаменитые парусные суда», которую я недавно выложила на край дивана. Потянул к себе...

Я прислонилась к стеллажу и смотрела, как он, сопя от усилий, разворачивает громадный том. «Том — Томчик... Нет, речь не о том...»

«Прощайте, Скалистые горы...» — снова завелось в памяти.

Не следовало сейчас говорить об *этом* Томчику. Ему было так хорошо... Но я не могла удержать печаль в себе.

— Томчик, давай я подарю тебе эту книгу.

Он вскинул глаза — удивленные, недоверчивые... обрадованные. И... встревоженные!

— Женя, зачем?

— Так, на память.

— На... какую память?

— Потому что... видишь ли, я скоро уеду.

— Куда? — Томчик оставил книгу, быстро сел опять, упираясь сзади ладонями.

— В Петербург...

— Надолго? — шепотом спросил он, уже чувствуя ответ.

— Насовсем.

Томчик шевельнул губами:

— Зачем?

— Так получилось. Переезжаем...

Томчик заплакал. Сразу, бесшумно, крупными слезами. Не опуская лица, не отводя глаз.

— Ты что? — Я села перед ним на корточки. — Перестань... Господи, не маленький ведь уже... Томчик...

Он и правда был уже не маленький, не тот, что при первом знакомстве. Пожалуй, такой, как Лоська в прошлом году. А плакал, как малыш, безутешно и открыто.

— Перестань... а то я тоже...

Он перестал. Мотнул головой — полетели брызги, взметнулись и опали волосы. Он скинул лямки, вздернул красно-белую полосатую майку, вытер ее подолом щеки. Сказал, глядя непонятно куда:

— Почему так получается? Сначала все хорошо, и вдруг сразу все плохо...

— Томчик... ну, не так уж плохо. Не все. Бывает же, что переезжают люди...

Он глянул сквозь сырые ресницы:

— А зачем... ты...

— Знаешь что? Пойдем погуляем. Я все по дороге объясню.

— Пойдем... А куда?

— В одно место... не очень веселое, но хорошее. Подходящее...

3

Мы пошли на пустырь к сухому дереву, где до той поры я бывала только с Лоськой. Я взяла с собой маленький стеклянный глобус, чтобы подновить на скамейке надпись.

Томчик не спрашивал, куда мы идем, просто слушал про «обстоятельства», которые нас привели к мыслям об отъезде. Я ему многое рассказала.

Про историю с дискетой и папиными рассказами Томчик и так знал, но про Будимова — ничего. А тут я ему и про это выложила. И даже свой недавний сон. Правда, это не сразу, а уже там, у дерева. После того как рассказала про Умку, поправила траву на холмике и огненной точкой пропущенных через глобус лучей прошлась заново по выжженным буквам Умкиного имени.

Мы сели рядышком на скамейке, и вот тогда-то я поведала Томчику, как видела его во сне.

— И после этого почему-то было страшно за тебя...

Томчик слушал и серьезно кивал (и после каждого кивка волосы взлетали и долго шевелились в воздухе). Он держал на ладони монетку с марсельской шхуной «Резольют», разглядывал ее сквозь глобус. Потом так же сосредоточенно вывернул ногу и посмотрел на припухшую царапину — словно хотел вы-

яснить: имеет ли она отношение к рассказанному сну? Видимо, решил, что не имеет.

— Знаешь, Женя, а я недавно видел другой сон, хороший. Будто мы с Чарли пробираемся сквозь лесные заросли и выходим на поляну с большущими, во-от такими мухоморами. Они красные, как на сказочной картинке, и сразу видно, что не опасные. Не мухоморы даже, а волшебные грибы. И под одним таким грибом стоит домик, похожий на скворечник. Чарли сунул к нему нос, и оттуда, из дверцы выбрался гномик. Ростом со спичку. Прыгнул мне на ладошку! Чарли замахал хвостом, хотел его лизнуть...

— А дальше?

— А дальше я проснулся...

Мы посидели, помолчали. И еще помолчали... И мне вдруг показалось, что молчание становится неловким. Сидим и не знаем, что сказать друг другу.

Что говорить, если все равно скоро расстанемся...

«Прощайте, Скалистые горы...»

— Томчик, знаешь что? Ты, пожалуй, иди пока. У тебя ведь, наверно, есть разные дела... А к трем часам приходи ко мне, пойдем к Ста... к Нику. И прихвати пакет или сумку для книги...

— А ты?

— А я посижу еще здесь. Не хочется никуда...

Томчик не обиделся и не спорил. Монетку убрал в карман. Глобус протянул мне. Встал передо мной — тоненький, прямой, большеглазый. Сосредоточенный (или уже отчужденный?).

— До свиданья, Женя. — Он сказал это так, будто прощается надолго. Сам не знает, на сколько.

— До свиданья, Томчик.

Он ушел по тропинке среди высокого иван-чая. Не оглядываясь. А я сидела с этой завязшей в душе песней о Скалистых горах.

Долго так сидела.

И еще сидела...

И еще... В густом тепле и тишине летнего дня. Даже бабочки не летали.

Думала обо всем и будто бы ни о чем. Пока не услышала шелестящие шаги.

Закачались розовые свечи иван-чая, и опять появился Томчик.

Он был не один.

Было словно два Томчика. Только тот, что двигался позади — повыше, постарше, и комбинезон с длинными, подвернутыми у щиколоток штанинами. Но волосы — такие же светлые и летучие. И лицо... если и не похожее на Томчика в портретном смысле, то выражением похожее очень.

Я понятия не имела, что у Томчика есть брат!

Оказалось — не брат.

— Вот она, — сказал Томчик спутнику. А мне спокойно и коротко объяснил: — Я пошел не домой, а к тебе. Сел на лестнице и стал ждать, когда ты придешь. А пришел вот он. И спросил: «Ты не знаешь Женю Мезенцеву?» Я сказал: «Знаю, идем»...

— Здравствуй, — сказал «не брат». — Я Игорь Карцев.

Видимо, я глупо замигала, не поняла сразу. Игоря Карцева я представляла совсем другим: рыжеватым и круглощеким.

— Я с той квартиры, где ты жила раньше, — пришел он мне на помощь.

— Ох... да! Хорошо! Здравствуй... Что-то случилось? Ты меня искал?

— Искал... Я по порядку, ладно?

— Ладно... — Я опять что-то почувствовала. Что?

— Я принес монетку. У нас ремонт, вскрыли полы, и я ее сразу увидел... Вот, — Игорь протянул на ладони золотистый, непотускневший фунт стерлингов с острова Джерси.

— Ой... спасибо! — Я сразу поняла, что это хорошая примета. Будет у меня корабельная монетка вдали от этих мест. Память о прежнем и талисман.

— Спасибо, — сказала я снова. И глянула на кораблик сквозь глобус. Чтобы увидеть фрегат во всей красе, поздороваться после длинной, почти в год, разлуки. И... как всегда в такие минуты: у сердца три редких толчка, а потом барабанная дробь.

— Игорь... это не та! Там был фрегат «Перси Дуглас»! А это...

Это была бригантина «Сэнчери».

— Игорь, где ты ее взял?!

— М-м... — Он досадливо мотнул головой (и волосы разлетелись, как у Томчика). — Значит, перепутали. В последний момент...

— Кто?.. С кем?..

Игорь Карцев сказал:

— С Пашкой...

Видимо, я сделалась какая-то «не такая». Помню, что хлопнула губами, а выговорить ничего не смогла. И Томчик милостиво пришел мне на помощь:

— Пашка прилетел еще вчера. Утром. Ты же сказала ему, что тебе совсем плохо. Он потом звонил, звонил, а телефон молчит. Он заставил отца купить билет, через его начальство, потому что трудно с билетами. И вот...

— Почему же он сразу ко мне-то не пришел!! — взвывала я.

— Он приходил, — сухо сообщил Игорь. — Но ты же сама велела передать соседке, что не желаешь его видеть.

— Я?! Его?!

— Да. Очкастого и лохматого. Тебя не оказалось дома, а она так сказала...

— Я же не про него!! Я же про Ста... про другого, про Ника! И то нечаянно!..

— Он ведь не знал. Решил, что про него. И ничего не мог понять. Потом мы звонили от меня, а телефон молчит...

«Он был у меня в те проклятые полчаса, когда я ходила на почту! — прыгнули у меня мысли. — И когда приходил Томчик... Они могли даже встретиться... Не встретились... Почему я такая невезучая?»

Да разве невезучая?! Да тыщу раз наоборот!

— Где он?!

— У меня... Видишь ли, Женя, он не решился пойти к тебе снова. Вообще-то он храбрый, но тут... я его понимаю. Он попросил меня... Чтобы я узнал, в чем дело...

— Храбрый балда! — выдала я со счастливым стоном. — Бежим! — И рванула с пустыря к улице через заросли, напрямик. Воздух ровно свистел навстречу. Игорь и Томчик часто дышали позади. Наконец мы выскочили в переулок, а оттуда к трамвайной остановке.

Трамваев, разумеется, не было ни вблизи, ни в перспективе. Пришло время отдышаться. И я наконец запоздало удивилась:

— Игорь, а как вы познакомились? Где?

— Случайно, — разъяснил этот замечательный Игорь Карцев. — Он пошел от тебя на квартиру своей бабки. А дорога вела через улицу Машинистов, мимо нашего дома. Вернее,

почти мимо. Пашка потом объяснил, что нарочно свернул: посмотреть, вспомнить... И тут же недалеко шел я, с сумкой, из булочной. А навстречу — двое, незнакомые. Ростом с меня, но широкие и крутые. Говорят: «У тебя, наверно, сдача осталась после магазина?» Я говорю: «Не для вас ведь...» И приготовился к бесславной гибели. Они ко мне, лапы растопырили... И вдруг один отлетает, красиво катится по асфальту, держится за копчик. Второй тоже летит и хватается за нос. А передо мной стоит еще один незнакомый, в очках. И говорит: «Ох, мне показалось, что ты — Томчик...»

— Со мной спутал, — сумрачно уточнил Томчик.

— Да, но тогда я не знал... Двое побежали, вихляясь так, не торопясь. Я говорю: «Значит, ты нечаянно за меня затупился? Зря?...» Он говорит: «Почему зря?» И еще говорит: «Давай я с тобой вместе пройду, на случай, если им снова захочется сдачи...» Мы пошли, он вдруг удивился: «В этом подъезде моя знакомая жила, Женя Мезенцева...» Ну, разговорились, я его к себе привел. Бабушка как узнала, кто он и откуда, сразу: «Я тебя никуда не отпущу...» Давай кормить-поить...

Я вспомнила бабушку Людмилу Георгиевну, вернее, телефонный разговор с ней. И поняла, что иначе эта бабушка поступить не могла...

Трамвая все не было.

— Игорь... Он надолго приехал?

Игорь Карцев глянул удивленно. Словно я ляпнула что-то не то.

— Насколько я понял, насовсем.

— Как — насовсем?! — Я запнулась на ровном месте.

— Ну, так... — Игорь вдруг засмутился похоже на Томчика, когда тот готовил какое-нибудь откровенное признание. — Видишь ли, он сказал: «Всяких бестолковых мучач нельзя оставлять без присмотра...» Я, правда, не понял, о чем это...

Все он, конечно, понял! И видел, что я это знаю. И виновато сморщил нос — опять же похоже на Томчика. И сказал:

— Мы с ним долго говорили. Весь вечер и полночи... Иногда ведь бывает так: только-только познакомился с человеком, а кажется, что давным-давно.

Я знала, что так бывает. Помнила свое знакомство с Пашкой! Но эта мысль была мимолетной, потому что прыгал в голове отчаянный, радостно-недоверчивый вопрос:

— А с кем он жить-то будет? Вернутся родители?
 — Он сказал, что с бабкой... Говорит: «Она, конечно, не сахар, но я-то с ней ладить умею»... Правда, пока она оказалась в деревне. Вернется на той неделе...

«Этого не может быть!.. Или... все-таки может?»

— Разве его бабушка здесь?! Не уехала с ними?!

— Нет. Не тот характер...

— А я ничего не знала! Бестолочь, не мог даже сказать!..

Кажется, я слишком шумно говорила, на нас оглядывались. Томчик Игоря и меня аккуратно потянул за рукава — в сторону от остановки. И там скучным голосом сказал:

— Ты даже глобус забыла на скамейке... На.

— Ой, правда... Спасибо, Томчик.

Он не ответил. Смотрел мимо меня и отдувал пролетающий у лица тополиный пух. Ветер, который гнал его, был довольно сильный, но теплый и ровный.

«Брамсельный ветер...»

Волосы двух похожих мальчишек струились по ветру, как светлые водоросли в быстром потоке.

— Ты и монетку забыла, — сказал Игорь. — Вот, возьми. Потом обменяешься с Пашкой на «Перси Дугласа»... — Он снова держал «Сэнчери» на ладони.

Я аккуратно согнула его пальцы.

— Оставь. Сам обменяешься. Или сами решите, какая кому...

Он все понял.

— Правда? Спасибо...

Томчик смотрел странно: вроде бы и одобрял, но с печалью. Что за грусть, чем он недоволен? Ведь сразу видно, что за человек Игорь Карцев! Ведь и похож даже. Как брат!..

— Вон идет трамвай... — прежним невеселым тоном сообщил Томчик.

Чтобы встряхнуть его, я бодро сказала:

— Жаль, что нет с тобой револьвера. А то дал бы сейчас радостный салют.

Он впечатал в меня полный горького упрека взгляд:

— Какая радость? Ты же все равно уедешь!

— Кто? Я?!

«Мамочка, ты ведь простишь меня, да? Я отвратительная взбаломшная девчонка! Я не умею отвечать за свои обещания. Эгоистка! Я.... да знаю, знаю, кто я такая!.. Но...»

Но что делать, если недавно расколота на куски жизнь вдруг склеивается, как разбитая ваза в фильме, который пустили наоборот! Слово под взмахами волшебного крыла! И нет в этой склейке ни единой щелочки для прекрасного, чудесного, удивительного, но ненужного сейчас города Санкт-Петербурга! А есть солнце, весело орущие воробьи и полный тополинного пуха ветер...

5 сентября 2000 г. — 4 февраля 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА 5
СЕМЬ ФУНТОВ БРАМСЕЛЬНОГО ВЕТРА 319

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Саватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 15.08.2006.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 33,6.

Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 3096.

Отпечатано с готовых диалозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8